

СОЧИН

ДОСТОП

1

A. Kohn

1874. N. Nach.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе.



Изданіе и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества, Коммиссіонера Придворной Пѣвческой Капеллы и Дирекціи Императорскихъ театровъ и владѣтеля извѣстнаго торговаго дома И. Пеца, существующаго съ 1785 года

Въ Большой Морской, въ домъ Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.



САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1865.

Дозволено Ценсурою. С. Петербургъ, 24-го Іюля 1865 года.

ТОМЪ I.

ХОЗЯЙКА.
ПОВѢСТЬ.

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Ордынцовъ рѣшился наконецъ перемѣнить квартиру. Хозяйка его, очень-бѣдная пожилая вдова и чиновница, у которой онъ нанималъ помѣщеніе, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ уѣхала изъ Петербурга куда-то въ глушь, къ родственникамъ, не дождавшись перваго числа—срока найма своего. Молодой человѣкъ, доживая срочное время, съ сожалѣніемъ думалъ о старомъ углѣ и досадовалъ на то, что приходилось оставить его: онъ былъ бѣденъ, а квартира была дорога. На другой же день послѣ отѣзда хозяйки, онъ взялъ фуражку и пошелъ бродить по петербургскимъ переулкамъ, высматривая всѣ ярлычки, прибитые къ воротамъ домовъ, и выбирая домъ почернѣе, полуднѣе и капитальнѣе, въ которомъ всего удобнѣе было найти требуемый уголокъ у какихъ-нибудь бѣдныхъ жильцовъ.

Онъ уже долго искалъ, весьма-прилежно, но скоро новыя, почти-незнакомыя ощущенія постигли его. Сначала, разсѣяннo и небрежно, потомъ со вниманіемъ, наконецъ съ сильнымъ любопытствомъ сталъ онъ смотрѣть кругомъ себя. Толпа и уличная жизнь, шумъ, движеніе, новость предметовъ, новость положенія—вся эта мелочная жизнь и обыденная дребедень, такъ давно наскучившая дѣловому и занятому петербургскому человѣку, бесплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивавшему средствъ умириться, стихнуть и успокоиться гдѣ-нибудь въ тепломъ гнѣздѣ, добытомъ трудомъ, потомъ и разными другими средствами,—вся эта пошлая проза и скука возбудила въ немъ, напротивъ, какое-то тихо-радостное, свѣтлое ощущеніе. Блѣдныя щеки его стали покрываться легкимъ румянцемъ, глаза заблестѣли какъ-будто новой надеждой, и онъ съ жадностью, широко сталъ вдыхать въ себя холодный, свѣжій воздухъ. Ему сдѣлалось необыкновенно легко.

Онъ всегда велъ жизнь тихую, совершенно уединенную. Года три назадъ, получивъ свою ученую степень и ставъ по возможности свободнымъ, онъ

пошелъ къ одному старичку, котораго доселѣ зналъ по наслышкѣ, и долго ждалъ. Покамѣстъ ливрейный камердинеръ согласился доложить о немъ въ другой разъ. Потомъ онъ вошелъ въ высокую, темную и пустынную залу, крайне-скучную, какъ еще бываетъ въ старинныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени фамиліныхъ, барскихъ домахъ, и увидѣлъ въ ней старичка, увѣшеннаго орденами и украшеннаго сѣдиной, друга и сослуживца его отца и опекуна своего. Старичокъ вручилъ ему щепоточку денегъ. Сумма оказалась очень-ничтожною; это былъ остатокъ проданнаго съ молотка за долги прадѣдовскаго наслѣдія. Ордынцовъ равнодушно вступилъ во владѣніе, навсегда откланялся опекуну своему и вышелъ на улицу. Вечеръ былъ осенній, холодный и мрачный; молодой человѣкъ былъ задумчивъ, и какая-то безсознательная грусть надрывала его сердце. Въ глазахъ его былъ огонь; онъ чувствовалъ лихорадку, ознобъ и жаръ попеременно. Онъ разсчиталъ дорогою, что можетъ прожить своими средствами года два, три, даже съ голодомъ пополамъ и четыре. Смерклось, накрапывалъ дождь. Онъ сторговалъ первый встрѣчный уголокъ и черезъ часъ переѣхалъ. Тамъ онъ какъ-будто заперся въ монастырь, какъ-будто отрѣшился отъ свѣта. Черезъ два года, онъ одичалъ совершенно.

Онъ одичалъ, не замѣчая того; ему покамѣстъ и въ голову не приходило, что есть другая жизнь—шумная, гремящая, вѣчно-волнующаяся, вѣчно-мѣняющаяся, вѣчно-зовущая и всегда, рано ли, поздно ли, неизбежная. Онъ, правда, не могъ не слышать о ней, но не зналъ и не искалъ ея никогда. Съ самаго дѣтства, онъ жилъ исключительно; теперь эта исключительность опредѣлилась. Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытимая, истощающая всю жизнь человѣка и невыдѣляющая такимъ существамъ, какъ Ордынцовъ, ни одного угла въ сферѣ другой, практической, житейской дѣятельности. Эта страсть была—наука. Она сдѣлала покамѣстъ его молодость, медленнымъ, убойнымъ ядомъ отравляла ночной покой, отрав-

мала у него здоровую пищу и свѣжій воздухъ, котораго никогда не бывало въ его душномъ углу, и Ордыновъ въ упоеніи страсти своей не хотѣлъ замѣчать того. Онъ былъ молодъ и покамѣстъ не требовалъ большаго. Страсть сдѣлала его младенцемъ для виѣшней жизни и уже навсегда неспособнымъ заставить посторониться иныхъ добрыхъ людей, когда прійдетъ къ тому надобность, чтобъ отмежевать себя между нихъ хоть какой-нибудь уголь. Наука иныхъ ловкихъ людей — капиталъ въ рукахъ; страсть Ордынова была обращеннымъ на него же оружіемъ.

Въ немъ было болѣе безсознательнаго влеченія, нежели логически-отчетливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой медленной дѣятельности, доселѣ его занимавшей. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ прослылъ чудакомъ и былъ не похожъ на товарищей. Родителей онъ не зналъ; отъ товарищей за свой странный, нелюдимый характеръ терпѣлъ онъ безчеловѣчность и грубость, отъ чего сдѣлался дѣйствительно нелюдимъ и угрюмъ и мало-по-малу ударился въ исключительность. Но въ уединенныхъ занятіяхъ его никогда, даже и теперь, не было порядка и опредѣленной системы; теперь былъ одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника. Онъ самъ создавалъ себя систему; она выживалась въ немъ годами, и въ душѣ его уже мало-по-малу возставалъ еще темный, неясный, но какъ-то дивно-отраднѣй образъ идеи, воплощенной въ новую просвѣтленную форму, и эта форма просилась изъ души его, терзая эту душу; онъ еще робко чувствовалъ оригинальность, истину и самобытность ея: творчество уже сказывалось силамъ его; оно формировалось и крѣпло. Но срокъ воплощенія и созданія былъ еще далекъ, можетъ-быть, очень далекъ, можетъ быть, совсѣмъ невозможенъ!

Теперь онъ ходилъ по улицамъ, какъ отчужденный, какъ отшельникъ, внезапно вышедшій изъ своей нѣмой пустыни въ шумный и гремящій городъ. Все ему казалось ново и странно. Но онъ до того былъ чуждъ тому міру, который кипѣлъ и грохоталъ кругомъ него, что даже не подумалъ удивиться своему странному ощущенію. Онъ какъ-будто не замѣчалъ своего дикарства; напротивъ, въ немъ родилось какое-то радостное чувство, какое-то охмелѣніе, какъ у голоднаго, которому послѣ долгаго поста дали пить и ѣсть; хотя, конечно, странно было, что такая мелочная новость положенія, какъ перемѣна квартиры, могла отуманить и взволновать петербургскаго жителя, хотя бъ и Ордынова; но правда и то, что ему до-сихъ-поръ почти ни разу не случилось выходить *по дѣламъ*.

Все болѣе и болѣе ему нравилось бродить по улицамъ. Онъ глазѣлъ на все какъ *фланеръ*.

Но и теперь, вѣрный своей всегдашней настроенности, онъ читалъ въ ярко-раскрывавшейся передъ нимъ картинѣ, какъ въ книгѣ между строкъ. Все поражаало его; онъ не терялъ ни одного впе-

чатлѣнія и мыслящимъ взглядомъ смотрѣлъ на лица ходящихъ людей, всматривался въ фizioномію всего окружающаго, любовно вслушивался въ рѣчь народную, какъ-будто повѣряя на всемъ свои заключенія, родившіяся въ тиши уединенныхъ, ночей. Часто какая-нибудь мелочь поражала его, рождала идею, и ему впервые стало досадно за то, что онъ такъ за-живо погребъ себя въ своей величѣ. Здѣсь все шло скорѣе; пульсъ его былъ ~~полонъ~~ и ~~быстръ~~, умъ, подавленный одиночествомъ, изощряемый и возвышаемый лишь напряженною, экзальтированной дѣятельностью, работалъ теперь ~~свѣро~~, покойно и смѣло. Къ тому же, ему какъ-то безсознательно хотѣлось втѣснить какъ-нибудь и себя въ эту для него чуждую жизнь, которую онъ доселѣ зналъ, или, лучше сказать, только вѣрно предчувствовалъ инстинктомъ художника. Сердце его невольно забилося тоскою любви и сочувствія. Онъ внимательнѣе вглядывался въ людей, мимо него проходившихъ; но люди были чужіе, озабоченные и задумчивые... И мало-по-малу безпечность Ордынова стала невольно упадать; дѣйствительность уже подавляла его, вселяла въ него какой-то невольный страхъ уваженія. Онъ сталъ уставать отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, доселѣ ему невѣдомыхъ, какъ больной, который радостно всталъ въ первый разъ съ болѣзненнаго одра своего и упалъ, изнеможенный свѣтомъ, блескомъ, вихремъ жизни, шумомъ и пестротою пролетающей мимо него толпы, отуманенный, закруженный движеніемъ. Ему стало тоскливо и грустно. Онъ началъ бояться за всю свою жизнь, за всю свою дѣятельность и даже за будущность. Новая мысль убивала покой его. Ему вдругъ пришло въ голову, что всю жизнь свою онъ былъ одинокъ, что никто не любилъ его, да и ему никого не удавалось любить. Иные изъ прохожихъ, съ которыми онъ случайно вступалъ въ разговоры въ началѣ прогулки, смотрѣли на него грубо и странно. Онъ видѣлъ, что его принимали за съумасшедшаго или за оригинальнѣйшаго чудака, что, впрочемъ, было совсѣмъ справедливо. Онъ вспомнилъ, что и всегда, всѣмъ было какъ-то тяжело въ его присутствіи, что еще и въ дѣтствѣ всѣ бѣжали его за его задумчивый, упорный характеръ, что тяжело, подавленно и непримѣтно другимъ проявлялось его сочувствіе, которое было въ немъ, но въ которомъ какъ-то никогда не было примѣтно нравственнаго равенства, что мучило его, еще ребенкомъ, когда онъ никакъ не походилъ на другихъ дѣтей, своихъ сверстниковъ. Теперь онъ вспомнилъ и сообразилъ, что и всегда, во всякое время, всѣ оставляли и обходили его.

Непримѣтно зашелъ онъ въ одинъ отдаленный отъ центра города конецъ Петербурга. Кое-какъ пообѣдавъ въ уединенномъ трактирѣ, онъ вышелъ опять бродить. Опять прошелъ онъ много улицъ и площадей. За ними потянулись длинные желтые и сѣрые заборы, стали встрѣяться совѣмъ ветхія избенки, вмѣсто богатыхъ домовъ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ колоссальныя зданія подъ фабриками, уродливыя, почернѣвшія, красныя, съ длинными трубами. Всюду было безлюдно и пусто; все смотрѣло какъ-то угрюмо и непріязненно: по-крайней-мѣрѣ, такъ казалось Ордынову. Былъ уже вечеръ. Однимъ длиннымъ переулкомъ онъ вышелъ на площадку, гдѣ стояла приходская церковь.

Онъ вошелъ въ нее разсѣянно. Служба только-что кончилась; церковь была почти совсѣмъ пуста, и только двѣ старухи стояли еще на колѣняхъ у входа. Служитель, сѣдой старичокъ, тушилъ свѣчи. Лучи заходящаго солнца широкою струею лились сверху сквозь узкое окно купола и освѣщали моремъ блеска одинъ изъ придѣловъ; но они слабѣли все болѣе и болѣе, и чѣмъ чернѣе становилась мгла, густѣвшая подъ сводами храма, тѣмъ ярче блистали мѣстами раззолоченныя иконы, озаренныя трепетнымъ заревомъ лампадъ и свѣчей. Въ припадкѣ глубоко-волнующей тоски и какого-то подавленнаго чувства, Ордыновъ прислонился къ стѣнѣ, въ самомъ темномъ углу церкви, и забылся на мгновение. Онъ очнулся, когда мѣрный, глухой звукъ двухъ вошедшихъ прихожанъ раздался подъ сводами храма. Онъ поднялъ глаза, и какое-то невыразимое любопытство овладѣло имъ при взглядѣ на двухъ пришельцевъ. Это были старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ высокаго роста, еще прямой и бодрый, но худой и болѣзненно-блѣдный. Съ вида, его можно было принять за заѣзжаго откуда-нибудь издалека купца. На немъ былъ длинный, черный, очевидно праздничный кафтанъ на мѣху, надѣтый на-распашку. Изъ-подъ кафтана видѣлась какая-то другая длиннополая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана яркимъ краснымъ платкомъ; въ рукахъ мѣховая шапка. Длинная, тонкая, полусѣдая борода падала ему на грудь и изъ-подъ нависшихъ, хмурыхъ бровей сверкала взглядъ огневой, лихорадочно-воспаленный, надменный и долгій. Женщина была лѣтъ двадцати и чудно-прекрасна. На ней была богатая, голубая, подбитая мѣхомъ шубейка, а голова покрыта бѣлымъ атласнымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка. Она шла потупивъ глаза, и какая-то задумчивая важность, разлитая во всей фигурѣ ея, рѣзко и печально отражалась на сладостномъ контурѣ дѣтски-нѣжныхъ и кроткихъ линий лица ея. Что-то странное было въ этой неожиданной парѣ.

Старикъ остановился посреди церкви и поклонился на всѣ четыре стороны, хотя церковь была совершенно пуста; то же сдѣлала и его спутница. Потомъ онъ взялъ ее за руку и повелъ къ большому мѣстному образу Богородицы, во имя которой была построена церковь, сіявшему у алтаря ослѣпительнымъ блескомъ огней, отражавшихся на горѣвшей золотомъ и драгоценными камнями ризѣ. Церковно-служитель, послѣдній оставшійся въ церкви, поклонился старику съ уваженіемъ; тотъ кивнулъ ему головою. Женщина упала ницъ передъ иконой. Старикъ взялъ конецъ покрыва, висѣв-

шаго у подножія иконы и накрылъ ея голову. Глухое рыданіе раздалось въ церкви.

Ордыновъ былъ пораженъ торжественностью всей этой сцены и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея окончанія. Минуты черезъ двѣ, женщина подняла голову, и опять яркій свѣтъ лампады озарилъ прелестное лицо ея. Ордыновъ вздрогнулъ и ступилъ шагъ впередъ. Она уже подала руку старику, и оба тихо пошли изъ церкви. Слезы кипѣли въ ея темныхъ синихъ глазахъ, опущенныхъ длинными сверкавшими на млечной бѣлизнѣ лица рѣсницами и катились по поблѣднѣвшимъ щекамъ. На губахъ ея мелькала улыбка; но въ лицѣ замѣтны были слѣды какого-то дѣтскаго страха и таинственного ужаса. Она робко прижималась къ старику, и видно было, что она вся дрожала отъ волненія.

Пораженный, бичуемый какимъ-то невѣдомо-слабостнымъ и упорнымъ чувствомъ, Ордыновъ быстро пошелъ вслѣдъ за ними и на церковной паперти перешелъ имъ дорогу. Старикъ поглядѣлъ на него непріязненно и сурово; она тоже взглянула на него, но безъ любопытства и разсѣянно, какъ будто другая отдаленная мысль занимала ее. Ордыновъ пошелъ вслѣдъ за ними, самъ не понимая своего движенія. Уже совершенно смерклось; онъ шелъ поодаль. Старикъ и молодая женщина вошли въ большую, широкую улицу, грязную, полную разнаго промышленнаго народа, мучныхъ лавазовъ и постоянныхъ дворовъ, которая вела прямо къ заставѣ, и повернули изъ нея въ узкій, длинный переулокъ, съ длинными заборами по обѣимъ сторонамъ его, упиравшійся въ огромную, почернѣвшую стѣну четырехъ-этажнаго, капитальнаго дома, сквозными воротами котораго можно было выйти на другую, тоже большую и людную улицу. Они уже подходили къ дому; вдругъ старикъ оборотился и съ нетерпѣніемъ взглянулъ на Ордынова. Молодой человекъ остановился какъ вкопанный; ему самому показалось страннымъ его увлеченіе. Старикъ оглянулся другой разъ, какъ будто желая увѣриться, произвела ли дѣйствіе угроза его, и потомъ оба, онъ и молодая женщина, вошли чрезъ узкія ворота во дворъ дома. Ордыновъ вернулся назадъ.

Онъ былъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа и досадовалъ на самого себя, соображая, что потерялъ день напрасно, напрасно усталъ и въ добавокъ кончилъ глупостью, придавъ смыслъ цѣлаго приключенія пропсшествію болѣе чѣмъ обыкновенному.

Какъ ни досадовалъ онъ на себя по утру за свою одичалость, но въ инстинктѣ его было бѣжать отъ всего, что могло развлечь, поразить и потрясти его во внѣшнемъ, не внутреннемъ, художественномъ мірѣ его. Теперь съ грустью и съ какимъ-то раскаяніемъ подумалъ онъ о своемъ безмятежномъ углѣ; потомъ напала на него тоска и забота о неразрѣшенномъ положеніи его, о предстоявшихъ хлопотахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало досадно, что такая мелочь могла его занимать.

Наконецъ, усталый и не въ состояніи связать двухъ идей, добрелъ онъ уже поздно до квартиры своей и съ изумленіемъ спохватился, что прошелъ было, не замѣчая того, мимо дома, въ которомъ жилъ. Ошеломленный и покачивая головою на свою разсѣянность, онъ приписать ее усталости и, подымаясь на лѣстницу, вошелъ, наконецъ, на чердакъ въ свою комнату. Тамъ онъ зажегъ свѣчу—и черезъ минуту образъ плачущей женщины ярко поразилъ его воображеніе. Такъ пламенно, такъ сильно было впечатлѣніе, такъ любовно воспроизвело его сердце эти кроткія, тихія черты лица, потрясеннаго таинственнымъ умиленіемъ и ужасомъ, облитатаго слезами восторга или младенческаго покаянія, что глаза его помутились и какъ будто огонь пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Но видѣніе продолжалось не долго. Послѣ восторга, настало размышленіе, потомъ досада, потомъ какая-то безсильная злость; не раздвѣваясь, завернулся онъ въ одѣяло и бросился на жесткую постель свою...

Ордыновъ проснулся уже довольно поздно утромъ въ раздраженномъ, робкомъ и подавленномъ состояніи духа, собрался на-скоро, почти насильно стараясь думать о насущныхъ заботахъ своихъ, и отправился въ сторону, противоположную вчерашнему своему путешествію; наконецъ, онъ отыскалъ себѣ квартиру гдѣ-то въ свѣтелкѣ у бѣднаго нѣмца, по прозвищу Шписъ, жившаго съ дочерью Тинхенъ. Шписъ, получивъ задатокъ, тотчасъ же снялъ ярлыкъ, прибитый на воротахъ и приглашавшій наемщиковъ, похваливъ Ордынова за любовь къ наукамъ, и общалъ самъ усердно позаняться съ нимъ. Ордыновъ сказалъ, что переѣдетъ къ вечеру. Оттуда онъ пошелъ было домой, но раздумавъ и поворотилъ въ другую сторону; бодрость воротилась къ нему, и онъ самъ мысленно улынулся своему любопытству. Дорога въ нетерпѣлиіи показала ему чрезвычайно длинную; наконецъ, онъ дошелъ до церкви, въ которой былъ вчера вечеромъ. Служили обѣдню. Онъ выбралъ мѣсто, съ котораго могъ видѣть почти всѣхъ молящихся; но тѣхъ, которыхъ онъ искалъ, не было. Послѣ долгаго ожиданія, онъ вышелъ краснѣя. Упорно подавляя въ себѣ какое-то невольное чувство, упрямо и насильно старался онъ переѣмнить ходъ мыслей своихъ. Раздумывая объ обыденномъ житейскомъ, онъ вспомнилъ, что ему пора обѣдать, и, почувствовавъ, что дѣйствительно голоденъ, зашелъ въ тотъ же самый трактиръ, въ которомъ обѣдалъ вчера. Онъ уже и не помнилъ послѣ, какъ вышелъ оттуда. Долго и безсознательно бродилъ онъ по улицамъ, по люднымъ и безлюднымъ переулкамъ, и наконецъ зашелъ въ глушь, гдѣ уже не было города и гдѣ разстигалось пожелтѣвшее поле; онъ очнулся, когда мертвая тишина поразила его новымъ, давно невѣдомымъ ему впечатлѣніемъ. День былъ сухой и морозный, какой нерѣдко бываетъ въ петербургскомъ октябрѣ. Неподалеку была изба; возлѣ нея два стога сѣна; маленькая круторебрая лошаденка, понурия голову,

съ отвислой губой, стояла безъ упряжи подлѣ двуколесной таратайки, казалось, объ чемъ-то раздумывая. Дворная собака ворча грызла кость вблизи разбитаго колеса, и трехлѣтній ребенокъ въ одной рубашонкѣ, почесывая свою бѣлую, мохнатую голову, съ удивленіемъ глядѣлъ на зашедшаго одинокаго горожанина. За избой тянулись поля и огороды. На краю синихъ небесъ чернѣлись лѣса, а съ противоположной стороны находили мутныя снѣжныя облака, какъ будто гоня передъ собою стаю перелетныхъ птицъ, безъ крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Все было тихо и какъ-то торжественно грустно, полно какого-то замираваго, притаившагося ожиданія... Ордыновъ пошелъ было дальше и дальше; но пустыня только тяготила его. Онъ повернулъ назадъ, въ городъ, изъ котораго вдругъ понесся густой гулъ колоколовъ, сзывавшихъ къ вечернему богослуженію, удвоилъ шаги и черезъ нѣсколько времени опять пошелъ въ храмъ, такъ знакомый ему со вчерашняго дня.

Незнакомка его была уже тамъ.

Она стояла на колѣняхъ у самаго входа между толпой молившихся. Ордыновъ протѣснился сквозь густую массу нищихъ, старухъ въ лохмотьяхъ, больныхъ и калѣкъ, ожидавшихъ у церковныхъ дверей милостыни, и сталъ на колѣни возлѣ незнакомки. Одежда его касалась ея одежды, и онъ слышалъ порывистое дыханіе, вылетавшее изъ ея устъ, шептавшихъ горячую молитву. Черты лица ея по прежнему были потрясены чувствомъ безпредѣльной набожности, и слезы опять катились и сохли на горячихъ щекахъ ея, какъ будто омывая какое нибудь страшное преступленіе. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли они оба, было совершенно темно, и только по-временамъ тусклое пламя лампы, колеблемое вѣтромъ, врывавшимся чрезъ отворенное узкое стекло окна, озаряло трепетнымъ блескомъ лицо ея, котораго каждая черта врѣзалась въ память юноши, мучила зрѣніе его и глухую, нестерпимую болью надрывала его сердце. Но въ этомъ мученіи было свое изступленное упоеніе. Наконецъ, онъ не могъ выдержать; вся грудь его задрожала и изныла въ одно мгновеніе въ невѣдомо сладостномъ стремленіи, и онъ, зарывавъ, склонился воспаленной головою своею на холодный помостъ церкви. Онъ не слышалъ и не чувствовалъ ничего, кромѣ боли въ сердцѣ своемъ, замиравшемъ въ сладостныхъ мукахъ.

Одиночествомъ ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства; приготавлилась ли въ томительномъ, душномъ и безвыходномъ безмолвіи долгихъ, бессонныхъ ночей, среди безсознательныхъ стремленій и нетерпѣливыхъ потрясеній духа, эта порывчатость сердца, готовая, наконецъ, разорваться или найдти изліяніе; и такъ должно было быть ей, какъ внезапно, въ знойный, душный день, вдругъ зачернѣетъ все небо и гроза разольется дождемъ и огнемъ на взалкавшую землю, повиснетъ перлами

дожда на изумрудныхъ вѣтвяхъ, сомнѣть траву, поля, прибѣтъ къ землѣ нѣжныя чашечки цвѣтовъ, чтобъ потомъ, при первыхъ лучахъ солнца, все, опять оживая, устремилось, поднялось на встрѣчу ему и торжественно, до неба послало ему свой роскошный, сладостный ѳнміамъ, веселясь и радуясь обновленной своей жизни... Но Ордыновъ не могъ бы теперь и подумать, что съ нимъ дѣлается: онъ едва сознавалъ себя...

Онъ почти незамѣтилъ, какъ кончилось богослуженіе, и очнулся, продираясь за своей незнакомкой сквозь сплотившуюся у входа толпу. Порой, онъ встрѣчалъ ея удивленный и свѣтлый взглядъ. Останавливаемая поминутно выходившимъ народомъ, она не разъ оборачивалась къ нему; видно было, какъ все сильнѣе и сильнѣе росло ея удивленіе, и вдругъ, она вся вспыхнула, будто заревомъ. Въ эту минуту, вдругъ, изъ толпы явился опять вчерашній старикъ и взялъ ее за руку. Ордыновъ опять встрѣтилъ жолчный и насмѣшливый взглядъ его, и какая-то странная злоба вдругъ стѣснила ему сердце. Наконецъ, онъ потерялъ ихъ въ темнотѣ изъ вида; тогда, въ неестественномъ усилии, онъ рванулся впередъ и вышелъ изъ церкви. Но свѣжій вечерній воздухъ не могъ освѣжить его: дыханіе спиралось и сдавливалось въ его груди, и сердце стало биться медленно и крѣпко, какъ будто хотѣло пробить ему грудь. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно потерялъ своихъ знакомцевъ; ни въ улицѣ, ни въ переулкѣ ихъ уже не было. Но въ головѣ Ордынова уже явилась мысль, сложился одинъ изъ тѣхъ утѣшительныхъ, странныхъ плановъ, которые хотя и всегда сумасбродны, но за то почти всегда успѣваютъ и выполняются въ подобныхъ случаяхъ; на завтра въ восемь часовъ утра онъ подошелъ къ дому со стороны переулка и вошелъ на узенькій, грязный и нечистый задній дворикъ, нѣчто въ родѣ помойной ямы въ домѣ. Дворникъ, что-то дѣлавшій на дворѣ, приостановился, уперся подбородкомъ на ручку своей лопаты, оглядѣлъ Ордынова съ ногъ до головы и спросилъ его, что ему надо.

Дворникъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцатипяти, съ чрезвычайно старообразнымъ лицомъ, сморщенный, маленькій, татаринъ порою.

— Ищу квартиру, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Ордыновъ.

— Которая? спросилъ дворникъ съ усмѣшкою. — Онъ смотрѣлъ на Ордынова такъ, какъ будто зналъ все его дѣло.

— Нужно отъ жильцовъ, отвѣчалъ Ордыновъ.

— На томъ дворѣ нѣтъ, отвѣчалъ загадочно дворникъ.

— А здѣсь?

— И здѣсь нѣтъ. Тутъ дворникъ принялся за лопату.

— А, можетъ быть, и уступятъ, сказалъ Ордыновъ, давая дворнику гривенникъ.

Татаринъ взглянулъ на Ордынова, взялъ гри-

венникъ, потомъ опять взялся за лопату, и послѣ нѣкотораго молчанія объявилъ, что «нѣтъ. нѣту квартира». Но молодой человѣкъ уже не слушалъ его; онъ шелъ по гнилымъ, трясучимъ доскамъ, лежавшимъ въ лужѣ къ единственному входу на этотъ дворъ изъ флигеля дома, черному, нечистому, грязному, казалось, захлебнувшемуся въ лужѣ. Въ нижнемъ этажѣ жилъ бѣдный гробовщикъ. Миновавъ его остроумную мастерскую, Ордыновъ по полуразломанной, скользкой, винтообразной лѣстницѣ поднялся въ верхній этажъ, ощущалъ въ темнотѣ толстую, неуклюжую дверь, покрытую рогожеными лохмотьями, нашелъ замокъ и пріотворилъ ее. Онъ не ошибся. Передъ нимъ стоялъ ему знакомый старикъ и пристально, съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Что тебѣ? спросилъ онъ отрывисто и почти шопотомъ.

— Есть квартира?.. спросилъ Ордыновъ, почти забывъ все, что хотѣлъ сказать. — Онъ увидалъ изъ-за плеча старика свою незнакомку.

Старикъ молча сталъ затворять дверь, вытѣсняя ея Ордынова

— Есть квартира, раздался вдругъ ласковый голосъ молодой женщины.

Старикъ освободилъ дверь.

— Мнѣ нуженъ уголъ, сказалъ Ордыновъ, поспѣшно входя въ комнату и обращаясь къ красавицѣ.

Но онъ остановился въ изумленіи, какъ вкопанный, взглянувъ на будущихъ хозяевъ своихъ; въ глазахъ его произошла нѣмая, поразительная сцена. Старикъ былъ блѣденъ какъ смерть, какъ будто готовый лишиться чувствъ. Онъ смотрѣлъ свинцовымъ, неподвижнымъ, пронзающимъ взглядомъ на женщину. Она тоже поблѣднѣла сначала; но потомъ вся кровь бросилась ей въ лицо, и глаза ее какъ-то странно сверкнули. Она повела Ордынова въ другую каморку.

Вся квартира состояла изъ одной довольно-обширной комнаты, раздѣленной двумя перегородками на три части; изъ сѣней прямо входили въ узенькую, темную прихожую; прямо была дверь за перегородку, очевидно въ спальню хозяевъ. Направо, черезъ прихожую, проходили въ комнату, которая отдавалась въ наймы. Она была узенькая и тѣсная, приплюснутая перегородкою къ двумъ низенькимъ окнамъ. Все было загромождено и заставлено необходимыми во всякомъ житѣ предметами; было бѣдно, тѣсно, но по возможности чисто. Мебель состояла изъ простаго бѣлаго стола, двухъ простыхъ стульевъ и залавка по обѣимъ сторонамъ стѣны. Большой старинный образъ съ позолоченнымъ вѣнчикомъ, стоялъ надъ полкой въ углу и передъ нимъ горѣла лампада. Въ отдаваемой комнатѣ и частью въ прихожей, помѣщалась огромная, неуклюжая русская печь. Ясно было, что троимъ въ такой квартирѣ нельзя было жить.

Они стали уговариваться, но безсвязно и едва понимая другъ друга. Ордыновъ за два шага отъ

нея слышалъ, какъ стучало ея сердце; онъ видѣлъ, что она вся дрожала отъ волненія и какъ будто отъ страха. Наконецъ, кое-какъ сговорились. Молодой человѣкъ объявилъ, что онъ сейчасъ переѣдетъ, и взглянулъ на хозяина. Старикъ стоялъ въ дверяхъ все еще блѣдный; но тихая, даже задумчивая улыбка прокладывалась на губахъ его. Встрѣтивъ взглядъ Ордынова, онъ опять нахмурилъ брови.

— Есть паспортъ? спросилъ онъ вдругъ громкимъ, отрывистымъ голосомъ, отворяя ему дверь въ сѣни.

— Да! отвѣчалъ Ордыновъ, немного озадаченный.

— Кто ты таковъ?

— Василій Ордыновъ, дворянинъ, не служу, по своимъ дѣламъ, отвѣчалъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ старика.

— И я тоже, отвѣчалъ старикъ.—Я Илья Муринъ, мѣщанинъ; довольно съ тебя? Ступай...

Черезъ часъ, Ордыновъ уже былъ на новой квартирѣ, къ удивленію своему и своего нѣмца, который уже начиналъ подозрѣвать, вмѣстѣ съ покорною Тинхенъ, что навернувшійся жилецъ обманулъ его. Ордыновъ же самъ не понималъ, какъ все это сдѣлалось, да и не хотѣлъ понимать...

II.

Сердце его такъ билось, что въ глазахъ зеленѣло и голова шла кругомъ. Машинально занялся онъ размѣщеніемъ своего скуднаго имущества въ новой квартирѣ, развязалъ узелъ съ разнымъ необходимымъ добромъ, отперъ сундукъ съ книгами и сталъ укладывать ихъ на столъ; но скоро вся эта работа выпала изъ рукъ его. Поминутно сіялъ въ его глазахъ образъ женщины, встрѣча съ которымъ взволновала и потрясла все его существованіе, который наполнялъ его сердце такимъ неудержимымъ, судорожнымъ восторгомъ,—столько счастья прихлынуло разомъ въ скудную жизнь его, что мысли его темнѣли и духъ замиралъ въ тоскѣ и смятеніи. Онъ взялъ свой паспортъ и понесъ къ хозяину въ надеждѣ взглянуть на нее. Но Муринъ едва приотворилъ дверь, взялъ у него бумагу, сказалъ ему «хорошо, живи съ миромъ» и снова заперся въ своей комнатѣ. Какое-то непріятное чувство овладѣло Ордыновымъ. Неизвѣстно почему, ему стало тяжело глядѣть на этого старика. Въ его взглядѣ было что-то презрительное и злобное. Но непріятное впечатлѣніе скоро разсѣялось. Уже третій день, какъ Ордыновъ жилъ въ какомъ то вихрѣ въ сравненіи съ прежнимъ затишьемъ его жизни; но разсуждать онъ не могъ и даже боялся. Все сбилось и перемѣшалось въ его существованіи; онъ глухо чувствовалъ, что вся его жизнь какъ будто переломлена пополамъ; одно стремленіе, одно ожиданіе овладѣло имъ, и другая мысль его не смущала.

Въ недоумѣніи воротился онъ въ свою комнату. Тамъ, у печки, въ которой стряпалось кушанье, хлопотала маленькая, сгорбленная старушка, такая грязная и въ такомъ отвратительномъ отребьи, что жалко было смотрѣть на нее. Она, казалось, была очень зла и по временамъ что-то ворчала, шамкая губами себѣ подъ носъ. Это была хозяйская работница. Ордыновъ попробовалъ было заговорить съ нею, но она промолчала, очевидно со зла. Наконецъ, насталъ часъ обѣда; старуха вынула изъ печи щи, пироги и говядину и понесла къ хозяевамъ. Того же подала и Ордынову. Послѣ обѣда, въ квартирѣ настала мертвая тишина.

Ордыновъ взялъ въ руки книгу и долго перерачивалъ листы, стараясь доискаться смысла въ томъ, что читалъ уже нѣсколько разъ. Въ нетерпѣніи онъ отбросилъ книгу и опять попробовалъ было прибирать свои пожитки; наконецъ взялъ фуражку, надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Идя на удачу, не видя дороги, онъ все старался, по возможности, сосредоточиться духомъ, свести свои разбитыя мысли и хоть немного разсудить о своемъ положеніи. Но усиліе только повергало его въ страданіе, въ пытку. Ознобъ и жаръ овладѣвали имъ попеременно, и по временамъ сердце начинало вдругъ стучать такъ, что приходилось прислониться къ стѣнѣ. «Нѣтъ, лучше смерть» думалъ онъ: «лучше смерть» шепталъ онъ воспаленными, дрожащими губами, мало думая о томъ, что говорить. Онъ ходилъ очень долго; наконецъ, почувствовавъ, что промокъ до костей и замѣтивъ въ первый разъ, что дождь идетъ ливнемъ, воротился домой. Неподалеку отъ дома, онъ увидѣлъ своего дворника. Ему показалось, что татаринъ нѣсколько времени пристально и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и потомъ пошелъ своею дорожкой, когда замѣтилъ, что его увидали.

— Здравствуй, сказалъ Ордыновъ, нагнавъ его.— Какъ тебя зовутъ?

— Дворникъ зовутъ, отвѣчалъ тотъ, скаля зубы.

— Ты давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— Хозяинъ мой мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ, коли сказывалъ.

— Что жъ онъ дѣлаетъ?

— Болеа; живетъ, Бога молить—вотъ.

— Это жена его?

— Какая жена?

— Что съ нимъ живетъ?

— Жѣ-на, коли сказывалъ. Прощай, баринъ.

Татаринъ тронулъ шапку и вошелъ въ конуру свою.

Ордыновъ вошелъ въ свою квартиру. Старуха, шамкая и что-то ворча про себя, отворила ему дверь, опять заперла ее на щеколду и полѣзла на печь, на которой доживала свой вѣкъ. Уже смеркалось. Ордыновъ пошелъ достать огня и увидѣлъ, что дверь къ хозяевамъ заперта на замокъ. Онъ кликнулъ старуху, которая, приподнявшись на локоть, зорко смотрѣла на него съ печки, ка-

залось раздумывая, что бы ему нужно было у хозяйского замка; она молча сбросила ему пачку спичекъ. Онъ воротился въ комнату и принялся опять, въ сотый разъ, за свои вещи и книги. Но мало по малу, недоумѣвая, что съ нимъ дѣлается, присѣлъ на лавку, и ему показалось, что онъ заснулъ. По временамъ, приходилъ онъ въ себя и догадывался, что сонъ его былъ не сонъ, а какое то мучительное, болѣзненное забытье. Онъ слышалъ, какъ стукнула дверь, какъ отворилась она и догадался, что это воротились хозяева отъ вечерни. Тутъ ему пришло въ голову, что нужно было пойти къ нимъ зачѣмъ-то. Онъ привсталъ, и показалось ему, что онъ уже идетъ къ нимъ, но оступился и упалъ на кучу дровъ, брошенныхъ старухою среди комнаты. Тутъ онъ совершенно забылся, и, раскрывъ глаза послѣ долгаго-долгаго времени, съ удивленіемъ замѣтилъ, что лежитъ на той же лавкѣ, такъ какъ былъ, одѣтый, и что надъ нимъ съ нѣжною заботливостію склонялось лицо женщины, дивно прекрасное, и какъ будто все омоченное тихими, материнскими слезами. Онъ слышалъ, какъ положили ему подъ голову подушку и одѣли чѣмъ-то теплымъ, и какъ чья-то нѣжная рука легла на горячій лобъ его. Онъ хотѣлъ поблагодарить, онъ хотѣлъ взять эту руку, поднести къ запекшимся губамъ своимъ, омочить ее слезами и цаловать, цаловать цѣлую вѣчность. Ему хотѣлось что-то много сказать, но что такое—онъ самъ не зналъ того; ему захотѣлось умереть въ эту минуту. Но руки его были какъ свинцовыя и не двигались; онъ какъ будто онѣмѣлъ и слышалъ только, какъ разлетается кровь его по всѣмъ жиламъ, какъ будто приподымая его на постели. Кто то далъ ему воды... Наконецъ, онъ впалъ въ безпамятство.

Онъ проснулся поутру часовъ въ восемь. Солнце сыпало золотымъ снопомъ лучи свои сквозь зеленныя заплесневѣлыя окна его комнаты; какое-то отрадное ощущеніе нѣжило всѣ члены больного. Онъ былъ спокоенъ и тихъ, безконечно счастливъ. Ему казалось, что кто-то былъ сейчасъ у его изголовья. Онъ проснулся, заботливо ища вокругъ себя это невидимое существо; ему такъ хотѣлось обнять своего друга и сказать первый разъ въ жизни—здравствуй, добрый день тебѣ, мой милый.

— Какъ же ты долго спишь! сказалъ нѣжный женскій голосъ. Ордыновъ оглянулся, и къ нему склонилось, съ привѣтливою и свѣтлою какъ солнце улыбкою, лицо красавицы-хозяйки его.

— Какъ ты долго былъ болѣнъ, говорила она:— полно, вставай; что неволишь себя? Волюшка хлѣба слаще, солнца краше. Вставай, голубъ мой, вставай.

Ордыновъ схватилъ и крѣпко сжалъ ея руку. Ему казалось, что онъ все еще видитъ сонъ.

— Подожди, я тебѣ чаю готовила; хочешь чаю? Захоти; тебѣ лучше будетъ. Я сама хворала и знаю.

— Да, дай мнѣ пить, сказалъ Ордыновъ сла-

бымъ голосомъ и сталъ на ноги. Онъ еще былъ очень слабъ. Ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его, всѣ члены его болѣли и какъ будто были разбиты. Но на сердцѣ его было ясно, и лучи солнца, казалось, согрѣвали его какою то торжественною, свѣтлою радостью. Онъ чувствовалъ, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него. Голоса его слегка закружилась.

— Вѣдь тебя зовутъ Васильемъ? спросила она:— я иль ослышалась, иль, сдается, тебя хозяинъ такъ вчера назвалъ.

— Да, Василій. А тебя какъ зовутъ? сказалъ Ордыновъ, приближаясь къ ней и едва устоявъ на ногахъ. Онъ покачнулся. Она схватила его за руки, и засмѣялась.

— Меня Катериной, сказала она, смотря ему въ глаза своими большими, ясными, голубыми глазами. Оба держали другъ друга за руки.

— Ты мнѣ хочешь что-то сказать? проговорила она наконецъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ордыновъ, — у него помутилось зрѣніе.

— Видишь какой. Полно, голубъ мой, полно; не горюй, не тужи; садись сюда къ солнцу за столъ; сиди смиренно, а за мной не ходи, прибавила она, видя, что молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто удерживая ее:—я сейчасъ сама къ тебѣ буду; успѣешь на меня наглядѣться. Черезъ минуту, она принесла чаю, поставила на столъ и сѣла напротивъ его.

— На, напейся, сказала она.—Что, болитъ твоя голова?

— Нѣтъ, теперь не болитъ, сказалъ онъ: — не знаю, можетъ-быть, и болитъ... я не хочу... полно, полно!... Я и не знаю, что со мною, говорилъ онъ, задыхаясь и отыскивавъ наконецъ ея руку: — будь здѣсь, не уходи отъ меня; дай, дай мнѣ опять твою руку... У меня въ глазахъ темнѣетъ; я на тебя какъ на солнце смотрю, сказалъ онъ, какъ-будто отрывая отъ сердца слова свои, замирая отъ восторга, когда ихъ говорилъ. Рыданія сдавливали ему горло.

— Бѣдный какой! Знать, не жилъ ты съ человекомъ хорошимъ. Ты одинъ-одинѣшенекъ; нѣтъ у тебя родичей?

— Нѣтъ никого; я одинъ... ничего, пусть! теперь лучше... хорошо мнѣ теперь! говорилъ Ордыновъ, будто въ бреду. Комната какъ-будто ходила кругомъ него.

— Я сама много лѣтъ людей не видала. Ты такъ глядишь на меня... проговорила она послѣ минутнаго молчанія.

— Ну... что же?

— Какъ-будто грѣютъ тебя мои очи! Знаешь, когда любишь кого... Я тебя съ первыхъ словъ въ сердце мое приняла. Заболѣешь, опять буду ходить за тобой. Только ты не болѣй, нѣтъ. Встанешь, будемъ жить какъ братъ и сестра. Хочешь? Вѣдь сестру трудно нажать, какъ Богъ родивъ не далъ.

— Кто ты? откуда ты? проговорилъ Ордынцовъ слабымъ голосомъ.

— Я не здѣшняя... что тебѣ! Знаешь, люди рассказываютъ, какъ жили двѣнадцать братьевъ въ темномъ лѣсу, и какъ заблудилась въ томъ лѣсу красная дѣвица. Запла она къ нимъ и прибрала имъ все въ домѣ, любовь свою на всемъ положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у нихъ день прогостила. Стали ее выкликать, она къ нимъ вышла. Нарекли ее всѣ сестрой, дали ей волюшку, и всѣмъ она была ровня. Знаешь ли сказку?

— Знаю, прошептала Ордынцовъ.

— Жить хорошо; люблю ль тебѣ на свѣтѣ жить?

— Да, да; вѣкъ жить, долго жить, отвѣчалъ Ордынцовъ.

— Не знаю, сказала задумчиво Катерина: — я бы и смерти хотѣла. Хорошо жизнь любить и добрыхъ людей любить, да... Смотри, ты опять какъ мука побѣлѣлъ!

— Да, голова кругомъ ходитъ...

— Постой, я тебѣ мою постель принесу и подушку-другую; здѣсь и постелю. Заснешь, обо мнѣ приснишься; недугъ отойдетъ. Наша старуха тоже больна...

Она еще говорила, какъ уже начала готовить постель, по-временамъ съ улыбкой смотря черезъ плечо на Ордынова.

— Сколько у тебя книгъ! сказала она, сдвигая сундукъ.

Она подошла къ нему, схватила его правой рукой, подвела къ постелѣ, уложила и одѣла одѣяломъ.

— Говорятъ, книги человѣка портятъ, говорила она, задумчиво покачивая головою. — Ты любишь въ книгахъ читать?

— Да, отвѣчалъ Ордынцовъ, не зная, спитъ онъ или нѣтъ, и крѣпче сжимая руку Катерины, чтобы вѣрнѣе себя, что не спитъ.

— У хозяина моего много книгъ; видишь какія! онъ говоритъ, что божественныя. Онъ мнѣ все читаетъ изъ нихъ. Я потомъ тебѣ покажу; ты мнѣ расскажешь послѣ, что онъ мнѣ въ нихъ все читаетъ?

— Расскажу, прошептала Ордынцовъ, неотступно смотря на нее.

— Ты любишь молиться? спросила она послѣ минутнаго молчанія. — Знаешь что? Я все боюсь, все боюсь...

Она не договорила, казалось, размышляя о чемъ-то. Ордынцовъ поднесъ наконецъ ей руку къ губамъ своимъ.

— Что ты мою руку цалуешь? (И щеки ея слегка заалѣли). На, цалуй ее, продолжала она смѣясь и подавая ему обѣ руки; потомъ высвободила одну и приложила ее къ горячему лбу его, потомъ стала расправлять и приглаживать его волосы. Она краснѣла болѣе и болѣе; наконецъ, присѣла на полу у постели его и приложила свою щеку къ его щекѣ; теплое, влажное дыханіе ея шелохнуло по его лицу... Вдругъ Ордынцовъ почувствовалъ,

что горячія слезы градомъ полились изъ ея глазъ и падали, какъ растопленный свинецъ, на его щеки. Онъ слабѣлъ болѣе и болѣе; онъ уже не могъ двинуть рукою. Въ это время раздался стукъ въ дверь и загремѣла задвижка. Ордынцовъ еще могъ слышать, какъ старикъ, его хозяинъ, вошелъ за перегородку. Онъ слышалъ потомъ, что Катерина привстала, не смѣя и не смущаясь, взяла свои книги, слышалъ, какъ она перекрестила его уходя; онъ закрылъ глаза. Вдругъ горячій, долгій поцалуй загорѣлся на воспаленныхъ губахъ его, какъ будто ножомъ его ударили въ сердце. Онъ слабо вскрикнулъ и лишился чувствъ...

Потомъ началась для него какая-то странная жизнь.

Порой, въ минуту неяснаго сознанія, мелькало въ умѣ его, что онъ осужденъ жить въ какомъ-то длинномъ, нескончаемомъ снѣ, полномъ странныхъ, бесплодныхъ тревогъ, борьбы и страданій. Въ ужасѣ онъ старался возстать противъ роковаго фатализма, его гнетущаго, и въ минуту напряженной, самой отчаянной борьбы, какая-то невѣдомая сила опять поражала его, и онъ слышалъ, чувствовалъ ясно, какъ онъ снова теряетъ память, какъ вновь непроходимая, бездонная темень развѣвается передъ нимъ, и онъ бросается въ нее съ воплемъ тоски и отчаянія. Порой мелькали мгновенья невыносимаго, уничтожающаго счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, ясниѣтъ прошедшее, звучитъ торжествомъ, весельемъ настоящій свѣтлый мигъ и снится на яву невѣдомое грядущее: когда невыразимая надежда падаетъ живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть отъ восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть предъ такимъ гнетомъ впечатлѣній, что разрывается вся нить бытія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравляешь всю жизнь свою съ обновленіемъ и воскресеніемъ. Порой онъ опять впадалъ въ усыпленіе, и тогда все, что случилось съ нимъ въ послѣдніе дни, снова повторялось и смутнымъ, мятенымъ роемъ проходило въ умѣ его; но видѣніе представлялось ему въ странномъ, загадочномъ видѣ. Порой больной забывалъ, что съ нимъ было, и удивлялся, что онъ не на старой квартирѣ, не у старой хозяйки своей. Онъ недоумѣвалъ, отъ чего старушка не подходила, какъ бывало всегда въ поздній сумеречный часъ, къ потухавшей печкѣ, обливавшей по временамъ слабымъ, мерцающимъ заревомъ весь темный уголъ комнаты, и въ ожиданіи, какъ погаснетъ огонь, не грѣла, по привычкѣ, своихъ костлявыхъ, дрожащихъ рукъ на замиравшемъ огнѣ, всегда болтая и шепча про себя и изрѣдка въ недоумѣніи поглядывая на него, чуднаго жильца своего, котораго считала помѣшаннымъ отъ долгаго сидѣнія за книгами. Другой разъ, онъ вспоминалъ, что переѣхалъ на другую квартиру; но какъ это сдѣлалось, что съ нимъ было, и зачѣмъ пришлось переѣхать, онъ не зналъ того, хотя замиралъ весь духъ его, въ непрерыв-

номъ, неудержимомъ стремленіи... Но куда, что звало и мучило его, и кто бросилъ этотъ невыносимый пламень, душившій, пожиравшій всю кровь его? — онъ опять не зналъ и не помнилъ. Часто жадно ловилъ онъ руками какую-то тѣнь, часто слышались ему шелестъ близкихъ, легкихъ шаговъ около постели его, и, сладкихъ какъ музыка, шопотъ чьихъ-то ласковыхъ, нѣжныхъ рѣчей; чье-то влажное, порывистое дыханіе скользило по лицу его, и любовью потрясало все его существо; чьи-то горячія слезы жгли его воспаленныя щеки, и вдругъ чей-то поцалуй, долгій, нѣжный, впадался въ его губы; тогда жизнь его изнывала въ неугасимой мукѣ; казалось, все бытіе, весь міръ оставался, умиралъ на цѣлые вѣка кругомъ него, и долгая тысячелѣтняя ночь простиралась надъ всѣмъ...

То какъ будто наступали для него опять его нѣжные, безмятежно-прошедшіе годы перваго дѣтства, съ ихъ свѣтлою радостію, съ неугасимымъ счастьемъ, съ первымъ сладостнымъ удивленіемъ къ жизни, съ роями свѣтлыхъ духовъ, вылетавшихъ изъ-подъ каждаго цвѣтка, который срывалъ онъ, игравшихъ съ нимъ на тучномъ зеленомъ лугу передъ маленькимъ домикомъ, окруженнымъ акаціями, улыбавшихся ему изъ хрустальнаго, необозримаго озера, возлѣ котораго просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь какъ бьется волна о волну, и шелестившихъ кругомъ него крыльями, любовно усыпая свѣтлыми, радужными сновидѣніями маленькую его колыбельку, когда его мать, склоняясь надъ нею, крестила, цаловала и баюкала его тихою колыбельною пѣсенкой въ долгія, безмятежныя ночи. Но тутъ вдругъ стало являться одно существо, которое смущало его какимъ-то недѣтскимъ ужасомъ, которое вливалось первый, медленный ядъ горя и слезъ въ его жизнь; онъ смутно чувствовалъ, какъ невѣдомый старикъ держитъ во власти своей всѣ его градоущія годы, и, трепеща, не могъ онъ отвести отъ него глазъ своихъ. Злой старикъ за нимъ слѣдовалъ всюду. Онъ выглядывалъ и обманчиво кивалъ ему головою изъ-подъ каждаго куста въ рошѣ, смѣялся и дразнилъ его, воплощался въ каждую куклу ребенка, гримасничая и хохоча въ рукахъ его, какъ злой, скверный гномъ; онъ подбивалъ на него каждаго изъ его безчеловѣчныхъ школьных товарищей, или, садясь съ малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывалъ изъ-подъ каждой буквы его грамматики. Потомъ, во время сна, злой старикъ садился у его изголовья... Онъ отогналъ рои свѣтлыхъ духовъ, шелестившихъ своими золотыми и сафирными крыльями кругомъ его колыбели, отвелъ отъ него навсегда его бѣдную мать, и сталъ по цѣлымъ ночамъ нашептывать ему длинную, дивную сказку, невнятную для сердца дитяти, но терзавшую, волновавшую его ужасомъ и недѣтскою страстью. Но злой старикъ не слушалъ его рыданій и просьбъ и все продолжалъ ему говорить, покамѣстъ онъ не впадалъ

въ оцѣпененіе, въ безпамятство. Потомъ малютка просыпался вдругъ человѣкомъ; невидимо и неслышно пронеслись надъ нимъ цѣлые годы. Онъ вдругъ сознавалъ свое настоящее положеніе, вдругъ сталъ понимать, что онъ одинокъ и чуждъ всему міру, одинъ въ чужомъ углу, межъ таинственныхъ, подозрительныхъ людей, между враговъ, которые все собираются и шепчутся по угламъ его темной комнаты и киваютъ старухѣ, сидѣвшей у огня на корточкахъ, нагрѣвавшей свои дряхлыя, старыя руки и указывавшей имъ на него. Онъ впадалъ въ смятеніе, въ тревогу; ему все хотѣлось узнать, кто такковы эти люди, зачѣмъ они здѣсь, зачѣмъ онъ самъ въ этой комнатѣ, и догадывался, что забрелъ въ какой-то темный, злодѣйскій притонъ, будучи увлеченъ чѣмъ-то могучимъ, но невѣдомымъ, не разсмотрѣвъ прежде, кто и каковы жильцы и кто именно его хозяева. Его начинало мучить подозрѣніе, — и вдругъ, среди ночной темноты опять началась шопотливая, длинная сказка и начала ее тихо, чуть внятно про себя какая-то старуха, печально качая передъ потухавшимъ огнемъ своей бѣлой, сѣдой головой. Но — и опять ужасъ нападалъ на него: сказка воплощалась передъ нимъ въ лица и формы. Онъ видѣлъ, какъ все, начиная съ дѣтскихъ, неясныхъ грезъ его, всѣ мысли и мечты его, все, что онъ выжилъ жизни, все, что вычиталъ въ книгахъ, все, объ чемъ уже и забылъ давно, все одушевлялось, все складывалось, воплощалось, вставало передъ нимъ въ колоссальныхъ формахъ и образахъ, ходило, роилось кругомъ него, видѣлъ, какъ раскидывались передъ нимъ волшебныя, роскошныя сады, какъ слагались и разрушались въ глазахъ его цѣлые города, какъ цѣлыя кладбища высылали ему своихъ мертвецовъ, которые начинали жить съизнова, какъ приходили, рождались и отживали въ глазахъ его цѣлыя племена и народы, какъ воплощалась, наконецъ, теперь, вокругъ болѣзненнаго одра его, каждая мысль его, каждая безплотная греза, воплощалась почти въ мигъ зарожденія; какъ, наконецъ, онъ мыслилъ не безплотными идеями, а цѣлыми мірами, цѣлыми созданіями, какъ онъ носился, подобно пылинкѣ, во всемъ этомъ безконечномъ, странномъ, невыходимомъ мірѣ, и какъ вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давить, гнететъ его, и преслѣдуетъ его вѣчной, безконечной ироніей; онъ слышалъ, какъ онъ умираетъ, разрушается въ пыль и прахъ, безъ воскресенія, на вѣки-вѣковъ; онъ хотѣлъ бѣжать, но не было угла во всей вселенной, чтобъ укрыть его. Наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, онъ напрягъ свои силы, вскрикнулъ и проснулся...

Онъ проснулся, весь облитый холоднымъ, ледянымъ потомъ. Кругомъ него стояла мертвая тишина; была глубокая ночь. Но все ему казалось, что гдѣ-то продолжается его дивная сказка, что чей-то хриплый голосъ дѣйствительно заводитъ долгій рассказъ о чемъ-то какъ будто ему знако-

момъ. Онъ слышалъ, что говорятъ про темные лѣса, про какихъ-то лихихъ разбойниковъ, про какого-то удалого молодца, чуть-чуть не про самого Стеньку Разина, про веселыхъ пьяницъ бурлаковъ, про одну красную дѣвицу и про Волгу-матушку. Не сказка ли это? наяву ли онъ слышитъ ее? Цѣлый часъ пролежалъ онъ открывъ глаза, не шевеля ни однимъ членомъ, въ мучительномъ оцѣпенѣніи. Наконецъ онъ привсталъ осторожно и съ веселіемъ ощутилъ въ себѣ силу, неистощившуюся въ лютой болѣзни. Бредъ прошелъ, началась дѣйствительность. Онъ замѣтилъ, что еще былъ одѣтъ такъ, какъ былъ во время разговора съ Катериной, и что, слѣдовательно, немного времени прошло съ того утра, какъ она ушла отъ него. Огонь рѣшимости пробѣжалъ по его жиламъ. Машинально отыскалъ онъ руками большой гвоздь, вбитый для чего-то вверху перегородки, возлѣ которой постлали постель его, схватился за него, и повиснувъ на немъ всѣмъ тѣломъ, кое-какъ добрался до щели, изъ которой выходилъ едва замѣтный свѣтъ въ его комнату. Онъ приложилъ глазъ къ отверстию и сталъ глядѣть, едва переводя духъ отъ волненія.

Въ углу хозяйской каморки стояла постель, передъ постелью столъ, покрытый ковромъ, заваленный книгами большой старинной формы, въ переплетахъ, напоминавшихъ священныя книги. Въ углу стоялъ образъ, такой же старинный, какъ и въ его комнатѣ; передъ образомъ горѣла лампада. На постели лежалъ старикъ Муринъ, больной, изможденный страданіемъ и блѣдный какъ полотно, закрытый мѣховымъ одѣяломъ. На колѣняхъ его была раскрытая книга. На скамьѣ возлѣ постели лежала Катерина, охвативъ рукою грудь старика и склонившись къ нему на плечо головою. Она смотрѣла на него внимательными, дѣтски-удивленными глазами и, казалось, съ неистощимымъ любопытствомъ, замирая отъ ожиданія, слушала то, что ей разсказывалъ Муринъ. По временамъ, голосъ разсказчика возвышался, одушевление отражалось на блѣдномъ лицѣ его; онъ хмурилъ брови, глаза его начинали сверкать, и Катерина, казалось, блѣднѣла отъ страха и волненія. Тогда что-то похожее на улыбку являлось на лицѣ старика, и Катерина начинала тихо смѣяться. Порой слезы загорались въ глазахъ ея; тогда старикъ нѣжно гладилъ ее по головѣ какъ ребенка, и она еще крѣпче обнимала его своею обнаженною, сверкающею какъ снѣгъ рукою, и еще любовнѣе припадала къ груди его.

По временамъ Ордынцовъ думалъ, что все это еще сонъ, даже былъ въ этомъ увѣренъ; но кровь ему бросилась въ голову и жилы напряженно, съ болью, бились на вискахъ его. Онъ выпустилъ гвоздь, всталъ съ постели, и качаясь, пробираясь какъ лунатикъ, самъ не понимая своего побужденія, вспыхнувшего цѣлымъ пожаромъ въ крови его, подошелъ къ хозяйскимъ дверямъ и съ силой толкнулся въ нихъ; ржавая задвижка отлетѣла

разомъ, и онъ вдругъ съ шумомъ и трескомъ очутился среди хозяйской спальни. Онъ видѣлъ, какъ вся вспорхнула и вздрогнула Катерина, какъ злобно засверкали глаза старика изъ-подъ тяжело-сдавленныхъ вмѣстѣ бровей, и какъ внезапно ярость исказила все лицо его. Онъ видѣлъ, какъ старикъ, не спуская съ него своихъ глазъ, блуждающей рукою на-скоро ищетъ ружье, висѣвшее на стѣнѣ; видѣлъ потомъ, какъ сверкнуло дуло ружья, направленное невѣрной, дрожащей отъ бѣшенства рукою прямо въ грудь его... Раздался выстрѣлъ, раздался потомъ дикій, почти нечеловѣческій крикъ, и когда разлетѣлся дымъ, страшное зрѣлище поразило Ордынова. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ нагнулся надъ старикомъ. Муринъ лежалъ на полу; его корбило въ судорогахъ, лицо его было искажено въ мучкахъ, и пѣна показывалась на искривленныхъ губахъ его. Ордынцовъ догадался, что несчастный былъ въ жесточайшемъ припадкѣ падучей болѣзни. Вмѣстѣ съ Катериной, онъ бросился помогать ему...

III.

Вся ночь прошла въ тревогѣ. На другой день, Ордынцовъ вышелъ рано по-утру, не смотря на свою слабость и на лихорадку, которая все еще не оставляла его. На дворѣ онъ опять встрѣтилъ дворника. Въ этотъ разъ, татаринъ еще издали приподнял фуражку и съ любопытствомъ поглядѣлъ на него. Потомъ, какъ-будто опомнясь, принялся за свою метлу, искоса взглядывая на медленно-приближавшагося Ордынова.

— Что? ты ничего не слышалъ ночью? спросилъ Ордынцовъ.

— Да, слышалъ.

— Что это за человѣкъ? кто онъ такой?

— Сама занимала, сама и знай; а моя чужая.

— Да будешь ли ты когда говорить! закричалъ Ордынцовъ видя себя отъ припадка какой-то болѣзненной раздражительности.

— А моя что сдѣлала? Виновата твоя, — твоя жильцовъ пугала. Внизу гробовщикъ жилъ: онъ глухъ, а все слышалъ, и баба его глухая, и та слышала. А на другомъ дворѣ, хотъ и далеко, а тоже слышала — вотъ. Я къ надзирателю пойду.

— Я самъ туда же пойду, отвѣчалъ Ордынцовъ и пошелъ къ воротамъ.

— А хотъ какъ хошь; сама занимала... Баринъ, баринъ, стой! Ордынцовъ оглянулся; дворникъ изъ учтивости тронулъ за шапку.

— Ну!

— Коль пойдешь, я къ хозяину пойду.

— Что жъ?

— Лучше съѣзжай.

— Ты глухъ, проговорилъ Ордынцовъ и опять пошелъ-было прочь.

— Баринъ, баринъ, стой! Дворникъ опять тронулъ за шапку и оскалилъ зубы.

— Слушай, баринъ: ты сердце держи; за что

бѣднаго гнать? Бѣднаго гонять — грѣхъ. Богъ не велитъ — слышь?

— Слушай же и ты: вотъ возьми это. Ну, кто жь онъ таковъ?

— Кто таковъ?

— Да.

— Я и безъ денегъ скажу.

Тутъ дворникъ взялъ метлу, махнулъ разъ-два, потомъ остановился, внимательно и важно посмотрѣвъ на Ордынова.

— Ты баринъ хорошій. А не хошь жить съ человѣкомъ хорошимъ, какъ хошь; моя вотъ какъ сказала.

Тутъ татаринъ посмотрѣлъ еще выразительнѣе и, какъ-будто осердясь, опять принялся за метлу. Показавъ наконецъ видъ, что кончилъ какое-то дѣло, онъ таинственно подошелъ къ Ордынову и, сдѣлавъ какой-то очень-выразительный жестъ, произнесъ:

— Она вотъ-что!

— Чего? Какъ?

— Ума нѣтъ.

— Что?

— Улетѣла. Да! улетѣла! повторилъ онъ еще болѣе таинственнымъ тономъ. — Она больна. У него барва была, большая была, и другая была, и третья была, по Волгѣ ходила, а я самъ изъ Волги: еще заводъ была, да сгорѣла, и онъ безъ башка.

— Онъ помѣшанный?

— Ни!.. Ни! отвѣчалъ съ разстановкой татаринъ. — Не мѣшана. Онъ умный человѣкъ. Она все знаетъ, книжка много читала, читала, читала, все читала и другимъ правда сказывала. Такъ; пришла кто: два рубля, три рубля, 40 рубля, а не хошь какъ хошь; книжка посмотреть, увидить и всю правду скажетъ. А деньга на столъ, тотчасъ на столъ, — безъ деньга ни!

Тутъ татаринъ, съ излишкомъ сердца входившій въ интересы Мурина, даже засмѣялся отъ радости.

— Что жь, онъ колдовалъ, гадалъ комунибудь?

— Гм... промычалъ дворникъ, скоро кивнувъ головою: — она правду сказывала. Она Бога молить, много молить. А то такъ, находить на него.

Тутъ татаринъ опять повторилъ свой выразительный жестъ.

Въ эту минуту, кто-то кликнулъ дворника съ другого двора, а вслѣдъ за тѣмъ показался какой-то маленькій, согбенный, сѣденькій человѣкъ въ тулупѣ. Онъ шелъ кряхтя, спотыкаясь, смотрѣлъ въ землю и что-то нашептывалъ про-себя. Можно было подумать, что онъ отъ старости выжилъ изъ ума.

— Хозяева, хозяйева! прошепталъ въ попыхахъ дворникъ, на-скоро кивнувъ головою Ордынову и, сорвавъ шапку, бросился бѣгомъ къ старичку, котораго лицо было какъ-то знакомо Ордынову; крайней-мѣрѣ, онъ гдѣ-то встрѣтилъ его очень-недавно. Сообразивъ, впрочемъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, онъ пошелъ со двора. Дворникъ доказался ему мошенникомъ и наглецомъ

первой руки. — Бездѣльникъ точно торговался со мной! думалъ онъ: Богъ знаетъ, что тутъ такое!

Онъ уже произнесъ это на улицѣ.

Мало-по-малу, его начали одолѣвать другія мысли. Впечатлѣніе было непріятное: день сѣрый и холодный, порхалъ снѣгъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ ознобъ снова начинается ломать его; онъ чувствовалъ тоже, что какъ-будто земля начинала подъ нимъ колыхаться. Вдругъ одинъ знакомый голосъ непріятно-сладенькимъ, дребезжащимъ теноромъ пожелалъ ему добраго утра.

— Ярославъ Ильичъ! сказалъ Ордыновъ.

Передъ нимъ стоялъ бодрый, краснощекій человѣкъ, съ виду лѣтъ тридцати, не высокаго роста, съ сѣренкими масляными глазками, съ улыбочкой, одѣтый... какъ и всегда бываетъ одѣтъ Ярославъ Ильичъ, и пріятнѣйшимъ образомъ протягивалъ ему руку. Ордыновъ познакомился съ Ярославомъ Ильичемъ тому назадъ ровно годъ, совершенно-случайнымъ образомъ, почти на улицѣ. Очень легкому знакомству способствовала, кромѣ случайности, необыкновенная наклонность Ярослава Ильича отыскивать всюду добрыхъ, благородныхъ людей, прежде всего образованныхъ и го-крайней-мѣрѣ талантомъ и красотою обращенія достойныхъ принадлежать высшему обществу. Хотя Ярославъ Ильичъ имѣлъ чрезвычайно-сладенькій теноръ, но даже въ разговорахъ съ искреннѣйшими друзьями, въ настроѣ его голоса проглядывало что-то необыкновенно-свѣтлое, могучее и повелительное, не терпящее никакихъ отлагательствъ, что было, можетъ быть, слѣдствіемъ привычки.

— Какимъ образомъ? вскрикнулъ Ярославъ Ильичъ съ выраженіемъ искреннѣйшей, восторженной радости.

— Я здѣсь живу.

— Давно ли? продолжалъ Ярославъ Ильичъ, подымая ногу все выше и выше. — И я не зналъ этого! Но я съ вами сосѣди! Я теперь уже въ здѣшней части. Я уже мѣсяцъ какъ воротился изъ рязанской губерніи. Поймалъ же васъ, старинный и благороднѣйшій другъ! — И Ярославъ Ильичъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ образомъ.

— Сергѣевъ! закричалъ онъ вдохновенно: — жди меня у Тарасова; да чтобъ безъ меня не шевелили кулей. Да турни одсуфьевскаго дворника; скажи, чтобъ тотъ же часъ явился въ контору. Я приѣду черезъ часъ...

На скоро отдавая кому то этотъ приказъ, деликатный Ярославъ Ильичъ взялъ Ордынова подъ руку и повелъ въ ближайшій трактиръ.

— Не успокоюсь безъ того, пока не перебро-симъ двухъ словъ пасдинѣ послѣ такой долгой разлуки. Ну, что ваши занятія? прибавилъ онъ почти благоговѣнно и таинственно понизивъ голосъ: — всегда въ наукахъ?

— Да, я по прежнему, отвѣчалъ Ордыновъ, у котораго мелькнула одна свѣтлая мысль.

— Благородно, Василій Михайловичъ, благо-родно! — Тутъ Ярославъ Ильичъ брѣпко пожалъ

руку Ордынова:—вы будете украшеніемъ нашего общества. Подай вамъ Господь счастливаго пути на вашемъ поприщѣ... Боже! Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ! Сколько разъ я вспоминалъ объ васъ, сколько разъ говорилъ: гдѣ то онъ, нашъ добрый, великодушный, остроумный Василий Михайловичъ?

Они заняли особую комнату. Ярославъ Ильичъ заказалъ закуску, велѣлъ подать водки и съ чувствомъ взглянулъ на Ордынова.

— Я много читалъ безъ васъ, началъ онъ робкимъ, немного вкрадчивымъ голосомъ.—Я прочелъ всего Пушкина...

Ордыновъ разсѣянно посмотрѣлъ на него.

— Удивительно изображеніе человѣческой страсти-сь.

— Но прежде всего позвольте мнѣ быть вамъ благодарнымъ. Вы такъ много сдѣлали для меня благородствомъ внушеній справедливаго образа мыслей...

— Помилуйте!

— Нѣтъ, позвольте-сь. Я всегда люблю воздать справедливость и горжусь, что, по крайней мѣрѣ, хоть это чувство не замолкло во мнѣ.

— Помилуйте, вы несправедливы къ себѣ, и я право...

— Нѣтъ, совершенно справедливъ-сь, возразилъ съ необыкновеннымъ жаромъ Ярославъ Ильичъ.—Что я такое въ сравненіи съ вами-сь? Не правда ли?

— Ахъ, Боже мой!

— Да-сь...

Тутъ послѣдовало молчаніе.

— Слѣдуя вашимъ совѣтамъ, я прервалъ много грубыхъ знакомствъ и смягчилъ отчасти грубость привычекъ, началъ опять Ярославъ Ильичъ нѣсколько робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Въ свободное отъ должности время большею частью сижу дома; по вечерамъ читаю какую нибудь полезную книгу и... у меня одно желаніе, Василий Михайловичъ, приносить хоть посильную пользу отечеству...

— Я всегда считалъ васъ за благороднѣйшаго чловѣка, Ярославъ Ильичъ.

— Вы всегда приносите бальзамъ... благородный молодой чловѣкъ...

Ярославъ Ильичъ горячо пожалъ руку Ордынову.

— Вы не пьете? замѣтилъ онъ, немного утишивъ свое волненіе.

— Не могу; я боленъ.

— Больны? да, въ самомъ дѣлѣ! Давно ли, какъ, какимъ образомъ вы изволили заболѣть? Угодно, я скажу... какой медикъ васъ лечитъ? Угодно, я сейчасъ скажу нашему частному доктору. Я самъ, лично, къ нему побѣгу. Искуснѣйшій чловѣкъ!

Ярославъ Ильичъ уже брался за шляпу.

— Покорно благодарю. Я не лечусь и не люблю лекарей...

— Что вы? можно ли такъ? Но это искуснѣйшій чловѣкъ, продолжалъ Ярославъ Ильичъ умо-

ляя:—намедни,—но позвольте вамъ это рассказать, дорогой Василий Михайловичъ,—намедни приходилъ одинъ бѣдный слесарь: «я, вотъ», говоритъ, «накололъ себѣ руку моимъ орудіемъ; излечите меня...» Семенъ Пафнutyичъ, видя, что несчастному угрожаетъ антоновъ огонь, принявъ мѣру отрѣзать зараженный членъ. Онъ сдѣлалъ это при мнѣ. Но это было такъ сдѣлано, такимъ благор... то-есть, такимъ восхитительнымъ образомъ, что, признаюсь, еслибъ не состраданіе къ страждущему чловѣчеству, то было бы пріятно посмотрѣть такъ просто, изъ любопытства-сь. Но гдѣ и какъ изволили заболѣть?

— Переѣзжая на квартиру.... Я только что всталъ.

— Но вы еще очень нездоровы, и вамъ бы не слѣдовало выходить. Стало быть, вы уже не тамъ, гдѣ прежде, живете? Но что побудило васъ?

— Моя хозяйка уѣхала изъ Петербурга.

— Домна Савишна? Не уже ли?.. Добрая, истинно благородная старушка! Знаете ли? Я чувствовалъ къ ней почти сыновнее уваженіе. Что-то возвышенное прадѣдовскихъ лѣтъ свѣтилось въ этой почти отжившей жизни; и глядя на нее, какъ будто видишь передъ собой воплощеніе нашей сѣдой, величавой старинушки... т. е. изъ этого... что то тутъ, знаете, этакъ поэтическое!.. заключилъ Ярославъ Ильичъ, совершенно оробѣвъ и покраснѣвъ до ушей.

— Да, она была добрая женщина.

— Но позвольте узнать, гдѣ вы теперь изволили поселиться?

— Здѣсь, недалеко, въ домѣ Кошмарова.

— Я съ нимъ знакомъ. Величавый старикъ! Я съ нимъ, смѣю сказать, почти искренній другъ. Благородная старость!

Уста Ярослава Ильича почти дрожали отъ радости умиленія. Онъ спросилъ еще рюмку водки и трубку.

— Сами по себѣ нанимаете?

— Нѣтъ. у жильца.

— Кто таковъ? Можетъ быть, я тоже знакомъ.

— У Мурина, мѣщанина; старикъ высокаго роста...

— Муринъ, Муринъ; да, позвольте-сь, это на заднемъ дворѣ, надъ гробовщицомъ?

— Да, да, на самомъ заднемъ дворѣ.

— Гм... вамъ покойно жить-сь?

— Да я только что переѣхалъ.

— Гм... я только хотѣлъ сказать, гм... впрочемъ, но вы не замѣтили ль чего особеннаго?

— Право...

— То-есть, я увѣренъ, что вамъ будетъ жить у него хорошо, если вы останетесь довольны помѣщеніемъ... я и не къ тому говорю, готовъ предупредить; но, зная вашъ характеръ... Какъ вамъ показался этотъ старикъ-мѣщанинъ?

— Онъ, кажется, совсѣмъ больной чловѣкъ.

— Да, онъ очень страждущъ... Но вы такого ничего не замѣтили? Вы говорили съ нимъ?

— Очень мало; онъ такой нелюдимый и желчный....

— Гм... Ярославъ Ильичъ задумался.

— Несчастный человѣкъ! сказалъ онъ помолчавъ.

— Онъ?

— Да, несчастный и вмѣстѣ съ тѣмъ до невѣроятности странный и занимательный человѣкъ. Впрочемъ, если онъ васъ не беспокоитъ... Извините, что я обратилъ вниманіе на такой предметъ, но я любопытствовалъ...

— И, право, возбудили и мое любопытство... Я бы очень желалъ знать, кто онъ таковъ. Къ тому же, я съ нимъ живу...

— Видите-ли-съ: говорятъ, этотъ человѣкъ былъ прежде очень богатъ. Онъ торговалъ, какъ вамъ, вѣроятно, удавалось слышать. По разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, онъ оббѣдѣлъ; у него въ бурю разбило нѣсколько барокъ съ грузомъ. Заводъ, ввѣренный, кажется, управленію близкаго и любимаго родственника, тоже подвергся несчастной участи и сгорѣлъ, при чемъ въ пламени пожара погибъ и самъ его родственникъ. Согласитесь, потеря ужасная! Тогда Муринъ, рассказываютъ, впалъ въ плачевное уныніе; стали опасаться за его разсудокъ, и дѣйствительно, въ одной ссорѣ съ другимъ купцомъ, тоже владѣтелемъ барокъ, ходившихъ по Волгѣ, онъ вдругъ выказалъ себя съ такой странной и неожиданной точки зрѣнія, что все происшедшее не иначе отнесли какъ къ сплывшему его помѣшательству, чѣму и я готовъ вѣрить. Я подробно слышалъ о нѣкоторыхъ его странностяхъ; наконецъ, вдругъ, случилось одно очень странное, такъ сказать, роковое обстоятельство, которое ужъ никакъ нельзя объяснить иначе, какъ враждебнымъ вліяніемъ прогнѣванной судьбы.

— Какое? спросилъ Ордынцовъ.

— Говорятъ, что въ болѣзненномъ припадкѣ съумасшествія онъ посягнулъ на жизнь одного молодого купца, котораго прежде чрезвычайно любилъ. Онъ былъ такъ пораженъ, когда очнулся послѣ припадка, что готовъ былъ лишиться себя жизни: такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ. Не знаю навѣрно, что произошло за этимъ, но извѣстно то, что онъ находился нѣсколько лѣтъ подлѣ покаяніемъ... Но что съ вами, Василій Михайловичъ, не утомляетъ ли васъ мой простой рассказъ?

— О, нѣтъ, ради Бога... Вы говорите, что онъ былъ подлѣ покаяніемъ; но онъ не одинъ.

— Не знаю-съ. Говорятъ, что былъ одинъ. По крайней мѣрѣ, никто другой не замѣшанъ въ томъ дѣлѣ. А, впрочемъ, не слыхалъ о дальнѣйшемъ; знаю только...

— Ну-съ.

— Знаю только,—то есть, я собственно ничего особеннаго не имѣлъ въ мысляхъ прибавить... я хочу только сказать, если вы находите въ немъ что-то необыкновенное и выходящее изъ обыкно-

веннаго уровня вещей, то все это произошло не иначе, какъ слѣдствіемъ бѣды, обрушившихся на него одна за другою...

— Да, онъ такой богомольный, большой святоша.

— Не думаю, Василій Михайловичъ; онъ столько пострадалъ; мнѣ кажется, онъ чистъ своимъ сердцемъ.

— Но вѣдь теперь онъ не съумасшедшій; онъ здоровъ.

— О нѣтъ, нѣтъ; въ этомъ я вамъ могу поручиться, готовъ присягнуть; онъ въ полномъ владѣніи всѣхъ своихъ умственныхъ способностей. Онъ только, какъ вы справедливо замѣтили мелко, чрезвычайно чудной и богомольный. Очень даже разумный человѣкъ. Говоритъ бойко, смѣло и очень хитро-съ. Еще виденъ слѣдъ прошлой, бурной жизни на лицѣ его-съ. Любопытный человѣкъ-съ и чрезвычайно начитанный.

— Онъ, кажется, читаетъ все священные книги?

— Да-съ, онъ мистикъ-съ.

— Что?

— Мистикъ. Но я вамъ говорю это по секрету. По секрету скажу вамъ еще, что за нимъ былъ нѣкоторое время сильный присмотръ. Этотъ человѣкъ имѣлъ ужасное вліяніе на приходившихъ къ нему.

— Какое же?

— Но вы не повѣрите; видите-ли-съ: тогда еще онъ не жилъ въ здѣшнемъ кварталѣ, Александръ Игнатьичъ, почетный гражданинъ, человѣкъ сано-витый и пользующійся общимъ уваженіемъ, ѣздили къ нему съ какимъ-то поручикомъ изъ любопытства. Пріѣзжаютъ они къ нему; ихъ принимаютъ, и странный человѣкъ начинаетъ имъ вглядываться въ лица. Онъ обыкновенно вглядывался въ лица, если соглашался быть полезнымъ; въ противномъ случаѣ отсылалъ приходившихъ назадъ и даже, говорятъ, весьма неучтиво. Спрашиваетъ онъ ихъ: что вамъ угодно, господа? Такъ и такъ, отвѣчаетъ Александръ Игнатьичъ: даръ вашъ можетъ сказать вамъ это и безъ насъ. Пожалуйте-жь, говоритъ, со мной въ другую комнату; тутъ онъ назначилъ именно того изъ нихъ, который до него имѣлъ надобность. Александръ Игнатьичъ не рассказывалъ, что съ нимъ было потомъ, но онъ вышелъ отъ него блѣдный какъ платокъ. То же самое случилось и съ одной знатной дамой высшаго общества: она тоже вышла отъ него блѣдная какъ платокъ, вся въ слезахъ и въ изумленіи отъ его предсказанія и краснорѣчія.

— Странно. Но теперь онъ не занимается этимъ?

— Строжайше запрещено-съ. Были чудные примѣры-съ. Одинъ молодой корнетъ, цвѣтъ и надежда высшаго семейства, глядя на него усмѣхнулся. «Что ты смѣешься?» сказалъ разсердившись старикъ: «черезъ три дня ты самъ будешь вотъ что!» — и онъ сложилъ на крестъ руки, означая такимъ знакомъ трупъ мертвеца.

— Ну?

— Не смѣю вѣрить, но, говорятъ, предсказаніе сбылось. Онъ имѣетъ даръ, Василій Михайловичъ... Вы изволили улыбнуться на мой простодушный разсказъ. Знаю, что вы далеко упредили меня въ просвѣщеніи; но я вѣрю ему: онъ не шарлатанъ. Самъ Пушкинъ упоминаетъ о чемъ-то подобномъ въ своихъ сочиненіяхъ.

— Гм. Не хочу вамъ противорѣчить. Вы, кажется, сказали, что онъ живетъ не одинъ.

— Я не знаю... съ нимъ, кажется, дочь его.

— Дочь?

— Да-съ, или, кажется, жена его; я знаю, что живетъ съ нимъ какая-то женщина. Я видѣлъ мелькомъ и вниманія не обратилъ.

— Гм. Странно...

Молодой человѣкъ впалъ въ задумчивость. Ярославъ Ильичъ въ нѣжное созерпаніе. Онъ былъ растроганъ и тѣмъ, что видѣлъ стараго друга, и тѣмъ, что удовлетворительно разсказалъ интереснѣйшую вещь. Онъ сидѣлъ не спуская глазъ съ Василія Михайловича и потягивая изъ трубки; но вдругъ вскочилъ и засуетился.

— Цѣлый часъ прошелъ, а я и забылъ! Дорогой Василій Михайловичъ, еще разъ благодарю судьбу за то, что свела насъ вмѣстѣ, но мнѣ пора. Дозволите ли мнѣ посѣтить васъ въ вашемъ ученомъ жилищѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, буду вамъ очень радъ. Навѣщу и самъ васъ, когда выпадетъ время.

— Вѣрить ли пріятному извѣстію? Обязете, не сказано обязете! — Не повѣрите, въ какой восторгъ вы меня привели!

Они вышли изъ трактира. Сергѣевъ уже летѣлъ имъ на встрѣчу и скороговоркой рапортовалъ Ярославу Ильичу, что Вильмъ Емсельновичъ изволятъ проѣзжать. Дѣйствительно, въ перспективѣ показалась пара лихихъ саврасокъ, впряженныхъ въ лихія пролетки. Особенно замѣчательна была необыкновенная пристяжная. Ярославъ Ильичъ сжалъ словно въ тискахъ руку лучшаго изъ друзей своихъ, приложился къ шляпѣ и пустился встрѣчать налетавшія дрожки. Дорогою онъ раза два обернулся и проницательнымъ образомъ кивнулъ головою Ордынову.

Ордыновъ чувствовалъ такую усталость, такое изнеможеніе во всѣхъ членахъ, что едва волочилъ ноги. Кое-какъ добрался онъ до дому. Въ воротахъ его опять встрѣтилъ дворникъ, прилежно наблюдавшій все его прощаніе съ Ярославомъ Ильичемъ, и еще издали сдѣлалъ ему какой-то пригласительный знакъ. Но молодой человѣкъ прошелъ мимо. Въ дверяхъ квартиры, онъ плотно столкнулся съ маленькой, сѣденькой фигуркой, выходившей потушивъ очи отъ Мурина.

— Господи, прости мои прегрѣшенія! прошептала фигурка, отскочивъ въ сторону съ упругостью пробки.

— Не ушибъ ли я васъ?

— Нѣтъ-съ, низайше благодарю за вниманіе... О, Господи, Господи!

Тихій человѣчекъ, кряхтя, охая и нашептывая что-то назидательное себѣ подъ носъ, бережно пустился по лѣстницѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго такъ испугался дворникъ. Тутъ только Ордыновъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ первый разъ здѣсь же у Мурина, когда переѣзжалъ на квартиру.

Онъ чувствовалъ, что былъ раздраженъ и потрясенъ; онъ зналъ, что фантазія и впечатлительность его напряжены до крайности и рѣшплъ не довѣрять себѣ. Мало по-малу онъ впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Въ грудь его залегло какое-то тяжелое, гнетущее чувство. Сердце его ныло, какъ будто все изъязвленное, и вся душа была полна глухихъ, неизсякаемыхъ слезъ.

Онъ опять припалъ на постель, которую она постлала ему, и сталъ снова слушать. Онъ слышалъ два дыханія: одно тяжелое, болѣзненное, прерывистое, другое тихое, но неровное и какъ-будто тоже взволнованное, какъ-будто тамъ билось сердце однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, одною и тою же страстью. Онъ слышалъ порою шумъ ея платья, легкій шелестъ ея тихихъ, мягкихъ шаговъ, и даже этотъ шелестъ ноги ея отдавался глухою, но мучительно-сладостною болью въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ какъ-будто разслушалъ рыданія, мятежный вздохъ и наконецъ опять ея молитву. Онъ зналъ, что она стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ, ломая руки въ какомъ-то изступленномъ отчаяніи!.. Кто же она? За кого она проситъ? Какою безвыходною страстью смущено ея сердце? Отъ-чего оно такъ болитъ и токуетъ и выливается въ такихъ жаркихъ и безнадежныхъ слезахъ?..

Онъ началъ припоминать ея слова. Все, что она говорила ему, еще звучало въ ушахъ его, какъ музыка, и сердце любовно отдавалось глухимъ, тяжелымъ ударомъ на каждое воспоминаніе, на каждое набожно-повторенное ея слово. На мигъ мелькнуло въ умѣ его, что онъ видѣлъ все это во снѣ. Но въ тотъ же мигъ весь составъ его изнылъ въ замирающей тоскѣ, когда впечатлѣніе ея горячаго дыханія, ея словъ, ея поцалуй, наклеилось снова въ его воображеніи. Онъ закрылъ глаза и забылся. Гдѣ-то пробили часы; становилось поздно; падали сумерки.

Ему вдругъ показалось, что она опять склонилась надъ нимъ, что глядитъ въ его глаза своими чудно-ясными глазами, влажными отъ сверкающихъ слезъ безмятежной, свѣтлой радости, тихими и ясными, какъ бирюзовый, нескончаемый куполъ неба въ жаркій полдень. Такимъ торжественнымъ спокойствіемъ сіяло лицо ея, такимъ обѣтованіемъ нескончаемаго блаженства теплилась ея улыбка, съ такимъ сочувствіемъ, съ такимъ младенческимъ увлеченіемъ преклонилась она на плечо его, что

стонъ вырвался изъ его обезсиленной груди отъ радости. Она хотѣла ему что-то сказать; она ласково что-то повѣряла ему. Опять какъ-будто сердце-пронзающая музыка поразила слухъ его. Онъ жадно впитывалъ въ себя воздухъ, нагрѣтый, наэлектризованный ея близкимъ дыханіемъ. Въ тоскѣ онъ простеръ свои руки, вздохнулъ, от-

крылъ глаза... Она стояла передъ нимъ, нагнувшись къ лицу его, вся блѣдная какъ отъ испуга, вся въ слезахъ, вся дрожа отъ волненія. Она что-то говорила ему, объ чемъ-то молила его, складывая и лаская свои полуобнаженные руки. Онъ обвинилъ ее въ своихъ объятіяхъ, она вся трепетала на его груди...

ХОЗЯЙКА.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

— Что ты? что съ тобою? говорилъ Ордынцовъ, очнувшись совсѣмъ, все еще сжимая ее въ своихъ крѣпкихъ и горячихъ объятіяхъ: — что съ тобой, Катерина? что съ тобою, любовь моя?

Она тихо рыдала, потупивъ глаза и пряча разгорѣвшееся лицо у него на груди. Долго еще она не могла говорить и вся дрожала, какъ-будто въ испугѣ.

— Не знаю, не знаю, проговорила она, наконецъ, едва-слышнымъ голосомъ, задыхаясь и почти невыговаривая словъ: — не помню, какъ и къ тебѣ зашла я сюда... — Тутъ она еще крѣпче, еще съ большимъ стремленіемъ прижалась къ нему и въ неудержимомъ, судорожномъ чувствѣ цаловала ему плечо, руки, грудь; наконецъ, какъ будто въ отчаяньи, закрылась руками, припала на колѣни и скрыла въ его колѣняхъ свою голову. Когда же Ордынцовъ, въ невыразимой тоскѣ, нетерпѣливо приподнялъ и посадилъ ее возлѣ себя, то цѣлымъ заревомъ стыда горѣло лицо ея, глаза ея плакали о помилованіи, и насильно пробивавшаяся на губѣ ея улыбка едва силилась подавить неудержимую силу новаго ощущенія. Теперь она была какъ будто снова чѣмъ-то испугана, недоувѣрчиво отталкивала его рукой, едва взглядывала на него и отвѣчала на его ускоренные вопросы потупивъ голову, боязливо и шопотомъ.

— Ты, можетъ быть, видѣла страшный сонъ, говорилъ Ордынцовъ: — можетъ быть, тебѣ привидѣлось что нибудь... да? Можетъ быть, онъ испугалъ тебя... Онъ въ бреду и безъ памяти... Можетъ быть, онъ что нибудь говорилъ, что не тебѣ было слушать?.. Ты слышала что нибудь? да?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Катерина, съ усиленіемъ подавляя свое волненіе. Сонъ и не шелъ ко мнѣ. Онъ все молчалъ и только разъ позвалъ меня. Я подходила, окликала его, говорила ему; мнѣ стало страшно; онъ не просыпался и не слышалъ меня. Онъ въ тяжеломъ недугѣ, подай Господь ему помощи! Тогда мнѣ на сердце стала

тоска западать, горькая тоска! Я жъ все молилась, все молилась, и вотъ это и нашло на меня.

— Полно, Катерина, полно, жизнь моя, полно! Это ты вчера испугалась...

— Нѣтъ, я не пугалась вчера!..

— Бываетъ это съ тобою другой разъ?

— Да, бываетъ.—И она вся задрожала и опять въ испугѣ стала прижиматься къ нему, какъ дитя.— Видишь, сказала она, прерывая рыданія:—я не напрасно пришла къ тебѣ, не напрасно тяжело было одной, повторяла она, благодарно сжимая его руки.—Полно же, полно о чужомъ горѣ слезы ронять! Прибереги ихъ на черный день, когда самому одинокому тяжело будетъ и не будетъ съ тобой никого!.. Слушай, была у тебя твоя любя?

— Нѣтъ... до тебя я не зналъ ни одной...

— До меня... ты меня своей любовью зовешь?

Она вдругъ посмотрѣла на него, какъ будто съ удивленіемъ, что-то хотѣла сказать, но потомъ утихла и потупилась. Мало по малу, все лицо ея снова зардѣлось внезапно-запылавшимъ румянцемъ; ярче, сквозь забытыя, еще неостывшія на рѣсницахъ слезы, блеснули глаза, и видно было, что какой-то вопросъ шевелился на губахъ ея. Съ стыдливымъ лукавствомъ взглянула она раза два на него и потомъ вдругъ снова потупилась.

— Нѣтъ, не бывать мнѣ твоей первой любовью, сказала она:—нѣтъ, нѣтъ, повторяла она, покачивая головою, задумавшись, тогда какъ улыбка опять тихо прокрадывалась по лицу ея: — нѣтъ, сказала она наконецъ разсмѣявшись: — не мнѣ, родной, быть твоей любушкой.

Тутъ она взглянула на него; но столько грусти отразилось вдругъ на лицѣ ея, такая безвыходная печаль поразила разомъ всѣ черты ея, такъ неожиданно закипѣло изнутри, изъ сердца ея отчаяніе, что непонятное, болѣзненное чувство состраданія къ горю невѣдомому захватило духъ Ордынова, и онъ съ невыразимымъ мученіемъ глядѣлъ на нее.

— Слушай, что я скажу тебѣ, говорила она голосомъ пронзающимъ сердце, сжавъ его руки въ сво-

ихъ рукахъ, усиливаясь подавить свои рыданія.— Слушай меня хорошо, слушай, радость моя! Ты укроти свое сердце и не люби меня такъ, какъ теперь полюбилъ. Тебѣ легче будетъ, сердцу станетъ легче и радостнѣе, и отъ лютаго врага себя сбережешь, и люби-сестрицу себѣ наживешь. Буду къ тебѣ приходить, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возму, что спозналась съ тобой. Была же съ тобою два дня, какъ лежалъ ты въ зломъ недугѣ! Спознай сестрицу! Не даромъ же мы братались съ тобой, не даромъ же я за тебя Богородицу слезно молила! другой такой не нажить тебѣ! Миръ изойдешь кругомъ, поднебсную узнаешь—не найти тебѣ другой такой любви, коли любви твое сердце проситъ. Горячо тебя люблю, все какъ теперь любить буду, и за то люблю, что душа твоя чистая, свѣтлая, насквозь видна; за то, что какъ я взглянула впервой на тебя, такъ тотчасъ спознала, что ты моего дома гость, желанный гость и не даромъ къ намъ напросился; за то люблю, что, когда глядишь, твои глаза любятъ и про сердце твое говорятъ и когда скажутъ что, такъ я тотчасъ же обо всемъ, что ни есть въ тебѣ, знаю, и за то тебѣ жизнь отдать хочется на твою любовь, добрую волюшку, затѣмъ, что сладко быть и рабыней тому, чье сердце нашла... да жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу жъ возьми и самъ будь мнѣ братъ, и меня въ свое сердце прийми, когда опять тоска, злая немочь нападетъ на меня: только самъ сдѣлай такъ, чтобъ мнѣ стыда не было къ тебѣ приходить и съ тобой долгую ночь какъ теперь просидѣть. Слышалъ меня? Открылъ ли мнѣ сердце свое? Взялъ ли въ разумъ, что я тебѣ говорила?.. Она хотѣла еще что-то сказать, взглянула на него, положила на плечо ему свою руку, и наконецъ, въ безсиліи припала къ груди его. Голосъ ея замеръ въ судорожномъ, страстномъ рыданіи, грудь волновалась глубоко, и лицо вспыхнуло, какъ заря вечерняя.

— Жизнь моя! прошептала Ордыновъ, у котораго зрѣніе помутилось и духъ занялся.— Радость моя! говорилъ онъ, не зная словъ своихъ, не помня ихъ, не понимая себя, трепеща, чтобъ однимъ дуновеніемъ не разрушить обаянія, не разрушить всего, что было съ нимъ и что скорѣе онъ принималъ за видѣніе, чѣмъ за дѣйствительность: такъ отуманилось все передъ нимъ!—Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мнѣ теперь говорила, разумъ тускнѣетъ мой, сердце ноетъ въ груди, владычица моя!..

Тутъ голосъ его опять пресѣкъ отъ волненія. Она все крѣпче, все теплѣе, горячѣе прижималась къ нему. Онъ привсталъ съ мѣста и, уже не сдерживая себя болѣе, разбитый, обезсиленный восторгомъ, упалъ на колѣни. Рыданія судорожно, съ болью прорвались наконецъ изъ груди его, и пробившійся прямо изъ сердца голосъ задрожалъ, какъ струна, отъ всей полноты невѣдомаго восторга и блаженства.

— Кто ты, кто ты, родная моя? откуда ты, моя голубушка? говорилъ онъ, сисясь подавить свои рыданія:—изъ какого неба ты въ мои небеса залетѣла? Точно сонъ кругомъ меня; я вѣрить въ тебя не могу. Не укоряй меня... дай мнѣ говорить, дай мнѣ все, все сказать тебѣ!.. Я долго хотѣлъ говорить... Кто ты, кто ты, радость моя?.. Какъ ты нашла мое сердце? Расскажи мнѣ, давно ли ты сестрица моя?.. Расскажи мнѣ все про себя, гдѣ ты была до сихъ поръ, — расскажи, какъ звали мѣсто, гдѣ ты жила, что ты тамъ полюбила сначала, чѣмъ рада была, и о чемъ тосковала?.. Былъ ли тамъ тепелъ воздухъ, чисто ли небо было?.. кто тебѣ былъ милымъ, кто любилъ тебя до меня, къ кому тамъ впервые твоя душа запросилась?.. Была ль у тебя мать родная и она ль тебя дитятей лелѣяла, или, какъ я, одинокая, ты на жизнь оглянулась? Скажи мнѣ, всегда ль ты была такова? Что случилось, о чемъ гадала ты впердѣ, что сбылось и что не сбылось у тебя—все скажи... По комъ заняло первый разъ твое дѣвичье сердце и за что ты его отдала? Скажи, что же мнѣ отдать тебѣ за него, что мнѣ отдать тебѣ за тебя?.. Скажи мнѣ, любушка, свѣтъ мой, сестрица моя, скажи мнѣ, чѣмъ же мнѣ твое сердце нажить?..

Тутъ голосъ его снова изсякъ, и онъ склонилъ голову. Но когда поднималъ глаза, то нѣмой ужасъ оледенилъ его всего разомъ, и волосы встали дыбомъ на головѣ его.

Катерина сидѣла блѣдная какъ полотно. Она неподвижно смотрѣла въ воздухъ, губы ея были сини, какъ у мертвой, и глаза заволоклись нѣмой, мучительной мукой. Она медленно привстала, ступила два шага и съ пронзительнымъ воплемъ упала передъ образомъ... Отрывистыя, несвязныя слова вырывались изъ груди ея. Она лишилась чувствъ. Ордыновъ, весь потрясенный страхомъ, поднималъ ее и донесъ до своей кровати; онъ стоялъ надъ нею не помня себя. Спустя минуту, она открыла глаза, приподнялась на постели, осмотрѣлась кругомъ и схватила его руку. Она привлекла его къ себѣ, силилась что-то прошептать все еще блѣдными губами, но голосъ все еще измѣнялъ ей. Наконецъ она разразилась градомъ слезъ; горячія капли жгли похолодѣвшую руку Ордынова.

— Тяжело, тяжело мнѣ теперь; часъ мой приходить послѣдній! проговорила она наконецъ, тоскуя въ безвыходной мукѣ.

Она сплилась еще что-то проговорить, но костенѣлый языкъ ея не могъ произнести ни одного слова. Съ отчаяніемъ глядѣла она на Ордынова, непонимаваго ея. Онъ нагнулся къ ней ближе и вслушивался... Наконецъ, онъ услышалъ, какъ она прошептала явственно:

— Я испорчена, меня испортили, погубили меня!

Ордыновъ поднималъ голову и съ дикимъ изумленіемъ взглянулъ на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула въ умѣ его. Катерина видѣла судорожное, болѣзненное сжатіе его лица.

— Да! испортили, продолжала она: — меня испортилъ злой человекъ—онъ, погубитель мой!.. Я душу ему продала... Зачѣмъ, зачѣмъ объ родной ты помянулъ? что тебѣ было мучить меня? Богъ тебѣ, Богъ тебѣ судья!..

Черезъ минуту она заплакала; сердце Ордынова билось и ныло въ смертной тоскѣ.

— Онъ говоритъ, шептала она сдерживаемымъ, таинственнымъ голосомъ: — что когда умереть, то придетъ за моей грѣшной душой... Я его, я ему душой продаюсь... Онъ мучилъ меня, онъ мнѣ въ книгахъ читалъ... На, смотри, смотри его книгу! вотъ его книга. Онъ говоритъ, что я сдѣлала смертный грѣхъ... Смотри, смотри...

И она показывала ему книгу; Ордыновъ не замѣтилъ, откуда взялась она. Онъ машинально взялъ ее, всю писанную, какъ древнія раскольничьи книги, которыя ему удавалось прежде видѣть. Но теперь онъ былъ не въ силахъ смотрѣть и сосредоточить вниманіе свое на чемъ-нибудь другомъ. Книга выпала изъ рукъ его. Онъ тихо обнималъ Катерину, стараясь привести ее въ разумъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ: — тебя испугали; я съ тобою; отдохни со мною, родная, любовь моя, свѣтъ мой!

— Ты не знаешь ничего, ничего! говорила она, крѣпко сжимая его руки: — я такая всегда!.. Я все боюсь... Полно, полно тебѣ меня мучить!..

— Я тогда къ нему иду, начала она черезъ минуту, переводя духъ. — Иной разъ онъ просто своими словами меня заговариваетъ, другой разъ беретъ свою книгу, самую большую, и читаетъ надо мной. Онъ все грозное, суровое такое читаетъ! Я не знаю что, и понимаю не всякое слово; но меня беретъ страхъ, и когда я вслушиваюсь въ его голосъ, то словно это не онъ говоритъ, а кто-то другой, недобрый, кого ничѣмъ не умягчишь, ничѣмъ не замолишь, и тяжело-тяжело станетъ на сердцѣ, горитъ оно... Тяжелѣй, чѣмъ когда начиналась тоска!

— Не ходи къ нему! Зачѣмъ же ты ходишь къ нему? говорилъ Ордыновъ, едва сознавая слова свои.

— Зачѣмъ я къ тебѣ пришла? Спроси — тоже не знаю... А онъ мнѣ все говоритъ: молись, молись! Иной разъ я встаю въ темную ночь и молюсь долго по цѣлымъ часамъ; часто и сонъ меня клонитъ; но страхъ все будитъ, все будитъ меня, и мнѣ все чудится тогда, что гроза кругомъ меня собирается, что худо мнѣ будетъ, что разорвутъ и затерзаютъ меня недобрые, что не замолишь мнѣ угодниковъ, и что не спасутъ они меня отъ лютаго горя. Вся душа разрывается, словно распаяться все тѣло хочетъ отъ слезъ... Тутъ я опять стану молиться, и молюсь и молюсь до той поры, пока Владычица не посмотритъ на меня съ иконы любовнѣе. Тогда я встаю и отхожу на сонъ какъ убитая; иной разъ и засну на полу, на колѣняхъ предъ иконою. Тогда, случится, онъ проснется, подзоветъ меня, начнетъ меня голубить, ласкать,

утѣшать, и тогда ужъ мнѣ и легче становится, и приди хоть какая бѣда, я ужъ съ нимъ не боюсь. Онъ властенъ! Велико его слово!

— Но какая жъ бѣда, какая жъ бѣда у тебя?... И Ордыновъ ломалъ руки въ отчаяніи.

Катерина странно поблѣднѣла. Она смотрѣла на него какъ приговоренная къ смерти, не чая помилованія.

— Меня?.. я дочь проклятая, я душегубка; меня мать прокляла! Я родную мать загубила!..

Ордыновъ безмолвно обнялъ ее. Она трепетно прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ, какъ судорожная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и казалась, душа ея разставалась съ тѣломъ.

— Я ее въ сырую землю зарыла, говорила она вся въ тревогѣ своихъ воспоминаній, вся въ видѣніяхъ своего безвозвратно-прошедшаго: — я давно хотѣла говорить, онъ все заказывалъ мнѣ моленіемъ, укоромъ и словомъ гибельнымъ, а порой самъ на меня же подыметъ тоску мою, точно мой врагъ и супостатъ. А мнѣ все — какъ и теперь почью — все приходитъ на умъ... Слушай, слушай! Это давно уже было, очень-давно, я и не помню когда, а все, какъ-будто вчера передо мною, словно сонъ вчерашній, что сосалъ мнѣ сердце всю ночь. Тоска надвое время длиннѣе. Сядь, сядь здѣсь возлѣ меня; я все мое горе тебѣ расскажу; разрази меня, проклятую; проклятіемъ матернимъ... Я тебѣ жизнь мою предаю...

Ордыновъ хотѣлъ остановить ее, но она сложила руки, моля его любовь на вниманіе, и потомъ снова, еще съ большой тревогой начала говорить. Рассказъ ея былъ безсвязенъ, въ словахъ слышалась буря душевная, но Ордыновъ все понималъ, затѣмъ, что жизнь ея стала его жизнію, горе ея его горемъ, и затѣмъ, что врагъ его уже вѣявъ стоялъ передъ нимъ, воплощался и росъ передъ нимъ въ каждомъ ея словѣ, и какъ-будто съ неистощимой силой давилъ его сердце и ругался надъ его злобой. Кровь его волновалась, заливала сердце и путала мысли. Злой старикъ его сна (въ это вѣрилъ Ордыновъ) былъ вѣявъ передъ нимъ.

— Вотъ такая же ночь была, начала говорить Катерина: — только грознѣе, и вѣтеръ вылъ по нашему лѣсу, какъ никогда еще не удавалось мнѣ слышать... или ужъ въ эту ночь началась гибель моя! Подъ нашимъ окномъ дубъ сломило, а къ намъ приходитъ старый, сѣдой старикъ-нищій, и онъ говорилъ, что еще малымъ детей помнилъ этотъ дубъ, и что онъ былъ такой же, какъ и тогда, когда вѣтеръ осилилъ его... Въ эту же ночь — какъ теперь все помню! — у отца барки на рѣкѣ бурей разбило, и онъ, хоть и немочь ломала его, поѣхалъ на мѣсто, какъ-только приближали къ намъ на заводъ рыбаки. Мы съ матушкой сидѣли одни, я дремала, она объ чемъ-то грустила и горько плакала... да, я знала о чемъ! Она только-что хворала, была блѣдна и все говорила мнѣ, чтобъ я ей саванъ готовила... Вдругъ слышенъ въ полночь стукъ у воротъ; я вскочила, кровь залила

мнѣ сердцѣ; матушка вскрикнула... я не взглянула на нее, я боялась, взяла фонарь, пошла сама опираться ворота... Это былъ *онъ*! Мнѣ стало страшно, затѣмъ, что мнѣ всегда страшно было, какъ онъ приходилъ, и съ самаго дѣтства такъ было, какъ только память во мнѣ родилась! У него только еще не было бѣлаго волоса; борода его была какъ смоль черна, глаза горѣли словно угли, и ни разу до-той поры онъ ласково на меня не взглянулъ. Онъ спросилъ: «дома ли мать?» Я, затворяя калитку, говорю, что «отца нѣту дома». Онъ сказалъ: «знаю», и вдругъ глянулъ на меня, такъ глянулъ... первый разъ онъ такъ глядѣлъ на меня. Я шла, а онъ все стоитъ. «Что ты нейдешь?»—Думу думаю. Мы ужъ въ свѣтелку входимъ. «А зачѣмъ ты сказала, что отца нѣту дома, когда я спрашивалъ дома ли мать?» Я молчу... Матушка обмерла — къ нему бросилась... онъ чуть взглянулъ, я все видѣла. Онъ былъ весь мокрый, издрогнѣвшій: буря гнала его двадцать верстъ—а откуда и гдѣ онъ бываетъ, ни я, ни матушка никогда не знали; мы его ужъ девять недѣль не видали... бросилъ шапку, скинулъ рукавицы—об-разамъ не молится, хозяевамъ не кланяется—сѣлъ у огня...

Катерина провела рукою по лицу, какъ будто что-то гнело и давило ее, но черезъ минуту опять подняла голову и опять начала:

— Онъ сталъ съ матерью говорить по-татарски. Мать умѣла, я не понимала ни слова. Другой разъ, какъ онъ приходилъ, меня отсылали; а теперь мать родному дѣтищу слова сказать не посмѣла. Нечистый купилъ мою душу, и я, сама себѣ хвалясь, смотрѣла на матушку. Вижу, на меня смотреть, обо мнѣ говорятъ; она стала плакать; вижу, онъ за ножъ хватается, а ужъ не одинъ разъ, съ недавняго времени, онъ при мнѣ за ножъ хватался, когда съ матерью говорилъ. Я встала и схватилась за его поясъ, хотѣла у него ножъ его вырвать нечистый. Онъ скрипнулъ зубами, вскрикнулъ, и хотѣлъ меня отбить—въ грудь ударилъ, да не оттолкнулъ. Я думала, тутъ и умру, глаза заволокло, падаю на земь—да не вскрикнула. Смотрю, сколько силъ было видѣть, снимаетъ онъ поясъ, засучиваетъ руку, которой ударилъ меня, ножъ вынимаетъ, мнѣ даетъ: «На, рѣжь ее прочь, натѣшься надъ ней, во сколько обиды моей къ тебѣ было, а я, гордая, за то до-земи тебѣ поклонюсь». Я ножъ отложила; кровь меня душить начала, на него не глянула, помню, усмѣхнулась губъ не разжимая, да прямо матушкѣ въ печальныя очи смотрю, грозно смотрю, а у самой смѣхъ съ губъ не сходитъ безстыдный; а мать сидитъ блѣдная, мертвая...

Ордынцовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ несвязный разговоръ; но мало-по-малу тревога ея стихла на первомъ порывѣ; рѣчь стала покойнѣе; воспоминанія увлекли совсѣмъ бѣдную женщину и разбили тоску ея по всему своему безбрежному морю.

— Онъ взялъ шапку не кланяясь. Я опять взяла фонарь его провожать, вмѣсто матушки, которая, хоть больная сидѣла, а хотѣла за нимъ идти. Дошли мы съ нимъ до воротъ: я молчу, калитку ему отворила, собакъ прогнала. Смотрю—снимаетъ онъ шапку и мнѣ поклонъ. Вижу, идетъ къ себѣ за пазуху, вынимаетъ коробокъ красивый, сафьянный, задвижку отводитъ; смотрю: бурмицкія зерна, — мнѣ на поклонъ. «Есть» говорить «у меня въ пригородѣи красавица, ей везъ на поклонъ, да не къ ней завезъ; возьми, красная дѣвица, полей свою красоту, хоть ногой растопчи, да возьми». Я взяла, а ногой топтать не хотѣла, чести много не хотѣла давать, а взяла какъ ехидна, не сказала ни слова на что. Пришла и поставила на столъ передъ матерью—для того и брала. Родимая съ минуту молчала, вся какъ платокъ бѣла, говорить со мной словно боится. «Что жъ это, Катя?» А я отвѣчаю:—тебѣ, родная, купецъ приносилъ, я не вѣдаю. Смотрю, у ней слезы выдавились, духъ захватило. «Не мнѣ, Катя; не мнѣ, дочка злая, не мнѣ». Помню, такъ горько, такъ горько сказала, словно всю душу выплакала. Я глаза подняла, хотѣла ей въ ноги броситься, да вдругъ окаянный подсказалъ: «Ну, не тебѣ, вѣрно батюшкѣ; ему передамъ, коль воротится; скажу: купцы были, товаръ позабыли...» Тутъ какъ всплачетъ она, родная моя... «Я сама скажу, что за купцы пріѣзжали и за какимъ товаромъ пріѣхали... Ужъ я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мнѣ теперь, ты мнѣ змѣя подколотая! ты дѣтище мое проклятое!» Я молчу, слезы нейдутъ у меня... ахъ! словно все во мнѣ вымерло... Пошла я къ себѣ въ свѣтлицу и всю то ноченьку бурю прослушала, да подъ бурей свои мысли слагала.

«А между тѣмъ пять днѣй прошло. Вотъ ввечеру пріѣзжаетъ черезъ пять днѣй батюшка, хмурый и грозный, да немочь то дорогой сломила его. Смотрю, рука у него подвязана; смекнула я, что дорогу ему врагъ его перешелъ; а врагъ тогда утомилъ его и немочь наслалъ на него. Знала я тоже, кто его врагъ, все знала. Съ матушкой слова не молвилъ, про меня не спросилъ, всѣхъ людей созвалъ, заводъ остановить приказалъ и домъ отъ худаго глаза беречь. Я почувала сердцемъ въ тотъ часъ, что дома у насъ нездорово. Вотъ ждемъ, прошла ночь, тоже бурная, вьюжная, и тревога мнѣ въ душу запала. Отворила я окно—горитъ лицо, плачутъ очи, жжетъ сердце неугомонное; сама какъ въ огнѣ: такъ и хочется мнѣ вонъ изъ свѣтлицы, дальше, на край свѣта, гдѣ молонья и буря родятся. Грудь моя дѣвичья ходенѣмъ ходитъ... вдругъ, ужъ поздно — я какъ будто вздремнула, иль туманъ мнѣ на душу запалъ, разумъ смутилъ — слышу, стучать въ окно: отвори! Смотрю, человекъ въ окно по веревкѣ вскарабкался. Я тотчасъ узнала, кто въ гости пожаловалъ, отворила окно и впустила его въ свѣтлицу свою одинокую. А былъ *онъ*! Шапки не снялъ,

сѣлъ на лавку, запыхался, еле духъ переводить, словно погоня была. Я стала въ уголъ и сама знаю, какъ вся побѣднѣла. — Дома отецъ? «Дома.» — А мать? «Дома и мать.» — Молчи же теперь; слышишь: «Слышу.» — Что? «Свистъ подъ ономъ!» — Ну, хочешь теперь, красная дѣвица, съ недруга голову снять, батюшку родимаго кликнуть, душу мою загубить? Изъ твоей дѣвичьей воли не выйду; вотъ и веревка, важи; коли сердце велитъ за обиду свою заступиться. — Я молчу. — Что жъ? промолви, радость моя? «Чего тебѣ пужно?» — А нужно мнѣ враговъ уходить, съ старой любовью по добру по здорову проститься, а новой, молодой, какъ ты, красной дѣвицѣ, душой поклониться... Я засмѣялась; и сама не знаю, какъ его нечистая рѣчь въ мое сердце дошла. — Пусти жъ меня, красная дѣвица, прогуляться внизъ, свое сердце извѣдать, хозяевамъ поклонъ отнѣсти. — Я вся дрожу, стучу зубомъ объ зубъ, а сердце словно желѣзо каленое. Пошла, дверь ему отворила, выстила въ домъ, только на порогъ черезъ силу промолвила: «На, вотъ! возьми свои зерна, и не дари меня другой разъ никогда» и сама ему коробокъ во слѣдъ бросила.

Тутъ Катерина остановилась перевести духъ; она то вздрагивала и какъ листъ блѣднѣла, то кровь всходила ей въ голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ея пылали огнемъ, глаза блистали сквозь слезы, и тяжелое, прерывистое дыханіе колебалось грудь ея. Но вдругъ она опять поблѣднѣла, и голосъ ея упалъ, задрожавъ тревожно и грустно.

Тогда я осталась одна, и будто буря меня кругомъ обхватила. Вдругъ слышу крикъ, слышу, по двору люди до завода бѣгутъ, слышу говоръ: «заводъ горитъ». Я притаилась, изъ дома всѣ убѣжали; осталась я съ матушкой. Знала я, что она съ жизнью разстается, третьи сутки на смертной постели лежитъ, знала я, окаянная дочь!.. Вдругъ слышу крикъ подъ моей свѣтлицей, слабый, словно ребенокъ вскрикнулъ, когда во снѣ испугается, и потомъ все затихло. Я задула свѣчу, сама леденѣю, закрылась руками, глануть боюсь. Вдругъ слышу крикъ подлѣ меня, слышу съ завода люди бѣгутъ. Я въ окно свѣсилась: вижу, несутъ батюшку мертвого, слышу, говорятъ межъ собою: «остыпился, съ лѣстницы въ котель раскаленный упалъ; знать, нечистый его туда подтолкнулъ.» Я припала на постель; жду, сама вся замерла, и не знаю чего и кого ждала; только тяжело у меня было въ этотъ часъ. Не помню, сколько ждала; помню, что меня вдругъ всю колыхать начало, голова тяжело стало, глаза выѣдало дымомъ; и рада была я, что близка моя гибель! Вдругъ, слышу, кто то меня за плеча подымаетъ. Осмотрю сколько глядѣть могу: онъ весь опаленный и кафтанъ его, горячій на ощупь, дымится.

— «За тобой пришелъ, красная дѣвица; уводи жъ меня отъ бѣды, какъ прежде на бѣду наводила; душу свою я за тебя сгубилъ. Не отмолить мнѣ

этой ночи проклятой! Развѣ вмѣстѣ будемъ молиться!» Смѣялся онъ, злой человѣкъ! «Покажи» говоритъ, «какъ пройти, чтобъ не мимо людей!» Я взяла его за руку и повела за собой. Прошли мы корридоръ—со мной ключи были—отворила я дверь въ кладовую, и показала ему на окно. А окно наше въ садъ выходило. Онъ схватилъ меня на мочуги руки, обнялъ и выпрыгнулъ со мною вонъ изъ окна. Мы побѣжали съ нимъ рука въ руку, долго бѣжали. Смотримъ: густой, темный лѣсъ. Онъ сталъ слушать: «погоня, Катя, за нами! погоня за нами, красная дѣвица, да не въ этотъ часъ намъ жизни свои положить! Поцалуй меня, красная дѣвица, на любовь да на вѣчное счастье!» — А отъ чего у тебя руки въ крови? — «Руки въ крови, моя родимая? а вашихъ собакъ порѣзали; разлаялись больно на позднего гостя. Пойдемъ!» Мы опять побѣжали; видимъ, на тропинкѣ батюшкинъ конь, узду перервалъ, изъ конюшни выбѣжалъ; знать ему горѣть не хотѣлось! «Садись, Катя, со мной! Богъ нашъ намъ помочь послалъ!» Я молчу. «Аль не хочешь? я вѣдь не нечистъ какой, не нечистый; вотъ перекрещусь, коли хочешь,» и тутъ онъ крестъ положилъ. Я сѣла, прижалась къ нему и забылась совсѣмъ у него на груди, словно сонъ какой напалъ на меня, а какъ очнулась, вижу, стоимъ у широкой-широкой рѣки. Онъ слѣзъ, меня съ лошади снялъ, и пошелъ въ тростникъ: тамъ онъ лодку свою затаилъ. Мы ужъ сѣли. «Ну, прощай, добрый конь, ступай до новаго хозяина, а старые всѣ тебя покидаютъ!» Я бросилась къ коню батюшкину и крѣпко на разлудку обняла его. Потомъ мы сѣли, онъ весла взялъ, и мыгомъ стало намъ береговъ не видать. И когда стало намъ береговъ не видать, смотрю, онъ весла сложилъ, и кругомъ, по всей водѣ осматрѣлся.

— «Здравствуй» промолвилъ «матушка, бурная рѣченька, Божьему люду понлица, а моя кормлица! Скажи-ка, берегла ль ты мое добро безъ меня, цѣлы ль товары мои!» Я молчу, очи на грудь опустила: лицо стыдомъ, какъ подымемъ пышетъ. А онъ: «Ужъ и все бъ ты взяла, бурная, ненасытная, а дала бъ мнѣ обѣтъ беречь и лелѣять жемчужину мою многоцѣнную! Урони жъ хоть словечко, красная дѣвица, просіяй въ бурю солнцемъ, разгони свѣтомъ темную ночь!» — Говорить, а самъ усмѣхается; жгло его сердце по мнѣ, да усмѣшки его, со стыда, мнѣ сгериѣть не хотѣлось; хотѣлось слово сказать, да сробѣла, смолчала. «Ну, нѣтъ быть такъ!» отвѣчаетъ онъ на мою думу робкую, говоритъ будто съ горя, самаго будто горе беретъ. «Знать, съ силы ничего не возьмешь. Богъ же съ тобой, спѣсивая, голубица моя, красная дѣвица! Видно, сильна ко мнѣ твоя ненависть, иль ужъ такъ не люблю я твоимъ свѣтлымъ очамъ приглянулся.» Слушала я и зло меня взяло, зло съ любви взяло; я сердце осилила, промолвила: любовь иль не любовь ты пришелся мнѣ, знать не мнѣ про то знать, а вѣрно другой какой перазумной, безтыжей, что свѣтлицу свою дѣвичью

въ темную ночь опозорилъ, за смертный грѣхъ душу свою продала, да сердца своего не сдержала безумнаго; да знать про то вѣрно моимъ горючимъ слезамъ, да тому, кто чужой бѣдой воровски похваляется, надъ дѣвичьимъ сердцемъ насмѣхается! Сказала да не стерпѣла, заплакала... Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на меня такъ, что я какъ листъ задрожала. «Слушай же» говоритъ мнѣ «красная дѣвица» — а у самаго чудно очи горятъ» — не праздно слово скажу, а дамъ тебѣ великое слово: на сколько счастья мнѣ подарилъ, на столько буду и я тебѣ господинъ, а не влюбилъ когда — и не говори, словъ не роняй, не трудись, а двинь только бровью своей соболѣною, поведи чернымъ глазомъ, мизинцемъ однимъ шевельни, и отдамъ тебѣ назадъ любовь твою съ золотою волюшкой; только будетъ тутъ, краса моя гордая, несносимая, и моей жизни конецъ! И тутъ вся плоть моя на его слова усмѣхнулась...

Тутъ глубокое волненіе прервало было разсказъ Катерины; она перевела духъ, усмѣхнулась новой думѣ своей и хотѣла было продолжать, но вдругъ сверкающій взглядъ ея встрѣтилъ воспаленный, прикованный къ ней взглядъ Ордынова. Она вздрогнула, хотѣла было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно въ безпамятствѣ закрылась она руками и бросилась лицомъ на подушки. Все потряслось въ Ордыновѣ! Какое-то мучительное чувство, смятеніе безотчетное, невыносимое разливалось какъ ядъ по всѣмъ его жиламъ и росло съ каждымъ словомъ разсказа Катерины: безвыходное стремленіе, страсть жадная и невыносимая захватила думы его, мучила его чувства. Но грусть тяжелая, безконечная въ то же время все болѣе и болѣе давила его сердце. Минутами онъ хотѣлъ кричать Катеринѣ, чтобъ она замолчала, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и молить своими слезами, чтобъ она возвратила ему его прежнія муки любви, его прежнее, безотчетное, чистое стремленіе, и ему жаль стало давно уже высохшихъ слезъ своихъ. Сердце его пыло, болѣзненно обливаясь кровью и не давая слезъ уязвленной душѣ его. Онъ не понималъ, что говорила ему Катерина, и любовь его пугалась чувства, волновавшаго бѣдную женщину. Онъ проклялъ страсть свою въ эту минуту: она душила, томила его, и онъ слышалъ, какъ растопленный свинецъ вмѣсто крови потѣкъ въ его жилы.

— Ахъ, не въ томъ мое горе, сказала Катерина, вдругъ приподнявъ свою голову: — что я тебѣ говорила теперь, не въ томъ мое горе, продолжала она голосомъ, зазвенѣвшимъ какъ мѣдь отъ новаго неожиданнаго чувства, тогда какъ вся душа ея разрывалась отъ затѣвшихъ, безвыходныхъ слезъ: — не въ томъ мое горе, не въ томъ мѣла, забота моя! Что, что мнѣ до родимой моей, хоть и не нажить мнѣ на всѣмъ свѣтѣ другой родной матушки! Что мнѣ до того, что прокляла она меня въ часъ свой тяжелый, послѣдній! Что мнѣ до золотой прежней жизни моей, до теплой

свѣтлицы, до дѣвичьей волюшки! что мнѣ до того, что продалась я нечистому и душу мою отдала погубителю, за счастье вѣчный грѣхъ понесла! ахъ, не въ томъ мое горе, хоть и на этомъ велика гибель моя! А то мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что прозоръ и стыдъ мой самой безстыдной мнѣ любовь, что люблю жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье — въ томъ мое горе, что цѣтъ силы въ немъ и нѣтъ гнѣва за обиду свою!..

Духъ занялся въ груди бѣдной женщины, и судорожное, истерическое рыданіе пресѣкло слова ея. Горячее, порывистое дыханіе падло на губы, грудь подымалась и опускалась глубоко, и непонятнымъ негодованіемъ сверкнули глаза ея. Но столько очарованія озолотило лице ея въ эту минуту, такимъ страстнымъ потокомъ чувства, такой невыносимой, неслыханной красотой задрожала каждая линія, каждый мускулъ его, что разомъ угасла черная дума и замолкла чистая грусть въ груди Ордынова. Сердце его рвалось прижаться къ ея сердцу и страстно въ безумномъ волненіи забыться въ немъ вмѣстѣ, застучать въ ладъ той же бурей, тѣмъ же порывомъ невыносимой страсти и хотѣла замереть съ нимъ вмѣстѣ Катерина встрѣтила помутившійся взоръ Ордынова и улыбнулась такъ, что удвоеннымъ потокомъ огня обдало его сердце. Онъ едва помнилъ себя.

— Пожалѣй меня, пощади меня! шептала онъ ей, сдерживая дрожащій свой голосъ, наклоняясь къ ней опершись рукою на ея плечо, и близко, близко такъ, что дыханіе ихъ сливалось въ одно, смотря ей въ глаза: — ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю и душа моя смутилась... Что мнѣ до того, объ чемъ плачетъ твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сдѣлаю. Пойдемъ же смирною, пойдемъ, не убѣй меня, не мертви меня!..

Катерина смотрѣла на него неподвижно; слезы высохли на горячихъ щекахъ ея. Она хотѣла прервать его, взяла его за руку, хотѣла сама, что-то говорить и какъ-будто не находила словъ. Какая-то странная улыбка медленно появилась на ея губахъ, словно смѣхъ пробивался сквозь эту улыбку.

— Не все жъ я, знать, тебѣ разсказала, проговорила она наконецъ прерывистымъ голосомъ. — Еще разскажу; только будешь ли, будешь ли слушать меня, горячее сердце? Послушай сестрицу свою! Знать мало спозналъ ты ея лютаго горя! Хотѣла бъ я разсказать, какъ я съ нимъ годъ прожила, да не стану... А миновъ годъ, ушелъ онъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ, и осталась я у названной матушки его во пристани ждать. Жду его мѣсяцъ, другой — и повстрѣчалась я въ пригородѣ съ молодымъ дупцомъ, взглянула на него и вспомнила про былые годы золотые. — «Любушка-сестрица!» говоритъ онъ, какъ два слова перемолвилъ со мной: «я Алеша, твой названный суженой, насъ дѣтми старики на словахъ повѣнчали; забыла меня, вспомни-ка, я изъ нашего мѣста.. А что говорятъ обо мнѣ въ вашемъ мѣстѣ?» — «А го-

ворить людской толкѣ, что ты нечестно пошла, дѣвичій стыдъ позабыла, съ разбойникомъ, душегубцемъ спозналась» говорить мнѣ Алеша, смѣясь. — А ты что про меня говорилъ? — «Много хотѣлъ говорить, какъ сюда подѣзжалъ» — и смутилось въ немъ сердце — «много сказать захотѣлось, а теперь душа у меня помертвѣла, какъ завидѣлъ тебя; сгубила ты меня!» говорить. «Купи жъ и мою душу, возьми ее, хоть насмѣйся надъ сердцемъ, любовью моей, красная дѣвица. Я теперь спротивушка, хозяйинъ свой, и душа-то моя своя, не чужая, не продавалъ ее никому, какъ иная, что память свою загасила, а сердце не покупать стать, даромъ отдамъ, да видно дѣло оно наживное!» Я засмѣялась; и не разъ и не два говорилъ — цѣлый мѣсяцъ въ усадьбѣ живетъ, бросилъ товары, своихъ отпустилъ, одинъ-одинѣшенекъ. Жаль мнѣ стало его сиротскихъ слезъ. Вотъ и сказала я ему разъ поутру: жди меня, Алеша, какъ стемнѣетъ ночь, пониже у пристани; поѣдемъ съ тобой въ твое мѣсто! опостылѣла мнѣ жизнь моя горемычная! — Вотъ ночь пришла, я узелокъ навязала, и душа заняла, заиграла во мнѣ. Смотрю, входитъ хозяйинъ мой, нежданно, невѣдомо. — Здравствуй; пойдѣмъ; на рѣкѣ будетъ буря, а время не ждѣтъ. Я пошла за нимъ; къ рѣкѣ подошли, а до своихъ было далеко плыть; смотримъ: лодка и знакомый въ ней гребецъ сидитъ словно поджидаетъ его. «Здравствуй, Алеша, Богъ въ помощь тебѣ! Что? аль на пристани загодаль, на суда свои поспѣшаешь? Довези-ка, добрый человѣкъ, вотъ меня да съ хозяйшкѣй, къ своимъ въ наше мѣсто; лодку свою я отпустилъ, а вѣлавъ пойти не умѣю. — «Садись» сказалъ Алеша, а у меня вся душа изныла, какъ заслышала я голосъ его. «Садись и съ хозяйшкѣй; вѣтеръ для всѣхъ, а въ моемъ терему и для васъ будетъ мѣсто.» Сѣли; ночь была темная, звѣзды попрятались, вѣтеръ завылъ, встала волна, а отъ берега мы съ версту отъѣхали. Всѣ трое молчимъ.

— «Вуря!» говоритъ мой хозяйинъ: «и не къ добру эта буря! Такой буря я сродясь еще на рѣкѣ не видалъ; какая теперь разыграется! Тяжело нашей лодкѣ! не сносить ей трюхъ!» — Да, не сносить, отвѣчаетъ Алеша: и одинъ изъ насъ, зная, лишній выходить; говорить, а у самого голосъ дрожитъ какъ струна — «А что, Алеша? зналъ я тебя малымъ дитѣй, братался съ твоимъ роднымъ батюшкой, хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили—скажи мнѣ, Алеша, дойдешь ли безъ лодки до берега, или сгинешь ни за что, душу погубишь свою?» — Не дойду! А ты, добрый человѣкъ, какъ случится, неровень часъ и тебѣ порой водицы испить, дойдешь или нѣтъ? — «Не дойду: тутъ и конецъ моей душевны, не сносить меня бурной рѣкѣ!» — Слушай же ты теперь, Катеринушка, жемчужина моя многоцѣнная! помню я одну такую же ночь, только тогда не колыхалась волна, звѣзды сіяли и мѣсяцъ свѣтилъ. Хочу тебя такъ просто спросить, не забыла ли ты?» — Помню, я говорю.. «А какъ не

забыла ея, такъ и уговора не забыла, какъ училъ одинъ молодецъ одну красну дѣвицу волюшку свою похитить назадъ у немилова-а?» — Нѣтъ и того не забыла, говорю, а сама ни жива, ни мертва — «А не забыла! такъ вотъ теперь въ лодкѣ намъ тяжело. Ужъ не пришло ли чье время? Скажи, родная, скажи, готубица, проворкуй намъ по голубиному, свое слово ласковое.

«Я слова моего не сказала тогда!» прошептала Катерина блѣднѣя... Она не докончила.

— Катерина! раздался надъ ними глухой, хриплый голосъ. Ордыновъ вздрогнулъ. Въ дверяхъ стоялъ Муринъ. Онъ былъ едва закрытъ мѣховымъ одѣяломъ, блѣденъ какъ смерть и смотрѣлъ на нихъ почти-обезумѣвшимъ взглядомъ. Катерина блѣднѣла больше и больше и тоже смотрѣла на него неподвижно, какъ будто очарованная.

— Иди ко мнѣ, Катерина! прошептала больной едва слышнымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты Катерина все еще смотрѣла неподвижно въ воздухъ, все будто бы еще старикъ стоялъ передъ нею. Но вдругъ кровь мгновенно опалила ея блѣдныя щеки, и она медленно приподнялась съ постели. Ордыновъ вспомнилъ первую встрѣчу.

— Такъ до завтра же, слезы мои! сказала она, какъ-то странно усмѣхаясь: — до завтра! Помни жъ, на чемъ перестала я: «выбирай изъ двухъ: кто любъ или не любъ тебѣ, красная дѣвица!» Будешь помнить, подождешь одну почку? повторила она, положивъ ему свои руки на плеча и нѣжно смотря на него.

— Катерина, не ходи, не губи себя! Онъ сумасшедшій! шепталъ Ордыновъ, дрожа за нее.

— Катерина раздался голосъ за перегородкой.

— Что жъ? зарѣжетъ, не бось? отвѣчала смѣясь Катерина — «Доброй ночи тебѣ, сердце мое ненаглядное, голубъ горячій мой, братецъ родной! говорила она, нѣжно прижавъ его голову къ груди своей, тогда какъ слезы оросили вдругъ лицо ея. — Это послѣднія слезы. Переспи жъ свое горе, любезный мой, проснешься завтра на радость. И она страстно поцаловала его.

— Катерина! Катерина! шепталъ Ордыновъ, упавъ передъ ней на колѣни и порываясь остановить ее. — Катерина!

Она обернулась, улыбаясь кивнула ему головою и вышла изъ комнаты. Ордыновъ слышалъ, какъ она вошла къ Мурину; онъ затаилъ дыханіе, прислушиваясь; но ни звука не услышалъ онъ болѣе. Старикъ молчалъ или, можетъ быть, опять былъ безъ памяти... Онъ хотѣлъ-было идти къ ней туда, но ноги его подкашивались... Онъ ослабѣлъ и присѣлъ на постели...

II.

Долго не могъ онъ узнать часа, когда очнулся. Были разсвѣтъ или сумерки: въ комнатѣ все еще было темно. Онъ не могъ означить именно сколько времени спалъ, но чувствовалъ, что сонъ его

былъ сномъ болѣзненнымъ. Опомнясь, онъ провѣлъ рукой по лицу, какъ будто снимая съ себя сонъ и ночныя видѣнія. Но когда онъ хотѣлъ ступить на полъ, то почувствовалъ, что какъ будто все тѣло его было разбито, и истомленные члены отказывались повиноваться. Голова его болѣла и кружилась, и все тѣло обдавало то мелкою дрожью, то пламенемъ. Вмѣстѣ съ сознаниемъ воротилась и память, и сердце его дрогнуло, когда въ одинъ мигъ пережилъ онъ воспоминаніемъ всю прошлую ночь. Сердце его такъ сильно билось въ отвѣтъ на его раздумье, такъ горячи, свѣжи были его ощущенія, что какъ будто не ночь, не долгіе часы, а одна минута прошла по уходѣ Катерины. Онъ чувствовалъ, что глаза его еще не обсохли отъ слезъ — или новыя, свѣжія слезы брызнули какъ родникъ изъ горячей души его? И, чудное дѣло! ему даже сладостны были муки его; хотя онъ глухо слышалъ всѣмъ составомъ своимъ, что не вынесетъ болѣе такого насилия. Была минута, когда онъ почти чувствовалъ смерть и готовъ былъ встрѣтить ее, какъ свѣтлую гостью. такъ напряглись его впечатлѣнія, такимъ могучимъ порывомъ закипѣла по пробужденіи вновь его страсть, такими восторгомъ обдало душу его, что жизнь ускоренная напряженною дѣятельностью, казалось, готова была перерваться, разрушиться, истлѣть въ одинъ мигъ и угаснуть на вѣки. Почти въ эту же минуту, какъ бы въ отвѣтъ на тоску его, въ отвѣтъ его задрожавшему сердцу, зазвучалъ знакомый — какъ та внутренняя музыка, знакомая душѣ человека въ часъ радости о жизни своей, въ часъ безматейнаго счастья — густой, серебряный голосъ Катерины. Близко, возлѣ, почти надъ изголовьемъ его, началась пѣсня, сначала тихо и задушевно... Голосъ то возвышался, то опадалъ, судорожно замирая, словно тая про себя и нѣжно лелѣя свою же мятежную музу ненасытимаго, сдавленнаго желанія, безвыходно затаеннаго въ тоскующемъ сердцѣ; то снова разливался соловьиною трелью и весь дрожа, пламенѣя уже несдержимою страстью, разливался въ цѣлое море восторговъ, въ море могучихъ, безпредѣльныхъ, какъ первый мигъ блаженства любви, звуковъ. Ордынцовъ отягчалъ и слова: они были просты, задушевные, сложенные давно, прямыми, спокойными, чистыми и ясными самому себѣ чувствомъ. Но онъ забывалъ ихъ, онъ слышалъ лишь одни звуки. Сквозь простой, наивный складъ пѣсни, ему сверкали другія слова, гремѣвшія всѣмъ стремленіемъ, которое наполняло его же грудь, давшія откликъ сокровеннѣйшимъ, ему же неизвѣдомымъ, изгибаемъ страсти его, прозвучавшимъ ему же ясно, цѣлымъ сознаниемъ, о ней. И то слышался ему послѣдній стонъ безвыходно замершаго въ страсти сердца, то радость воли и духа, разбившаго цѣпи свои и устремившагося свѣтло и свободно въ неисходное море невозбранной любви; то слышалась первая клятва любовницы съ благоуханнымъ стыдомъ за первую краску въ лицѣ, съ моленіями, со слезами, съ та-

инственнымъ, робкимъ шопотомъ; то желаніе вѣхъ, гордое и радостное силой своей, безъ покрова, безъ тайны, съ сверкающимъ смѣхомъ обводящее кругомъ опьянѣвшія очи....

Ордынцовъ не выдержалъ окончанія пѣсни и всталъ съ постели. Пѣсня тотчасъ затихла.

— Доброе утро съ добрымъ днемъ прошли, мой желанный! зазвучалъ голосъ Катерины: добрый вечеръ тебѣ! Встань, приди къ намъ, пробудись на свѣтлую радость; ждемъ тебя я да хозяйни, люди все добрые, твоей волѣ покорные; загаси любовью ненависть, коли все еще сердце обидой болитъ. Скажи слово ласковое!...

Ордынцовъ уже вышелъ изъ комнаты на первый окликъ ея, и едва понявъ онъ, что входитъ къ хозяйкамъ. Передъ нимъ отворилась дверь, и ясна какъ солнце, заблестѣла ему золотая улыбка чудной его хозяйки. Въ этотъ мигъ онъ не видалъ, не слышалъ ничего, кромѣ ея. Мгновенно вся жизнь, вся радость его слились въ одно въ его сердцѣ — въ свѣтлый образъ его Катерины.

— Дѣй зари прошло, сказала она, подавая ему свои руки. — какъ мы попрощались съ тобой; вторая гаснетъ теперь, посмотри въ окно. словно дѣй зари души красной дѣвицы, промолвила смѣясь Катерина: — одна что первымъ стыдомъ лицо разрумянитъ, какъ впервые скажется въ груди одинокое дѣвичье сердце, а другая, какъ забудетъ первый стыдъ красная дѣвица, горитъ словно пылкимъ, давитъ дѣвичью грудь и гонитъ въ лицо румяную кровь.... Ступай, ступай въ нашу домъ, добрый молодецъ! Что стоишь на порогѣ? Честь тебѣ да любовь, да поклонъ отъ хозяйки!

Съ звонкимъ, какъ музыка, смѣхомъ взяла она руку Ордынцова и ввела его въ комнату. Робость вошла въ его сердце. Все пламя, весь пожаръ, пламенѣвшій въ груди его, словно истлѣлъ и угасилъ въ одинъ мигъ и на одинъ мигъ; онъ съ смущеніемъ опустил глаза и боялся смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ, что она такъ чудно прекрасна, что не сносить его сердцу знойнаго ея взгляда. Никогда еще онъ не видалъ такъ своей Катерины. Смѣхъ и веселье въ первый разъ засверкали въ лицѣ ея, и засушили грустные слезы на ея черныхъ рѣсницахъ. Его рука дрожала въ ея рукѣ. И еслибы онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ бы, что Катерина съ торжествующей улыбкой приковала свѣтлыя очи къ лицу его, отуманенному смущеніемъ и страстью.

— Встань же, старшій! сказала она наконецъ, какъ будто сама только опомнившись. — скажи гостью слово привѣтливое. Гость, что брать родной! Встань же, непоклонный, спѣсивый старинушка, встань, поклонись, гостя за бѣлыя руки возьми, посади за столъ!

Ордынцовъ поднималъ глаза и какъ будто теперь лишь опомнился. Онъ теперь только, подумавъ о Муринѣ. Глаза старика, словно потухавшіе въ предсмертной тоскѣ, смотрѣли на него неподвижно; и съ болью въ душѣ вспомнилъ онъ этотъ

взглядъ, сверкнувшій ему въ послѣдній разъ изъ-подъ нависшихъ черныхъ, сжатыхъ, какъ и теперь, тоскою и гнѣвомъ бровей. Голова его слепка закружилась. Онъ оглядѣлся кругомъ и теперь только сообразилъ все ясно, отчетливо. Муринъ все еще лежалъ на постели, но онъ былъ почти одѣтъ и какъ будто уже вставалъ и выходилъ въ это утро. Шея была обвязана, какъ и прежде, краснымъ платкомъ, на ногахъ были туфли. Болѣзнь очевидно прошла, только лицо все еще было страшно блѣдно и желто. Катерина стояла возле постели, опершись рукою на столъ, и внимательно смотрѣла на обонякъ. Но привѣтливая улыбка не сходила съ лица ея. Казалось, все дѣлалось по ея мановенію.

— Да! это ты, сказалъ Муринъ, приподымаясь и садясь на постели. — Ты мой жилецъ. Виноватъ я передъ тобою, баринъ, согрѣшилъ и обидѣлъ тебя незнамо-невѣдомо, пощадилъ наемни съ ружьемъ. Кто жъ те зналъ, что на тебя тоже находитъ черная немочь? А со мною случается, прибавилъ онъ хриплымъ, болѣзненнымъ голосомъ, хмурия брови свои и невольно отводя глаза отъ Ордынова. — Бѣда, идетъ, не стучить въ ворота, какъ воръ поддѣлзетъ! Я и ей чуть ножа ономаня въ грудь не всадилъ... примолвилъ онъ, кивнувъ головой на Катерину. — Боленъ я, припадокъ находитъ, ну, и довольно съ тебя! Садись — будешь гостя!

Ордыновъ все еще пристально смотрѣлъ на него.

— Садись же, садись! крикнулъ старикъ въ нетерпѣніи: — садись, коли ей это любо! Ишь вы побратались, единоутробные! Слюбались словно любовники!

Ордыновъ сѣлъ.

— Видишь, сестрица какая, продолжалъ старикъ, засмѣявшись и показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ, цѣлыхъ до одинаго зубовъ. — Милуйте, родные мои! Хороша ль у тебя сестрица, баринъ? скажи, отвѣчай! На, смотри-ка, какъ щеки ея пылемеъ пышатъ. Да оглянись же, почествуй всему свѣту красавицу! Покажи, что болитъ по ней ретивое!

Ордыновъ нахмурилъ брови и злобно посмотрѣлъ на старика. Тотъ вздрогнулъ отъ его взгляда. Слѣпое бѣшенство закипѣло въ груди Ордынова. Онъ какимъ-то животнымъ инстинктомъ чухая близъ себя врага на смерть. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, разсудокъ отказывался служить ему.

— Не смотри! раздался голосъ сзади его. Ордыновъ оглянулся.

— Не смотри же, не смотри, говорю, коли бѣсъ наущаетъ, пожалѣй свою любовь, говорила смѣясь Катерина, и вдругъ сзади закрыла рукою глаза его; потомъ тотчасъ же отняла свои руки и закрылась сама. Но краска лица, какъ будто пробивалась сквозь ея пальцы. Она отняла руки, и вся горя какъ огонь попробовала свѣтло и нетрепетно встрѣтить ихъ смѣхъ и любопытные

взгляды. Но оба молча глядѣли на нее — Ордыновъ съ какимъ-то изумленіемъ любви, какъ будто въ первый разъ такая страшная красота произошла сердце его; старикъ внимательно, холодно. Ничего не выражалось на его блѣдномъ лицѣ; только губы синѣли и слегка трепетали.

Катерина подошла къ столу уже не смѣясь болѣе, и стала убирать книги, бумаги, чернилицу, все, что было на столѣ, и сложила все на окно. Она дышала скоро, прерывисто, и по временамъ жадно впивала въ себя воздухъ, какъ будто ей сердце тѣснило. Тяжело, словно волна прибрежная, опускалась и вновь подымалась ея полная грудь. Она потупила глаза, и черныя, смолистыя рѣсницы, какъ острия иглы, заблестали на свѣтлыхъ щекахъ ея...

— Царь-дѣвица! сказалъ старикъ.

— Владычица моя! прошепталъ Ордыновъ, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Онъ вспомнился, слышавъ на себѣ взглядъ старика: какъ молнія сверкнулъ этотъ взглядъ на мгновеніе — жадный, злой, холодно-презрительный. Ордыновъ привсталъ было съ мѣста, но какъ будто невидимая сила сковала ему ноги. Онъ снова усѣлся. Порой онъ сжималъ свою руку, какъ будто недоувѣряя дѣйствительности. Ему казалось, что кошмаръ его душитъ, и что на глазахъ его все еще лежитъ страдальческій, болѣзненный сонъ. Но, чудное дѣло! ему не хотѣлось проснуться...

Катерина сняла со стола старый коверъ, потомъ открыла сундукъ, вынула изъ него драгоценную скатерть, всю расшитую яркими шелками и золотомъ, и накрыла ею столъ; потомъ вынула изъ шкафа старинный, прадѣдовскій, весь серебряный поставецъ, поставила его на средину стола и отдѣлила отъ него три серебряныя чарки — хозяину, гостю и чару себѣ; потомъ важнымъ, почти задумчивымъ взглядомъ посмотрѣла на старика и на гостя.

— Кто жъ изъ насъ кому любъ или не любъ? сказала она: — кто не любъ кому, тотъ мнѣ любъ и со мной будетъ пить свою чару. А мнѣ всякъ изъ васъ любъ, всякъ родной: такъ пить всѣмъ на любовь и согласье!

— Пить, да черную думу въ винѣ топить! сказалъ старикъ измѣнившимся голосомъ. — Наливай, Катерина!

Что? — А ты велишь наливать? спросила Катерина, смотря на Ордынова.

Ордыновъ молча подвинулъ свою чарку.

— Стой! У кого какая загадка и думушка, пусть по его же хотѣнью и сбудется! сказалъ старикъ, поднимая свою чару.

Всѣ стукнули чарками и выпили.

— Давай же мы теперь выпьемъ съ тобою, старина! сказала Катерина, обращаясь къ хозяину: — выпьемъ, коли ласково твое сердце ко мнѣ! выпьемъ за прожитое счастье, ударимъ поклонъ прожитымъ годамъ, сердцемъ за счастье, да любовью покло-

нимся! Вели жь наливать, коли горячо твое сердце ко мнѣ!

— Винцо твое крѣпко, голубица моя, а сама только губки помочили! сказалъ старикъ, смѣясь и подставляя вновь свою чару.

— Ну, я отхлебну, а ты пей до дна!.. Что лить, старинушка, тяжелую думу за собой волочить; а только сердце поетъ съ думы тяжелой! Думушка съ горя идетъ, думушка горе зоветъ, а при счастья живетъ безъ думушки! Пей, старина! Утопи свою думушку!

— Много жь, знать, горя у тебя накупѣло, коли такъ на него ополчаешься! Знать, разомъ хочешь покончить, бѣлая голубка моя. Пью съ тобой, Катя! А у тебя есть ли горе, баринъ, коль позволишь спросить?

— Что есть, то есть про себя, прошенталь Ордыновъ, не сводя глазъ съ Катерины.

— Слышалъ, старинушка? Я и сама себя долго не знала, не помнила, а пришло время, все спознала и вспомнила; все, что прошло, ненасытной душой опять прожила.

— Да, горько, коль на бываломъ одномъ пробиваться начнешь, сказалъ старикъ задумчиво. — Что прошло, какъ вино пропито! Что въ прошломъ счастья? Кафтаны износишь, и долой...

— Новый надо! подхватила Катерина, засмѣявшись съ натути, тогда какъ двѣ крупныя слезинки повисли какъ алмазы на сверкнувшихъ рѣсницахъ. — Знать, вѣку минутой одной не прожить, да и дѣвичье сердце живуче, не угодяешься въ ладъ! Спознала, старина? Смотри, я въ твоей чарѣ слезинку мою схоронила!

— А за много-ль счастья ты свое горе купила? сказалъ Ордыновъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія.

— Знать, у тебя, баринъ, своего много продажно! отвѣчалъ старикъ: — что съешься непрощенный. И онъ злобно и неслышно захохоталъ, нагло смотря на Ордынова.

— А за что продала, то и было, отвѣчала Катерина, какъ будто недовольнымъ, обиженнымъ голосомъ. — Одному кажется много, другому мало. Одинъ все отдать хочетъ, взять нечего, другой ничего не сулитъ, да за нимъ идетъ сердце послушное! А ты не кори человека, приболѣла она, грустно смотря на Ордынова: — одинъ такой человекъ, другой не тотъ человекъ. а будто знаешь, зачѣмъ къ кому душа просится! Наливай же чару, старикъ! Выпей за счастье твоей дочки, а безнои, рабыни твоей тихой, покорной, какъ впервинки была, какъ съ тобой спознавалась. Подымай свою чару!

— Инъ быть такъ! Наливай же свою! сказалъ старикъ, взявъ вино.

— Стой, старина! подожди пить, дай прежде слово сказать!..

Катерина облокотилась руками на столъ и пристально, разгорѣвшимися, страстными очами смотрѣла въ глаза старику. Какая-то странная рѣши-

мость сіяла въ глазахъ ея. Но всѣ движенія ея были спокойны, жесты отрѣзисты, неожиданны; скоры. Она была вся словно въ огнѣ, и чудно дѣлалось это. Но какъ будто красота ея росла вмѣстѣ съ волненіемъ, съ одушевленіемъ ея. Изъ полуоткрытыхъ улыбкою губъ, выказывавшихъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ какъ жемчугъ зубовъ, вылетало порывистое дыханіе, слегка приподымая ея поздрию. Грудь волновалась; коса, три разъ обернутая на затылкѣ, небрежно слегка упала на лѣвое ухо и прикрыла часть горячей щеки. Легкій потъ пробивался у ней на вискахъ.

— Загадай, старина! Загадай мнѣ, родимый мой, загадай прежде, чѣмъ умъ проищешь; вотъ тебѣ ладонь моя бѣлая? Вѣдь не даромъ тебя у насъ колдуномъ люди прозвали. Ты жѣ по книгамъ учишься и всякую черную грамоту знаешь! Погляди же старинушка, расскажи мнѣ всю долю мою горемычную; только смотри, не солги! Ну, скажи какъ самъ знаешь — будетъ ли счастье дочкѣ твоей, или не простишь ты ее и наклѣчешь ей на дорогу одну злую долю кручинушку? Скажи, тепелъ ли будетъ мой уголь, гдѣ обживусь, или, какъ пташка перелетная, весь вѣкъ сиротинушкой буду межъ добрыхъ людей своего мѣста искать? Скажи, кто мнѣ недругъ, кто любовь мнѣ готовить, кто зло про меня замышляетъ? Скажи, въ одиночку-ль моему сердцу, молодому, горячему, вѣкъ прожить и до вѣка заглухнуть, или найдетъ оно равнаго себѣ; да въ ладъ съ нимъ на радость забьется; до новаго горя! Угадай ужъ за одинъ разъ, старинушка, въ какомъ синемъ небѣ, за какими морями-лѣсами соколъ мой ясный живетъ, гдѣ, да и зорко-ль себѣ соколицу высматриваетъ, да и любовно-ль онъ ждетъ, крѣпко-ль полюбитъ, скоро-ль разлюбитъ, обманетъ, или не обманетъ меня? Да ужъ за-разъ, все одно къ одному, скажи мнѣ въ послѣдній, старинушка, долго-ль намъ съ тобой вѣкъ коротать, въ углу черствомъ сидѣть, черныя книги читать; да когда мнѣ тебѣ, старина, низко кланяться, по добру по здорову прощаться; за хлѣбъ-соль благодарить, что поилъ, кормилъ, скажи сказывалъ?.. Да смотри же, всю правду скажи, не солги; пришло время, стой за себя!

Одушевленіе ея росло все болѣе и болѣе до послѣдняго слова, какъ вдругъ ея голосъ пресѣкся отъ волненія, будто какой-то вихрь увлекъ сердце. Глаза ея сверкнули и верхняя губа ея задрожала. Слышно было, какъ злая насмѣшка зашумѣла и пряталась въ каждомъ словѣ ея, но какъ будто плачь звенѣлъ въ ея смѣхѣ. Она наклонилась черезъ столъ къ старику, и пристально, съ жаднымъ вниманіемъ, смотрѣла въ помутившіеся глаза его. Ордыновъ слышалъ, какъ вдругъ застучало ея сердце, когда она кончила, онъ вскрикнулъ отъ восторга, когда взглянулъ на нее, и привсталъ было со скамьи. Но бѣглый, мгновенный взглядъ старика опять приковалъ его къ мѣсту. Какая-то странная смѣсь презрѣнія, насмѣшки, нетерпѣливаго, досаднаго безпокойства и вмѣ-

стѣ съ тѣмъ злаго, лукаваго любопытства свѣти-
дись въ этомъ бѣдѣ, мѣдвенномъ взглядѣ, отъ
котораго каждый разъ вздрагивалъ Ордыновъ, и
который каждый разъ надпиралъ его сердце жол-
чью, досадою и безсильною злобой.

Задумчиво и съ какимъ-то грустнымъ любопыт-
ствомъ смотрѣлъ старикъ на свою Катерину. Серд-
це его было уязвлено, слова были сказаны. Но да-
же бровь не шевельнулась въ лицѣ его! Онъ толь-
ко улыбулся, когда она кончила.

— Много-жъ ты разомъ хотѣла узнать, цен-
чикъ мой оперившійся, пташка моя востепенув-
шаяся! Наливай же мнѣ скорѣе чару глубокую; вы-
пьемъ сначала на размирье, да на добрую волю;
не то чѣмъ нибудь глазомъ чернымъ, нечистымъ
мое пожеланіе испорчу. Бѣсъ силенъ! далеко-ль
до грѣха!

Онъ поднялъ свою чару и выпилъ. Чѣмъ боль-
ше пилъ онъ вина, тѣмъ становился блѣднѣе.
Глаза его стали красны, какъ угли. Видно было,
что лихорадочный блескъ ихъ и внезапная, мерт-
венная синера лица предвѣщала скоро новый при-
падокъ бѣдъ. Видно-жъ было дѣлкое, такъ что
съ одной выпитой чаркѣ все болѣе и болѣе му-
тилось глаза Ордынова. Лихорадочно воспаленная
кровь его не могла долѣе выдержать. Она зали-
вала его сердце, мутила и путала разумъ. Безно-
койство его росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ на-
лилъ и отхлебнулъ еще, самъ не зная, что дѣлаетъ
чѣмъ помочь возраставшему водненію своему, и
кровь еще быстрѣе долетѣла до его жиламъ. Онъ
былъ какъ въ бреду, и едва могъ слѣдить, на-
прягая все вниманіе, за тѣмъ, что происходило
между страстихъ хозяевъ его.

Старикъ звонко стукнулъ серебряной чаркой объ
столъ.

— Наливай, Катерина! вскричать онъ: — наливай
еще, злая дочка, наливай до упаду! Уложи старика
на покой, да и полно съ него! Вотъ такъ, нали-
вай еще, наливай мнѣ, красавица! Выпьемъ съ то-
бой! Что жъ ты мало пилъ? Аи я не видалъ..

Катерина что-то отвѣчала ему, но Ордыновъ
не разслышалъ что именно: старикъ не далъ ей
кончить; онъ схватилъ ее за руку, какъ-бы не въ
силахъ болѣе сдержать всего, что тѣснилось въ
грудь его. Лицо его было бѣдно; глаза то мути-
лись: то вспыхивали яркимъ огнемъ: поблѣвшія
губы дрожали, и неровнымъ, смятеннымъ голосомъ,
въ которомъ сверкала минутами какой-то стран-
ный восторгъ, онъ сказалъ ей.

— Давай ручку, красавица! давай задаю, всю
правду скажу. Я и впрямь колдунъ; знать, не
ошиблась ты, Катерина! знать, правду сказало
сердечко твое золотое, что одинъ я ему колдунъ,
и правды не цотаю отъ него простаго, нехитраго!
Да одного не спознала ты: не мнѣ колдуну, тебя
учить уму-разуму! Разумъ не воля для дѣвицы и
слышитъ всю правду, да слово не знала, не вѣ-
дала! У самой голова — змѣя хитрая, хоть и сердце
слезой обливается! Сама путь найдетъ, межъ бѣ-

дой ползкомъ проползетъ, сбережетъ волю хитрую!
Гдѣ умомъ возьметъ, а гдѣ умомъ не возьметъ,
красой затуманитъ, чернымъ глазомъ умъ оныя-
нитъ, — краса силу ломитъ; и желѣзное сердце,
да по-поламъ распадется! Ужь и будетъ ли у тебя
печаль со кручинушкой? Тяжела печаль, чело-
вѣческая! Да на слабое сердце не бываетъ бѣды! Бѣда
съ крѣпкимъ сердцемъ знакома, въ тихомодку
кровавой слезой отливается, да на сладкій позоръ
въ добрымъ людямъ не просится: твое жъ горе,
дѣвица, слово слѣдъ на песокъ, дождемъ вымоетъ,
солнцемъ высушитъ, буйнымъ вѣтромъ снесетъ,
замететъ! — Пусть и еще скажу, поколую: кто по-
любитъ тебя, тому ты въ рабыни пойдешь, сама
волонку свяжешь, въ закладъ отдашь, да ужъ и
назадъ не возьмешь; положишь зерно, а губитель твой
возьметъ назадъ цѣлымъ колосомъ! Дитя мое нѣж-
ное, золотая головушка, схоронила ты въ чаркѣ
моей свою слезинку-жемчужинку, да по ней не стер-
дѣла, чуть же сто пролила, слово красное поте-
ряла, да горемъ-головушкой своей похвалилася! Да
по ней, по слезинкѣ, небесной родинкѣ, тебѣ и
тужить-горевать не приходится! Отольется она тебѣ
съ лихвою, твоя слезинка жемчужная, въ долгую
ночь, въ горемычную ночь, когда станеть грызть
тебя злая кручинушка, нечистая думушка — тогда
на твое сердце горячее, все за ту же слезинку
запнетъ тебѣ чья-то иная слеза, да кровавая, да
не теплая, а словно топленный свинецъ; до крови
бѣду грудь разожжетъ, и до утра, тоскливаго, хму-
раго, что приходитъ въ ненастные дни, ты въ по-
стелькѣ своемъ прометаешься, алу кровь точа, и
не залечишь своей раны свѣжей до другаго утра!
Налей еще, Катерина, налей, голубица моя, налей
мнѣ за мудрый совѣтъ; а дальше, знать, словъ те-
рять нечего...

Горло его ослабѣло и задрожало: каза юсь, ры-
даніе готово было prorваться изъ груди его... Онъ
налилъ вина и жадно выпилъ новую чару; потомъ
снова стукнулъ чаркой объ столъ. Мутный взглядъ
его еще разъ вспыхнулъ пламенемъ.

— А! живи какъ живется! вскричалъ онъ: —
что прошло то ужъ съ плечъ долой! Наливай мнѣ,
еще наливай, все подноси тяжелую чару, чтобы
рѣзала головушку буйную съ плечъ, чтобы вся
душа отъ нея замирѣла! Уложи на долгую ночь,
да безъ утра, да чтобы память совсѣмъ отошла.
Что пропито, то прожито! Знать, заглахъ у купца
товаръ, задежался, даромъ съ рукъ отдаютъ! А не
продать бы своей родеи-вольною! его тотъ купецъ
ниже своей цѣны; отлилась бы и вражья кровь,
пролилась бы и кровь несповинная, да въ придачу
положилъ бы тотъ покурщикъ свою погнбшую ду-
шенъку! Наливай, наливай мнѣ еще, Катерина!..

Но рука его державшая чару какъ-будто замерла
и не двигалась; онъ дышалъ тяжело и трудно, го-
лова его невольно склонилась. Въ послѣдній разъ
онъ вперилъ тусклый взглядъ на Ордынова, но и
этотъ взглядъ потухъ наконецъ, и вѣки его упали,

словно свинцовая. Смертная блѣдность разлилась по лицу его. Еще нѣсколько времени губы его шевелились и вздрагивали, какъ-бы сила еще что-то промолвить — и вдругъ слеза, горячая, крупная, нависла съ рѣсницъ его, повисла и медленно покатила по блѣдной щекѣ. Ордынцовъ былъ не въ силахъ выдержать болѣе. Онъ всталъ и пошатнувшись ступилъ шагъ впередъ, подошелъ къ Катериной и схватилъ ее за руку; но она и не взглянула на него, какъ будто его не примѣтила, какъ-будто не признала его...

Она какъ-будто тоже терла сознание, какъ-будто одна мысль, одна неподвижная идея увлекла ее всю. Она принала къ груди спящаго старика, обвила своей блѣлой рукой его шею, и пристально, словно приковалась къ нему, смотрѣла на него огненнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Она будто не слыхала, какъ Ордынцовъ взялъ ее за руку. Наконецъ, она повернула къ нему свою голову и посмотрѣла на него долгимъ, пронзающимъ взглядомъ. Казалось, что она повисла наконецъ его, и тяжелая, удивленная улыбка тягостно, какъ-будто съ болью выдавилась на губахъ ея...

— Поди, поди прочь, проментала она: — ты пьяный и злой! Ты не гость мой!.. Тутъ она снова обратилась къ старику и опять приковалась къ нему своими очами.

Она какъ-будто стерегла каждое дыханіе его и взглядомъ своимъ лелѣяла его сонъ. Она какъ-будто боялась самадохнуть, сдерживая вскипѣвшее сердце. И столько изступленнаго любованія было въ сердцѣ ея, что разомъ отчаяніе, бѣшенство и неистощимая злоба захватили духъ Ордынова...

— Катерина! Катерина! звалъ онъ, сжимая какъ въ тискахъ ея руку.

Чувство боли прошло по лицу ея; она опять подняла свою голову и посмотрѣла на него съ такою насмѣшкой, такъ презрительно-нагло, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ она указала ему на спящаго старика и — какъ будто вся насмѣшка врага его перешла ей въ глаза — терзающимъ, леденящимъ взглядомъ опять взглянула на Ордынова.

— Что? зарѣжетъ, не бойсь? проговорилъ Ордынцовъ, не помня себя отъ бѣшенства.

Словно демонъ его шепнулъ ему на ухо, что онъ ее погубитъ. И все сердце его засмѣялось на неподвижную мысль Катерины...

— Куплю жъ я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебѣ души моей надобно! Не бойсь, не зарѣзаетъ ему!..

Неподвижный смѣхъ, мертвый и все существо Ордынова, не сходивъ съ лица Катерины. Неистощимая насмѣшка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, онъ облокотился рукою объ стѣну и снялъ съ гвоздя дорогой, старинный ножъ старика. Какъ-будто изумленіе отразилось на лицѣ Катерины, но какъ-будто въ то же время злость и презрѣніе впервые съ

такой силой отразились въ глазахъ ея. Ордынцову дурно становилось смотря на нее. Онъ чувствовалъ, что какъ-будто кто-то вырываетъ, подмываетъ потерявшуюся руку его на безумство; онъ вынулъ ножъ... Катерина неподвижно, словно не дыша болѣе, слѣдила за нимъ.

Онъ взглянулъ на старика...

Въ эту минуту ему показалось, что одинъ глазъ старика медленно открывался и смѣялся смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣсколько минутъ Ордынцовъ смотрѣлъ на него неподвижно. Вдругъ ему показалось, что все лицо старика зашелохнулось и что дьявольскій, убивающій, леденящій хохотъ раздался наконецъ по комнатѣ. Безобразная, черная мысль какъ змѣя проползла въ голову его. Онъ задрожалъ; ножъ выпалъ изъ рукъ его и зазвенѣлъ на полу. Катерина вскрикнула, какъ-будто очнувшись отъ забытья, отъ кошмара, отъ тяжелаго, неподвижнаго видѣнія... Старикъ, блѣдный, медленно поднялся съ постели и злобно оттолкнулъ ногой ножъ въ уголъ комнаты. Катерина стояла блѣдная, помертвѣлая, неподвижная; глаза ея закрывались; глухая, невыносимая боль судорожно выдавилась на лицѣ ея; она закрылась руками и съ крикомъ, раздирающимъ душу, почти бездыханная упала къ ногамъ старика...

— Алеша! Алеша! вырвалось изъ стѣсенной груди ея...

Старикъ обхватилъ ее могучими руками и почти сдвинулъ на груди своей. Но когда она спрята у сердца его свою голову, такимъ обнаженнымъ, безстыднымъ смѣхомъ засмѣялась каждая черточка на лицѣ старика, что ужасомъ обдало весь составъ Ордынова. Обманъ, расчетъ, холодное, ревнивое тиранство и ужасъ надъ блѣднымъ, разорваннымъ сердцемъ — вотъ что понялъ онъ въ этомъ безстыдно-неловкомъ болѣе смѣхѣ...

III.

Когда Ордынцовъ, блѣдный, встревоженный, еще неопомнившійся отъ вчерашней тревоги, отворилъ на другой день, часовъ въ восемь утра, дверь къ Ярославу Ильичу, къ которому пришелъ впрочемъ, самъ не зная зачѣмъ, то отшатнулся отъ изумленія и какъ вкопанный сталъ на порогѣ, увидя въ комнатѣ — Мурина. Старикъ былъ еще блѣднѣе Ордынова и, казалось, едва стоялъ на ногахъ отъ болѣзни; впрочемъ събы не хотѣлъ, не смотря ни на какія приглашенія вполне-счастливаго такимъ посѣщеніемъ Ярослава Ильича. Ярославъ Ильичъ тоже вскрикнулъ, завидѣвъ Ордынова, но почти въ ту же минуту радость его прошла, и какое-то замѣшательство застигло его вдругъ, совершенно врасплохъ, на полдорогѣ отъ стола къ сосѣднему стулу. Очевидно было, что онъ не зналъ что сказать, что сдѣлать, и вполне сознавалъ всю неприличность — сосать въ такую хлопотливую минуту, оставивъ гостя въ сторонѣ, одного какъ онъ есть,

свой чубунокъ, а между-тѣмъ (такъ сильно было смущеніе его) все-таки тивнулъ изъ чубучка что было силы и даже почти съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Ордыновъ вошелъ наконецъ въ комнату. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на Мурина. Что-то похожее на вчерешнюю злую улыбку, отъ которой и теперь бросило въ дрожь и въ негодование Ордынова, проскользнуло по лицу старика. Впрочемъ, все враждебное тотчасъ же скрылось и сгладилось, и выраженіе лица его приняло видъ самый неприступный и замкнутый. Онъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ жильцу своему... Вся эта сцена воскресила наконецъ сознаніе Ордынова. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ярослава Ильича, желая проникнуть въ положеніе дѣла. Ярославъ Ильичъ затрепеталъ и замаялся.

— Войдите жъ, войдите, примолвилъ онъ наконецъ: — войдите, драгоцѣннѣйшій Василій Михайловичъ, освѣните прибытіемъ и положите печатъ... на всѣ эти обыкновенные предметы... проговорилъ Ярославъ Ильичъ, показавъ рукой нѣ одинъ уголъ комнаты, покраснѣвъ какъ махровая роза, сбившись, запутавшись въ сердцахъ на то, что самая благородная фраза завязла и лопнула даромъ, и съ громомъ подвинулъ стулъ на самую средину комнаты.

— Я вамъ не мѣшаю, Ярославъ Ильичъ, я хотѣлъ... на двѣ минуты.

— Помилуйте! возможно ли вамъ мнѣ помѣшать-съ... Василій Михайловичъ! Но — позвольте чайку-съ! Эй! служба!.. Я увѣренъ, что и вы не откажетесь еще одну чашечку!

Муринъ дивнуль головою, давъ знать такимъ образомъ, что совсѣмъ не откажется.

Ярославъ Ильичъ закричалъ на вошедшую службу и папстрожайшимъ образомъ потребовалъ еще три стакапа, за тѣмъ сѣлъ возлѣ Ордынова. Нѣсколько времени онъ вертѣлъ свою голову, какъ гипсовый котенокъ, то вправо, то влѣво отъ Мурина къ Ордынову и отъ Ордынова къ Мурину. Положеніе его было весьма непріятное. Ему очевидно что-то хотѣлось сказать, по идеямъ его весьма щекотливое, по крайней мѣрѣ для одной стороны. Но при всѣхъ усиліяхъ своихъ, онъ рѣшительно не могъ вымолвить слова... Ордыновъ тоже какъ будто находился въ недоумѣніи. Была минута, когда оба они разомъ вдругъ принялись говорить... Молчаливый Муринъ, наблюдавшій ихъ съ любопытствомъ, медленно расправилъ ротъ и показалъ зубы свои всѣ до одинаго...

— Я пришелъ объявить вамъ, вдругъ началъ Ордыновъ: — что по самому непріятному случаю принужденъ оставить квартиру, и...

— Представьте себѣ, какой странный случай! перебилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ. — Я, признаюсь, былъ внѣ себя отъ изумленія, когда этотъ почтенный старикъ объявилъ мнѣ сегодня поутру ваше рѣшеніе. Но...

— Онъ объявилъ вамъ? спросилъ съ изумленіемъ Ордыновъ, смотря на Мурина.

Муринъ погладилъ свою бороду и засмѣялся въ рукавъ.

— Да-съ подхватилъ Ярославъ Ильичъ: — впрочемъ, я могу еще ошибаться. Но, смѣло скажу, для васъ — честью моею могу вамъ ручаться, что для васъ въ словахъ этого почтеннаго старика не было ни тѣни обиднаго!..

Тутъ Ярославъ Ильичъ покраснѣлъ и черезъ силу подавилъ свое волненіе. Муринъ, какъ будто натѣшась наконецъ вдоволь замѣшательствомъ хозяина и гостя, ступилъ шагъ впередъ.

— Я вотъ про то, ваше благородіе, началъ онъ, съ вѣжливостію поклонившись Ордынову: — ихъ благородіе на вашъ счетъ маленько утрудить посмѣлъ. Оно того, сударь, выходитъ — сами знаете — я и хозяйка, т. е. рады бы душою и волею, по слова бы сказать не посмѣли... да житье-то мое какое, сами знаете, сами видите, сударь! А право, только что животы Господь бережетъ, за то и молимъ святую волю его; а то сами видите, сударь, взвѣтъ мнѣ что ли приходится? Тутъ Муринъ опять утеръ рукавомъ свою бороду.

Ордынову почти дѣлалось дурно.

— Да, да, я вамъ самъ про него говорилъ: больной, т. е. это malheur... т. е. я было хотѣлъ выразиться по-французски, но извините, я по-французски не такъ свободно, т. е...

— Да-съ...

— Да-съ, то-есть...

Ордыновъ и Ярославъ Ильичъ сдѣлали другъ другу по полупоклону, каждый съ своего стула нѣсколько на бокъ, и оба прикрыли возникшее недоумѣніе извинительнымъ смѣхомъ. Дѣловой Ярославъ Ильичъ тотчасъ поправился.

— Я, впрочемъ подробно спрашивалъ этого честнаго человѣка, началъ онъ: — онъ мнѣ говорилъ, что болѣзнь той женщины...

Тутъ щекотливый Ярославъ Ильичъ, вѣроятно, желая скрыть маленькое недоумѣніе, опять возникшее на лицѣ его, быстро, вопросительнымъ взглядомъ устремился на Мурина.

— Да, хозяйки-то нашей...

Делкатный Ярославъ Ильичъ не настаивалъ.

— Хозяйки, т. е. бывшей хозяйки вашей, я какъ-то, право... ну, да! Она, видите ли, больная женщина. Онъ говоритъ, что она вамъ мѣшаетъ... въ вашихъ занятіяхъ, да и онъ самъ... вы отъ меня скрыли одно важное обстоятельство, Василій Михайловичъ!

— Какое?

— На счетъ ружья-съ, промолвилъ почти шопотомъ, самымъ снисходительнымъ голосомъ Ярославъ Ильичъ, съ одной миллионной долей упрека, нѣжно зазвѣщающаго въ его дружескомъ тенорѣ. — Но, прибавилъ онъ поспѣшно: — я все знаю, онъ мнѣ все рассказалъ, и вы благородно сдѣлали, отпустивъ ему его невольную вину передъ вами. Клянусь, я видѣлъ слезы на глазахъ его!

Ярославъ Ильичъ снова покраснѣлъ; глаза его засіяли, и онъ съ чувствомъ повернулся на стулѣ.

— Я, т. е. мы, сударь, ваше благородіе, т. е. я, примѣромъ сказать, да и хозяйка моя ужъ и какъ за васъ Бога молимъ, началъ Муринъ, обращаясь къ Ордынову, покаместъ Ярославъ Ильичъ подавлялъ обычное волненіе свое, и пристально смотря на него: — да сами знаете, сударь, она баба хвора, глупая: меня самого еле ноги посятъ...

— Да я готовъ, сказалъ въ пестерѣхъ Ордыновъ: — полноте, пожалуйста; я хоть сейчасъ!..

— Нѣтъ, т. е. сударь, многимъ вашей милости довольны (Муринъ пренизко поклонился). Я, сударь, вамъ не про то; я вотъ хотѣлъ слово вымолвить — вѣдь она, сударь, мнѣ-то почти изъ родни, т. е. изъ дальней, примѣромъ, какъ говорится, седьмая вода, т. е. ужъ не побрезгайте словомъ нашимъ, сударь, люди мы темные — да съ измалѣтства така! Головенка больная, задорная, въ лѣсу росла, мужичкой росла все межъ бурлаковъ, да заводчиковъ; а тутъ ихъ домъ сгори; мать, сударь, сѣнная погори; отецъ свою душу опали — подика-сь, она и невѣсть что расскажетъ вамъ... Я только такъ не мѣшаюсь, а ее хи-хир-руг-гичкой совѣтъ на Москвѣ смотрѣлъ... т. е., сударь, совсѣмъ повредилась, вотъ что! Я только у ней и остался, со мной и живетъ. Живемъ, Бога молимъ, на всевышнюю силу надѣмся; ужъ я ей и не поперечу совсѣмъ...

Ордыновъ измѣнился въ лицѣ. Ярославъ Ильичъ смотрѣлъ то на того, то на другаго.

— Да я не про то, сударь... нѣтъ! поправился Муринъ, важно покачавъ головою: — она, примѣромъ сказать, такой вѣтеръ, вихоръ такой, голова такая любовная, буйная, все милого дружка, — если извинительно будетъ сказать — да зазнобушку въ сердце ей подавай: на томъ и помѣшана. Я ужъ ее сказками улещаю, т. е. какъ улещаю. А я вѣдь, сударь, видѣлъ, какъ она — ужъ простите, сударь, мое глупое слово, продолжалъ Муринъ, кланаясь и утирая рукавомъ бороду: — примѣрно, спознавалась-то съ вами; вы, т. е. примѣромъ сказать, ваше сіятельство, относительно любви къ ней польнуть пожелаали...

Ярославъ Ильичъ вспыхнулъ и съ упрекомъ взглянулъ на Мурина. Ордыновъ едва усидѣлъ на стулѣ.

— Нѣтъ... т. е., я, сударь, не про то..., я, сударь, спроста, мужикъ, я изъ вашей воли.. конечно, мы люди темные, мы, сударь, ваши слуги, примолвилъ онъ, низко кланаясь: — а ужъ какъ съ женой про вашу милость Бога будемъ молить!.. Что намъ? Были бы сыты, здоровы, роптать не *роптаемъ*; — да мнѣ-то, сударь, что жъ дѣлать, въ петлю лѣзть что ли? Сами знаете, сударь, дѣло житейское, насъ пожалѣйте, а это ужъ что жъ, сударь, будетъ, какъ еще съ полюбовникомъ!.. Грубое-то, сударь, вы слово простите... мужикъ, сударь, а вы баринъ... вы сударь, ваше сіятельство, человѣкъ молодой, гордый, горячій, а она, сударь, сами знаете, дитя малое, неразумное — долго ль

съ ней до грѣха! Баба она ядреная, румяная, милая, а меня, старика все немочь беретъ. Ну, что? бѣсъ ужъ, знать, вашу милость попуталъ! я ужъ ее сказкамъ все улещаю, право улещаю. А ужъ какъ про вашу милость съ женой стали бы Бога молить! Т. е. вотъ какъ молить! Да и что вамъ, ваше сіятельство, хоть она бы и милая, а все жъ мужичка она, баба немтая, поневища глупая, мнѣ мужику чета! Не вамъ, примѣрно, сударь, батюшка-баринъ, по мужичкамъ яхшиться! А ужъ какъ съ ней стали бъ про вашу милость Бога молить, вѣ какъ молить!..

Тутъ Муринъ поклонился низко-низко и долго не разгибалъ спины, непрерывно утирая рукавомъ бороду. Ярославъ Ильичъ не зналъ гдѣ стоялъ.

— Да-съ, этотъ добрый человѣкъ, замѣтилъ онъ весь замѣшавшись: — говорилъ мнѣ о какихъ-то существовавшихъ между вами безпорядкахъ-съ; я не осмѣливаюсь вѣрить, Василій Михайловичъ... Я слышалъ, вы все еще больны-съ, быстро перебилъ онъ со слезающимися отъ волненія глазами, въ испитошномъ замѣшательствѣ смотря на Ордынова.

— Да-съ... Сколько я долженъ вамъ? быстро спросилъ Ордыновъ у Мурина.

— Что вы, батюшка-баринъ? полноте! мы вѣдь не хриstopродавцы какіе нибудь. Что вы, сударь, насъ обижаете! Постыдились бы, сударь; чѣмъ мы съ супружницей васъ обижали? Помилуйте-сь!

— Но, однакожь, это странно, другъ мой; вѣдь они же у васъ нанмали; чувствуете ли вы, что отказомъ своимъ вы ихъ обижаете? вступился Ярославъ Ильичъ, долгомъ почитая показать Мурина всю странность и щекотливость его поступка.

— Да помилуйте жъ, батюшка! что вы, сударь, баринъ? помилуйте-сь! ужъ и чѣмъ мы не угодили про вашу честь? Ужъ и такъ старались-старались, животы надорвали, помилуйте-сь! Полноте, сударь; полноте, свѣтъ-баринъ, Христосъ васъ помилуетъ! Что мы, невѣрные, что ли какіе? Пусть бы жилъ, куналъ бы у насъ наше яство мужицкое на здоровье, пусть бы лскалъ — ничего бъ не сказали, и... слова не молвили бъ; да нечистый попуталъ, хворый я человѣкъ, да и хозяйка моя хвора — что будешь дѣлать! Услужить-то бы некому было, а рады бы, душою бы рады были. А ужъ какъ мы съ хозяйкой будемъ про вашу милость Бога молить, т. е. вѣ какъ молить!

Муринъ поклонился въ поясъ. Слеза выдавилась изъ восторженныхъ глазъ Ярослава Ильича. Съ энтузіазмомъ посмотрѣлъ онъ на Ордынова.

— Скажите, какая благородная черта-съ! Какое святое гостепріимство почпало-съ на русскомъ народѣ-съ!

Ордыновъ дико взглянулъ на Ярослава Ильича. Онъ почти ужаснулся... и осматривалъ его съ головы до ногъ.

— А и право, сударь, гостепріимство, именно, чтимъ, т. е. вотъ какъ чтимъ, сударь! подхватилъ

Муринъ, заслоняя всѣмъ рукавомъ свою бороду:— право, вотъ теперь дума идеть: погостили бѣ вы у насъ, сударь, ей-Богу бѣ, погостили, продолжалъ онъ, подступая къ Ордынову:— да и я, сударь, ничего; денекъ другой, ничего, право бѣ ничего не сказалъ. Да грѣхъ больно попуталъ, хозяйка-то лишь моя нездорова! Ахъ, ка-бы не хозяйка! Вотъ былъ бы, примѣрно, одинъ я: ужъ и какъ бы я вашу милость уважить, ужъ и какъ бы ходилъ, т. е. вѣ какъ ходилъ! Кого жъ намъ, коли и не вашу милость уважить? Ужъ я бы васъ вылечилъ, право бы вылечилъ, я и средство знаю... Право бы погостили, сударь, ей-Богу, вотъ великое слово, у насъ погостили бы!..

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли какого средства? замѣтилъ Ярославъ Ильичъ... да и не докончилъ.

Ордыновъ сдѣлалъ напраслину, съ дикимъ изумленіемъ оглядѣвъ не задолго до того съ ногъ до головы Ярослава Ильича. Это былъ конечно, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но онъ теперь понималъ все, и, признаваясь, положеніе его было весьма затруднительно! Ему хотѣлось, что называется, лопнуть со смѣха! Будь онъ одинъ на одинъ, вмѣстѣ съ Ордыновымъ—два такіе друга! конечно, Ярославъ Ильичъ не вытерпѣлъ бы и неумѣренно предался порыву веселости. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы это весьма благородно, съ чувствомъ пожалъ бы послѣ смѣха руку Ордынова, искренно и справедливо увѣрилъ бы его, что чувствуетъ удвоенное уваженіе къ нему, и что извиняетъ во всякомъ случаѣ... да, наконецъ, и глядѣть не будетъ на молодость. Но теперь, при извѣстной своей деликатности, онъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи и почти не зналъ куда скрыть себя...

— Средства, т. е. снадобья! подхватилъ Муринъ, у котораго все лицо шевельнулось отъ неловкаго восклицанія Ярослава Ильича.—Я, т. е. сударь, по глупости моей мужицкой, вотъ что сказалъ бы, продолжалъ онъ, ступивъ еще шагъ впередъ:— книжекъ вы, сударь, больно зачитались; скажу, умны больно стали; оно, т. е. какъ по-русски говорится у насъ, по-мужицкому, умъ за разумъ зашелъ...

— Довольно! строго прервалъ Ярославъ Ильичъ...

— Я иду, сказалъ Ордыновъ:—благодарю васъ, Ярославъ Ильичъ; буду, буду у васъ, непремѣнно, говорилъ онъ на удвоенныя вѣжливости Ярослава Ильича, который былъ не въ силахъ долѣе его удерживать.—Прощайте, прощайте...

— Прощайте, ваше благородіе; прощайте, сударь; не забудьте насъ, навѣстите насъ грѣшныхъ.

Ордыновъ не слыхалъ ничего болѣе. Онъ вышелъ какъ полоумный.

Онъ не могъ вынести болѣе; онъ былъ какъ убитый; сознаніе его цѣпенѣло. Онъ глухо чувствовалъ, что его душитъ болѣзнь, но холодное отчаяніе воцарилось въ душѣ его, и только слышалъ онъ, что какая-то глухая боль ломитъ, то-

митъ, сосетъ ему грудь. Ему хотѣлось умереть въ эту минуту. Ноги подкосились, и онъ присѣлъ у забора, не обращая болѣе вниманія ни на проходившихъ людей, ни на толпу, начипавшую собираться возлѣ него, ни на оклики и разспросы любопытныхъ, его окружившихъ. Но вдругъ изъ множества голосовъ раздался надъ нимъ голосъ Мурина. Ордыновъ поднялъ голову. Старикъ дѣйствительно стоялъ передъ нимъ; блѣдное лицо его было важно и задумчиво. Это ужъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тотъ, который такъ грубо глумился надъ нимъ у Ярослава Ильича. Ордыновъ привсталъ, Муринъ взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы...

— Тебѣ еще нужно свой скарбъ захватить, сказалъ онъ, искоса взглянувъ на Ордынова.—Не горюй, баринъ! вскрикнулъ Муринъ.—Ты молодецъ, чего горевать!.

Ордыновъ не отвѣчалъ.

— Обижаетесь, баринъ? Знать больно зло тебѣ взяло... да нечему; всякъ свое добро бережетъ!

— Я не знаю васъ, сказалъ Ордыновъ:—я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но она! она!.. проговорилъ онъ, и слезы градомъ, въ три ручья, потекли изъ глазъ его. Вѣтеръ срывалъ ихъ одну за другой съ его щекъ... Ордыновъ утиралъ ихъ рукой. Жестъ его, взглядъ, произвольныя движенія дрожавшихъ посинѣлыхъ губъ—все предсказывало въ немъ помѣшательство.

Я ужъ тебѣ толковалъ, сказалъ Муринъ, стиснувъ брови:—она полоумная! Отъ-чего и какъ помѣшалась... зачѣмъ тебѣ знать? Только мнѣ она и такая—родная! Возлюбилъ я ее больше жизни моей и никому не отдамъ. Понимаешь теперь!

Огонь на мгновеніе сверкнулъ въ глазахъ Ордынова.

— Но зачѣмъ же, я... зачѣмъ я теперь, словно жизнь потерялъ? Зачѣмъ же болитъ мое сердце? Зачѣмъ я спозналъ Катерину?

— Зачѣмъ? Муринъ усмѣхнулся и задумался.

— Зачѣмъ, я и самъ не знаю зачѣмъ, вымолвилъ онъ наконецъ.—Женскій норовъ не морская пучина, распознать его распознаешь, да хитеръ онъ, стоекъ, живучъ! На, дескать, вынь да положи! Знать и впрямь, баринъ, она съ вами хотѣла уйти отъ меня, продолжалъ онъ въ раздумьи.—Побрезгала старымъ, изжила съ нимъ все. на сколько можно изжить! Приглянулись вы, знать, ей больно сначала! Аль ужъ такъ, вы ли, другой ли... Я вѣдь ей не перечу ни въ чемъ; птичьа молока пожелаетъ и молока птичьа достану; птицу такую самъ сдѣлаю, коли нѣтъ такой птицы! Тщеславна она! За волюшкой гонится, а я сама не знаетъ, о чемъ сердце блажитъ. Анъ и вышло, что лучше по старому! Эхъ баринъ! молодецъ ты больно! Сердце твое еще горячо, словно у дѣвки, что рукавомъ свои слезы утираетъ, покинутая! Спознай, баринъ: слабому человѣку одному не сдержаться! Только дай ему все, онъ самъ же

прійдетъ, все назадъ отдастъ; дай ему пол-царства земнаго въ обладаніе, попробуй—ты думаешь что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому человѣку—самъ се свяжетъ, назадъ принесетъ. Глупому сердцу и воля не въ прокъ! Не прожить съ такимъ поровомъ! Я тебѣ это все такъ говорю—молоденекъ ты большо! Ты что мнѣ? Ты былъ да пошелъ—ты шль другой все равно. Я и сначала зналъ, что будетъ одно. А перечить нельзя! Слова молвить нельзя поперегъ, коли хошь свое счастье сберечь. Оно вѣдь, знаешь, баринъ, продолжалъ философствовать Муринъ:—только все такъ говорится: и чего не бываетъ? За ножъ возьмется въ сердцахъ, не то безоружный, съ голыми руками на тебя какъ баранъ полѣзетъ, да зубами глотку врагу перерветъ. А пусть-те дадутъ этотъ ножъ-отъ руки, да врагъ твой самъ предъ тобою широкую грудь распахнетъ; не бойсь, и отступись!

Они вошли во дворъ. Татаринъ еще издади завидѣлъ Мурина, снялъ передъ нимъ шапку и лукаво, пристально смотрѣлъ на Ордынова.

— Что мать? дома? закричалъ ему Муринъ.

— Дома.

— Скажи, чтобъ ему скарбъ его перетащить помогли! Да и ты пошелъ, двигайся!

Они взошли на лѣстницу. Старуха, служившая у Мурина и оказавшаяся дѣйствительно матерью дворника, возилась съ пожитками бывшаго жильца и ворчливо визала ихъ въ одинъ большой узелъ.

— Подожди; я-те еще изъ твоего принесу тамъ осталась...

Муринъ вошелъ къ себѣ. Черезъ минуту онъ ворѣтился и подалъ Ордынову богатую подушку, всю вышитую шелками и гарусомъ—ту самую, которую положила ему Катерина, когда онъ сдѣлался боленъ.

— Это она тебѣ шлетъ, сказалъ Муринъ.—А теперь ступай по добру, по здорову, да смотри жъ, не шатайся, прибавилъ онъ вполголоса, отеческимъ тономъ:—не то худо будетъ.

Видно было, что ему не хотѣлось обижать жильца. Но когда онъ бросилъ на него послѣдній взглядъ, то невольно видно было, какъ приливъ неистощимой злобы закипѣлъ на лицѣ его. Почти съ отвращеніемъ затворилъ онъ дверь за Ордыновымъ.

Черезъ два часа, Ордыновъ переѣхалъ къ нѣмцу Шнису. Тинхенъ ахнула; взглянувъ на него. Она тотчасъ спросила его о здоровьи и узнавъ, въ чемъ дѣло, немедленно расположилась лечить. Старикъ нѣмецъ самодовольно показалъ жильцу своему, что онъ только-что хотѣлъ идти къ воротамъ и снова налѣпить ярычочекъ, затѣмъ, что сегодня аккуратно въ копейку вышлѣлъ задатокъ его, высчитывая изъ него каждый день найма. Причемъ старикъ не преминулъ дальновидно похвалить нѣмецкую аккуратность и честность.

Въ тотъ же день Ордыновъ занемогъ и только черезъ три мѣсяца могъ встать съ постели.

Мало по-малу, онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Жизнь у нѣмца была однообразна, покойна. Нѣмецъ былъ безъ особаго норова; хорошенькая Тинхенъ, не трогая нравственности, была всѣмъ, чѣмъ угодно—но какъ-будто жизнь навѣки потеряла свой цвѣтъ для Ордынова! Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ; впечатлительность его приняла направленіе болѣзненное, и онъ непримѣтно впадалъ въ злую, очерствѣлую ипохондрію. Книги не раскрывались иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Будущее было для него заперто, днѣги его выходили, и онъ опустилъ руки заранѣе; онъ даже не думалъ о будущемъ. Иногда прежняя горячка къ наукѣ, прежній жаръ, прежніе образы, имѣ—самимъ созданные, ярко возставали предъ нимъ изъ прошедшаго, но они только давили, душили его энергію. Мысль не переходила въ дѣло. Созданіе остановилось. Казалось, всѣ эти образы нарочно выростали гигантами въ его представленіяхъ, чтобъ смѣяться надъ безсиліемъ его, ихъ же творца. Ему невольно приходило въ грустную минуту сравненіе самаго-себя съ тѣмъ хвастливымъ ученикомъ колдуна, который, укравъ слово учителя, приказалъ метлѣ носить воду и захлебнулся въ ней, забывъ какъ сказать: «перестань». Можетъ-быть, въ немъ осуществилась бы цѣлая, оригинальная, самобытная идея. Можетъ-быть, ему суждено было быть художникомъ въ наукѣ. По-крайней-мѣрѣ, прежде, онъ самъ вѣрилъ въ это. Искренняя вѣра есть ужъ залогъ будущаго. Но теперь онъ самъ смѣялся въ нѣныя минуты надъ своимъ слѣпымъ убѣжденіемъ и—не подвигался впередъ.

За полгода передъ тѣмъ, онъ выжилъ, создалъ и набросалъ на бумагу стройный эскизъ созданія, на которомъ (по молодости своей) въ нѣтворческія минуты строилъ самыя вещественныя надежды. Сочиненіе относилось къ исторіи церкви, и самыя тѣсныя, горячія убѣжденія легли подъ перомъ его. Тѣперь онъ перечелъ этотъ планъ, передѣлалъ, думалъ о немъ, читалъ, рылся, и наконецъ отвергъ идею свою, не построивъ ничего на развалинахъ. Но что-то похожее на мистицизмъ, на предопредѣленіе и таинственность начало проникать въ его душу. Несчастный чувствовалъ страданія свои и просилъ исцѣленія у Бога. Работница нѣмца изъ русскіихъ, старуха богомольная, съ наслажденіемъ разсказывала, какъ молится ея смиренный жилецъ, и какимъ образомъ, по цѣлымъ часамъ лежитъ онъ словно бездыханный на церковномъ помостѣ...

Онъ никому не говорилъ ни слова о случившемся съ нимъ. Но порой, особенно въ сумерки, въ тотъ часъ, когда гулъ колоколовъ напоминалъ ему то мгновеніе, когда впервые задрожала, запыла вся грудь его дотошъ невѣдомымъ чувствомъ, когда онъ сталъ возлѣ нея на колѣняхъ въ Божіемъ храмѣ, забывъ обо всемъ, и только слышалъ, какъ стучало ея робкое сердце, когда сле-

зами восторга и радости омылъ онъ повую, свѣтлую надежду, мелькнувшую ему въ его одинокой жизни—тогда буря встала изъ уязвленной навѣки души его. Тогда содрогался его духъ, и мученіе любви жгучимъ огнемъ снова пылало въ груди его. Тогда сердце его грустно и страстно болѣло, и—казалось, любовь его возрастала вмѣстѣ съ печалью. Часто по цѣлымъ часамъ, забывъ себя и всю обиденную жизнь свою, забывъ все на свѣтѣ, просиживалъ онъ на одномъ мѣстѣ, одинокій, унылый, безнадежно качалъ головой и, роняя безмолвныя слезы, шепталъ про себя: «Катерина! голубица моя ненаглядная! Сестрица моя одинокая!..»

Какая-то безобразная мысль стала все болѣе и болѣе мучить его. Все сильнѣе и сильнѣе преслѣдовала она его и съ каждымъ днемъ воплощалась передъ нимъ въ вѣроятность, въ дѣйствительность. Ему казалось—и онъ, наконецъ, самъ, повѣрилъ во все,—ему казалось, что невредимъ былъ разумъ Катерины, но что Муринъ былъ по-своему правъ, назвавъ ее слабымъ сердцемъ. Ему казалось, что какая-то тайна связывала ее съ старикомъ, но что Катерина, не сознавъ преступленія, какъ голубица чистая перешла въ его власть. Кто они? Онъ не зналъ того. Но ему непрерывно силась глубокая, безвыходная тиранія падъ бѣднымъ, беззачитнымъ созданіемъ; и сердце смущалось и трепетало бесильнымъ негодованіемъ въ груди его. Ему казалось, что передъ испуганными очами вдругъ-прозрѣвшей души, коварно выставляли ей же паденіе, коварно мучили бѣдное, слабое сердце, толковали передъ ней вкривъ и вкосъ правду, съ умысломъ поддерживали слѣпоту, гдѣ было нужно, хитро льстили неопытнымъ наклонностямъ порывистаго, смятеннаго сердца ея и мало-по-малу рѣзали крылья у вольной, свободной души, неспособной, наконецъ, ни къ возстанію, ни къ свободному порыву въ настоящую жизнь...

Мало по малу, Ордыновъ одичалъ еще болѣе прежняго, въ чемъ, нужно отдать справедливость, его нѣмцы нисколько ему не мѣшали. Онъ часто любилъ бродить по улицамъ, долго, безъ цѣли. Онъ выбиралъ преимущественно сумеречный часъ, а мѣсто прогулки — мѣста глухія, отдаленныя, рѣдко посѣщаемыя народомъ. Въ одинъ ненастный, нездоровый, веселый вечеръ, въ одномъ изъ такихъ закоулковъ встрѣтилъ онъ Ярослава Ильича.

Ярославъ Ильичъ примѣтно похудѣлъ, пріятные глаза его потускнѣли и самъ онъ какъ-будто весь разочаровался. Онъ бѣжалъ въ попыткахъ за какимъ-то потерпѣющимъ отлагательства дѣломъ, промокъ, загоразнился, и дождевая капля, какимъ-то почти фантастическимъ образомъ, уже цѣлый вечеръ не сходила съ весьма приличнаго, но теперь поспѣвшего носа его. Къ тому же, онъ отпустилъ бакенбарды. Эти бакенбарды да и то, что Ярославъ Ильичъ взглянулъ такъ, какъ-будто избѣгалъ встрѣчи съ стариннымъ знакомымъ сво-

имъ, почти поразило Ордынова... чудное дѣло! даже какъ-то уязвило, разобидѣло его сердце, ненуждавшееся доселѣ ни въ чьемъ состраданіи. Ему, наконецъ, пріятнѣе былъ прежній человекъ, простой, добродушный, наивный, рѣшившись сказать наконецъ откровенно, немножечко-глупый, но безъ претензій разочароваться и поумнѣть. А непріятно, когда *мудрый* человекъ, котораго мы прежде любили, можетъ-быть, именно за глупость его, *вдругъ поумнѣть*, рѣшительно непріятно. Впрочемъ, недовѣрчивость, съ которою онъ смотрѣлъ на Ордынова, тотчасъ же сгладилась. При всемъ разочарованіи своемъ, онъ вовсе не оставилъ своего прежняго норова, съ которымъ человекъ, какъ швѣстно, и въ могилу идетъ, и съ наслажденіемъ пользѣ, такъ какъ былъ, въ дружескую душу Ордынова. Прежде всего онъ замѣтилъ, что у него много дѣла, потомъ, что они давно не видались; но вдругъ разговоръ опять принялъ какое-то странное направленіе. Ярославъ Ильичъ заговорилъ о лживости людей вообще, о непрочности благъ міра сего, о суетѣ суетъ, мимоходомъ, даже болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ не преминулъ отозваться о Пушкинѣ, съ нѣкоторымъ цинизмомъ о хорошихъ знакомствахъ, и, въ заключеніе, даже намекнулъ на лжливость и коварство тѣхъ, которые называются въ свѣтѣ друзьями, тогда-какъ истинной дружбы на свѣтѣ и сродясь не бывало. Однимъ-словомъ, Ярославъ Ильичъ поумялъ. Ордыновъ не противорѣчилъ ни въ чемъ, но несказанно, мучительно-грустно стало ему: какъ-будто онъ схоронилъ своего лучшаго друга!

— Ахъ! представьте—я было-совсѣмъ позабылъ рассказать, молвилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ, какъ-будто припомнивъ что-то весьма интересное:—у насъ новость! Я вамъ скажу по секрету. Помните домъ, гдѣ вы жили?

Ордыновъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вообразите же, недавно открыли въ этомъ домѣ цѣлую шайку воровъ, т. е., сударь ты мой, ватагу, притонъ-съ; контрабандисты, мошенники всякіе, кто ихъ знаетъ! Пыхъ персловили, за дружки еще только гоняются; отданы строжайшія приказанія. И можете себя представить: помните хозяина дома, богомольный, почтенный, благородный съ виду...

— Ну!

— Судите послѣ этого о всемъ человѣчествѣ! Это и былъ начальникъ всей шайки ихъ, коповодъ! Не нелѣпо ли это-съ?

Ярославъ Ильичъ говорилъ съ чувствомъ и осудилъ за одного все человѣчество, потому что Ярославъ Ильичъ и не можетъ иначе сдѣлать; это въ его характерѣ.

— А тѣ? а Муринъ? проговорилъ Ордыновъ шопотомъ.

— Ахъ, Муринъ, Муринъ! Нѣтъ, это почтенный старикъ, благородный. — Но, позвольте, вы проливаете новый свѣтъ...

— А что? онъ тоже былъ въ шайкѣ?

Сердце Ордынова готово было пробить грудь отъ истерпѣнья...

— Впрочемъ, какъ же вы говорите... прибавилъ Ярославъ Ильичъ, пристально вперивъ оловянные

очи въ Ордынова — признакъ, что онъ соображалъ:—Муринъ не могъ быть между ними. Ровно за три недѣли онъ уѣхалъ съ женой къ себѣ, въ свое мѣсто... Я отъ дворника узналъ... этотъ татарченкокъ, помните?



ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ квартирѣ Устиньи Ѳедоровны, въ уголкѣ самомъ темномъ и скромномъ, помѣщался Семенъ Ивановичъ Прохарчинъ, человѣкъ уже пожилой, благомыслящій и пеньющій. Такъ-какъ г. Прохарчинъ, при мелкомъ чинѣ своемъ, получалъ жалованья въ совершенную мѣру своихъ служебныхъ способностей, то Устинья Ѳедоровна никакимъ образомъ не могла пмѣть съ него болѣе пяти рублей за квартиру по-мѣсячно. Говорили иные, что у ней былъ тутъ свой особый расчетъ; но какъ бы тамъ ни было, а господинъ Прохарчинъ, словно въ отместку всѣмъ своимъ злоязычникамъ, попалъ даже въ ея фавориты, разумѣя это достоинство въ значеніи благородномъ и честномъ. Нужно замѣтить, что Устинья Ѳедоровна, весьма почтенная и дородная женщина, имѣвшая особенную склонность къ скоромной пищѣ и кофею и черезъ силу перемогавшая посты, держала у себя нѣсколько штукъ такихъ постояльцевъ, которые платили даже и вдвое-дороже Семена Ивановича, но, не бывъ смиренны и будучи, напротивъ того, всѣ до единого «злыми надсмѣшниками» надъ ся бабынмъ дѣломъ и сиротскою беззащитностью, сильно проигрывали въ добромъ ея мнѣніи, такъ-что не плати они только денегъ за свои помѣщенія, такъ она не только жить пустить, но и видѣть-то не захотѣла бы ихъ у себя на квартирѣ. Въ фавориты же Семенъ Ивановичъ попалъ съ того самаго времени, какъ свезли на Волково увлеченнаго пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ отставнаго, или, можетъ-быть, гораздо лучше будетъ сказать, одного исключеннаго человѣка. Увлеченный и исключенный хотя и ходилъ съ подобнымъ по словамъ его за храбрості глазомъ и имѣлъ одну ногу, тамъ какъ-то тоже изъ-за храбрости сломанную,—но тѣмъ не менѣе умѣлъ снискать и воспользоваться всѣмъ тѣмъ благорасположеніемъ, къ которому только способна была Устинья Ѳедоровна, и, вѣроятно, долго бы прожилъ еще въ качествѣ самаго вѣрнаго ея прислѣзника и приживальщика, еслибъ не опплся наконецъ самымъ глубокимъ, плачевнѣйшимъ образомъ. Случилось же это все еще на Пескахъ, когда Устинья Ѳедоровна держала всего только трехъ постояльцевъ, изъ которыхъ, при переѣздѣ на по-

вую квартиру, гдѣ образовалось заведеніе на болѣе обширную ногу и пригласилось около десятка новыхъ жильцовъ, уцѣлѣлъ всего только одинъ г. Прохарчинъ.

Самъ ли господинъ Прохарчинъ пмѣлъ свои отъсмысленные недостатки, товарищи ль его обладали таковыми же каждый, — по дѣла съ обѣихъ сторонъ пошли съ самаго начала какъ-будто не ладно. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ до единого изъ новыхъ жильцовъ Устиньи Ѳедоровны жили между собою словно братья родные; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ служили; всѣ вообще поочередно каждое первое число проигрывали другъ другу свои жалованья въ банчишку, въ преферансъ и на бикетъ: любили подъ веселый часъ всѣ вмѣстѣ гурьбой насладиться, какъ говорилось у нихъ, шипучими мгновеніями жизни; любили иногда тоже поговорить о высокомъ, и хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣдко обходилось безъ спора но такъ-какъ предразсудки были изъ всей этой компаніи изгнаны, то взаимное согласіе въ такихъ случаяхъ не нарушалось нисколько. Изъ жильцовъ особенно замѣчательны были: Маркъ Ивановичъ, умный и начитанный человѣкъ; потомъ еще Оплеваніевъ-желецъ; потомъ еще Преполовенко-желецъ, тоже скромный и хорошій человѣкъ; потомъ еще былъ одинъ Зиновій Прокофьевичъ, имѣвшій непремѣнною цѣлью попасть въ высшее общество; наконецъ, писарь Океановъ, въ свое время едва не отбившій пальму первенства и фаворитства у Семена Ивановича; потомъ еще другой писарь Судьбинъ; Кантаревъ разночипецъ;—были еще и другіе. Но всѣмъ этимъ людямъ Семенъ Ивановичъ былъ какъ-будто не товарищъ. Зла ему, конечно, никто не желалъ, тѣмъ болѣе, что всѣ еще въ самомъ началѣ умѣли отдать Прохарчину справедливость и рѣшили словами Марка Ивановича, что онъ, Прохарчинъ, человѣкъ хорошій и смиренный, хотя и не свѣтскій, вѣренъ, не льстецъ, имѣетъ, конечно, свои недостатки, но если пострадаетъ когда, то не отъ чего инаго, какъ отъ недостатка собственнаго своего воображенія. Мало того: хотя лишенный такимъ образомъ собственнаго своего воображенія, господинъ Прохарчинъ фигурою своей и манерами немогъ, напримѣръ, никого поразить съ особенно выгодной для себя точки зрѣнія (къ чему

любить придаться насмѣшники), но и фигура сошла ему съ рукъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывала; при чемъ Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, принялъ формально защиту Семена Ивановича и объявилъ довольно-удачно и въ прекрасномъ, цвѣтистомъ слогѣ, что Прохарчинъ человѣкъ пожилой и солидный и уже давнымъ-давно оставилъ за собою свою пору элегій. Итакъ, если Семенъ Ивановичъ не умѣлъ уживаться съ людьми, то единственно потому, что былъ самъ во всемъ виновать.

Первое, на что обратили вниманіе, было, безъ сомнѣнія, скопидомство и скарденность Семена Ивановича. Это тотчасъ замѣтили и приняли въ счетъ, ибо Семенъ Ивановичъ никакъ ни за что и ни кому не могъ одолжить своего чайника на поддержаніе, хотя бы то было на самое малое время; и тѣмъ болѣе былъ несправедливъ въ этомъ дѣлѣ, что самъ почти совсѣмъ не пилъ чаю, а пилъ, когда была надобность, какой-то довольно пріятный настой изъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣкоторыхъ цѣлебнаго свойства травъ, всегда въ значительномъ количествѣ у него запасенный. Впрочемъ, онъ и ѣлъ тоже совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ всякіе другіе жильцы. Никогда, напримѣръ, онъ не позволялъ себѣ съѣсть всего обѣда, предлагаемаго ежедневно Устиньей Ѳедоровной его товарищамъ. Обѣдъ стоилъ полтину; Семенъ Ивановичъ употреблялъ только 25 коп. мѣдью и никогда не восходилъ выше, и потому бралъ по порціямъ или одни щи съ пирогомъ, или одну говядину; чаще же всего не ѣлъ ни щей, ни говядины, а съѣдалъ въ мѣру ситнаго съ лукомъ, съ творогомъ, съ огурцомъ разсолнымъ, или съ другими приправами, что было несравненно дешевле, и только тогда, когда уже не въ мочь становилось, обращался опять къ своей половинѣ обѣда...

Здѣсь биографъ сознается, что онъ ни за что бы не рѣшился говорить о такихъ нестоющихъ, низкихъ и даже щекотливыхъ, скажемъ болѣе, даже обидныхъ для инаго любителя благороднаго слога подробностяхъ, еслибъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ не заключалась одна особенность, одна господствующая черта въ характерѣ героя сей повѣсти; ибо господинъ Прохарчинъ далеко не былъ такъ скуденъ, какъ самъ иногда увѣрялъ, чтобъ даже харчей не имѣть постоянныхъ и сытныхъ, но дѣлалъ противное, не боясь стыда и людскихъ пересудовъ, собственно для удовольствія своихъ странныхъ прихотей, изъ скопидомства и излишней осторожности, что, впрочемъ, гораздо яснѣе будетъ видно впослѣдствіи. Но мы остережемся наскучить читателю описаніемъ всѣхъ прихотей Семена Ивановича и не только пропускаемъ, напримѣръ, любопытное и очень смѣшное для читателя описаніе всѣхъ нарядовъ его, но даже, еслибъ только не показаніе самой Устиньи Ѳедоровны, пожалуй ли упомянули бы мы и о томъ, что Семенъ Ивановичъ во всю жизнь свою никакъ не могъ

рѣшиться отдать свое бѣлье въ стирку, или рѣшался, но такъ рѣдко, что въ промежуткахъ можно было совершенно забыть о присутствіи бѣлья на Семенѣ Ивановичѣ. Въ показаніи же хозяйкиномъ значилось, что «Семенъ-отъ Ивановичъ младшій голубчикъ, согрѣй его душеньку, гноилъ у ней уголь два десятка лѣтъ, стыда не имѣя, ибо не только все время земнаго житія своего постоянно и съ упорствомъ чуждался носковъ, платковъ и другихъ подобныхъ предметовъ, но даже сама Устинья Ѳедоровна собственными глазами видѣла, съ помощью ветхости ширмъ, что ему, голубчику, нечѣмъ было подчасъ своего бѣлага тѣльца прикрыть». Такіе толки пошли уже по кончинѣ Семена Ивановича. Но при жизни своей (и здѣсь-то былъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ раздора) онъ никакимъ образомъ не могъ потерпѣть, не смотря даже на самыя пріятныя отношенія товарищества, чтобъ кто нибудь не спросясь савалъ свой любопытный носъ къ нему въ уголь, хотя бы то было даже и съ помощію ветхости ширмъ. Человѣкъ былъ совсѣмъ несговорчивый, молчаливый, и на праздную рѣчь неподатливый. Совѣтниковъ не любилъ никакихъ, выскочекъ тоже не жаловалъ, и всегда бывало тутъ же на мѣстѣ укорить насмѣшника или совѣтника-выскачку, пристыдить его и дѣло съ концомъ. «Ты мальчишка, ты свистунъ, а не совѣтникъ, вотъ какъ; знай, сударь, свой карманъ, да лучше сосчитай, мальчишка, много ли нитокъ на твои онучки пошло, вотъ какъ!» Семенъ Ивановичъ былъ простой человѣкъ и всѣмъ рѣшительно говорилъ *ни*. Также никакъ не могъ онъ стерпѣть, когда кто нибудь, зная всегдашній норовъ его, начнетъ бывать, изъ одного баловства приставать и разспрашивать, что у него лежитъ въ сундучкѣ... У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зеница ока; и хотя всѣ знали, что въ немъ, кромѣ старыхъ тряпичъ, двухъ или трехъ паръ изъявившихся сапоговъ и вообще всякаго случившагося хламу и дрязгу, ровно не было ничего, но господинъ Прохарчинъ цѣнилъ это движимое свое весьма высоко, и даже слышали разъ, какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкомъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенный нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайною пружиною. Когда же одинъ разъ Зиновій Прокофьевичъ, увлеченный своимъ молодоеуміемъ обнаружилъ весьма неприличную и грубую мысль, что Семенъ Ивановичъ, вѣроятно, таитъ и откладываетъ въ свой сундукъ, чтобъ оставить потомкамъ, то всѣ, кто тутъ ни были около, принуждены были въ столбнякъ стать отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьевича. Во-первыхъ, господинъ Прохарчинъ на такую обнаженную и грубую мысль даже выражений приличныхъ не могъ съ разу пайдти. Долгое время изъ устъ его сыпались слова безъ всякаго смысла, и наконецъ только разобрали, что Семенъ

Ивановичъ, во-первыхъ, корить Зиновья Прокофьича однимъ его давнопрошедшимъ скарелнымъ дѣломъ; потомъ распознали, будто Семенъ Ивановичъ предсказываетъ, что Зиновій Прокофьичъ ни за что не попадетъ въ высшее общество, а что вотъ портной, которому онъ долженъ за платье, его приѣдетъ непременно приѣдетъ за то, что долго мальчишка не платитъ, и что «наконецъ ты мальчишка», прибавилъ Семенъ Ивановичъ: «вишь тамъ хочешь въ гусарскіе юнкера перейти, такъ вотъ не перейдешь, грибъ съѣшь, а что вотъ тебя мальчишку, какъ начальство узнаетъ про все, возмутъ да въ писаря отдадутъ; вотъ-молъ какъ, слышь ты мальчишка!» Потомъ Семенъ Ивановичъ успокоился, но полежавъ часовъ пять, къ величайшему и всеобщему изумленію какъ-будто нацумался, и вдругъ опять, сначала одинъ, а потомъ обращаясь къ Зиновію Прокофьичу, началъ его вновь укорять и стыдить. Но тѣмъ дѣло опять не кончилось и по вечеру, когда Маркъ Ивановичъ и Преполовенко-жилецъ затѣяли чай, пригласивъ къ себѣ въ товарищи писаря Оксанова, Семенъ Ивановичъ слѣзъ съ постели своей, нарочно подслѣлъ къ нимъ, давъ свои двадцать или пятнадцать копѣекъ, и подъ видомъ того, что захотѣлъ вдругъ пить чаю, началъ весьма-пространно входить въ матерію и изъяснять, что бѣдный человѣкъ всего только бѣдный человѣкъ, а болѣе ничего, а что, бѣдному человѣку, ему копѣекъ не изъ чего. Тутъ господинъ Прохарчинъ даже признался, единственно потому, что вотъ теперь оно къ слову пришлось, что онъ бѣдный человѣкъ; еще третьяго дня, у него дерзкаго человѣка, занявъ хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, чтобъ не хвалился, мальчишка, что вотъ-молъ какъ, а жалованье у меня-де такое, что и корму не купишь; и что наконецъ онъ, бѣдный человѣкъ, вотъ такой, какъ вы его видите, самъ каждый мѣсяцъ своей золовкѣ по пяти рублей въ Тверь отсылаетъ, и что не отсылай онъ въ Тверь золовкѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, такъ умерла бы золовка, а еслибъ умерла бы золовка-нахлѣбница, то Семенъ Ивановичъ давно бы себѣ новую одежду состроилъ... Итакъ долго и пространно говорилъ Семенъ Ивановичъ о бѣдномъ человѣкѣ, о рубляхъ и золовкѣ и повторялъ одно и то же для сильнѣйшаго внушенія слушателямъ, что наконецъ сбился совсѣмъ, замолчалъ, и только три дня спустя, когда уже никто и не думалъ его задирать, и всѣ объ немъ позабыли, прибавилъ въ заключеніе что то въ родѣ того, что когда Зиновій Прокофьичъ вступитъ въ гусары, такъ отрубятъ ему дерзкому человѣку, ногу въ войнѣ, и надѣнутъ ему, вмѣсто ноги, деревяшку, и придетъ Зиновій Прокофьичъ и скажетъ «дай добрый человѣкъ Семенъ Ивановичъ хлѣбца!» такъ не дастъ Семенъ Ивановичъ хлѣбца и не посмотритъ на буйнаго человѣка Зиновія Прокофьевича, и что вотъ дескать какъ-молъ; подика ты съ нимъ.

Все это, какъ и слѣдовало тому быть, показало

лось весьма-любопытнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ какъ забавнымъ. Долго не думая, всѣ хозяйкины жильцы соединились для дальнѣйшихъ изслѣдованій и, собственно изъ одного любопытства, рѣшились наступить на Семена Ивановича гурьбою и окончательно. Итакъ какъ господинъ Прохарчинъ въ свое послѣднее время, т. е. съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить въ компаніи, тоже чрезвычайно какъ полюбилъ обо всемъ узнавать, разспрашивать и любопытствовать, что вѣроятно дѣлалъ для какихъ-то собственныхъ тайныхъ причинъ, то сношенія обѣихъ враждебныхъ сторонъ начинались безъ всякихъ предварительныхъ приготовлений и безъ тщетныхъ усилій, но какъ-будто случаенъ и сами собою. Для начатія сношеній, у Семена Ивановича былъ всегда въ запасѣ свой особый, довольно хитрый, а весьма впрочемъ замысловатый маневръ, частію уже извѣстный читателю: слѣзетъ, бывало, съ постели своей около того времени, какъ надо пить чай, и если увидитъ, что собрались другіе гдѣ-нибудь въ кухню для составленія напитка, подойдетъ къ нимъ какъ скромный, умный и ласковый человѣкъ, дастъ свои законныя двадцать копѣекъ, и объявитъ, что желаетъ участвовать. Тутъ молодежь перемигивалась, и такимъ образомъ согласясь межъ собой на Семена Ивановича, начинала разговоръ сначала приличный и чинный. Потомъ какой-нибудь повострѣе пускался, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, рассказывать про разныя новости, и чаще всего о матеріяхъ лживыхъ и совершенно неправдоподобныхъ. То, напримѣръ, что будто бы слышалъ кто-то сегодня, какъ его превосходительство сказали самому Демиду Васильевичу, что, по ихъ мишнію, женатые чиновники «выйдутъ» посолондѣ неженатыхъ и къ повышенію чиномъ удобнѣе; ибо смиренные и въ бракѣ значительно болѣе приобрѣтаютъ способностей, и что потому онъ, т. е. рассказчикъ, чтобъ удобнѣе отличиться и приобрѣсти, стремится какъ можно скорѣе сочетаться бракомъ съ какой-нибудь Ѳевроньей Прокофьевной. То, напримѣръ, что будто бы неоднократно замѣчено про разныхъ иныхъ изъ ихъ братьи, что лишены они всякой свѣтскости и хорошихъ, пріятныхъ манеръ, а слѣдовательно и не могутъ нравиться въ обществѣ дамамъ, и что потому, для искорененія сего злоупотребленія, слѣдуетъ немедленно вычѣть у получающихъ жалованье, и на складочную сумму устроится такой залъ, гдѣ будутъ учить танцовать, приобрѣтать всѣ признаки благородства и хорошее обращеніе, вѣжливость, почтеніе къ старшимъ, сильный характеръ, доброе, признательное сердце и разныя пріятныя манеры. То, наконецъ, говорили, что будто-бы выходитъ такое, что нѣкоторые чиновники, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, должны для того, чтобъ немедленно сдѣлаться образованными, какой-то экзаменъ по всѣмъ предметамъ держать, и что такимъ образомъ, прибавлялъ рассказчикъ, многое выйдетъ на чистую воду, и нѣкоторымъ господамъ придется положить свои

карты на столъ,—однимъ словомъ, рассказывались тысяча такихъ или тому подобныхъ пренелѣпъ-шихъ толковъ. Для вида всѣ тотчасъ вѣрили, принимали участіе, разспрашивали, на себя смекали, а нѣкоторые, принявъ грустный видъ, начинали покачивать головами и совѣтовъ повсюду искать, какъ-будто въ томъ смыслѣ, что дескать, что же имъ будетъ дѣлать, если ихъ постигнетъ? Само собою разумѣется, что и тотъ человѣкъ, который былъ бы гораздо менѣе добродушенъ и смиренъ, чѣмъ господинъ Прохарчинъ, смѣшался и запутался бы отъ такого всеобщаго толка. Кромѣ того, по всѣмъ признакамъ можно совершенно безошибочно заключить, что Семенъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тутъ и тугъ на всякую новую, для его разума непривычную мысль, и что, получивъ, напримѣръ, какую-нибудь новость, всегда принужденъ былъ сначала ее какъ-будто переваривать и пережевывать, толку искать, сбиваться и путаться, и наконецъ развѣ одолѣвать ее, но и тутъ какимъ-то совершенно особеннымъ, ему только одному свойственнымъ образомъ... Открылись такимъ образомъ въ Семенѣ Ивановичѣ вдругъ разныя любопытныя и доселѣ неподозрѣваемые свойства... Пошли пересуды и говоръ, и все это какъ было и съ прибавленіями дошло наконецъ своимъ путемъ въ канцелярію. Способствовало эффекту и то, что господинъ Прохарчинъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, бывъ съ незапамятныхъ временъ почти все въ одномъ и томъ же лицѣ, перемѣнилъ фیزیономію: лицо сталъ имѣть безпокойное, взгляды пугливые, робкіе и немного подозрительные; сталъ чутко ходить, вздрагивать и прислушиваться, и къ довершенію всѣхъ новыхъ качествъ своихъ, страхъ какъ полюбилъ отыскивать истину. Любовь къ истинѣ довелъ онъ наконецъ до того, что рисковалъ раза два справиться о вѣрности ежедневныхъ десятками получаемыхъ имъ новостей, даже у самого Демида Васильевича, и если мы здѣсь умалчиваемъ о послѣдствіяхъ этой выходки Семена Ивановича, то не отъ чего инаго, какъ отъ сердечнаго состраданія къ его репутаціи. Такимъ образомъ, нашли, что онъ мизантропъ и пренебрегаетъ приличіями общества. Нашли потомъ, что много въ немъ фантастическаго, и тутъ тоже совсѣмъ не ошиблись, ибо неоднократно замѣчено было, что Семенъ Ивановичъ иногда совсѣмъ забывается, и сидя на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ въ воздухъ перомъ, какъ-будто застывшій или окаменѣвшій, походитъ болѣе на тѣнь разумнаго существа, чѣмъ на то же разумное существо. Случалось нерѣдко, что какой-нибудь невинно-зазѣвавшійся господинъ, вдругъ встрѣчая его бѣглый, мутный и чего-то ищущій взглядъ, приходилъ въ трепетъ, робѣлъ, и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или жпда, или какое-нибудь совершенно ненужное слово. Неблагопристойность поведенія Семена Ивановича смущала и оскорбляла истинно-благородныхъ людей... Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фан-

тастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда, въ одно прекрасное утро, пронесся по всей канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ корридорѣ, былъ такъ чуденъ и сгнаненъ, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ наконецъ и до него самого. Услышавъ о немъ, онъ немедленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣлъ, вышелъ—и исчезъ на неопредѣленное время. Оробѣлъ ли онъ, влекло ль его что другое—не знаемъ, но ни дома, ни въ канцеляріи на время его не нашлось...

Мы не будемъ объяснять судьбы Семена Ивановича прямо-фантастическимъ его направленіемъ; но однакожъ не можемъ не замѣтить читателю, что герой нашъ—человѣкъ несвѣтскій, совсѣмъ-смирный, и жилъ до того самаго времени, какъ попалъ въ компанію, въ глухомъ, непроницаемомъ уединеніи, отличался тихостію и даже какъ-будто таинственностью; ибо все время послѣдняго житія своего на Пескахъ лежалъ на кровати за ширмами, молчалъ, и сношеній не держалъ никакихъ. Оба старые его сожителя жили совершенно такъ же, какъ онъ: оба были тоже какъ-будто таинственны, и тоже пятнадцать лѣтъ пролежали за ширмами. Въ патріархальномъ затишьи тянулись одинъ за другимъ счастливые, дремотные дни и часы, и такъ-какъ все вокругъ тоже шло своимъ добрымъ чередомъ и порядкомъ, то ни Семенъ Ивановичъ, ни Устинья Ѳеодоровна ужъ и не помнили даже хорошенько, когда ихъ и судьба-то свела. «А не то десять лѣтъ, не то ужъ пятнадцать, не то ужъ и всѣ тѣ же двадцать-пять» говорила она подъ-часъ своимъ новымъ жильцамъ, «какъ онъ голубчикъ у меня основался, согрѣй его душеньку.» И потому весьма-естественно, что пренепріятно былъ изумленъ непривычный къ компаніи герой нашей повѣсти, когда, ровно годъ тому назадъ, очутился онъ, солидный и скромный, вдругъ посреди шумливой и безпокойной ватаги цѣлаго десятка молодыхъ ребятъ, своихъ новыхъ сожителей и товарищей.

Исчезновеніе Семена Ивановича надѣлало не малой суматохи въ углахъ. Одно то, что онъ былъ фаворитъ; во-вторыхъ же, паспортъ его, бывший подъ сохраненіемъ хозяйки, оказался на ту пору ненарокомъ затеряннымъ. Устинья Ѳеодоровна взвыла,—къ чему прибѣгала во всѣхъ критическихъ случаяхъ; ровно два дня корила-поносила жильцовъ; причитала, что загоняли у ней жильца какъ цыпленка, и что сгубили его «все тѣ же злые надсмѣшники», а на третій выгнала всѣхъ искать и добыть бѣглеца во что бы ни стало, живаго или мертваго. По-вечеру пришелъ первый писарь Судьбинъ и объявилъ, что слѣдъ отыскался, что видѣлъ онъ бѣглеца на Толкучемъ и по другимъ мѣстамъ, ходилъ за нимъ, близко стоялъ, но говорить не посмѣлъ, а былъ неподалеку отъ него

и на пожарѣ, когда загорѣлся домъ въ Кривомъ-Переулкѣ. Полчаса спустя, явились Океановъ и Кантаревъ-разночинецъ, подтвердили Судьбина слово-въ-слово: тоже недалеко стояли, близко, всего только въ десяти шагахъ отъ него ходили, но говорить опять не посмѣли, а замѣтили оба, что ходилъ Семенъ Ивановичъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Собрались наконецъ и остальные жильцы и, внимательно выслушавъ, рѣшили, что Прохарчинъ долженъ быть теперь недалеко и не замедлить придти; но что они и прежде всѣ знали, что ходитъ онъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Попрошайка-пьянчужка былъ человекъ совсѣмъ скверный, буйный и лстивый, и по всему было видно, что онъ какъ ниудъ тамъ обольстил Семена Ивановича. Явился онъ ровно за недѣлю до исчезновенія Семена Ивановича, вмѣстѣ съ Ремневымъ-товарищемъ, приживалъ малое время въ углахъ, рассказавъ, что страдаетъ за правду, что прежде служилъ по уѣздамъ, что наѣхалъ на нихъ ревизоръ, что пошатнули какъ-то за правду его и компанію, что явился онъ въ Петербургъ и палъ въ ножки къ Порфирію Григорьевичу, что помѣстили его, по ходатайству, въ одну канцелярію, но что, по жесточайшему гоненію судьбы, упразднили его и отсюда, за тѣмъ что уничтожилась сама канцелярія, получивъ измѣненіе; а въ преобразовавшійся новый штатъ чиновниковъ его не приняли, сколько по прямой неспособности къ служебному дѣлу, столько и по причинѣ способности къ одному другому совершенно-постороннему дѣлу,—вмѣстѣ же со всѣмъ этимъ за любовь къ правдѣ, и наконецъ по кознямъ враговъ. Кончивъ исторію, въ продолженіе которой господинъ Зимовейкинъ неоднократно лобызалъ своего суроваго и небритаго друга Ремнева, онъ по-очередно поклонился всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ въ ножки, не забывъ и Авдотью-работницу, назвалъ ихъ всѣхъ благодѣтелями, и объяснилъ, что онъ человекъ недостойный, назойливый, подлый, буйный и глухой, а чтобъ не взыскали добрые люди на его горемычной долѣ и простотѣ. Испросивъ покровительства, господинъ Зимовейкинъ оказался весельчакомъ, сталъ очень радъ, цаловалъ у Устины Федоровны ручки, не смотря на скромныя увѣренія ея, что рука у ней подлая, не дворянская, а къ вечеру общалъ всему обществу показать свой талантъ въ одномъ замѣчательномъ характерномъ танцѣ. Но на завтра же дѣло его окончилось плачевной развязкой. Иль отъ того, что характерный танецъ оказался ужъ слишкомъ характернымъ, иль отъ того, что онъ Устину Федоровну, по словамъ, ея, какъ то «опозорилъ и опростоволосилъ, а ей къ тому же самъ Ярославъ Ильичъ знакомъ, и еслибъ захотѣла она, то давно бы сама была обер-офицерской женой»—только Зимовейкину пришлось улизывать во-свояси. Онъ ушелъ, опять воротился, былъ опять съ безчестіемъ изгнанъ, втерся потомъ во вниманіе и мплость Семена Ивановича, лишилъ его мимоходомъ новыхъ ретузовъ, и нако-

нецъ явился теперь опять въ качествѣ обольстителя Семена Ивановича.

Лишь только хозяйка узнала, что Семенъ Ивановичъ былъ живъ и здоровъ, и что паспорта искать теперь нечего, то немедленно оставила горевать и пошла успокоиться. Тѣмъ временемъ кое-кто изъ жильцовъ рѣшились сдѣлать торжественный пріемъ бѣглецу: испортили задвижку и отодвинули ширмы отъ кровати пропавшаго, немножко поизмяли постель, взяли извѣстный сундукъ, помѣстили его на кровати въ ногахъ, а на кровать положили золовку, т. е. куклу, форму, сдѣланную изъ стараго хозяйкина платка, чепца и салона, но только совершенно на подобіе золовки, такъ-что можно было совсѣмъ обмануться. Кончивъ работу, стали ждать, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытіи Семена Ивановича, объявить ему, что пришла изъ уѣзда золовка и помѣстилась у него за ширмами. бѣдная. Но ждали-ждали, ждали-ждали... Уже въ ожиданіи Маркъ Ивановичъ прометалъ и поставилъ полмѣсячное жалованье Преполовенкѣ и Кантареву-жилцамъ; уже весь носъ покраснѣлъ и вспухъ у Океанова за игрой въ носки и въ три листика; уже Авдотья-работница почти совсѣмъ выспалась, и два раза собиралась вставать, дрова таскать, печку топить, и весь до нитки промокъ Зиновій Прокофьевичъ, помпнуто выбѣгая во дворъ навѣдываться о Семенѣ Ивановичѣ; но не явилось еще никого—ни Семена Ивановича, ни попрошайки-пьянчужки. Наконецъ, всѣ спать легли, оставивъ на всякій случай золовку за ширмами; и только въ четыре часа раздался стукъ у воротъ, но за то такой сильный, что совершенно вознаградилъ ожидавшихъ за всѣ тяжкіе труды, ими понесенные. Это былъ онъ, онъ самый, Семенъ Ивановичъ, господинъ Прохарчинъ, но только въ такомъ положеніи, что всѣ ахнули, и никому и въ мысль не пришло о золовкѣ. Пропавшій явился безъ памяти. Его ввели, или лучше сказать, внесъ его на плечахъ весь пзмокшій и пздрогшій, оборванный ночной ванька-извощакъ. На вопросъ хозяйки, гдѣ же онъ такъ горемычный наклюкался, ванька отвѣчалъ: «да не пьянъ, и «маковой не было; это ужъ тебя завѣрю, а вѣрно такъ омракъ нашелъ, или столбнякомъ, какъ «тамъ ни есть, прихватило, или може кондрашка (*) «пришибъ». Стали разсматривать для удобства, прислонивъ виноватаго къ печкѣ, и увидѣли, что дѣйствительно хмѣлю тутъ не было, да и кондрашка не трогалъ, а былъ другой какой ни есть грѣхъ, затѣмъ, что Семенъ Ивановичъ и языкомъ не ворочалъ, а какъ-будто судорогой его какой дергало, и только хлопалъ глазами, въ недоумѣніи устанавливаясь то на того, то на другаго, почнымъ-образомъ костюмированного зрителя. Стали потомъ спрашивать ваньку, отколева взялъ? «Да отъ какихъ-то» отвѣчалъ онъ «изъ Коломны, шутъ ихъ знаетъ, господа не господа, а гулявшіе, веселые господа;

(*) Ударъ.

такъ-таки вотъ такого и сдали; подрались они что-ли, или судорогой какой его передернуло, Богъ-знаетъ какого тутъ было; а господа веселые, хорошие!» Взяли Семена Ивановича, приподняли на пару другую дюжихъ плечъ и снесли на кровать. Когда же Семенъ Ивановичъ, помѣщаясь на постель, ощущалъ собою золовку, и уперъ ноги въ свой завѣтный сундукъ, то вскрикнулъ благимъ матомъ, усѣлся почти на карячки и, весь дрожа и трепеща, загребъ и замѣстилъ сколько могъ руками и тѣломъ пространства на своей кровати, тогда-какъ трепещущимъ, но странно-рѣшительнымъ взоромъ окидывая присутствующихъ, казалось, изъяснялъ, что скорѣе умереть, чѣмъ уступить кому-нибудь хоть сотую капельку изъ бѣдной своей благостыни...

Семенъ Ивановичъ пролежалъ дня два или три, плотно-обставленный ширмами и отдѣленный такимъ-образомъ отъ всего Божьяго свѣта и всѣхъ напрасныхъ его тревоженій. Какъ слѣдуетъ, на-завтра же всѣ о немъ позабыли; время летѣло межъ-тѣмъ своимъ чередомъ, часы смѣнялись часами, день другимъ. Полусонъ, полубредъ налегли на отяжелѣвшую, горячую голову больного; но онъ лежалъ смирно, не стоналъ и не жаловался; напротивъ, притихъ, молчалъ и крѣпился, приплюснувъ себя къ постели своей, словно какъ заяцъ припадаетъ отъ страха къ землѣ, слышавъ охоту. Порой наставляла въ квартирѣ долгая, тоскливая тишина, — знакъ, что всѣ жильцы удалялись по должности, и просыпавшійся Семенъ Ивановичъ могъ сколько угодно развлекать тоску свою, прислушиваясь къ близкому шороху въ кухнѣ, гдѣ хлопотала хозяйка, или къ мѣрному отшлепыванію стоптанныхъ башмаковъ Авдотьи-работницы по всѣмъ комнатамъ, когда она, охая и крихтя, прибирала, притирала и приглаживала во всѣхъ углахъ для порядка. Цѣлые часы проходили такимъ образомъ, дремотные, лѣнныя, сонливыя, скучныя, словно вода, стекавшая звучно и мѣрно въ кухнѣ съ залавка въ лохань. Наконецъ, приходили жильцы, поочередно или кучками, и Семенъ Ивановичъ очень-удобно могъ слышать, какъ они бранили погоду, хотѣли ѣсть, какъ шумѣли, курили, бранились, дружились, играли въ карты и стучали чашками, собираясь пить чай. Семенъ Ивановичъ машинально дѣлалъ усиліе привстать и присоединиться законнымъ образомъ для составленія напитка, но тутъ же впадалъ въ усыпленіе и грезилъ, что уже давно сидитъ за чайнымъ столомъ, участвуетъ и бесѣдуетъ, и что Зиновій Прокофьевичъ успѣлъ уже, пользуясь случаемъ, вклеить въ разговоръ какой-то прозекъ о золовкахъ и о нравственномъ отношеніи къ нимъ различныхъ хорошихъ людей. Тутъ Семенъ Ивановичъ поспѣшилъ было оправдаться и возразить, но разомъ слетѣвшая со всѣхъ языковъ могуче-форменная фраза, «неоднократно замѣчено» окончательно осклѣла всѣ его возраженія, и Семенъ Ивановичъ ничего не могъ придумать лучшаго, какъ начать снова гре-

зить о томъ, что сегодня первое число, и что онъ получаетъ цѣлковики въ своей канцеляріи. Развернувъ бумажку на лѣстницѣ, онъ быстро оглянулся кругомъ и поспѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлать цѣлую половину изъ законнаго возмездія, имъ полученнаго, и припрятать эту половину въ сапогъ, потомъ, тутъ же на лѣстницѣ, и вовсе не обращая вниманія на то, что дѣйствуетъ на своей постели во снѣ, рѣшилъ, пришедъ домой, немедленно воздать, что слѣдуетъ, за харчи и постой хозяинѣ своей, потомъ закупить кой-чего необходимаго, и показать кому слѣдуетъ, какъ-будто безъ намѣренія и нечаянно, что подвергся вычету, что остается ему и всего ничего, и что вотъ и золовкѣ-то послать теперь нечего, причемъ погоревать тутъ же о золовкѣ, много гворить о ней завтра и послѣ-завтра, и дней черезъ десять еще повторить мимоходомъ объ ея нищетѣ, чтобъ не забыли товарищи. Рѣшивъ такимъ-образомъ, онъ увидѣлъ, что и Андрей Ефимовичъ, тотъ самый маленькій, вѣчно-молчаливый лысый человѣчекъ, который помѣщался въ канцеляріи за цѣлыя три комнаты отъ мѣста сидѣнья Семена Ивановича, и въ двадцать лѣтъ не сказалъ съ нимъ ни слова, стоитъ тутъ же на лѣстницѣ, тоже считаетъ свои рубли серебромъ, и, тряхнувъ головою, говорить ему: «денежки съ!» — «Ихъ не будетъ и каши не будетъ-съ», сурово прибавляетъ онъ сходя съ лѣстницы, и уже на крыльцѣ заключаетъ: «а у меня, сударь, семеро-съ». Тутъ лысый человѣчекъ, тоже, вѣроятно, нисколько не замѣчая, что дѣйствуетъ какъ призракъ, а вовсе не на яву и въ дѣйствительности, показалъ ровно аршинъ съ вершкомъ отъ полу, и махнувъ рукой въ низходящей линіи пробормоталъ, что старшій ходитъ въ гимназію; затѣмъ, съ негодованіемъ взглянувъ на Семена Ивановича, какъ-будто-бы именно господинъ Прохарчинъ виноватъ былъ въ томъ, что у него цѣлыхъ семеро, нахлобучилъ на глаза свою шляпенку, тряхнулъ шинелью, поворотилъ налѣво и скрылся. Семенъ Ивановичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ въ невинности своей на счетъ неприятнаго стеченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто-бы именно такъ выходило, что виноватъ не кто другой, какъ Семенъ Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялся бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догоняетъ его, и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ, и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ бы то ни было золовокъ къ Семену Ивановичу. Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался... рядомъ съ нимъ бѣжало тоже чрезвычайно много людей, и всѣ они побрякивали своими возмездіями въ заднихъ карманахъ своихъ кургузыхъ фрачишекъ: наконецъ, весь народъ побѣжалъ, загремѣли пожарныя трубы, и цѣлыя волны народа вынесли его почти на плечахъ на тотъ самый пожаръ, на которомъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ по-

прошайкой-пьянчужкой. Пьянчужка,—иначе господинъ Зимовейкинъ,—находился уже тамъ, встрѣтилъ Семена Ивановича, страшно захопоталъ, взявъ его за руку и повелъ въ самую густую толпу. Такъ же, какъ и тогда на яву, кругомъ нихъ гремѣла и гудѣла необозримая толпа народа, запрудивъ межъ двумя мостами всю набережную Фонтанки, всѣ окрестныя улицы и переулки; такъ же какъ и тогда, вынесло Семена Ивановича, вмѣстѣ съ пьянчужкой, за какой-то заборъ, гдѣ притиснули ихъ какъ въ клещахъ на огромномъ дровяномъ дворѣ, полномъ зрителями, собравшимися съ улицъ, съ Толкучаго-Рынка и изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, трактировъ и кабаковъ. Семенъ Ивановичъ видѣлъ все также и по тогдашнему чувствовалъ; въ вихрѣ горячки и бреда начали мелькать передъ нимъ разныя странныя лица. Онъ припомнилъ изъ нихъ кой-кого. Одинъ былъ тотъ самый, чрезвычайно внушавшій всѣмъ господинъ, въ сажень ростомъ и съ аршинными усищами, помѣщавшійся во время пожара за спиною Семена Ивановича и задававшій сзади ему поощренія когда нашъ герой, съ своей стороны, почувствовавъ нѣчто въ родѣ восторга, затопалъ ножонками, какъ-будто желая такимъ-образомъ апплодировать молодецкой пожарной работѣ, которую совершенно видѣлъ съ своего возвышенія. Другой—тотъ самый дюжій парень, отъ котораго герой нашъ приобрѣлъ тумакъ въ видѣ подсадки на другой заборъ, когда было совсѣмъ расположился лѣзть черезъ него, можетъ-быть, кого-то спасать. Мелькнула передъ нимъ и фигура того старика съ геморроидальнымъ лицомъ, въ ветхомъ, чѣмъ-то подпоясанномъ, ватномъ халатишкѣ, отлучившагося было еще до пожара въ лавочку за сухарями и табакомъ своему жильцу, и пробивавшагося теперь, съ молочникомъ и съ четверкой въ рукахъ, сквозь толпу, до дома, гдѣ горѣли у него жена, дочка и тридцать съ полтиною денегъ въ углу подъ перинной. Но всего внятнѣе явилась ему та бѣдная, грѣшная баба, о которой онъ уже не разъ грезилъ во время болѣзни своей,—представилась такъ, какъ была тогда—въ лаптишкахъ, съ костьюлемъ, съ плетеной котомкой за спиною и въ рубищѣ. Она кричала громче пожарныхъ и народа, размахивая костьюлемъ и руками, о томъ, что выгнали ее откуда-то дѣти родныя, и что пропали при семъ случаѣ тоже два пятака. Дѣти и пятаки, пятаки и дѣти вертѣлись на ея языкѣ въ непонятной, глубокой безсмыслицѣ, отъ которой всѣ отступились, послѣ тщетныхъ усилій понять; но баба не унималась, все кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого вниманія ни на пожаръ, на который занесло ее народомъ съ улицы, ни на весь людъ-людской, около нея бывшій, ни на чужое несчастіе, ни даже на головешки и искры, которыя уже начали-было пудрить весь около-стоявшій народъ. Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинается нападать ужасъ; ибо видѣлъ ясно, что

все это какъ-будто не-спроста теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ же недалеко отъ него взмогся на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, нпчѣмъ-неподпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой, и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла-густѣла, мужикъ кричалъ, и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ—тотъ самый извозчикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользянувъ отъ него до расплаты въ сквозныя ворота, и подбирая подъ себя на бѣду свои пятки такъ, какъ-будто бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давить, душиить. Онъ сдѣлалъ цѣлѣйшее усиліе и — проснулся. Тутъ онъ увидѣлъ, что горитъ, что горитъ весь его уголь, горятъ его ширмы, вся квартира горитъ, вмѣстѣ съ Устиньей Оедоровной и со всѣми ея постояльцами, что горитъ его кровать, подушка, одѣяло, сундукъ, и наконецъ, его драгоценный тюфякъ. Семенъ Ивановичъ вскопился, вцѣпилъ въ тюфякъ и побѣжалъ, волоча его за собою. Но въ хозяйкиной комнатѣ, куда было-забѣжалъ нашъ герой, такъ какъ былъ, безъ приличія, босой и въ рубашкѣ, его перехватили, скрутили и побѣдно снесли обратно за ширмы, которыя между-прочимъ совсѣмъ не горѣли, а горѣла скорѣе голова Семена Ивановича,—и уложили въ постель. Подобно тому укладываетъ въ свой походный ящикъ оборванный, небритый и суровый артистъ-шарманщикъ своего пульчинеля, набуяниваго, переколотившаго всѣхъ, продаваго душу чорту и, наконецъ, оканчивающаго существованіе свое до новаго предствленія въ одномъ сундукѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же чортомъ, съ арапамп, съ Петрушкой, съ мамзель Катериной и счастливымъ любовникомъ ея, капитаномъ-исправникомъ. Немедленно всѣ обступили Семена Ивановича, старый и малый, помѣстившись рядкомъ вокругъ его кровати и устремивъ на больнаго полныя ожиданія лица. Между-тѣмъ, онъ очнулся, но отъ совѣсти ль, или инаго чего, началъ вдругъ изъ всѣхъ силъ натягивать на себя одѣяло, желая, вѣроятно, укрыться подъ нимъ отъ вниманія сочувственниковъ. Наконецъ, Маркъ Ивановичъ первый прервалъ молчаніе и, какъ умный человѣкъ, началъ весьма ласково говорить, что Семену Ивановичу нужно совсѣмъ успокоиться, что болѣть скверно и стыдно, что такъ дѣлаютъ только дѣти маленькія, что, нужно выздоравливать, а потомъ и служить. Окончилъ Маркъ Ивановичъ шуточкой, сказавъ, что больнымъ не означенъ еще вполнѣ окладъ жалованья, и такъ какъ онъ твердо знаетъ, что и чины идутъ весьма небольшіе, то, по его разумѣнію по крайней мѣрѣ, такое званіе или состояніе не приноситъ большихъ, существенныхъ выгодъ.

Однимъ словомъ, видно было, что всѣ принимали дѣйствительное участіе въ судьбѣ Семена Ивановича и весьма сѣрдоболючили. Но онъ съ непонятною грубостью продолжалъ лежать на кровати, молчать и упорно все болѣе и болѣе натягивать на себя одѣяло. Маркъ Ивановичъ, однако, не призналъ себя побѣжденнымъ и, скрѣпивъ сердце, сказалъ опять что-то очень сладенькое Семену Ивановичу, зная, что такъ и должно поступать съ больнымъ человѣкомъ; но Семень Ивановичъ не хотѣлъ и почувствовать; напротивъ, промывавъ что-то сквозъ зубы съ самымъ недоуверчивымъ видомъ, и вдругъ началъ совершенно неприязненнымъ образомъ косить изъ подлѣбья направо и налево глазами, казалось, желая взглядомъ своимъ обратить въ прахъ всѣхъ сочувственниковъ. Тутъ ужъ нечего было останавливаться: Маркъ Ивановичъ не вытерпѣлъ, и видя, что человѣкъ просто далъ себѣ слово упорствовать, оскорбился и разсердившись совсѣмъ, объявилъ напрямки и уже безъ сладкихъ околичностей, что пора вставать, что лежать на двухъ бокахъ псего, что кричать днемъ и ночью о пожарахъ, золовкахъ, пьянчужкахъ, замкахъ, сундукахъ и чортъ знаетъ объ чемъ еще, — глупо, неприлично и оскорбительно для человѣка, ибо если Семень Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобы другимъ не мѣшалъ, и чтобы онъ, наконецъ, это все изволилъ намотать себѣ на усь. Рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо Семень Ивановичъ, немедленно обернувшись къ оратору, съ твердостью объявилъ, хотя еще слабымъ и хриплымъ голосомъ, что «ты мальчишка, молчи! празднословный ты человѣкъ, сквернословъ ты! слышь, каблукъ! князь ты, а? понимаешь штуку?» Услышавъ такое, Маркъ Ивановичъ вспылилъ, но, замѣтивъ, что дѣйствуетъ съ больнымъ человѣкомъ, великодушно пересталъ обижаться, а напротивъ поповоловалъ его пристыдить, но оскѣся и тутъ; ибо Семень Ивановичъ съ разу замѣтилъ, что шутить съ собой не позволить, даромъ-что Маркъ Ивановичъ стихи сочинилъ. Послѣдовало двухъ-минутное молчаніе; наконецъ, опомнившись отъ своего изумленія, Маркъ Ивановичъ прямо, ясно, весьма-краснорѣчиво, хотя не безъ твердости, объявилъ, что Семень Ивановичъ долженъ знать, что онъ межъ благородныхъ людей, и что «милостивый государь, должны понимать, какъ поступаютъ съ благороднымъ лицомъ». Маркъ Ивановичъ умѣлъ при случаѣ краснорѣчиво сказать и любилъ внушить своимъ слушателямъ. Съ своей стороны, Семень Ивановичъ говорилъ и поступалъ, вѣроятно, отъ долгой привычки молчать, болѣе въ отрывистомъ родѣ, и кромѣ того, когда, напримѣръ, случалось ему вести долгую фразу, то, по мѣрѣ углубленія въ нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово, тотчасъ при рожденіи, по третьему, третье по четвертому и т. д., такъ что набивался полонъ ротъ, начиналась перхота, и набивныя слова принимались наконецъ вылетать въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ почему Семень Ивановичъ,

будучи умнымъ человѣкомъ, говоритъ иногда страшный вздоръ. «Врешь ты» отвѣчалъ онъ теперь: «дѣтина, гулявый ты парень! а вотъ какъ надѣнешь суму,—побираться пойдешь; ты жъ вольнодумецъ, ты жъ потаскунъ; вотъ оно тебѣ стихотворецъ!»

— Да вы это все еще бредите что-ли, Семень Ивановичъ?

— А слышь, отвѣчалъ Семень Ивановичъ: бредить дуракъ, пьянчужка бредитъ, песь бредитъ, а мудрый благоразумному служить. Ты, слышь, дѣла ты не знаешь, потаскливый ты человѣкъ, ученый ты, книга ты писанная! А вотъ возьмешь, сгоришь, такъ не замѣтишь, какъ голова отгоритъ, вотъ, слышалъ исторію?!

— Да... то-есть, какъ же... то-есть, какъ же вы это говорите, Семень Ивановичъ, что голова отгоритъ?..

Маркъ Ивановичъ и не докончилъ, ибо всѣ увидѣли ясно, что Семень Ивановичъ еще не отрезвился и бредитъ; но хозяйка не вытерпѣла и тутъ же замѣтила, что домъ въ Кривомъ-Переулкѣ ономнясь отъ лысой дѣвки сгорѣлъ; что лысая дѣвка тамъ такая была; она свѣчку зажгла и чуланъ запалила, а у ней не случится, и что въ углахъ будетъ цѣло.

— Да вѣдь, Семень Ивановичъ! закричалъ вѣ себя Зиновій Прокофьевичъ, перебивая хозяйку:— Семень Ивановичъ, такой вы саякой, прошедшій вы, простой человѣкъ, шутки тутъ что ли съ вами шутятъ теперь про вашу золовку, или экзамены съ танцами? такъ оно что ли? Этакъ вы думаете?

— Ну, слышь ты теперь, отвѣчалъ нашъ герой, приподымаясь съ постели, собравъ послѣднія силы, и въ конецъ озлясь на сочувственниковъ: — шутъ кто? Ты шутъ, песь шутъ, шутовскій человѣкъ, а шутки дѣлать по твоему, сударь, приказу не буду; слышь, мальчишка, не твой, сударь, слуга!

Тутъ Семень Ивановичъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ безсиліи упалъ на постель. Сочувственники остались въ недоумѣніи, всѣ разинули рты, ибо смекнули теперь, во что Семень Ивановичъ ногой ступилъ и не знали съ чего начать; вдругъ дверь въ кухнѣ скрикнула, отворилась и пьянчужка-прітелъ,—иначе господинъ Зимовейкинъ,—робко просунулъ голову, осторожно обнюхивая, по своему обычаю, мѣстность. Его точно ждали; всѣ разомъ замахали ему, чтобы шелъ поскорѣе, и Зимовейкинъ, чрезвычайно обрадовавшись, не снимая шинели, и поспѣшно и въ полной готовности протолкался къ постели Семена Ивановича.

Видно было, что Зимовейкинъ провелъ всю ночь въ бдѣніи и въ какихъ-то важныхъ трудахъ. Правая сторона его лица была чѣмъ-то заклеена; опухшія вѣки были влажны отъ гноившихся глазъ; фракъ и все платье было изорвано причѣмъ вся лѣвая сторона одѣянія была какъ-будто опрыскана чѣмъ-то крайне дурнымъ, можетъ-быть грязью пзъ какой-нибудь лужи. Подъ-мышкой у него была чья-то скринка, которую онъ куда-то нести продавать. По-

видимому, не ошиблись, призвавъ его на помощь, ибо тотчасъ, узнавъ въ чемъ вся сила, обратился онъ къ накуралесившему Семену Ивановичу и съ видомъ такого человѣка, который имѣетъ превосходство и, сверхъ-того, знаетъ штуку, сказалъ: «что ты, Сенька, вставай! что ты, Сенька, Прохарчинъ-мудрецъ, благоразумію послужи! Не то, стащу, если куражиться будешь; не куражься!» Такая краткая, но сильная рѣчь удивила присутствующихъ; еще болѣе всѣ удивились, когда замѣтили, что Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидавъ передъ собою такое лицо, до того оторопѣлъ и пришелъ въ смущеніе и робость, что едва-едва и только сквозъ зубы, шепотомъ, рѣшился пробормотать необходимое возраженіе.—Ты, несчастный, ступай, сказалъ онъ,—ты, несчастный, воръ ты! слышь, понимаешь? тузъ ты, князь, тузовый ты человѣкъ!

— Нѣтъ, братъ, протяжно отвѣчалъ Зимовейкинъ, сохраняя все присутствіе духа:—не хорошо, ты, братъ-мудрецъ, Прохарчинъ, прохарчинскій ты человѣкъ! продолжалъ Зимовейкинъ, немного пародируя Семена Ивановича и съ удовольствіемъ озираясь кругомъ:—ты не куражься! Смирись, Сенья, смирись, не то донесу, все, братецъ ты мой, расскажу, понимаешь?

Кажется, Семенъ Ивановичъ все разобралъ, ибо вздрогнулъ, когда выслушалъ заключеніе рѣчи, и вдругъ началъ быстро и съ совершенно-потеряннымъ видомъ озираться кругомъ. Довольный эффектомъ, господинъ Зимовейкинъ хотѣлъ продолжать, но Маркъ Ивановичъ тотчасъ же предупредилъ его рвеніе и, выждавъ время, пока Семенъ Ивановичъ притихъ, присмирѣлъ и почти совсѣмъ успокоился, началъ долго и благоразумно внушать безпокойному, что «питать подобныя мысли, какъ у него теперь въ головѣ, во-первыхъ, бесполезно, во-вторыхъ, не только бесполезно, но даже и вредно; наконецъ, не столько вредно, сколько даже совсѣмъ безнравственно; и причина тому та, что Семенъ Ивановичъ всѣхъ въ соблазнъ вводитъ и дурной примѣръ подаетъ». Отъ такой рѣчи всѣ ожидали благоразумнаго слѣдствія. Къ тому же Семенъ Ивановичъ былъ теперь совсѣмъ тихъ и возражалъ умѣренно. Начался скромный споръ. Адресовались къ нему братски, освѣдомляясь, чего онъ такъ заробѣлъ? Семенъ Ивановичъ отвѣтилъ но иносказательно. Ему возразили; Семенъ Ивановичъ возразилъ. Возразили еще по разу съ обѣихъ сторонъ, а потомъ ужъ вмѣшались всѣ, и старый и малый, ибо рѣчь началась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ, что рѣшительно не знали, какъ это все выразить. Споръ, наконецъ, дошелъ до нетерпѣнія, нетерпѣнія до криковъ, крики даже до слезъ, и Маркъ Ивановичъ отошелъ наконецъ съ пѣной бѣшенства у рта, объявивъ, что не знаетъ до-сихъ-поръ такого гвоздя-человѣка. Оплеваніемъ плюнулъ, Океановъ перепугался, Зиновій Прокофьевичъ прослезился, а Устинья Ѳеодоровна завyla совсѣмъ, причитая, что уходитъ жилецъ, и рехнулся, что умретъ онъ младъ

безъ паспорта, не скажется, а она сирота, и что ее затаскаютъ. Однимъ словомъ, всѣ наконецъ увидѣли ясно, что посѣвъ былъ хорошъ, что все, что ни вздумалось сѣять, сторицею возшло, что почва была благодатная, и что Семену Ивановичу удалось отработать въ ихъ компании свою голову на славу и на самый безвозвратный манеръ. Всѣ замолчали, ибо если видѣли, что Семенъ Ивановичъ отъ всего заробѣлъ, то на этотъ разъ заробѣли и сами сочувствователи...

— Какъ! закричалъ Маркъ Ивановичъ:—да чего жъ вы бонтесь-то? чего жъ вы ряхнулись-то? Кто объ васъ думаетъ, сударь вы мой? Имѣете ли право бояться-то? Кто вы? что вы? Нуль, сударь, блинъ круглый, вотъ что! Что вы стучите-то? Бабу на улицѣ придавило, такъ и васъ переѣдетъ? пьяница какой-нибудь кармана не сберегъ, такъ и вамъ фалды отрѣжутъ? Домъ сгорѣлъ, такъ и у васъ голова отгоритъ, а? Такъ, что ли, сударь? Такъ ли, батюшка? такъ ли?

— Ты, ты, ты глупъ! бормоталъ Семенъ Ивановичъ:—носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...

— Каблукъ, пусть каблукъ, кричалъ Маркъ Ивановичъ не вслушавшись:—каблуковый я человѣкъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзаменъ держать, не жениться, не танцамъ учиться; подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Чтѣ, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится чтѣ ли?

— А чтѣ? тебя чтѣ ли спросятъ? Закроютъ и нѣтъ.

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь то же пьянчужка, а вы да я человѣкъ!

— Ну, человѣкъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

— Да она, канцелярія... кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человѣкъ! да вѣдь она нужна, канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣ-завтра какънибудь тамъ и не нужна. Вотъ, слышалъ исторію...

— Да вѣдь вамъ жалованье жъ дадутъ годовое! Ѳома, Ѳома вы такой, невѣрный вы человѣкъ! по старшинству въ иномъ мѣстѣ уважутъ...

— Жалованье? А я вотъ проѣлъ жалованье, вору прійдутъ, деньги возьмутъ; а у меня золовка, слышь ты? золовка! гвоздырь ты...

— Золовка! человѣкъ вы...

— Человѣкъ; а я человѣкъ, а ты, начитанный, глупъ; слышь, гвоздырь, гвоздыревый ты человѣкъ, вотъ что! А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно мѣсто такое есть, что возьметъ да и уничтожается мѣсто. И Демидъ, слышь, ты, Демидъ Васильевичъ говоритъ, что уничтожается мѣсто...

— Ахъ, вы, Демидъ, Демидъ! грѣховодникъ, да вѣдь...

— Да, хлопъ да и баста, и будешь безъ мѣста; поди ты съ нимъ, вотъ...

— Да вы, наконецъ, просто врете, или ряхнулись совсѣмъ! Вы намъ просто скажите; ужъ что? признайтесь, коль грѣхъ такой есть! стыдиться-то нечего! ряхнулся батюшка, а?

— Ряхнулся! съ ума сошелъ! раздалось кругомъ, и всѣ ломали руки съ отчаянія, а Марка Ивановича уже обхватила въ обѣ руки хозяйка, за тѣмъ, чтобъ онъ не растерзалъ какъ-нибудь Семена Ивановича. — Язычникъ ты, языческая ты душа, мудрецъ ты! умолялъ Зимовейкинъ: — Сенья, необидчивый ты человекъ, милостивый, любезный! ты простъ, ты добродѣтельный... слышалъ? Это отъ добродѣтели твоей происходитъ; а буйный и глупый-то я, побирושка-то я; а вотъ же добрый человекъ меня не оставилъ, не-бойсь; честь, вишь, дѣлаютъ; вотъ имъ и хозяйкѣ спасибо; видишь ты, вотъ и поклонъ земной правлю, вотъ оно, вотъ; долгъ, долгъ исправляю, хозяйшкя! — Тутъ дѣйствительно Зимовейкинъ и даже съ какимъ-то педантскимъ достоинствомъ исполнилъ кругомъ свой поклонъ до земли. Послѣ того, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ-было опять продолжать говорить; но въ этотъ разъ ему уже не дали: всѣ вступились, стали его умолять, завѣрять, утѣшать, и достигли того, что Семенъ Ивановичъ даже устыдился совсѣмъ и наконецъ слабымъ голосомъ попросилъ объясниться.

— Да вотъ; оно хорошо, сказалъ онъ: милостивый я, смиренный, слышь, и добродѣтеленъ, преданъ и вѣренъ; кровь, знаешь, каплю послѣднюю, слышь ты, мальчишка, тузъ... пусть оно стоитъ, мѣсто-то; да я вѣдь бѣдный; а вотъ какъ возьмутъ его, слышь ты, тузовый,—молчи теперь, понимай,—возьмутъ да и того... оно, братъ, стоитъ, а потомъ и не стоитъ... понимаешь? а я, братъ, и съ сумочкой, слышь ты?

— Сенька! завопилъ въ изступленіи Зимовейкинъ, покрывая въ этотъ разъ голосомъ весь поднявшійся шумъ: — вольнодумецъ ты! Сейчасъ донесу! Чтò ты? кто ты? буйанъ чтò ли, бараний ты лобъ? Буйному, глупому, слышь ты, безъ абшида съ мѣста укажутъ; ты кто?!

— Да вотъ оно и того...

— Чтò того?! Да вотъ, поди ты съ нимъ!..

— Чтò поди ты съ нимъ?

— Да вотъ онъ вольный, я вольный; а какъ лежишь, лежишь, и того...

— Чего?

— Анъ и вольнодумецъ...

— Воль-но-ду-мецъ! Сенька, ты вольнодумецъ!!

— Стой! закричалъ господинъ Прохарчинъ, махнувъ рукою и прерывая начавшійся крикъ:—я не того... Ты пойми, ты пойми только, баранъ ты: я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потомъ и не смиренный, сгрубилъ; пряжку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!..

— Да чтò жъ вы? прогремѣлъ наконецъ Маркъ Ивановичъ, вскочивъ со стула, на которомъ было

сѣсть отдохнуть, и подбѣжавъ къ кровати весь въ волненіи, въ изступленіи, весь дрожа отъ досады и бѣшенства: — чтò жъ вы? баранъ вы! ни кола, ни двора. Чтò вы, одинъ что ли на свѣтѣ? для васъ свѣтъ что ли сдѣланъ? Наполеонъ вы что ли какой? чтò вы? кто вы? Наполеонъ вы, а? Наполеонъ, или нѣтъ?! Говорите же, сударь, Наполеонъ или нѣтъ?..

Но господинъ Прохарчинъ уже и не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Не то, чтобъ устыдился, что онъ Наполеонъ, или струсилъ взять на себя такую отвѣтственность,—нѣтъ, онъ ужъ и не могъ болѣе ни спорить, ни дѣла говорить... Послѣдовалъ болѣзненный кризисъ. Дробныя слезы хлынули вдругъ изъ его блистающихъ лихорадочнымъ огнемъ сѣрыхъ глазъ. Костлявыми, исхудалыми отъ болѣзни руками закрылъ онъ свою горячую голову, приподнялся на кровати и, всхлипывая, сталъ говорить, что онъ совсѣмъ бѣдный, что онъ такой несчастный, простой человекъ, что онъ глупый и темный, чтобъ простили ему добрые люди, сберегли, защитили, накормили бѣ, напоили его, въ бѣдѣ не оставили, и Богъ знаетъ, чтò еще причиталъ Семенъ Ивановичъ. Причитая же, онъ съ дикимъ страхомъ глядѣлъ кругомъ, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ потолокъ упадетъ или полъ провалится. Всѣмъ стало жалко, глядя на бѣднаго, и у всѣхъ умягчились сердца. Хозяйка, рыдая какъ баба и причитая про свое сиротство, сама уложила больного въ постель. Маркъ Ивановичъ, видя безполезность трогать Наполеонову память, тоже немедленно всталъ въ добродушіе и началъ тоже оказывать помощь. Другіе, чтобъ что нибудь въ свою очередь сдѣлать, предложили малинный настой, говоря, что онъ немедленно и отъ всего помогаетъ, и что будетъ очень пріятенъ больному; но Зимовейкинъ тотчасъ же всѣхъ опровергнувъ включивъ, что въ такомъ дѣлѣ нѣтъ лучше добраго приѣма какой-нибудь ромашки забористой. Чтò же касается до Зиновья Прокофьевича, то, имѣя доброе сердце, онъ рыдалъ и заливался слезами, раскаяваясь, что пугалъ Семена Ивановича разными небылицами, и, вникнувъ въ послѣднія слова больного, что онъ совсѣмъ бѣдный и чтобъ его накормили, пустился созидать подписку, ограничиваясь ею покаместъ въ углахъ. Всѣ охали и ахали, всѣмъ было и жалко и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ какъ же это такимъ образомъ могъ совсѣмъ заработать человекъ? И изъ чего жъ заработалъ? Добро бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ, дѣтей поразвелъ; добро бъ его тамъ подѣ судъ какой ни есть притянули; а то вѣдь и человекъ совсѣмъ дрянъ съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замкомъ, лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширмами, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скопидомничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человеку, съ пошлаго, празднаго слова какого нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ заботиться о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... А и не разсудилъ

человѣкъ, что и всѣмъ тяжело! «Прійми онъ вотъ только это въ расчетъ» говорилъ потомъ Океановъ: «что вотъ всѣмъ тяжело, такъ сберегъ бы человѣкъ свою голову, пересталъ бы куралесить, и потянулъ бы свое кое-какъ, куда слѣдуетъ.» Пѣлый день только и толку было, что о Семенѣ Ивановичѣ. Приходили къ нему, справлялись о немъ, утѣшали его; но къ вечеру ему стало не до утѣшеній. Открылся у бѣднаго бредъ, жаръ; впалъ онъ въ безпамятство, такъ, что чуть-было ужъ не хотѣли пуститься за докторомъ; жильцы всѣ согласились и дали себѣ взаимное слово охранять и упокоивать Семена Ивановича по-очередно всю ночь, и что случится, то всѣхъ будить разомъ. Съ этою цѣлью, чтобъ не заснуть, засѣли въ картишки, приставивъ къ больному пьянчужку-пріятеля, который квартировалъ весь день въ углахъ, у постели больного и попросился заночевать. Такъ какъ игра велась на мѣлокъ и не представляла совсѣмъ интереса, то скоро соскучились. Игру бросили, потомъ о чемъ-то заспорили, потомъ начали шумѣть и стучать, наконецъ, разошлись по угламъ, долго еще въ сердцахъ перекликались и переговаривались, и такъ какъ вдругъ всѣ стали сердиты, то ужъ не захотѣли дежурить и заснули. Скоро въ углахъ стало тихо, какъ въ пустомъ погребѣ, тѣмъ болѣе, что былъ холодъ ужаснѣйшій. Изъ послѣднихъ заснувшихъ былъ Океановъ, и не то, какъ говорилъ онъ потомъ, во снѣ, не то было оно на яву, но привидѣлось мнѣ, что близъ меня, такъ передъ самымъ утреннимъ часомъ, разговаривали два человѣка. Океановъ рассказывалъ, что онъ узналъ Зимовейкина, и что Зимовейкинъ сталъ возлѣ него будить стараго друга Ремнева, что они долго шопотомъ говорили; потомъ Зимовейкинъ вышелъ, и слышно было, какъ онъ пытался отпереть въ кухнѣ дверь ключомъ. Ключъ же,—увѣряла потомъ хозяйка,—лежалъ у нея подъ подушками и пропалъ въ эту ночь. Наконецъ,—показывалъ Океановъ,—слышалось ему, какъ будто оба они пошли къ больному за ширмы и засвѣтили тамъ свѣчку. Болѣе, говорить, ничего не знаю, глаза завело; а проснулся потомъ вмѣстѣ со всѣми, когда всѣ, кто ни были въ углахъ, разомъ повскочили съ постелей, затѣмъ что за ширмами раздался такой крикъ, что встрепенулся бы мертвый, — и тутъ многимъ показалось, что вдругъ тамъ же свѣчка потухла. Поднялась суматоха; у всѣхъ сердце упало; бросились какъ ни поало на крикъ, но въ это время за ширмами поднялась возня, крикъ, брань и драка. Вздуги огонь и увидѣли, что дерутся другъ съ другомъ Зимовейкинъ и Ремневъ, что оба другъ друга коряютъ и ругаютъ; а какъ освѣтили ихъ, то одинъ закричалъ: «не я, а разбойникъ!» а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: «не трошь, неповиненъ; сейчасъ присягну!» На обоихъ образа не было человѣческаго; но въ первую минуту не до нихъ было дѣло: больного не оказалось на прежнемъ мѣстѣ за ширмами. Тотчасъ же разлучили бойцовъ, оттащили ихъ, и увидѣли, что гос-

подинъ Прохарчинъ лежитъ подъ кроватью, должно быть въ совершенномъ безпамятствѣ, стащивъ на себя и одѣяло и подушку, такъ что на кровати оставался одинъ только голый, ветхій и масляный тюфякъ (простыни же на немъ никогда не бывало). Вытащили Семена Ивановича, протянули его на тюфякъ, но съ разу замѣтили, что много хлопотать было нѣчего, что капутъ совершенный; руки его костенѣютъ, а самъ еле держится. Стали надъ нимъ: онъ все еще помаленьку дрожалъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ, что-то силился сдѣлать руками, языкомъ не шевелилъ, но моргалъ глазами совершенно подобнымъ образомъ, какъ говорятъ, моргаетъ вся еще теплая залитая кровью и живущая голова, только-что отскочившая отъ пала-чова топора.

Наконецъ, все стало тише и тише; замерли и предсмертный трепетъ и судороги; господинъ Прохарчинъ протянулъ ноги и отправился по своимъ добрымъ дѣламъ и грѣхамъ. Испугался ли Семенъ Ивановичъ чего, сонъ ли ему приснился такой, какъ потомъ Ремневъ увѣрялъ, или былъ другой какой грѣхъ—неизвѣстно; дѣло только въ томъ, что хотя бы теперь самъ экзекуторъ явился въ квартирѣ и лично за вольнодумство, буянство и пьянство объявилъ бы абшидъ Семену Ивановичу, еслибъ даже теперь въ другую дверь вошла какая ни есть попрошайка-салонница, подъ титуломъ золовки Семена Ивановича, еслибъ даже Семенъ Ивановичъ тотчасъ получилъ 200 рублей награжденія, или домъ наконецъ загорѣлся и начала горѣть голова на Семенѣ Ивановичѣ, онъ, можетъ-быть, и пальцомъ не удостоилъ бы пошевелить теперь при подобныхъ извѣстіяхъ. Пока-мѣстъ сошелъ первый столбнякъ, пока-мѣстъ присутствующіе обрѣли даръ слова и бросились въ суматоху, предположенія, сомнѣнія и крики,—пока-мѣстъ Устинья Федоровна тащила изъ-подъ кровати сундукъ, обшаривала въ попыхахъ подъ подушкой, подъ тюфякомъ и даже въ сапогахъ Семена Ивановича,—пока-мѣстъ принимали въ допросъ Ремнева съ Зимовейкинымъ,—жилецъ Океановъ, бывший доселѣ самый недалнѣй, смиреннѣйшій и тихій жилецъ, вдругъ обрѣлъ все присутствие духа, попалъ на свой даръ и талантъ, схватилъ шапку и подъ шумокъ ускользнулъ изъ квартиры. И когда всѣ ужасы безначалія достигли своего послѣдняго періода, въ взволнованныхъ и доселѣ смиренныхъ углахъ дверь отворилась, и внезапно, какъ снѣгъ на голову, появились сперва одинъ господинъ благородной наружности съ строгимъ, но недовольнымъ лицомъ, за нимъ Ярославъ Ильичъ, за Ярославомъ Ильичомъ его причетъ и всѣ кто слѣдуетъ, и сзади всѣхъ—смущенный господинъ Океановъ. Господинъ строгий, но благородной наружности подошелъ прямо къ Семену Ивановичу, пощупалъ его, сдѣлалъ гримасу, вскинулъ плечами и объявилъ весьма извѣстное, именно, что покойникъ уже умеръ, прибавивъ только отъ себя, что то же со сна случилось на дняхъ

съ однимъ весьма почтеннымъ и большимъ господиномъ, который тоже взялъ да и умеръ. Тутъ господинъ съ благородной, но недовольной осанкой отошелъ отъ кровати, сказалъ, что напрасно его беспокоили, и вышелъ. Тотчасъ же замѣстилъ его Ярославъ Ильичъ (при чемъ Ремневъ и Зимовейкина сдали кому слѣдуетъ на руки), разспросилъ кой-кого, ловко овладѣлъ сундукомъ, который хозяйка уже пыталась вскрывать, поставилъ сапоги на прежнее мѣсто, замѣтивъ, что они всѣ въ дыркахъ и совсѣмъ не годятся, потребовалъ назадъ подушку, подовзалъ Океанова, спросилъ ключъ отъ сундука, который нашелся въ карманѣ пьянчужки-пріятели, и торжественно, при комъ слѣдуетъ, вскрылъ добро Семена Ивановича. Все было на лицо:—двѣ тряпки, одна пара носковъ, полуплатокъ, старая шляпа, нѣсколько пуговицъ, старыя подошвы и сапожныя голенища, однимъ словомъ, шильцо, мыльцо, бѣлое бѣлильцо, т. е. дрянъ, ветошь, соръ, мелюзга, отъ которой пахло залавкомъ; хорошъ былъ одинъ только нѣмецкій замокъ. Позвали Океанова, сурово переговорили съ нимъ; но Океановъ былъ готовъ подъ присягу идти. Потребовали подушку, осмотрѣли ее: она была только грязна, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно походила на подушку. Принялись за тюфякъ, хотѣли было его приподнять, остановились было немножко подумать, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно что-то тяжелое, звонкое, хлопнулось объ полъ. Нагнулись, обшарили и увидѣли свертокъ бумажный, а въ сверткѣ съ десятокъ цѣлковыхъ. «Эге-ге-ге!» сказалъ Ярославъ Ильичъ, показывая въ тюфякѣ одно худое мѣсто изъ котораго торчали волосы и хлопья, Осмотрѣли худое мѣсто и увѣрились, что оно сейчасъ только сдѣлано ножомъ, а было въ пол-аршина длиною; засунули руку въ изъясъ, и вытащили вѣроятно въ-попыхахъ брошенный тамъ хозяйскій кухонный ножъ, которымъ взрѣзанъ былъ тюфякъ. Не успѣлъ Ярославъ Ильичъ вытащить ножъ изъ изъяснаго мѣста и опять сказать «эге-ге!» какъ тотчасъ же выпалъ другой свертокъ, а за нимъ поодиночкѣ выкатились два полтинника, одинъ четвертакъ, потомъ какой-то мелочъ, и одинъ старинный здоровенный пятакъ. Все это тотчасъ же переловили руками. Тутъ увидѣли, что не дурно бы было вспороть совсѣмъ тюфякъ ножницами. Потребовали ножницы...

Между тѣмъ, нагорѣвшій сальный огарокъ освѣщалъ чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену. Около десятка жильцовъ группировалось у кровати въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, всѣ непріглаженные, небритые, немые, заспанные, такъ какъ были отходя на грядущій сонъ. Иные были совершенно блѣдны, у другихъ на лбу потъ показывался, иныхъ дрожь пронимала, другихъ жаръ. Хозяйка, совсѣмъ оглубѣвшая, тихо стояла сложивъ руки и ожидала милостей Ярослава Ильича. Сверху, съ печки, съ испуганнымъ любопытствомъ глядѣли головы Авдотьи-работницы и хозяйкиной

кошки-фаворитки; кругомъ были разбросаны изорванные и разбитыя ширмы; раскрытый сундукъ показывалъ свою неблагородную внутренность; валялись одѣяло и подушка, покрытыя хлопьями изъ тюфяка, и наконецъ на деревянномъ трехногомъ столѣ заблестала постепенно возрастающая куча серебра и всякихъ монетъ. Одинъ только Семенъ Ивановичъ сохранилъ вполне свое хладнокровіе, смирно лежалъ на кровати, и, казалось, совсѣмъ не предчувствовалъ своего разоренія. Когда же принесены были ножницы, и помощникъ Ярослава Ильича, желая подслужиться, немногочетерпѣливо тряхнулъ тюфякъ, чтобы удобнѣе высвободить его изъ подъ спины обладателя, то Семенъ Ивановичъ, зная учтивость, сначала уступилъ немножко мѣста, скатившись на бочокъ, спиною къ искателямъ; потомъ при второмъ толчкѣ, помѣстился ничкомъ, наконецъ еще уступилъ, и такъ какъ не доставало послѣдней боковой доски въ кровати, то вдругъ совсѣмъ неожиданно бултыхнулся внизъ головою, оставивъ на видъ только двѣ костлявыя, худыя, синія ноги, торчавшія вверхъ, какъ два сучка обгорѣвшаго дерева. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ уже второй разъ въ это утро навѣдывался подъ свою кровать, то немедленно возбудилъ подозрѣніе, и кое-кто изъ жильцовъ, подъ предводительствомъ Зиновія Прокофьевича, полѣзли туда же съ намѣреніемъ посмотрѣть не скрыто ли и тамъ кой-чего. Но искатели только напрасно перестукались лбами, и такъ какъ Ярославъ Ильичъ тутъ же прикрикнулъ на нихъ и велѣлъ немедленно освободить Семена Ивановича изъ сквернаго мѣста, то двое изъ благоразумнѣйшихъ взяли каждый въ обѣ руки по ногѣ, вытащили неожиданнаго капиталиста на свѣтъ Божій и положили его поперегъ кровати. Между тѣмъ, волосы и хлопья летѣли кругомъ, серебряная куча росла—и Боже! чего, чего не было тутъ... Благородные цѣлковики, солидные, крѣпкіе полутора-рублевики, хорошенъкая монета полтинникъ, плебей-четвертачки, двугривеннички, даже малообщающаяся, старушечья мелюзга гривенники и пятаки серебромъ—все въ особыхъ бумажкахъ, въ самомъ методическомъ и солидномъ порядкѣ. Были и рѣдкости: два какіе-то жетона, одинъ наполеондоръ, одна неизвѣстно какая, но только очень рѣдкая монетка... Нѣкоторые изъ рублевиковъ относились тоже къ глубокой древности; истертые и изрубленные елизаветинскіе, нѣмецкіе крестовики, петровскія монеты, екатерининскія; были напримѣръ теперь весьма рѣдкія монетки, старыя пятацтынички, проколотыя для ношенія въ ушахъ, всѣ совершенно-истертые; по съ законнымъ количествомъ точекъ; даже мѣдъ была, но вся уже зеленая, ржавая... Нашли одну красную бумажку—но болѣе не было. Наконецъ, когда кончилась вся анатомія, и неоднократно встряхнувъ тюфячій чухоль, нашли, что ничего не гремитъ, сложили всѣ деньги на столъ и принялись считать. Съ перваго взгляда можно было даже совсѣмъ обмануться и

смекнуть прямо на миллионъ,—такая была огромная куча! Но миллиона не было, хотя и вышла, впрочемъ, сумма чрезвычайно значительная,—ровно 2497 рублей съ полтиною, такъ что еслибъ осуществилась вчера подписка у Зиновія Прокофьевича, то, можетъ быть, было бы всего ровно двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями. Денежки забрали, къ сундуку покойнаго приложили печать, хозяйкины жалобы выслушали и указали ей, когда и куда слѣдуетъ представить ~~о~~ вѣдѣтельство насчетъ долгишка покойнаго. Съ него вѣдѣдоваго взять подписку; заикнулись было тутъ о золовѣ; но, увѣрившись, что золовка была въ нѣкоторомъ смыслѣ мнѣ, т. е. произведеніе недостаточности воображенія Семена Ивановича, въ чемъ, по справкамъ, не разъ упрекали покойнаго, — то тутъ же идею оставили какъ бесполезную, вредную и въ ущербъ добраго имени его, господина Прохарчина, относящуюся; тѣмъ дѣло и кончилось. Когда же первый страхъ поопалъ, когда схватились за умъ и узнали, что былъ такое покойникъ, то присмирѣли, притихнули всѣ, и стали какъ-то съ недо-вѣрчивостью другъ на друга поглядывать. Нѣкоторые приняли чрезвычайно близко къ сердцу поступокъ Семена Ивановича и даже какъ будто обидѣлись... Такой капитал! Этакъ натаскалъ чело-вѣкъ! Маркъ Ивановичъ, не теряя присутствія духа, пустился было объяснять, почему такъ вдругъ заробѣлось Семену Ивановичу; но его ужъ не слушали. Зиновій Прокофьевичъ что-то былъ очень задумчивъ, Океановъ подпилъ немножко, остальные какъ-то прикались, а маленькій чело-вѣчекъ Кан-таревъ, отличавшійся воробыинымъ носомъ, къ ве-черу съѣхалъ съ квартиры, весьма тщательно за-клепвъ и завязавъ всѣ свои сундуки, узелки, и холодно объясняя любопытствующимъ, что время тяжелое, а что приходится здѣсь не по карману платить. Хозяйка же безъ умолку выла, и причитая и кляня Семена Ивановича за то, что онъ обидѣлъ ея сиротство. Освѣдомились у Марка Ивановича, зачѣмъ же это покойникъ свои деньги въ Ломбардъ не носилъ? — Простъ, матушка, былъ; воображенія на то не хватило, отвѣчалъ Маркъ Ивановичъ.

— Ну да и вы просты, матушка, включалъ Океановъ:—двадцать лѣтъ крѣпился у васъ чело-вѣкъ, съ одного щечка покачнулся, а у васъ щи варились, нѣкогда было!.. Э-эхъ, матушка!..

— Охъ ужъ ты мнѣ младъ-младъ! продолжала хозяйка:—да что Ломбардъ! принеси-ка онъ мнѣ свою горсточку, да скажи мнѣ: возьми младъ-Устиньшину, вотъ тебѣ благостыня, а держи ты младаго меня на своихъ харчахъ, поколѣ мать сыра земля меня носитъ;—то вотъ тебѣ образъ, кормила бъ его, воила бъ его, ходила бъ за нимъ.

Ахъ, грѣховодникъ, обманщикъ такой! Обманулъ, надулъ сироту!..

Приблизились снова къ постели Семена Ивано-вича. Теперь онъ лежалъ какъ слѣдуетъ, въ лучъ шемъ, хотя, впрочемъ, и единственнымъ своемза одѣяніи, запрятавъ окостенѣлый подбородокъ галстухъ, который навязанъ былъ немножко не-ловко, обмытый, приглаженный и не совсѣмъ лишь выбритый, затѣмъ, что бритвы въ углахъ не нашлось: единственная, принадлежавшая Зиновію Прокофьевичу, иззубрилась еще прошлаго года и вы-годно была продана на Толкучемъ; другіе жъ хо-дили въ цирюльню. Безпорядокъ все еще не успѣли прибрать. Разбитыя ширмы лежали по прежнему и, обнажая усиденіе Семена Ивановича, словно были эмблемы того, что смерть срываетъ завѣсу со всѣхъ нашихъ тайнъ, интригъ, проволочекъ. Начипка изъ тюфяка, тоже не прибранная, густыми кучами лежала кругомъ. — Весь этотъ внезапно-оставшій уголъ можно было бы весьма удобно сравнить поэту съ разореннымъ гнѣздомъ «домо-витой». ласточки: все разбито и истерзано бурей, убиты птенчики съ матерью, и развѣяна кругомъ ихъ теплая постелька изъ пуха, перушекъ, хло-покъ... Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ смотрѣлъ скорѣе какъ старый самолюбвецъ и воръ-воробей. Онъ теперь притихнулъ, казалось, совсѣмъ при-таился, какъ-будто и не онъ виноватъ, какъ-будто не онъ пускался на шутики, чтобъ надуать и про-вести всѣхъ добрыхъ людей, безъ стыда и безъ совѣсти, неприличнѣйшимъ образомъ. Онъ теперь ужъ не слушалъ рыданій и плача осиротѣвшей и разобиженной хозяйки своей. Напротивъ, какъ опытный, тертый капиталистъ, который и въ гробу не желалъ бы потерять минуты въ бездѣйствіи, казалось, весь былъ преданъ какимъ-то спекула-тивнымъ расчетамъ. Въ лицѣ его появилась ка-кая-то глубокая дума, а губы были стиснуты съ такимъ значительнымъ видомъ, котораго никакъ нельзя было бы подозрѣвать при жизни принад-лежностью Семена Ивановича. Онъ какъ будто-бы поумнѣлъ. Правый глазокъ его былъ какъ-то плу-товски прищуренъ; казалось, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сообщить весьма-нужное, объясниться, да и не теряя времени, а поскорѣе, затѣмъ, что дѣла навязались, а нѣкогда было... И какъ будто-бы слышалось: «Что, дескать, ты? перестань, слышь ты, баба ты глупая! не хнычь! ты, мать, проспись, слышь ты! Я дескать умеръ; теперь ужъ не нужно; что, заправду! хо-рошо лежать-то... Я, т. е., слышь, и не про то говорю; ты, баба тузъ, тузовая ты, понимай; оно вотъ умеръ теперь; а ну какъ этакъ того, т. е. оно пожалуй и не можетъ такъ быть, а ну какъ этакъ того и не умеръ—слышь ты, встану, такъ что-то будетъ, а?»

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ.

ПОВѢСТЬ.

Подъ одной кровлей, въ одной квартирѣ, въ одномъ четвертомъ этажѣ, жили два молодые сослуживца, Аркадій Ивановичъ Нефедевичъ и Вася Шумковъ... Авторъ, конечно, чувствуетъ необходимость объяснить читателю, почему одинъ герой названъ полнымъ, а другой уменьшительнымъ именемъ, хоть бы, напримѣръ, для того только, чтобъ не сочли такой способъ выраженія неприличнымъ и отчасти фамиллярнымъ. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чинъ, и лѣта, и званіе, и должность, и наконецъ, даже характеры дѣйствующихъ лицъ; а такъ какъ много такихъ писателей, которые именно такъ начинаютъ, то авторъ предлагаемой повѣсти, единственно для того, чтобъ не походить на нихъ (т. е., какъ скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые, въ слѣдствіе неограниченнаго своего самолюбія) рѣшается начать прямо съ дѣйствія. Кончивъ такое предисловіе, онъ начинаетъ.

Вечеромъ, наканунѣ новаго года, часу въ шестомъ, Шумковъ воротился домой. Аркадій Ивановичъ, который лежалъ на кровати, проснулся и въ полглаза посмотрѣлъ на своего пріятеля. Онъ увидалъ, что тотъ былъ въ своей превосходнѣйшей партикулярной парѣ и въ чистѣйшей манишкѣ. Это, разумѣется, его поразило. «Куда бы ходитъ такимъ образомъ Вася? да и не обѣдалъ онъ дома!» Шумковъ, между тѣмъ, зажегъ свѣчку, и Аркадій Ивановичъ немедленно догадался, что пріятель собирается разбудить его нечаяннымъ образомъ. Дѣйствительно, Вася два раза кашлянулъ, два раза прошелся по комнатѣ и наконецъ совершенно нечаянно выпустилъ изъ рукъ трубку, которую было сталъ набивать въ уголку, возлѣ печки. Аркадія Ивановича взялъ смѣхъ про себя.

— Вася, полно хитрить! сказалъ онъ.

— Аркаша, не спишь?

— Право, навѣрно не могу сказать; кажется мнѣ, что не сплю.

— Ахъ, Аркаша! здравствуй, голубчикъ! Ну братъ! ну братъ!.. Ты не знаешь, что я скажу тебѣ!

— Рѣшительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, какъ будто ждалъ того, немедленно подошелъ, никакъ не ожидая, впрочемъ, коварства отъ Аркадія Ивановича. Тотъ какъ-то преловко схватилъ его за руки, повернулъ, подвернулъ, подъ себя, и началъ, какъ говорится, «душить» жертвочку, что, казалось, доставляло неимовѣрное удовольствіе веселому Аркадію Ивановичу.

— Попался! закричалъ онъ:—попался!

— Аркаша, Аркаша, что ты дѣлаешь? Пусти, ради Бога, пусти, я фракъ замараю!..

— Нужды нѣтъ; зачѣмъ тебѣ фракъ? зачѣмъ ты такой легковѣрный, что самъ въ руки даешься? Говори, куда ты ходилъ, гдѣ обѣдалъ?

— Аркаша, ради Бога, пусти!

— Гдѣ обѣдалъ?

— Да про это-то я и хочу рассказать.

— Такъ рассказывай.

— Да ты прежде пусти.

— Такъ вотъ нѣтъ же, не пущу, пока не расскажешь!

— Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что вѣдь нельзя, никакъ невозможно! кричалъ слабосильный Вася, выбиваясь изъ крѣпкихъ лапъ своего непріятеля:—вѣдь есть такія матеріи!

— Какія матеріи?..

— Да такія, что вотъ о которыхъ начнешь рассказывать въ такомъ положеніи, такъ теряешь достоинство; никакъ нельзя; выйдетъ смѣшно—а тутъ дѣло совсѣмъ не смѣшное, а важное.

— И ну его, къ важному! вотъ еще выдумалъ! Ты мнѣ рассказывай такъ, чтобъ я смѣяться хотѣлъ, вотъ какъ рассказывай; а важнаго я не хочу; а то какой же ты будешь пріятель? вотъ ты мнѣ скажи, какой же ты будешь пріятель? а?

— Аркаша, ей-Богу, нельзя!

— И слышать не хочу...

— Ну, Аркаша! началъ Вася, лежа поперегъ кровати и стараясь всѣми силами придать какъ можно болѣе важности словамъ своимъ:—Аркаша! я, пожалуй, скажу; только...

— Ну что!..

— Ну, я помолвилъ жениться!

Аркадій Ивановичъ, не говоря болѣе празднаго слова, взялъ молча Васю на руки, какъ ребенка, не смотря на то, что Вася былъ не совсѣмъ коротенькій, но довольно длинный, только худой, и преловко началъ его носить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, показывая видъ, что его убаюкиваетъ.

— А вотъ я тебя, женихъ, спеленаю, приговаривалъ онъ. Но увидя, что Вася лежитъ на его рукахъ не шелохнется и не говоритъ болѣе ни слова, тотчасъ одумался и взялъ въ соображеніе, что шутки, видно, далеко зашли; онъ поставилъ его среди комнаты и самымъ искреннимъ, дружескимъ образомъ обლობызалъ его въ щеку.

— Вася, не сердисься?..

— Аркаша, послушай...

— Ну, для Новаго года.

— Да я-то ничего; да зачѣмъ же ты самъ такой сумасшедшій, повѣса такой? Сколько я разъ тебѣ говорилъ: Аркаша, ей-Богу не остро, совсѣмъ не остро!

— Ну, да не сердисься?

— Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчилъ, понимаешь ли ты!

— Да какъ огорчилъ? какимъ образомъ?

— Я шель къ тебѣ какъ къ другу, съ полнымъ сердцемъ, излитъ передъ тобой свою душу, рассказать тебѣ мое счастье...

— Да какое же счастье? что-жь ты не говоришь?..

— Ну, да я женюсь-то! отвѣчалъ съ досадою Вася, потому что дѣйствительно немного былъ взбѣшенъ.

— Ты! ты женишься! такъ и вправду? закричалъ благимъ матомъ Аркаша.—Нѣтъ, нѣтъ... да чтожь это? и говоритъ такъ, и слезы текутъ!.. Вася, Васюкъ ты мой, сыночекъ мой, полно! Да вправду, что-ль? И Аркадій Ивановичъ бросился къ нему снова съ объятіями.

— Ну, понимаешь, изъ-за чего теперь выпло? сказалъ Вася.—Вѣдь ты добрый, ты другъ, я это знаю. Я иду къ тебѣ съ такою радостью, съ восторгомъ душевнымъ, и вдругъ всю радость сердца, весь этотъ восторгъ я долженъ былъ открыть, барахтаясь поперегъ кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, продолжалъ Вася полусмѣясь:—вѣдь это было въ комическомъ видѣ: ну, а я нѣкоторымъ образомъ не принадлежалъ себѣ въ эту минуту. Я же не могъ унижать этого дѣла... Вотъ еще бъ ты спросилъ меня: какъ зовутъ? Вотъ клянусь, скорѣй убилъ бы меня, а я бы тебѣ не отвѣтилъ.

— Да, Вася, что же ты молчалъ! да ты бы мнѣ все раньше сказалъ, я бы и не сталъ шалить, закричалъ Аркадій Ивановичъ въ пестинномъ отчаяніи.

— Ну, полно же, полно! я вѣдь такъ это.. Вѣдь ты знаешь отъ чего это все, оттого, что у меня доброе сердце. Вотъ мнѣ и досадно, что я не могъ сказать тебѣ, какъ хотѣлъ, обрадовать, при-

нести удовольствіе, рассказать хорошо, прилично посвятить тебя.... Право, Аркаша, я тебя такъ люблю, что не будь тебя, я бы, мнѣ кажется, и не женился, да и не жилъ бы на свѣтѣ совсѣмъ!

Аркадій Ивановичъ, который необыкновенно былъ чувствителенъ, и смѣялся и плакалъ, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились въ объятія и позабыли о бывшемъ.

— Какъ же, какъ же это? Расскажи мнѣ все, Вася! Я, братъ, извини меня, я пораженъ, совсѣмъ пораженъ; вотъ точно громомъ сразило, ей-Богу! Да нѣтъ же, братъ, нѣтъ, ты выдумалъ, ей-Богу выдумалъ, ты навралъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ, и даже съ неподдѣльнымъ сомнѣніемъ взглянулъ въ лицо Васи, но, видя въ немъ блестящее подтвержденіе непремѣннаго намѣренія жениться какъ-можно-скорѣе, бросился въ постель, и началъ кувыркаться въ ней отъ восторга, такъ-что стѣны дрожали.

— Вася, садись сюда! закричалъ онъ, усѣвшись наконецъ на кровати.

— Ужь я, братецъ, право, не знаю, какъ и начать, съ чего!

Оба въ радостномъ волненіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто она, Вася?

— Артемьевы!.. произнесъ Вася разслабленнымъ отъ счастья голосомъ.

— Нѣтъ?

— Ну, да я тебѣ уши прожужжалъ объ нихъ, потомъ замолкъ, а ты ничего и не примѣтилъ. Ахъ, Аркаша, чего стояло мнѣ скрывать отъ тебя; да боялся, боялся говорить! Думалъ, что все разстроится, а я вѣдь влюбленъ, Аркаша! Боже мой, Боже мой! Впдишь ли, вотъ какая исторія, началъ онъ, безпрерывно останавливаясь отъ волненія:— у ней былъ женихъ, еще годъ назадъ, да вдругъ его командировали куда-то; я и зналъ его — такой, право, Богъ съ нимъ! Ну, вотъ, онъ и не пишетъ совсѣмъ, запалъ. Ждутъ, ждутъ; что бы это значило?.. Вдругъ онъ, четыре мѣсяца назадъ, пріѣзжаетъ женатый и къ нимъ ни ногой. Грубо! подло! да за нихъ заступиться некому. Плакала, плакала она, бѣдная, а я и влюбись въ нее... да я и давно, всегда былъ влюбленъ! Вотъ, сталъ утѣшать, ходилъ, ходилъ... ну, и я, право, не знаю, какъ это все произошло, только и она меня полюбила; недѣлю назадъ я не выдержалъ, заплакалъ, зарыдалъ и сказалъ ей все—ну! что люблю ее — однимъ словомъ, все!.. «Я васъ сама любить готова, Василий Петровичъ, да я бѣдная дѣвушка, не насмѣйтесь надо мной; я и любить-то никого не смѣю». Ну, братъ, понимаешь! понимаешь?.. Мы тутъ съ ней на словъ и помолвинись; я думалъ-думалъ, думалъ-думалъ; говорю: какъ сказать маменькѣ? Она говоритъ: трудно, подождите немножко; она боится; теперь еще, пожалуй, не отдастъ меня вамъ; сама плачетъ. Я ей не сказавшись, брякъ старухѣ сегодня. Лизанька передъ ней на колѣни, я тоже... ну, и благословила.

Аркаша, Аркаша! голубчикъ ты мой! будемъ жить вмѣстѣ. Нѣтъ! я съ тобой ни за что не разстанусь.

— Вася, какъ я ни смотрю на тебя, а не вѣрю, ей-Богу, какъ-то не вѣрю, клянусь тебѣ. Право, мнѣ все что-то кажется... Послушай, какъ же это ты женишься?.. Какъ же я не зналъ, а? Право, Вася, я, уже признаюсь тебѣ, я самъ, братъ, думалъ жениться; а ужъ какъ теперь ты женишься, такъ ужъ все равно! Ну, будь счастливъ, будь счастливъ!..

— Братъ, теперь такъ сладко въ сердцѣ, такъ легко на душѣ... сказалъ Вася вставая и шагая въ волненіи по комнатѣ. Не правда ли, не правда ли? вѣдь ты чувствуешь то же? Мы будемъ жить бѣдно, конечно, но счастливы будемъ; и вѣдь это не химера; наше счастье-то вѣдь не изъ книжки сказано: вѣдь это на дѣлѣ счастливы мы будемъ!..

— Вася, Вася, послушай!

— Что? сказалъ Вася, остановясь передъ Аркадіемъ Ивановичемъ.

— Мнѣ пришла мысль; право, я какъ-то боюсь и сказать тебѣ!.. Ты прости меня, ты разрѣши мои сомнѣнія. Чѣмъ же ты жить будешь? Я, знаешь, я въ восторгѣ, что ты женишься, конечно, въ восторгѣ и владѣть собой не могу, но — чѣмъ ты жить будешь? а?

— Ахъ, Боже, Боже мой! какой ты, Аркаша! сказалъ Вася, въ глубокомъ удивленіи смотря на Нефедевича. — Да что ты въ самомъ-дѣлѣ? Даже старуха, и та двухъ минутъ не подумала, когда я ей представилъ все ясно. Ты спроси, чѣмъ они жили? Вѣдь 500 рублей въ годъ на троихъ; вѣдь всего-то пенсіону послѣ покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братишка, за котораго въ школу платять изъ тѣхъ же денегъ. — вѣдь вотъ, какъ живутъ! Вѣдь это только мы капиталисты съ тобой! А у меня, поди-ка ты, въ иной годъ, въ хорошій, даже семьсотъ наберется.

— Послушай, Вася; ты меня извини; я, ей-Богу. я такъ вѣдь, я все только думаю, какъ бы это не разстроить — какихъ же семьсотъ? только триста...

— Триста!.. А Юліанъ Мастаковичъ? вабыль?

Юліанъ Мастаковичъ! да вѣдь это дѣло, братецъ, невѣрное; это не то, что триста рублей вѣрнаго жалованья, гдѣ всякій рубль какъ другъ неизмѣнный. Юліанъ Мастаковичъ, конечно, ну, даже великій онъ человѣкъ, я его уважаю, понимаю его, даромъ-что онъ такъ высоко стоитъ, и ей-Богу, люблю его, потому-что онъ тебя любитъ и тебѣ за работу дарить, тогда какъ могъ бы не платить, а командировать себѣ прямо чиновника — но вѣдь согласишься самъ, Вася... Послушай еще: я вѣдь не вздоръ говорю; я согласенъ, во всемъ Петербургѣ не найдешь такого почерка, какъ твой почеркъ, я готовъ тебѣ уступить — не безъ восторга заключилъ Нефедевичъ: — но вдругъ, Боже сохрани! ты не понравился, вдругъ ты не угодишь ему, вдругъ у него дѣла прекратятся, вдругъ онъ другаго возьметъ — ну, да, наконецъ, мало ли

что можетъ случиться! Вѣдь Юліанъ-то Мастаковичъ былъ да сплылъ, Вася!..

— Послушай, Аркаша, вѣдь этакъ, пожалуй, надъ нами сейчасъ потолокъ провалится...

— Ну конечно, конечно... я вѣдь ничего...

— Нѣтъ, послушай меня, ты выслушай — видишь что: какимъ онъ образомъ можетъ со мною разстаться... Нѣтъ, ты только выслушай, выслушай. Вѣдь я все исполняю рачительно; вѣдь онъ такой добрый, вѣдь онъ мнѣ, Вася, вѣдь онъ мнѣ сегодня далъ пятьдесятъ рублей серебромъ!

— Не-уже-ли, Вася? такъ тебѣ награжденіе?

— Какое награжденіе! изъ своего кармана. Говорить: ужъ ты, братъ, пятый мѣсяцъ денегъ не получалъ; хочешь, возьми; спасибо, говоритъ, тебѣ, спасибо, доволенъ... ей Богу! не даромъ же ты мнѣ, говоритъ, работашь — право! такъ и сказалъ. У меня слезы полились, Аркаша. Господи Боже!

— Послушай, Вася, а ты дописалъ тѣ бумаги?..

— Нѣтъ... еще не дописалъ.

— Ва...синька! ангелъ мой! что ты сдѣлалъ?

— Послушай, Аркадій, ничего, еще два дня сроку, успѣю...

— Какъ же ты это такъ не писалъ?..

— Ну, вотъ, ну, вотъ! ты съ такимъ убитымъ видомъ смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болитъ! Ну, что жъ? ты меня всегда этакъ убиваешь! Такъ и закричать: а-а-а!! Да ты разсуждай; ну, что жъ такое? ну, кончу, ей-Богу, кончу...

— Что, если не кончишь? закричалъ Аркадій, вкочивъ: — а онъ же тебѣ сегодня далъ награжденіе! Ты же тутъ женишься... Ай, ай, ай!..

— Ничего, ничего, закричалъ Шумковъ: — а сейчасъ же и сажусь, сію минуту сажусь; ничего!

— Какъ это ты манкировалъ, Васютка?

— Ахъ, Аркаша! ну, могъ ли я усидѣть? такой ли я былъ? Да я въ канцеляріи-то едва сидѣлъ; вѣдь я сердца сносить не могъ... Ахъ! ахъ! теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послѣ завтра еще, и — докончу!..

— Много осталось?

— Не мѣшай, ради Бога, не мѣшай, замолчи...

Аркадій Ивановичъ на ципочкахъ подошелъ къ кровати и усѣлся; потомъ вдругъ хотѣлъ было встать, но потомъ опять принужденъ былъ сѣсть, вспомнивъ, что помѣшать можетъ, хотя и сидѣть не могъ отъ волненія: видно было, что его совѣтъ перевернуло извѣстіе и первый восторгъ еще не успѣлъ выкипѣть въ немъ. Онъ взглянулъ на Шумкова, тотъ взглянулъ на него; улыбнулся, погрозилъ ему пальцемъ и потомъ, страшно нахмутивъ брови (какъ будто въ этомъ заключалась вся сила и весь успѣхъ работы), уставился глазами въ бумаги.

Казалось, и онъ тоже еще не пересилилъ своего волненія, перемѣнялъ перья, вертѣлся на стулѣ, пристроивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и отказывалась двигаться.

— Аркаша! Я имъ говорилъ объ тебѣ, закричалъ онъ вдругъ, какъ будто только что вспомнилъ.

— Да? закричалъ Аркадій: — а я только спросить хотѣлъ; ну!

— Ну! ахъ, да, я тебѣ послѣ все расскажу! Вотъ, ей-Богу, самъ виноватъ, а совѣмъ изъ ума вышло, что не хотѣлъ ничего говорить, покаместъ не напишу четырехъ листовъ; да вспомнилъ про тебя и про нихъ. Я, братъ, и писать какъ-то не могу: все объ васъ вспоминаю... Вася улыбнулся.

Настало молчаніе.

— Фу! какое скверное перо! закричалъ Шумковъ, ударивъ въ досадѣ имъ по столу. Онъ взялся за другое.

— Вася! послушай! одно слово...

— Ну, поскорѣй и въ послѣдній разъ.

— Много тебѣ осталось?

— Ахъ, братъ!.. Вася такъ поморщился, какъ будто ничего въ свѣтѣ не было ужаснѣе и убійственнѣе такого вопроса.—Много, ужасно много!

— Знаешь, у меня была идея...

— Что?

— Да нѣтъ, ужъ нѣтъ, пиши.

— Ну, что? что?

— Теперь седьмой часъ, Васюкъ!

Тутъ Нефедевичъ улыбнулся и плутовски подмигнулъ Васѣ, но, однакожъ, все-таки нѣсколько съ робостію, не зная какъ пріиметь онъ это.

— Ну, что жъ? сказалъ Вася, бросивъ совѣмъ писать, смотря ему прямо въ глаза и даже поблѣднѣвъ отъ ожиданія.

— Знаешь что?

— Ради Бога, что?

— Знаешь что? Ты взволнованъ, ты много не поработаешь... Постой, постой, постой — вижу, вижу — слушай! заговорилъ Нефедевичъ, вскочивъ въ восторгѣ съ постели и прерывая заговорившаго Васю, всѣми силами отстраняя возраженія: — прежде всего нужно успокоиться, нужно съ духомъ собраться; такъ ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вскочивъ съ креселъ. — Я прошу всю ночь, ей-Богу прошу!

— Ну, да, да! Ты къ утру только заснешь...

— Не засну, ни за что не засну...

— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ пять часовъ засни. Въ восемь я тебя бужу. Завтра праздникъ; ты саднись и строчишь цѣлый день... Потомъ почь и — да много ль осталось тебѣ?..

— Да вотъ, вотъ!..

Вася, дрожа отъ восторга и отъ ожиданія, показалъ тетрадку: — вотъ!..

— Послушай, братъ, вѣдь это немного...

— Дорогой мой—еще тамъ есть, сказалъ Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, какъ будто отъ него зависѣло разрѣшеніе, идти или нѣтъ.

— Сколько?

— Два... листочка...

— Ну, что жъ? ну, послушай! Вѣдь кончить успѣемъ ей-Богу, успѣемъ!

— Аркаша!

— Вася! послушай! Теперь подъ новый годъ, всѣ по семействамъ собираются, мы съ тобой только бездомные, сироты... у! Васинька!..

Нефедевичъ облапилъ Васю и стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ....

— Аркадій, рѣшено!

— Васюкъ, я только объ этомъ сказать хотѣлъ. Видишь, Васюкъ, косоланый ты мой! слушай! слушай! вѣдь...

Аркадій остановился съ открытымъ ртомъ, потому что не могъ говорить отъ восторга. Вася держалъ его за плечи, глядѣлъ ему во всѣ глаза и такъ двигалъ губами, какъ будто самъ хотѣлъ договорить за него.

— Ну! проговорилъ онъ наконецъ.

— Представь мнѣ сегодня меня!

— Аркадій! идемъ туда чай пить! Знаешь что? знаешь что? даже до Нового года не досидимъ, раньше уйдемъ, закричалъ Вася въ истинномъ вдохновеніи.

— То-есть, два часа, ни больше не меньше!..

— И потомъ разлука до тѣхъ поръ, пока не докончу!..

— Васюкъ!..

— Аркадій!

Въ три минуты, Аркадій былъ по парадному. Вася только почпистлся, за тѣмъ, что и не снималъ своей пары: съ такимъ рвеніемъ присѣлъ онъ за дѣло.

Онъ поспѣшно вышелъ на улицу, одинъ радостнѣе другаго. Путь лежалъ съ Петербургской стороны въ Коломну. Аркадій Ивановичъ отмиргивалъ шаги бодро и энергично, такъ что по одной походкѣ его уже можно было видѣть всю его радость о благополучіи все болѣе и болѣе счастливаго Васи. Вася сѣменилъ болѣе мелкимъ шагомъ, но не теряя достоинства. Напротивъ, Аркадій Ивановичъ еще никогда не видалъ его въ болѣе выгодномъ для него свѣтѣ. Онъ въ эту минуту даже какъ-то болѣе уважалъ его, и извѣстный тѣлесный недостатокъ Васи, о которомъ до сихъ поръ еще не знаетъ читатель (Вася былъ немного кривобокъ), вызывавшій всегда глубоко-любящее чувство состраданія въ добромъ сердцѣ Аркадія Ивановича, теперь еще болѣе способствовало къ глубокому умиленію, которое особенно питало къ нему другъ его въ эту минуту и котораго Вася ужъ, разумѣется, всячески былъ достоинъ. Аркадію Ивановичу даже хотѣлось заплакать отъ счастья; но онъ удержался.

— Куда, куда, Вася? здѣсь ближе пройдемъ! вскричалъ онъ, видя, что Вася норовитъ повернуть къ Вознесенскому.

— Молчи, Аркаша, молчи...

— Право, ближе, Вася.

— Аркаша! знаешь ли что? началъ Вася таинственно, замирающимъ отъ радости голосомъ: —

знаешь ли что? мнѣ хочется принести подарочекъ Лизанькѣ...

— Что жъ такое?

— Здѣсь, братъ, на углу мадамъ Леру, чудесный магазинъ!

— А, ну!

— Чепчикъ, душечка, чепчикъ; сегодня я видѣлъ такой чепчечокъ миленькій; и спрашивалъ: фасонъ, говорятъ, Manon Lescaut называется—чудо! ленты серпозвья, и если не дорого... Аркаша, да хоть бы и дорого!..

— Ты по моему выше всѣхъ поэтовъ, Вася! идемъ!..

Они побѣжали, и черезъ двѣ минуты вошли въ магазинъ. Ихъ встрѣтила черноглазая француженка въ локонахъ, которая тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на своихъ покупателей, сдѣлалась такъ же весела и счастлива, какъ они сами, даже счастливейше, если можно сказать. Вася готовъ былъ расцеловать мадамъ Леру отъ восторга...

— Аркаша! сказалъ онъ въ полголоса, бросивъ обыкновенный взглядъ на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянныхъ столбикахъ на огромномъ столѣ магазина. — Чудеса! Что это такое? что это? Вотъ этотъ, напримѣръ, бонбончикъ, видишь? прошепталъ Вася, показывая одинъ миленькій крайній чепчикъ, но вовсе не тотъ, который купить хотѣлъ, потому что уже издалика наглядѣлся и впился глазами въ другой, знаменитый, настоящій, стоявшій на противоположномъ концѣ. Онъ такъ смотрѣлъ на него, что можно было подумать, будто его кто нибудь возьметъ да украдетъ, или будто самъ чепчикъ, именно для того, чтобъ не доставаться Васѣ, улетитъ съ своего мѣста на воздухъ.

— Вотъ, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на одинъ:—вотъ, по моему лучший.

— Ну, Аркаша! это даже дѣлаетъ честь тебѣ; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкусъ, сказалъ Вася, плутовски скитривъ въ умиленіи своего сердца предъ Аркашей: — прелесть твой чепчикъ, но поди-ка сюда!

— Гдѣ же, братъ, лучше?

— Смотри-ка сюда!

— Этотъ, сказалъ Аркадій съ сомнѣніемъ.

Но когда Вася, не въ силахъ болѣе выдержать, сорвалъ его съ деревяшки, съ которой онъ, казалось, вдругъ слетѣлъ самовольно, какъ будто обрадовавшись такому хорошему покупщику послѣ долгаго ожиданія, когда захрустѣли всѣ его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крикъ восторга вырвался изъ мощной груди Аркадія Ивановича. Даже мадамъ Леру, наблюдавшая все свое несомнѣнное достоинство и преимущество въ дѣлѣ вкуса во все время выбора и только молчаливая изъ снисхожденія, наградила Васю полною улыбкою одобренія, такъ что все въ ней, во взглядѣ, въ жестѣ и въ этой улыбкѣ разомъ проговорило — да! вы угадали и достойны счастья, которое васъ ожидаетъ.

— Вѣдь кокетничалъ, кокетничалъ въ уединеніи! закричалъ Вася, перенесъ всю любовь свою на миленькій чепчикъ: — нарочно прятался, плутишка, голубчикъ мой! И онъ поцаловалъ его, т. е. воздухъ, который его окружалъ, потому что боялся дотронуться до своей драгоценности.

— Такъ скрываетъ себя истинная заслуга и добродѣтель, прибавилъ Аркадій въ восторгѣ, для юмора прибавивъ фразу изъ одной остроумной газеты, которую читалъ поутру. — Ну, Вася что же?

— Вивать, Аркаша! да ты и остринь сегодня, ты сдѣлаешь *фуроръ*, какъ они говорятъ, между женщинами, предрекаю тебѣ. Мадамъ Леру, мадамъ Леру!

— Что прикажете!

— Голубушка, мадамъ Леру!..

Мадамъ Леру взглянула на Аркадія Ивановича и снисходительно улыбнулась.

— Вы не повѣрите, какъ я васъ обожаю въ эту минуту... Позвольте поцаловать васъ... и Вася поцаловалъ магазинщицу.

Рѣшительно нужно было призвать на минуту все достоинство, чтобъ не уронить себя съ подобнымъ повѣсой. Но я утверждаю, что нужно имѣть къ тому и всю врожденную, неподдѣльную любовь и грацію, съ которою мадамъ Леру приняла восторгъ Васи. Она извинила его, и какъ умно, какъ граціозно умѣла она найдтись въ этомъ случаѣ! Неужели же можно было разсердиться на Васю?

— Мадамъ Леру, сколько цѣна?

— Это пять рублей серебромъ, отвѣчала она оправившись, съ новой улыбкою.

— А этотъ, мадамъ Леру, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на свой выборъ.

— Этотъ восемь рублей серебромъ.

— Ну, позвольте, ну, позвольте! ну, согласитесь, мадамъ Леру, ну, который лучше, граціознѣе, милѣе, который изъ нихъ болѣе походитъ на васъ?

— Тотъ богаче, но вашъ выборъ — *c'est plus coquet*.

— Ну, такъ его и беремъ!

Мадамъ Леру взяла листъ тонкой-тонкой бумаги, зашпилила булавочкой и, казалось бумага съ завернутымъ чепчикомъ сдѣлалась легче, нежели прежде, безъ чепчика. Вася взялъ все это бережно, чуть дыша, раскланялся съ мадамъ Леру, что-то еще сказалъ ей очень любезное и вышелъ изъ магазина.

— Я вивѣръ, Аркаша, я рожденъ быть вивѣромъ! кричалъ Вася, хохоча, заливаясь несмысленнымъ, мелкимъ, нервическимъ смѣхомъ и обѣгая прохожихъ, которыхъ всѣхъ разомъ подозрѣвалъ въ непремѣнномъ покушеніи измѣять его драгоценнѣйшій чепчикъ!

— Послушай, Аркадій, послушай! началъ онъ минуту спустя, и что-то торжественно, что-то до нельзя любящее, зазвенѣло въ настроѣ его голоса:—Аркадій, я такъ счастливъ, такъ счастливъ!..

— Васинька! какъ я-то счастливъ, голубчикъ мой!

— Нѣтъ, Аркаша, нѣтъ, твоя любовь ко мнѣ безпредѣльна, я знаю; но ты не можешь ощущать и сотой доли того, что я чувствую въ эту минуту. Мое сердце такъ полно, такъ полно! Аркаша! Я недостойнъ этого счастья! Я слышу, я чувствую это. За что мнѣ—говорилъ онъ голосомъ полнымъ заглушенныхъ рыданій:— что я сдѣлалъ такое, скажи мнѣ! Посмотри, сколько людей, сколько слезъ, сколько горя, сколько будничной жизни безъ праздника! А я! меня любитъ такая дѣвушка, меня... но ты самъ ее увидишь сейчасъ, самъ оцѣнишь это благородное сердце. Я родился изъ низкаго званія, теперь чинъ у меня и независимый доходъ—жалованье. Я родился съ тѣлеснымъ недостаткомъ, я кривобоко немного. Смотри, она меня полюбила какъ я есть. Сегодня Юліанъ Мастаковичъ былъ такой нѣжный, такой внимательный, такой вѣжливый; онъ со мною рѣдко говоритъ; подошелъ: «Ну, что, Вася (ей-Богу, такъ-таки Васей и назвалъ), кутить пойдемъ на праздникахъ, а? (Самъ смѣется.)»

«Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, дѣло есть, да тутъ же ободрился и говорю: и повеселюсь, можетъ быть, ваше превосходительство—ей-Богу, сказалъ. Онъ мнѣ тутъ денегъ далъ, потомъ еще сказалъ мнѣ два слова. Я, братъ, заплакалъ, ей-Богу, слезы прошибли, а онъ тоже, кажется, тронуть былъ, потрепалъ меня по плечу, да говоритъ: чувствуй, Вася, чувствуй всегда такъ, какъ теперь это чувствуешь...

Вася замолкъ на мгновеніе. Аркадій Ивановичъ отвернулся и тоже отеръ кулакомъ слезинку.

— И еще, еще... продолжалъ Вася:—я никогда еще не говорилъ тебѣ этого, Аркадій... Аркадій! Ты такъ счастливъ меня дружбой своею, безъ тебя я бы не жилъ на свѣтѣ—нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего, Аркаша! Дай мнѣ пожать тебѣ руку, дай по...благо...дар...ить тебя!.. Вася опять не докончилъ.

Аркадій Ивановичъ хотѣлъ прямо броситься Васѣ на шею, но такъ какъ они переходили улицу, и почти надъ ушами ихъ раздалось визгливое «Падъ-падъ-пади!»—то оба испуганные и взволнованные, добѣжали бѣгомъ до тротуара. Аркадій Ивановичъ былъ даже радъ тому. Онъ извинилъ изліяніе благодарности Васи развѣ только исключительностію настоящей минуты. Самому же ему было досадно. Онъ чувствовалъ, что онъ до сихъ поръ такъ мало сдѣлалъ для Васи! Ему даже стыдно стало за себя, когда Вася началъ благодарить его за такую малость! Но еще цѣлая жизнь была впереди, и Аркадій Ивановичъ вздохнулъ свободнѣе...

Рѣшительно ихъ совсѣмъ перестали ждать! Доказательство—что ужъ сидѣли за чаемъ! А, право, иногда старъ-человѣкъ прозорливѣе молодежи, да еще какой молодежи! Вѣдь Лизанька-то пресерьезно увѣряла, что не будетъ; «не будетъ, маменька;

ужъ сердце чувствуетъ, что не будетъ»; а маменька все говорила, что ея сердце, напрогивъ чувствуетъ, что непременно будетъ, что не усидитъ, что прибѣжитъ, что и занятій-то служебныхъ теперь нѣтъ у него, что и подъ Новый-то годъ! Лизанька и отворяя не ждала совсѣмъ—глазамъ не вѣрила, и встрѣтила ихъ запыхавшись, съ забившимся внезапно сердечкомъ, какъ у пойманной птички, вся заалѣвъ, зарумянившись, словно вишенка, на которую она ужасно какъ походила. Боже мой, какой сюрпризъ! какое радостное «ахъ!» вылетѣло изъ ея губокъ! «Обманщикъ! Голубчикъ ты мой!» вскричала она, обвинивъ шею Васп... Но представьте все удивленіе ея, весь ея стыдъ внезапный: прямо за Васей, какъ будто желая спрятаться сзади его, стоялъ, немного потерявшись, Аркадій Ивановичъ. Нужно признаться, что онъ былъ неловокъ съ женщинами, даже очень неловокъ, даже однажды случилось, что... Но это потомъ. Однакожь войдите и въ его положеніе: смѣшного тутъ нѣтъ ничего; онъ стоитъ въ передней, въ калошахъ, въ шинели, въ ушахъ шапкъ, которую поспѣшилъ было сдернуть, весь пребезобразно обмотанный желтымъ, вязаннымъ пресквернымъ шарфомъ, еще для большаго эффекта завязаннымъ сзади. Все это нужно распутать, снять поскорѣе, представиться въ болѣе выгодномъ видѣ, потому что нѣтъ человѣка, который не желалъ бы представиться въ болѣе выгодномъ видѣ. А тутъ Вася, досадный, несносный, хотя, впрочемъ, конечно, тотъ же милый, добрѣйшій Вася, но наконецъ несносный, безжалостный Вася! «Вотъ, кричитъ онъ: Лизанька, вотъ тебѣ мой Аркадій! Какое? Вотъ мой лучший другъ, обними его, поцалуй его, Лизанька, напередъ поцалуй, узнаешь потомъ лучше, сама разцалуешь...» Ну, что? ну, что, я спрашиваю, было дѣлать Аркадію Ивановичу? А онъ еще разматалъ всего половину шарфа! Право, мнѣ даже иногда совѣстно за излишнюю восторженность Васи; она, конечно, означаетъ доброе сердце, но... неловко, нехорошо!

Наконецъ, оба вошли. Старушка была несказанно рада познакомиться съ Аркадіемъ Ивановичемъ; она такъ много слышала, она... — Но она не докончила. Радостное «ахъ!» звонко раздавшееся въ комнатѣ, остановило ее на полфразѣ. Боже мой! Лизанька стояла передъ развернутымъ неожиданно чепчикомъ, пренаивно сложивъ свои ручки и улыбаясь, улыбаясь такъ... Боже мой, да зачѣмъ это у madame Леру не было еще лучшаго чепчика!

Ахъ, Боже мой, да гдѣ жъ вы найдете чепчикъ лучше? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Гдѣ же вы съищете лучше? Я говорю серьезно! Меня наконецъ даже приводитъ въ нѣкоторое негодованіе, даже огорчаетъ немного такая неблагодарность влюбленныхъ. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите, что можетъ быть лучше этого амурчика-чепчика! Ну, взгляните... Но нѣтъ, нѣтъ, мои пени напрасны; они уже согласились всѣ со мною; это

было минутное заблужденіе, туманъ, горячка чув-ства; я готовъ имъ простить... Да за то посмо-трите... вы ужъ извините, господа, я все объ этомъ чепчикѣ: тюлевый, легонькій, широкая се-ризавая лента, покрытая кружевомъ, идетъ между тульею и рюшемъ и сзади двѣ ленты, широкія, длинныя; онѣ будутъ падать немного ниже за-тылка, на шею... Нужно только и весь чепчикъ не-много надѣть на затылокъ; ну, посмотрите; ну, я васъ спрошу послѣ этого!.. Да вы, я вижу, не смотрите!.. Вамъ, кажется, все равно! Вы загля-дѣлись въ другую сторону... Вы смотрите, какъ двѣ крупныя-крупныя словно перлы слезинки на-кипѣли въ одинъ мигъ въ черныхъ какъ смоль глазахъ, задрожали на мгновеніе на длинныхъ рѣсницахъ и потомъ канули на этотъ скорѣе воз-духъ чѣмъ тюль, изъ котораго состояло художе-ственное произведеніе madame Леру... И опять мнѣ досадно: вѣдь почти не за чепчикъ были эти двѣ слезинки!.. Нѣтъ! по моему, такую вещь нуж-но дарить хладнокровно. Тогда только можно истинно оцѣнить ее! Я признаюсь, господа, все за чепчикъ!

Усѣлись — Вася съ Лизанькой, а старушка съ Аркадіемъ Ивановичемъ; начали разговоръ, и Ар-кадій Ивановичъ вполне поддержалъ себя. Я съ радостію отдаю ему справедливость. Даже трудно было ожидать отъ него. Послѣ двухъ словъ объ Васѣ, онъ превосходно успѣлъ заговорить объ Юліанѣ Мастаковичѣ, его благодѣтелѣ. Да такъ умно, такъ умно заговорилъ, что разговоръ, пра-во, не истощился и въ часъ. Нужно было видѣть, съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ тактомъ касался Аркадій Ивановичъ нѣкоторыхъ особенностей Юліа-на Мастаковича, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ Васѣ. За то и старушка была оча-рована, истинно очарована: она сама призналась въ этомъ, она нарочно отозвала Васю въ сторону и тамъ сказала ему, что другъ его превосходнѣй-шій, любезнѣйшій молодой человѣкъ, и главное, такой серьезный, солидный молодой человѣкъ. Ва-ся чуть не захохоталъ отъ блаженства. Онъ вспом-нилъ, какъ солидный Аркаша вертѣлъ его четверть часа на постели! Потомъ старушка мигнула Васѣ и сказала, чтобъ онъ вышелъ за нею тихонько и осторожнѣе въ другую комнату. Нужно сознаться, она не много дурно поступила относительно Ли-заньки: она, конечно отъ избытка сердца, измѣ-нила ей и вздумала показать потихоньку подарокъ, который готовила Лизанька Васѣ къ Новому году. Это былъ бумажникъ, шитый бисеромъ, золотомъ и съ превосходнѣйшимъ рисункомъ: на одной сторонѣ изображенъ былъ олень, совершенно какъ натураль-ный, который чрезвычайно шибко бѣжалъ, и такъ похоже, такъ хорошо! На другой сторонѣ былъ портретъ одного пзвѣстнаго генерала, тоже пре-восходно и весьма похоже отдѣланный. Я ужъ не говорю о восторгѣ Васи. Между тѣмъ, и въ залѣ не прошло даромъ время. Лизанька прямо подо-шла къ Аркадію Ивановичу. Она взяла его за ру-

ки, она за что-то благодарила его, и Аркадій Ива-новичъ догадался наконецъ, что дѣло идетъ о томъ же драгоценнѣйшемъ Васѣ. Лизанька даже была глубоко растрогана: она слышала, что Ар-кадій Ивановичъ былъ такой истинный другъ ея жениха, такъ любилъ его, такъ наблюдалъ за нимъ, напутствовалъ на каждомъ шагу спасительными совѣтами, что, право, она, Лизанька не можетъ не благодарить его, не можетъ удержаться отъ бла-годарности, что она надѣется наконецъ, что Ар-кадій Ивановичъ полюбитъ и ее хоть въ полови-ну такъ, какъ любитъ Васю. Потомъ она стала спрашивать, бережетъ ли Вася свое здоровье, изъяснила нѣкоторыя опасенія на счетъ особенной пылкости его характера, на счетъ несовершенство-го знанія людей и практической жизни, сказала, что она религіозно будетъ со временемъ наблю-дать за нимъ, хранить и лелѣять судьбу его, и что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ива-новичъ не только ихъ не оставитъ, но даже жить будетъ съ ними вмѣстѣ.

— Мы будемъ втроемъ какъ одинъ человѣкъ! вскричала она въ пренапвномъ восторгѣ.

Но нужно было идти. Разумѣется, стали удер-живать, но Вася объявилъ на отрѣзъ, что нельзя. Аркадій Ивановичъ засвидѣтельствовалъ то же самое. Спросили, разумѣется, почему, и немедлен-но открылось, что было дѣло, ввѣренное Юліа-номъ Мастаковичемъ Васѣ, спѣшное, нужное, ужасное, которое нужно представить послѣ-завтра утромъ, а что оно не только не кончено, но даже запущено совершенно. Маменька ахнула, какъ услышала объ этомъ, а Лизанька просто испуга-лась, встревожилась и даже погнала Васю. По-слѣдній поцалуй вовсе не проигралъ отъ этого; онъ былъ короче, поспѣшнѣй, но за то горячѣе и крѣпче. Наконецъ, разстались, и оба друга пу-стились домой.

Немедленно оба взапуски начали повѣрять другъ другу свои впечатлѣнія, только что очутились на улицѣ. Да тому такъ и слѣдовало быть: Аркадій Ивановичъ былъ влюбленъ, на смерть влюбленъ въ Лизаньку! И кому жъ это лучше повѣрить, какъ не самому счастливчику Васѣ? Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ не посоветился и тотчасъ же при-знался Васѣ во всемъ. Вася ужасно смѣялся и страшно былъ радъ, даже замѣтилъ, что это во-все не лишнее и что теперь они будутъ еще больше друзьями. «Ты угадалъ меня, Вася, ска-залъ Аркадій Ивановичъ: да! я люблю ее, такъ, какъ тебя; это будетъ и мой ангелъ, такъ же какъ твой, за тѣмъ, что и на меня ваше счастье прольется, и меня пригрѣетъ оно. Это будетъ и моя хозяйка, Вася; въ ея рукахъ будетъ счастье мое; пусть хозяйничаетъ какъ съ тобою, такъ и со мной. Да, дружба къ тебѣ, дружба къ ней; вы у меня нераздѣльны теперь; только у меня бу-дутъ два такія существа, какъ ты, вмѣсто одного... Аркадій замолчалъ отъ избытка чувствъ; а Вася былъ потрясенъ до глубины души его словами.

Дѣло въ томъ, что онъ никогда не ожидалъ такихъ словъ отъ Аркадія. Аркадій Ивановичъ вообще говорить не умѣлъ, мечтать тоже совсѣмъ не любилъ; теперь же тотчасъ пустился и въ мечтанія самыя веселыя, самыя свѣжія, самыя радужныя! «Какъ я буду хранить васъ обоихъ, лелѣять васъ» заговорилъ онъ опять. «Во первыхъ, я, Вася, буду у тебя всѣхъ дѣтей крестить, всѣхъ до единого, а во-вторыхъ. Вася, надобно похлопотать и о будущемъ. Нужно мебель купить, нужно квартиру нанять, такъ чтобъ и ей и тебѣ и мнѣ были каморки отдѣльныя. Знаешь, Вася, я завтра же побѣгу смотрѣть ерлыки на воротахъ. Три... нѣтъ, двѣ комнаты, намъ больше не нужно. Я даже думаю, Вася, что я сегодня вздоръ говорилъ, денегъ достанетъ; чего! я какъ взглянулъ въ ея глазки, такъ тотчасъ разсчелъ, что достанетъ. Все для нея! Ухъ, какъ будемъ работать! Теперь, Вася, можно рискнуть и заплатить рублей 25 за квартиру. Квартира, братъ, все! Хорошія комнаты... да тутъ и человѣкъ веселъ и мечтанія радужныя! А во-вторыхъ, Лизанька будетъ нашъ общій кассиръ: ни копѣйки лишней! Чтобъ этакъ я теперь въ трактиръ побѣжалъ! да за кого ты меня принимаешь? ни за что! А тутъ прибавка, награды будутъ, потому-что мы будемъ прилежно служить, у! какъ работать, какъ волю землю пахать!.. Ну, представь себѣ — и голосъ Аркадія Ивановича ослабѣлъ отъ удовольствія: — вдругъ этакъ совсѣмъ неожиданно цѣлковыхъ тридцать иль двадцать пять на голову!.. Вѣдь что ни награда, то чепчикъ, то шарфикъ, чулочки какіе-нибудь! Она мнѣ непременно должна связать шарфъ; смотри, какой скверный у меня: желтый, поганый, надѣлалъ онъ мнѣ сегодня бѣды! Да и ты, Вася, хорошъ; представляешь, а я въ хомутѣ стою... да не въ томъ вовсе дѣло! А вотъ, видишь ли: я все серебро беру на себя! я вамъ вѣдь обязанъ сдѣлать подарочекъ—это честь, это мое самолюбіе!.. А вѣдь наградныя мои не уйдутъ: Скороходову, что ли, ихъ отдадутъ? не бойсь, не залежатся онѣ у этой цапли въ карманѣ. Я, братъ, вамъ куплю ложекъ серебряныхъ, ножей хорошихъ — не серебряныхъ ножей, а отличныхъ ножей и жилетку, т. е. жилетку-то себѣ: я вѣдь шаферомъ буду! Только ужъ ты теперь держись у меня, ужъ держись, ужъ я надъ тобой, братъ, и сегодня и завтра и всю ночь буду съ палкой стоять, замучаю на работѣ: кончай! кончай, братъ, скорѣе! и потомъ опять на вечеръ, и потомъ оба счастливы; въ лото пустимся!.. вечера сидѣть будемъ—у, хорошо! фу, чортъ! какъ досадно, что не могу тебѣ помогать. Такъ бы взялъ и все бы, все бы писалъ за тебя... Зачѣмъ это у насъ не одинаковый почеркъ?

— Да! отвѣтилъ Вася:—да! нужно спѣшить. Я думаю, теперь часовъ одиннадцать будетъ; нужно спѣшить... За работу! И проговоривъ это, Вася, который все время то улыбался, то-какъ нибудь старался прервать какимъ нибудь восторженнымъ

замѣчаніемъ изліяніе дружескихъ чувствъ и, однимъ словомъ, оказывалъ самое полное одушевленіе, вдругъ присмирѣлъ, замолчалъ и пустился чуть не бѣгомъ по улицѣ. Казалось, какая-то тяжелая идея вдругъ оледенила его пылавшую голову; казалось, все сердце его сжалось.

Аркадій Ивановичъ даже сталъ беспокоиться; на ускоренные вопросы свои онъ почти не получалъ отвѣтовъ отъ Вася, который отдѣливался словцомъ, другимъ, иногда восклицаніемъ, часто вовсе неотнесившимся къ дѣлу. «Да что съ тобой, Вася?» закричалъ онъ наконецъ, едва догоняя его: «не-уже-ли ты такъ беспокоишься?...»—Ахъ братъ, полно болтать! отвѣтилъ Вася даже съ досадою. — «Не унывай, Вася; полно», прервалъ Аркадій: «да я видывалъ, что ты и гораздо больше въ меньшій срокъ писывалъ... чего тебѣ! у тебя просто талантъ! Въ крайнемъ случаѣ, можно даже ускорить перо: вѣдь не литографировать же на прописи будутъ. Успѣешь!.. вотъ развѣ только ты вволюванъ теперь, разсѣянъ, такъ работа тяжелѣе пойдетъ...» Вася не отвѣчалъ или пробормоталъ что-то подъ носъ, и оба въ рѣшительной тревогѣ добѣжали домой.

Вася тотчасъ же сѣлъ за бумаги. Аркадій Ивановичъ присмирѣлъ и притихъ, въ тихомолву раздѣлся и легъ на кровать, не спуская глазъ съ Васи... Какой-то страхъ нашелъ на него... Что съ нимъ? сказалъ онъ про себя, смотря на поблѣднѣвшее лицо Васи, на разгорѣвшіеся глаза его, на беспокойство, выказавшееся въ каждомъ движеніи; «у него и рука дрожить... фу ты, право! да не посоветовать ли ему заснуть часа два; хоть бы онъ переспалъ свое раздраженіе.» Вася только что окончилъ страницу, поднялъ глаза, нечаянно взглянулъ на Аркадія и, тотчасъ же потупившись, схватился опять за перо.

— Послушай, Вася, началъ вдругъ Аркадій Ивановичъ: — не лучше ль было бы тебѣ переспать немножко? Смотри, ты совсѣмъ въ лихорадкѣ...

Вася съ досадою, даже со злостью, взглянулъ на Аркадія и не отвѣчалъ.

— Послушай, Вася, что ты надъ собой дѣлаешь?.. Вася тотчасъ одумался...

— Не выпить ли чайку, Аркаша? сказалъ онъ.

— Какъ такъ? зачѣмъ?

— Силы придастъ. Я спать не хочу, ужъ я спать не буду! я все буду писать. А теперь и отдохнулъ бы за чаемъ, да и мгновеніе тяжелое перешло бы.

— Лихо, братъ Вася, чудесно! именно такъ; я самъ хотѣлъ предложить. Но я дивлюсь, какъ мнѣ самому не пришло это въ голову. Только знаешь ли что? Мавра не встанетъ, ни за что не проснется...

— Да...

— Вздоръ, ничего! закричалъ Аркадій Ивановичъ, вскочивъ босикомъ съ постели. — Я самъ самоваръ поставлю. Въ первой что ли мнѣ?..

Аркадій Ивановичъ побѣжалъ въ кухню и пустился хлопотать съ самоваромъ; Вася покамѣстъ

писалъ. Аркадій Ивановичъ одѣлся и сбѣгалъ сверхъ-того въ булочную, за тѣмъ, чтобъ Вася могъ исполнѣ подкрѣпить себя на ночь. Черезъ четверть часа, самоваръ стоялъ на столѣ. Они начали пить, но разговоръ не клеился. Вася все былъ разсѣянъ.

— Вотъ, сказалъ онъ наконецъ, какъ-будто одумавшись:—нужно завтра пойти поздравлять...

— Тебѣ вовсе не нужно.

— Нѣтъ, братъ, нельзя, сказалъ Вася...

— Да я за тебя у всѣхъ роспишусь... чего тебѣ ты завтра работай. Сегодня бы ты посидѣлъ часовъ до пяти, какъ я говорилъ, а тамъ и заснулъ бы. А то на что ты завтра будешь похожъ? Я бы тебя ровно въ восемь часовъ разбудилъ...

— Да хорошо ли это будетъ, что ты за меня роспишешься? сказалъ Вася полусоглашаясь.

— Да чего же лучше? такъ дѣлаютъ всѣ!..

— Право, боюсь...

— Да чего же, чего?

— Оно знаешь, у другихъ ничего, а Юліанъ Мастаковичъ—онъ, Аркаша, мой благодѣтель; ну, какъ замѣтить, что чужая рука...

— Замѣтить! Ну, какой ты, право, Васюк! ну какъ онъ можетъ замѣтить?.. Да вѣдь я, знаешь, твое имя ужасно какъ похоже подписываю и завитокъ такой же дѣлаю, ей-Богу. Полно; что ты! кому тутъ замѣтить?..

Вася не отвѣчалъ и поспѣшно допивалъ свой стаканъ... Потомъ онъ сомнительно покачалъ головою.

— Вася голубчик! ахъ, кабы намъ удалось! Вася, да что съ тобою? Ты меня просто пугаешь! Знаешь, я теперь и не лягу, Вася, не засну. Покажи мнѣ, много ль осталось тебѣ?

Вася такъ взглянулъ на него, что у Аркадія Ивановича сердце повернулось и языкъ оскѣся.

— Вася! что съ тобой? что ты? чего ты такъ стотришь?

— Аркадій, я, право, пойду завтра поздравить Юліана Мастаковича.

— Ну, ступай, пожалуй! говорилъ Аркадій, смотря на него во всѣ глаза въ томительномъ ожиданіи.

— Послушай, Вася, ускорь перо; я зла тебѣ не совѣтую, ей-Богу же такъ! Сколько разъ говорилъ самъ Юліанъ Мастаковичъ, что у тебя въ перѣ ему всего болѣе нравится четкость! Вѣдь это Скороплѣхинъ только любить, чтобъ было четко и красиво, какъ пропись, чтобъ потомъ какъ-нибудь зажить бумажку, да дѣтямъ домой нести переписывать: не можетъ купить, болванъ, прописей! А Юліанъ Мастаковичъ только и говоритъ, только и требуетъ: четко, четко и четко!.. чего же тебѣ! право! Вася, я ужъ не знаю, какъ и говорить съ тобой... Я боюсь даже... Ты меня убиваешь тоской своей.

— Ничего, ничего! говорилъ Вася и въ изнеможеніи упалъ на стулъ.—Аркадій встревожился.

— Не хочешь ли воды? Вася! Вася!

— Полно, полно, сказалъ Вася, сжимая его руку.—Я ничего; мнѣ только стало какъ-то грустно, Аркадій. Я даже и самъ не могу сказать отчего. Послушай, говори лучше о другомъ; не напоминай мнѣ...

— Успокойся, ради Бога, успокойся, Вася. Ты закончишь, ей-Богу закончишь! А хоть бы и не закончилъ, такъ что жъ за бѣда? Точно преступленіе какое!

— Аркадій, сказалъ Вася, такъ значительно смотря на своего друга, что тотъ рѣшительно испугался, ибо никогда Вася не тревожился такъ ужасно. Еслѣбъ я былъ одинъ, какъ прежде... Нѣтъ! я не то говорю. Мнѣ все хочется тебѣ сказать, повѣрить, какъ другу... Впрочемъ, зачѣмъ же беспокоить тебя?.. Видишь, Аркадій, однимъ дано многое, другіе дѣлаютъ маленькое, какъ я. Ну, если отъ тебя потребовали благодарности, признательности—и ты бы не могъ этого сдѣлать?..

— Вася! я рѣшительно не понимаю тебя!

— Я никогда не былъ не благодаренъ, продолжалъ Вася тихо, какъ будто разсуждая самъ съ собою.— Но если я не въ состояніи высказать всего, что чувствую, то оно какъ будто-бы... Оно, Аркадій, выйдетъ, какъ-будто я и въ самомъ дѣлѣ неблагодаренъ, а это меня убиваетъ.

— Да что жъ, да что! Не-уже-ли же въ томъ вся благодарность, что ты перепишешь къ сроку? Подумай, Вася, что ты говоришь! развѣ въ этомъ выражается благодарность?

Вася вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ во всѣ глаза на Аркадія, какъ-будто его неожиданный аргументъ разрушилъ всѣ сомнѣнія. Онъ даже улыбнулся, но тотчасъ же принялъ опять прежнее задумчивое выраженіе. Аркадій, припавъ эту улыбку за окончаніе всѣхъ страховъ, а тревогу, опять явившуюся, за рѣшимость на что-нибудь лучшее, крайне обрадовался.

— Ну, братъ Аркаша, проснешься, сказалъ Вася:—взгляни на меня; неравно я засну, бѣда будетъ; а теперь я сажусь за работу... Аркаша?

— Что?

— Нѣтъ, я такъ только, я ничего... я хотѣлъ...

Вася усѣлся и замолчалъ, Аркадій улегся. Ни тотъ, ни другой не сказали двухъ словъ о коломенскихъ. Можетъ быть, оба чувствовали, что провинились немножко, покутили нектати. Вскорѣ Аркадій Ивановичъ заснулъ, все тоскуя объ Васѣ. Къ удивленію своему, онъ проснулся ровно въ восьмомъ часу утра. Вася спалъ на стулѣ, держа въ рукѣ перо, блѣдный и утомленный; свѣчка сгорѣла. Въ кухнѣ возилась Мавра за самоваромъ.

— Вася, Вася! закричалъ Аркадій въ испугъ... когда ты легъ?

Вася открылъ глаза и вскочилъ со стула...

— Ахъ! сказалъ онъ:—я такъ и заснулъ!..

Онъ тотчасъ же бросился къ бумагамъ—ничего: все было въ порядкѣ; ни чернилами, ни саломъ отъ свѣчки не капнуло.

— Я думаю, я заснулъ часовъ въ шесть, ска-

залъ Вася. — Какъ ночью холодно! Выпьемъ-ка чаю, и я опять...

— Подерѣвился ли ты?

— Да-да, ничего, теперь ничего!..

— Съ Новымъ годомъ, братъ Вася.

— Здравствуй, братъ, здравствуй; тебя также, милый.

Они обнялись.—У Васи дрожалъ подбородокъ и повлажнѣли глаза. Аркадій Ивановичъ молчалъ: ему стало горько; оба пили чай на-скоро...

— Аркадій! Я рѣшилъ, я самъ пойду къ Юліану Мастаковичу...

— Да вѣдь онъ не замѣтитъ...

— Да меня-то, братъ, почти мучить совѣсть.

— Да вѣдь ты для него же сидишь, для него же убиваешься... полно! А я, знаешь что, братъ, я зайду туда...

— Куда? спросилъ Вася...

— Къ Артемьевымъ, поздравлю съ моей и съ твоей стороны.

— Голубчикъ мой, миленькій! Ну! я здѣсь останусь; да, я вижу, что ты хорошо придумалъ; вѣдь я же тутъ работаю, не въ праздности время провожу! Пстой на минутку, я тотчасъ письмо напишу.

— Пиши, братъ, пиши, успѣешь; я еще умоюсь, побрѣжусь, фрякъ почищу. Ну, братъ Вася, мы будемъ довольны и счастливы! Обними меня, Вася!

— Ахъ, кабы, братъ!..

— Здѣсь живетъ господинъ чиновникъ Шумковъ? раздался дѣтскій голосокъ на лѣстницѣ...

— Здѣсь, батюшка, здѣсь, проговорила Мавра, впуская гостя...

— Что тамъ? что, что? закричалъ Вася, вспрыгнувъ со стула и бросаясь въ переднюю. — Петинька, ты?...

— Здравствуйте, съ Новымъ годомъ васъ честь имѣю поздравить, Василий Петровичъ, сказалъ хорошенекій черноволосый мальчикъ лѣтъ десяти, въ кудряшкахъ:—сестрица вамъ кланяется, и маменька тоже, а сестрица велѣла васъ поцаловать отъ себя...

Вася вскинулъ на воздухъ посланника и влѣпилъ въ его губки, которые ужасно походили на лизанькины, медовый, длинный, восторженный поцалуй.—Цалуй, Аркадій!—говорилъ онъ, передавъ ему Петю, и Петя, не касаясь земли, тотчасъ же перешелъ въ мощныя и жадныя въ полномъ смыслѣ слова объятія Аркадія Ивановича.

— Голубчикъ ты мой, хочешь чайку?

— Покорно благодарю-съ. Ужъ мы пили! Сегодня поднялись рано. Наши къ обѣднѣ ушли. Сестрица два часа меня завивала, напонадила, умыла, панталончики мнѣ зашила, потому-что я ихъ разодралъ вчера съ Сашей, на улицѣ: мы въ снѣжки стали играть...

— Ну-ну-ну-ну!

— Ну, все меня наряжала къ вамъ идти: потомъ напонадила, а потомъ зацаловала совсѣмъ, говорить: «сходи къ Васѣ, поздравь, да спроси,

довольны ли они, покойно ли почивали и еще... и еще что-то спросить—да! и еще кончено ль дѣло, объ которомъ вы вчера... тамъ какъ-то... да вотъ, у меня записано, сказалъ мальчикъ, читая по бумажкѣ, которую вынулъ изъ кармана:—да! безпокоились.

— Будетъ кончено! будетъ! такъ ей и скажи, что будетъ, непременно кончу, честное слово!

— Да еще... ахъ! я и забылъ; сестрица записочку и подарокъ прислала, а я и забылъ!..

— Боже мой!... Ахъ ты голубчикъ мой! гдѣ... гдѣ? вотъ-а?! Смотри, братъ, что мнѣ пишетъ. Голу-бушка, миленькая! Знаешь, я вчера видѣлъ у ней бумажничъ для меня; онъ не конченъ, такъ вотъ, говорить, посылаю вамъ локонъ волосъ моихъ, а то отъ васъ не уйдетъ. Смотри, братъ, смотри!

И потрясенный отъ восторга Вася показывалъ локонъ густѣйшихъ, чернѣйшихъ въ свѣтѣ волосъ Аркадію Ивановичу; потомъ горячо поцаловалъ ихъ и спряталъ въ боковой карманъ, поближе къ сердцу.

— Вася! Я тебѣ медальонъ закажу для этихъ волосъ! рѣшительно сказалъ наконецъ Аркадій Ивановичъ.

— А у насъ жаркое телятина будетъ, а потомъ завтра мозги; маменька хочетъ бисквиты готовить... а пшенной каши не будетъ, сказалъ мальчикъ, подумавъ, какъ заключить свои рассказы.

— Фу, какой хорошенекій мальчикъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ. — Вася, ты счастливѣйшій смертный!

Мальчикъ кончилъ чай, получилъ записочку тысячу поцалуетъ и вышелъ счастливый и рѣзвый по-прежнему.—Ну, братъ, заговорилъ обрадованный Аркадій Ивановичъ:—видишь, какъ хорошо, видишь! Все уладилось къ лучшему, не горюю, не робѣю! вперед! Кончай, Вася, кончай! Въ два часа я домой; зайду къ нимъ, потомъ къ Юліану Мастаковичу...

— Ну, прощай, братъ, прощай... Ахъ, кабы!.. Ну, хорошо, ступай, хорошо, сказалъ Вася: — я, братъ, рѣшительно не пойду къ Юліану Мастаковичу.

— Прощай!

— Стой, братъ, стой; скажи имъ... ну, все, что найдешь; ее поцалуй... да Расскажи, братецъ, все потомъ, Расскажи...

— Ну ужъ, ну ужъ—извѣстно, знаемъ что! Это счастье перевернуло тебя! Это неожиданность; ты самъ не свой со вчерашняго дня. Ты еще не отдохнулъ отъ вчерашнихъ своихъ впечатлѣній. Ну, конечно! оправься, голубчикъ Вася! Прощай, прощай!

Наконецъ, друзья разстались. Все утро Аркадій Ивановичъ былъ разсѣянъ и думалъ только объ Васѣ. Онъ зналъ слабый, раздражительный характеръ его. Да, это счастье перевернуло его, а не ошибся! говорилъ онъ самъ про себя:—Боже мой! Онъ и на меня нагналъ тоску. И изъ чего

этотъ человѣкъ способенъ поднять трагедію! Экая горячка какая! Ахъ его нужно спасти! нужно спасти! проговорилъ Аркадій, самъ не замѣчая того, что въ своемъ сердцѣ уже возвелъ до бѣды подимому маленькія домашнія непріятности, въ сущности ничтожныя. Только въ одиннадцать часовъ попалъ онъ въ швейцарскую Юліана Мастаковича, чтобъ применить свое скромное имя къ длинному столбцу почтительныхъ лицъ; расппсавшихся въ швейцарской, на листѣ закапанной и кругомъ изчерченной бумаги. Но каково было его удивленіе, когда передъ нимъ мелкнула собственная подпись Васи Шумкова! Это его поразило.—Что съ нимъ дѣлается? подумалъ онъ. Аркадій Ивановичъ, взгравшій еще недавно надеждой, вышелъ разстроенный. Дѣйствительно, приготовлялась бѣда; но гдѣ? но какая?

Въ Коломну онъ пріѣхалъ съ мрачными мыслями, былъ разсѣянъ сначала, но, поговоривъ съ Лизанькой, вышелъ со слезами на глазахъ, потому что рѣшительно испугался за Васю. Домой онъ пустился бѣгомъ и на Невѣ носомъ къ носу столкнулся съ Шумковымъ. Тотъ тоже бѣжалъ.

— Куда ты? закричалъ Аркадій Ивановичъ.

Вася остановился какъ пойманный въ преступленіи.

— Я братъ, такъ; я прогуляться хотѣлъ.

— Не утерпѣлъ, въ Коломну шелъ? Ахъ, Вася, Вася! Ну, зачѣмъ ты ходилъ къ Юліану Мастаковичу?

Вася не отвѣчалъ; но потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Аркадій! я не знаю, что со мной дѣлается! я...

— Полно, Вася, полно! вѣдь я знаю, что это такое. Успокойся! ты взволнованъ и потрясенъ со вчерашняго дня! Подумай: ну какъ не снести этого! Всѣ-то тебя любятъ, всѣ-то охло тебя ходятъ, работа твоя подвигается, ты ее кончишь, непременно кончишь, я знаю: ты воображилъ что забудь, у тебя страхи какіе-то...

— Нѣтъ, ничего, ничего...

— Помнишь, Вася, помнишь, вѣдь это было съ тобою; помнишь, когда ты чинъ получилъ, ты отъ счастья и отъ благодарности удвоилъ ревность и недѣлю только портилъ работу. Съ тобой и теперь то же самое...

— Да, да, Аркадій; но теперь другое, теперь совсѣмъ не то...

— Да какъ не то, помилуй! И дѣло-то, можетъ быть, вовсе не спѣшное, а ты себя убиваешь...

— Ничего, ничего, я только такъ. Ну, пойдемъ!

— Что жъ ты домой, а не къ нимъ?

— Нѣтъ, братъ, съ какимъ я лицомъ явлюсь?.. Я раздумалъ. Я только одинъ безъ тебя не выси-дѣлъ; а вотъ ты теперь со мной, такъ я и сяду писать. Пойдемъ!

Они пошли и нѣкоторое время молчали. Вася сиѣшилъ.

— Что жъ ты меня не разспрашиваешь объ нихъ? сказалъ Аркадій Ивановичъ.

— Ахъ, да! Ну, Аркашинька, что жъ?

— Вася, ты на себя не похожъ!

— Ну, ничего, ничего. Расскажи же мнѣ все, Аркаша! сказалъ Вася умоляющимъ голосомъ, какъ будто избѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Аркадій Ивановичъ вздохнулъ. Онъ рѣшительно терялся смотря на Васю.

Рассказъ о коломенскихъ оживилъ его. Онъ даже разговаривалъ. Они пообѣдали. Старушка на-ложила бискупитами полный карманъ Аркадія Ивановича, и пріятеля, кушая ихъ, развеселились. Послѣ обѣда Вася общалъ заснуть, чтобъ просидѣть всю ночь. Онъ дѣйствительно легъ. Утромъ кто-то, передъ кѣмъ нельзя было отказаться, позвалъ Аркадія Ивановича на чай. Друзья разстались. Аркадій положилъ прійти какъ можно раньше, если можно, даже въ восемь часовъ. Три часа разлуки прошли для него какъ три года. Наконецъ, онъ вырвался къ Васѣ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ, что все темно. Васи не было дома. Онъ спросилъ Мавру. Мавра сказала, что все писалъ и не спалъ ничего, потомъ ходилъ по комнатамъ, а потомъ, часъ тому назадъ, убѣжалъ, сказавъ, что черезъ полчаса будетъ; «а когда-молъ Аркадій Ивановичъ прійдутъ, такъ скажи-молъ, старуха», заключила Мавра, «что гуляютъ я пошелъ, и три, не то, молъ, четыре раза наказы-валъ».

— У Артемьевыхъ онъ! подумалъ Аркадій Ивановичъ, и покачалъ головой.

Черезъ минуту онъ вскочилъ, оживленный надеждой. Онъ просто кончилъ, подумалъ онъ: вотъ и все; не утерпѣлъ да и убѣжалъ туда. Впрочемъ, нѣтъ! Онъ меня бы дождался... Взгляну-ка я, что тамъ у него!

Онъ зажегъ свѣчку и бросился къ письменному столу Васи: работа шла, и, казалось, до конца было не такъ далеко. Аркадій Ивановичъ хотѣлъ было изслѣдовать дальше, но вдругъ вошелъ Вася...

— А! ты здѣсь? закричалъ онъ, вздрогнувъ отъ испуга...

Аркадій Ивановичъ молчалъ. Онъ боялся спросить Васю. Тотъ потупилъ глаза и тоже молча началъ разбирать бумаги. Наконецъ глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Васи былъ такой, просящій, умоляющій, убитый, что Аркадій вздрогнулъ, когда встрѣтилъ его. Сердце его задрожало и переполнилось...

— Вася, братъ мой, что съ тобой? что ты? закричалъ онъ, бросаясь къ нему и сжимая его въ объятіяхъ:—объяснись со мной; я не понимаю тебя и тоски твоей; что съ тобой, мученикъ ты мой? что? Скажи мнѣ все безъ утайки. Не можетъ быть, чтобъ это одно...

Вася крѣпко прижался къ нему и не могъ ничего говорить. Духъ его захватило.

— Полно, Вася, полно! Ну, не кончить тебѣ, что жъ такое? Я не понимаю тебя; открой, мнѣ мученія свои. Видишь ли, я для тебя... Ахъ, Боже мой, Боже мой! говорилъ онъ, шагая по комнатѣ

и хватаясь за все, что ни попадалось ему под руки, какъ будто немедленно ища лекарства для Васи. Я самъ завтра, вмѣсто тебя, пойду къ Юліану Мастаковичу, буду просить, умолять его, чтобъ далъ еще день отсрочки. Я объясню ему все, все, если только это такъ тебя мучаетъ...

— Боже тебя сохрани! вскричалъ Вася и побѣлѣлъ какъ стѣна. Онъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Вася, Вася!..

Вася очнулся. Губы его дрожали; онъ хотѣлъ что-то выговорить и только молча, судорожно пожималъ руку Аркадія... Рука его была холодна. Аркадій стоялъ передъ нимъ полный тоскливаго и мучительнаго ожиданія. Вася опять поднялъ на него глаза.

— Вася! Богъ съ тобой, Вася! Ты истерзалъ мое сердце, другъ мой, милый ты мой.

Слезы градомъ хлынули изъ глазъ Васи; онъ бросился на грудь Аркадія.

— Я обманулъ тебя, Аркадій! говорилъ онъ: — я обманулъ тебя; прости меня, прости! Я обманулъ твою дружбу...

— Что, что, Вася? что жъ такое? спросилъ Аркадій, рѣшительно въ ужасѣ.

— Вотъ!..

И Вася съ отчаяннымъ жестомъ выбросилъ на столъ изъ ящика шесть толстѣйшихъ тетрадей, подобныхъ той, которую онъ переписывалъ.

— Что это?

— Вотъ, что мнѣ нужно приготовить къ послѣзавтрашнему дню. Я и четвертой доли не сдѣлалъ!

— Не спрашивай, не спрашивай... какъ это сдѣлалось! продолжалъ Вася, самъ тотчасъ заговоривъ о томъ, что такъ его мучило. Аркадій, другъ мой! Я не знаю самъ, что было со мной! Я какъ будто изъ какого сна выхожу. Я цѣлыя три недѣли потерялъ даромъ. Я все... я... ходилъ къ ней... У меня сердце болѣло, я мучился... незвѣстностью... я и не могъ писать. Я и не думалъ объ этомъ. Только теперь, когда счастье настаетъ для меня, я очнулся.

— Вася! началъ Аркадій Ивановичъ рѣшительно: — Вася! я спасу тебя. Я понимаю все это. Это дѣло не шутка. Я спасу тебя! Слушай, слушай меня: я завтра же иду къ Юліану Мастаковичу... Не качай головой, нѣтъ, слушай! Я расскажу ему все какъ было; позволь ужъ мнѣ сдѣлать такъ... Я объясню ему... я на все пойду! Я расскажу ему, какъ ты убить, какъ ты мучишься.

— Знаешь ли, что ты ужъ теперь убиваешь меня? проговорилъ Вася, весь похолодѣвъ отъ испуга.

Аркадій Ивановичъ поблѣднѣлъ было, но одумался и тотчасъ же разсмѣялся.

— Только-то? только это? сказалъ онъ. — Помилуй, Вася, помилуй! не стыдно ли? Ну, послушай! Я вижу, что огорчаю тебя. Видишь, я понимаю тебя: я знаю, что въ тебѣ происходитъ. Вѣдь ужъ мы пять лѣтъ вмѣстѣ живемъ, слава Богу! Ты добрый, нѣжный такой, но слабый, непрости-

тельно слабый. Вѣдь ужъ и Лизавета Михайловна это замѣтила. Ты, кромѣ того, и мечтатель, а вѣдь это тоже нехорошо: свихнуться, братъ, можно! Послушай, вѣдь я знаю, чего тебѣ хочется! Тебѣ хочется, напимѣръ, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ былъ внѣ себя и еще, пожалуй, задалъ бы балъ отъ радости, что ты женишься... Ну, постой, постой! Ты морщишься. Видишь, ужъ отъ одного моего слова ты обидѣлся за Юліана Мастаковича! Я оставлю его. Я вѣдь и самъ его уважаю не меньше твоего! Но ужъ ты меня не оспоришь, и не откажешь мнѣ думать, что ты бы желалъ, чтобъ не было даже и несчастныхъ на землѣ, когда ты женишься... Да, братъ, ты ужъ согласись, что тебѣ бы хотѣлось, чтобъ у меня, напимѣръ, твоего лучшаго друга, стало вдругъ тысячъ сто капитала; чтобъ всѣ враги, какіе ни есть на свѣтѣ, вдругъ бы, ни съ того, ни съ сего, помирились, чтобъ всѣ они обнялись среди улицы отъ радости, и потомъ сюда къ тебѣ на квартиру, пожалуй, въ гости пришли. Другъ мой! милый мой! я не смѣюсь, это такъ; ты ужъ давно мнѣ все почти такое же въ разныхъ видахъ представлялъ. Потому что ты счастливъ, ты хочешь, чтобъ всѣ, рѣшительно всѣ сдѣлались разомъ счастливыми. Тебѣ больно, тяжело одному быть счастливымъ! Потому ты хочешь сейчасъ всѣми силами быть достойнымъ этого счастья, и, пожалуй, для очистки совѣсти сдѣлать подвигъ какойнибудь! Ну, я и понимаю, какъ ты готовъ себя мучить за то, что тамъ, гдѣ бы нужно было показать свое радѣніе, умѣнье... ну, пожалуй, благодарность, какъ ты говоришь, ты вдругъ манкировалъ! Тебѣ ужасно горько при мысли, что Юліанъ Мастаковичъ поморщится и даже разсердится, когда увидитъ, что ты не оправдалъ надеждъ, которыя онъ возложилъ на тебя. Тебѣ больно думать, что ты услышишь упреки отъ того, кого считаешь своимъ благодѣтелемъ—и въ какую минуту! Когда у тебя радостью переполнено сердце и когда ты не знаешь, на кого излить свою благодарность... Вѣдь такъ, не правда ли? Вѣдь такъ?

Аркадій Ивановичъ, у котораго дрожалъ голосъ оканчивая, замолчалъ и перевелъ духъ.

Вася смотрѣлъ съ любовью на своего друга. Улыбка скользила по губамъ его.

Даже какъ будто ожиданіе надежды оживило лицо его.

— Ну, такъ слушай же, началъ снова Аркадій, еще болѣе вдохновенный надеждою; — такъ и не нужно, чтобъ Юліанъ Мастаковичъ измѣнилъ къ тебѣ свою благосклонность. Такъ ли, голубчикъ мой? въ этомъ вопросъ? А коль въ этомъ, такъ я же—сказалъ Аркадій, вскочивъ съ мѣста: — я же пожертвую собой для тебя. Я завтра ѣду къ Юліану Мастаковичу... И не противорѣчь мнѣ! Ты, Вася, свой проступокъ до преступленія возводишь. А онъ, Юліанъ Мастаковичъ, великодушнѣе и милосердѣе, да къ тому же, не таковъ, какъ ты! Онъ, братъ Вася, насъ съ тобой выслушаетъ и изъ бѣды вывезетъ. Ну! спокоенъ ли ты?

Вася со слезами на глазах сжал руку Аркадія. — Полно, Аркадій, полно, сказалъ онъ: — дѣло рѣшеное. Ну, я не кончилъ, ну и хорошо; не кончилъ, такъ не кончилъ. И тебѣ ходить не нужно: я самъ все расскажу, самъ пойду. Я теперь успокоился, я совершенно спокоенъ; только ты не ходи... Да послушай.

— Вася, дорогій ты мой! вскричалъ въ радости Аркадій Ивановичъ: — я по твоимъ словамъ говорилъ; я радъ, что ты одумался и оправился. Но что бы съ тобой ни было, что бы ни случилось, я при тебѣ, это помни! Я вижу, тебя терзаетъ то, чтобъ я не говорилъ ничего Юліану Мастаковичу — и не скажу, ничего не скажу, ты самъ скажешь. Видишь ли: ты завтра пойдешь... или нѣтъ, ты не пойдешь, ты здѣсь будешь писать, понимаешь? а я тамъ узнаю, какое это дѣло, очень ли спѣшное или нѣтъ, нужно ли его къ сроку или нѣтъ, и если просрочишь, такъ что можетъ выйти изъ этого? Потомъ я къ тебѣ прибѣгу... Видишь, видишь! ужъ есть надежда; ну, представь, что дѣло не спѣшное — вѣдь выиграть можно. Юліанъ Мастаковичъ можетъ не напомнить, и тогда все спасено.

Вася сомнительно покачалъ головою. Но благодарный взоръ его не сходилъ съ лица друга.

— Ну, полно, полно! Я такъ слабъ, такъ усталъ, говорилъ онъ задыхаясь: — мнѣ и самому объ этомъ думать не хочется. Ну, поговоримъ о другомъ! Я, видишь ли, и писать, пожалуй, не буду теперь, а только такъ, двѣ странички только окончу, чтобъ дойти хоть до какой нибудь точки. Послушай... я давно хотѣлъ спросить тебя: какъ это ты такъ хорошо меня знаешь?

Слезы капали изъ глазъ Васи на руки Аркадія. — Еслибъ ты зналъ, Вася, до какой степени я люблю тебя, такъ ты бы не спросилъ этого — да!

— Да, да, Аркадій, я не знаю этого, потому... потому что я не знаю, за что ты меня такъ любилъ! Да, Аркадій, знаешь ли, что даже твоя любовь меня убивала? Знаешь ли, что сколько разъ я, особенно ложась спать и думая объ тебѣ (потому что и всегда думаю объ тебѣ, когда засыпаю), я обливался слезами и сердце мое дрожало отъ того, отъ того... Ну, отъ того, что ты такъ любилъ меня, а я ничѣмъ не могъ облегчить своего сердца, ничѣмъ тебя возблагодарить не могъ...

— Видишь, Вася, видишь, какой ты!.. Смотри, какъ ты разстроенъ теперь, говорилъ Аркадій, у котораго душа изныла въ эту минуту и который вспомнилъ про вчерашнюю сцену на улицѣ.

— Полно; ты хочешь, чтобъ я успокоился, а я никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ! Знаешь ли... Послушай, мнѣ бы хотѣлось тебѣ все рассказать, да я все боюсь тебя огорчить... Ты все огорчаешься и кричишь на меня; а я пугаюсь... смотри, какъ я дрожу теперь, я не знаю отъ чего. Видишь ли, вотъ что мнѣ сказать хочется. Мнѣ кажется, не зналъ себя прежде — да! да и другихъ тоже вчера только узналъ. Я, братъ, не чувство-

валъ, не цѣнилъ исполнѣ. Сердце... во мнѣ было черство... Слушай, какъ это случилось, что никому-то, никому я не сдѣлалъ добра на свѣтѣ, потому что сдѣлать не могъ — даже и видомъ-то я не пріятенъ... А всякой-то мнѣ дѣлалъ добро! Вотъ ты первый: развѣ я не вижу. Я только молчалъ, только молчалъ!

— Вася, полно!

— Что жъ, Аркаша! Что жъ!.. Я вѣдь ничего... прервалъ Вася, едва выговаривая слова отъ слезъ. — Я тебѣ говорилъ вчера про Юліана Мастаковича. И вѣдь самъ ты знаешь, онъ строгій, суровый такой, даже ты нѣсколько разъ на замѣчанье къ нему попадалъ, а со-мной онъ вчера шутить вздумалъ, ласкать, и доброе сердце свое, которое передъ всѣми благоразумно скрываетъ, открылъ мнѣ...

— Ну что жъ, Вася? Это только показываетъ, что ты достоинъ своего счастья.

— Ахъ, Аркаша! какъ мнѣ хотѣлось кончить это все дѣло!.. Нѣтъ, я сгублю свое счастье! У меня есть предчувствіе! да нѣтъ, не черезъ это, перебилъ Вася, за тѣмъ, что Аркадій покосился на сто-пудовое, спѣшное дѣло, лежавшее на столѣ: — это ничего, это бумага писаная... вздоръ! Это дѣло рѣшеное... я... Аркаша, былъ сегодня тамъ, у нихъ... я вѣдь не входилъ. Мнѣ тяжело было, горько! Я только простоялъ у дверей. Она играла на фортепьяно, я слушалъ. Видишь, Аркадій, сказалъ онъ, понижая голосъ: — я не посмѣлъ войти...

— Послушай, Вася, что съ тобой? ты такъ на меня смотришь?

— Что? ничего? мнѣ не много дурно; ноги дрожать; это отъ того, что я ночью сидѣлъ. Да! у меня въ глазахъ зеленѣетъ. У меня здѣсь, здѣсь...

Онъ показалъ на сердце. Съ нимъ сдѣлался обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Аркадій хотѣлъ принять насильственные мѣры. Онъ хотѣлъ уложить его насильно въ постель. Вася не согласился ни за что. Онъ плакалъ, ломалъ себѣ руки, хотѣлъ писать, хотѣлъ непремѣнно докончить свои двѣ страницы. Чтобъ не разгорячить его, Аркадій допустилъ его до бумагъ.

— Видишь, сказалъ Вася, усаживаясь на мѣсто: — видишь, и у меня идея пришла, есть надежда.

Онъ улыбнулся Аркадію, и бѣдное лицо его дѣйствительно какъ будто оживилось лучомъ надежды.

— Вотъ что: я понесу ему послѣ завтра не все. Про остальное солгу, скажу, что сгорѣло, что подмокло, что потерялъ... что, наконецъ, ну, не кончилъ, я лгать не могу. Я самъ объясню — знаешь что? я объясню ему все; я скажу: такъ и такъ, не могъ... я расскажу ему про любовь мою; онъ же самъ недавно женился, онъ пойметъ меня! Я сдѣлаю это все, разумѣется, почтительно, тихо; онъ увидитъ слезы мои, онъ тронется ими...

— Да, разумѣется, поди, поди къ нему объ-

снись... да тутъ и слезъ не нужно! изъ чего? Праву, Вася, ты и меня совсѣмъ запугаль.

— Да, я пойду, пойду. А теперь дай мнѣ писать, дай мнѣ писать, Аркаша. Я никого не тро- ну, дай мнѣ писать!

Аркадій бросился на постель. Онъ не довѣрялъ Васѣ, рѣшительно не довѣрялъ. Вася былъ способенъ на все. Но просить прощенія, въ чемъ, какъ? Дѣло было не въ томъ. Дѣло было въ томъ, что Вася не исполнилъ обязанностей, что Вася чувствуетъ себя виноватымъ *самъ предъ собою*, чувствуетъ себя неблагодарнымъ къ судьбѣ, что Вася подавленъ, потрясенъ счастьемъ и считаетъ себя его недостойнымъ что наконецъ онъ отыскалъ себѣ только предлогъ повихнуть на эту сторону, а что со вчерашняго дня еще не опомнился отъ своей неожиданности; вотъ что такое! подумалъ Аркадій Ивановичъ. Нужно спасти его. Нужно помирить его съ самимъ-собою. Онъ самъ себя отпѣваетъ.—Онъ думалъ, думалъ, да и рѣшилъ немедленно идти къ Юліану Мастаковичу, завтра же идти и рассказать ему все.

Вася сидѣлъ и писалъ. Измученный Аркадій Ивановичъ прилегъ, чтобъ пораздумать о дѣлѣ опять, и проснулся передъ разсвѣтомъ.

— Ай, чортъ! опять! закричалъ онъ, посмотрѣвъ на Васю; тотъ сидѣлъ и писалъ.

Аркадій бросился къ нему, обхватилъ его и сильно уложилъ въ постель. Вася улыбался: глаза его смыкались отъ слабости. Онъ едва могъ говорить.

— Я и самъ хотѣлъ лечь, сказалъ онъ.—Знаешь, Аркадій, у меня есть идея; я кончу. Я *ускорилъ* перо! Дальше сидѣть я былъ неспособенъ; разбуди меня въ восемь часовъ.

Онъ не договорилъ и заснулъ какъ убитый.

— Мавра! шопотомъ сказалъ Аркадій Ивановичъ Маврѣ вносившей чай:—онъ просилъ разбудить его черезъ часъ. Ни подъ какимъ видомъ! пусть спитъ, хоть десять часовъ, понимаешь?

— Понимаю баринъ, батюшка.

— Обѣдать не готовъ, съ дровами не возись, не шуми, бѣда тебѣ! Коли спросить меня, скажи, что я въ должность ушелъ, понимаешь?

— Понимаю-ста, батюшка, баринъ; пусть почи- ваетъ въ волю, что мнѣ! Я рада барскому сну; и барское добро берегу. А наемднн, что чашку разбила и попрекать изволили, такъ это не я, это кошка-машка разбила, а я не догляди за ней; брысь, говорю, проклятая!

— Тсс, молчи, молчи!

Аркадій Ивановичъ выпроводилъ Мавру въ кухню, потребовалъ ключъ и заперъ ее тамъ на замокъ. Потомъ пошелъ на службу. Дорогою онъ раздумывалъ, какъ бы ему предстать къ Юліану Мастаковичу, и ловко ли и не дерзко ли будетъ? Въ должность пришелъ онъ съ робостью, и робко освѣдомился, тутъ ли его превосходительство; отвѣтили, что нѣтъ, да и не будетъ. Аркадій Ивановичъ мигомъ хотѣлъ идти къ нему на кварти-

ру, но весьма-кстати сообразилъ, что если Юліанъ Мастаковичъ не пріѣхалъ, такъ, стало быть, занятъ и дома. Онъ остался. Часы казались ему нескончаемыми. Подъ рукою онъ вывѣдывалъ о дѣлѣ порученномъ Шумкову. Но никто не зналъ ничего. Знали только, что Юліанъ Мастаковичъ изволилъ занимать его особыми порученіями—какими, не зналъ никто. Наконецъ, пробило три часа, и Аркадій Ивановичъ бросился домой. Въ прихожей остановилъ его одинъ писарь и сказалъ, что Василій Петровичъ Шумковъ приходилъ этакъ будетъ въ первомъ часу, и спрашивалъ, прибавилъ писарь: тутъ ли вы и не былъ ли тутъ Юліанъ Мастаковичъ. Услышавъ это, Аркадій Ивановичъ нанялъ извозчика и доѣхалъ домой внѣ себя отъ испуга.

Шумковъ былъ дома. Онъ ходилъ по комнатѣ чрезвычайно взволнованный. Взглянувъ на Аркадія Ивановича, онъ какъ будто тотчасъ оправился, одумался и поспѣшилъ скрыть свое волненіе. Онъ молча сѣлъ за бумаги. Казалось, онъ избѣгалъ вопросовъ своего друга, тяготился ими, самъ задумалъ кое-что про себя и уже рѣшился не открывать своего рѣшенія, за тѣмъ, что и на дружбу болѣе нельзя положиться. Это поразило Аркадія, и сердце его изныло отъ тяжелой, пронзительной боли. Онъ сѣлъ на кровать и развернулъ какую-то книжонку, единственную, бывшую въ его обладаніи, а самъ не спускалъ глазъ съ бѣднаго Васи. Но Вася упорно молчалъ, писалъ и не подымалъ головы. Такъ прошло нѣсколько часовъ, и мученія Аркадія возросли до послѣдней степени. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, Вася поднялъ голову, и тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Аркадія. Аркадій ждалъ. Прошло двѣ три минуты; Вася молчалъ. Вася! крикнулъ Аркадій. Вася не далъ отвѣта. Вася! повторилъ онъ, вскочивъ съ кровати: Вася, что съ тобой? что ты? закричалъ онъ, подбѣгая къ нему. Вася поднялъ голову, и опять посмотрѣлъ на него тѣмъ же тупымъ, не подвижнымъ взглядомъ. На него столбнякъ нашелъ! подумалъ Аркадій, весь дрожа отъ испуга. Онъ схватилъ графинъ съ водой, приподнял Васю, налилъ ему воды на голову, намочилъ виски, теръ руки въ своихъ рукахъ—и Вася очнулся. Вася, Вася! кричалъ Аркадій, заливаясь слезами, не удерживаясь болѣе:—Вася, не губи себя, вспомни! вспомни!.. Онъ не договорилъ и горячо сжималъ его въ своихъ объятіяхъ, Какое-то тягостное ощущеніе прошло по всему лицу Васи; онъ теръ себѣ лобъ и схватился за голову, словно боясь, что она разлетится.

— Не знаю, что это со мною, проговорилъ онъ наконецъ:—я, кажется, надорвался. Ну, хорошо хорошо! Полно, Аркадій, не печалься; полно! повторялъ онъ, смотря на него грустнымъ, изнеможеннымъ взглядомъ:—чего безпокоиться? полно!—Ты же, ты же меня утѣшаешь, закричалъ Аркадій у котораго разрывалось сердце.—Вася, сказалъ онъ наконецъ:—прилягъ, засни немножко, что

Не мучь себя по-напрасну! Лучше потомъ опять сядешь работать!—Да, да! повторялъ Вася:—пзволь! я лягу; хорошо; да! видишь ли, я хотѣлъ кончить, а теперь раздумалъ, да...—И Аркадій утащилъ его на постель.

— Слушай, Вася, сказалъ онъ твердо:—нужно окончательно рѣшить это дѣло! Скажи мнѣ, что ты задумалъ?

— Ахъ! сказалъ Вася, махнувъ ослабѣвшей рукой и повернувъ на другую сторону голову.

— Полно, Вася, полно! рѣшися! Я не хочу быть убійцей твоимъ: я не могу больше молчать. Ты не заснешь, коль не рѣшишься, я знаю.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, загадочно повторилъ Вася.

— Сдается! подумалъ Аркадій Ивановичъ.

— Послѣдуй мнѣ, Вася, сказалъ онъ:—вспомни, что я говорилъ, и я спасу тебя завтра; завтра я рѣшу твою участь! Что я говорю, участь! Ты такъ напугалъ меня, Вася, что я самъ толкую твоими словами. Какая участь! Просто вздоръ, пустяки! Тебѣ не хочется потерять расположеіе, любовь, если хочешь, Юліана Мастаковича, да! и не потеряешь, увидишь... Я...

Аркадій Ивановичъ еще долго бы говорилъ, но Вася прервалъ его. Онъ приподнялся на постели, молча обвилъ обѣими руками шею Аркадія Ивановича и поцѣловалъ его.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ голосомъ:—довольно! полно объ этомъ!

И онъ снова повернулъ къ стѣнѣ свою голову.

— Боже мой! думалъ Аркадій:—Боже мой! что съ нимъ? Онъ совсѣмъ потерялся; на что онъ рѣшился такое? Онъ погубить себя.

Аркадій смотрѣлъ на него въ отчаяніи.

— Еслибъ онъ заболѣлъ, думалъ Аркадій:—можетъ-быть, лучше бы было. Съ болѣзнью прошла бы забота, а тамъ можно бы отличнымъ образомъ уладить все дѣло. Но что я вру! Ахъ, Создатель мой!...

Между тѣмъ, Вася какъ будто задремалъ. Аркадій Ивановичъ обрадовался. Добрый знак! думалъ онъ. Онъ рѣшился сидѣть надъ нимъ всю ночь. Но самъ Вася былъ неспокоенъ. Онъ поминутно вздрагивалъ, метался на постели и на мгновеніе открывалъ глаза. Наконецъ, утомленіе взяло верхъ; казалось, онъ заснулъ какъ убитый. Было около двухъ часовъ утра, Аркадій Ивановичъ задремалъ на стулѣ, облокотясь локтемъ на столъ.

Сонъ его былъ тревоженъ и страненъ. Ему все казалось, что онъ не спитъ и что Вася по-прежнему лежитъ на постели. Но, странное дѣло! Ему казалось, что Вася притворяется, что онъ даже обманываетъ его и вотъ-вотъ встаетъ потихоньку, наблюдая его въ пол-глаза, и крадется за письменный столъ. Жгучая боль захватывала сердце Аркадія; ему было и досадно, и грустно, и тяжело видѣть Васю, который не довѣряетъ ему, таится отъ него и кроется. Онъ хотѣлъ обхватить его, закричать, унести на кровать... Тогда Вася вскри-

кивалъ у него на рукахъ, и онъ уносилъ на постель одинъ бездыханный трупъ. Холодный потъ проступалъ на лбу Аркадія, сердце его страшно билось. Онъ открылъ глаза и проснулся. Вася сидѣлъ передъ нимъ за столомъ и писалъ.

Не довѣряя чувствамъ своимъ, Аркадій взглянулъ на постель: тамъ не было Васи. Аркадій вскочилъ въ испугѣ, еще подъ вліяніемъ своихъ сновидѣній. Вася не шелохнулся. Онъ все писалъ. Вдругъ Аркадій съ ужасомъ замѣтилъ, что Васи водитъ по бумагѣ сухимъ перомъ, перевортываетъ совсѣмъ бѣлые страшныя и спѣшитъ, спѣшитъ наполнить бумагу, какъ будто онъ дѣлаетъ отличнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ дѣло! «Нѣтъ, это не столбнякъ!» подумалъ Аркадій Ивановичъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. «Вася, Вася! откликнись же мнѣ!» закричалъ онъ, схвативъ его за плечо. Но Вася молчалъ и по прежнему продолжалъ строчить сухимъ перомъ по бумагѣ.—Наконецъ, я *ускорилъ* перо, проговорилъ онъ, не поднимая головы на Аркадія.

Аркадій схватилъ его за руку и вырвалъ перо.

Стоявъ вырвался изъ груди Васи. Онъ опустилъ руку и поднялъ глаза на Аркадія, потомъ съ томительно-тоскливымъ чувствомъ провелъ рукою по лбу, какъ будто желая снять съ себя какой-то тяжелый, свинцовый грузъ, налегшій на все существо его, и тихо, какъ будто въ раздумьи, опустилъ на грудь голову.

— Вася, Вася! вскричалъ Аркадій Ивановичъ въ отчаяніи:—Вася!

Черезъ минуту, Вася посмотрѣлъ на него. Слезы стояли въ его большихъ голубыхъ глазахъ и блѣдное, кроткое лицо его выразило безконечную муку... Опъ что-то шепталъ.

— Что, что? закричалъ Аркадій, наклоняясь къ нему.

— За что же, за что меня? шепталъ Вася:—за что? Что я сдѣлалъ?

— Вася! что ты? чего ты боишься, Вася? чего? закричалъ Аркадій, ломая руки въ отчаяніи.

— За чтожъ меня въ солдаты-то отдавать? сказалъ Вася, посмотрѣвъ прямо въ глаза своего друга:—за что? что я сдѣлалъ?

Волосы стали дыбомъ на головѣ Аркадія; онъ не хотѣлъ вѣрить. Онъ стоялъ надъ нимъ, какъ убитый.

Черезъ минуту, онъ опомнился: это такъ, это мнунное! говорилъ онъ про себя, весь блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми губами, и бросился одѣваться. Онъ хотѣлъ бѣжать прямо за докторомъ. Вдругъ Вася кликнулъ его; Аркадій бросился на него и обнялъ его, какъ мать, у которой отнимають родное дитя...

— Аркадій, Аркадій, не говори никому! слышишь; моя бѣда! Пусть я одинъ и несую...

— Что ты? что ты? опомнись, Вася, опомнись! Вася вдохнулъ, и тихія слезы заструились по щекамъ его.

— За что же ее убивать? чѣмъ же она, чѣмъ

же она виновата!.. проворчалъ онъ мучительнымъ, раздражающимъ душу голосомъ: — мой грѣхъ, мой грѣхъ!..

Онъ замолчалъ на минуту.

— Прощай, моя любя! Прощай, моя любя! шепталъ онъ, качая бѣдной своей головою. Аркадій вздрогнулъ, очнулся и хотѣлъ броситься за докторомъ. — Идемъ! пора! закричалъ Вася, увлекшись послѣднимъ движеніемъ Аркадія. — Идемъ, братъ, идемъ; я готовъ! Ты меня проводи! — Онъ замолчалъ и взглянулъ на Аркадія убитымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Вася, не ходи за мной, Ради Бога! подожди меня здѣсь. Я сейчасъ, сейчасъ ворочусь къ тебѣ, говорилъ Аркадій Ивановичъ, самъ теряя голову и схвативъ фуражку, чтобы бѣжать за докторомъ. Вася усѣлся тотчасъ; онъ былъ тихъ и послушенъ, только въ глазахъ его сіяла какая-то отчаянная рѣшимость. Аркадій воротился, схватилъ со стола разогнутый перочинный ножичекъ, послѣдній разъ взглянулъ на бѣднягу и выбѣжалъ изъ квартиры.

Быль восьмой часъ. Свѣтъ уже давно разогналъ сумерки въ комнатѣ.

Онъ не нашелъ никого. Онъ бѣгалъ уже цѣлый часъ. Всѣ доктора, адреса которыхъ узнавалъ онъ у дворниковъ, навѣдываясь, не живетъ ли хоть какой нибудь докторъ въ домѣ, уже уѣхали, кто по службѣ, кто по своимъ дѣламъ. Былъ одинъ, который принималъ пациентовъ. Онъ долго и подробно спрашивалъ слугу, доложившаго, что пришелъ Нефедевичъ: отъ кого, кто и какъ, по какой надобности и какъ даже будетъ примѣтамъ ранній посѣтитель? — и заключилъ тѣмъ, что нельзя, дѣла много и ѣхать не можетъ, а что такого рода больныхъ нужно въ больницу везти.

Тогда убитый, потрясенный Аркадій, никакъ не ожидавшій подобной развязки, бросилъ все, всѣхъ докторовъ на свѣтѣ, и пустился домой, въ послѣдней степени испуга за Васю. Онъ вбѣжалъ въ квартиру. Мавра, какъ ни въ чемъ не бывала, мела полъ, ломала лучинки и готовилась печь топить. Онъ въ комнату — Васи и слѣдъ простылъ: онъ ушелъ со двора.

— Куда? гдѣ? куда побѣжитъ несчастный? подумалъ Аркадій, леденѣя отъ ужаса. Онъ началъ допрашивать Мавру. Та ничего не знала, не вѣдала, да и не слыхала, какъ вышелъ, прости его Господи! Нефедевичъ бросился къ коломенскимъ.

Ему Богъ знаетъ, отчего пришло на мысль, что онъ тамъ.

Быль уже десятый часъ, какъ онъ пріѣхалъ туда. Тамъ его не ждали, ничего не знали, не вѣдали. Онъ стоялъ передъ ними испуганный, разтроганный, и спрашивалъ, гдѣ Вася? У старухи подломились ноги; она рухнула на диванъ. Лица ея, вся дрожа отъ испуга, начала спрашивать о случившемся. Что было говорить? Аркадій Ивановичъ отдѣлался на скоро, выдумалъ какую-то басню, которой, разумѣется, не повѣрили, и убѣ-

жалъ, оставивъ всѣхъ потрясенными, измученными. Онъ бросился въ свое вѣдомство, чтобы по крайней мѣрѣ не опоздать и дать знать туда, чтобы поскорѣе приняли мѣры. Дорогою ему вздумалось, что Вася у Юліана Мастаковича. Это было вѣрнѣе всего: Аркадій прежде всего, прежде коломенскихъ подумалъ объ этомъ. Проѣзжая мимо дома его превосходительства, онъ хотѣлъ остановиться, но тотчасъ же велѣлъ продолжать путь далѣе. Онъ рѣшился попытаться узнать; нѣтъ ли чего въ вѣдомствѣ, и потомъ, какъ ужъ тамъ не найдетъ, явиться къ его превосходительству, по крайней мѣрѣ въ качествѣ рапортующаго объ Васѣ. Кому нибудь нужно же было рапортовать!

Еще въ пріемной окружили его товарищи помоложе, всѣ большею частию ему равные чиномъ, и въ одинъ голосъ стали спрашивать, что сдѣлалось съ Васей? Всѣ они въ то же время говорили, что Вася съ ума сошелъ, и помѣшался на томъ, что его въ солдаты хотятъ отдать за неисправное исполненіе дѣла. Аркадій Ивановичъ отвѣчалъ на всѣ стороны, или, лучше сказать, не отвѣчая положительно никому, стремился во внутренніе покои. На дорогѣ узналъ онъ, что Вася въ кабинетъ Юліана Мастаковича, что туда всѣ пошли, и что Эсперъ Ивановичъ тоже туда пошелъ. Онъ было пріостановился. Кто-то изъ старшихъ спросилъ его, куда онъ и что ему надо? Не отличивъ лица, онъ проговорилъ что-то объ Васѣ и пошелъ прямо въ кабинетъ. — Оттуда уже слышался голосъ Юліана Мастаковича. — Куда вы? спросилъ его кто-то у самыхъ дверей. Аркадій Ивановичъ почти потерялся; онъ уже хотѣлъ было воротиться, но изъ-за пріотворенной двери увидѣлъ своего бѣднаго Васю. Онъ отворилъ и протѣснился кое-какъ въ комнату. Тамъ царствовала суматоха и недоумѣніе, за тѣмъ, что Юліанъ Мастаковичъ былъ, повидимому въ сильномъ огорченіи. Около него стояли всѣ, кто поважнѣе, толковали и не рѣшили ровно ничего. Поодаль стоялъ Вася. Все замерло въ груди Аркадія, когда онъ взглянулъ на него. Вася стоялъ блѣдный, съ поднятой головой, вытянувшись въ нитку и опустивъ руки по швамъ. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза Юліану Мастаковичу. Тотчасъ замѣтили Нефедевича, и кто-то, знавшій, что они сожители, доложили о томъ его превосходительству. Аркадія подвели. Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить на предложенные вопросы, взглянулъ на Юліана Мастаковича и, видя, что на лицѣ его изобразилась истинная жалость, затрясся и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ даже сдѣлалъ болѣе: бросился, схватилъ руку начальника и поднесъ къ глазамъ своимъ, омывая ее слезами, такъ что даже самъ Юліанъ Мастаковичъ принужденъ былъ отнять ее наскоро, махнувъ ею по воздуху и сказать: «ну, полно, братъ, полно; вижу, что у тебя доброе сердце». Аркадій рыдалъ и бросалъ на всѣхъ умоляющіе взгляды. Ему казалось, что всѣ братья его бѣдному Васѣ, что всѣ они тоже терзаются и пла-

чуть объ немъ. «Какъ же это, какъ же это съ нимъ сдѣлалось?» говорилъ Юліанъ Мастаковичъ: «отчего же онъ съ ума сошелъ?»

— Отъ бла-благо-дарности! могъ только выговорить Аркадій Ивановичъ.

Всѣ выслушали отвѣтъ его въ недоумѣніи, и всѣмъ показалось страннымъ и невѣроятнымъ: какъ же это такъ можетъ изъ благодарности сойти съ ума человѣкъ? Аркадій объяснился, какъ умѣлъ.

— Боже, какъ жаль! проговорилъ наконецъ Юліанъ Мастаковичъ: и дѣло-то, порученное ему, было неважное и вовсе неспѣшное. Такъ-таки, ни изъ-за чего, погибъ человѣкъ! Чтожь, отвести его!.. Тутъ Юліанъ Мастаковичъ обратился снова къ Аркадію Ивановичу и снова началъ его спрашивать: онъ проситъ, сказалъ онъ, указавъ на Васю, чтобъ не говорили объ этомъ какой-то дѣвушкѣ; что она, невѣста, что ли его?

Аркадій сталъ объяснять. Между тѣмъ, Вася какъ будто думалъ о чемъ-то, какъ будто съ величайшимъ напряженіемъ припоминалъ одну важную, нужную вещь, которая вотъ именно теперь бы и пригодилась. Порой онъ страдальчески поводилъ глазами, какъ будто надѣялся, что кто нибудь напомнитъ ему про то, что забылъ онъ. Онъ устремился глазами на Аркадія. Наконецъ, вдругъ, какъ будто надежда блеснула въ глазахъ его, онъ двинулся съ мѣста съ лѣвой ноги, ступилъ три шага какъ только могъ ловче и даже пристукнулъ правымъ сапогомъ, какъ дѣлаютъ солдаты, подойдя къ подозвавшему ихъ офицеру. Всѣ ожидали, что будетъ.

— Я съ тѣлеснымъ недостаткомъ, ваше превосходительство, слабосиленъ и малъ, не гожусь на службу, сказалъ онъ отрывисто.

Тутъ всѣ, кто ни были въ комнатѣ, всѣ почувствовали, какъ будто кто нибудь сжалъ имъ сердце, и даже, какъ ни твердъ былъ характеромъ Юліанъ Мастаковичъ, но слеза потекла изъ глазъ его. «Уведите его», сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Лобъ! сказалъ Вася въ полголоса, повернулся налѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ бросились всѣ, кого интересовала его участь. Аркадій тѣснился за прочими. Васю усадили въ приемной въ ожиданіи предписанія и кареты, чтобъ отвезти его въ больницу. Онъ сидѣлъ молча и былъ, казалось, въ чрезвычайной заботѣ. Кого узнавалъ, тому кивалъ головою, какъ будто прощаясь съ нимъ. Онъ поминутно оглядывался на дверь и готовился, когда скажутъ: «пора». Кругомъ его столпились тѣсный кружокъ; всѣ показывали головами, всѣ сѣтовали. Многихъ поразила его исторія, которая уже вдругъ сдѣлалась извѣстною; одни разсуждали, другіе жалѣли и хвалили Васю, говорили, что былъ такой скромный, тихій молодой человѣкъ, что общалъ такъ много; разсказывали, какъ онъ старался учиться, былъ любознателенъ, стремился образоваться. «Собственными силами вышелъ изъ низкаго состоянія!»

замѣтилъ кто-то. Съ умиленіемъ говорили о привязанности къ нему его превосходительства. Нѣкоторые пустились объяснять, почему именно пришло въ голову Васѣ, и онъ на томъ помѣшался, что его отдадутъ въ солдаты за то, что не кончилъ работы. Говорятъ, что бѣднякъ недавно изъ податнаго званія, и только по ходатайству Юліана Мастаковича, умѣвшаго отличить въ немъ талантъ, послушаніе и рѣдкую кротость, получилъ первый чинъ. Однимъ словомъ, очень много было разныхъ толковъ и мнѣній. Въ особенности, изъ потрясенныхъ, замѣтенъ былъ одинъ, очень маленький ростомъ, сослуживецъ Васи Шумкова. И не то, чтобы такъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, а примѣрно лѣтъ уже тридцати. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и какъ-то странно улыбался—можетъ быть, потому что всякое скандальное дѣльцо или ужасная сцена и пугаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то нѣсколько радуетъ посторонняго зрителя. Онъ поминутно обѣгалъ весь кружокъ, обступившій Шумкова, и такъ какъ былъ малъ, то становился на цыпочки, хваталъ за пуговицу встрѣчнаго и поперечнаго, т. е. изъ тѣхъ, кого имѣлъ право хватать, и все говорилъ, что онъ знаетъ, отчего это все, что это не то, чтобы простое, а довольно важное дѣло, что такъ оставить нельзя; потомъ опять становился на цыпочки, нашептывалъ на ухо слушателю, опять кивалъ раза два головою и снова перебѣгалъ далѣе. Наконецъ, кончилось все: явился сторожъ, фельдшеръ изъ больницы, подошли къ Васѣ и сказали ему, что пора ѣхать. Онъ вскочилъ, засуетился и пошелъ съ ними, оглядываясь кругомъ. Онъ искалъ кого-то глазами! «Вася, Вася!» закричалъ рыдая Аркадій Ивановичъ. Вася остановился, и Аркадій такъ-протѣснился къ нему. Они бросились въ послѣдній разъ другъ другу въ объятія и тяжело сжали другъ друга... Грустно было ихъ видѣть. Какое химерическое несчастье вырывало слезы изъ глазъ чихъ! объ чемъ они плакали? гдѣ эта бѣда? зачѣмъ они не понимали другъ друга?..

— На, на, возьми! береги это, говорилъ Шумковъ, всовывая какую-то бумажку въ руку Аркадія. — Они у меня унесутъ. Принеси мнѣ потомъ, принеси; береги... Вася не договорилъ, его кликнули. Онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, кивая всѣмъ головою, прощаясь со всѣми. Отчаяніе было на лицѣ его. Наконецъ, усадили его въ карету и повезли. Аркадій поспѣшно развернулъ бумажку: это былъ локонъ черныхъ волосъ Лизы, съ которыми не разставался Шумковъ. Горячія слезы брызнули изъ глазъ Аркадія. «Ахъ, бѣдная Лиза!»

По окончаніи служебнаго времени, онъ пошелъ къ коломенскимъ. Нечего говорить, что тамъ было! Даже Петя, малютка Петя, не совсѣмъ понявшій, что сдѣлалось съ добрымъ Васей, зашелъ въ уголъ, закрылся ручонками и зарыдалъ во сколько стало его дѣтскаго сердца. Были уже полныя сумерки, когда Аркадій возвращался домой. Подойдя къ

Невѣ, онъ остановился на минуту и бросилъ пронзительный взглядъ вдоль рѣки въ дымную, морозно-мутную даль, вдругъ заалѣвшую послѣднимъ пурпуромъ кровавой зари, догоравшей въ мгла-номъ небосклонѣ. Ночь ложилась надъ городомъ, и вся необъятная, вспухшая отъ замерзшаго снѣга, поляна Невы, съ послѣднимъ отблескомъ солнца, осыпалась безконечными мириадами искръ иглистаго инея. Становился морозъ въ двадцать градусовъ. Мерзлый паръ валилъ съ загнанныхъ на-смерть лошадей, съ бѣгущихъ людей. Сжатый воздухъ дрожалъ отъ малѣйшаго звука и, словно, великаны со всѣхъ кровель обѣихъ набережныхъ подымались и неслись вверхъ по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь въ дорогѣ, такъ что, казалось, новыя зданія вставали надъ старыми, новый городъ складывался въ воздухѣ... Казалось, наконецъ, что весь этотъ міръ, со всѣми жильцами его, сильными и слабыми, со всѣми жилищами ихъ, пріютами нищихъ, или раззолоченными палатами — отрадой сильныхъ міра сего, въ этотъ сумеречный часъ походить на фантастическую, волшебную грёзу, на сонъ, который въ свою очередь тотчасъ исчезнетъ и искурится паромъ къ темно-синему небу. Какая-то странная

дума посѣтила осиротѣлаго товарища бѣднаго Васи. Онъ вздрогнулъ, и сердце его какъ будто облилось въ это мгновеніе горячимъ ключомъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива какого-то могучаго, но доселѣ незнакомаго ему ощущенія. Онъ какъ будто только теперь понялъ всю эту тревогу и узналъ отъ чего сошелъ съ ума его бѣдный, не вынесшій своего счастья Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, онъ поблѣднѣлъ и какъ-будто прозрѣлъ во что-то новое въ эту минуту...

Онъ сдѣлался скученъ и угрюмъ и потерялъ всю свою веселость. Прежняя квартира стала ему ненавистна—онъ взялъ другую. Къ коломенскимъ идти онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Черезъ два года, онъ встрѣтилъ Лизаньку въ церкви. Она была уже замужемъ; за нсю шла мамка съ груднымъ ребенкомъ. Они поздоровались и долгое время избѣгали разговора о старомъ. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бѣдна, что мужъ ея добрый человѣкъ, котораго она любитъ... Но вдругъ, среди рѣчи, глаза ея наполнились слезами, голосъ упалъ, она отвернулась и склонилась на церковный помостъ, чтобъ скрыть отъ людей свое горе...



ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквями — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще въ Сибири, не смотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, неллиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, болѣею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро паскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «зачѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ же хлопчутъ о своемъ переводѣ и возвращаются во-свояси, брава Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они неправы: не только съ служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по уллицамъ и сама пачкается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще земля благодатная. Надѣбно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такъ ихъ веселыхъ и довольныхъ

собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ втораго разряда, за убійство жены своей, и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смѣренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городкѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Ивановича Гвоздикова, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копѣекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человѣкъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и щедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по-европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ будто въ него вдумываясь, какъ будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу или хотите выпытать у него какую нибудь тайну, и наконецъ отвѣчалъ ясно и коротко, но до того извѣщивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко, и вы наконецъ сами радовались окончанію разговора. Я тогда же спросилъ о немъ Ивана Ивановича и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Ива-

нычъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ; но что онъ страшный нелюдимъ, ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говоритъ весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговаривать. Иные утверждали, что онъ положительно сумашедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ, что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ быть даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія сношенія,—однимъ словомъ вредить себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрятъ какъ на несчастія, и сожалеютъ о нихъ. Но, не смотря на все это, чужды упорно сторонился отъ всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не знаю почему, онъ мало-помалу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился его долѣе спрашивать: да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шолъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Ивановича. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унылся; меня что-то тянуло къ нему, и мѣсяцъ спустя, я ии съ того, ни съ сего, самъ захоу къ Горянчикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неадекватно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ будто я поймалъ его на какомъ нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы наконецъ усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ-будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой нибудь осо-

бенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнительнъ до сумашествія. Онъ съ ненавистію глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало наконецъ совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то непереносимая тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человеку, который именно поставилъ своею главнѣйшею задачею—какъ можно подалѣе спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что кнѣзь я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и стало быть несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однакоже, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просиживая до зари? Не писалъ ли онъ? а если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лекаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ ли онъ чего-нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было попытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особеннаго новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить папихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хотъ немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти ни-

когда не сказалъ съ нею ни единого слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало-быть могъ же этотъ человѣкъ хоть когонибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, незначащія лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недоконченная, можетъ быть заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспоминаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ будто по какому-то принужденію. Я нѣсколько разъ перечитывалъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумашествіи. Но каторжныя записки—«Сцены изъ Мертваго Дома»,—какъ называетъ онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсемъ безынтересными. Совершенно новый міръ, до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ, нѣкоторые особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ, — увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. Но помѣщая всѣ главы; пусть судить публика...

I.

МЕРТВЫЙ ДОМЪ.

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь ли хоть чего-нибудь?—и только и увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленький краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другаго, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полтора ширины, весь обнесенный кругомъ, въ виды неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкіе ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемые часовыми; ихъ отпирали по требованію, для вы-

пуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе непохожій, тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду,—видите внутри ея нѣсколько зданій.—По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Средина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ повѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣскольку разъ въ день, — судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задачамъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понеюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменыя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать паль. Ихъ было тысячи полторы и у него онѣ были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая паль означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ по одной паль и такимъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ паль, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще останется ему пребыть въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону шестиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться; но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и наконецъ выходявшій на волю. Были люди, помнившіе какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ.—Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ подъ вечеръ позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая жена его

вышла замужъ, и крѣпко запечалился. Теперь она сама подѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаиіе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились на вѣки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски: это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человекъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и коפותъ, бритыхъ головъ, клейменныя лица, лохутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человекъ! Человекъ есть существо ко всему привыкающее и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человекъ двѣсти пятьдесятъ, — цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было! Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степенямъ преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожного населенія составляли сильно-каторжные разряда гражданскаго (сильно-каторжные, какъ наивно провозносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишенные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. — Были преступники и военнаго разряда, не лишенные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки; по окончаніи же ихъ поварачивались туда же откуда пришли, въ солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многие изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочислен-

ный. Назывался онъ «особымъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоить и утроить рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ. «Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ» — говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю стало-быть старину, дѣла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было; все это снится мнѣ теперь какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось: народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ наконецъ двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ни разу ни одной минуты не буду одинъ? на работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя-стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ! Впрочемъ, къ этому ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурки и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ или по столовской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы кажется они могли придти сюда? — А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго хмѣля. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще жизнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ, изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. «Мы — народъ грамотный!» говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самоудовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ

смѣявшаяся его шуткамъ, закрпчала какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодования закричала казарма, а такъ потому-что *не надо было про это* говорить, потому-что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собрался въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человѣкъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ? Слышалъ я потомъ, кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губитъ народъ. Это ошибка: тутъ совсѣмъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самонадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. — Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая а другая темнобурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвчонка-калашница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдрутъ захохотала «Фу, какъ не славно! закричала она: — и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достало!» Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному, у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперегъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторые немногими исключеніями неспособно-вселяхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ,—былъ народъ угрюмый, завистливый, странно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но перѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до бѣзумія. Вообще тщеславіе, наружность, были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и странно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ успіемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ высочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и

преступленія свои дѣлали подконецъ какъ-будто не сами собой, какъ-будто сами не зная зачѣмъ, какъ-будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивитъ уже некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ; да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ было и какое-то наружное смиреніе, такъ-сказать официальное, какое-то спокойное резонерство:—«Мы погибшій народъ», говорили они: «не умѣли на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣрай ряды». — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабаниш шкуры». — «Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ правоуоченія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбравши его (хотя впрочемъ не въ русскомъ духѣ попрекать преступника)—ругательствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей,—а это утонченіе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ пали, слѣдовательно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался: если не былъ развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе.

«Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю, были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, безстрашные. Этихъ какъ-то невольно уважали; они же съ своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей славѣ, но вообще старались не быть другимъ въ тягость, въ пустыя ругательства не вступали, вели себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти всегда послушны начальству,—не изъ принципа послушанія, не изъ сознанія обязанностей, а

такъ, какъ будто по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впрочемъ съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали развѣкъ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ майоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ; онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго, рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмизлымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшенными, злыми поступками, и еслибъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя впрочемъ и былъ отданъ подъ судъ.

Арестантъ побѣдился, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ востропанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ впрочемъ поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ побѣдился и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестоки; но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что-нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозъ щели палъ. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что майору придется концы. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ майоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошелъ съ отъѣздомъ майора. Арестантъ послушенъ и покоренъ до извѣстной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ странныхъ вспышекъ петербургскихъ

строптивости. Часто человѣкъ терпитъ нѣсколько лѣтъ, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается на какой-нибудь малости, на какомъ-нибудь пустякѣ почти за ничто. На иной взглядъ можно даже назвать его сумасшедшимъ; да такъ и дѣлаютъ.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя совершенно правымъ. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причинною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ, хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала бы о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе кажется не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потрудилась, чѣмъ полагаютъ. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступника; они только его наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, паружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно психическую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Ктому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а чрезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить наконецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самаго преступника. Но несмотря на всевозможныя точки зрѣнія, всякій согласится, что есть такіе преступленія, которые всегда и вездѣ, по всевозможнымъ законамъ, съ начала міра считаются бесспорными преступленіями и будутъ считаться такими до тѣхъ поръ, покамѣстъ человѣкъ останется человѣкомъ. Только въ острогѣ я слышалъ рассказы о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о самыхъ чудовищныхъ убійствахъ, разсказанные съ самымъ неудержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Особенно не выходило у меня изъ памяти одинъ отцеубійца. Онъ былъ изъ дворянъ, служилъ и былъ у своего шестидесяти-лѣтняго отца чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына. Поведенія онъ былъ совершенно безучастнаго,

ввязался въ долги. Отецъ ограничивалъ его, уговаривалъ; но у отца былъ домъ, былъ хуторъ, подозрѣвались деньги, и—сынъ убилъ его, жажда наслѣдства. Преступленіе было розыскано только черезъ мѣсяцъ. Самъ убійца подалъ объявленіе въ полицію, что отецъ его исчезъ неизвѣстно куда. Весь этотъ мѣсяцъ онъ провелъ самымъ развратнымъ образомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока нечистотъ, прикрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было одѣто и убрано, сѣдая голова была отрѣзана прочь, приставлена къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ не сознался; былъ лишенъ дворянства, чина и сосланъ въ работу на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я жилъ съ нимъ, онъ былъ въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа. Это былъ вбальмошный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя совсѣмъ не глупецъ. Я никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. Арестанты презирали его не за преступленіе, о которомъ не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ разговорахъ онъ иногда вспоминалъ о своемъ отцѣ. Разъ, говоря со мной о здоровомъ сложеніи, наслѣдственномъ въ ихъ семействѣ, онъ прибавилъ: «вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь». Такая звѣрская безчувственность разумѣется невозможна. Это феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе. Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію. Но люди изъ его города, которые должны были знать всѣ подробности его исторіи, рассказывали мнѣ все его дѣло. Факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во снѣ: «Держи его держи! голову-то ему руби, голову, голову!»...

Арестанты почти всѣ говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры, чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый, говорили они; у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ».

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шолъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ расчетомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужитья здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой? Отъ

одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такіе преступныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человѣкъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря. И потому каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, уже долженъ былъ запертъ въ острогѣ. Что же дѣлать въ длинныя, скучныя часы зимняго вечера? И потому почти каждая казарма, не смотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогѣ, инструменты, а безъ этого невозможна была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастерами. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и рѣзчики, и золотильщики. Былъ одинъ еврей, Исая Бумштейнъ, ювелиръ, онъ же и ростовщикъ. Всѣ они трудились и добывали копѣйку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человѣка лишоннаго совершенно свободы, онъ дороже вдесятеро. Если онъ только брякаютъ у него въ кафиманъ, онъ уже вполонину утѣшенъ, хотя бы и ѣмогъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строжайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій: безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкѣ. Не смотря на то и работа, и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапныя обыски, отбиралось все запрещенное и—какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждаго обыска, виноватый, кромѣ того, что лишился всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по-старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіи.

Кто не имѣлъ мастерства, промышлялъ другимъ образомъ. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли напимѣръ однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такіе вещи, что и

въ голову не могло бы придти кому-нибудь за стѣнами острога, не только покупать и продавать ихъ, но даже считать вещами. Но каторга была очень бѣдна и чрезвычайно промышленна. Последняя тряпка была въ цѣнѣ и шла въ какое-нибудь дѣло. По бѣдности же и деньги въ острогѣ имѣли совершенно другую цѣну, чѣмъ на волѣ. За большой и сложный трудъ платилось грошами. Нѣкоторые съ успѣхомъ промышленли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или разорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онъ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,—вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ дѣла, не совсѣмъ впрочемъ неожиданный: заложившій и получившій деньги, немедленно, безъ дальнихъ разговоровъ, шелъ къ старшему унтеръ-офицеру, ближайшему начальнику острога, доносилъ о закладѣ смотровыхъ вещей и онъ тотчасъ же отбирался у ростовщика обратно, даже безъ доклада высшему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда даже не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возвращалъ что слѣдовало и даже какъ-будто самъ ожидалъ, что такъ будетъ. Можетъ-быть онъ не могъ сознаться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ бы такъ сдѣлалъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а такъ только, для очистки совѣсти.

Вообще, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждого былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю можно представить, какіе были тамъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ чело-вѣкъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому-что я ее долго искалъ. Были цѣловальники, торговавшіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда-нибудь особенно; она довольно замѣчательна. Въ острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потому нечего удивляться, какимъ образомъ при такихъ осмотрахъ и конвояхъ, въ острогѣ приносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное преступленіе. Можно ли напримѣръ представить себѣ, что деньги, въ годъ у иного контрабандиста играютъ второстепенную роль, стоятъ на второмъ планѣ? А между тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэтъ. Онъ рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается;

иногда даже дѣйствуетъ по какому-то вдохновенію. Это страсть столь же сильная, какъ и картежная игра. Я зналъ въ острогѣ одного арестанта, наружностью размѣра колоссальнаго, но до того кроткаго, тихаго, смѣреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ образомъ онъ очутился въ острогѣ. Онъ былъ до того незлобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогѣ ни съ кѣмъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы, пришелъ за контрабанду и, разумеется, не могъ утерпѣть и пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали и какъ онъ боялся розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожные доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудакъ любилъ искусство для искусства. Онъ былъ плаксивъ какъ баба и сколько разъ, бывало, послѣ наказанія, клялся и зарекался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ преодолевалъ себя иногда по цѣлому мѣсяцу, но наконецъ все-таки не выдерживалъ... Благодаря этимъ то личностямъ, вино не оскудѣвало въ острогѣ.

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и благодѣтельный. Это подаваніе. Высшій классъ нашего общества не имѣетъ понятія, какъ заботятся о «несчастныхъ» купцы, мѣщане и весь народъ нашъ. Подаваніе бываетъ почти непрерывное и почти всегда хлѣбомъ, сайками и калачами, гораздо рѣже деньгами. Безъ этихъ подаваній, во многихъ мѣстахъ арестантамъ, особенно подсудимымъ, которые содержатся гораздо строже рѣшенныхъ, было бы слишкомъ трудно. Подаваніе религіозно дѣлится арестантами поровну. Если недостатъ на всѣхъ, то калачи разрѣзаются поровну, иногда даже на шесть частей, и каждый заключенный непремѣнно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я въ первый разъ получилъ денежное подаваніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестанской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной...—На, «несчастный», возьми Христа-ради копѣчку!—кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руки монетку. Я взялъ ее копѣчку; и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣчку я долго берегъ у себя.

II.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Первый мѣсяцъ и вообще начало моей острожной жизни живо представляются теперь моему воображенію. Послѣдующіе мои острожные годы мелькаютъ въ воспоминаніи моемъ гораздо тусклѣе. Иные какъ-будто совсѣмъ ступевались, спллись между собою, оставивъ по себѣ одно цѣльное впечатлѣніе: тяжелое, однообразное, удушающее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей каторги, представляется мнѣ теперь какъ-будто вчера случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ-будто и не нашелъ въ пей ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго или, лучше-сказать, неожиданнаго. Все это какъ-будто и прежде мелькало передо мной въ воображеніи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать впередъ мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только впоследствии, уже довольно долго проживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполне всю исключительность, всю неожиданность такого существованія, и все болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленіе сопровождало меня во весь долгій срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣніе мое, при поступленіи въ острогъ, вообще было самое отвратительное; но несмотря на то,—странное дѣло! — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ капдалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили картежъ. Самая работа, напримѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы—не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки. Мужикъ на волѣ работаетъ пожалуй и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаетъ на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что еслибъ захотѣли вполне раздавить, уничтожить человѣка, показать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ

работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатуритъ, строитъ; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ес ловчѣе, спорѣе, лучше. Но еслибъ заставить его, напримѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другаго въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно, — я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или падѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мученіе, и было бы бессмысленно, потому-что не достигало бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, бессмыслицы, униженія и стыда, есть непременно и во всякой вынужденной работѣ, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе всякой вольной, пмепно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не имѣлъ понятія о лѣтней работѣ, впацтеро тяжелѣйшей. Зимою же въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртышъ ломать старыя казенныя барки, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ и проч. и проч. Зимній день былъ коротокъ, работа кончалась скоро и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти бы нечего было дѣлать, еслибъ не случалось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась можетъ-быть только треть арестантовъ, остальные же били баклуши, слонялись безъ нужды по всѣмъ казармамъ острога, ругались, заводили межъ собой иптриги, исторіи, пиливались, если павертывались хоть какія-нибудь деньги по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Впоследствии я понялъ, что кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это *вынужденное общее сожителство*. Общее сожителство конечно есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогѣ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось бы сживатьсъ съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя конечно большею частью безсознательно.

Также и пища показалась мнѣ довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой пѣтъ въ арестантскихъ ротахъ европейской Россіи. Объ этомъ я не берусь судить: я тамъ не былъ. Къ тому же многіе имѣли возможность имѣть собственную пищу. Говядина стояла у насъ грошъ за фунтъ, лѣтомъ три копейки. Но собственную пищу заводили только тѣ, у которыхъ водились постоянныя деньги; большинство же каторги ѣло казенную. Впрочемъ арестанты, хвалясь своею пищею, гово-

рили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Последнее ихъ ужасало: при выдачѣ съ вѣсу, треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ. Приписывали это удачному устройству острожныхъ печей. Щи же были очень неказисты. Они варились въ общемъ котлѣ, слегка заправлялись крупой и, особенно въ будніе дни, были жидкіе, тощіе. Меня ужаснуло въ нихъ огромное количество таракановъ. Арестанты же не обращали на это никакого вниманія.

Первые три дня я не ходилъ на работу; такъ поступали и со всякимъ новоприбывшимъ: давалось отдохнуть съ дороги. Но на другой же день мнѣ пришлось выйти изъ острога, чтобъ перековаться. Кандалы мои были неформенные, кольчатые, «мелкозвонъ», какъ называли ихъ арестанты. Они носились наружу. Форменные же острожные кандалы, приспособленные къ работѣ, состояли не изъ колецъ, а изъ четырехъ желѣзныхъ прутьевъ, почти въ палецъ толщиной, соединенныхъ между собою тремя кольцами. Ихъ должно было надѣвать подъ панталоны. Къ срединному кольцу привязывался ремень, который въ свою очередь прикрѣплялся къ поясному ремню, надѣвавшемуся прямо на рубашку.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у острожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю и, минувъ черезъ десять, караульный унтеръ-офицеръ началъ отпирать казармы. Стали просыпаться. При тускломъ свѣтѣ, отъ шестериковой сальной свѣчи, подымались арестанты, дрожа отъ холода, съ своихъ наръ. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клейменные лбы. Иные крестились, другіе уже начинали vzdorить. Духота была страшная. Свѣжій зимній воздухъ ворвался въ дверь, какъ только ее отворили, и клубами пара понесся по казармѣ. У ведеръ съ водой столпились арестанты; они по-очередн брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изъ-рта. Вода заготовлялась съ вечера парашникомъ. Во всякой казармѣ по положенію былъ одинъ арестантъ, выбранный артелью, для прислуги въ казармѣ. Онъ назывался парашникомъ и не ходилъ на работу. Его запятіе состояло въ наблюденіи наръ и половъ, въ приносѣ и выносѣ ночного ушата и въ доставленіи свѣжей воды въ два ведра — утромъ для умыванья, а днемъ для питья. Изъ-за ковша, который былъ одинъ, началась немедленно ссора:

— Куда лѣзешь, язевый лобъ! ворчалъ одинъ угрюмый, высокій арестантъ, сухощавый и смуглый, съ какими-то странными выпуклостями на своемъ бритомъ черепѣ, толкая другаго, толстаго и приземистаго, съ веселымъ и румянымъ лицомъ: — ностой!

— Чего кричишь! За постой у насъ деньги пла-

тятъ; самъ провалывай! Ишь монументъ вытянулся. То-есть никакой-то, братцы, въ немъ фартикультяпности нѣтъ.

Фартикультяпность произвела нѣкоторый эффектъ: многіе засмѣялись. Того только и надо было веселому толстяку, который очевидно былъ въ казармѣ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго шута. Высокій арестантъ посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Бирюлина корова! проговорилъ онъ какъ бы про себя: — ишь отѣлся на острожномъ чистякѣ (*). Радъ, что къ розговѣню двѣнадцать поросятъ принесетъ.

— Да ты что за птица такая? вскричалъ онъ вдругъ раскраснѣвшись.

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?

— Да ужъ одно слово такая.

— Да какал?

Оба впилпсь глазами другъ въ друга. Толстякъ ждалъ отвѣта и сжалъ кулаки, какъ-будто хотѣлъ тотчасъ же кинуться въ драку. Я и вправду думалъ, что будетъ драка. Для меня все это было ново, и я смотрѣлъ съ любопытствомъ. Но впоследствии я узналъ, что всѣ подобныя сцены были чрезвычайно певны и разыгрывались, какъ въ комедіи, для всеобщаго удовольствія; до драки же никогда почти не доходило. Все это было довольно характерно и изображало нравы острога.

Высокій арестантъ стоялъ спокойно и величаво. Онъ чувствовалъ, что на него смотрять и ждутъ, осрамится ли онъ или нѣтъ своимъ отвѣтомъ; что надо было поддержать себя, доказать, что онъ дѣйствительно птица и показать, какая именно птица. Съ невыразимымъ презрѣніемъ скосилъ онъ глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотрѣть на него какъ-то черезъ плечо, сверху внизъ, какъ-будто онъ разглядывалъ его какъ букашку, и медленно и внятно произнесъ:

— Каганъ!..

То-есть что онъ птица каганъ. Громкій залпъ хохота привѣтствовалъ находчивость арестанта.

— Подлецъ ты, а не каганъ! заревѣлъ толстякъ, почувствовавъ, что сѣзлся на всѣхъ пунктахъ, и дойдя до крайняго бѣшенства.

Но только-что ссора стала серьезною, молодцовъ немедленно осадили.

— Что загалдѣли! закричала на нихъ вся казарма.

— Да вы лучше подеритесь, чѣмъ горло-то драть, прокричалъ кто-то изъ-за угла.

— Да, держи, подерутся! раздалось въ отвѣтъ. — У насъ народъ бойкій, задорный; семеро одного не боимся...

(*) Чистякомъ назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ при-

— Да и оба хороши! Одинъ за фунтъ хлѣба въ острогъ приноль, а другой— крыночная блудница, у бабы простокнишу поѣлъ, за то и кнута хватилъ.

— Ну-ну-ну! полно вамъ, закричалъ инвалидъ, проживавшій для порядка въ казармѣ и поэтому снавший въ углу на особой койкѣ.

— Вода, ребята! Неваидъ Петровичъ проснулся, Псвалиду Петровичу, родимому братцу!

— Братъ... Какой я тебѣ братъ? Рубля вмѣстѣ не пропили, а братъ! ворчалъ инвалидъ, натягивая въ рукава шинель...

Готовились къ повѣркѣ; начало разсвѣтать; въ кухню набралась густая толпа народу, не впроорѣзъ. Арестанты толпились въ своихъ полушубкахъ и въ половинчатыхъ шапкахъ у хлѣба, который рѣзали имъ одинъ изъ кашеваровъ. Кашевары выбирались артелью, въ каждую кухню по двое. У нихъ же сохранялся и кухонный ножъ для рѣзанія хлѣба и мяса, на всю кухню одинъ.

По всѣмъ угламъ и около столовъ размѣстились арестанты, въ шапкахъ, въ полушубкахъ и подпоясанные, готовые выйти сейчасъ на работу. Передъ нѣкоторыми стояли деревянные чашки съ квасомъ. Въ квасъ крошили хлѣбъ и прихлебывали. Гамъ и шумъ былъ нестерпимый; но нѣкоторые благоразумно и тихо разговаривали по угламъ.

— Старичку Антонычу хлѣбъ да соль, здравствуй! проговорилъ молодой арестантъ, усаживался подлѣ нахмуреннаго и беззубаго арестанта.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, проговорилъ тотъ, не поднимая глазъ и стараясь ужевать хлѣбъ своими беззубыми деснами.

— А вѣдь я, Антонычъ, думалъ, что ты померъ; право-ну.

— Нѣтъ, ты сперва помри, а я послѣ...

Я сѣлъ подлѣ нихъ. Справа меня разговаривали два степенные арестанта, видимо стараясь другъ передъ другомъ сохранить свою важность.

— У меня небось не украдутъ, говорилъ одинъ:— я, братъ, самъ боюсь, какъ бы чего не украсть.

— Ну, да и меня голой рукой не бери: обожгу.

— Да чего обожжешь-то! Такой же варнакъ; больше и названья намъ нѣтъ... она тебя обрететъ, да и не поклонится. Тутъ, братъ, и моя копѣчка умылась. Намедни сама пришла. Куда съ ней дѣться? Началъ проситься къ Осдѣкъ-палачу: у него еще въ форштадтѣ домъ стоялъ, у Соломонки-паршиваго у жида купилъ, вотъ еще который потомъ удавился...

— Знаю. Онъ у насъ въ третьемъ годѣ въ цѣловальникахъ сидѣлъ, а по прозвищу Гришка— темный кабакъ. Знаю.

— А вотъ и не знаешь; это другой темный кабакъ.

— Какъ не другой! Знать ты толсто знаешь! Да я тебѣ столько посредственникововъ приведу...

— Приведешь! Ты откуда, а я чей?

— Чей! Да я вотъ тебя и бивалъ, да не хватаю, а то еще чей!

— Ты бивалъ! Да кто меня прибоьетъ, еще тотъ не родился; а кто бивалъ, тотъ въ землѣ лежитъ.

— Чума бендерская!

— Чтобъ-те язвила язва сибирская!

— Чтобъ съ тобой говорпла турецкая сабля!..

И пошла ругань.

— Ну-ну-ну! Загалдѣли! закричали кругомъ.— На волѣ не умѣли жить; рады, что здѣсь до чистяка добрались...

Тотчасъ уймуть. Ругаться, «колотить» языкомъ позволяется. Это отчасти и развлеченіе для всѣхъ. Но до драки не всегда допустить, и только развѣ въ исключительномъ случаѣ враги подерутся. О дракѣ донесутъ маіору; начнутся розыски, прійдетъ самъ маіоръ, — однимъ словомъ, всѣмъ нехорошо будетъ, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлечения, для упражненія въ слогѣ. Нерѣдко сами себя обманываютъ, начинаютъ съ страшной горячкой, остервененіемъ. . думаешь: вотъ бросятся другъ на друга; ничуть не бывало: дойдутъ до извѣстной точки и тотчасъ расходятся. Все это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привелъ здѣсь примѣръ самыхъ обыкновенныхъ каторжныхъ разговоровъ. Не могъ я представить себѣ сперва, какъ можно ругаться изъ удовольствія, находить въ этомъ забаву, милое упражненіе, пріятность? Впрочемъ не надо забывать и тщеславія. Діалектикъ-ругатель былъ въ уваженіи. Ему только-что не аплодировали, какъ актеру.

Еще вчера съ вечера замѣтилъ я, что на меня смотрятъ косо.

Я уже поймалъ нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Напротивъ, другіе арестанты ходили около меня, подозрѣвая, что я принесъ съ собой деньги. Они тотчасъ же стали подслуживаться: начали учить меня, какъ носить новыя кандалы; достали мнѣ, конечно за деньги, сундучекъ съ замкомъ, чтобы спрятать въ него уже выданныя мнѣ казенныя вещи и нѣсколько моего бѣлья, которое я принесъ въ острогъ. На другой же день они у меня его украли и пропили. Одинъ изъ нихъ сдѣлался впоследствии преданныйшимъ мнѣ человекомъ, хотя и не переставалъ обкрадывать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ дѣлалъ это безъ всякаго смущенія, почти безсознательно, какъ-будто по обязанности, и на него невозможно было сердиться.

Между прочимъ они научили меня, что должно имѣть свой чай, что не худо мнѣ завести и чайникъ, а покамѣстъ достали мнѣ на поддержаніе чужой и рекомендовали мнѣ кашевара, говоря, что копѣекъ за тридцать въ мѣсяцъ онъ будетъ стряпать мнѣ что угодно, если я пожелаю ѣсть особо и покупать себѣ провіантъ... Разумѣется, они зачали у меня денегъ и каждый изъ нихъ въ одинъ первый день приходилъ занимать раза по три.

На бывшихъ дворянъ въ каторгѣ вообще смотрятъ мрачно и неблагоклонно.

Несмотря на то, что тѣ уже лишены всѣхъ своихъ правъ состоянія и вполнѣ сравнены съ осталь-

ными арестантами, — арестанты никогда не признают их своими товарищами. Это дѣлается даже не по сознательному предубѣжденію, а такъ, совершенно искренно, безсознательно. Они искренно признавали насъ за дворянъ, несмотря на то, что сами же любили дразнить насъ нашимъ паденіемъ.

— Штъ, теперь полно, стой! Бывало Петръ черезъ Москву претъ, а нынче Петръ веревки вьетъ, и проч. и проч. любезности.

Они съ любовью смотрѣли на наши страданія, которыя мы старались имъ не показывать. Особенно доставалось намъ сначала на работѣ, за то что въ насъ не было столько силы, какъ въ нихъ, и что мы не могли имъ вполне помогать. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ войти къ народу въ довѣренность (и особенно къ такому народу) и заслужить его любовь.

Въ каторгѣ было пѣскоотько человекъ изъ дворянъ. Во-первыхъ, человекъ пять поляковъ. Объ нихъ я поговорю когда-нибудь особо. Каторжные странно не любили поляковъ, даже больше чѣмъ ссыльных изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне пессообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили той же монетою.

Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ, чтобъ приобрести расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ. Но большая часть изъ нихъ наконецъ меня полюбила и признала за «хорошаго» человека.

Изъ русскихъ дворянъ, кромѣ меня, было четверо. Одинъ — низкое и подленькое созданіе, страшно-развращенное, шпіонъ и доносчикъ по ремеслу. Я слышалъ о немъ еще до прихода въ острогъ и съ первыхъ же дней прервалъ съ нимъ всякія отношенія. Другой — тотъ самый отцеубійца, о которомъ я уже говорилъ въ своихъ запискахъ. Третій былъ Акимъ Акимычъ; рѣдко видалъ я такого чудака, какъ этотъ Акимъ Акимычъ. Рѣдко отпечатался онъ въ моей памяти. Былъ онъ высокъ, худощавъ, слабоуменъ, ужасно безграмотенъ, чрезвычайный резонеръ и аккуратенъ какъ нѣмецъ. Каторжные смѣялись надъ нимъ; но нѣкоторые даже боялись съ нимъ связываться за предприимчивый, взыскательный и вздорный его характеръ. Онъ съ перваго шагу сталъ съ ними за-нашбрата, ругался съ ними, даже дрался. Честенъ онъ былъ феноменально. Замѣтитъ несправедливость и тотчасъ же ввяжется, хоть бы не его было дѣло. Наивенъ до крайности: онъ, напримѣръ, бранился съ арестантами, корилъ ихъ иногда за то, что они были воры и серьезно убѣждалъ ихъ не воровать. Служилъ онъ на Кавказѣ прапорщикомъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго же дня и онъ тотчасъ же рассказалъ мнѣ свое дѣло. Началъ онъ на Кавказѣ же, съ юнкеровъ, по пѣхотному полку, до его

тянулъ лямку, наконецъ былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ въ какое-то укрѣпленіе старшимъ начальникомъ. Одинъ сосѣдній мирный князекъ зажегъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось. Акимъ Акимычъ схитрилъ и не показалъ даже виду, что знаетъ, кто злоумышленникъ. Дѣло свалили на немирныхъ, а черезъ мѣсяцъ Акимъ Акимычъ зазвалъ князю къ себѣ подружески въ гости. Тотъ пріѣхалъ, ничего не подозрѣвая. Акимъ Акимычъ выстроилъ свой отрядъ; уличалъ и укорялъ князю всенародно; доказалъ ему, что крѣпости зажигать стыдно. Тутъ же прочелъ ему самое подробное наставленіе, какъ должно мирному князю вести себя впередъ и, въ заключеніе, разстрѣлялъ его, о чемъ немедленно и донесъ начальству со всѣми подробностями. За все это его судили, приговорили къ смертной казни, но смягчили приговоръ и сослали въ Сибирь, въ каторгу втораго разряда, въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Онъ вполне сознавалъ, что поступилъ неправильно, говорилъ мнѣ, что зналъ объ этомъ и передъ разстрѣляніемъ князю, зналъ, что мирнаго должно было судить по законамъ; но несмотря на то, что зналъ это, онъ какъ-будто никакъ не могъ понять своей вины настоящимъ образомъ:

— Да помидуйте! вѣдь онъ зажегъ мою крѣпость? Чтожъ мнѣ, поклониться что ли ему за это? говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на мои возраженія.

Но несмотря на то, что арестанты подсмѣивались надъ придурью Акима Акимыча, они все-таки уважали его за аккуратность и умѣлость.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ. Онъ былъ столяръ, сапожникъ, башмачникъ, маляръ, золотильщикъ, слесарь, и всему этому обучился уже въ каторгѣ. Онъ дѣлалъ все самоучкой: взглянетъ разъ, и сдѣлаетъ. Онъ дѣлалъ тоже разные ящики, корзинки, фонарики, дѣтскія игрушки и продавалъ ихъ въ городѣ. Такимъ образомъ у него водились деньжонки и онъ немедленно употреблялъ ихъ на лишнее бѣлье, на подушку помягче, завелъ складной тюфачокъ. Помѣщался онъ въ одной казармѣ со мною и многимъ услужилъ мнѣ въ первые дни моей каторги.

Выходя изъ острога на работу, арестанты строились передъ кордегардіей, въ два ряда; спереди и сзади арестантовъ выстроивались конвойные солдаты съ заряженными ружьями. Являлись: инженерный офицеръ, кондукторъ и нѣсколько инженерныхъ нижнихъ чиновъ, приставовъ надъ работами. Кондукторъ рассчитывалъ арестантовъ и посылалъ ихъ партіями куда нужно на работу.

Вмѣстѣ съ другими я отправился въ инженерную мастерскую. Это было низенькое каменное зданіе, стоявшее на большомъ дворѣ, заваленномъ разными матеріалами. Тутъ была кузница, слесарня, столярная, малярная и проч. Акимъ Акимычъ ходилъ сюда и работалъ въ малярной, варилъ олифу, составлялъ краски и раздѣлывалъ столы и мебель подъ орѣхъ.

Въ ожиданіи перековки, я разговорился съ Акимомъ Акимычемъ о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ острогѣ.

— Да-съ, дворянѣ они не любятъ, замѣтилъ онъ, — особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ? Здѣсь, я вамъ скажу, жить трудно. А въ російскихъ арестантскихъ ротахъ еще труднѣе-съ. Вотъ у насъ есть оттуда, такъ не нахвалятся нашимъ острогомъ, точно изъ ада въ рай перешли. Не въ работѣ бѣда-съ. Говорятъ тамъ, въ первомъ-то разрядѣ, начальство несовершенно военное-съ, по крайней мѣрѣ другимъ манеромъ, чѣмъ у насъ, поступаетъ-съ. Тамъ, говорятъ, ссыльный можетъ жить своимъ домкомъ. Я тамъ не былъ, да такъ говорятъ-съ. Не брѣютъ, въ мундирахъ не ходятъ-съ, хотя впрочемъ оно и хорошо, что у насъ они въ мундирномъ видѣ и бритые; все-таки порядку больше, да и глазу пріятнѣе-съ. Да только имъ-то это не нравится. Да и посмотрите, сбродъ-то какой-съ! Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый православный мужичокъ, семью, дѣтей милыхъ оставилъ на родинѣ, пятый жидъ, шестой цыганъ, седьмой неизвѣстно кто, и всѣ-то они должны ужиться вмѣстѣ, во что бы ни стало, согласиться другъ съ другомъ, ѣсть изъ одной чашки, спать на однихъ нарахъ. Да и воля-то какая: лишній кусокъ можно съѣсть только украдкой, всякій грошъ въ сапоги прятать, и все только и есть, что острогъ да острогъ... Поневоля дурь пойдетъ въ голову.

Но это я ужъ зналъ. Мнѣ особенно хотѣлось распросить о нашемъ маіорѣ. Акимъ Акимычъ не секретничалъ и, помню, впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Но еще два года мнѣ суждено было прожить подъ его начальствомъ. Все, что рассказалъ мнѣ о немъ Акимъ Акимычъ, оказалось вполне справедливымъ, съ тою разницею, что впечатлѣніе дѣйствительности всегда сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе отъ простаго разказа. Страшный былъ это человекъ, именно потому, что такой человекъ былъ начальникомъ, почти неограниченнымъ, надъ двумястами душъ. Самъ по себѣ онъ только былъ безпорядочный и злой человекъ, больше ничего. На арестантовъ онъ смотрѣлъ какъ на своихъ естественныхъ враговъ, и это была первая и главная ошибка его. Онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя способности, но все, даже и хорошее, представлялось въ немъ въ такомъ исковерканномъ видѣ. Невоздержный, злой, онъ врывался въ острогъ даже иногда по ночамъ, а если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничъ, то на утро его наказывалъ: «спи дескать на правомъ боку, какъ я приказалъ.» Въ острогѣ его ненавидѣли и боялись, какъ чумы. Лицо у него было багровое, злобное. Всѣ знали, что онъ былъ вполне

въ рукахъ своего деньщика Оедьки. Любилъ же онъ больше всего своего пуделя Трезорку и чуть съ ума не сошелъ съ горя, когда Трезорка заболѣлъ. Говорятъ, что онъ рыдалъ надъ нимъ какъ надъ роднымъ сыномъ; прогналъ одного ветеринара и, по своему обыкновенію, чуть не подрался съ нимъ и, услышавъ отъ Оедьки, что въ острогѣ есть арестантъ, ветеринарь-самоучка, который лечилъ чрезвычайно удачно, немедленно призвалъ его.

— Выручи! озолочу тебя, вылечи Трезорку! закричалъ онъ арестанту.

Это былъ мужикъ-сибирякъ, хитрый, умный, дѣйствительно очень ловкій ветеринарь, но вполне мужичокъ.

— Смотрю я на Трезорку, рассказывалъ онъ потомъ арестантамъ, впрочемъ долго спустя послѣ своего визита къ маіору, когда уже все дѣло было забыто;— смотрю: лежитъ песъ на диванѣ, на бѣлой подушкѣ; и вѣдь вижу, что воспаление, что надоть бы кровь пустить, и вылечился бы песъ, ей-ей говорю! да и думаю про себя: а что какъ не вылечить, какъ околѣетъ? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, поздно позвали; кабы вчера или третьяго дня, въ это же время, такъ вылечилъ бы пса; а теперь не могу, не вылечу...

Такъ и умеръ Трезорка.

Мнѣ рассказывали въ подробности, какъ хотѣли убить нашего маіора. Былъ въ острогѣ одинъ арестантъ. Онъ жилъ у насъ уже нѣсколько лѣтъ и отличался своимъ кроткимъ поведеніемъ. Замѣчали тоже, что онъ почти ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Его такъ и считали какимъ-то юродивымъ. Онъ былъ грамотный и весь послѣдній годъ постоянно читалъ библію, читалъ и днемъ и ночью. Когда всѣ засыпали, онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ восковую церковную свѣчу, влѣзалъ на печку, раскрывалъ книгу и читалъ до утра. Въ одинъ день онъ пошелъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ идти на работу. Доложили маіору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичемъ, но промахнулся. Его схватили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Черезъ три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая, онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать. Онъ впрочемъ не принадлежалъ ни къ какой раскольниковей сектѣ. Въ острогѣ вспоминали о немъ съ уваженіемъ.

Наконецъ меня перековали. Между тѣмъ въ мастерскую явились одна за другою нѣсколько калашницъ. Иныя были совсѣмъ маленькія дѣвочки. До зрѣлаго возраста онѣ ходили обыкновенно съ калачами; матери пекли, а онѣ продавали. Войдя въ возрастъ, онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей; такъ почти всегда водилось. Были и не дѣвочки. Калачъ стоилъ грошъ и арестанты почти всѣ ихъ покупали.

Я замѣтилъ одного арестанта, столяра, уже сѣденькаго, но румянаго и съ улыбкой заигрывава-

шаго съ калашницами. Передъ ихъ приходомъ онъ только-что наvertsъ на шею красненькій кумачный платочекъ. Одна толстая и совершенно рябая бабенка поставила на его верстахъ свою сельницу. Между ними начался разговоръ.

— Чтожъ вы вчера не приходили туда? заговорилъ арестантъ съ самодовольной улыбочкой.

— Вотъ! я пришла, а васъ Митькой звали, отвѣчала бойкая бабенка.

— Насъ потребовали, а то бы мы неизмѣнно находились при мѣстѣ... А ко мнѣ третьяго дня всѣ ваши приходили.

— Кто да кто?

— Марьяшка приходила, Хавронка приходила, Чекундѣ приходила, Двугрошова приходила...

— Это чтоже? спросилъ я Акима Акимыча: — неужели?..

— Бываетъ-съ, отвѣчалъ онъ, скромно опустивъ глаза, потому-что былъ чрезвычайно цѣломудренный человѣкъ.

Это конечно бывало, но очень рѣдко и съ величайшими трудностями. Вообще было больше охотниковъ напримѣръ хотъ выпить, чѣмъ на такое дѣло, несмотря на всю естественную тягость вынужденной жизни. До женщинъ было трудно добраться. Надо было выбирать время, мѣсто, условливаться, назначать свиданія, искать уединенія, что было особенно трудно, склонять конвойныхъ, что было еще труднѣе, и вообще тратить бездну денегъ, судя относительно. Но все-таки мнѣ удавалось, вполнѣдствіи, иногда быть свидѣтелемъ и любовныхъ сценъ. Помню, однажды лѣтомъ мы были встроены въ какомъ-то сараѣ на берегу Иртыша и протапливали какую-то обжигательную печь; конвойные были добрые. Наконецъ явились двѣ «суфлеры», какъ называютъ ихъ арестанты.

— Ну что такъ засидѣлись? небось у Звѣрковыхъ? встрѣтилъ ихъ арестантъ, къ которому онъ пришли, давно уже ихъ ожидавшій.

— Я засидѣлась? Да давеча сорока на колѣхъ дольше чѣмъ я у нихъ посидѣла, отвѣчала весело дѣвица.

Это была наигрязнѣйшая дѣвица въ мірѣ. Она-то и была Чекундѣ. Съ ней вмѣстѣ пришла Двугрошова. Эта уже была внѣ всякаго описанія.

— И съ вами давно не видались, продолжалъ волокита, обращаясь къ Двугрошовой; — что это вы словно какъ похудѣли?

— А можетъ быть. Прежде-то я куды была толстая, а теперь — вотъ словно иглу проглотила.

— Все по солдатикамъ-съ?

— Нѣтъ ужъ это вамъ про насъ злые люди набухвостили; а впрочемъ чтожъ-съ? Хотъ безъ ребрушка ходить, да солдатика любить!

— А вы ихъ бросьте, а насъ любите; у насъ деньги есть...

Въ довершеніе картины представьте себѣ этого волокиту бритаго, въ кандалахъ, полосатаго и подъ конвоемъ.

Я простился съ Акимъ Акимычемъ, и узнавъ, что мнѣ можно воротиться въ острогъ, взялъ конвойнаго и пошелъ домой. Народъ уже сходился. Прежде всѣхъ возвращаются съ работы работающіе на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это — вадать ему урокъ. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они кончаются вдвое скорѣе, чѣмъ еслибъ заставили работать вплоть до обѣденнаго барабана. Окончивъ урокъ, арестантъ безпрепятственно шелъ домой, и уже никто его не останавливалъ.

Обѣдаютъ не вмѣстѣ, а какъ попало, кто раньше пришелъ; да и кухня не вмѣстила бы всѣхъ разомъ. Я попробовалъ щей, но съ непривычки не могъ ихъ ѣсть и заварилъ себѣ чаю. Мы усѣлись на концѣ стола. Со мной былъ одинъ товарищъ, также какъ и я изъ дворянъ.

Арестанты приходили и уходили. Было впрочемъ просторно; еще не всѣ собрались. Кучка въ пять человѣкъ усѣлась особо за большимъ столомъ. Каневаръ налилъ имъ въ двѣ чашки щей и поставилъ на столъ цѣлую латку съ жареной рыбой. Они что-то праздновали и ѣли свое. На насъ они поглядѣли искоса. Вошелъ одинъ полякъ и сѣлъ рядомъ съ нами.

— Дома не былъ, а все знаю! громко закричалъ одинъ высокій арестантъ, входя въ кухню и взглядомъ окидывая всѣхъ присутствующихъ.

Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, мускулистъ и сухощавъ. Въ лицѣ его было что-то лукавое и вмѣстѣ веселое. Въ особенности замѣчательна была его толстая, нижняя, отвисшая губа; она придавала его лицу что-то чрезвычайно комическое.

— Ну, здорово поचेвали! Чтожъ не здороваетесь? Напимъ курскимъ! прибавилъ онъ, усаживаясь подлѣ обѣдавшихъ свое кушанье: — хлѣбъ да соль! Встрѣчайте гостя.

— Да мы, братъ, не курскіе.

— Аль тамбовскимъ?

— Да и не тамбовскіе. Съ насъ братъ, тебѣ нечего взять. Ты ступай къ богатому мужику, тамъ проси.

— Въ брюхѣ-то у меня, братцы, сегодня Иванъ Таскунъ, да Марья Икотишна; а гдѣ онъ, богатый мужикъ, живетъ?

— Да вонъ Газинъ богатый мужикъ; къ нему и ступай.

— Кутить, братцы, сегодня Газинъ, зашилъ весь кошель пропиваетъ.

— Цѣлковыхъ двадцать есть, замѣтилъ другой. — Выгодно, братцы, цѣловальникомъ быть.

— Чтожъ, не примете гостя! Ну такъ похлебаетъ и казеннаго.

— Да ты ступай проси чаю. Вонъ баре пьютъ.

— Какіе баре, тутъ нѣтъ баръ; такіе же какъ и мы теперь, мрачно промолвилъ одинъ, сидѣвшій въ углу арестантъ. До сихъ поръ онъ не проговорилъ слова.

— Напился бы чаю, да просить совѣстно: мы съ

амбиціей! замѣтилъ арестантъ съ толстой губой, добродушно смотря на насъ.

— Если хотите, я вамъ дамъ, сказалъ я, приглашая арестанта:—угодно?

— Угодно? да ужь какъ не угодно!—Онъ подошелъ къ столу.

— Ишь, дома лаптемъ щи хлебаль, а здѣсь чай узналъ; господскаго питья захотѣлось, проговорилъ мрачный арестантъ.

— А развѣ здѣсь никто не пьетъ чаю? спросилъ я его. Но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Вотъ и калачи несутъ. Ужь удостойте и калачика.

Внесли калачи. Молодой арестантъ несъ цѣлую связку и распродалъ ее по острогу. Калачница уступала ему десятый калачъ; на этотъ-то калачъ онъ и рассчитывалъ.

— Калачи, калачи! кричалъ онъ, входя въ кухню:—московскіе, горячіе! Самъ бы ѣлъ, да денегъ надо. Ну, ребята, послѣдній калачъ остался: у кого мать была?

Это воззваніе къ материнской любви разсмѣшило всѣхъ, и у него взяли нѣсколько калачей.

— А что, братцы, проговорилъ онъ: — вѣдь Газинъ-то сегодня догуляется до грѣха! сй-Богу! когда гулять вздумалъ. Неравно осмыглый пріѣдетъ.

— Спрячутъ. А что, крѣпко пьянъ?

— Куды! Злой, пристаётъ.

— Ну такъ догуляется до кулаковъ...

— Про кого они говорятъ? спросилъ я у поляка, сидѣвшаго рядомъ со мною,

— Это Газинъ, арестантъ. Онъ торгуетъ здѣсь виномъ. Когда наторгуетъ денегъ, тотчасъ же ихъ пропиваетъ. Онъ жестокъ и золь; впрочемъ трезвый смиренъ; когда же напьется, то весь наружу; на людей съ ножомъ кидается. Тутъ ужь его унимаютъ.

— Какже унимаютъ?

— На него бросаются человѣкъ десять арестантовъ и начинаютъ ужасно бить, до тѣхъ поръ, пока онъ не лишится всѣхъ чувствъ, т. е. бьютъ до полусмерти. Тогда укладываютъ его на нары и накрываютъ полусубкомъ.

— Да вѣдь они могутъ его убить?

— Другаго бы убили, но его нѣтъ. Онъ ужасно силенъ, сильнѣе здѣсь всѣхъ въ острогѣ и самаго крѣпкаго сложенія. На другое же утро онъ встаетъ совершенно здоровый.

— Скажите пожалуйста, продолжалъ я спрашивать поляка:—вѣдь вотъ они тоже ѣдятъ свое кушанье: а я пью чай. А между тѣмъ они смотрятъ, какъ будто завидуютъ за этотъ чай. Что это значитъ?

— Это не за чай, отвѣчалъ полякъ. — Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, увидѣть. Вы еще много увидите здѣсь

непріятностей. Здѣсь ужасно тяжело для всѣхъ насъ. Памъ всѣхъ тяжелѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно много равнодушія, чтобъ къ этому привыкнуть. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, не смотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя.

Проговоривъ это онъ всталъ и ушелъ изъ-за стола. Черезъ нѣсколько минутъ сблизился и слова его...

III.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Только-что ушелъ М—цкій (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню.

Пьяный арестантъ, среди бѣла-дня, въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ начальникѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящимся въ острогѣ безотлучно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ при всѣхъ этихъ строгостяхъ,—совершенно смутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понягія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ, прежде чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа—естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любитъ деньги и цѣнитъ ихъ выше всего, почти наравнѣ съ свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онъ зѣпнать у чего въ карманѣ. Напротивъ онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и надаетъ духомъ, если ихъ пѣтъ и тогда онъ готовъ и на воровство и на что понало, только бы ихъ добыть. Но не смотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоценностью, они никогда не залеживались у счастливаго, ихъ имѣющаго. Во-первыхъ, трудно было ихъ сохранить, чтобъ не украли или не отобрали. Если майоръ добирался до нихъ, при внезапныхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ быть онъ употреблялъ ихъ на улучшеніе арестантской пищи; по крайней мѣрѣ онъ приносился къ пему. Но всего чаще ихъ крали: ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на сохраненіе старику-старовѣру, поступившему къ намъ изъ стародубовскихъ слободъ, бывшихъ когда-то Вѣтковцевъ... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ пер-

ваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окружаемые мелкими лучистыми морщинками. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строптаться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ ослѣпленіи своемъ считалъ ее «мукою за вѣру». Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій какъ дитя человекъ, быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». — Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запырлся въ этомъ. Казалось, что по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятія за него «муки» онъ долженъ бы былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ-ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы, большею частью сибиряки. Это былъ сильно развитый народъ, хитрые мужики, чрезвычайные начетники и буквѣды и по своему сильныя діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и петеринный въ высочайшей степени. Совсѣмъ другой человекъ былъ старикъ. Начетникъ можетъ быть больше ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени общительнаго. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся — не тѣмъ грубымъ, цинпческимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шелъ къ сѣдинамъ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человека, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятенъ смѣхъ кого нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человекъ хорошій. — Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понялъ, какое могъ онъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но, несмотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глу-

бокая, неизлечимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачъ. Старикъ сидѣлъ на печи (той самой, на которой прежде него по ночамъ молился зачитавшійся, хотѣвшій убить маіора) и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи, не оставь меня! Господи укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидаться!» Не могу разсказать какъ мнѣ стало грустно. — Вотъ этому-то старику мало по малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть. Знали, что онъ куда-то пряталъ врученныя ему деньги, но въ такое потасное мѣсто, что никому нельзя было ихъ отыскать. Впоследствии мнѣ и нѣкоторымъ изъ поляковъ онъ объяснилъ свою тайну. Въ одной изъ палъ былъ сучокъ, повидимому твердо сросшійся съ деревомъ. Но онъ вынимался и въ деревѣ оказалось большое углубленіе. Туда-то дѣдушка пряталъ деньги и потомъ опять вкладывалъ сучокъ, такъ что никто никогда не могъ ничего отыскать.

Но я отклонился отъ разсказа. Я остановился на томъ: почему въ кармапѣ у арестанта не закладывались деньги. Но кромѣ труда уберечь ихъ, въ острогѣ было столько тоски; арестантъ же по природѣ своей существо до того жаждущее свободы и наконецъ по соціальному своему положенію, до того легкомысленное и безпорядочное, что его естественно влечетъ вдругъ «развернуться на всѣ», закутить на весь капиталъ, съ громомъ и музыкой, такъ чтобъ забыть, хоть на минуту, тоску свою. Даже странно было смотрѣть, какъ иной изъ нихъ работаетъ, не разгибая шеи, иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, единственно для того, чтобъ въ одинъ день спустить весь заработокъ, все дочиста, а потомъ опять, до новаго кутежа, нѣсколько мѣсяцевъ корпѣть за работой. — Многіе изъ нихъ любили заводить себѣ обновки, и непремѣнно партикулярнаго свойства: какіе нибудь неформенные, черные штаны, поддевки, сибирки. Въ большомъ употребленіи были тоже ситцевыя рубашки и пояса съ мѣдными бляхами. Рядились въ праздники и разрядившійся непремѣнно бывало пройдетъ по всѣмъ казармамъ показать себя всему свѣту. Довольство хорошо одѣтаго доходило до ребячества: да и во многомъ арестанты были совершенныя дѣти. Правда, всѣ эти хорошія вещи какъ-то вдругъ исчезали отъ хозяина, иногда въ тотъ же вечеръ закладывались и спускались за безцѣнокъ. Впрочемъ кутежъ развертывался постепенно. Пригонялся онъ обыкновенно къ праздничнымъ днямъ, или къ днямъ именинъ кутившаго. Арестантъ-именинникъ, вставая поутру ставилъ къ образу свѣчку и молился; потомъ наряжался и заказывалъ себѣ обѣдъ. Покупалась говядина, ры-

ба, дѣлались сибирскіе пельмени; онъ наѣдался какъ волъ, почти всегда одинъ, рѣдко приглашая товарищей раздѣлить свою трапезу. Потомъ появлялось и вино: импѣринникъ напивался какъ стелька и непремѣнно ходилъ по казармамъ, покачиваясь и спотыкаясь, стараясь показать всѣмъ, что онъ пьянъ, что онъ «гуляетъ», и тѣмъ заслужить всеобщее уваженіе. Вездѣ въ русскомъ народѣ къ пьяному чувствуется нѣкоторая симпатія; въ острогѣ же къ загулявшему даже дѣлались почтительны. Въ острожной гульбѣ былъ своего рода аристократизмъ. Развеселившись, арестантъ непремѣнно нанималъ музыку. Былъ въ острогѣ одинъ полячокъ изъ бѣглыхъ солдатъ, очень гаденькій, но игравшій на скрипкѣ и имѣвшій при себѣ инструментъ — все свое достояніе. Ремесла онъ не имѣлъ никакого и тѣмъ только и промышлялъ, что нанимался къ гуляющимъ играть веселые танцы. Должность его состояла въ томъ, чтобъ безотлучно слѣдовать за своимъ пьянымъ хозяиномъ изъ казармы въ казарму и пилить на скрипкѣ изъ всей мочи. Часто на лицѣ его являлась скука, тоска. Но окрикъ: «играй, деньги взялъ!» заставлялъ его снова пилить и пилить. Арестантъ, начиная гулять, могъ быть твердо увѣренъ, что если онъ ужъ очень напьется, то за нимъ непремѣнно присмотрятъ, во время уложить спать и всегда куда нибудь спрячутъ при появлении начальства, и все это совершенно безкорыстно. Съ своей стороны унтеръ-офицеръ и нивальды, жившіе для порядка въ острогѣ, могли быть тоже совершенно спокойны: пьяный не могъ произвести никакого безпорядка. За нимъ смотрѣла вся казарма и еслибъ онъ зашумѣлъ, забунтовалъ—его бы тотчасъ же усмирили, даже просто связали бы. А потому низшее острожное начальство смотрѣло на пьянство сквозъ пальцы, да и не хотѣло замѣчать. Оно очень хорошо знало, что не позволю вина, такъ будетъ и хуже.—Но откуда же доставалось вино?

Вино покупалось въ острогѣ же, у такъ называемыхъ цѣловальниковъ. Ихъ было нѣсколько человекъ, и торговлю свою они вели непрерывно и успѣшно, несмотря на то, что пьющихъ и «гуляющихъ» было вообще немного, потому что гульба требовала денегъ, а арестантскія деньги добывались трудно. Торговля начиналась, шла и разрѣшалась довольно оригинальнымъ образомъ. Иной арестантъ, положимъ, не имѣетъ ремесла и не желаетъ трудиться (такіе бывали), но хочетъ имѣть деньги и притомъ человекъ нетерпѣливый, хочетъ скоро нажитъ. У него есть нѣсколько денегъ для начала, и онъ рѣшается торговать виномъ: предпріятіе смѣлое, требующее большого риска. Можно было за него поплатиться спиной и разомъ лишиться товара и капитала. Но цѣловальникъ на то идетъ. Денегъ у него сначала немного, и потому въ первый разъ онъ самъ проноситъ въ острогъ вино и разумѣется сбываетъ его выгоднымъ образомъ. Онъ повторяетъ опытъ

второй и третій разъ, и если не попадаетъ на начальству, то быстро расторговывается, и только тогда основываетъ настоящую торговлю на широкихъ основаніяхъ; дѣлается антрепренеромъ, капиталистомъ, держитъ агентовъ и помощниковъ, рискуетъ гораздо меньше, а наживаетъ все больше и больше. Рискуютъ за него помощники.

Въ острогѣ всегда бываетъ много народу промотавшагося, проигравшагося, прогуляваго все до копѣйки, народу безъ ремесла, жалкаго и оборваннаго, но одареннаго до извѣстной степени смѣлостью и рѣшимостью. У такихъ людей остается, въ видѣ капитала, въ цѣлости одна только спина, она можетъ еще служить къ чему-нибудь, и вотъ этотъ-то послѣдній капиталъ промотавшійся гуляка и рѣшается пустить въ оборотъ. Онъ идетъ къ антрепренеру и нанимается къ нему для проноски въ острогъ вина; у богатаго цѣловальника такихъ работниковъ нѣсколько. Гдѣ-нибудь внѣ острога существуетъ такой человекъ, — изъ солдатъ, изъ мѣщанъ, иногда даже дѣвка,—который на деньги антрепренера и за извѣстную премію, сравнительно очень немалую, покупаетъ въ кабацѣ вино и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда арестанты приходятъ на работу. Почти всегда поставщикъ первоначально испробовываетъ доброту водки и отпущеное—безчеловѣчно добавляетъ водой; — бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишкомъ разборчивымъ; и то хорошо, что еще не совсѣмъ пропали его деньги и доставлена водка, хоть какая-нибудь да все-таки водка. Къ этому-то поставщику и являются, указанные ему напередъ отъ острожнаго цѣловальника, проносители, съ бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываются, потомъ наливается водой и, такимъ образомъ, сохраняются въ первоначальной влажности и растяжимости, чтобы совершенно быть удобными къ воспріятію водки. Наливъ кишки водкой, арестантъ обвязываетъ ихъ кругомъ себя, по возможности въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ своего тѣла. Разумѣется, при этомъ выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость контрабандиста. Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойныхъ и караульныхъ. Онъ ихъ надуваетъ: у хорошаго вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутчикъ, всегда прозѣваетъ. Разумѣется, конвойный изучается предварительно; ктому же принимается въ соображеніе время, мѣсто работы. Арестантъ, напимѣръ печникъ, полѣзетъ на печь: кто увидитъ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Не лѣзть-же за нимъ и конвойному. Подходя къ острогу, онъ беретъ въ руки монетку, — пятнадцать или двадцать копѣекъ серебромъ, на всякій случай, и ждетъ у воротъ ефрейтора. Всякаго арестанта, возвращающагося съ работы, караульный ефрейторъ осматриваетъ кругомъ и ощупываетъ и потомъ уже отпираетъ ему двери острога. Проноситель вина обыкновенно надѣется, что посовѣстятся слишкомъ подробно его ощупывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но иногда пролазъ-ефрей-

торъ добирается и до этихъ мѣстъ и нацупиваетъ вино. Тогда остается одно послѣднее средство: контрабандистъ, молча и скрытно отъ конвойнаго, суетъ въ руки ефрейтора затаенную въ рукѣ монетку. Случается, что вслѣдствіе такого маневра, онъ приходитъ въ острогъ благополучно и проноситъ вино. Но иногда маневръ не удается, и тогда приходится разсчитаться своимъ послѣднимъ капиталомъ, т. е. спиной. Докладываютъ маіору, капиталъ сѣкутъ, и сѣкутъ больно, вино отбирается въ казну, и контрабандистъ принимаетъ все на себя, не выдавая антрепренера, но, замѣтимъ себѣ, не потому, чтобъ гнашася доноса, а единственно потому, что доносъ для него невыгоденъ; его бы все-таки высѣкли; все утѣшеніе было бы въ томъ, что ихъ бы высѣкли обоихъ. Но антрепренеръ ему еще нуженъ, хотя по обычаю и по предварительному договору, за высѣченную спину контрабандистъ не получаетъ съ антрепренера ни копѣйки. Чтоже касается вообще доносовъ, то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немислимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, еслибъ вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли. Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ маіорскимъ деньщикомъ Оедькой и служилъ у него шпиономъ, а тотъ передавалъ все, услышанное имъ объ арестантахъ, маіору. У насъ все это знали, и никто никогда даже и не вздумалъ наказать или хотъ бы укорить негодяя.

Но я отклонился всторону. Разумѣется, бываетъ, что вино проносится и благополучно; тогда антрепренеръ принимаетъ принесенныя кишки, заплативъ за нихъ деньги и начинаетъ разсчитывать. По расчету оказывается, что товаръ стоитъ уже ему очень дорого; а потому, для большихъ барышей, онъ переливаетъ его еще разъ, съизнова разбавляя еще разъ водой, чуть не на половину, и такимъ образомъ приготовившись совершенно, ждетъ покупателя. Въ первый же праздникъ, а иногда въ будни, покупатель является: это арестантъ, работавшій нѣсколько мѣсяцевъ какъ кордонный воль и скопившій копѣйку, чтобы пропить все въ заранѣе опредѣленный для того день. Этотъ день еще за долго до своего появленія снялся бѣдному труженику и во снѣ, и въ счастливыхъ мечтахъ за работою, и обаяніемъ своимъ поддерживалъ его духъ на скучномъ поприщѣ острожной жизни. Наконецъ, зоря свѣтлаго дня появляется на востокѣ; деньги скоплены, не отобранны, не украдены, и онъ ихъ несетъ цѣловальнику. Тотъ подаетъ ему сначала вино, по возможности чистое, т. е. всего только два раза разбавленное; но по мѣрѣ отпиванія изъ бутылки, все отпитее немедленно добавляется водой. За чашку вина платится впятеро, вшестеро больше, чѣмъ въ

кабакѣ. Можно представить себѣ, сколько нужно выпить такихъ чашекъ и сколько заплатить за нихъ денегъ, чтобъ напиться! Но по отвычкѣ отъ питья и отъ предварительнаго воздержанія, арестантъ хмѣлѣетъ довольно скоро, и обыкновенно продолжаетъ пить до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ свои деньги. Тогда идутъ въ ходъ всѣ обновки: цѣловальникъ въ тоже время и ростовщикъ. Сперва поступаютъ къ нему новозаведенныя парткулярныя вещи, потомъ доходитъ и до стараго хлама, а наконецъ и до казенныхъ вещей. Съ пропитіемъ всего, до послѣдней тряпки, пьяница ложится спать, и на другой день, проснувшись съ немнпуюемой трескотней въ головѣ, тщетно проситъ у цѣловальника хотъ глотокъ вина на похмѣлье. Грустно переноситъ онъ невзгуду, и въ тотъ же день принимается опять за работу и опять нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ, не разгибая шеи, мечтая о счастливомъ кутежномъ днѣ, безвозвратно канувшемъ въ вѣчность, и мало-помалу начиная ободряться и поджидать другаго такого же дня, который еще далеко, но который все-таки придетъ же когда-нибудь, въ свою очередь.

Чтоже касается цѣловальника, то паторговавъ наконецъ огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, онъ заготовляетъ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому что назначаетъ его для себя: довольно торговать: пора и самому поспражновать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія; задобривается даже и ближайшее, низшее острожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣсколько дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не пропиваетъ до копѣйки. Какъ ни оберстаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадаетъ на глаза высшему начальству, маіору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, обируютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ, и въ заключеніе сѣкутъ. Встряхнувшись, онъ приходитъ обратно въ острогъ и чрезъ нѣсколько дней снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные пзъ гулякъ, разумѣется богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробирются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштатъ, въ сопровожденіи подкупленнаго конвойнаго. Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домикѣ, гдѣ-нибудь на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ, и ухлопываются дѣйствительно большія суммы. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ-нибудь заранѣ, съ знаніемъ дѣла. Обыкновенно такіе конвойные сами—будущіе кандидаты въ острогъ. Впрочемъ за деньги все можно сдѣлать, и такія путешествія остаются почти всегда въ тайнѣ. Надо прибавить, что они весьма рѣдко случаются; на это надо много денегъ, и любители прекраснаго пола прибѣгаютъ

къ другимъ средствамъ, совершенно безопаснымъ...

Еще съ первыхъ дней моего осторожнаго житія одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенкый мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо, во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отроду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ безсрочномъ, слѣдственно считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое, пѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полуобритая голова мало его безобразила: такой онъ былъ хорошенкый мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть попомногу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ неряхой. Развѣ кто другой одѣнетъ его хорошо, иногда даже въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показывать. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходить бывало за казармами — руки въ карманахъ, смиренный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Окликнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ же отвѣтитъ и даже какъ-то почти тѣпело, не поарестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядитъ же на васъ какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги, — онъ не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, не отдастъ починить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ, а купитъ калачика, пряничка и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отроду. «Эхъ ты, Сироткинъ! говорятъ бывало ему арестанты: — сирота ты казанская!» Въ перабочее время онъ обыкновенно скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ, одному ему нечего дѣлать. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку (надъ нимъ и его товарищами такъ часто посмѣивались), — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень просмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ: зачѣмъ это смиренное, простодушное существо явилось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подѣ вечеръ, мы съ нимъ разговаривали; онъ невзначай одушевился и, къ слову, рассказалъ мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ провожая его плакала надъ нимъ его, мать и какъ тяжело ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ не могъ вытерпѣть рекрутской жизни: потому-что тамъ всѣ были такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда почти были имъ недовольны...

— Какъ же кончилось? спросилъ я: — за чтожъ

ты сюда-то попалъ? да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ пробылъ въ батальонѣ; а сюда пришелъ за то, что Григорья Петровича, моего ротнаго командира убилъ.

— Слышалъ я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Уже оченно мнѣ тяжело стало.

— Да какъ же другіе-то рекруты живутъ? Конечно тяжело сначала, а потомъ привыкають и, смотришь, выходятъ славный солдаты. Тебя должно быть мать забаловала; пряничками да молочкомъ до восемнадцати лѣтъ кормила.

— Матушка-то меня, правда, очень любила-съ. Когда я въ некруты пошелъ, она послѣ меня слегла, да слышно, и не вставала... Горько мнѣ ужъ оченъ, под конецъ по некрутству стало. Командиръ не влюбилъ, за все показываетъ, — а и за что-съ? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ акурать; винишка не пью, ни чѣмъ не занимаюсь, а ужъ это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коли чѣмъ занимается человѣкъ. — Все кругомъ такіе жестоко-сердые, — всплакнуть не гдѣ. Бывало пойдешь куда за уголь, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ. Ужъ ночь; поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ: осень была, а темень такая, что хотъ глазъ раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло поставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него и большимъ пальцемъ ноги спустил курокъ. Смотрю — ошѣлка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешокъ пообилъ и опять къ груди приставилъ. Чтоже-съ? порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! — Чтожъ это, думаю? Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ прикнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать: хотъ куда хонъ, только вонъ изъ некрутства! Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главнымъ рундомъ правилъ. Прямо на меня: «Развѣ такъ стоятъ на караулѣ?» Я взялъ ружье на руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошель, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Онъ не лгалъ. Да и за что же его прислали въ особое отдѣленіе? Обыкновенныя преступленія наказываются гораздо легче. Впрочемъ, только одинъ Сироткинъ и былъ изъ всѣхъ своихъ товарищей такой красавчикъ. Чтоже касается другихъ подобныхъ ему, которыхъ было у насъ всѣхъ человѣкъ до пятнадцати, то даже странно было смотрѣть на нихъ; только два-три лица были еще сносны: остальные же все такіе вислоухіе, безобразные, перяхи; иные даже сѣдые. Если позволятъ обстоятельства, я скажу когда-нибудь о всей этой кучкѣ подробнѣе. Сироткинъ же часто былъ друженъ съ Гавинымъ, тѣмъ самымъ, по поводу котораго я началъ эту главу, упомянувъ, что онъ

пьяный ввалился въ кухню и что это спутало мои первоначальныя понятія объ острожной жизни.

Этотъ Газинъ былъ ужасное существо. Онъ производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. Я видѣлъ въ Толбоськѣ знаменитаго своими злодѣяніями разбойника Каменева; видѣлъ потомъ Соколова, подсудимаго арестанта, изъ бѣглыхъ солдатъ, страшнаго убійцу. Но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого отвратительнаго впечатлѣнія какъ Газинъ. Мнѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собою огромнаго, исполинскаго паука, съ человѣка величиною. Онъ былъ татаринъ; ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ изъ подлобья. Въ острогѣ носились объ немъ странные слухи: знали, что онъ былъ изъ военныхъ; но арестанты толковали межъ собой, не знаю правда ли, что онъ бѣглый изъ Нерчинска; въ Сибирь сосланъ былъ уже неразъ, бѣгалъ неразъ, неразъ перемѣнялъ имя, и наконецъ-то попалъ въ нашъ острогъ, въ особое отдѣленіе. Рассказывали тоже про него, что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: заведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто; сначала напугаетъ его, измучаетъ, и уже вполнѣ насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ. Все это можетъ быть и выдумывали, вслѣдствіе общаго тяжелаго впечатлѣнія, которое производилъ собою на всѣхъ Газинъ, но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему, были къ лицу. А между тѣмъ въ острогѣ онъ велъ себя, непьяный, въ обыкновенное время, очень благоразумно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился и избѣгалъ ссоръ, но какъ-будто отъ презрѣнія къ другимъ, какъ-будто считая себя выше всѣхъ остальныхъ: говорилъ очень мало и былъ какъ-то преднамѣренно несообщителенъ. Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень неглупъ и чрезвычайно хитеръ; но что-то высокоумно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ. Онъ торговалъ виномъ и былъ въ острогѣ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ цѣловальниковъ. Но въ годъ два два ему приходилось напиваться самому пьянымъ, и вотъ тутъ-то высказывалось все звѣрство его натуры. Хмѣлѣя постепенно, онъ сначала начиналъ задирать людей насмѣшками, самыми злыми, разсчитанными и какъ-будто давно заготовленными; наконецъ, охмѣлѣвъ совершенно, онъ приходилъ въ страшную ярость, схватывалъ ножъ и бросался на людей. Арестанты, зная его ужасную силу, разбѣгались отъ него и прятались; онъ бросался на всякаго встрѣчнаго. Но скоро нашли способъ справляться съ нимъ. Человѣкъ десять изъ его казармы бросались вдругъ на него

всѣ разомъ и начинали бить. Невозможно представить себѣ ничего жесточе этого битья: его били въ грудь, подъ сердце, подъ ложечку, въ животъ; били много и долго, и переставали только тогда, когда онъ терялъ всѣ свои чувства и становился какъ мертвый. Другаго бы не рѣшились такъ бить: такъ бить — значило убить; но только не Газина. Послѣ битья, — его совершенно безчувственного, завертывали въ полушубокъ и относили на нары. — «Отлежится моль!» — И дѣйствительно, на утро онъ вставалъ почти здоровый и молча и угрюмо выходилъ на работу. — И каждый разъ, когда Газинъ напивался пьянъ, въ острогѣ всѣ уже знали, что день кончится для него непременно побоями. Да и самъ онъ зналъ это и все-таки напивался. Такъ шло нѣсколько лѣтъ. Наконецъ замѣтили, что и Газинъ начинаетъ поддаваться. Онъ сталъ жаловаться на разныя боли, сталъ замѣтно хирѣть; все чаще и чаще ходилъ въ госпиталь... «Поддался таки!» говорили про себя арестанты.

Онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи того гаденькаго полячка со скрипкой, котораго обыкновенно нанимали гулявшіе для полноты своего увеселенія, и остановился посреди кухни, молча и внимательно оглядывая всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, увидя тогда меня и моего товарища, онъ злобно и насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ, самодовольно улыбнулся, что-то какъ будто сообразилъ про себя и, сильно покачиваясь, подошелъ къ нашему столу.

— А позвольте спросить, началъ онъ (онъ говорилъ по-русски): — вы изъ какихъ доходовъ изволите здѣсь чай распивать?

Я молча переглянулся съ моимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ пришелъ бы въ ярость.

— Стало-быть у васъ деньги есть? продолжалъ онъ допрашивать.

— Стало-быть у васъ денегъ куча, а? А развѣ вы затѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чап распивать? Вы чай распивать пришли? Да говорите же, чтобъ васъ!..

Но видя, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (лотокъ), въ которую складывался весь нарѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика, что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного, и онъ бы раздробилъ намъ головы. Несмотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными непріятностями всему острогу: начались бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому арестанты всѣми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — несмотря на это, теперь всѣ притихли и выжи-

дали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газина! — до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только-что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то крикнулъ изъ сѣней:

— Газинъ! Вино украли!...

Онъ грохнулъ сельницу на полъ и какъ сумасшедшій бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! говорили межъ собой арестанты. — И долго потомъ они говорили это.

Я не могъ узнать потомъ, было ли это извѣстіе о покражѣ вина справедливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечеромъ, уже въ темнотѣ, передъ запоромъ казармъ, я ходилъ около палъ и тяжолая грусть пала мнѣ на душу, и никогда послѣ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день заточенія, гдѣ бы то ни было: въ острогѣ ли, въ казематѣ ли, въ каторгѣ ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ, — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь: это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣже преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнять одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и потому и по другому дѣлу выходить почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разниа въ преступленіяхъ. Одинъ напимѣръ зарѣзалъ человѣка такъ за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. «Чтожъ батька! ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашелъ. — Дуракъ! луковица — анъ копѣйка! Сто душъ—сто луковицъ, вотъ-те и рубль!» — (Острожная легенда). — А другой убилъ, защищая отъ сластолюбиваго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый пѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И чтоже? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть варіація въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но варіацій этихъ, сравнительно, немного; а варіацій въ одномъ и томъ же родѣ преступленій — безчисленное множество. Что характеръ, то и варіація. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разниа невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача — квадратура круга, положимъ такъ. Но еслибъ даже это неравенство и не существовало, — посмотрите на другую разниа, на разниа въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человѣкъ, который въ

каторгѣ чахнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ напимѣръ человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ сознаніемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе 'безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленія, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего антрепренера съ утра до ночи; а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаваніе, есть возможность заработать копѣйку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всзнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почтительнымъ изумленіемъ; онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ быть въ свѣтѣ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ одинаково чувствительно? Но впрочемъ, что заниматься неразрѣшимыми вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

IV.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Началась послѣдняя повѣрка. Послѣ этой повѣрки запирались казармы, каждая особымъ замкомъ, и арестанты оставались запертыми вплоть до разсвѣта.

Повѣрка производилась унтеръ-офицеромъ съ двумя солдатами. Для этого арестантовъ выстраивали иногда на дворѣ и приходилъ караульный офицеръ. Но чаще вся эта церемонія происходила домашнимъ образомъ: повѣряли по казармамъ. Такъ было и теперь. Повѣряющіе часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконецъ бѣдные караульные досчитались до желанной цифры и заперли казарму. Въ ней помѣщалось человѣкъ до триста арестантовъ, сбитыхъ довольно тѣсно на нарахъ. Спать было еще рано. Каждый, очевидно, долженъ былъ чѣмъ-нибудь заняться.

Изъ начальства въ казармѣ оставался только одинъ инвалидъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Въ каждой казармѣ тоже былъ старшій изъ арестантовъ, назначаемый самимъ плацъ-маюромъ, разумѣется за хорошее поведение. Очень

часто случалось, что и старшіе въ свою очередь попадались въ серьезныхъ шалостяхъ; тогда ихъ сѣкли, немедленно разжалывали въ младшіе и замѣщали другимъ. Въ нашей казармѣ старшимъ оказался Акимъ Акимычъ, который, къ удивленію моему, нерѣдко покрикивалъ на арестантовъ. Арестанты отвѣчали ему обыкновенно насмѣшками. Инвалидъ былъ умнѣе его и ни во что не вмѣшивался, а если и случалось ему шевелить когда языкомъ, то не болѣе какъ изъ приличія, для очистки совѣсти. Онъ молча сидѣлъ на своей койкѣ и тачалъ сапогъ. Арестанты не обращали на него почти никакого вниманія.

Въ этотъ первый день моей острожной жизни я сдѣлалъ одно наблюденіе и впоследствии убѣдился, что оно вѣрно. Именно: что всѣ не арестанты. Кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, какъ-то конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторжнымъ бытомъ — какъ-то преувеличенно смотрятъ на арестантовъ. Точно они каждую минуту въ безпокойствѣ ожидаютъ, что арестантъ нѣтъ-нѣтъ, да и бросится на кого-нибудь изъ нихъ съ ножомъ. Но что всего замѣчательнѣе — сами арестанты сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу. А между тѣмъ самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, который ихъ не боится. Да и вообще, не смотря на куражъ, самимъ арестантамъ гораздо пріятнѣе, когда къ нимъ имѣютъ довѣріе. Этимъ ихъ можно даже привлечь къ себѣ. Случалось въ мое острожное время, хотя и чрезвычайно рѣдко, что кто-нибудь изъ начальства заходилъ въ острогъ безъ конвоя. Надо было видѣть, какъ это поражало арестантовъ, и поражало съ хорошей стороны. Такой безстрашный посѣтитель всегда возбуждалъ къ себѣ уваженіе, и еслибъ даже дѣйствительно могло случиться что-нибудь дурное, то при немъ бы оно не случилось. Внушаемый арестантами страхъ повсемѣстенъ, гдѣ только есть арестанты, и право не знаю, отчего онъ собственно происходитъ. Нѣкоторое основаніе онъ конечно имѣетъ, начиная съ самаго наружнаго вида арестанта, признаннаго разбойника; кромѣ того вся эта куча людей собралась здѣсь не своею охотою, и что, не смотря ни на какія мѣры, живаго человѣка нельзя сдѣлать трупомъ: онъ останется съ чувствами, съ жаждой мщенія и жизни, съ страстями и съ потребностями удовлетворить ихъ. Но не смотря на то, я положительно увѣренъ, что бояться арестантовъ все-таки нечего. Не такъ легко и не такъ скоро бросается человѣкъ съ ножомъ на другого человѣка. Однимъ словомъ, если и возможна опасность, если она и бываетъ когда, то, по рѣдкости подобныхъ несчастныхъ случаевъ, можно прямо заключить, что она ничтожна. Разумѣется, я говорю теперь только объ арестантахъ рѣшенныхъ, изъ которыхъ даже многіе рады, что добра-

лись до острога (до того хороша бываетъ иногда жизнь новая!), а слѣдовательно расположены жить спокойно и мирно; да кромѣ того и дѣйствительно безпокойнымъ изъ своихъ сами не дадутъ много куражиться. Каждый каторжный, какъ бы онъ смѣлъ и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ. Подсудимый же арестантъ — другое дѣло. Этотъ дѣйствительно способенъ броситься на посторонняго человѣка такъ, ни за что, единственно потому напимѣрь, что ему завтра должно выходить къ наказанію; а если затѣется новое дѣло, то стало-быть отдалится и наказаніе. Тутъ есть причина, цѣль нападенія: это — «перемѣнить свою участь» во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Я даже знаю одинъ странный психологическій случай въ этомъ родѣ.

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишенный правъ состоянія, присланный года на два въ острогъ по суду, страшный фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Вообще фанфаронство и трусость встрѣчаются въ русскомъ солдатѣ чрезвычайно рѣдко. Нашъ солдатъ смотритъ всегда такимъ занятымъ, что еслибъ и хотѣлъ, то ему бы некогда было фанфаронить. Но если ужъ онъ фанфаронъ, то почти всегда бездѣльникъ и трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ наконецъ свой коротенькій срокъ и выпелъ опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобныя, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ немъ балуются, то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ не на два или на три года, а во «всегдашній» разрядъ, на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ-подъ замка; сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до-нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать сквозъ строй, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобы хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія! Онъ до того былъ трусъ, что бросившись съ ножомъ, онъ даже не ранилъ офицера; а сдѣлалъ все для проформы, для того только, чтобы оказалось новое преступленіе, за которое бы его опять стали судить.

Минута передъ наказаніемъ конечно ужасна для приговореннаго, и мнѣ въ нѣсколько лѣтъ пришлось видѣть довольно подсудимыхъ, наканунѣ роковаго для нихъ дня. Обыкновенно я встрѣчался съ подсудимыми арестантами въ госпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ, когда лежалъ больной,

что случалось довольно часто. Известно всем арестантам во всей Россіи, что самые сострадательные для них люди—доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ невольно дѣлаютъ почти всѣ посторонніе, кромѣ развѣ одного простаго народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастье. Недаромъ же весь народъ во всей Россіи называетъ преступленіе несчастьемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубокознаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано безосознательно, инстинктивно. Доктора же—истинное прибіжище арестантовъ, во многихъ случаяхъ, особенно для подсудимыхъ, которые содержатся тяжеле рѣшенныхъ... И вотъ подсудимый, рассчитавъ вѣроятный срокъ ужаснаго для него дня, уходитъ часто въ госпиталь, желая хоть сколько-нибудь отдалить тяжелую минуту. Когда же онъ обратно выписывается, почти навѣрно зная, что роковой срокъ завтра, то всегда почти бываетъ въ сильномъ волненіи. Иные стараются скрыть свои чувства изъ самолюбія, но неловкій, напускной куражъ не обманываетъ ихъ товарищей. Всѣ понимаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ про себя изъ человеколюбія. Я зналъ одного арестанта, молодого человека, убійцу, изъ солдатъ, приговореннаго къ полному числу палокъ. Онъ до того заробѣлъ, что наканунѣ наказанія рѣшился выпить крышку вина, настоявъ въ немъ нюхательнаго табаку. Кстати: вино всегда является у подсудимаго арестанта передъ наказаніемъ. Оно проносится еще задолго до срока, добывается за большія деньги и подсудимый скорѣе будетъ полгода отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, но скопить нужную сумму на четверть штофа вина, чтобы выпить его за четверть часа до наказанія. Между арестантами вообще существуетъ убѣжденіе, что хмѣльной не такъ больно чувствуетъ плеть или палки. Но я отвлёкся отъ разсказа. Бѣдный малый, выпивъ свою крышку вина, дѣйствительно тотчасъ же сдѣлался боленъ; съ нимъ началась рвота съ кровью, и его отвезли въ госпиталь почти безчувственнаго. Эта рвота до того разстроила его грудь, что черезъ нѣсколько дней въ немъ открылись признаки настоящей чахотки, отъ которой онъ умеръ черезъ полгода. Доктора, лечившіе его отъ чахотки, не знали отчего она произошла.

Но разсказывая о часто встрѣчающемся малодушіи преступниковъ передъ наказаніемъ, я долженъ прибавить, что, напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ, изумляютъ наблюдателя необыкновеннымъ безстрашіемъ. Я помню нѣсколько примѣровъ отваги, доходившей до какой-то безчувственности, и примѣры эти были не совсѣмъ рѣдки. Особенно помню я мою встрѣчу съ однимъ страшнымъ преступникомъ. Въ одинъ лѣтній день распространился въ арестантскихъ палатахъ слухъ, что вечеромъ будутъ наказывать знаменитаго разбойни-

ка Орлова, изъ бѣглыхъ солдатъ, и послѣ наказанія приведутъ въ палаты. Больные арестанты, въ ожиданіи Орлова, утверждали, что накажутъ его жестоко. Всѣ были въ нѣкоторомъ волненіи и, признаюсь, я тоже ожидалъ появленія знаменитаго разбойника съ крайнимъ любопытствомъ. Давно уже я слышалъ о немъ чудеса. Это былъ злодѣй, какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей,—человѣкъ съ страшной силой воли и съ гордымъ сознаніемъ своей силы. Онъ повинился во многихъ убійствахъ и былъ приговоренъ къ наказанію палками, сквозь строй. Привели его уже вечеромъ. Въ палатѣ уже стало темно и зажгли свѣчи. Орловъ былъ почти безъ чувствъ, страшно блѣдный, съ густыми, включенными черными какъ смоль волосами. Спина его вспухла и была кроваво-синяго цвѣта. Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ-нибудь своимъ благодѣтелемъ. На другой же день онъ очнулся вполне и прошелся раза два по палатѣ! Это меня изумило: онъ прибылъ въ госпиталь слишкомъ слабый и измученный. Онъ прошелъ заразъ цѣлую половину всего предназначеннаго ему числа палокъ. Докторъ остановилъ экзекуцію только тогда, когда замѣтилъ, что дальнѣйшее продолженіе наказанія грозило преступнику неминуемой смертью. Кромѣ того Орловъ былъ малаго роста и слабаго сложенія, и кому же истощенъ долгимъ содержаніемъ подъ судомъ. Кому случалось встрѣчать когда-нибудь подсудимыхъ арестантовъ, тотъ вѣроятно надолго запомнитъ ихъ изможденные, худыя и блѣдныя лица, лихорадочныя взгляды. Не смотря на то, Орловъ быстро поправился. Очевидно, внутренняя, душевная его энергія сильно помогала натурѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Изъ любопытства я познакомился съ нимъ ближе и цѣлую недѣлю изучалъ его. Положительно могу сказать, что никогда въ жизни я не встрѣчалъ болѣе сильнаго, болѣе желѣзнаго характеромъ человѣка, какъ онъ. Я видѣлъ уже разъ въ Tobольскѣ, одну знаменитость въ такомъ же родѣ, одного бывшаго атамана разбойниковъ. Тотъ былъ дикій звѣрь вполне, и вы, стоя возлѣ него и еще не зная его имени, уже инстинктомъ предчувствовали, что подлѣ васъ находится страшное существо. Но въ томъ ужасало меня духовное отупѣніе. Идти до того брала верхъ надъ всеми его душевными свойствами, что вы съ перваго взгляда по лицу его видѣли, что тутъ остались только одна дикая жажда тѣлесныхъ наслажденій, сладострастія, плотугодія. Я увѣренъ, что Кореневъ—имя того разбойника—даже упалъ бы духомъ и трепеталъ бы отъ страха передъ наказаніемъ, несмотря на то, что способенъ былъ рѣзать даже не поморщившись. Совершенно противоположенъ ему былъ Орловъ. Это была на яву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что этотъ человѣкъ могъ повелѣвать со-

бою безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ вы видѣли одну безконечную энергію, жажду дѣятельности, жажду мщенія, жажду достичь предположенной цѣли. Между прочимъ я пораженъ былъ его страннымъ высокомеріемъ. Онъ на все смотрѣлъ какъ-то до невѣроятности свысока, но все не усиливаясь подняться на ходули, а такъ, какъ-то натурально. Я думаю не было существа въ мірѣ, которое бы могло подѣйствовать на него однимъ авторитетомъ. На все онъ смотрѣлъ какъ-то неожиданно спокойно, какъ будто не было ничего на свѣтѣ, что бы могло удивить его. И хотя онъ вполнѣ понималъ, что другіе арестанты смотрятъ на него уважительно, но нисколько не рисовался передъ ними. А между тѣмъ тщеславіе и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія. Былъ онъ очень неглупъ и какъ-то странно откровененъ, хотя отнюдь не болтливъ. На вопросы мои онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что ждетъ выздоровленія, чтобы поскорѣй выйти изъ остальное наказаніе, и что онъ боялся сначала, передъ наказаніемъ, что не перенесетъ его. — «Но теперь, прибавилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, — дѣло кончено. Выхожу остальное число ударовъ, и тотчасъ же отправятъ съ партіей въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу! Непремѣнно бѣгу! Вотъ только бѣ скорѣе спина зажила!» — И всѣ эти пять дней онъ съ жадностью ждалъ, когда можно будетъ проситься на выписку. Въ ожиданіи же онъ былъ иногда очень смѣшливъ и веселъ. Я пробовалъ съ нимъ заговаривать объ его похожденияхъ. Онъ немного хмурился при этихъ разспросахъ, но отвѣчалъ всегда откровенно. Когда же понималъ, что я добиваюсь до его совѣсти и добиваюсь въ немъ хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того презрительно и высокомерно, какъ-будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать какъ съ большими. Даже что-то въ родѣ жалости ко мнѣ изобразилось въ лицѣ его. Черезъ минуту онъ расхохотался надо мной самымъ простодушнымъ смѣхомъ, безъ всякой ироніи и, я увѣренъ, оставшись одинъ и вспоминая мои слова, можетъ-быть нѣсколько разъ онъ принимался про себя смѣяться. Наконецъ онъ выписался, еще съ несовсѣмъ поджившей спиной; я тоже пошелъ въ этотъ разъ на выписку, и изъ госпиталя намъ случилось возвращаться вмѣстѣ: мнѣ въ острогъ, а ему въ кордегардію подлѣ нашего острога, гдѣ онъ содержался и прежде. Прощаясь, онъ пожалъ мнѣ руку, и съ его стороны это былъ знакъ высокой довѣренности. Я думаю, онъ сдѣлалъ это потому, что былъ очень доволенъ собой и настоящей минутой. Въ сущности онъ не могъ не презирать меня и непремѣнно долженъ былъ глядѣть на меня какъ на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всѣхъ отношеніяхъ передъ нимъ низшее.

На завтра же его вывели къ вторичному наказанію....

Когда заперли нашу казарму, она вдругъ приняла какой-то особенный видъ,—видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть арестантовъ, моихъ товарищей, вполнѣ какъ дома. Днемъ унтеръ-офицеры, караульные и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держать себя иначе, какъ-будто не вполнѣ успокоившись, какъ-будто поминутно ожидая чего-то, въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размѣстились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный. Кто засѣлъ тачать сапоги, кто шить какую-нибудь одѣжу.—Мефитическій воздухъ казармы усиливался съ часу на часъ. Кучка гулякъ засѣла въ уголку на короточкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій коврикъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось: майданъ. Содержатель получалъ плату съ играющихъ, копѣекъ пятнадцать за ночь; тѣмъ онъ и промыслялъ. Игроки играли обыкновенно въ три листа, въ горку и проч. Всѣ игры были азартныя. Каждый играющій высыпалъ передъ собою кучу мѣдныхъ денегъ—все что у него было въ карманѣ, и вставалъ съ короточекъ только проигравшись въ пухъ или обыгравъ товарищей. Игра кончалась поздно ночью, а иногда длилась до разсвѣта, до самой той минуты, какъ отворялась казарма. Въ нашей комнатѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ казармахъ острога, всегда бывали нищіе, байгуши, проигравшіеся и пропившіеся, или такъ просто, отъ природы нищіе. Я говорю «отъ природы» и особенно назираю на это выраженіе. Дѣйствительно, вездѣ въ народѣ нашемъ, при какой бы то ни было обстановкѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, всегда есть и будутъ существовать нѣкоторыя странныя личности, смиренныя и нерѣдко очень нелѣпныя, но которымъ ужъ такъ судьбой предназначено на вѣки вѣчныя оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда неряхи, они всегда смотря какими-то забытыми и чѣмъ-то удрученными и вѣчно состоятъ у кого-нибудь на помывкѣ, у кого-нибудь на посылкахъ, обыкновенно у гулякъ или внезапно разбогатѣвшихъ и возвысившихся. Всякій починокъ, всякая инициатива — для нихъ горе и тягость. Они какъ-будто и родились съ тѣмъ условіемъ, чтобы ничего не начинать самимъ и только прислуживать, жить не своей волею, плясать по чужой дудкѣ; ихъ назначеніе — исполнять одно чужое. Въ довершеніе всего, никакія обстоятельства, никакіе перевороты не могутъ ихъ обогатить. Они всегда нищіе. Я замѣтилъ, что такія личности водятся и не въ одномъ народѣ, а

во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, партіяхъ, журналахъ и ассоціаціяхъ. Такъ-то случилось и въ каждой казармѣ, въ каждомъ острогѣ, и только что составлялся майданъ, одинъ изъ такихъ немедленно являлся прислуживать. Да и вообще ни одинъ майданъ не могъ обойтись безъ прислужника. Его нанимали обыкновенно игроки всѣ вообще, на всю ночь, копѣекъ за пять серебромъ, и главная его обязанность была стоять всю ночь на караулѣ. Большею частью онъ мерзъ часовъ шесть или семь въ темнотѣ, въ сѣняхъ, на тридцати-градусномъ морозѣ, и прислушиваясь къ каждому стуку, къ каждому звону, къ каждому шагу на дворѣ. Плацъ-маіоръ или караульные являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора. По крайней мѣрѣ, когда вдругъ начиналъ грѣмѣть замокъ на дверяхъ изъ сѣней на дворъ, было уже поздно прятаться, тушить свѣчи и укладываться на нары. Но такъ какъ караульному прислужнику послѣ того больно доставалось отъ майдана, то и случаи такихъ промаховъ были чрезвычайно рѣдки. Пять копѣекъ конечно смѣшнотно ничтожная плата даже и для острога; но меня всегда поражала въ острогѣ суровость и безжалостность нанимателей, и въ этомъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ. «Деньги взялъ, такъ и служи!» Это былъ аргументъ, нетерпѣвшій никакихъ возраженій. За выданный грошъ наниматель бралъ все, что могъ брать, бралъ, если возможно, лишнее и еще считалъ, что онъ одолжаетъ наемщика. Гуляка, хмѣльной, бросающій деньги направо и налево безъ счету, непременно обсчитывалъ своего прислужника, и это замѣтилъ я не въ одномъ острогѣ, не у одного майдана.

Я сказалъ уже, что въ казармѣ почти всѣ ушли съ какія-нибудь запятія, кромѣ игроковъ; было не болѣе пяти человѣкъ совершенно праздныхъ; они тотчасъ же легли спать. Мое мѣсто на нарахъ приходилось у самой двери. Съ другой стороны наръ, голова съ головой со мною, помѣщался Акимъ Акимычъ. Часовъ до десяти или до одиннадцати онъ работалъ, клеилъ какой-то разноцвѣтный фонарикъ, заказанный ему въ городѣ, за довольно хорошую плату. Фонарики онъ дѣлалъ мастерски, работалъ методически, не отрываясь; когда же кончилъ работу, то аккуратно прибравшись, разостлалъ свой тюфячокъ, помолился Богу и благоговѣнно улегся на свою постель. Благодравіе и порядокъ онъ простиралъ повидимому до самого мелочнаго педантизма; очевидно, онъ долженъ былъ считать себя чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, какъ и вообще всѣ тупые и ограниченные люди. Не понравился онъ мнѣ съ перваго же дня, хотя помню, въ этотъ первый день я много о немъ раздумывалъ и всего болѣе дивился, что такая личность, вмѣсто того, чтобъ успѣвать въ жизни, очутилась въ острогѣ. Впослѣдствіи мнѣ неразъ придется говорить объ Акимѣ Акимычѣ.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ, и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Понятно, что я вглядывался въ нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Слѣва отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большею частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо; почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, изподлобья и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ, тонкимъ, горбатымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Нурра, произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще нестарый, росту невысокаго, сложенный какъ Гераклъ, совершенный блондинъ съ свѣтлоглубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной прежней ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирный, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно; но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурнаго поступка. Былъ онъ чрезвычайно богомоленъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили.—«Нурра—левъ», говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ, его воротятъ домой на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется онъ бы умеръ, еслибъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго, симпатизирующаго лица среди злыхъ, угрюмыхъ и насмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжниковъ. Въ первые полчаса какъ я пришелъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошелъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять, и такъ продолжалось три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался я и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ,

какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочеть показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо, съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другаго кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ было у него пять; два другіхъ попали въ какой то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Всю милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылке, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ-будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутиломъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впоследствии. Онъ былъ цѣломудренъ какъ чистая

дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ, зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждающимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?..

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ: но взглянувъ внимательно, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашель, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ.

— Что, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно тамъ хорошо?

— Да, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли.— А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! что, тамъ лучше чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше. — Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно-быть она красавица, если на тебя похожа

— Что на меня! она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ — никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, служивалъ мнѣ чѣмъ могъ въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, точалъ сапоги и, впоследствии, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Нового завѣта, — книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ-будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицо.

— Ахъ, да! отвѣчалъ онъ, — да, Иса святой пророкъ, Иса Божій слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Чтожъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благодарною, то-есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили: что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполне были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполне счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успешно. Алей досталъ бумаги (я не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они непрерывно помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. «Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ», — говорилъ онъ, — «что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!..

Кромѣ черкесовъ въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ ка-торжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; объ нихъ я буду говорить особо и подробно впоследствии. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги. Первая книга, прочтенная мною, произвела на

меня сильное, странное, особенное впечатлѣніе. Объ этихъ впечатлѣніяхъ я когда-нибудь скажу особо. Для меня они слишкомъ любопытны, и я увѣренъ, что многимъ они будутъ совершенно непонятны. Не испытавъ, нельзя судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Скажу одно: что нравственные лишения тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолюдинъ, идущій въ каторгу, приходитъ въ свое общество, даже можетъ быть еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ конечно много—родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ образованный, подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолюдиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ завести въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки; перейти въ среду для него недостаточную, долженъ приучиться дышать не тѣмъ воздухомъ... Это—рыба, вытасченная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе, обращается для него въдесятеро мучительнѣйшее. Это истина... даже еслибъ дѣло касалось однихъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать.

Но поляки составляли особую цѣльную кучку. Ихъ было шестеро и они были вмѣстѣ. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жидка и можетъ быть единственно потому, что онъ ихъ забавлялъ. Нашего жидка впрочемъ любили даже и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ у насъ одинъ и я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху. Каждый разъ, когда я глядѣлъ на него, мнѣ всегда приходило на память Гоголевъ жидокъ Янкель, изъ Тараса-Бульбы, который раздѣвшись, чтобъ отправиться на ночь съ своей жидовкой въ какой-то шкафъ, тотчасъ же сталъ ужасно похожъ на цыпленка. Исая Омичъ, нашъ жидокъ, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго цыпленка. Это былъ человѣкъ уже немолодой, лѣтъ около пятидесяти, маленькій ростомъ и слабосильный, хитренькій и въ тоже время рѣшительно глупый. Онъ былъ дерзокъ и заносчивъ и въ тоже время ужасно трусливъ. Весь онъ былъ въ какихъ-то морщинахъ, и на лбу и на щекахъ его были клейма, положенныя ему на эшафотѣ. Я никакъ не могъ понять, какъ могъ онъ выдержатъ шестьдесятъ плетей. Пришолъ онъ по обвиненію въ убійствѣ. У него былъ припрятанъ рецептъ, доставленный ему отъ доктора его жидками, тотчасъ же послѣ эшафота. По этому рецепту можно было получить такую мазь, отъ которой недѣли въ двѣ могли сойдти его клейма. Употребить эту мазь въ острогѣ онъ не смѣлъ и выжидалъ своего двѣнадцати-лѣтняго срока каторги, послѣ которой, выйдя на поселеніе, непременно намѣревался воспользоваться рецептомъ. «Не то нельзя будетъ зениться, сказалъ онъ мнѣ однажды, — а я непременно хопу зениться». Мы съ нимъ были большіе друзья. Онъ всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Въ ка-

торгѣ жить ему было легко; онъ былъ по ремеслу ювелиръ, былъ заваленъ работой изъ города, въ которомъ не было ювелира, и такимъ образомъ избавился отъ тяжелыхъ работъ. Разумѣется, онъ въ тоже время былъ ростовщикъ и снабжалъ подъ проценты и залогомъ всю каторгу деньгами. Онъ пришолъ прежде меня и одинъ изъ поляковъ описывалъ мнѣ подробно его прибытіе. Это пресмѣшная исторія, которую я расскажу впоследствии; объ Исая Омичѣ я буду говорить еще не разъ.

Остальной людъ въ нашей казармѣ состоялъ изъ четырехъ старообрядцевъ, стариковъ и пачетчиковъ, между которыми былъ и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; изъ двухъ-трехъ малороссовъ, мрачныхъ людей, изъ молоденькаго каторжнаго, съ тоненькимъ личикомъ и съ тоненькимъ носикомъ, лѣтъ двадцати трехъ, уже убившаго восемь душъ, изъ кучки фальшивыхъ монетчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ потѣшникъ всей нашей казармы и наконецъ изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ изъ подлобы кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавидѣть еще долгіе годы,—весь срокъ своей каторги. Все это только мелькнуло передо мной въ этотъ первый, безотрадный вечеръ моей новой жизни,—мелькнуло среди дыма и копоти, среди ругательствъ и невыразимаго цинизма, въ мефитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота. Я легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у меня еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя и былъ весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня. Но новая жизнь моя только еще начиналась. Многое еще ожидало меня впереди, о чемъ я никогда не мыслилъ, чего и не предугадывалъ...

V.

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ.

Три дня спустя по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя впродолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжелыхъ ощущеніяхъ. «Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогѣ!» — повторялъ я себѣ поминутно:—«вотъ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголъ, въ который я вступаю съ такимъ недовѣрчивымъ, съ такимъ бо-

лѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ? можетъ-быть — когда, черезъ много лѣтъ, придется оставить его,—еще пожалѣю о немъ!..» прибавлялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходить иногда по потребности нарочно беречь свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть дѣйствительно наслажденіе. Мысль со временемъ пожалѣть объ этомъ углѣ—меня самого поражала ужасомъ: я п тогда уже предчувствовалъ, до какой чудовищной степени приживчивъ человѣкъ. Но это еще было впереди, а покамѣстъ теперь, кругомъ меня все было враждебно и—страшно... хоть не все, но разумѣется такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые товарищи-каторжники, усиленная ихъ суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпорации, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти,—все это дотога измучило меня, что я самъ желалъ ужъ поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнать и извѣдать все свое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многого не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что у меня было подъ самымъ носомъ; между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднаго. Впрочемъ нѣсколько привѣтливыхъ, ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣстъ сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ, я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. «Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе»,—спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе: — кто знаетъ? эти люди можетъ-быть вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые *остались* тамъ, за острогомъ». Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой!—еслибъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ на примѣръ тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполне; а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня тоже былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ,—Осипа, говоря, что за тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужъ такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантамъ по выбору въ наши двѣ кухни, хотя впрочемъ оставалось исполнѣ и на ихъ волю принять или

не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хоть завтра же опять отказаться. Повара ужъ такъ и не ходили на работу, и вся должность ихъ состояла въ печеніи хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ), впрочемъ не изъ презрѣнія къ нимъ, тѣмъ болѣе, что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ милой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду онъ постоянно былъ стряпкой, и отъ казывается иногда только на время, когда его ужъ очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охота проносить вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости человѣкъ, хотя и пришелъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокій, здоровый малый, о которомъ уже я упоминалъ; трусъ до всего, особенно до розогъ, смирный, безотвѣтный, ласковый со всѣми, ни съ кѣмъ *никогда* не поссорившійся, по который не могъ не проносить вина, несмотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговалъ тоже виномъ, хотя конечно не въ такомъ размѣрѣ, какъ на примѣръ Газинъ, потому-что не имѣлъ смѣлости на многое риснуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Что же касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужъ я былъ очень голоденъ, несмотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое впрочемъ почти совсѣмъ прошло въ послѣдствіи. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, по фунту на день. А зимой говядина у насъ стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надзора за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственного спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ они проносили табакъ, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. Объ винѣ ихъ не просили, хотя иногда и подчивали. Осипъ стряпалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ жареной говядины. Ужъ какъ онъ былъ жаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется бывало или отвѣтитъ *да плы нуть*, да и только. Даже странно было смотрѣть на этого Геркулеса семи лѣтъ отъ роду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей, мнѣ помогавшихъ,

былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашелъ меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ казенныхъ корытахъ, я мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того Сушиловъ самъ избобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяцъ; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ-будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ всѣ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ наприимѣръ: «у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана» и проч., а всегда: «у насъ теперь столько-то рубахъ, у насъ куртка разорвана». Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и кажется принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремесла или, какъ говорятъ арестанты, рукомерла у него не было никакого, и кажется только отъ меня онъ и добывалъ копѣйку. Я платилъ ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбралъ меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Былъ онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться, и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ ночамъ въ сѣняхъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-маіора, и брали за это по пяти копѣекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ просмотра теряли все и отвѣчали спиной! Я ужъ объ нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть не передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у нихъ ужъ такъ по природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкій малый, вполне безотвѣтный и приниженный, даже забитый, хотя его и никто у насъ не билъ, а такъ ужъ отъ природы забитый. Мнѣ его всегда было отчего-то жалъ. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства; а почему жалъ,—я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать не умѣлъ, и видно, что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживлялся, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже наконецъ увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не высокъ и не малъ ростомъ, не хорошъ и не дуренъ, не глупъ и не уменъ, не молодъ и не старъ, немножко рябоватъ, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго объ немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ мнѣ кажет-

ся и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забитости и безотвѣтственности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное за то, что онъ смѣнялся дорогою, идя въ партію въ Сибирь, и смѣнился за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продавалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣняться значить перемѣняться съ кѣмънибудь именемъ, а слѣдственно и участію. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще существовалъ между препровождающимися въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я никакъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось наконецъ повѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается наприимѣръ въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе: и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселенье; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну хоть въ пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльных пожелаетъ смѣниться съ другимъ. Наприимѣръ какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, находитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ, онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ той же партіи попростѣе, позабитѣе, побезотвѣтнѣе, и которому опредѣлено наказаніе небольшое сравнительно: или въ заводъ на малые годы, или на поселенье, или даже въ каторгу, только поменьше срокомъ. Наконецъ находитъ Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселенье. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстъ, разумѣется безъ копѣйки денегъ, потому-что у Сушилова никогда не можетъ быть ни копѣйки,—идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствіи, безъ сладкаго куска хоть мимоходомъ, въ одной казенной одеждѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ. сходится, даже дружится и наконецъ на какомъ-нибудь этапѣ поить его виномъ. Наконецъ предлагаетъ ему: не хочешь ли онъ смѣниться? Я дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то «особое отдѣленіе». Оно хотъ и каторга, но особая, получше стало быть.—Объ особомъ отдѣленіи во время существованія его, даже изъ начальства-то не всѣ знали, хотъ бы наприимѣръ и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немногочисленный (при мнѣ было въ немъ до семидесяти человѣкъ), что трудно было и на слѣдъ его напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей, служившихъ и знающихъ о Сибири, которые отъ меня только въ первый разъ услышали о существованіи «особаго отдѣленія». Въ Сводѣ Законовъ сказано объ немъ всего строкъ шесть:

«Учреждается при такомъ-то острогѣ Особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ». Даже сами арестанты этого «Отдѣленія» не знали: что оно, навѣчно или на-срокъ? Сроку не было положено, сказано—впредь до открытія самыхъ тяжелыхъ работъ, и только;—стало быть «вдоль по каторгѣ». Немудрено, что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланнаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ Особомъ отдѣленіи, судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому и за которое уже онъ прошелъ тысячи три или четыре. Слѣдственно не пошлютъ же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же шелъ на поселеніе; чего же лучше? «Не хочешь ли смѣняться?» Сушиловъ подъ хмѣлькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Къ тому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются, слѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ нѣтъ ничего. Соглашаются. Безсовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. Назавтра Сушиловъ уже не пьянъ, но его поятъ опять, ну да и плохо отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропить, красная рубашка немного спустя тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдастъ, такъ артель заставитъ отдать: за этимъ смотреть въ артели строго. Къ тому же, если далъ обѣщаніе, то исполни,—и на этомъ артель настоитъ. Иначе сгрызутъ. Забьютъ пожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ застрашаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ токомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Коли можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ его потомъ исполнять? Однимъ словомъ—тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. Наконецъ Сушиловъ видитъ, что ужъ не отмолишься и рѣшается вполне согласиться. Объявляется всей партіи; ну тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарятъ и поятъ, если надо. Тѣмъ разумѣется все равно: Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну а вино-то выпито, угостили;—слѣдственно и съ ихъ стороны молчокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ напри-мѣръ переклпчку; доходитъ до Михайлова: «Михайловъ!» Сушиловъ откликается: я! «Сушиловъ!» Михайловъ кричитъ: я—и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужъ больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльных разсортировываютъ. «Михайлова» на поселеніе, а «Сушилова» подъ усиленнымъ конвоемъ препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ невозможенъ; да и

чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется такое дѣло? Что за него еще будетъ? Гдѣ наконецъ свидѣтели? Отрекутся, еслибъ и были. Такъ и остается въ результатѣ, что Сушиловъ за рубль серебромъ, да за красную рубашку въ «особое отдѣленіе» пришелъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ,—не за то, что онъ смѣнился (хотя къ смѣнявшимся на болѣе тяжелую работу съ легкой, вообще питаютъ презрѣніе, какъ ко всякимъ попавшимся въ про-сакъ дуракамъ), а за то, что онъ взялъ только красную рубашку и рубль серебромъ: слишкомъ ужъ ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большія суммы, опять-таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣскольکو десятковъ рублей. Но Сушиловъ былъ такъ безотвѣтенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться-то какъ-то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-помалу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды, — никогда не могу простить себѣ этого,—онъ чего-то по моей просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ, только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: «вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣло-то не дѣлаете». Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Аптонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третій день я и говорю ему: «Сушиловъ, вы кажется у меня хотѣли денегъ спросить, для Антона Васильева? На-те». Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ кажется очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, ужъ слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ и нашелъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой.—«Сушиловъ, что съ вами?» спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня и я, къ чрезвычайному удивленію, замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать: «Вы, Александръ Петровичъ... думаете...» — началъ онъ прерывающимъ голосомъ и, стараясь смотрѣть въ сторону, «что я вамъ... за деньги... а я... ээхъ!» Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ,—и какъ зарыдаетъ!... Первый разъ я видѣлъ въ каторгѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хотъ онъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и «наблюдать меня».

но по нѣкоторымъ, почти неудовимымъ признакамъ я замѣтилъ, что его сердце никогда не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыняли его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда крѣпко, — а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ представилась въ послѣдствіи. Вотъ почему я и сказалъ, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много такого, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естественно меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ можетъ быть принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжелое, безнадежно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А—вымъ, тоже арестантомъ, прибывшимъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. Я впрочемъ узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А—вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжелое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія. А—въ былъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переносилъ нашему плацъ-маіору все, что дѣлается въ острогѣ, и былъ друженъ съ его деньщикомъ Оедькой. Вотъ краткая его исторія: Недокончивъ нигдѣ курса и разсорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ и, чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый доносъ, т. е. рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутомимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, до которыхъ онъ, соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣщанскими, сдѣлался падохъ до такой степени, что, будучи человѣкомъ неглупымъ, рискнулъ на безумное и бессмысленное дѣло. Его скоро обличили; въ доносъ свой онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только-что начиналась. Казалось бы, такая страшная перемѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмущился передъ ней нравствен-

но, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что званіе каторжнаго только еще развязало ему руки на большія подлости и пакости. «Каторжникъ, такъ ужъ каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало-быть ужъ можно подличать, и не стыдно». Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ какъ объ феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійцъ, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полнаго нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благороднѣе и человѣчнѣе А—ва. На мои глаза, во все время моей осторожной жизни, А—въ сталъ и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ, и съ неутомимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренно никакой нормой, никакой законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный Квазимодо. Прибавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности. Нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ исподлилось, что шпіонство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружелюбнѣе, чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго маіора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсъ. Между прочимъ онъ увѣрилъ маіора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его выслалъ на работу къ нему на домъ, для того разумѣется, чтобъ рисовать маіорскій портретъ. Тутъ-то онъ и сошелся съ деньщикомъ Оедькой, имѣвшимъ чрезвычайное влияние на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ острогѣ. А—въ шпіонилъ на насъ по требованію маіора же, а тотъ, хмѣльной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругалъ шпіономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побоевъ маіоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ маіоръ кажется дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный

художникъ, чуть не Брюловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя вправѣ лупить его по щекамъ, потому дескать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты разъ-Брюловъ, а я все-таки твой начальникъ, а стало-быть что захочу, то съ тобою и сдѣлаю. Между прочимъ онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разныя вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ маіоръ догадался, что его надуваютъ, и убѣдившись вполнѣ, что портретъ не оканчивается, а напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, разсердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ маіорскаго стола, отъ друга-Оедыки и отъ всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у маіора на кухнѣ. По крайней мѣрѣ маіоръ, съ удаленіемъ А—ва, пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ непрерывно ему наговаривалъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ; не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходилъ съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно. Причина, по которой А—въ попалъ въ острогъ, была М. неизвѣстна. Напротивъ А—въ, догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, тотчасъ же увѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за то же, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги, предполагая, что онъ долженъ былъ очень страдать, отдалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на всякую низость, за то именно, что былъ совершенно непохожъ на него, и все, что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и о маіорѣ, все это А—въ постигъ при первомъ случаѣ донести маіору. Маіоръ страшно возненавидѣлъ за это и угнеталъ М., и еслибъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А—въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывалъ на это самъ М. Эта подлая тварь потомъ бѣжала съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ побѣгѣ я скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ

подлизывался, думая, что я не слышалъ о его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня ввергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: я судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня, я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдалъ шить надежному арестанту, указанному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго холста, рубашки, разумѣется за плату (по сколько-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ по настоящему совъѣту Акіма Акимыча складной тюфячекъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоненькій, какъ блинъ, и полушку, набитую шерстью, страшно жесткую съ непривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ въ немъ участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ выносившихся панталонъ и куртокъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставались въ собственности арестанта; онъ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была заново вещь, все-таки имѣла надежду сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому я сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ-будто тоже моими, по крайней мѣрѣ по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно и не подозрѣвалъ прежде ничего этого и не слышалъ ни о чемъ, хотя и зналъ и слышалъ. Но дѣйствительность производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ ли я, напримеръ, хоть когда-нибудь прежде подозрѣвать, что такія вещи, такіе старые обноски, могутъ считаться тоже вещами?—а вотъ сшилъ же себѣ изъ этихъ старыхъ обносковъ одѣяло! Трудно было и представить себѣ, какого сорта было сукно, опредѣленное на арестантское платье. Съ виду оно какъ-будто и самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое, солдатское; но чуть-чуть поношенное, оно обращалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ суконное платье давалось на годичный срокъ, но и съ этимъ срокомъ трудно было справиться. Арестантъ работаетъ, носитъ на себѣ тяжесть; платье обтирается и обдирается скоро. Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили впродолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и постилками. Но тулупы крѣпки, хотя и нерѣдко было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, т. е. срока выноски, тулупъ, заплатанный простою холстиной. Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продава-

лись копѣекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шесть или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же,—я уже говорилъ объ этомъ,—имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хоть какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и къ чему бы кажется имѣть ему деньги?—какъ рассуждало наше начальство. Опять-таки повторяю, что еслибъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы какъ мухи (несмотря на то, что были во всемъ обезпечены), или наконецъ пустились бы въ неслыханныя злодѣйства,—одни отъ тоски, другіе—чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казеннымъ и уничтоженнымъ. Или такъ какъ-нибудь «перемѣнить участь» (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ потомъ свою копѣйку, или рѣшась для пріобрѣтенія ея на необыкновенныя хитрости, сопряженныя часто съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ тоже время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмыслиемъ тратить ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что ихъ не цѣнятъ, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если дѣйствительно бросаетъ ихъ какъ щепки, когда кутить, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной степенью выше денегъ. Что же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. А арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но, къ слову пришлось: повѣрятъ ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатилѣтній* срокъ, которые мнѣ самому говорили, очень спокойно, такія напримѣръ фразы: «а вотъ подожди, дасть-Богъ кончу срокъ, и тогда».. Весь смыслъ слова «арестантъ» означаетъ человѣка безъ воли; а трата деньги, онъ поступаетъ уже по *своей воли*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему божій міръ и огораживающія его какъ звѣря въ клѣткѣ,—онъ можетъ достать вина, т. е. страшно запрещенное наслажденіе, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, инвалидовъ и даже унтеръ-офицера, которые сквозъ пальцы будутъ смотрѣть на то, что онъ нарушаетъ законъ и дисциплину; даже можетъ, сверхъ торгу, еще покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ ужасно любитъ, то-есть представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя *хоть на время*, у него воли и власти несравненно больше, чѣмъ кажется,—однимъ словомъ—можетъ накутить, набуянить, разобидѣть кого-нибудь въ прахъ и доказать ему, что онъ все это *можетъ*, что все «въ нашихъ ру-

какъ», т. е. увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣднику и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего можетъ-быть въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая наклонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивнѣйшему возвеличенію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ во всемъ этомъ кутежѣ есть свой рискъ,—значитъ все это имѣетъ хоть какой-нибудь призракъ жизни, хоть отдаленный призракъ свободы. А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщикъ, еслибъ ему сдавили горло петлей, не отдалъ бы всѣхъ своихъ миллионъ за одинъ глотокъ воздуха?

Удивляются иногда начальники, что вотъ какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ такъ смирно, примѣрно, даже десятичнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ, рѣшительно ни съ того, ни сего,—точно бѣсъ въ него влѣзъ,—зашалилъ, накутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ: или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ можетъ-быть вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его,—это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ можетъ-быть заживо скороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ, колотить въ свою крышу и силится сбросить ее, хотя разумѣется разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ его усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужъ не до разсудка: тутъ судороги. Возьмемъ еще въ соображеніе, что почти всякое самовольное проявленіе личности въ арестантѣ считается преступленіемъ; а въ такомъ случаѣ ему естественно все равно, что большое, что малое проявленіе. Кутить такъ ужъ кутить, рискнуть такъ ужъ рискнуть на все, даже хотъ на убійство. И только вѣдь стоитъ начать: опьянѣть потомъ человѣкъ, даже не удержишь! А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всѣмъ было бы спокойнѣе.

Да; но какъ это сдѣлать?

VI.

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ.

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякій случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетѣ евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ за-

клеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири, и почти всегда не переводится, нѣсколько лицъ, которыя кажутся значеніемъ жизни своей поставляютъ себѣ—братскій уходъ за «несчастными»; состраданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое. Не могу не припомнить здѣсь вкратцѣ объ одной встрѣчѣ. Въ городѣ, въ которомъ находилась нашъ острогъ, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумѣется никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно дорогихъ и близкихъ ея сердцу людей пострадалъ по такому же преступленію, но только она какъ-будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многого она конечно не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сѣля въ острогѣ, чувствовали, что тамъ за острогомъ есть у насъ преданный другъ. Между прочимъ она намъ часто сообщала извѣстія, въ которыхъ мы очень нуждались. Выйдя изъ острога и отправляясь въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и познакомиться съ нею лично. Она жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образована ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагу, одна безконечная доброта, непреодолимое желаніе угодить, облегчить, сдѣлать для васъ непременно что-нибудь пріятное. Все это такъ и видѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провелъ вмѣстѣ съ другимъ изъ острожныхъ моихъ товарищей у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась когда мы смѣялись, спѣшила соглашаться совѣмъ, что бы мы ни сказали; суежилась угостить насъ хоть чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Поданъ былъ чай, закуска, какія-то сласти, и еслибъ у ней были тысячи, она бы казалась имъ обрадовалась только потому, что могла бы лучше намъ угодить да облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на память. Эти сигарочницы она склеила для насъ сама изъ картона (ужь Богъ знаетъ какъ онѣ были склеены), оклеила ихъ цвѣтной бумажкой, точно такую же, въ какую переплетаются краткія ариѳметики для дѣтскихъ школъ (а можетъ-быть и дѣйствительно на оклейку пошла какая-нибудь ариѳметика). Кругомъ же обѣ папирочницы были, для красоты; оклеены тоненькимъ бордюрикомъ изъ золотой бумажки, за которою она можетъ-быть нарочно ходила въ лавки. «Вотъ вы курите же папирски,

такъ можетъ-быть и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ тоже время и величайшій эгоизмъ. Ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ,—никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьезно досадовать на тѣхъ изъ каторжныхъ, которые, почти въ первые часы моей острожной жизни, уже обманувъ меня разъ, пренаивно приходили по другому, по третьему и даже и по пятому разу занимать у меня. Но признаюсь въ одномъ откровенно: мнѣ очень было досадно, что весь этотъ людъ, съ своими наивными хитростями, непремѣнно долженъ былъ, какъ мнѣ казалось, считать меня простофилей и дурачкомъ и смѣяться надо мной, именно потому, что я въ пятый разъ давалъ имъ деньги. Имъ непремѣнно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ обманы и хитрости и еслибъ, напротивъ, я имъ отказывалъ и прогонялъ ихъ, то я увѣренъ, они стали бы несравненно болѣе уважать меня. Но какъ я ни досадовалъ, а отказать все-таки не могъ. Досадовали же я потому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни о томъ, какъ и на какой ногѣ поставлю я себя въ острогѣ или, лучше сказать, на какой ногѣ я долженъ былъ стоять съ ними. Я чувствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велѣтъ. Но я зналъ тоже, что вѣдь это только афоризмъ, а передо мной все-таки явится самая неожиданная практика.

И потому, несмотря на всѣ мелочныя заботы о своемъ устройствѣ въ казармѣ, о которыхъ я уже упоминалъ и въ которыя вовлекалъ меня попришествію Акимъ Акимычъ, не смотря на то, что онѣ нѣсколько и развлекали меня, — страшная, ядущая тоска все болѣе и болѣе меня мучила. «Мертвый домъ!» говорилъ я самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадкѣ острожного двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди и какіе у нихъ характеры? Они же шлялись передо мной съ нахмуренными лбами, или уже совѣмъ развеселые (эти два вида наиболѣе встрѣчаются и почти характеристика каторги), ругались или просто разговаривали, или наконецъ прогуливались въ одиночку, какъ-будто въ задумчивости, тихо, плавно, иные съ усталымъ и апатическимъ видомъ, другіе (даже и здѣсь!) — съ видомъ заносчиваго превосходства, съ шапками на бекрень, съ тулупами въ напѣдку, съ дерзкимъ лукавымъ взглядомъ и съ нахальной пересмѣшкой. Все это моя среда,

мой теперешній міръ,—думалъ я,—съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить... Я пробовалъ было спрашивать и разузнавать объ нихъ у Акима Акимыча, съ которымъ очень любилъ пить чай, чтобъ не быть одному. Мимоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти единственною моею пищею. Отъ чаю Акимъ Акимычъ не отказывался и самъ наставлялъ нашъ смѣшной, самодѣльный, маленькій самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на поддержаніе М. Акимъ Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у него были и стаканы), выпивалъ молча и чинно, возвращая мнѣ его благодарилъ и тотчасъ же принимался отдѣлывать мое одѣяло. Но того, что мнѣ надо было узнать—сообщить не могъ и даже не понималъ, къ чему я такъ интересуюсь характерами окружающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжныхъ, и слушалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ памятной. Нѣтъ, видно надо самому испытывать, а не спрашивать, подумалъ я.

На четвертый день, также какъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ перековываться, выстроились рано поутру арестанты, въ два ряда, на площадкѣ передъ кордегардіей, у острожныхъ воротъ. Впередѣ, лицомъ къ нимъ, и сзади—вытянулись солдаты, съ заряженными ружьями и съ применутыми штыками. Солдаты имѣютъ право стрѣлять въ арестанта, если тотъ вздумаетъ бѣжать отъ него; но въ тоже время и отвѣчаетъ за свой выстрѣлъ; если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необходимости; тоже самое и въ случаѣ открытаго бунта каторжанниковъ. Но кто-же бы вздумалъ бѣжать явно? Явился инженерный офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-офицеры и солдаты, приставы надъ производившимися работами. Сдѣлали перекличку; часть арестантовъ, ходившая въ шпальни, отправилась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное начальство и не касалось; они работали собственно на острогъ и обшивали его. Затѣмъ отправились въ мастерскія, а затѣмъ и на обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человѣкъ двадцати другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерзшей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негодностью нужно было разобратъ, чтобъ по крайней мѣрѣ старый лѣсъ не пропалъ даромъ. Впрочемъ весь этотъ старый матеріалъ кажется очень мало стоить, почти ничего. Дрова въ городѣ продавались по цѣпѣ ничтожной и кругомъ лѣсу было множество. Посылали почти только для того, чтобъ арестантамъ не сидѣть сложа руки, что и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вяло и апатически и почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣльная, цѣнная, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хоть имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобъ ее поскорѣй dokon-

чить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для проформы, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ, а надо было работать вплоть до барабана, бывшего призывъ домой въ одиннадцатые часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ чуть не таялъ. Вся наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпами, которыя хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тонкій и рѣзкій металлическій звукъ съ каждымъ шагомъ. Два-три человѣка отдѣлились за необходимымъ инструментомъ въ цейхаузъ. Я шолъ вмѣстѣ со всѣми и даже какъ-будто оживился: мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что за работа? Какая эта каторжная работа? и какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принявъ подаяніе—пять копѣекъ и проворно воротился къ своимъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошелъ своею дорогою. Эти пять копѣекъ вътоже утро проѣли на калачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одинъ былъ, по обыкновенію, угрюмый и неразговорчивый, другіе равнодушны и вялы, третьи лѣнливо болтали промежъ собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и веселясь, и чуть не танцевалъ дорогой, побрякивая съ каждымъ прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ тамый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро мое въ острогѣ поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то, что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселившагося парня Скуратовъ. Наконецъ онъ заплѣлъ какую-то лихую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

Безъ меня меня жеппал—
Я на мельницѣ былъ.

Недоставало только балабайки.

Его необыкновенно-веселое расположеніе духа разумѣется тотчасъ же возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нашей партіи негодованіе, даже принято было чуть не за обиду.

— Завылъ! съ укоризною проговорилъ одинъ арестантъ, до котораго впрочемъ вовсе не касалось дѣло.

— Одна была пѣсня у волка, и ту перенялъ, тулякъ!—замѣтилъ другой, изъ мрачныхъ, хохлацкимъ выговоромъ.

— Я-то положимъ тулякъ, немедленно возразилъ Скуратовъ, а вы въ вашей Полтавѣ галушко подавлялись.

— Ври! самъ-то что ѣдалъ! Лаптемъ щи хлѣбалъ.

— А теперь словно чортъ ядрами кормить,—прибавилъ третій.

— Я и вправду, братцы, изнѣженный чело-
вѣкъ,—отвѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ,
какъ-будто раскаяваясь въ своей изнѣженности и
обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ осо-
бенности:—съ самаго съизмалѣтства на черносливѣ
да на нампрускихъ булкахъ испытанъ (т. е. во-
спитанъ. Скуратовъ парочно коверкалъ слова), ро-
димые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ
свою лавку имѣютъ, въ прохожемъ ряду вѣтромъ
торгуютъ, купцы богатѣющіе.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происхо-
дили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя
двѣсти...

— Неужто рублей! — подхватилъ одинъ любо-
пытный, даже вздрогнувъ, услышавъ про такіа
деньги.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не рублей, а палокъ.
Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, нехотя
отозвался маленькій и тоненькій арестантъ, съ
востренькимъ носикомъ.

— Ну Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ
ужь и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дядюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дядюшкой, не
стоитъ и говорить! А хорошее было слово хотѣлъ
сказать. Ну такъ вотъ, братцы, какъ это случи-
лось, что не долго я нажилъ въ Москвѣ; дали
мнѣ тамъ напоследокъ пятнадцать кнутиковъ, да
и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то?.. перебилъ одинъ,
прилежно слѣдившій за рассказомъ.

— А не ходи въ карантинъ, не пей шпунтовъ,
не играй на беледьяхъ; такъ что я не успѣлъ,
братцы, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбо-
гатѣть. А оченно, оченно, оченно того хотѣлъ,
чтобъ богатымъ быть. И ужъ такъ мнѣ этого хо-
тѣлось, что и не знаю какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ очевидно
изъ добровольныхъ весельчаковъ, или лучше шу-
товъ, которые какъ-будто ставили себѣ въ обя-
занность развеселить своихъ угрюмыхъ товари-
щей и разумѣется ровно ничего кромѣ брани за
это не получали. Онъ принадлежалъ къ особен-
ному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ мо-
жетъ-быть еще придется поговорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно,
замѣтилъ Лука Кузьмичъ. Ишь, одной одежи руб-
лей на сто будетъ.

На Скуратовъ былъ самый ветхій, самый запо-
ищенный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ
торчали заплаты. Онъ довольно равнодушно, но
внимательно осматривалъ его сверху до низу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова!
отвѣчалъ онъ.—Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ
и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пой-
детъ. Прощай Москва, спасибо за баню, за воль-
ный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ не-
чего тебѣ, милый человѣкъ, смотрѣть...

— Небось на твою голову смотрѣть?

— Да и голова то у него не своя, а подаян-
ная, опять ввязался Лука. — Ее ему въ Тюмени
Христа ради подали, какъ съ партіей проходилъ.

— Чтожъ ты, Скуратовъ, небось мастерство
имѣлъ?

— Како мастерство! поводишь былъ, гаргосовъ
водилъ, у нихъ голыши таскалъ, замѣтилъ одинъ
изъ нахмуренныхъ,—вотъ и все его мастерство.

— Я дѣйствительно пробовалъ-было сапоги то-
чать,—отвѣчалъ Скуратовъ, совершенно незамѣ-
тивъ колкаго замѣчанія.—Всего одну пару и сто-
чалъ.

— Чтожъ, покупали?

— Да нарвался такой, что видно Бога не бо-
ялся, отца-мать не почиталъ; наказалъ его Гос-
подь,—купилъ.

Всѣ вокругъ Скуратова такъ и покатались со
смѣху.

— Да потомъ еще разъ работалъ, ужъ здѣсь,
продолжалъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ Ску-
ратовъ.—Степану Осдорычу Поморцеву, поручнику,
головки приставлялъ.

— Чтожъ онъ, доволенъ былъ?

— Нѣтъ, братцы, недоволенъ. На тысячу лѣтъ
обругалъ, да еще колѣнкомъ напиналъ меня сзади.
Очень ужъ разсердился.—Эхъ, солгала моя жизньъ,
солгала каторжная!

Погода-того немножко,
Ак-кулпинъ мужъ на дворъ...

Неожиданно залился онъ снова и пустился при-
тошывать въ припрыжку погами.

— Ишь, безобразный человѣкъ! проворчалъ
шедшій подлѣ меня хохолъ, съ злобнымъ презрѣ-
ніемъ скосивъ на него глаза.

— Безполезный человѣкъ! замѣтилъ другой,
окончательнымъ и серьезнымъ тономъ.

Я рѣшительно не понималъ, за что на Скуратова
сердятся, да и вообще—почему всѣ веселые, какъ
уже успѣлъ я замѣтить въ эти первые дни, какъ-
будто находились въ нѣкоторомъ презрѣніи? Гнѣвъ
хохла и другихъ я относилъ къ личностямъ. По
это были не личности, а гнѣвъ за то, что въ Ску-
ратовѣ не было выдержки, не было строгаго на-
пускнаго вида собственнаго достоинства, которымъ
заражена была вся каторга до педантства, однимъ
словомъ зато, что онъ былъ, по ихъ же выраже-
нію, «безполезный» человѣкъ. Однако на веселыхъ
не на всѣхъ сердились и не всѣхъ такъ третиро-
вали, какъ Скуратова и другихъ ему подобныхъ.
Кто какъ съ собой позволялъ обходиться: чело-
вѣкъ добродушный и безъ затѣй, тотчасъ же под-
вергался униженію. Это меня даже поразило. Но
были и изъ веселыхъ, которые умѣли и любили
отгрызнуться и спуску никому не давали: тѣхъ
принуждены были уважать. Тутъ же, въ этой же
кучкѣ людей былъ одинъ изъ такихъ зубастыхъ,
а въ сущности развеселый и премилѣйшій чело-
вѣкъ, но котораго съ этой стороны я узналъ уже

послѣ, видный и рослый парень, съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, впрочемъ довольно красиваго и смѣливаго. Называли его піонеромъ, потому-что когда-то онъ служилъ въ піонерахъ; теперь же находился въ особомъ отдѣленіи. Про него мнѣ еще придется говорить.

Впрочемъ и не всѣ «серьезные» были такъ экспансивны какъ негодующій на веселость хохолъ. Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ, мѣтившихъ на первенство, на знаніе всякаго дѣла, на находчивость, на характеръ, на умъ. Многіе изъ такихъ дѣйствительно были люди умные, съ характеромъ, и дѣйствительно достигали того, на что мѣтили, то-есть первенства и значительнаго нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто большіе враги—и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ достоинствомъ и даже съ снисходительностью, ссоръ ненужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошемъ счету, на работахъ являлись какъ-будто распорядителями, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ бы придраться напимѣръ за пѣсни; до такихъ мелочей они не унижались. Со мной всѣ такіе были замѣчательно вѣжливы, во все продолженіе каторги, но не очень разговорчивы, тоже какъ-будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется поговорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла замерзшая въ водѣ старая барка, которую надо было ломать. На той сторонѣ рѣки синѣла степь; видъ былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ всѣ и бросятся за работу, но объ этомъ и не думали. Иные разсѣлись на валявшихся по берегу бревнахъ; почти всѣ вытащили изъ сапогъ кистети съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ листахъ по три копейки за фунтъ, и коротенькіе талиповые чубучки съ маленькими деревянными трубками-самодѣльной. Трубки закурились: конвойные солдаты обтянули насъ пѣлюю и съ скучнѣйшимъ видомъ принялись насъ стережъ.

— И кто догадался ломать эту барку? промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому впрочемъ не обращаясь.—Щенокъ чтоль захотѣлось?

— А кто насъ не боится, тотъ и догадался, замѣтилъ другой.

— Куда это мужичье-то валитъ? помолчавъ спросилъ первый, разумѣется, незамѣтивъ отвѣта на прежній вопросъ и указывая вдаль на толпу мужиковъ, пробравшихся куда-то гуськомъ по пѣльному свѣгу. Всѣ лѣнливо оборотились въ ту сторону и отъ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужичковъ, послѣдній, шель какъ-то необыкновенно смѣшно, разставивъ руки и свѣспивъ набокъ голову, на которой была длинная мужичья шапка, гречневикомъ. Вся фигура его пѣльно и ясно обозначалась на бѣломъ свѣгу.

— Ишь братецъ Петровичъ, какъ облокался!—замѣтилъ одинъ, передразнивая выговоромъ мужи-

ковъ. Замѣчательно, что арестанты вообще смотрѣли на мужиковъ нѣсколько свысока, хотя половина изъ нихъ были изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходитъ точно рѣдку са-дитъ.

— Это тяжкодумъ, у него денегъ много, замѣтилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣнливо, какъ-будто нехотя. Между тѣмъ подошла калашница, бойкая и разбитная бабенка.

У ней взяли калачей на подаенный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой парень, торговавшій въ острогѣ катками, забралъ десятка два и крѣпко сталъ спорить, чтобъ выторговать три, а не два калача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но калашница не соглашалась.

— Ну а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те язвило! взвизнула бабенка и засмѣялась.

Наконецъ появился и приставъ падъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что разсѣлись! Начинать!

— Да что, Иванъ Матвѣичъ, дай-те урокъ, проговорилъ одинъ изъ «начальствующихъ», медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего давеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и урокъ.

Кое-какъ наконецъ поднялись, и спустились къ рѣкѣ, едва волоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же появились и «распорядители» по крайней мѣрѣ на словахъ. Оказалось, что барку не слѣдовало рубить зря, а надо было по возможности сохранить бревно и въ особенности поперечныя кокоры, прибитыя по всей длинѣ своей ко дну барки деревянными гвоздями,—работа долгая и скучная.

— Вотъ надо-тъ бы перво-наперво оттащить это бревнушко. Принимайся-ка, ребята! замѣтилъ одинъ, вовсе не распорядитель и не начальствующій, а просто чернорабочій, безсловесный и тихій малый, молчавшій до сихъ поръ, и нагнувшись обхватилъ руками толстое бревно, поджидая помощниковъ. Но никто не помогъ ему.

— Да, подымешь небось! И ты не подымешь, да и дѣдъ твой, медвѣдь, приди—п тотъ не подыметъ!—проворчалъ кто-то сквозь зубы.

— Такъ чтожъ, братцы, какъ начинать-то? я ужъ и не знаю... проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и приподымаясь.

— Всей работы не переработасшь... чего выскопиль?

— Трѣмъ курамъ корму раздать обочтется, а туда же первый... Стрепета!

— Да я, братцы, ничего, отговаривался озадаченный:—я только такъ...

— Да чтожъ мнѣ на васъ чехлы попадѣтъ, что ли? аль солгать васъ прикажете на зиму? крикнулъ опять приставъ, съ недоумѣніемъ смотря на двад-

цятиголовую толпу, не знавшую какъ прппяться за дѣло.—Начинать! скорѣй!

— Скорѣй скорого не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ.

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь, эй! Савельевъ! Разговоръ Петровиичъ! тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!... начинать!

— Да я чтожъ одинъ сдѣлаю?...

— Ужъ задайте урокъ. Иванъ Матвѣичъ.

— Сказано —не будетъ урока. Растащи барку и пди домой. Начинать!

Принялись наконецъ, но вяло, нехотя, неумѣло. Даже досадно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжихъ работниковъ, которые кажется рѣшительно недоумѣвали, какъ взяться за дѣло. Только было принялись вынимать первую, самую маленькую кокору,—оказалось, что она ломается, «сама ломается», какъ принесено было въ оправданіе приставу; слѣдственно такъ нельзя было работать, а надо было приняться какъ-нибудь иначе. Пошло долгое разсужденіе промезъ собой о томъ, какъ приняться иначе, что дѣлать? Разумѣется мало-помалу дошло до ругани, грозило зайти и подальше... Приставъ опять прикрикнулъ и помахалъ палочкой, но кокора опять сломалась. Оказалось наконецъ, что топоровъ мало и что надо еще принести какой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, подъ конвоемъ, за инструментомъ въ крѣпость, и въ ожиданіи, всѣ остальные преспокойно уѣлись на баркѣ, вынули свои трубочки и опять закурили.

Приставъ наконецъ плюнулъ.

— Ну, отъ васъ работа не заплачетъ! Эхъ народъ, народъ!—проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошолъ въ крѣпость, помахивая палочкой.

Черезъ часъ пришелъ кондукторъ. Спокойно выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что дастъ на урокъ выпутъ еще четыре кокоры, но такъ, чтобъ ужъ онѣ не ломались, а цѣликомъ, да сверхъ того отдѣлили разобрать значительную часть барки, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ большой, но, батюшки, какъ принялись! Куда дѣлась лѣнь, куда дѣлось недоумѣніе! Застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди. Остальные подкладывали толстые шесты и налегая на нихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали кокоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались теперь совершенно цѣлыя и непопорченныя. Дѣло кипѣло. Всѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поумѣли. Ни лишннихъ словъ, ни ругани! всякъ зналъ, что сказать, что сдѣлать, куда стать, что посоветовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и арестанты пошли домой усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то какихъ-нибудь полчаса противъ указаннаго времени. По относительно меня я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ неумѣста, вездѣ

мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгояли прочь.

Какойнибудь послѣдній оборвышъ, который и самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ пикнуть передъ другими каторжниками, побойчѣе его и потолковнѣе, и тотъ считалъ вправѣ крикнуть на меня и прогнать меня, если я становился подлѣ него, подъ тѣмъ предлогомъ, что я ему мѣшаю. Наконецъ одинъ изъ бойкихъ прямо и грубо сказалъ мнѣ: «куда лѣзете, ступайте прочь! что соваться куда не спрашиваютъ».

— Попался въ мѣшокъ! тотчасъ же подхватилъ другой.

— А ты лучше кружку возьми,—сказалъ мнѣ третій,—да и ступай собирать на каменное строеніе, да на табашное разореніе, а здѣсь тебѣ нечего дѣлать.

Приходилось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, когда всѣ работаютъ, какъ-то совѣстно. По когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошолъ и сталъ на конецъ барки, тотчасъ же закричали: — Вонъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

Все это разумѣется было нарочно, потому-что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и конечно они были рады случаю.

Очень понятно теперь, почему, какъ ужъ я говорилъ прежде, первымъ вопросомъ мнѣ при вступленіи въ острогъ было: какъ вести себя, какъ поставить себя передъ этими людьми? Я почувствовалъ, что часто будутъ у меня такія же столкновенія съ ними, какъ теперь на работѣ. По не смотря ни на какія столкновенія я рѣшился не измѣнять плана моихъ дѣйствій, уже отчасти обдуманнаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно проще и независимѣе, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сближаться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами пожелаютъ сближенія. Отнюдь не бояться ихъ угрозъ и ненависти и, по возможности, дѣлать видъ, что незамѣчаю того. Отнюдь не сближаться съ ними на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ, однимъ словомъ — не напращиваться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они первые презирали бы меня за это. Однако, по ихъ попятіямъ (и я узналъ это впоследствии навѣрно), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское происхожденіе мое, то-есть нѣжиться, ломаться, брезгать ими, фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. Такъ именно они понимали, что такое дворянство. Они разумѣется ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ; я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но за то я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать предъ ними ни образованія моего,

ни образа мыслей моихъ. Еслибъ я сталъ, пмѣ въ угоду, поддаваться къ нимъ, соглашаться съ ними, фамильярничать съ ними и пускаться въ разныя ихъ «качества», чтобъ выиграть ихъ расположение, — они бы тотчасъ же предположили, что я дѣлаю это изъ страха и трусости и съ презрѣніемъ обошлись бы со мной. А—въ былъ не примѣръ: онъ ходилъ къ майору и они сами боялись его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали поляки. Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня за то, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не нѣжился и не ломался передъ ними; и хотя я навѣрно зналъ, что потомъ они принуждены будутъ перемѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, по все-таки мысль, что теперь они какъ будто имѣютъ право презирать меня, думая, что я на работѣ записывалъ передъ ними,—эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣ-обѣденной работы, я воротился въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣвала меня. «Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди,—думалъ я,—все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!» Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора и вдругъ увидалъ нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ, какъ бываютъ ротные. батареинныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворняжка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то не ласкалъ ее, никто-то никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я погладилъ ее и изъ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла смиренно, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо махала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя, — меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала и отыскивала меня между всѣми и, отыскавъ за казармами, съ визгомъ пустилась мнѣ на встрѣчу. Ужъ и не знаю, что со мной стало, но я бросился цѣловать ее, я обнялъ ее голову; она вскочила мнѣ передними лапами на плеча и начала лизать мнѣ лицо. «Такъ вотъ другъ, котораго мнѣ посылаетъ судьба!» — подумалъ я, и каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще нкуда, я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, схватывалъ его голову и цѣловалъ-цѣловалъ ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство щемило мнѣ сердце. И помню, мнѣ даже пріятно было думать, какъ будто хвалясь передъ собой своей же мукой, что вотъ, на всемъ свѣтѣ только и осталось теперь для меня одно существо,

меня любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ,—моя вѣрная собака Шарикъ.

VII.

НОВЫЯ ЗНАКОМСТВА. ПЕТРОВЪ.

Но время пло, и я мало по малу сталъ обжигаться. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моей новой жизни. Происшествія, обстановка, люди—все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этой жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще остались во мнѣ, я заталъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу какъ потерянный, и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытные взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видо примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя дома, зналъ свое мѣсто на нарахъ и даже повидимому привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую недѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбранный уже самъ отвѣчать за себя), и тамъ цырюльники изъ батальоновъ мыли холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пытке. Впрочемъ скоро нашлось лекарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военнаго разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многие изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣжать казенныхъ цырюльниковъ, а между тѣмъ народъ былъ не нѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *майоромъ*, — почему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напоминать майора — тоже не могу сказать. Теперь какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ майоръ, высокій, сухощавый и молчаливый парень, довольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непремѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ дешево и ношно направлялъ свою донельзя сточенную бритву, и кажется весь уходилъ въ это занятіе, припавъ его вѣроятно за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто нибудь приходилъ побриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритва бархатная. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и бережно принималъ заработанную копѣйку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копѣйкѣ. Больно досталось А — ву отъ

нашего плацъ-маіора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожнаго пирюльника и неосторожно назвалъ его *маіоромъ*. Плацъ-маіоръ разсвирѣблъ и обидѣлся до послѣдней степени. «Да знаешь ли ты подлецъ, что такое маіоръ! кричалъ онъ, съ пѣнкой у рта, по-свойски расправляясь съ А—вымъ:—понимаешь ли ты, что такое маіоръ! И вдругъ какой нибудь подлецъ каторжный, и смѣлъ его звать маіоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присутствіи!...» Только А—въ могъ уживаться съ такимъ человекомъ.

Съ самаго перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Разсчитъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣренъ, что такъ поступаетъ всякій, лишенный на срокъ свободы. Не знаю думали-ль, разсчитывали-ль каторжные такъ же какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надеждъ поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго лишеннаго свободы—совершенно другаго рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человека. Свободный человекъ конечно надѣется (напримѣръ на перемѣну судьбы, на исполненіе какого нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ; настоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ вполне. Не то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь — острожная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какой бы срокъ онъ ни былъ сосланъ, онъ рѣшительно инстинктивно не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не *у себя дома*, а какъ будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать пять. — «Поживемъ еще!» — думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ разсчитывали иногда, что вотъ ибѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначить сроки». Тогда славно: во-первыхъ въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куда лучше! а потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ разсчитывается иной сѣдой человекъ!

Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ. Онъ сидятъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершенное уже въ Сибири. Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одно-го только между ними я видѣлъ какъ-будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служилъ. Говорилъ онъ смиренхонько, пришепетывая; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, пока-

зывалъ какъ падо ложиться удобнѣе на койку. То-то должно быть была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Къ чему бы кажется? А вотъ къ чему: выйдетъ онъ тогда изъ душевой, промозглой комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдетъ по двору острога, и... и только. За острогъ ужъ его не выпустятъ ни-когда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей и въ кандалахъ. Опъ это знаетъ и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной-то сидѣть.

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, первическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы, могли бы разрушить меня совершенно. Чаше быть на воздухѣ, каждый день уставать, пріучаться носить тяжести—и по крайней мѣрѣ я спасу себя,—думалъ я,—укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый. Я не, ошибся работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они извили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ хоть обжигать и толочь алебастръ,—одна изъ первыхъ работъ, мною узанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство по-возможности готово было облегчать работу дворянамъ, что впрочемъ было вовсе не поблажкой, а только справедливостью. Страшно было бы требовать съ человека, вполнину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался по положенію настоящему работнику. Но это «блоровство» не всета исполнялось-то какъ-будто украдкой; за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжелую, и тогда разумѣется дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человека три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну и пастъ въ томъ числѣ разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящаго работника, знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ всеодинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый смуглый и сухощавый человекъ, уже въ лѣтахъ, необщительный и брезгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ онъ былъ очень неразговорчивъ, до того, что даже лѣнился ворчать на насъ.

Сарай, въ которомъ обжигали и толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекій берегъ, было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце, было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилалась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы версты. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдился, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи, какъ-будто для того, чтобы мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись собственной бесполезностью. А всего-то и дѣла было вытопить печь, чтобы обжечь накладенный въ нее алебастръ, который мы же бывало и патакаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожженъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжелую колотушку, накладывалъ себѣ особый ящикъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была премилая работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошился. Мы взмахивали тяжелыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы наконецъ, и легко въ тоже время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрѣе. Тутъ ужъ и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ спусходительно, какъ смотреть на малолѣтнихъ дѣтей; спусходительно покуривалъ свою трубочку, и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему заговорить. Впрочемъ онъ и совсѣмъ былъ такой же, а въ сущности кажется добрый человѣкъ.

Другая работа, на которую я посылался,—въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось немалыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ) точилъ что нибудь въ родѣ лѣстничной балясины, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному въ такомъ случаѣ было вертѣть не подъ силу и обыкновенно посылали двоихъ,—меня и еще одного изъ дворянъ, Б. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что-нибудь точить. Б. былъ слабосильный, щедущый человѣкъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прбылъ въ острогъ съ годъ передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей,—однимъ старикомъ, все время осторожной жизни денно и ночью молвившимся Богу (за что очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и съ другимъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, румянымъ,

сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ устававшаго съ полъ-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ, и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

Особенно тоже я любилъ разгребать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ бурановъ, бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ сучного бурана замело иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими кучами, а иногда и всѣмъ острогомъ—отгребать сугробы снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ урокъ, иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только-что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухѣ обращался въ блестящую пыль. Лопата такъ и взрѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе, разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохотъ, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ снѣжки, не безъ того разумѣется, чтобы черезъ минуту не закричали благоразумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всеобщее увлеченіе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-по-малу я сталъ распространять и кругъ моего знакомства. Впрочемъ, самъ я не думалъ о знакомствахъ: я все еще былъ неспокоенъ, угрюмъ и недовѣрчивъ. Знакомства мои начались сами собою. Изъ первыхъ сталъ посѣщать меня арестантъ Петровъ. Я говорю *посѣщать* и особенно папираю на это слово. Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ меня казармѣ. Связей между нами повидимому не могло быть никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было и быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ какъ-будто обязанностью почиталъ чуть не каждый день заходить ко мнѣ въ казарму, или останавливать меня въ шабашное время, когда бывало я хожу за казармами, по возможности подальше отъ всѣхъ глазъ. Мнѣ сначала это было непріятно. Но онъ какъ-то умѣлъ сдѣлать, что скорѣе его посѣщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно сообщительный и разговорчивый человѣкъ. Съ виду былъ онъ невысокаго роста, спльнаго сложенія, ловкій, вертлявый, съ довольно пріятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взглядомъ, съ бѣлыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчной щепотью тертаго табаку за нижней губой. Класть за губу

табагъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мной всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на равной ногѣ, т. е. чрезвычайно порядочно и делкатно. Если онъ замѣчалъ напримѣръ, что я ищу уединенія, то, поговоривъ со мной минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего разумѣется не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не становились короче, хотя онъ дѣйствительно былъ мнѣ преданъ. Я даже и теперь не могу рѣшить: чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко мнѣ каждый день? Хоть ему и случалось воровать у меня впоследствии, но онъ воровалъ какъ-то *нечаянно*; денегъ же почти никогда у меня не просилъ, слѣдственно приходилъ вовсе не за деньгами или за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но мнѣ всегда казалось, что онъ какъ-будто вовсе не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ, и только посѣщалъ острогъ мимоходомъ, чтобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотреть какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не додѣлалъ. А между тѣмъ, какъ-будто и не очень суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ отѣнкомъ смѣлости и пѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ; какъ-будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался рассмотреть какой-то другой, подалѣе. Это придавало ему разсѣянный видъ. Я парочно смотрѣлъ иногда: куда пойдетъ отъ меня Петровъ? гдѣ это его такъ ждутъ? Но отъ меня онъ торопливо отправлялся куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, а потомъ вдругъ какъ-то оборветъ и замолчитъ. Но говорилъ ли онъ, сидѣлъ ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ его ждутъ. Страннѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ разумѣется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ не много горевалъ. И объ чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же страшенъ, какъ и онъ самъ. Увидитъ напримѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за острогомъ, и вдругъ круто поворотитъ въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется будто онъ подбѣжалъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ вѣдь родня тому, что въ двѣнадцатомъ году былъ? (Петровъ былъ изъ кантонистовъ и грамотный).

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ-будто ему надо было какъ можно поскорѣе объ чемъ-то узнать. Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ и прибавилъ, что можетъ-быть скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я возможности и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скоро соображая, даже наклонивъ въ мою сторону ухо.

— Гм. А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда ли, говорятъ есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самаго высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

Я объяснилъ сколько зналъ и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ что-ли? Какъ это говорятъ, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете.—Я объяснилъ что такое Америка и, возможности, что такое антиподы. Онъ слушалъ такъ же внимательно, какъ будто парочно прибѣжалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Лавальеръ читалъ, отъ адъютанта Арсѣвска книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только выдуманно? Дюма сочиненіе.

— Разумѣется выдуманно.

— Ну прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не производили на него такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, говорилъ М.—Онъ на все способенъ; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризъ. Онъ и васъ зарѣжетъ,

если ему это вздумается, такъ просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онъ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, почти каждый день говорилъ съ нимъ; все время онъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что),—и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. правъ, и что Петровъ можетъ-быть самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человѣкъ. Почему это такъ мнѣ казалось,—тоже не могу дать отчета. Замѣчу, впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-маіора, когда его позвали къ наказанію и когда маіоръ «спасся чудомъ», какъ говорили арестанты, — уѣхавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на ученіи. Вѣроятно его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололъ своего полковника открыто, среди бѣла дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ, я не знаю въ подробности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не рассказывалъ. Конечно это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣлкомъ. Но все-таки онъ былъ въ немъ очень рѣдки. Онъ дѣйствительно былъ благоразумецъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже, сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тлѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщеславія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ напримѣръ у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, зато и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Спроткинскимъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ впрочемъ я видѣлъ какъ онъ серьезно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь; чѣмъ-то обидѣли его. Спорилъ съ нимъ арестантъ силачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали и я думалъ, что дѣло кончится много-много что простыми колотушками. потому-что Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дирался и ругался какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и посинѣли; дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (лѣтомъ онъ очень любилъ ходить босой) подошелъ къ Антонову. Вдругъ, разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ всѣ затихли; муху было бы слышно. Всѣ ждали, что будетъ. Антоновъ вскочилъ ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ

и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго человѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ: Антоновъ, не успѣвъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь. (Дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверткахъ). Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его помаленьку, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ ужъ струсилъ. Но на руганъ Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не отвѣчалъ: дѣло было не въ ругани и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему слонялся по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣлья и какъ-будто искалъ, не заговарятъ-ли гдѣ-нибудь любопытнѣе, чтобъ приткнуться туда и свой носъ и послушать. Его казалось все занимало, но какъ-то такъ случилось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушнымъ и только такъ слонялся по острогу безъ дѣла, метало его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрепещитъ работа, но которому покамѣстъ не даютъ работы и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжитъ? Онъ не задумался бы бѣжать, еслибъ только крѣпко захотѣлъ. Надъ такими людьми, какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, покамѣстъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ лѣтъ прегягствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать съумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, по недѣлѣ могъ бы сидѣть безъ хлѣба, гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчномъ камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ это *вполнѣ*. Большаго разсужденія, особеннаго здраваго смысла я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и рождаются объ одной идеѣ, всю жизнь, безсознательно дышащей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь, пока не найдутъ себѣ дѣла вполнѣ по желанію; тутъ ужъ имъ и голова непочемъ. Удивлялся я иногда, какъ это такой человѣкъ, который зарѣзалъ своего начальника за побой, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и сѣкли, когда онъ попадался съ виномъ. Какъ и всѣ каторжные безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложится какъ-будто съ собственнаго согласія, т. е. какъ-будто сознавалъ, что за дѣло; въ противномъ случаѣ низачто бы не легъ, хоть убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность, обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полосами. Это онъ укралъ библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ, но онъ успѣлъ найти по дорогѣ покупателя, продать ее и тотчасъ же пропилъ деньги. Вѣрно ужъ очень

ему пить захотѣлось, а ужъ что очень захотѣлось, то *должно* быть исполнено. Вотъ такой-то рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить косушку, хотя въ другое время пропустить мимо съ сотнею тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянья, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было пробовалъ хорошенько его побранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смиренно; соглашался, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ее у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что я тотчасъ же и пересталъ браниться. Брань же мою онъ сносилъ вѣроятно разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужъ пусть дескать душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить-то было бы совѣстно. Мнѣ кажется онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если напримѣръ я самъ съ нимъ объ чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ наукъ и книжекъ, то онъ правда мнѣ отвѣчалъ, но какъ-будто только изъ учтивости, ограничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что ему въ этихъ книжныхъ занятіяхъ, о которыхъ онъ меня спрашиваетъ? Случалось, что во время этихъ разговоровъ я нѣтъ-пѣтъ, да и посмотрю на него сбоку: ужъ не смѣется ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьезно, хотя впрочемъ не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и принималъ ихъ даже разсѣянно... Казалось мнѣ еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить какъ съ другими людьми, что кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже неспособенъ понять, такъ что и беспокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня и это меня очень поражало. Считалъ ли онъ меня недоросшимъ, неполнымъ человѣкомъ, чувствовалъ ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому слабѣйшему, признавалъ меня за такое... не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. «Эхъ дескать! думалъ онъ можетъ-быть, запуская руку въ мое добро, чтожъ это за человѣкъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!» Но за это-то онъ кажется и любилъ меня. Онъ мнѣ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я уже «слишкомъ доброй души человѣкъ», и «ужъ такъ вы просты, что даже жалость беретъ. Только вы, Александръ Петровичъ, не при-

мите въ обиду—прибавилъ онъ чрезъ минуту:—я вѣдь такъ отъ души сказалъ.»

Съ такими людьми случается иногда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозначаются въ минуты какого-нибудь крутаго, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ быть зачинщиками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, незадумавшись, безъ страха, идя прямо на всѣ ножи,—и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы. Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончить, и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значитъ случай его не пришелъ. Кто знаетъ впрочемъ? можетъ и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умретъ отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но мнѣ кажется М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный человѣкъ изъ всей каторги.

VIII.

РѢШИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ. ЛУЧКА.

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду пожалуй и страшный человѣкъ; сообразишь бывало, что про него рассказываютъ, и даже сторонились отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ я во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другаго, который по шести убійствамъ пришолъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: дотога въ совершеніи ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьи инныя убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: Живетъ этотъ человѣкъ тихо и смиренно. Доля горькая, — терпитъ. Положимъ онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось: онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встречнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для четки, или просто: «прочъ съ дороги, не попадайся, я иду!» Точно

опьяняетъ человѣкъ, точно въ горячечномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святаго; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знаетъ онъ къ тому же, что ждетъ его страшная казнь. Все это можетъ-быть похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужъ самъ наконецъ радъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концемъ! И случается это все даже съ самыми смиренными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ, въ этомъ чаду, даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой «отчаянный» иногда самъ ужъ поскорѣе ждетъ наказанія, ждетъ, чтобъ *порѣшили*; его, потому-что самому становится наконецъ тяжего носить на себѣ эту напускную *отчаянность*. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало: точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ-будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, стушовывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнуть—просить у народа прощенія. Приходить въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: «да неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?»

Конечно иныя и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость; вотъ дескать, я вѣдь не то, что вы думаете; я «по шести душамъ». Но кончается тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшитъ себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывшій разъ въ его жизни, когда онъ былъ «отчаяннымъ», и очень любитъ, если только найдетъ простачка, съ приличной важностью передъ нимъ поломаться, похвастаться и рассказать ему свои подвиги, не показывая впрочемъ и вида, что ему самому рассказать хочется. Вотъ дескать какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво-небреженъ бываетъ иногда такой рассказъ! Какое изученное фатство проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ рассказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я

прослушалъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, и по неопытности принялъ рассказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный, желѣзный характеръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой разсказа было, какъ онъ, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія *уложилъ* одного маіора.

Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькій, тоненькій, съ востренькимъ носикомъ, молоденькій арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онъ въ сущности русскій, а только родился на югѣ, кажется дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-то вострое, заносчивое: «мала птичка, да ноготокъ востерь». Но арестанты инстинктивно раскусываютъ человѣка. Его очень немного уважали или, какъ говорятъ въ каторгѣ, «ему очень немного уважали». Онъ былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ на нарахъ и шилъ рубашку. Шитье бѣлья было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный паренъ, но добрый и ласковый, плотный и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и не замечалъ по своему простодушію. Онъ вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ рассказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы всѣ его слушали, хотя напротивъ и старался дѣлать видъ, что рассказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, началъ онъ, ковыряя иглой,—въ К—въ, по бродяжеству значить.

— Это когда же, давно было? спросилъ Кобылинъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ, другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К—въ и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидятъ со мной человѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоровые, дюжіе, точно быки. Да смиренныя такіе: ѣда плохая, вертитъ ими ихній маіоръ какъ его милости *заводно* (Лучка нарочно перековеркалъ слово). Сижу день, сижу другой; вижу трусъ-народъ. Чтожъ вы, говорю, такому дураку полагаете?

— А подпка-съ самъ съ нимъ поговори! да ухмыляется на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохолъ, братцы, прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще.—Рассказывалъ какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается плачетъ; дѣти, говоритъ, у него остались, жена. Самъ матерой такой, сѣдой, толстый. «Я ему, говоритъ, бачу: ни! А винъ бисовъ сынъ, все пишеть, все пишеть! Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, а ябъ подывився! А винъ все пишеть, все

пишетъ; да якъ писне!... Тутъ и пропала моя голова!» Дай-ка, Вася, ниточку; гнилыя каторжныя.

— Базарныя, отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись Невалда посылали, и у какой онъ тамъ подлой бабы беретъ? продолжалъ Лучка, вдѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы значить.

— Значить у кумы.

— Такъ чтоже, какъ же маіоръ-то? спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожъ онъ не сейчасъ продолжалъ свой разсказъ, даже какъ-будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣниво передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужъ заговорилъ:

— Вздудоражилъ наконецъ я моихъ хохловъ, потребовали маіора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ (*) спросилъ, взялъ да и спряталъ, значить на случай. Разсвирѣпѣлъ маіоръ. Ёдетъ. Ну, говорю, не трусить хохлы! А у нихъ ужъ душа въ пятки ушла; такъ и трясутся. Вѣжаль маіоръ; пьяный «Кто здѣсь! какъ здѣсь! Я царь, я и богъ!»

Какъ сказалъ онъ: «я царь, я и богъ», я и выдвинулся, продолжалъ Лучка:—ножъ у меня въ рукавъ.

— Нѣтъ говорю, ваше высокоблагородіе, — а самъ помаленьку все ближе:—нѣтъ ужъ это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты? закричалъ маіоръ:—бунтовщикъ!

— Нѣтъ говорю (а самъ все ближе да ближе),—нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ можетъ извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и вездѣсущій, единъ есть, говорю. И царь нашъ единъ, надъ всѣмъ нами самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только маіоръ—начальникъ нашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостью, говорю, и своимъ заслугами.

— Какъ-какъ-какъ-какъ! Такъ закудахталъ, говорить не можетъ, захлебывается. Удивился ужъ очень.

— Да вотъ какъ, говорю; да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Ловко пришлось. Покатился, да только ногами задрыгалъ. Я ножъ бросаю:

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь!

Здѣсь уже я сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастью такія выраженія: «я царь я и богъ» и много другихъ, подобныхъ этому, были въ немаломъ употребленіи встарину, между многими изъ командировъ. Надо впрочемъ признаться, что та-

кихъ командировъ остается уже немного, а можетъ-быть и совсѣмъ перевелись. Замѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями большею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ-будто переворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ лямкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи; разумѣется только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ вышшими же они попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ слѣшатъ заявить передъ своими вышшими командирами, что вѣдь они сами изъ нижнихъ чиновъ, хотъ и офицеры, и «свое мѣсто всегда помнятъ». Но относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ ли ужъ есть такіе, и врядъ ли найдется такой, чтобъ прокричалъ: «я царь, я и богъ». Но не смотря на это я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ этакія выраженія начальниковъ. Эта нахальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастью, все это дѣло почти прошлое, даже и въ старину-то строго преслѣдовалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая свысока небрежность, всякая безразличность въ обращеніи съ ними. Иные думаютъ напимѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это тоже заблужденіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хотъ и инстинктивно, хотъ безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клевами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо съ нимъ обращаться по-человѣчески. Боже мой! да *человѣческое* обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ божій. Съ этими-то «несчастливыми» и надо обращаться наиболѣе по-человѣчески. Это спасеніе и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ—и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще

(*) Ножъ.

одну странность: сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и *слишкомъ* ужъ добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ уважать. Арестанту любо напимѣрь, чтобъ у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важепъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значить и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало-быть и все хорошо и красиво.

— Ужь и жарили-жъ тебя должно-быть за это? спокойно замѣтилъ Кобылинъ.

— Гм, Жарили-то, братъ, оно правда, что жарили. Алей, дай-ка ножницы! Чтой-то братцы, сегодня майдана нѣтъ?

— Даве пропились, замѣтилъ Вася.—Еслибъ не пропились, такъ оно пожалуй и было бы.

— Еслибъ! за еслибъ и въ Москвѣ сто рублей даютъ, замѣтилъ Лучка.

— А сколько тебѣ, Лучка, дали за все про все? заговорили опять Кобылинъ.

— Дали, другъ любезный, сто-пять. А что скажу, братцы: вѣдь чуть меня не убили, подхватилъ Лучка, опять бросая Кобылина.—Вотъ какъ вышли мнѣ эти сто-пять, повезли меня въ полномъ парадѣ. А никогда-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ сбѣжался: разбойника наказывать будутъ, убивецъ значить. Ужь и какъ глупъ этотъ народъ, такъ не знаю какъ и сказать. Тимошка (*) раздѣлъ, положилъ, кричить: поддержишь, ожгу! жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпилъ разъ,—хотѣлъ-было я крикнуть, раскрылъ-было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ значить остановился. Какъ влѣпилъ два, ну вѣришь или не вѣришь, я ужъ и не слыхалъ какъ *два* просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братъ, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ: водой обливали. Гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: «тутъ же помру»...

— А и не померъ? наивно спросилъ Кобылинъ.

Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

— Балясина, какъ есть!

— На чердакѣ нездорово, замѣтилъ Лучка, точно раскаяваясь, что могъ заговорить съ такимъ человѣкомъ.

— Умомъ значить рѣшонъ, скрѣпилъ Вася.

Лучка хоть и убилъ шесть человѣкъ, но въ острогѣ его никогда и никто не боялся, несмотря на то, что можетъ-быть онъ душевно желать прослыть страшнымъ человѣкомъ....

IX.

ИСАЙ ӨОМИЧЪ. БАНЯ. РАЗСКАЗЪ БАКЛУШИНА.

Наступалъ праздникъ Рождества Христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое время, особенно въ первые мои годы, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было идти послѣ обѣда и въ эти послѣ-обѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исай Өомпчъ Бумштейнъ, каторжный изъ евреевъ, о которомъ уже я упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до отупѣнія, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь, перебирая старыя воспоминанія, вспомнить и о нашей каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ объ ней забывать), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исая Өомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за уморительный и смѣшной былъ этотъ человѣкъ! Я уже сказалъ нѣсколько словъ про его фигуру: лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ тѣломъ. Въ выраженіи лица его виднѣлось непрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ-какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ безпрерывно по господамъ и по началству города одну ювелирскую работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и давалъ подѣ-закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подѣ-кошваемъ въ свою городскую моленную (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припѣваючи, съ нетерпѣніемъ впрочемъ ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ «зениться». Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и пахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исай Өомичъ очевидно служилъ всѣмъ для развлечения и всегдашней потѣхи. «Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Өомича», говорили арестанты, и Исай Өомпчъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень

(*) Палачъ.

тѣшилѡ арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ рассказывали). Вдругъ, однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и брѣютъ въ кордегардіи и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Осторожный унтеръ-офицеръ провелъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на нарахъ. Въ рукахъ у Исаи Оомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, взмогился на нары и усѣлся, подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза. Кругомъ него раздавался смѣхъ и острожные шуточки, имѣвшія въ виду еврейское его происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснулся молодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія свои шаровары, съ придачею казенныхъ подвертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исаи Оомича и ударилъ его по плечу:

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ ожидаю. Вотъ смотри, много ли дашь?

И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исай Оомичъ, который при входѣ въ острогъ сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова,—увидѣвъ закладъ, вдругъ вострепнулся и бойко началъ перебирать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Чтожъ, рубля-то серебромъ небось не дашь? а вѣдь стоило бы! продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Оомичу.

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копѣекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Оомичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатались со смѣху.

— Семь! Ну давай хоть семь; твое счастье! Смотри жъ, береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копѣйки, будетъ десять копѣекъ, отрывисто и дрожащимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ что-ли три копѣйки проценту?

— Нѣтъ не годъ, а въ мѣсяцъ.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исай Оомичъ.

— Ну, Исай Оомичъ, далеко ты у насъ пойдешь! Прощай.

Исай Оомичъ еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Его дѣйствительно всѣ какъ-будто даже любили и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ незлобивъ какъ курица и, видя всеобщее расположеніе къ себѣ, даже куражился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка, знавшій на своемъ вѣку много жидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно также, какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, учеными звѣрьками и проч. Исай Оомичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и преловко отшучивался.

— Эй жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десяти, молодцовски отвѣчалъ Исай Оомичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; грѣши ма.

— Христа продашь.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Оомичъ, молодецъ! Не троньте его, онъ у насъ одинъ! кричать съ хохотомъ арестанты.

— Эй жидъ,хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибирь.

— Еще дальше упрячутъ.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну нехай; былъ бы панъ Богъ, да грѣши, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодецъ, Исай Оомичъ, видно, что молодецъ! кричатъ кругомъ, а Исай Оомичъ, хоть и видится, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ляля! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ въ продолженіе всей каторги. Потомъ, познакомившись ближе со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и именно тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и что каждому сврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами,

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотриѣть, какъ Исай Оомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исай Оомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ педантскою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный сто-

ликтъ, развѣртывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*ризу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая нарядка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный ящичекъ, такъ что казалось изъ Исаи Оомича выходить какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, оплевывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно, все это было предписано обрядами молитвы и въ этомъ ничего не было смѣшнаго и страннаго, но смѣшно было то, что Исай Оомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своимъ обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдь. Рыданья усиливаются и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. «Ишь его разбираетъ!» говорятъ бывало арестанты. Я спрашивалъ однажды Исаю Оомича: что значатъ эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исай Оомичъ ужасно любилъ эти распросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачь и рыданія означаетъ мысль о потерѣ Иерусалима, и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но, что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Оомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Иерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и проговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этомъ переходъ *вдругъ* и непрѣменная обязанность этого перехода, чрезвычайно нравились Исаю Оомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый куншттикъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самага разгара молитвы, въ комнату вошелъ плацъ-маіоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исай Оомичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и, крича передъ маіоромъ, не рисковалъ разумѣется ничѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было поломаться передъ маіоромъ и порисоваться передъ нами. Маіоръ подошелъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исай Оомичъ оборотился задомъ къ своему столу и

прямо, въ лицо маіору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощуривъ глаза, смѣясь и кивая на маіора головой. Маіоръ удивился; но наконецъ фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его тутъ же въ глаза дуракомъ и пошелъ прочь, а Исай Оомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ ужиналъ, я спросилъ его: а что еслибъ плацъ-маіоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-маіоръ?

— Какъ какой? да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исай Оомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого маіора, что въ это время, при этихъ молитвахъ онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ, что кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исаю Оомича, когда онъ въ субботу слоняется бывало безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какіе невозможные анекдоты рассказывалъ онъ мнѣ каждый разъ, когда приходилъ изъ своей молельни; какіе ни на что непохожіе извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ изъ первыхъ рукъ.

Но я слишкомъ ужъ много разговаривалъ объ Исаѣ Оомичѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани. Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была номерная, съ платою по 50 копѣекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простопагодная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ. Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣснотою бани. Но несмотря на то, баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ безъ моего приглашенія подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ піонеромъ, и о которомъ какъ-то я поминалъ,

какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому-что по непривычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть ли не также, какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во-первыхъ, нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандалники. Эти подкандалники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною, и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандалниковъ стоитъ не менѣе шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ, каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ разумеется, потому-что безъ подкандалниковъ невозможно ходить. Кандалное кольцо неплотно охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палець: такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандалниковъ успѣлъ бы натереть себѣ раны. Но снять подкандалники еще нетрудно. Труднѣе научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ. Снявъ нижнее бѣлье, положимъ, хотъ съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандалнымъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь то же кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все, продѣтое сквозь правое кольцо, опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваньемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться, какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Тобольскѣ, бывшій атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копѣекъ, чтобъ запастись мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось правда и казенное мыло, на каждого по кусочку, величиною съ двукопѣечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемого по вечерамъ на закуску у «средняго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ передбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На каждого арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ-руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры», приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька: — «а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ». Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было; хотѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ умѣю пройти; но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно, какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ,

которому всякой обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его, онъ бы зналъ какъ со мной поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ. Чтожъ побуждало его такъ ходить за мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось можетъ-быть до ста человѣкъ разомъ, и ужъ по крайней мѣрѣ, навѣрно, восемьдесятъ, потому-что арестанты раздѣлены были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Паръ, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота, до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ же ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями протѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копѣйку тотъ уступилъ свое мѣсто, немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ зажавъ въ кулакъ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость выросла вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли скрючившіеся арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ и, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли съезжавшіеся и скрючившіеся мывшіеся. Но мылись мало. Простолудины мало моются горячей водой и мыломъ; они только страшно парятся и потомъ обливаются холодной водой, — вотъ и вся баня. Вѣнниковъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьяненія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужъ не жаръ; это было пѣкло. Все это орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглядѣетъ усатое лицо солдата, съ ружьемъ въ рукѣ,

высматривающаго нѣтъ ли безпорядковъ. Обритыя головы и распаренныя до-красна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь всѣ эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ прошелъ по кожѣ смотря на нихъ. Поддадутъ — и паръ застелетъ густымъ, горячимъ облакомъ всю баню; все загогочетъ, закричитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченные руки, ноги; а въ довершеніе, Исай Ѳомичъ гогочетъ во все горло, на самомъ высокомъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но кажется никакой жаръ не можетъ насытить его; за копѣйку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ наконецъ не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ отлпваться холодной водой. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другаго, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки, и смѣшается до пяти парильщиковъ. «Здоровъ париться, молодецъ Исай Ѳомичъ!» кричатъ ему снизу арестанты. Исай Ѳомичъ самъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и заткнулъ всѣхъ ихъ за-поясъ; онъ торжествуетъ, и рѣзкимъ, сумасшедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ляля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ утѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ намъ воду и подносилъ ее по мѣрѣ надобности. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе», и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всего мыломъ. «А теперь я вамъ *ножки* вымою», прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымытъ и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей — ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, т. е. съ поддержками и съ предостереженіями на каждомъ шагу, точно я былъ фарфоровый, доставилъ меня въ передбанникъ и помогъ надѣть бѣлье, и уже когда совершенно кончилъ со мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался, выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришло въ голову раскошелиться и поподчивать его косушкой. Косушка нашлась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отмѣнно

доволенъ, выпилъ, крикнулъ, и замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, поспѣшно отправился въ кухню, какъ-будто тамъ безъ него чего-то никакъ не могли рѣшить. Вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не знаю характера милѣ Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуска другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ, чтобъ вмѣшивались въ его дѣла, — однимъ словомъ умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился ненадолго, и кажется всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружающіе его не могли не хототать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ за то, что онъ «пустой и бесполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ спрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, рассказавъ какъ поручикъ III. отдѣлялъ утромъ нашего плацъ-маіора и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что кажется театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декорации. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного деньщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ аксельбантами. Только бы плацъ-маіоръ не вздумалъ запретить, какъ прошлаго года. Но прошлаго года на Рождествѣ маіоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ ктому же нашалили, вотъ онъ и запретилъ со зла, а теперь можетъ быть не захочетъ стѣснять. Однимъ словомъ Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непременно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговорились. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что не все служилъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р., впрочемъ унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный батальонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да за что же это? спросилъ я его.

— За что? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, за что? Вѣдь за то, что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, возражалъ я смѣясь.

— Правда, прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоитъ ли высылать изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожъ какъ же это? Расскажите, это любопытно.

— Пресмѣшная исторія, Александръ Петровичъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Рассказывайте.

— Аль разказать? Ну такъ ужъ слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но за то довольно странную исторію одного убійства...

Дѣло это было вотъ какъ, началъ Баклушинъ. — Какъ послали это они меня въ Р., вижу — городъ хорошій, большой, только нѣмцевъ много. Ну я разубѣдился еще молодой человекъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу себѣ шапку на бекрень, время провожу значить. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ обѣ были прачки, для самаго ни-на-есть чистаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфырная такая, а живуть зажиточно. Я сначала мимо оконъ концы давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и по-русски говорила хорошо, а только такъ какъ-будто картавила, — этакая то-есть милушка, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было сначала того да сего, а она мнѣ: «нѣтъ, этого не могу, Саша, потому я хочу всю невинность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть», и только ласкается, смѣется таково звонко... да чистенькая такая была, я ужъ и не видалъ такихъ кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну какъ же не жениться, подумайте! Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю — Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Чтожъ это, думаю? То-есть кабы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣчала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стопами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и говорю: коль не придешь, самъ къ теткѣ приду. Испугалась, пришла. Плачетъ; говоритъ, одинъ нѣмецъ, Шульцъ, дальній ихъ родственникъ, часовщикъ, богатый и ужъ пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться, — чтобъ, говоритъ, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться; да и любить онъ меня, говоритъ, и давно ужъ намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говоритъ, Саша, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужели жъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня об-

нимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говорить! Ну что толку за солдата выдти, хотя-бъ я и унтеръ? — Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А что онъ, хорошъ? — Нѣтъ говорить, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушолъ я отъ нея; чтожъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошолъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ этакъ сорока пати, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, этакихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да что думаю! нечего трогать, пропало какъ съ возу упало! Пришелъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

Ну проходитъ этакъ день, другой, третій. Съ Луизкой не вижусь. А межъ тѣмъ услыхалъ отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшился поскорѣй свататься. А то бы еще года два поджидалъ. Съ Луизы будто бы онъ клятву такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черномъ тѣлѣ держитъ; что можетъ дескать еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣ завтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофе звалъ и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдны-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служить. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они можетъ все дѣло рѣшать, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлаю, что объ этомъ думаю. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли, — вскочилъ, натянулъ шинель, да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ — самъ не знаю. А на всякій случай пистолетъ въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетикъ такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужъ было. Однакожъ я его пулей зарядилъ; думаю: станутъ выгонять, грубить; я пистолетъ выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ задней комнатѣ. Окромя ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она-жъ и кухарка. Я пришелъ магазинъ; вижу — дверь туда заперта, да старая этакъ дверь на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился, слушаю: говорятъ по-нѣмецки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофей на спиртѣ ки-

пить. Сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А съ боку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужъ, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и поблѣднѣла. Тетка было привскочила да и сѣла, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый; всталъ и павстрѣчу:

— Что вамъ, говорить, угодно?

Я было сконфузился, да злость ужъ меня сильно взяла.

— Чего, говорю, угодно! а ты гостя принимай, водкой подчуй. Я къ тебѣ въ гости пришелъ.

Нѣмецъ подумалъ и говоритъ:

— Садитесь-съ.

Сѣлъ я.

— Давай же, говорю, водки-то.

— Вотъ, говорить, водка; пейте пожалуйста.

— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай.— Злость-то значить меня ужъ очень беретъ.

— Это хорошая водка.

Обидно мнѣ стало, что ужъ слишкомъ онъ такъ меня низко ставитъ. А всего пуще, что Луиза смотритъ. Выпилъ я, да и говорю:

— Да ты чтожь такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мной подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришелъ.

— Я не могу быть вашъ другъ, говорить: ви простой солдатъ.

Ну тутъ я и взбѣсился.

— Ахъ ты чучела, говорю, колбасникъ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты, я все, что хочу съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю?

Вынулъ я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ дуло ему прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, не мертвы; пикнуть боятся; а старикъ, такъ тотъ какъ листъ трясется, молчитъ, поблѣднѣлъ весь.

Нѣмецъ удивился, однакожь опомнился.

— Я васъ не боюсь, говорить, и пропу васъ, какъ благородный человѣкъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совсѣмъ не боюсь.

— Ой врешь, говорю, боишься! А чего! самъ головы изъ-подъ пистолета пошевелить не смѣетъ; такъ и сидитъ.

— Нѣтъ, говорить, ви это никакъ не смѣетъ сдѣлать.

— Да почему-жь, говорю, не смѣетъ-то?

— А потому, говорить, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

То-есть чортъ этого дурака нѣмца знаетъ! Не поджогъ бы онъ меня самъ, былъ бы живъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

— Такъ не смѣю, говорю, по твоему?

— Нѣтъ-тъ!

— Не смѣю?

— Ви это совершенно не смѣять со мной сдѣлать...

— Ну такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ цапну его, онъ и покатылся на стулѣ. Тѣ закрычали.

Я пистолетъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ въ крапиву и бросилъ.

Пришелъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходитъ, другой, — не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я; безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошолъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ народъ, полиція. Я къ кумѣ, вызови Луизу! Чуть-чуть подождать, вижу: бѣжитъ Луиза, такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «всему я, говорить, виновата, что тетку послушалась». Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотъ-часъ же послѣ давешняго домой пришла и такъ струсилла, что заболѣла и—молчекъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говорить, запретила; боится; какъ угодно, пусть тамъ и дѣлаютъ. Насъ, говорить, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было; всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, сѣмъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушелъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталъ. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говорить, за тобой, куда тебя соплютъ, пойду; все для тебя повинну!» Я ужъ думалъ всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а чрезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня...

— Но постойте, прервалъ я Баклушина:— васъ за это только могли всего-то лѣтъ на десять, ну на двѣнадцать, на полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну ужъ это другое вышло дѣло, сказалъ Баклушинъ.—Какъ привели меня въ судную комиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: «Ты что ругаешься-то? развѣ не видишь, подлецъ, что передъ зеркаломъ сидишь!» Ну тутъ ужъ пошло по другому; по-новому стали судить, да за все вмѣстѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеле-

ной улицѣ, а его лишитъ чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданья, Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

Х.

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Наконецъ наступили и праздники. Еще въ сочельникъ арестанты почти не выходили на работу. Вышли въ швальни, въ мастерскія; остальные только побыли на разводкѣ, и хоть и были кой-куда назначены, но почти всѣ, по одиночкѣ или кучками, тотчасъ же возвратились въ острогъ и послѣ обѣда никто уже не выходилъ изъ него. Да и утромъ большая часть ходила только по своимъ дѣламъ, а не по казеннымъ: иные чтобъ хлопотать о пропесеніи вина и заказать новое; другіе повидать знакомыхъ куманьковъ и кумушекъ, или собрать къ празднику долгишки за сдѣланныя ими прежде работы; Баклушинъ и участвовавшіе въ театрѣ — чтобъ обойти нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно изъ офицерской прислуги, и достать необходимые костюмы. Иные ходили съ заботливымъ и суетливымъ видомъ единственно потому, что и другіе были суетливы и заботливы, и хоть инымъ напримѣръ ни откуда не предстояло получить денегъ, но они смотрѣли такъ, какъ будто и они тоже получаютъ отъ кого нибудь деньги; однимъ словомъ всѣ какъ будто ожидали къ завтрашнему дню какой-то перемены, чего-то необыкновеннаго. Къ вечеру инвалиды ходившіе на базаръ по арестантскимъ посылкамъ, нанесли съ собой много всякой всячины изъ сѣбѣстнаго: говядины, поросятъ, даже гусей. Многіе изъ арестантовъ, даже самые скромные и бережливые, копившіе круглый годъ свои копѣйки, считали обязанностью раскошелиться къ такому дню и достойнымъ образомъ справить розговень. Завтрашній день былъ настоящій, неотъемлемый у арестанта праздникъ, признанный за нимъ формально закономъ. Въ этотъ день арестантъ не могъ быть высланъ на работу, и такихъ дней всего было три въ году.

И наконецъ, кто знаетъ, сколько воспоминаній должно было зашевелиться въ душахъ этихъ отверженцевъ при встрѣчѣ такого дня! Дни великихъ праздниковъ рѣзко отпечатлѣваются въ памяти простолудиновъ, начиная съ самаго дѣтства. Это дни отдохновенія отъ ихъ тяжелыхъ работъ, дни семейнаго сбора. Въ острогѣ же они должны были припоминаться съ мученіями и тоской. Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность. Смѣхъ какъ будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло

до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него какъ будто за неуваженіе къ празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ съ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ стало быть отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ тоже что у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно.

Акимъ Акмычъ тоже очень готовился къ празднику. У него не было ни семейныхъ воспоминаній, потому что онъ выросъ сиротой въ чужомъ домѣ, и чуть не съ пятнадцати лѣтъ пошелъ на тяжелую службу; не было въ жизни его и особенныхъ радостей, потому что всю жизнь свою провелъ онъ регулярно, однообразно, боясь хотя на волосокъ выступить изъ показанныхъ ему обязанностей. Не былъ онъ и особенно религіозенъ, потому что благонравіе казалось поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особености, всѣ страсти и желанія, дурныя и хорошія. Вслѣдствіе всего этого онъ готовился встрѣтить торжественный день не суетясь, не волнуясь, не смущаясь тоскливыми и совершенно бесполезными воспоминаніями, а съ тихимъ, методическимъ благонравіемъ, котораго было ровно на столько, сколько нужно для исполненія обязанности и разъ навсегда указаннаго обряда. Да и вообще онъ не любилъ много задумываться. Значеніе факта казалось никогда не касалось его головы, но разъ указанныя ему правила онъ исполнялъ съ священной аккуратностью. Еслѣбъ завтра же приказали ему сдѣлать совершенно противное, онъ бы сдѣлалъ и это съ тою же самою покорностью и тщательностью, какъ дѣлалъ и противоположное тому наканунѣ. Разъ, одинъ только разъ въ жизни онъ попробовалъ пожить своимъ умомъ — и попалъ въ каторгу. Урокъ не пропалъ для него даромъ. И хоть ему не суждено было судьбою понять хоть когда нибудь, въ чемъ именно онъ провинился, но зато онъ вывелъ изъ своего приключенія спасительное правило — не разсуждать никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ, потому что разсуждать «не его ума дѣло», какъ выражались промежъ себя арестанты. Слѣпо преданный обряду, онъ даже и на праздничнаго поросенка своего, котораго начиналъ кашей и изжарилъ (собственноручно, потому что умѣлъ и жарить), смотрѣлъ съ какимъ-то предварительнымъ уваженіемъ, точно это былъ не обыкновенный поросенокъ, котораго всегда можно было купить и изжарить, а какой-то особенный, праздничный. Можетъ быть онъ еще съ дѣтства привыкъ видѣть на столѣ въ этотъ день поросенка, и вывелъ, что поросенокъ необходимъ для этого дня, и я увѣренъ, еслѣбъ хоть разъ въ этотъ день онъ не покупалъ поро-

сенка, то на всю жизнь у него бы осталось нѣкоторое угрызеніе совѣсти о неисполненномъ долгѣ. До праздника онъ ходилъ въ своей старой курткѣ и въ старыхъ панталонахъ, хоть и благопристойно заштопанныхъ. Но зато ужъ совѣсть заносившихся. Оказалось теперь, что новую пару, выданную ему еще мѣсяца четыре назадъ, онъ тщательно берегалъ въ своемъ сундучкѣ и не притрогивался къ ней съ улыбающейся мыслью торжественно обновить ее въ праздникъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Еще съ вечера онъ досталъ свою новую пару, разложилъ, осмотрѣлъ, пообчистилъ, обдулъ и, исправивъ все это, предварительно примѣрилъ ее. Оказалось, что пара была совершенно впору; все было прилично, плотно застегивалось до верха, воротникъ какъ изъ кордона высоко подпиралъ подбородокъ; въ талѣ образовалось даже что-то въ родѣ мундирнаго перехвата, и Акимъ Акимычъ даже осклабился отъ удовольствія и не безъ молодцоватости повернулся передъ крошечнымъ своимъ зеркальцомъ, которое собственноручно и давно уже оклеилъ въ свободную минутку золотымъ бордюрикомъ. Только одинъ крючокъ у воротника куртки оказался какъ будто не на мѣстѣ. Сообразивъ это, Акимъ Акимычъ рѣшилъ переставить крючокъ; переставилъ, примѣрилъ опять, и оказалось уже совѣсть хорошо. Тогда онъ сложилъ все попрежнему и съ успокоеннымъ духомъ упряталъ до завтра въ сундучокъ. Голова его была обрита удовлетворительно; но огладѣвъ себя внимательно въ зеркальцѣ, онъ замѣтилъ, что какъ будто несовѣсть гладко на головѣ; показывались чуть видны ростки волосъ, и онъ немедленно сходилъ къ «маіору», чтобъ обрить, въ совершенно прилично и по формѣ. И хотъ Акимъ Акимыча никто не сталъ бы завтра осматривать, но брился онъ единственно для спокойствія своей совѣсти, чтобъ ужъ такъ, для такого дня, исполнить все свои обязанности. Благоговѣніе къ пуговкѣ, къ погончику, къ петличкѣ, еще сдѣлства неотъемлемо напечатлѣлось въ умѣ его въ видѣ неоспоримой обязанности, а въ сердцѣ — какъ образъ послѣдней степени красоты, до которой можетъ достигъ порядочный человѣкъ. Все исправивъ, онъ какъ старшій арестантъ въ казармѣ, распорядился приносить сѣна и тщательно наблюдать какъ разбрасывали его по полу. Тоже самое было и въ другихъ казармахъ. Не знаю почему, но къ рождеству всегда разбрасывали у насъ по казармѣ сѣно. Потомъ, окончивъ все свои труды, Акимъ Акимычъ помолился Богу, легъ на свою койку и тотчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ младенца, чтобъ проснуться какъ можно раньше утромъ. Также точно поступали впрочемъ и все арестанты. Во всѣхъ казармахъ улеглись гораздо раньше обыкновеннаго. Обыкновенныя вечернія работы были оставлены; объ майданахъ и помину не было. Все ждало завтрашняго утра.

Оно наконецъ настало. Рано, еще до свѣту, ед-

ва только пробили зорю, отворили казармы и вошедшій считать арестантовъ караульный унтер-офицеръ поздравилъ ихъ всѣхъ съ праздникомъ. Ему отвѣчали тѣмъ же, отвѣчали привѣтливо и ласково. Наскоро помолвившись, Акимъ Акимычъ и многіе, имѣвшие своихъ гусей и поросятъ на кухнѣ, поспѣшно пошли смотрѣть, что съ ними дѣлается, какъ ихъ жарятъ, гдѣ что стоитъ и такъ далѣе. Сквозь темноту, изъ маленькихъ, залѣпленныхъ снѣгомъ и льдомъ окошекъ нашей казармы видно было, что въ обѣихъ кухняхъ, во всѣхъ шести печахъ, пылаетъ яркій огонь, разложенный еще до свѣту. По двору, въ темнотѣ, уже шныряли арестанты въ своихъ полшубкахъ, въ рукава и въ накидку; все это стремилось въ кухню. Но нѣкоторые, впрочемъ очень не многіе, успѣли уже побывать и у цѣловальниковъ. Это были уже самые нетерпѣливые. Вообще же все вели себя благопристойно, смирно и какъ-то не по обыкновенному чинно. Неслышно было ни обычной ругани, ни обычныхъ ссоръ. Все понимали, что день большой и праздникъ великій. Были такіе, что сходили въ другія казармы, поздравить кой кого изъ своихъ. Проявлялось что-то въ родѣ дружества. Замѣчу мимоходомъ: между арестантами почти совѣсть не замѣчалось дружества, не говорю общаго, — это ужъ подавно; а такъ, частнаго, чтобъ одинъ какой нибудь арестантъ сдружился съ другимъ. Этого почти совѣсть у насъ не было, и это замѣчательная черта: такъ не бываетъ на волѣ. У насъ вообще все были въ обращеніи другъ съ другомъ черствы, сухи, за очень рѣдкими исключениями, и это былъ какой-то формальный, разъ принятый и установленный тонъ. Я тоже вышелъ изъ казармы; начинаю чуть-чуть свѣтать; звѣзды меркли; морозный тонкій паръ подымался кверху. Изъ печныхъ трубъ на кухнѣ валилъ дымъ столбами. Нѣкоторые изъ попавшихся мнѣ навстрѣчу арестантовъ сами охотно и ласково поздравили меня съ праздникомъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же. Изъ нихъ были и такіе, которые до сихъ поръ еще ни слова со мной не сказали во весь этотъ мѣсяцъ.

У самой кухни нагналъ меня арестантъ, изъ военной казармы, въ тулупѣ въ накидку. Онъ еще съ поддвора разглядѣлъ меня и кричалъ мнѣ: «Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!» Онъ бѣжалъ на кухню и торопился. Я остановился и подождалъ его. Это былъ молодой парень, съ круглымъ лицомъ, съ тихимъ выраженіемъ глазъ, очень неразговорчивый со всѣми, а со мной не сказавшій еще ни одного слова и не обращающій на меня доселѣ никакого вниманія со времени моего поступленія въ острогъ; я даже не зналъ какъ его и зовутъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ запыхавшись и сталъ передо мной въ упоръ, глядя на меня съ какой-то тупой, но въ тоже время и блаженной улыбкой.

— Что вамъ? не безъ удивленія спросилъ я его, видя, что онъ стоитъ передо мной, улыбается, гля-

дять на меня во всё глаза, а разговора не начинается.

— Да как же, праздникъ... пробормоталъ онъ и самъ догадавшись, что не о чемъ больше говорить, бросилъ меня и поспѣшно отправился въ кухню.

Замѣчу здѣсь кстати, что и послѣ этого мы съ нимъ ровно никогда не сходились и почти не сказали ни слова другъ другу, до самаго моего выхода изъ острога,

На кухнѣ около жарко-разгорѣвшихся печей шла суетня и толкотня, цѣлая давка. Всякій наблюдалъ за своимъ добромъ; стряпки принимались готовить казенное кушанье, потому что въ этотъ день обѣдъ назначался раньше. Никто впрочемъ не начиналъ еще ѣсть, хотъ инымъ бы и хотѣлось, но наблюдалось передъ другими приличіе. Ждали священника и уже послѣ него полагались розговени. Между тѣмъ еще не успѣло совсѣмъ ободнать, какъ уже начали раздаваться за воротами острога призывные крики ефрейтора: «Поваровъ!» Эти крики раздавались чуть не поминутно и продолжались почти два часа. Требовали поваровъ съ кухни, чтобъ принимать приносимое со всѣхъ концовъ города въ острогъ подаваніе. Приносилось оно въ чрезвычайномъ количествѣ въ видѣ калачей, хлѣба, ватрушекъ, пряжениковъ, шанегъ, блиновъ и прочихъ сдобныхъ печеній. Я думаю не осталось ни одной хозяйки изъ купеческихъ и мѣщанскихъ домовъ во всемъ городѣ, которая бы не прислала своего хлѣба, чтобъ поздравить съ великимъ праздникомъ «несчастныхъ» и заключенныхъ. Были подаванія богатые — сдобные хлѣбы изъ чистѣйшей муки, присланные въ большомъ количествѣ. Были подаванія и очень бѣдные — такой какойнибудь грошовый калачикъ и двѣ вапихънибудь черныя шаньги, чуть-чуть обмазанныя сметаной: это уже было даръ бѣдняка бѣдняку, изъ послѣдняго. Все принималось съ одинаковою благодарностью, безъ различенія даровъ и дарившихъ. Принимавшіе арестанты снимали шапки, кланялись, поздравляли съ праздникомъ и относили подаваніе на кухню. Когда уже набрались цѣлыя груды подавняго хлѣба, потребовали старшихъ изъ каждой казармы и они уже распредѣлили все по ровну, по казармамъ. Не было ни спору, ни брани; дѣло вели честно, поровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ когонибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаваніе можно было утаить или роздать не поровну. Устроивъ дѣла на кухнѣ, Акимъ Акимычъ приступилъ къ своему облаченію, одѣлся со всѣмъ приличіемъ и торжественностью, неоставивъ ни одного крючечка незастегнутымъ, и одѣвшись тотчасъ же приступилъ къ настоящей молитвѣ. Онъ молился довольно долго. На молитвѣ стояло уже

много арестантовъ, большею частью пожилыхъ. Молодежь помногу не молилась: такъ развѣ перекрестится кто вставая, даже и въ праздникъ. Помолвившись, Акимъ Акимычъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкоторою торжественностью поздравилъ меня съ праздникомъ. Я тутъ же позвалъ его на чай, а онъ меня на своего поросенка. Спустя немного приѣхалъ ко мнѣ и Петровъ, поздравить меня. Онъ кажется ужъ выпилъ, и хотъ приѣхалъ запыхавшись, но многого не сказалъ, а только постоялъ недолго передо мной съ какимъ-то ожиданіемъ и вскорѣ ушелъ отъ меня на кухню. Между тѣмъ въ военной казармѣ готовились къ принятію священника. Эта казарма была устроена не такъ какъ другія; въ ней нары тянулись около стѣнъ, а не посрединѣ комнаты, какъ во всѣхъ прочихъ казармахъ, такъ что это была единственная въ острогѣ комната, незагроможденная посрединѣ. Вѣроятно она и устроена была такимъ образомъ, чтобъ въ ней, въ необходимыхъ случаяхъ, можно было собирать арестантовъ. Среди комнаты поставили столикъ, накрыли его чистымъ полотенцемъ, поставили на немъ образъ и зажгли лампадку. Наконецъ пришелъ священникъ съ крестомъ и святою водою. Помолвившись и проѣвъ передъ образомъ, онъ сталъ передъ арестантами и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ стали подходить прикладываться къ кресту. Затѣмъ священникъ обошелъ всѣ казармы и окропилъ ихъ святою водою. На кухнѣ онъ похвалилъ нашъ острожный хлѣбъ, славившійся своимъ вкусомъ въ городѣ, и арестанты тотчасъ же пожелали ему послать два свѣжихъ и только-что выпеченныхъ хлѣба; на отсылку ихъ немедленно употребленъ былъ одинъ инвалидъ. Крестъ проводили съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ и встрѣтили, и затѣмъ почти тотчасъ же пріѣхали плацъ-маіоръ и комендантъ. Комендантъ у насъ любилъ и даже уважалъ. Онъ обошелъ всѣ казармы въ сопровожденіи плацъ-маіора, всѣхъ поздравилъ съ праздникомъ, зашелъ въ кухню и попробовалъ строгинныхъ щей. Щи вышли славные; отпущено было для такого дня чуть не по фунту говядины на каждого арестанта. Сверхъ того стоговлена была просяная каша, и масла отпустили вволю. Проводивъ коменданта, плацъ-маіоръ велѣлъ начинать обѣдать. Арестанты старались не попадаться ему на глаза. Не любили у насъ его злобнаго взгляда изъ-подъ очковъ, которымъ онъ и теперь высматривалъ направо и налѣво, не найдется ли безпорядковъ, не попадется ли какойнибудь виноватый.

Стали обѣдать. Поросенокъ Акима Акимыча былъ жаренъ превосходно. И вотъ не могу объяснить какъ это случилось: тотчасъ же по отъѣздѣ плацъ-маіора, какихъ-нибудь пять минутъ спустя, оказалось необыкновенно много пьянаго народу, а между тѣмъ, еще за пять минутъ всѣ были почти совершенно трезвые. Явилось много рдѣющихъ и сіяющихъ лицъ, явились баладайки. Полячокъ со скрип-

кой уже ходилъ за какимъ-то гулякой, нанятый на весь день, и пилилъ ему веселые танцы. Разговоръ становился хмѣльнѣе и шумнѣе. Но отобѣдали безъ большихъ безпорядковъ. Всѣ были сыты. Многие изъ стариковъ и солидныхъ отправились тотчасъ же спать, что сдѣлалъ и Акимъ Акимовичъ, полагая кажется, что въ большой праздникъ послѣ обѣда непременно нужно заснуть. Старичокъ изъ стародубовскихъ старообрядцевъ, вздремнувъ немного, полѣзъ на печку, раззернулъ свою книгу и промолвился до глубокой ночи, почти не прерывая молитвы. Ему тяжело было смотрѣть на «страмъ», какъ говорилъ онъ про всеобщую гулянку арестантовъ. Всѣ черкесы усѣлись на крылечкѣ и съ любопытствомъ, а вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ смотрѣли на пьяный народъ. Мнѣ повстрѣчался Нурра: «яманъ, яманъ! сказалъ онъ мнѣ, покачивая головою съ благочестивымъ негодованіемъ:—ухъ, яманъ! Аллахъ сердитъ будетъ!» Исая Оомичъ упрямо и высокомерно засвѣтилъ въ своемъ уголку свѣчку и началъ работать видимо показывая, что ни во что не считаетъ праздникъ. Кой-гдѣ по угламъ начались майданы. Инвалидовъ не боялись, а въ случаѣ утерѣ-офицера, который самъ старался ничего не замѣчать, поставили сторожея. Караульный офицеръ раза три заглядывалъ во весь этотъ день въ острогъ. Но пьяные прятались, майданы снимались при его появленіи, да и самъ онъ казалось рѣшился не обращать вниманія на мелкіе безпорядки. Пьяный человѣкъ въ этотъ день считался уже безпорядкомъ мелкимъ. Мало-по-малу народъ разгуливался. Начинались и ссоры. Трезвыхъ все-таки оставалась гораздо большая часть и было кому присмотрѣть за нетрезвыми. Зато ужъ гулявшіе пили безъ мѣры. Газинъ торжествовалъ. Онъ разгуливалъ съ самодовольнымъ видомъ около своего мѣста на нарахъ, подѣ котораго смѣло перенесъ вино, хранившееся до того времени гдѣ-то въ снѣгу за казармами, въ потаенномъ мѣстѣ и лукаво посмѣивался, смотря на прибывшихъ къ нему потребителей. Самъ онъ былъ трезвъ и не выпилъ ни капли. Онъ намѣренъ былъ гулять въ концѣ праздника, обобравъ предварительно всѣ денежки изъ арестантскихъ кармановъ. По казармамъ раздавались пѣсни. Но пьянство переходило уже въ чадный угаръ и отъ пѣсенъ недалеко было до слезъ. Многие расхаживали съ собственными балалайками, тулупы въ накидку, и съ молодецкимъ видомъ перебирали струны. Въ особомъ отдѣленіи образовался даже хоръ, человѣкъ изъ восьми. Они славно пѣли подѣ акомпанементъ балалаекъ и гитаръ. Чисто народныхъ пѣсенъ пѣлось мало. Помню только одну молодецки пропѣтую:

Я вечеръ млада
Во пиру была.

И здѣсь я услышалъ новый варіантъ этой пѣсни, котораго прежде не встрѣчалъ. Въ концѣ пѣсни прибавлялось нѣсколько стиховъ:

У меня-ль молодой
Дома убрано:
Ложки вымыла;
Во щи вылила;
Съ косяковъ сскребла,
Пирогъ спекла.

Пѣлись же большею частью пѣсни такъ называемыя у насъ арестантскія, впрочемъ всѣ извѣстныя. Одна изъ нихъ: «Бывало»... юмористическая, описывающая какъ прежде человѣкъ веселился и жилъ баринномъ на волѣ, а теперь попалъ въ острогъ. Описывалось какъ онъ подправлялъ прежде «бланжанже шенпанскимъ»; а теперь—

Дадутъ капусту мнѣ съ водою
И ѣмъ, такъ за ушми трещитъ.

Въ ходу было тоже слишкомъ извѣстная:

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился
И имѣлъ свой капиталъ:
Капиталу, мальчикъ, я лишился
И въ неволю жить попалъ

и такъ далѣе. Только у насъ произносили не «капиталь», а «копталъ», производя капиталъ отъ слова «копнуть»; пѣлись тоже заунывные. Одна была чиста каторжная, тоже кажется извѣстная:

Свѣтъ небесный возсіяетъ,
Барабанъ сорю пробьетъ,—
Старшій двери отворяетъ
Писарь требовать идетъ.
Насъ невидна за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ;
Богъ, Творецъ Небесный, съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ, и т. д.

Другая пѣлась еще заунывнѣе, впрочемъ прекраснымъ напѣвомъ, сочиненная вѣроятно какимъ-нибудь ссыльнымъ, съ приторными и довольно безграмотными сковами. Изъ нея я вспоминаю нѣсколько стиховъ:

Не увидить взоръ мой той страны,
Въ которой я рожденъ;
Терпѣть мученья безъ вини
На вѣкъ я осужденъ.
На кровлѣ филинъ прокричитъ,
Раздастся по лѣсамъ,
Завоетъ сердце, загруститъ,
Меня не будетъ тамъ.

Эта пѣсня пѣлась у насъ часто, но не хоромъ а въ одиночку. Кто-нибудь, въ гулевое время выйдетъ бывало на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щеку рукой и затянеть ее высокимъ фальцетомъ. Слушаешь, и какъ-то душу надрываетъ. Голоса у насъ были порядочные.

Между тѣмъ начинались уже и сумерки. Грусть, тоска и чадъ тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы. Смѣявшійся за часъ тому назадъ, уже рыдалъ гдѣ-нибудь, напившись черезъ край. Дру-

гѣ успѣли уже раза по два подраться. Третьи, блѣдныя и чуть держась на ногахъ, шатались по казармамъ, заводили ссоры. Тѣ же у которыхъ хмѣль былъ незадорнаго свойства тщетно искали друзей, чтобы излить передъ ними свою душу и выплакать свое пьяное горе. Весь этотъ блѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провести весело великій праздникъ—и, Господи! какой тяжелый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ-будто обманувшись въ какой-то надеждѣ. Петровъ раза два еще забѣгалъ ко мнѣ. Онъ очень немного выпилъ во весь день и былъ почти совсѣмъ трезвый. Но онъ до самаго послѣдняго часа все чего-то ожидалъ, что непременно должно случиться, чего-то необыкновеннаго, праздничнаго, развеселаго. Хотя онъ и не говорилъ объ этомъ, но видно было по его глазамъ. Онъ сновавалъ изъ казармы въ казарму безъ устали. Но ничего особеннаго не случилось и не встрѣчалось, кромѣ пьянства, пьяной безтолковой ругани и угорѣвшихъ отъ хмѣля головъ. Сироткинъ бродилъ тоже въ новой красной рубашкѣ, по всѣмъ казармамъ, хорошенькій, вымытый, и тоже, тихо и наивно, какъ-будто ждалъ чего-то. Мало-по-малу въ казармахъ становилось несносно и омерзительно. Конечно было много и смѣшнаго, но мнѣ было какъ-то грустно и жалко ихъ всѣхъ, тяжело и душно между ними. Вонъ два арестанта спорятъ кому кого угощать. Видно, что они уже долго спорятъ и прежъ-того даже поссорились. У одного въ особенности есть какой-то давнишній зубъ на другаго. Онъ жалуется и, не твердо ворочая языкомъ, силится доказать, что тотъ поступилъ съ нимъ несправедливо: былъ проданъ какой-то полушубокъ, утаены когда-то какія-то деньги, въ прошломъ году на масляницѣ. Что-то еще кромѣ этого было... Обвиняющій высокій и мускулистый парень, неглупый, смиренный, но когда пьянъ,—съ стремленіемъ дружить и излить свое горе. Онъ и ругается, и претензію показываетъ какъ-будто съ желаніемъ еще крѣпче потомъ помириться съ соперникомъ. Другой—плотный, коренастый, невысокаго роста, съ круглымъ лицомъ, хитрый и пронырливый. Онъ выпилъ можетъ-быть больше своего товарища, но пьянъ только слегка. Онъ съ характеромъ и слыветъ богатымъ, но ему почему-то выгодно не раздражать теперь своего экспансивнаго друга, и онъ подводитъ его къ цѣловальнику; другъ утверждаетъ, что онъ долженъ и обязанъ ему поднести, «если только ты честный человѣкъ есть».

Цѣловальникъ, съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ требователю и съ отѣнкою презрѣнія къ экспансивному другу, потому-что тотъ пьетъ не на свои, а его подчуютъ, достаетъ и наливаетъ чашку вина.

— Нѣтъ Степка, это ты долженъ, говорить экспансивный другъ, видя, что его взяла, — потому ефто твой долгъ.

— Да я съ тобой и языкъ-то даромъ не стану мозолять! отвѣчалъ Степка.

— Нѣтъ, Степка, это ты врешь, подтверждаетъ

первый, принимая отъ цѣловальника чашку:—потому ты мнѣ деньги долженъ; совѣсти нѣтъ и глаза-то у тебя не свои, а заемныя! Подлецъ ты Степка, вотъ тебѣ; одно слово подлецъ!

— Ну чего рюмишь, вино расплескалъ! честь ведутъ да даютъ, такъ пей? кричитъ цѣловальникъ на экспансивнаго друга:—не до завтра надъ тобой стоять!

— Да и выпью, чего кричишь! «Съ праздникомъ, Степанъ Дорофенчъ!» вѣжливо и съ легкимъ поклономъ обратился онъ, держа чашку въ рукахъ, къ Степкѣ, котораго еще за полминуты обзывалъ подлецомъ.—Будь здоровъ на сто годовъ, а что жплъ, не въ зачетъ! Онъ выпилъ, крикнулъ и утерся.—Прежде, братцы, я много вина подымалъ, замѣтилъ онъ съ серьезною важностью, обращаясь какъ-будто ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности:—а теперь ужъ знать лѣта мои подходятъ. Благодарствуй, Степанъ Дорофенчъ.

— Не на чемъ.

— Такъ я все про то буду тебѣ, Степка, говорить; и окромя того, что ты выходишь передо мной большой подлецъ, я тебѣ скажу...

— А я тебѣ вотъ что, пьяная ты харя, скажу, перебиваетъ потерявшій терпѣніе Степка.—Слушай, да всякое мое слово считай: вотъ тебѣ свѣтъ пополамъ; тебѣ полсвѣта, и мнѣ полсвѣта. Иди и не встрѣчайся ты больше мнѣ. Надоѣлъ!

— Такъ не отдашь денегъ?

— Какихъ тебѣ еще денегъ, пьяный ты человекъ?

— Эй, на томъ свѣтѣ самъ придешь отдавать—не возьму! Наша денежка трудовая, да потная, да мозольная. Замаешься съ моимъ пятакомъ на томъ свѣтѣ.

— Да ну тебя къ чорту.

— Что нукаешь; не запрегъ.

— Пошелъ, пошелъ!

— Подлецъ!

— Варнакъ!

И пошла опять ругань, еще больше чѣмъ до подчиванья.

Вотъ сидятъ на нарахъ отдѣльно два друга: одинъ высокій, плотный, мясистый, настоящій мясникъ; лицо его красно. Онъ чуть не плачетъ, потому-что очень растроганъ. Другой—тщедушный, тоненькій, худой, съ длиннымъ носомъ, съ котораго какъ-будто что-то каплетъ, и съ маленькими свиними глазками, обращенными въ землю. Это человѣкъ политичный и образованный; былъ когда-то писаремъ и трактуетъ своего друга нѣсколько свысока, что тому втайнѣ очень непріятно. Они весь день вмѣстѣ пили.

— Онъ меня дерзнулъ! кричитъ мясистый другъ, крѣпко качая голову писаря лѣвой рукой, которою онъ обхватилъ его. «Дерзнулъ» значитъ ударилъ. Мясистый другъ, самъ изъ унтеръ-офицеровъ, втайнѣ завидуетъ своему испытному другу, и потому оба они, одинъ передъ другимъ, щеголяютъ изысканностью слога.

— А я тебѣ говорю, что и ты неправъ... начинаешь догматически писать, упорно неподымая на него своихъ глазъ и съ важностью смотря въ землю.

— Онъ меня дерзнулъ, слышь ты! прерываетъ другъ, еще больше теребя своего милого друга.— Ты одинъ мнѣ теперь на всемъ свѣтѣ остался, слышишь ты это? потому я тебѣ одному говорю: онъ меня дерзнулъ!...

— А я опять скажу: такое кислое оправданье, милый другъ, составляетъ только стыдъ твоей головѣ! тоненькимъ и вѣжливымъ голосомъ возражаетъ писарь; — а лучше согласишься, милый другъ, все это пьянство черезъ твое собственное неостоянство...

Мясистый другъ нѣсколько отшатывается назадъ, туно глядитъ своими пьяными глазами на самодовольнаго писарьшуку, и вдругъ, совершенно неожиданно, изо всей силы ударяетъ своимъ огромнымъ кулакомъ по маленькому лицу писаря. Тѣмъ и кончается дружба за цѣлый день. Милый другъ безъ памяти летитъ подъ нары...

Вотъ входитъ въ нашу казарму одинъ мой знакомый изъ особаго отдѣленія, безконечно добродушный и веселый парень, неглупый, безобидно-насмѣшливый и необыкновенно простоватый съ виду. Это тотъ самый, который, въ первый мой день въ острогъ, въ кухнѣ за обѣдомъ искалъ гдѣ живетъ богатый мужикъ, увѣрялъ, что онъ «съ анбшцей» и напился со мною чаю. Онъ лѣтъ со-рока, съ необыкновенно толстой губой и съ большимъ мясистымъ носомъ, усѣянными угрями. Въ рукахъ его балалайка, на которой онъ небрежно перебираетъ струны. За нимъ слѣдовалъ, точно прихвостень, чрезвычайно маленькій арестантикъ, съ большой головой, котораго я очень мало зналъ доселѣ. На него впрочемъ и никто не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ какой-то странный, недовѣрчивый, вѣчно молчаливый и серьезный; ходилъ работать въ швальню и видимо старался жить особнякомъ и ни съ кѣмъ не связываться. Теперь же, пьяный, онъ привязался какъ тѣнь къ Варламову. Онъ слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ волненіи, размахивалъ руками; билъ кулакомъ по стѣнѣ, по нарамъ и даже чуть не плакалъ. Варламовъ казалось не обращалъ на него никакого вниманія, какъ-будто и не было его подлѣ. Замѣчательно; что прежде эти два человѣка почти совсѣмъ другъ съ другомъ не сходились; у нихъ и по занятіямъ, и по характеру ничего нѣтъ общаго. И разрядовъ они разныхъ, и живутъ по разнымъ казармамъ. Звали маленькаго арестанта — Булкинъ.

Варламовъ, увидѣвъ меня, осклабился. Я сидѣлъ на своихъ нарахъ у печки. Онъ сталъ поодаль противъ меня, что-то сообразилъ, покачнулся и, неровными шагами подходя ко мнѣ, какъ-то молодцовато избоченился всѣмъ корпусомъ и, слегка потрогивая струны, проговорилъ речитативомъ, чуть-чуть постукивая сапогомъ:

Круглолица, бѣлолица,
Расцвѣваетъ какъ синица
Милая моя;
Она въ платничѣ атласномъ,
Гарнитуровомъ прекрасномъ,
Очень хороша.

Эта пѣсня казалось вывела изъ себя Булкина; онъ замахалъ руками и обращаясь ко всѣмъ закричалъ:

— Все-то вретъ, братцы, все-то онъ вретъ! Ни одного слова не скажетъ вправду, все вретъ!

— Старичку Александру Петровичу! проговорилъ Варламовъ, съ плутоватымъ смѣхомъ заглядывая мнѣ въ глаза и чуть не полѣзъ со мной цѣловаться. Онъ былъ пьяненокъ. Выраженіе: «старичку такому-то...», т. е. такому-то мое почтеніе, употребляется въ простонародьи по всей Сибири, хотя бы относилось къ человѣку двадцати лѣтъ. Слово «старичокъ» означаетъ что-то почетное, почтительное, даже лѣстливое.

— Ну что, Варламовъ, какъ поживаете?

— Да по деньку на день. А ужъ кто празднику радъ, тотъ спозаранку пьянъ; вы ужъ меня извините! Варламовъ говорилъ нѣсколько на-распѣвъ.

— И все-то вретъ, все-то онъ опять вретъ! закричалъ Булкинъ, въ какомъ-то отчаяніи стуча рукою по нарамъ. Но тотъ какъ-будто слово далъ не обращать на него ни малѣйшаго вниманія, и въ этомъ было чрезвычайно много комизму, потому-что Булкинъ привязался къ Варламову совершенно ни съ того, ни съ сего еще съ самаго утра, именно за то, что Варламовъ «все вретъ», какъ ему отчего-то показалось. Онъ бродилъ за нимъ какъ тѣнь, привязываясь къ каждому его слову; ломалъ свои руки, обколотилъ ихъ чуть не въ кровь объ стѣны и объ нары, и страдалъ, видимо страдалъ отъ убѣжденія, что Варламовъ «все вретъ!» Еслибы у него были волосы на головѣ, онъ бы кажется вырвалъ ихъ отъ огорченія. Точно онъ взялъ на себя обязанность отвѣчать за поступки Варламова, точно на его совѣсти лежали всѣ недостатки Варламова. Но въ томъ то и штука, что тотъ даже и не глядѣлъ на него.

— Все вретъ, все вретъ, все вретъ! Ни одного слова его ни къ чему не подходитъ! кричалъ Булкинъ.

— Да тебѣ-то что! отвѣчали со смѣхомъ арестанты.

— Я вамъ, Александръ Петровичъ, доложу, что былъ я очень красивъ изъ себя и очень меня любили дѣвки... началъ вдругъ ни съ того ни сего Варламовъ.

— Вретъ! опять вретъ! прерываетъ съ какимъ-то визгомъ Булкинъ. Арестанты хохочутъ.

— А я-то передъ вами куражусь: рубаха на мнѣ красная, шаровары плисовые; лежу себѣ, какъ эдакой графъ Бутылкинъ, ну то-есть пьянъ какъ шведъ, одно слово—чего изволите!

— Вретъ! рѣшительно подтверждаетъ Булкинъ.

— А въ тѣ поры былъ у меня отъ батюшки домъ двухъ-этажный каменный. Ну, въ два-то года я два этажа и спустилъ, остались у меня одни ворота безъ столбовъ. Чтожъ, деньги — голуби: прилетятъ и опять улетятъ!

— Вретъ! еще рѣшительнѣе подтверждаетъ Булкинъ.

— Такъ ужъ я вотъ ономпясь и послалъ своимъ родичамъ отсюда слезницу; авось деньжонокъ приплюютъ. Потому, говорили, я противъ родителей моихъ шелъ. Неуважительный былъ. Вотъ ужъ седьмой годъ какъ послалъ.

— И нѣтъ отвѣту? спросилъ я засмѣявшись.

— Да нѣтъ, отвѣчалъ онъ вдругъ засмѣявшись самъ и все ближе и ближе приближая свой носъ къ самому моему лицу. — А у меня, Александръ Петровичъ, здѣсь любовница есть...

— У васъ? любовница?

— Онуфріевъ да и говоритъ: «моя пусть рябая, нехорошая, да за то у ней сколько одежды; а твоя хорошая, да нищая, съ мѣшкомъ ходить».

— Да развѣ правда?

— А и вправду нищая! отвѣчалъ онъ и залился неслышнымъ смѣхомъ; въ казармѣ тоже захохотали. Дѣйствительно всѣ знали, что онъ связался съ какой-то нищей и выдалъ ей въ полгода всего десять копѣекъ.

— Ну такъ чтожъ? спросилъ я, желая отъ него наконецъ отвязаться.

Онъ помолчалъ, умильно посмотрѣлъ на меня и нѣжно произнесъ:

— Такъ вотъ не соблаговолите ли мнѣ по сей причинѣ на косушку? Я вѣдь, Александръ Петровичъ, все чай пилъ сегодня, прибавилъ онъ въ умиленіи, принимая деньги:—и такъ я этого чаю нахлестался, что одышка взяла, а въ брюхѣ какъ въ бутылкѣ болтается...

Межъ тѣмъ какъ онъ принималъ деньги, нравственное разстройство Булкина казалось дошло до послѣднихъ предѣловъ. Онъ жестикулировалъ какъ отчаянный, чуть не плакалъ.

— Люди Божіи! кричалъ онъ, обращаясь ко всей казармѣ въ иступленіи: — смотрите на него! Все вретъ! Что ни скажетъ, все-то, все-то, все-то онъ вретъ!

— Да тебѣ-то что? кричатъ ему арестанты, удивляясь на его ярость:—несообразный ты человекъ!

— Не дамъ соврать! кричитъ Булкинъ, сверкая глазами и стуча изъ всей силы кулакомъ по нарамъ: — не хочу, чтобъ онъ вралъ!

Всѣ хохочутъ, Варламовъ беретъ деньги, откланивается мнѣ и кривляясь спѣшитъ изъ казармы, разумѣется къ цѣловальнику. И тутъ кажется онъ въ первый разъ замѣчаетъ Булкина.

— Ну, пойдемъ! говоритъ онъ ему, останавливаясь на порогѣ, точно онъ и впрямь былъ ему на что-то нуженъ. — Набалдашникъ, прибавляетъ онъ, съ презрѣніемъ пропуская огорченного Бул-

кина впередъ себя и вновь начиная тренять на балалайкѣ...

Но что описывать этотъ чадъ! Наконецъ кончается этотъ удушливый день. Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во снѣ они говорятъ и бредятъ еще больше чѣмъ въ другія ночи. Кой-гдѣ еще сидятъ за майданами. Давно ожидаемый праздникъ прошелъ. Завтра опять будни, опять на работу...

XI.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству вѣроятно было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что именно дѣлается? даже хорошенько не знали, что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется и на плацъ-маіора нашелъ порядочный стихъ. Впрочемъ намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально, или только рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ разумѣется, чтобъ все было по возможности въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что можетъ быть хуже, если онъ запретить: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я впрочемъ предполагаю въ плацъ-маіорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здоровое. Даже такъ можно сказать: еслибъ у арестантовъ не было на праздникахъ театра, или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-маіоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человечества, то очень немудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человеку какъ плацъ-маіоръ надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишитъ права, однимъ словомъ — гдѣ-нибудь произвести распорядокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости! На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-маіоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и непрерывное, буквальное исполненіе закона—вотъ и все, что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи

понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило. «Въ законахъ сказано, чего же больше?», говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Послѣднее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишнею и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подѣ тѣмъ предлогомъ, что запретить театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову. Надо впрочемъ сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какія-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и еслибъ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе,—дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде, чѣмъ скажу какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, т. е. что именно предполагалось играть.

Собственно писаной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась впрочемъ одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ, и однажды зашелъ самъ дежурный по карауламъ. Зашелъ тоже разъ инженерный офицеръ; вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создавалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра прогремитъ далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составились на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты какъ дѣти радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ, — думали и говорили у насъ про себя и между собою: — пожалуй и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры, настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ.

У генерала Абросимова было разъ, говорятъ представленіе и еще будетъ; ну такъ можетъ только костюмами и возмуть, а на счетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ пожалуй, и — чѣмъ чортъ не шутить? — можетъ и самъ захочетъ придти посмотреть. Въ городѣ-то нѣтъ театра...» Однимъ словомъ фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя въ тоже время и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполне дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сороку лѣтъ. Но несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныххъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: «Филатка и Мирошка соперники». Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ *санктъ-петербургскомъ* театрѣ не выдвали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ бывало отпустить что-нибудь «потіатральному», т. е. изъ своей роли, — и всѣмъ хочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались выходками Баклушина и разсказами о будущемъ театрѣ или только самый молодой и желторотый народъ, безъ выдержки, или только самыя значительныя изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ незыблемо установленъ, такъ что имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они ни были, хотя бы самаго наивнаго (т. е., по острожнымъ понятіямъ, самаго неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча, правда не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужъ въ послѣднее время въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? какъ-то наши? что плацъ-маіоръ? удается ли такъ же, какъ въ прошломъ году? и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолепно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ будетъ. Что филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! говорилъ онъ прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фальбалой, и перелинка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сюртукѣ съ аксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: «Кедриль-обжора». Названіе меня очень заинтересовало; но какъ я ни спрашивалъ объ этой пьесѣ, — ничего не

могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставнаго унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который вѣрно самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно есть такіа театральныя пьесы, которыя казалось бы никому неизвѣстны, можетъ-быть нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собою откудова-то явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я сказалъ «народнаго театра». Очень бы и очень хорошо было, еслибъ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными чѣмъ доселѣ изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже можетъ-быть не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, что я потомъ видѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдуманно нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленные приемы и понятія, переходящіе изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворянъ большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя пьесы расплодились въ спискахъ по Россіи не иначе какъ черезъ помѣщичью дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Чтоже касается до «Кедрила-обжоры», то, какъ ни жалалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что такое значить Кедриль, и наконецъ почему Кедриль, а не Кирилль? русское ли это, или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться «пантомима подъ музыку». Конечно все это было очень любопытно. Акторовъ было человекъ пятнадцать, — все бойкой и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, тайлись, прятались. Однимъ словомъ хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зари. Эта льгота давалась собственно для театра. Въ продолженіе праздника обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: «позволить театръ и не запирасть подольше острога»,

прибавляя, что и вчера былъ театръ и долго не запирался, и безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ рассуждалъ такъ: «безпорядковъ дѣйствительно вчера не было; а ужъ какъ самъ слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значить самъ за собой будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Ктому же не позволю представленія, такъ пожалуй (кто ихъ знаетъ? народъ каторжный!) нарочно что-нибудь напакостить со зла и караульныхъ подведутъ». Наконецъ и то: въ караулѣ стоять скучно, а тутъ театръ, да не просто солдатскій, а арестантскій, а арестанты народъ любобытный: весело будетъ посмотреть. А смотрѣть караульный офицеръ всегда въ правѣ.

Придетъ дежурный: «Гдѣ караульный офицеръ?» — «Помолъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы запираетъ», — отвѣтъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ въ продолженіе всего праздника позволяли театръ и не запирали казармы вплоть до вечерней зари. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствія, и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились въ представленіе. Изъ нашей казармы отправились почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее представленіе, четвертаго января, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ нматом не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Чтоже касается до черкесовъ и въ особенности Исаи Омича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исай Омичъ каждый разъ давалъ по три копѣйки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копѣекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили собирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на свое *подкрѣпленіе*. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ, вѣроятно и больше дамъ, а ктому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но оппшу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тянулись въ ней по стѣнѣ, такъ что середина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсь. Она тянулась шаговъ на десять попе-

регъ всей казармы. Занавѣсъ была такою роскошью, что дѣйствительно было чему подивиться. Кромѣ того она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ; изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и наконецъ часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошенной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и Брюловъ—А—въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло до представленія, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самые горячіе изъ нихъ и неперіфидливые. Всѣ были очень довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчекъ, развѣзанныхъ на частп. Передъ занавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которые нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для унтеръ-офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, еслибы они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтителѣ у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И наконецъ, уже сзади скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителѣмъ, безъ фуражекъ, въ курткахъ или въ полушубкахъ, не смотря на душливый, парной воздухъ комнаты. Конечно мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но кромѣ того, что одинъ буквально сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и наконецъ нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равнялась можетъ-быть тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ, мнѣ стало-быть теперь честь и мѣсто. Положимъ арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты

могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Не теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру и безо всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось,—я помню это,—что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа,—это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впередъ во всѣхъ мѣстахъ *и во что бы то ни стало*, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ,—этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу,—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякой давалъ что могъ или что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли собирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отвести и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то опять-таки сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! «Ты богаче меня и ступай впередъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ,—тебѣ и первое мѣсто, потому-то всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно сортировать себя мы должны уже сами». Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству, въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, еслибъ пришлось даже разсматривать ихъ и по-одиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямого дѣла; было больше юмору, наивности.

Не знаю понятно ли я выражаюсь... Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ на лицѣ ожидающая начала представления. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другаго. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человѣкъ избирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и неизмѣняа положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно также выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ у стѣны. Сбоку, взмостившись на нары стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмостились на самую печь и лежа на ней смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или ненашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потомъ, отъ жару и духоты. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборозженныхъ, клейменныхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подымется занавѣсъ. Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ нашелся и дома), три балайки, — всѣ самодѣлщина, двѣ гитары, и бубенъ вмѣсто контрбаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балааечники ударяли костями пальцевъ о деку балаайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Чтоже касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведутъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и однообразные удары,

то вдругъ эготъ сильный, отчетливый звукъ какъ бы разсыпается грохотомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, — я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понималъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалаго въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ поднялась занавѣсъ. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ полѣна; всѣ до единого раскрыли рты и устали глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикурнулъ и Исай Өомичъ, который казалось съ поднятіемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть и я, помню, невольно каждый разъ при какой нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ; не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ улыбкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! «Алей Семенычъ» называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соответственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непременно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ неразъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю — столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзажи, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ

хотѣлось представить мужика. Баклушина сверхъ того возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! ай да молодецъ!»—все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена палованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: «утрись!» и самъ утирается, — вышла уморительно-смѣшна. Всѣ такъ и покатались со смѣху. Но всего занимательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были на распахку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія; даже не забывая и пожалуй не видя кто стоитъ подлѣ него; другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ-бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкнетъ языкомъ и пальцами и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ; а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель, въ хмурый, осенній день,—и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ вернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу,—знай-дескать нашихъ, каковы арестанты! Ихъ конечно все занимало, костюмы напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидѣть напримѣръ такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самаго кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сюртукъ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ—точно штатской! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ ни дать ни взять баринъ.» И всѣ въ восторгѣ. «Благодѣтельный помѣщикъ» вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и—повѣрятъ ли?—оба точно маленькія дѣти ужасно поссорились другъ съ другомъ зато, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мун-

дирѣ съ аксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другаго и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откудова-то досталъ, по землѣ, вѣроятно считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидеть красиво-одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе навѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать пять лѣтъ отъ роду припомнилось все какъ было, для полного плѣненія и прельщенія всего острога. Нецвѣтаевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужъ и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ неподымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодѣтельная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованной бумаги въ другой, которымъ она непрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни» и вновь поднялась занавѣсъ. Это Кедриль. Кедриль что-то въ родѣ Донъ-Жуана; по крайней мѣрѣ и барина и слугу черти подъ конецъ пьесы уносятъ въ адъ. Давался цѣлый актъ, но это видно отрывокъ; начало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканной шляпѣ. За нимъ идетъ его слуга Кедриль съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курницей. Кедриль въ полушубкѣ и въ лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и есть обжора. Играетъ его арестантъ Поцѣйкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что

игралъ въ первой пьесѣ благотѣльную помѣщницу. Трактирщикъ, Нецвѣтаевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ, мрачный и озабоченный, бормочетъ про себя, что онъ это давно зналъ и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедриль трусъ и обжора. Услышавъ о чертяхъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листъ. Онъ бы убѣжалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ тоже время боится его. Это замѣчательный типъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и дѣйствительно замѣчательно переданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. Я разумѣется, встрѣтись на другой день съ Баклушинымъ, не высказалъ ему своего мнѣнія вполне: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже не дурно. Вздоръ онъ несъ ужаснѣйшій, ни на что не похожій; но дикція была правильная, бойкая, жестъ соотвѣтственный. Пока мѣстъ Кедриль возится съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумьи по сценѣ и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ. Кедриль любопытно прислушивается, гримасничаетъ, говоритъ *a parte* и смѣшнѣетъ съ каждымъ словомъ зрителей. Ему не жаль барина; но онъ слышалъ о чертяхъ; ему хочется узнать, что это такое, и вотъ вступаетъ въ разговоры и въ расспросы. Баринъ наконецъ объявляетъ ему, что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и можетъ-быть сегодня же они придутъ, по условію, за душой его. Кедриль начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедриль оживляется, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино, — и нѣтъ-нѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедриль дрожитъ и наскоро, почти безсознательно упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. «Готово ли?» кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ. — Сейчасъ, сударь... я вамъ... приготовлю, — говоритъ Кедриль, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ уплетать барское кушанье. Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинъ стоилъ дѣйствительно похвалы. Слова: «сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю» онъ выговорилъ превосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ повернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащитъ съ собой курицу. Наконецъ онъ утоляетъ свой первый голодъ; пора подумать о баринѣ. — «Кедриль,

скоро ли?» кричитъ баринъ. — Готово-съ! бойко отвѣчаетъ Кедриль, спохватившись, что барину почти ничего не останется. На тарелкѣ дѣйствительно лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего не замѣчая, садится за столъ, а Кедриль съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждый жестъ, каждая гримаса Кедрила, когда онъ, оборачиваясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю-барина, встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не полудски: въ боковой кулисѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчей; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ объ этомъ никто не задумывается. Такъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и кричитъ имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедриль труситъ какъ заяцъ; онъ лѣзетъ подъ столъ, но не смотря на весь свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедриль вылѣзаетъ изъ-за стола; но только что баринъ принимается опять за курицу, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преподнюю. «Кедриль! спасай меня!» кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедриль вылѣзаетъ, осматривается и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто и, кивая публикѣ, говоритъ по-лушопотомъ:

— Ну, я теперь одинъ..., безъ барина!...

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полушопотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!...

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но недолго продолжается счастье Кедрила. Только-было онъ распорядился бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедриль кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшп-

тельно съ него можно было писать картину. Наконецъ его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ... Оркестръ начинается камаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванья по декамъ баладайки... Это камаринская во всемъ своемъ размахѣ, и право было было бы хорошо, еслибъ Глинка хоть случайно услышалъ ее у насъ въ острогѣ. Начинается пантомима подъ музыку. Камаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомимы. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинитъ сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Невѣстаевъ.

Замѣчу, что наши декорациі очень бѣдны. И въ этой, и въ предыдущей пьесѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. Въмѣсто задней стѣны протянуть какой-то коверъ или попона; сбоку какія-то дрянные ширмы. Лѣвая сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары. Но зрители невзыскательны и соглашаются дополнять воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что арестанты къ тому очень способны: «Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната такъ комната, изба такъ изба,—все равно и церемониться много нечего». Сироткинъ въ костюмѣ молодой бабенки очень милъ. Между зрителями раздается вполголоса нѣсколько комплиментовъ. Мельникъ кончаетъ работу, беретъ шапку, беретъ кнутъ, подходитъ къ женѣ и объясняетъ ей знаками, что ему надо идти, по что если безъ него жена кого приметъ, то... и онъ показываетъ на кнутъ. Жена слушаетъ и киваетъ головой. Этотъ кнутъ вѣроятно ей очень знакомъ: бабенка отъ мужа погуливаетъ. Мужъ уходитъ. Только что онъ за дверь, жена грозитъ ему вслѣдъ кулакомъ. Но вотъ стучать; дверь отворяется и опять является сосѣдъ, тоже мельникъ, мужикъ въ кафтанѣ и съ бородой. Въ рукахъ у него подарокъ, красный платокъ. Бабенка смѣется; но только что сосѣдъ хочетъ обнять ее, какъ въ двери опять стукъ. Куда дѣваться? Она наскоро прячетъ его подъ столъ, а сама опять за веретено. Является другой обожатель: это писарь, въ военной формѣ. До сихъ поръ пантомима шла безукоризненно, жестъ былъ безошибочно правиленъ, Можно было даже удивляться, смотря на этихъ импровизированныхъ актеровъ и невольно подумать: сколько силъ и таланту погибаетъ у насъ на Руси иногда почти даромъ, въ неволѣ и въ тяжкой долѣ! Но арестантъ, игравшій писаря, вѣроятно когда-то былъ на провинціальномъ или домашнемъ театрѣ, и ему вообразилось, что наши актеры, всѣ до единого, не понимаютъ дѣла и не такъ ходятъ, какъ слѣдуетъ ходить на сценѣ. И вотъ онъ вы-

ступаетъ какъ, говорятъ, выступали встарину на театрахъ классическіе герои: ступить длинный шагъ, и еще непривдвинувъ другой ноги, вдругъ остановится, откинеть назадъ весь корпусъ, голову, гордо поглядитъ кругомъ, и—ступитъ другой шагъ. Если такая ходьба была смѣшна въ классическихъ герояхъ, то въ военномъ писарѣ, въ комической сценѣ, еще смѣшнѣе. Но публика наша думала, что вѣроятно такъ тамъ и надо, и длинные шаги долговазаго писаря приняла какъ совершившійся фактъ, безъ особенной критики. Едва только писарь успѣлъ выйти на средину сцены, какъ послышался еще стукъ: хозяйка опять переполошилась. Куда дѣвать писаря? Въ сундукъ, благо отпертъ. Писарь лѣзетъ въ сундукъ и бабенка его накрываетъ крышкой. На этотъ разъ является гость особенный, тоже влюбленный, но особаго свойства. Это браминъ и даже въ костюмѣ. Неудержимый хохотъ раздается между зрителями. Брамина играетъ арестантъ Кошкинъ и играетъ прекрасно. У него фигура браминская. Жестами объясняетъ онъ всю степень любви своей. Онъ приподымаетъ руки къ небу, потомъ прикладываетъ ихъ къ груди, къ сердцу; но только что онъ успѣлъ разнѣжиться,—раздается сильный ударъ въ дверь. По удару слышно, что это хозяинъ. Испуганная жена виѣ себя, браминъ мечется какъ угорѣлый и умоляетъ, чтобъ его спрятали. Наскоро она ставитъ его за шкафъ, а сама, забывъ отпереть, бросается къ своей пряжѣ и прядетъ, прядетъ, не слыша стука въ дверь своего мужа, съ перепуга сучитъ нитку, которой у нея нѣтъ въ рукахъ, и вертитъ веретено, забывъ поднять его съ пола. Сироткинъ очень хорошо и удачно изобразилъ этотъ испугъ. Но хозяинъ выбиваетъ дверь ногою и съ кнутомъ въ рукѣ подходитъ къ женѣ. Онъ все замѣтилъ и подкараулилъ и прямо показываетъ ей пальцами, что у ней спрятаны трое. Затѣмъ ищетъ спрятанныхъ. Перваго находитъ сосѣда, и провожаетъ его тужанами изъ комнаты. Струсившій писарь хотѣлъ было бѣжать, приподнявъ головой крышку и тѣмъ самъ себя выдалъ. Хозяинъ подстегиваетъ его кнутикомъ и на этотъ разъ влюбленный писарь при- скакиваетъ вовсе не по-классически. Остается браминъ; хозяинъ долго ищетъ его, наконецъ находитъ въ углу за шкапомъ, вѣжливо откланивается ему и за бороду вытягиваетъ на средину сцены. Браминъ пробуетъ защищаться, кричитъ: «окаянный, окаянный!» (единственные слова, сказанныя въ пантомимѣ), но мужъ не слушаетъ и расправляется по-свойски. Жена, видя, что дѣло доходитъ теперь до нея, бросаетъ пряжу, веретено и бѣжитъ изъ комнаты; донцо валится на землю, арестанты хохочутъ. Алей, неглядя на меня, теребитъ меня за руку и кричитъ мнѣ: «смотри! браминъ, браминъ!» а самъ устоять не можетъ отъ смѣху. Занавѣсъ падаетъ. Начинается другая сцена...

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было

еще двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ не сами арестанты, то по крайней мѣрѣ въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Последняя пантомима, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, по-брамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ неслышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ будто счастливы, и засыпаютъ не по всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ,—а съ чего бы кажется? А между-тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному—и человѣкъ нравственно мѣ-

няется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ... Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится тамъ до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лицо. Мало-по-малу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяцъ... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, всматриваюсь—и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ; кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ во снѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ «православныхъ христіанъ» и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!...»

— Не навсегда же я здѣсь, только вѣдь на нѣсколько лѣтъ! думаю я, и склоняю опять голову на подушку.



ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII.

ГОСПИТАЛЬ.

Вскорѣ послѣ праздниковъ я сдѣлался боленъ и отправился въ нашъ военный госпиталь. Онъ стоялъ особнякомъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости. Это было длинное одноэтажное зданіе, окрашенное желтой краской. Лѣтомъ, когда происходили ремонтныя работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромномъ дворѣ госпиталя помѣщались службы, дома для медицинскаго начальства и прочія пригодныя постройки. Въ главномъ же корпусѣ располагались однѣ только палаты. Палатъ было много, но арестантскихъ всего только двѣ, всегда очень наполненныхъ, но особенно лѣтомъ, такъ что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякаго рода «несчастнымъ народомъ». Ходили туда наши, ходили разнаго рода военные подсудимые, содержавшіеся на разныхъ гаубтвахтахъ, рѣшенные, нерѣшенные и пересылочные; ходили и изъ исправительной роты, — страннаго заведенія, въ которое отсылались провинившіеся и малонадежные солдатики изъ батальоновъ, для поправленія своего поведения, и откуда, года черезъ два и больше, они обыкновенно выходили такими мерзавцами, какихъ на рѣдкость и встрѣтить. Заболѣвшіе изъ арестантовъ у насъ обыкновенно поутру объявляли о болѣзни своей унтеръ-офицеру. Ихъ тотчасъ же записывали въ книгу и съ этой книгой отсылали больного съ конвойнымъ въ батальонный лазаретъ. Тамъ докторъ предварительно свидѣлствовалъ всѣхъ больныхъ изъ всѣхъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ крѣпости, и кого находилъ дѣйствительно больнымъ, записывалъ въ госпиталь. Меня отмѣтили въ книгѣ, и во второмъ часу, когда уже всѣ наши отправились изъ острога на послѣобѣденную работу, я пошелъ въ госпиталь. Больной арестантъ обыкновенно бралъ съ собой сколько могъ денегъ, хлѣба, потому что на тотъ день не могъ ожидать себѣ въ госпиталѣ порціи, крошечную грубочку и кисетъ съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ. Эти послѣдніе предметы тща-

тельно запрятывались въ сапоги. Я вступилъ въ ограду госпиталя не безъ нѣкотораго любопытства къ этой новой, незнакомой еще мнѣ варьяціи нашего арестантскаго житья-бытья.

День былъ теплый, хмурый и грустный—одинъ изъ тѣхъ дней, когда такія заведенія, какъ госпиталь, принимаютъ особенно-дѣловой, тоскливый и кислый видъ. Мы съ конвойнымъ вошли въ приемную, гдѣ стояли двѣ мѣдныя ванны и гдѣ уже дожидались двое больныхъ изъ подсудимыхъ, тоже съ конвойными. Вошелъ фельдшеръ, лѣниво и со властію оглядѣлъ насъ и еще лѣнивѣе отправился доложить дежурному лекару. Тотъ явился скоро; осмотрѣлъ, обошелся очень ласково и выдалъ намъ «скорбные листы», въ которыхъ были обозначены наши имена. Дальнѣйшее же росписаніе болѣзни, назначеніе лекарствъ, порціи и проч. предоставлялось уже тому изъ ординаторовъ, который завѣдывалъ арестантскими палатами. Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не нахвалятся своими лекарями. «Отцовъ не надо!» — отвѣчали они мнѣ на мои распросы, когда я отправился въ больницу. Между тѣмъ мы переодѣлись. Платье и бѣлье, въ которомъ мы пришли, отъ насъ отобрали и одѣли насъ въ бѣлье госпитальное, да сверхъ того выдали намъ длинные чулки, туфли, колпаки и толстые суконные, бураго цвѣта халаты, подшитые не то холстомъ, не то какимъ-то пластыремъ. Однимъ словомъ халатъ былъ до послѣдней степени грязенъ; но оцѣнилъ я его вполне уже на мѣстѣ. Затѣмъ насъ повели въ арестантскія палаты, которыя были расположены въ концѣ длиннѣйшаго корридора, высокаго и чистаго. Наружная чистота вездѣ была очень удовлетворительна; все, что съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ и лоснилось. Впрочемъ это могло мнѣ такъ показаться послѣ нашего острога. Двое подсудимыхъ пошли въ палату налѣво, я направо. У двери, замкнутой желѣзнымъ болтомъ, стоялъ часовой съ ружьемъ, подлѣ него подчасокъ. Младшій унтеръ-офицеръ (изъ госпитальнаго караула) велѣлъ пропустить меня и я очутился въ длинной и узкой комнатѣ, по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ которой стояли кровати, числомъ около двадцати двухъ, между которыми три-четыре еще были незаняты. Кровати были де-

ревянныя, окрашенныя зеленой краской, слишкомъ знакомыя всѣмъ и каждому у насъ на Русь, — тѣ самыя кровати, которыя по какому-то предопредѣленію никакъ не могутъ быть безъ клоповъ. Я помѣстился въ углу, на той сторонѣ, гдѣ были окна.

Какъ уже сказалъ я, тутъ были и наши арестанты, изъ острога. Нѣкоторые изъ нихъ уже знали меня или по-крайней мѣрѣ виѣли прежде. Гораздо болѣе было изъ подсудимыхъ и изъ исправительной роты. Трудно-больныхъ, т. е. невстававшихъ съ постели, было не такъ много. Другіе же, легко-больные или выздоравливавшіе, или сидѣли на койкахъ, или ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, гдѣ между двумя рядами кроватей оставалось еще пространство, достаточное для прогулки. Въ палатѣ былъ чрезвычайно душливый, больничный запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными неприятными испареніями и запахомъ лекарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка. На моей койкѣ былъ надѣтъ полосатый чехоль. Я снялъ его. Подъ чехломъ оказалось суконное одѣяло, подшитое холстомъ, и толстое бѣлье слишкомъ сомнительной чистоты. Возлѣ койки стоялъ столикъ, на которомъ была кружка и оловянная чашка. Все это для приличія прикрывалось выданнымъ мнѣ маленькимъ полотенцемъ. Внизу столика была еще полка: тамъ сохранялись у пившихъ чай чайники, жбаны съ квасомъ и прочее; но пившихъ чай между больными было очень немного. Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, неисключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ и больные были почти всегда осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника госпитального караула.

До тѣхъ поръ я никогда не лежалъ ни въ какой больницѣ; все окружающее потому было для меня чрезвычайно ново. Я замѣтилъ, что возбуждаю нѣкоторое любопытство. Обо мнѣ уже слышали и оглядывали меня очень безцеремонно, даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго превосходства, какъ оглядываютъ въ школахъ новичка или въ присутственныхъ мѣстахъ просителя. Справа подлѣ меня лежалъ одинъ подсудимый, писарь, незаконный сынъ одного отставнаго капитана. Онъ судился по фальшивымъ деньгамъ и лежалъ уже съ годъ, кажется ничѣмъ не больной, но увѣрявшій докторовъ, что у него аневризъмъ. Онъ достигъ цѣли: каторга и тѣлесное наказанье миновали его и онъ, еще годъ спустя, былъ отосланъ въ Т — къ, для содержанія гдѣ-то при больницѣ. Это былъ плотный, коренастый парень лѣтъ двадцати восьми, большой плутъ и законникъ, очень неглупый, чрезвычайно развязный и самонадѣянный малый, до болѣзни самолюбивый, серьезно увѣрившій самага

себя, что онъ честнѣйшій и правдивѣйшій человекъ въ свѣтѣ и даже вовсе ни въ чемъ невиноватый, и такъ и оставшійся навсегда съ этой увѣренностью. Онъ первый заговорилъ со мною, съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать и довольно подробно рассказалъ мнѣ о внѣшнихъ порядкахъ госпиталя, разумѣется прежде всего онъ заявилъ мнѣ, что онъ капитанскій сынъ. Ему чрезвычайно хотѣлось казаться дворяниномъ или по крайней мѣрѣ «изъ благородныхъ». Вслѣдъ за нимъ подошелъ ко мнѣ одинъ больной изъ исправительной роты и началъ увѣрять, что онъ знаетъ многихъ изъ прежде-сосланныхъ дворянъ, называя ихъ по имени и отчеству. Это были уже сѣдой солдатъ; на лицѣ его было написано, что онъ все вретъ. Звали его Чекуновъ. Онъ очевидно ко мнѣ подлизывался, вѣроятно подозрѣвая у меня деньги. Замѣтивъ у меня свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги: достать чайникъ и заварить мнѣ чаю. Чайникъ мнѣ обѣщалъ прислать назавтра М — цкій изъ острога, съ кѣмъ-нибудь изъ арестантовъ, ходившихъ въ госпиталь на работу. Но Чекуновъ обдѣлалъ все дѣло. Онъ досталъ какой-то чугунокъ, даже чашку, вскипятилъ воду, заварилъ чаю, однимъ словомъ служивалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, чѣмъ возбудилъ тотчасъ же въ одномъ изъ больныхъ нѣсколько ядовитыхъ насмѣшекъ на свой счетъ. Этотъ больной былъ чахоточный, лежавшій напротивъ меня, по фамиліи Устьянцевъ, изъ подсудимыхъ солдатъ, тотъ самый, который, испугавшись наказанія, выпилъ крышку вина, крѣпко настоявъ въ немъ табаку, и тѣмъ нажилъ себѣ чахотку; о немъ я уже упоминалъ какъ-то прежде. До сихъ поръ онъ лежалъ молча и трудно дыша, пристально и серьезно ко мнѣ приглядывался и съ негодованіемъ слѣдя за Чекуновымъ. Необыкновенная, желчная серьезность придавала какой-то особенно комическій оттѣнокъ его негодованію. Наконецъ онъ не выдержалъ:

— Ишь, холопъ! Нашелъ барина! проговорилъ онъ съ разстановками и задыхающимся отъ безсилія голосомъ. Онъ былъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни.

Чекуновъ съ негодованіемъ оборотился къ нему:

— Это кто холопъ? произнесъ онъ, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холопъ! отвѣчалъ тотъ такимъ самоувереннымъ тономъ, какъ-будто имѣлъ полное право распекать Чекунова и даже былъ приставленъ къ нему для этой цѣли.

— Я холопъ?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не вѣритъ! Удивляется!

— Да тебѣ-то что! Вишь они одни, какъ безъ рукъ. Безъ слуги непривычны, извѣстно. Почему не услужить, мохнорылый ты шутъ!

— Это кто мохнорылый?

— Ты мохнорылый.

— Я мохнорылый?

— Ты и есть!

— А ты красавец? У самого лицо какъ воронье яйцо... коли я мохнорылый.

— Мохнорылый и есть! Вѣдь ужъ Богъ убилъ, лежалъ бы себѣ да помиралъ! Нѣтъ, туда-же собираетъ! Ну чего собираешь!

— Чего! Нѣтъ ужъ я лучше сапогу поклонюсь, а не лаптю. Отецъ мой не кланялся и мѣ не велѣлъ. Я... я...

Онъ было хотѣлъ продолжать, но страшно зашлепался на нѣсколько минутъ, выплевывая кровью. Скоро холодный, изнурительный потъ выступилъ на узенькомъ лбу его. Кашель мѣшалъ ему, а то бы онъ все говорилъ; по глазамъ его видно было, какъ хотѣлось ему еще поругаться; но въ безсиліи, онъ только отмахивался рукою... такъ что Чекуновъ подконецъ ужъ и позабылъ его.

Я почувствовалъ, что злость чахоточнаго направлена скорѣе на меня, чѣмъ на Чекунова. За желаніе Чекунова подслужиться и тѣмъ достать копѣйку никто бы не сталъ на него сердиться или смотрѣть на него съ особымъ презрѣніемъ. Всякъ понималъ, что опъ это дѣлаетъ просто изъ-за денегъ. На этотъ счетъ простой народъ вовсе не такъ щепетиленъ и чутко умѣетъ различать дѣло. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай и то, что я и въ кандалахъ какъ баринъ, какъ будто не могу обойтись безъ прислуги, хотя я вовсе не звалъ и не желалъ никакой прислуги. Дѣйствительно мнѣ всегда хотѣлось все дѣлать самому и даже я особенно желалъ, чтобъ и виду не подавать о себѣ, что я бѣлоручка, нѣженка, барствую. Въ этомъ отчасти состояло даже мое самолюбіе, если ужъ къ слову сказать пришлось. Но вотъ, — и рѣшительно не понимаю какъ это всегда такъ случалось, — но я никогда не могъ отказатьсь отъ разныхъ услугниковъ и прислужниковъ, которые сами ко мнѣ навязывались и подъ конецъ овладѣвали мной совершенно, такъ что они по настоящему были моими господами, а я ихъ слугою; а по наружности и выходило какъ-то само собой, что я дѣйствительно баринъ, не могу обойтись безъ прислуги и барствую. Это конечно мнѣ было очень досадно. Но Устьянцевъ былъ чахоточный, раздражительный человѣкъ. Прочіе же изъ больныхъ соблюдали видъ равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ высокомерія. Помню, всѣ были заняты однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: изъ арестантскихъ разговоровъ я узналъ, что въ тотъ же вечеръ приведутъ къ намъ одного подсудимаго, котораго въ эту минуту наказываютъ шпирутенами. Арестанты ждали новичка съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Говорили впрочемъ, что наказанье будетъ легкое, — всего только пятьсотъ.

Понемногу я оглядѣлся кругомъ. Сколько я могъ замѣтить, дѣйствительно больные лежали здѣсь все болѣе цынготною и главною болѣзнями — мѣстными болѣзнями тамошняго края. Такихъ было въ палатѣ нѣсколько человѣкъ. Изъ другихъ, дѣй-

ствительно больныхъ, лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здѣсь не такъ какъ въ другихъ палатахъ: здѣсь были собраны въ кучу всѣ болѣзни, даже венерическія. Я сказалъ *дѣйствительно* больныхъ, потому что было нѣсколько и пришедшихъ *такъ*, безо всякой болѣзни, «отдохнуть». Доктора допускали такихъ охотно, изъ состраданія, особенно когда было много пустыхъ кроватей. Содержаніе на гаубтвахтахъ и въ острогахъ казалось сравнительно съ госпитальнымъ до того плохо, что многіе арестанты съ удовольствіемъ приходили лежать, несмотря на спертый воздухъ и запертую палату. Были даже особенные любители лежанья и вообще госпитальнаго житья-бытья; всѣхъ болѣе впрочемъ изъ исправительной роты. Я съ любопытствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, но помню, особенное любопытство тогда же возбудилъ во мнѣ одинъ, уже умиравшій, изъ нашего острога, тоже чахоточный и тоже въ послѣднихъ дняхъ, лежавшій черезъ кровать отъ Устьянцева и такимъ образомъ тоже почти противъ меня. Звали его Михайловъ; еще двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ острогѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и давно бы пора ему было идти лечиться; но опъ съ какимъ-то упорнымъ и совершенно ненужнымъ терпѣніемъ преодолевалъ себя, крѣпился и только на праздникахъ ушелъ въ госпиталь, чтобъ умереть въ три недѣли отъ ужасной чахотки; точно сгорѣлъ человѣкъ. Меня поразило теперь его страшно измѣнившееся лицо, — лицо, которое я изъ первыхъ замѣтилъ по вступленіи моемъ въ острогъ; оно мнѣ тогда какъ-то въ глаза кинулось. Подлѣ него лежалъ одинъ исправительный солдатъ, уже старій человѣкъ, страшный, и отвратительный нехриха... Но впрочемъ не пересчитывать же всѣхъ больныхъ... Я вспомнилъ теперь и объ этомъ старикашкѣ единственно потому, что онъ произвелъ на меня тогда тоже нѣкоторое впечатлѣніе и въ одну минуту успѣлъ дать мнѣ довольно полное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ арестантской палаты. У этого старичонки, помню, былъ тогда сильнѣйшій насморкъ. Онъ все чихалъ и всю недѣлю потомъ чихалъ даже и во снѣ, какъ-то заппамп, по пяти и по шести чиховъ за разъ, аккуратно каждый разъ приговаривая: «Господи, адлось же такое наказанье!» Въ ту минуту онъ сидѣлъ на постели и съ жадностью набивалъ себѣ носъ табакомъ изъ бумажнаго сверточка, чтобъ сильнѣе и акуратнѣе прочихаться. Чихалъ онъ въ бумажный платокъ, собственный, клѣтчатый разъ сто мытый и до крайности полинялый, причемъ какъ-то особенно морщился его маленьность, слагаясь въ мелкія, безчисленныя морщинки, и выставлялись осколки старыхъ, почернѣлыхъ зубовъ, вмѣстѣ съ красными, слюняыми деснами. Прочихавшись, онъ тотчасъ же раздвигалъ платокъ, внимательно разсматривалъ обильно накопившуюся въ немъ мокроту и немедленно смазывалъ ее на свой бурый, казенный халатъ, такъ

что вся мокрота оставалась на халатѣ, а платокъ только что развѣ оставался сыренекъ. Такъ онъ дѣлалъ всю недѣлю. Это копотливое, скряжническое сбереженіе собственного платка въ ущербъ казенному халату вовсе не возбуждало со стороны больныхъ никакого протеста, хотя комунибудь изъ нихъ же послѣ него пришлось бы надѣть этотъ же самый халатъ. Но нашъ простой народъ не брезгливъ и недогадливъ даже до странности. Меня же такъ и покорило въ ту минуту, и я тотчасъ же съ омерзениемъ и любопытствомъ невольно началъ осматривать только-что надѣтый мною халатъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ уже давно возбуждалъ мое вниманіе своимъ сильнымъ запахомъ; онъ успѣлъ уже на мнѣ нагрѣться и пахнулъ все сильнѣе и сильнѣе лекарствами, пластырями и, какъ мнѣ казалось, какимъ-то гноемъ, что было немудрено, такъ какъ онъ съ незапамятныхъ лѣтъ не сходилъ съ плечъ больныхъ. Можетъ быть холщевую подкладку его на спинѣ и промывали когданибудь; но навѣрно не знаю. Зато въ настоящее время эта подкладка была пропитана всѣми возможными непріятными соками, примочками, пролившеюся водою изъ прорѣзанныхъ мушкетъ и проч. Ктому же въ арестантскія палаты очень часто являлись только что наказанные шпицрутенами, съ израненными спинами; ихъ лечили примочками, и потому халатъ, надѣвавшийся прямо на мокрую рубашку, никакимъ образомъ не могъ не портиться: такъ все на немъ и оставалось. И все время мое въ острогѣ, всѣ эти нѣсколько лѣтъ, какъ только мнѣ случалось бывать въ госпиталѣ (а бывалъ я частенько), я каждый разъ съ боязливою недовѣрчивостью надѣвалъ халатъ. Особенно же не нравились мнѣ иногда встрѣчавшіяся въ этихъ халатахъ вши, крупныя и замѣчительно жирныя. Арестанты съ наслаждениемъ казнили ихъ, такъ что когда подъ толстымъ, неуклюжимъ арестантскимъ ногтемъ щелкнетъ бывало казенный звѣрь, то даже по лицу охотника можно было судить о степени полученнаго имъ удовлетворенія. Очень тоже не любили у насъ клоповъ и тоже бывало подымались иногда всей палатой истреблять ихъ въ иной длинный, скучный зимній вечеръ. И хотя въ палатѣ, кромѣ тяжелаго запаха, снаружи все было по возможности чисто, но внутренней, такъ сказать, подкладочной чистотой у насъ далеко не щеголяли. Больные привыкли къ этому и даже считали, что такъ и надо, да и самые порядки къ особенной чистотѣ не располагали. Но о порядкахъ я скажу послѣ...

Только что Чекуновъ подаль мнѣ чай (мимоходомъ сказать на палатной водѣ, которая приносилась разомъ на цѣлые сутки и какъ-то слишкомъ скоро портилась въ нашемъ воздухѣ), отворилась съ нѣкоторымъ шумомъ дверь и за усиленнымъ конвоемъ введенъ былъ только-что наказанный шпицрутенами солдатикъ. Это было въ первый разъ, какъ я видѣлъ наказаннаго. Впоследствии ихъ приводили часто, иныхъ даже при-

носили (слишкомъ ужъ тяжело наказанныхъ), и каждый разъ это доставляло большое развлеченіе больнымъ. Встрѣчали у насъ такового обыкновенно съ усиленно строгимъ выраженіемъ лицъ и съ какою-то даже нѣсколько натянутою серьезностью. Впрочемъ пріемъ отчасти зависѣлъ и отъ степени важности преступленія, а слѣдственно и отъ количества наказанія. Очень больно битый и, по репутаціи, большой преступникъ, пользовался и большимъ уваженіемъ и большимъ вниманіемъ, чѣмъ какойнибудь бѣжавшій рекрутикъ, вотъ какъ тотъ напримѣръ, котораго привели теперь. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ ни особенныхъ сожалѣній, ни какихънибудь особенно раздражительныхъ замѣчаній не дѣлалось. Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныхъ и искусныхъ руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ. Послѣдняя операція обыкновенно очень бываетъ непріятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость въ перенесеніи боли наказанными. Много я ихъ перевидѣлъ, иногда уже слишкомъ битыхъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не стоналъ! Только лицо какъ будто все измѣняется, блѣднѣетъ; глаза горятъ; взглядъ разсѣянный, безпокойный, губы трясутся, такъ что бѣдняга нарочно прикусываетъ ихъ бывало чуть не до крови зубами. Вошедшій солдатикъ былъ парень лѣтъ двадцати трехъ, крѣпкаго мускулистаго сложения, красиваго лица, высокій, стройный, смуглотѣлый. Спина его была впрочемъ порядочно пообита. Сверху до самой поясицы все его тѣло было обнажено; на плеча его была накинута мокрая простыня, отъ которой онъ дрожалъ всѣми членами какъ въ лихорадкѣ, и часа полтора ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ. Я вглядывался въ его лицо: казалось онъ ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, смотрѣлъ странно и дико, бѣглымъ взглядомъ, которому видимо тяжело было остановиться на чемънибудь внимательно. Мнѣ показалось, что онъ пристально посмотрѣлъ на мой чай. Чай былъ горячій; паръ валилъ изъ чашки, а бѣднякъ пзябъ и дрожалъ, стуча зубъ объ зубъ. Я пригласилъ его выпить. Онъ молча и круто повернулъ ко мнѣ, взялъ чашку, выпилъ стоя и безъ сахара, причемъ очень торопился и какъ-то особенно старался не глядѣть на меня. Выпивъ все, онъ молча поставилъ чашку и даже не кивнувъ мнѣ головою, пошелъ опять снова взадъ и впередъ по палатѣ. Но ему было не до словъ и не до киваній. Чтоже касается до арестантовъ, то всѣ они сначала почему-то избѣгали всякаго

разговору съ наказаннымъ рекрутикомъ; напротивъ, помогши ему вначалѣ, они какъ будто сами старались потомъ не обращаться на него болѣе никакого вниманія, можетъ быть желая какъ можно болѣе дать ему покоя и не докучать ему никакими дальнѣйшими допросами и «участіями», чѣмъ онъ кажется былъ совершенно доволенъ.

Между тѣмъ смерклось, зажгли ночникъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ оказались даже свои собственные подсвѣчники, впрочемъ очень не у многихъ. Наконецъ, уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внося въ нее предварительно ночной ушатъ... Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ корридорѣ, всего только два шага отъ дверей. Но ужъ таковъ былъ заведенный порядокъ. Днемъ арестанта еще выпускали изъ палаты, впрочемъ не болѣе какъ на одну минуту; ночью же ни подъ какимъ видомъ. Арестантскія палаты не походили на обыкновенныя и больной арестантъ даже и въ болѣзни несъ свое наказаніе. Кѣмъ первоначально заведенъ былъ этотъ порядокъ — не знаю; знаю только, что настоящего порядка въ этомъ не было никакого и что никогда вся бесполезная сушь формалистики не высказывалась крупнѣе, какъ напримѣръ въ этомъ случаѣ. Порядокъ этотъ шелъ разумѣется не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не хвалились своими лекарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ. Всякій видѣлъ отъ нихъ себѣ ласку, слышалъ доброе слово; а арестантъ, отверженный всѣми, цѣнилъ это, потому-что видѣлъ неподдѣльность и искренность этого добраго слова и этой ласки. Она могла и не быть; съ лекарей никто бы не спросилъ, еслибъ они обращались иначе, то есть грубѣе и безчеловѣчнѣе: слѣдственно они были добры изъ настоящаго человѣколюбія. И ужъ разумѣется они понимали, что больному, кто бы онъ ни былъ, арестантъ ли, нѣтъ ли, нуженъ такой же напримѣръ свѣжій воздухъ, какъ и всякому другому больному, даже самаго высшаго чина. Больные въ другихъ палатахъ, выздоравливающіе напримѣръ, могли свободно ходить по корридорамъ, задавать себѣ большой мѡціонъ, дышать воздухомъ не на столько отравленнымъ, какъ воздухъ палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испареніями. И страшно и гадко представить себѣ теперь, до какой же степени долженъ былъ отравляться этотъ и безъ того уже отравленный воздухъ по ночамъ у насъ, когда вносили этотъ ушатъ, при теплой температурѣ палаты и при извѣстныхъ болѣзняхъ, при которыхъ невозможно обойтись безъ выхода? Если я сказалъ теперь, что арестантъ и въ болѣзни несъ свое наказаніе, то разумѣется не предполагалъ и не предполагаю, что такой порядокъ устроенъ былъ именно только для одного наказанія. Разумѣется, это была бы без-

смысленная съ моей стороны клевета. Больныхъ уже нечего наказывать. А если такъ, то само собою разумѣется, что вѣроятно какая нибудь строгая, суровая необходимость принуждала начальство къ такой вредной по своимъ послѣдствіямъ мѣрѣ. Какая же? Но вотъ тѣмъ-то и досадно, что ничѣмъ другимъ нельзя хотъ сколько нибудь объяснить необходимости этой мѣры и сверхъ того многихъ другихъ мѣръ, до того непонятныхъ, что не только объяснить, но даже предугадать объясненіе ихъ невозможно. Чѣмъ объяснить такую бесполезную жестокость? Тѣмъ, видите ли, что арестантъ придетъ въ больницу нарочно притворившись больнымъ, обманетъ докторовъ, выйдетъ ночью въ сортиръ и, пользуясь темнотою, убѣжитъ! Серьезно доказывать всю нескладность такого разсужденія почти невозможно. Куда убѣжитъ? какъ убѣжитъ? въ чемъ убѣжитъ? Днемъ выпускаются по одному; такъ же могло бы быть и ночью. У двери стоитъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Ретирадное мѣсто буквально въ двухъ шагахъ отъ часового, но несмотря на то, туда сопровождаетъ больного подчасокъ и не спускаетъ съ него глазъ все время. Тамъ только одно окно, по-зимнему съ двумя рамами и съ желѣзной рѣшеткой. Подъ окномъ же на дворѣ, у самыхъ оконъ арестантскихъ палатъ, тоже ходитъ всю ночь часовой. Чтобъ выдти въ окно, нужно выбить раму и рѣшетку. Ктожъ это позволить! Но положимъ, онъ убьетъ предварительно подчаска, такъ что тотъ и не пикнетъ, и никто того не услышитъ. Но допустивъ даже эту нелѣпость, нужно вѣдь все-таки ломать окно и рѣшетку. Замѣтьте, что тутъ же подлѣ часового спятъ палатные сторожа, а въ десяти шагахъ, у другой арестантской палаты, стоитъ другой часовой съ ружьемъ, возлѣ него другой подчасокъ и другіе сторожа. И куда бѣжать зимой въ чулкахъ, въ туфляхъ, въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ? А если такъ, если такъ мало опасности (т. е. по настоящему совершенно нѣтъ никакой), — для чего такое серьезное отягощеніе больныхъ можетъ быть въ послѣдніе дни и часы ихъ жизни, больныхъ, которымъ свѣжій воздухъ еще нужнѣй, чѣмъ здоровымъ? Для чего? Я никогда не могъ понять этого...

Но если ужъ спрошено разъ: «для чего», и такъ ужъ пришло къ слову, то не могу не вспомнить теперь и еще объ одномъ недоумѣніи, столько лѣтъ торчавшемъ передо мной въ видѣ самаго загадочнаго факта, на который я тоже никакимъ образомъ не могъ подыскать отвѣта. Не могу не сказать объ этомъ хотя нѣсколькихъ словъ, прежде чѣмъ приступлю къ продолженію моего описанія. Я говорю о кандалахъ, отъ которыхъ не извѣствуетъ никакая болѣзнь рѣшеннаго каторжника. Даже чахоточные умирали на моихъ глазахъ въ кандалахъ. И между тѣмъ всѣ къ этому привыкли, всѣ считали это чѣмъ-то совершившимся, неотразимымъ. Врядъ ли даже и задумался кто-нибудь объ этомъ, когда даже и изъ докторовъ никому и

въ умъ не пришло, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хоть одинъ разъ походатайствовать у начальства о расковкѣ трудно-больнаго арестанта, особенно въ чахоткѣ. Положимъ, кандалы сами по себѣ не Богъ-знаетъ какая тягость. Всю они бывають отъ восьми до двѣнадцати фунтовъ. Носить десять фунтовъ здоровому человѣку не отягчительно. Говорили мнѣ, впрочемъ, что отъ кандаловъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ начинаютъ будто бы ноги сохнуть. Не знаю, правда ли это, хотя впрочемъ тутъ есть нѣкоторая вѣроятность. Тягость, хоть и малая, хоть и въ десять фунтовъ, прицѣпленная къ ногѣ навсегда, все-таки непормально увеличиваетъ вѣсъ члена и чрезъ долгое время можетъ оказать нѣкоторое вредное дѣйствіе.. Но положимъ, что для здороваго все ничего. Такъ ли для больнаго? Положимъ, что и обыкновенному больному ничего. Но таково ли для трудно-больныхъ, таково ли, повторяю, для чахоточныхъ, у которыхъ и безъ того уже сохнуть руки и ноги, такъ что всякая соломинка становится тяжела? И право, еслибъ медицинское начальство выхлопотало облегченіе хотя бы только однимъ чахоточнымъ, то ужъ и это одно было бы истиннымъ и великимъ благодѣніемъ. Положимъ, скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и недостойнъ благодѣній; но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ Божій? Да и повѣрить нельзя, чтобъ это дѣлалось для одного наказанія. Чахоточный и по суду избавляется отъ наказанія тѣлеснаго. Слѣдственно, тутъ опять-таки заключается какая-нибудь таинственная, важная мѣра, въ видахъ спасительной предосторожности. Но какая?—понять нельзя. Вѣдь пельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, что чахоточный убѣжитъ. Кому это придется въ голову, особенно имѣя въ виду извѣстную степень развитія болѣзни? Прикинуться же чахоточнымъ, обмануть докторовъ, чтобъ убѣжать,—невозможно. Не такая болѣзнь; ее съ перваго взгляда видно. Да и кстати сказать: неужели заковываютъ человѣка въ ножныя кандалы для того только, чтобъ онъ не бѣжалъ, или чтобъ это помѣшало ему бѣжать? Совсѣмъ нѣтъ. Кандалы—одно шельмованіе, стыдъ и тягость, физическая и нравственная. Такъ по крайней мѣрѣ предполагается. Бѣжать же они никогда никому помѣшать не могутъ. Самый неумѣлый, самый неловкій арестантъ сумѣетъ ихъ безъ большаго труда очень скоро подпилить или сбить заклепку камнемъ. Ножныя кандалы рѣшительно ни отъ чего не предостерегаютъ; а если такъ, если назначаются они рѣшенному каторжному только для одного наказанія, то опять спрашиваю: неужели-жъ наказывать умирающаго?

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня, недалеко отъ Устьянцева, и который умеръ, помнится, на четвертый день по прибытіи моемъ въ палату. Можетъ быть, я и заговорилъ о чахо-

точныхъ, невольно повторяя тѣ впечатлѣнія и тѣ мысли, которыя тогда же пришли мнѣ въ голову по поводу этой смерти. Самого Михайлова, впрочемъ, я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, неболѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ «засыхалъ» въ острогѣ. Такъ по крайней мѣрѣ о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза и право не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается. Онъ умеръ часа въ три пополудни, въ морозный и ясный день. Помню, солнце такъ и пронизывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза сего уже начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣніемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему въ воздухъ было мало. Онъ сбилъ съ себя одѣяло, всю одежду и наконецъ началъ срывать съ себя рубашку: даже и та казалась ему тяжелою. Ему помогли и сняли съ него и рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которыя кажется онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его, всѣ у насъ какъ-будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ,—ступалъ какъ-то неслышно. Разговаривали межъ собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ онъ блуждающей и нетвердой рукой нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, безпокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, немного излишне занятый своею наружностью, довольно впрочемъ счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палатѣ, подошелъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно-развязнымъ видомъ, какъ-то нарочно выдуманномъ для этого случая, взялъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертваго-то признать надо было съ особыми церемоніями. Въ ожиданіи

караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подаль мысль, что нехудо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошелъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взявъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею; надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ, мертвое тѣло костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ вошелъ караульный унтеръ-офицеръ при тесахъ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ поглядывая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это же самое мгновение тутъ же стоялъ Чежуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились и у Чежунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно нечаянно явившій унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была! и отошелъ прочь.

Помню, эти слова меня точно пронзили... И для чего онъ ихъ проговорилъ, и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ койкой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ... Ихъ подобрали. Тѣло понесли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было какъ унтеръ-офицеръ, уже въ корридорѣ, посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца...

Но я отступилъ отъ предмета...

ХІІІ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Доктора обходили палаты поутру; часу въ одиннадцать явились они у насъ всѣ вмѣстѣ, сопровождая главнаго доктора, а прежде нихъ часа за полтора, посѣщалъ палату нашъ ординаторъ. Въ то время у насъ былъ ординаторомъ одинъ молодой докторъ, знающій дѣло, ласковый, привѣтливый, котораго очень любили арестанты и находили въ немъ только одинъ недостатокъ: «слишкомъ ужъ смиренъ». Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ какъ-то неразговорчивъ, даже какъ-будто конфузился насъ, чуть не краснѣлъ, измѣнялъ порціи

чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лекарства по ихъ же просьбѣ. Впрочемъ, онъ былъ славный молодой человекъ. Надо признаться, много лекарей на Руси пользуются любовью и уваженіемъ простаго народа и это, сколько я замѣтилъ, совершенно правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксомъ, особенно, взявъ въ соображеніе всеобщее недовѣріе всего русскаго простаго народа къ медицинѣ и заморскимъ лекарствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, простолюдныя скорѣе нѣсколько лѣтъ сряду, страдая самою тяжелою болѣзнію, будутъ лечиться у знахарки или своими домашними, простонародными лекарствами (которыми отнюдь не надо пренебрегать), чѣмъ пойдетъ къ доктору или лежать въ госпиталѣ. Но кромѣ того, что тутъ есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно неотнсящееся къ медицинѣ, именно: всеобщее недовѣріе всего простолюдья ко всему, что носитъ на себѣ печать административнаго, форменнаго; кромѣ того, народъ запуганъ и предубѣжденъ противъ госпиталей разными страхами, рассказами, нерѣдко нелѣпыми, но иногда имѣющими свое основаніе. По главное его пугаютъ нѣмецкіе порядки госпиталя, чужіе люди кругомъ во все продолженіе болѣзни, строгости насчетъ ѣды, рассказы о настойчивой суровости фельдшеровъ и лекарей, о взрѣзываніи и потрошеніи труповъ и проч. Къ тому же, разсуждаетъ народъ, господа лечить будутъ, потому что лекаря все-таки господа. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ лекарями (хотя и не безъ исключеній, но болѣею частью), всѣ эти страхи исчезаютъ очень скоро, что, по моему мнѣнію, прямо относится къ чести докторовъ нашихъ, преимущественно молодыхъ. Большая часть ихъ умѣютъ заслужить уваженіе и даже любовь простолюдыя. По крайней мѣрѣ я пишу о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, неоднократно и во многихъ мѣстахъ, и не имѣю основаній думать, чтобы въ другихъ мѣстахъ слишкомъ часто поступалось иначе. Конечно, въ нѣкоторыхъ уголкахъ лекаря берутъ взятки, сильно пользуются отъ своихъ больницъ, почти пренебрегаютъ больными, даже забываютъ совсѣмъ медицину. Это еще есть; но я говорю про большинство или, лучше сказать, про тотъ духъ, про то направленіе, которое осуществляется теперь, въ наши дни, въ медицинѣ. Тѣже, отступники дѣла, волки въ овечьемъ стадѣ, чтобы ни представляли въ свое оправданіе, какъ бы ни оправдывались, на примѣръ, хоть *средой*, которая зашла и ихъ въ свою очередь, всегда будутъ неправы, особенно, если при этомъ потеряли и человѣколюбіе. А человѣколюбіе, ласковость, братское состраданіе къ больному, иногда нужнѣе ему всѣхъ лекарствъ. Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ зашла. Это положимъ правда, что она многое въ насъ заѣдаетъ, да не все же, и часто иной хитрый и понимающій дѣло плутъ, преловко прикрываетъ и оправдываетъ влі-

яніемъ этой среды не одну свою слабость, а нерѣдко и просто подлость, особенно, если умѣть красно говорить или писать. Впрочемъ, я опять отбился отъ темы; я хотѣлъ только сказать, что простой народъ недоувѣрчивъ и враждебенъ болѣе къ администраціи медицинской, а не къ врачамъ. Узнавъ каковы они на дѣлѣ, онъ быстро теряетъ многія изъ своихъ предубѣжденій. Прочая же обстановка нашихъ лечебницъ до сихъ поръ во многомъ не соотвѣтствуетъ духу народа, до сихъ поръ враждебна своими порядками привычкамъ нашего простолюдья и не въ состояніи приобрести полного довѣрія и уваженія народнаго. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется изъ нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ впечатлѣній.

Нашъ ординаторъ обыкновенно останавливался передъ каждымъ больнымъ, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривалъ его и опрашивалъ, назначалъ лекарства, порціи. Иногда онъ и самъ замѣчалъ, что больной ничѣмъ не болѣетъ; но такъ какъ арестантъ пришелъ отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякѣ, вмѣсто голыхъ досокъ и наконецъ все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи, гдѣ въ тѣснотѣ содержатся густыя кучи блѣдныхъ и испитыхъ подсудимыхъ (подсудимые у насъ почти всегда, на всей Руси, блѣдные и испитые,—признакъ что ихъ содержаніе и душевное состояніе почти всегда тяжелѣе, чѣмъ у рѣшенныхъ), то нашъ ординаторъ спокойно записывалъ имъ какую-нибудь febris catarrhalis и оставлялъ лежать иногда даже на недѣлю. Надъ этой febris catarrhalis всѣ смѣялись у насъ. Знали очень хорошо что это, принятая у насъ, по какому то обоюдному согласію между докторомъ и больнымъ формула для обозначенія притворной болѣзни; «запасныя колотья» какъ переводили сами арестанты febris catarrhalis. Иногда больной злоупотреблялъ мягкосердіемъ лекаря и продолжалъ лежать до тѣхъ поръ пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: онъ какъ-будто стыдился прямо сказать больному, чтобъ онъ выздоравливалъ и скорѣе бы просился на выписку, хотя и имѣлъ полное право, просто-запросто, безо всякихъ разговоровъ и умасливаній выписать его, написавъ ему въ скорбномъ листѣ sanat est. Онъ сначала намекалъ ему, потомъ какъ бы упрасивалъ: «Не пора ли, дескать? вѣдь ужъ ты почти здоровъ, въ палатѣ тѣсно и проч.» до тѣхъ поръ пока больному самому становилось совѣстно и онъ самъ наконецъ просился на выписку. Старшій докторъ, хоть былъ и человѣколюбивый и честный человѣкъ (его тоже очень любили больные), но былъ несравненно суровѣе, рѣшительнѣе ординатора, даже при случаѣ выказывалъ суровую строгость и за это его у насъ какъ-то особенно уважали. Онъ являлся въ сопровожденіи всѣхъ госпитальныхъ врачей, послѣ ординатора, тоже свидѣтельствовалъ каждого по одиночкѣ, особенно останавливался надъ трудными больными, всегда умѣлъ

сказать имъ доброе ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производилъ хорошее впечатлѣніе. Пришедшихъ съ запасными колотьями онъ никогда не отвергалъ и не отсылалъ назадъ; но если больной упорствовалъ, то просто запросто выписывалъ его: «Ну чтожъ, братъ, полежаешь довольно, отдохнулъ, ступай, надо честь знать.» Упорствовали обыкновенно или лѣнивые до работъ, особенно въ рабочее, лѣтнее время, или изъ подсудимыхъ ожидавшихъ себѣ наказанія. Помню съ однимъ изъ такихъ употреблена была особенная строгость, жестокость даже, чтобъ склонить его къ выпискѣ. Пришелъ онъ съ главною болѣзнію; глаза красные, жалуется на сильную колющую боль въ глазахъ. Его стали лечить мушками, пиявками, брызгами въ глаза какой-то разѣдающей жидкостью и проч., но болѣзнь все-таки не проходила, глаза не очищались. Мало-помалу догадались доктора, что болѣзнь притворная: воспаленіе постоянно небольшое, хуже не дѣлается, да и не вылечивается, все въ одномъ положеніи, случай подозрительный. Арестанты всѣ давно уже знали, что онъ притворяется и людей обманываетъ, хотя онъ самъ и не признавался въ этомъ. Это былъ молодой парень, даже красивый собой, но производившій какое-то непріятное впечатлѣніе на всѣхъ насъ: скрытный, подозрительный, нахмуренный, ни съ кѣмъ не говорилъ, глядитъ изподлобья, отъ всѣхъ таятся, точно всѣхъ подозреваетъ. Я помню—инымъ даже приходило въ голову, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-нибудь. Онъ былъ солдатъ, сильно проворовался, былъ уличенъ, и ему выходили тысяча палокъ и арестанскія роты. Чтобъ отдалить минуту наказанія, какъ я уже упоминалъ прежде, рѣшаются иногда подсудимые на страшныя выходки: пырнуть ножомъ каканунѣ казни кого-нибудь изъ начальства, али своего же брата арестанта, его и судятъ по новому и отдаляется наказаніе еще мѣсяца на два и цѣль его достигается. Ему нужды нѣтъ до того, что его будутъ наказывать черезъ два же мѣсяца вдвое, второе суровѣе; только бы теперь-то отдалить грозную минуту хоть на нѣсколько дней, а тамъ что бы ни было—до того бываетъ иногда силенъ упадокъ духа въ этихъ несчастныхъ. У насъ иные уже шептались промежъ себя, чтобъ остерегаться его; пожалуй зарѣжетъ кого-нибудь ночью. Впрочемъ такъ только говорили, а особенныхъ предосторожностей никакихъ не брали, даже тѣ, у которыхъ койки приходились съ нимъ рядомъ. Видѣли впрочемъ, что онъ по ночамъ растираетъ глаза известкой со щекатурки и чѣмъ-то еще другимъ, чтобъ къ утру они опять стали красные. Наконецъ главный докторъ погрозилъ ему заволокой. Въ упорной главною болѣзни, продолжающейся долго и когда уже всѣ медицинскія средства бываютъ испытаны, чтобъ спасти зрѣніе, доктора рѣшаются на сильное и мучительное средство: ставятъ больному заволоку, точно лошади. Но бѣднякъ и тутъ не согласился выздоровѣть. Что за

упрямый былъ это характеръ, или ужъ слишкомъ трусливый: вѣдь заволока была хоть и не такъ какъ палки, но тоже очень мучительна. Больному собираютъ сзади на шеѣ кожу рукой, сколько можно захватить, протыкаютъ все захваченное тѣло ножомъ, отчего происходитъ широкая и длинная рана по всему затылку, и продѣваютъ въ эту рану холстинную тесемку довольно широкую, почти въ палецъ; потомъ каждый день, въ опредѣленный часъ, эту тесемку передергиваютъ въ ранѣ, такъ что какъ-будто вновь ее разрѣзаютъ, чтобъ рана вѣчно гноилась и не заживала. Бѣднякъ переносилъ, впрочемъ съ ужасными мученіями, и эту пытку упорно нѣсколько дней, и наконецъ только согласился выпуститься. Глаза его въ одинъ день стали совершенно здоровые и, какъ только зажила его шея, онъ отправился на гауптвахту, чтобъ на завтра же выйти опять на тысячу палокъ.

Конечно, тяжела минута передъ наказаніемъ, тяжела до того, что можетъ-быть я грѣшу, называя этотъ страхъ малодушіемъ и трусостію. Стало-быть тяжело, когда подвергаются двойному, тройному наказанію, только бы не сейчасъ оно исполнилось. Я упоминалъ впрочемъ и о такихъ, котрые сами просились скорѣе на выписку еще съ незажившей отъ первыхъ палокъ спиной, чтобъ выходить остальные удары и окончательно выйти изъ-подъ суда; а содержаніе подъ судомъ, на гауптвахтѣ конечно для всѣхъ несравненно хуже каторги. Но кромѣ разницы темпераментовъ, большую роль играетъ въ рѣшимости и безстрашии нѣкоторыхъ закоренѣлая привычка къ ударамъ и къ наказанію. Многократно битый какъ-то укрѣпляется духомъ и спиной и смотритъ наконецъ на наказаніе скептически, почти какъ на малое неудобство, и уже не боится его. Говоря вообще, это вѣрно. Одинъ нашъ арестантикъ, изъ особаго отдѣленія, крещеный калмыкъ, Александръ или Александра, какъ звали его у насъ, странный малый, плутоватый, безстрашный и въ тоже время очень добродушный, рассказывалъ, мнѣ какъ онъ выходилъ свои четыре тысячи, рассказывалъ смѣясь и шутя, но тутъ же клялся пресерьезно, что еслибъ съ дѣтства, съ самаго нѣжнаго, перваго своего дѣтства онъ не выросъ подъ плетью, отъ которой буквально всю жизнь его въ своей ордѣ не сходили рубцы съ его спины, то онъ бы ни за что не вынесъ этихъ четырехъ тысячъ. Рассказывая, онъ какъ-будто благоговѣялъ это воспринятіе подъ плетью. «Меня за все били, Александръ Петровичъ, говорилъ онъ мнѣ разъ, сидя на моей койкѣ, подъ вечеръ, передъ огнями, за все, за-что ни попало, били лѣтъ пятнадцать сряду, съ самаго того дня, какъ себя помнить началъ, каждый день по нѣсколько разъ; не билъ кто не хотѣлъ; такъ что я подъ конецъ ужъ совсѣмъ привыкъ». Какъ онъ попалъ въ солдаты не знаю; не помню; впрочемъ, можетъ онъ и рассказывалъ; это былъ всегдашній бѣгунъ и бродяга. Только помню его рассказъ о томъ, какъ онъ

ужасно струсилъ, когда его приговорили къ четыремъ тысячамъ, за убійство начальника. «Я зналъ, что меня будутъ наказывать строго и что можетъ изъ-подъ палокъ не выпустятъ, и хоть я и привыкъ къ плетямъ, да вѣдь четыре тысячи палокъ,—шутка да еще все начальство озлилось! Зналъ я, навѣрно зналъ, что не пройдетъ даромъ, не выхожу; не выпустятъ изъ-подъ палокъ. Я сначала попробовалъ было окреститься, думаю, авось простятъ, и хоть мнѣ свои же тогда говорили, что ничего изъ этого не выйдетъ, не простятъ, да думаю: все-таки попробую, все-таки имъ жалче будетъ крещенаго-то. Меня и въ самомъ дѣлѣ окрестили и при святомъ крещеніи нарекли Александромъ; ну а палки все-таки палками остались; хоть бы одну простили; даже обидно мнѣ стало. Я и думаю про себя: стой же я вась всѣхъ и взаправду надую. И вѣдь что вы думаете, Александръ Петровичъ, надулъ! Я ужасно умѣлъ хорошо мертвымъ представиться, то-есть не то, что-бы совсѣмъ мертвымъ, а вотъ-вотъ сей-часъ душа вонъ изъ тѣла уйдетъ. Повели меня; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламливаются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо спнее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Подошелъ лекарь: сейчасъ, говорить, умереть. Понесли меня въ госпиталь, а я тотчасъ ожилъ. Такъ меня еще два раза потомъ выводили, и ужъ злились они, очень на меня злились, а я ихъ еще два раза надулъ; третью тысячу только одну прошолъ, обмеръ, а какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, каждый ударъ за три удара шелъ, такъ больно бил! Остервенились на меня. Эта-то вотъ скаредная послѣдняя тысяча (чтобъ се!) всѣхъ трехъ первыхъ стоила, и кабы не умеръ я передъ самымъ концомъ (всего палокъ, двѣсти только оставалось), забили бы на смерть тутъ же, ну да и я не далъ себя въ обиду: опять надулъ и опять обмеръ; опять повѣрили, да и какъ не повѣрить, лекарь вѣрнѣе, такъ что на двухъ стахъ-то послѣднихъ, хоть изо всей злости били потомъ, такъ били, что въ другой разъ двѣ тысячи легче, да нѣтъ, носъ утри, не забили, а отчего не забили? А все тоже потому, что съиздѣтства подъ плетью росъ; Оттого и живъ до сегодня. Охъ били-то меня били на моемъ вѣку! прибавилъ онъ въ концѣ рассказа, какъ бы въ грустномъ раздумьи, какъ бы силясь припомнить и пересчитать, сколько разъ его били. «Да нѣтъ, прибавилъ онъ, перебивая минутное молчаніе, и не пересчитать сколько били; да и куды перечесть! Счету такого не хватитъ». Онъ взглянулъ на меня и разсмѣялся, но такъ добродушно, что я самъ не могъ не улыбнуться ему въ отвѣтъ. «Знаете ли, Александръ Петровичъ, я вѣдь и теперь, коли сонъ ночью вижу, такъ непременно,—что меня бьютъ; другихъ и сновъ у меня не бываетъ». Онъ дѣйствительно часто кричалъ по ночамъ и кричалъ быва-

до во все горло, такъ что его тотчасъ будили толчками арестанты: «Ну что, чортъ, кричишь!» Былъ онъ парень здоровый, невысокаго росту, вертлявый и веселый, лѣтъ сорока пяти жилъ со всѣми ладно, и хотъ очень любилъ воровать и очень часто бывалъ у насъ бить за это, но вѣдь ктожъ у насъ не проворовивался, и ктожъ у насъ не былъ бить за это?

Прибавлю къ этому одно: удивлялся я всегда тому необыкновенному добродушію, тому беззлобію, съ которымъ рассказывали всѣ эти битые о томъ, какъ ихъ били и о тѣхъ, кто ихъ билъ. Часто ни малѣйшаго даже отѣнка злобы или ненависти не слышалъ въ такомъ разсказѣ, отъ котораго у меня подчасъ подымалось сердце и начинало крѣпко и сильно стучать. А они бывало рассказываютъ и смѣются какъ дѣти. Вотъ М—цкій, напримѣръ, рассказывалъ мнѣ о своемъ наказаніи; онъ былъ не дворянинъ, и прошелъ пятьсотъ. Я узналъ объ этомъ отъ другихъ и самъ спросилъ его: правда ли это и какъ это было? Онъ отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ-будто съ какою-то внутреннею болью, точно стараясь не глядѣть на меня, и лицо его покраснѣло; черезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня и въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія. Я почувствовалъ, что онъ никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго. Но наши, почти всѣ (не ручаясь, чтобъ не было исключеній), смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Не можетъ-быть, думалъ я иногда, чтобъ они считали себя совсѣмъ виновными и достойными казни, особенно когда согрѣшили не противъ своихъ, а противъ начальства. Большинство изъ нихъ совсѣмъ себя не винило. Я сказалъ уже, что угрызеній совѣсти я не замѣчалъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было противъ своего же общества. О преступленіяхъ противъ начальства и говорить нечего. Казалось мнѣ иногда, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ былъ свой особенный, такъ-сказать, какой-то практическій или лучше, фактическій взглядъ на дѣло. Принималась во вниманіе судьба, неотразимость факта и не то что обдуманно какъ-нибудь, а такъ ужъ, безсознательно, какъ вѣра какая-нибудь. Арестантъ, напримѣръ, хотъ и всегда наклоненъ чувствовать себя правымъ, въ преступленіяхъ противъ начальства, такъ что и самый вопросъ объ этомъ для него не мыслимъ, но все-таки онъ практически сознавалъ, что начальство смотреть на его преступленіе совсѣмъ инымъ взглядомъ, а стало-быть, онъ и долженъ быть наказанъ и квити. Тутъ борьба боюдная. Преступникъ знаетъ притомъ и не сомнѣвается, что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, онъ опять-таки знаетъ это, его окончательно не осудить, а болѣею частію и совсѣмъ оправдаетъ, лишь бы грѣхъ его былъ не противъ своихъ, противъ братьевъ, противъ своего же родного простонародья. Со-

вѣсть его спокойна, а совѣстью онъ и силенъ и не смущается нравственно, а это главное. Онъ какъ бы чувствуетъ, что есть на что опереться, и потому не ненавидитъ, а принимаетъ случившееся съ нимъ за фактъ неминуемый, который не имъ начался, не имъ и кончится и долго долго еще будетъ продолжаться, среди разъ поставленной, пассивной, но упорной борьбы. Какой солдатъ ненавидитъ лично турку, когда съ нимъ воюетъ; а вѣдь турокъ же рѣжетъ его, колетъ, стрѣляетъ въ него. Впрочемъ не всѣ разказы были ужъ совершенно хладнокровны и равнодушны. Про поручика Жеребятникова, напримѣръ, рассказывали даже съ нѣкоторымъ отѣнкомъ негодованія, впрочемъ не очень большого. Съ этимъ поручикомъ Жеребятниковымъ я познакомился еще въ первое время моего лежанья въ больницѣ, разумеется изъ арестантскихъ разсказовъ. Потомъ какъ то я увидѣлъ его и въ натурѣ, когда онъ стоялъ у насъ въ караулѣ. Это былъ человекъ лѣтъ подъ тридцать, росту высокаго, толстый, жирный, съ румяными, заплывшими жиромъ щеками, съ бѣлыми зубами и съ ноздревскимъ раскатыстымъ смѣхомъ. По лицу его было видно, что это самый незадумывающійся человекъ въ мірѣ. Онъ до страсти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда бывало назначали его экзекуторомъ. Спѣшу при-совокупить, что на поручика Жеребятникова я ужъ и тогда смотрѣлъ какъ на урода между своими же, да такъ смотрѣли на него и сами арестанты. Были и кромѣ него исполнители, въ старину разумеется, въ ту недавнюю старину, о которой «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», любившіе исполнить свое дѣло рачительно и съ усердіемъ. Но болѣею частію это происходило наивно и безъ особаго увлеченія. Поручикъ же былъ чѣмъ-то въ родѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно любилъ исполнительное искусство, и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и какъ истаскавшійся въ наслажденіяхъ, полинявшій патрицій временъ Римской имперіи, избобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противуестественности, чтобъ сколько-нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводять арестанта къ наказанію; Жеребятниковъ экзекуторомъ; одинъ взглядъ на длинный, выстроенный рядъ людей съ толстыми палками уже вдохновляетъ его. Онъ самодовольно обходитъ ряды и подтверждаетъ усиленно, чтобы каждый исполнялъ свое дѣло рачительно, совѣстливо, не то... Но ужъ солдатики знали, что значить это не то. Но вотъ приводятъ самаго преступника, и если онъ еще до сихъ поръ былъ незнакомъ съ Жеребятниковымъ, если не слышалъ еще про него всей подноготной, то вотъ какую напримѣръ штучку тотъ съ нимъ выкидывалъ (Разумеется это одна изъ сотни штучекъ; поручикъ былъ нестоимъ въ изобрѣтеніяхъ). Всякій арестантъ, въ ту минуту, когда его обнажаютъ, а

руки привязываютъ къ прикладамъ ружей, на которыхъ, такимъ образомъ, тянутъ его потомъ унтеръ-офицеры черезъ всю зеленую, улицу, — всякій арестантъ, слѣдуя общему обычаю, всегда начинается въ эту минуту слезливымъ жалобнымъ голосомъ молить экзекутора, чтобы наказывалъ послабѣе и не усугублялъ наказанія излишнею строгостію: «ваше благородіе, кричитъ несчастный, помилуйте, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣкъ Бога молить, не погубите, помилосердствуйте!» Жеребятниковъ только бывало того и ждегъ; тотчасъ остановитъ дѣло и тоже съ чувствительнымъ видомъ начинаетъ разговоръ съ арестантомъ:

Другъ ты мой, говоритъ онъ, да что же мнѣ то дѣлать съ тобой? Не я наказую, законъ!

— Ваше благородіе, все въ вашихъ рукахъ, помилосердствуйте!

— А ты думаешь мнѣ не жалко тебя? Ты думаешь мнѣ въ удовольствіе смотрѣть какъ тебя будутъ бить? Вѣдь я тоже человѣкъ! Человѣкъ я, а въ нѣтъ, по твоему?

— Вѣстимо, ваше благородіе, знамо-дѣло; вы отцы, мы дѣти. Будьте отцомъ роднымъ! кричитъ арестантъ, начиная уже надѣяться.

— Да другъ ты мой, разсуди самъ; умъ-то вѣдь у тебя есть, чтобы разсудить: вѣдь я и самъ знаю, что по человѣчеству долженъ и на тебя, грѣшника, смотрѣть снисходительно и милостиво.

— Сущую правду изволите ваше благородіе говорить!

— Да, милостиво смотрѣть какъ бы ты ни былъ грѣшенъ. Да вѣдь тутъ не я, а законъ! Подумай! Вѣдь я Богу служу и отечеству; я вѣдь тяжкій грѣхъ возьму на себя, если ослаблю законъ, подумай объ этомъ!

— Ваше благородіе!

— Ну да ужъ что! ужъ такъ и быть, для тебя! Знаю, что грѣшу, но ужъ такъ и быть... Помилую я тебя на этотъ разъ, накажу легко. Ну а что если я тѣмъ самымъ тебѣ вредъ принесу? Я тебя вотъ теперь помилую, накажу легко, а ты понадѣешься, что и другой разъ также будетъ, да и опять преступленіе сдѣлаешь, что тогда? вѣдь на моей же душѣ...

— Ваше благородіе! другу недругу закажу! Вотъ какъ есть передъ престоломъ небеснаго Создателя...

— Ну да ужъ хорошо, хорошо! А поклянешься мнѣ, что будешь себя впредь хорошо вести?

— Да разрази меня Господи, да чтобы мнѣ на томъ свѣтѣ...

— Не клянись, грѣшно. Я и слову твоему повѣрю, даешь слово?

— Ваше благородіе!!!

— Ну слушай же, милую я тебя только ради сиротскихъ слезъ твоихъ; ты сирота?

* — Сирота, ваше благородіе, какъ перстъ одинъ, ни отца ни матери...

— Ну такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ; но

смотри же, въ послѣдній разъ... Ведите его, представляетъ онъ такимъ мягкосердымъ голосомъ, что арестантъ ужъ и не знаетъ какими молитвами Бога молить за такого милостивца. Но вотъ грозная процесія тронулась, повелѣ; загремѣлъ барабанъ, замахали первыя палки... «Катай его!» кричитъ во все свое горло Жеребятниковъ, жги его! лупи-лупи! Обжигай! Еще ему, еще ему! крѣпче сироту, крѣпче мошенника! сажай его, сажай!» И солдаты лупятъ со всего розмаха, пскры сыплются изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ крѣпче, а Жеребятниковъ бѣжитъ за нимъ по фронту и хохочетъ-хохочетъ, заливаясь, бока руками подпираетъ отъ смѣха, распрямиться не можетъ, такъ что даже жалко его подъ конецъ станетъ, сердешнаго. И радъ-то онъ, и смѣшно-то ему, и только развѣ изрѣдка перервется его звонкій, здоровый, раскатистый смѣхъ, и слышится опять: «Лупи его, лупи! Обжигай его мошенника, обжигай сироту!...»

А вотъ еще какія онъ изобрѣталъ варіаціи: выведутъ къ наказанію; арестантъ опять начинаетъ молить. Жеребятниковъ на этотъ разъ не ломается, не гримасничаетъ, а пускается въ откровенности:

«Видишь что, любезный, говоритъ онъ, накажу я тебя какъ слѣдуетъ, потому ты и стоишь того. Но вотъ что я для тебя, пожалуй, сдѣлаю: къ прикладамъ я тебя не привяжу. Одинъ пойдешь, только по новому: Бѣги, что есть силы черезъ весь фронтъ! Тутъ хоть и каждая палка ударитъ да вѣдь дѣло-то будетъ короче, какъ думаешь? хочешь испробовать?»

Арестантъ слушаетъ съ недоумѣніемъ, съ недоувѣрчивостію, и задумывается; «чтожъ думаетъ онъ про-себя а можетъ оно и вправду вальготнѣе будетъ; пробѣгу что есть мочи, такъ мука впятиро короче будетъ, а можетъ и не всякая палка ударитъ».

— Хорошо, ваше благородіе, согласенъ.

— Ну и я согласенъ, катай! Смотрите-жъ, не зѣвать! кричитъ онъ солдатамъ, зная впрочемъ напередъ, что ни одна палка не манкируетъ виноватой спины; промахнувшійся солдатъ тоже очень хорошо знаетъ чему подвергается. Арестантъ пускается бѣжать что есть силы по «зеленой улицѣ», но разумѣется не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ: палки какъ барабанная дробь, какъ молнія, разомъ, вдругъ, низвергаются на его спину и бѣднякъ съ крикомъ упадетъ какъ подкошенный, какъ сраженный пулей.—Нѣтъ, ваше благородіе, лучше ужъ по закону, говорятъ онъ, медленно подымаясь съ земли, блѣдный и испуганный, а Жеребятниковъ, который заранѣе зналъ всю эту шутку и что изъ нея выйдетъ, хохочетъ, заливаясь. Но и не описать всѣхъ его развлеченій и всего, что про него у насъ рассказывали!

Нѣсколько другимъ образомъ, въ другомъ тонѣ и духѣ, рассказывали у насъ объ одномъ поручикѣ

Смекаловъ, исполнявшемъ должность командира при нашемъ острогѣ, прежде еще чѣмъ назначили въ этой должности нашего плацъ-маіора. Про Жеребятникова хоть и рассказывали довольно равнодушно, безъ особенной злобы, но все-таки не любовались его подвигами, не хвалили его, а видимо имъ гнушались. Даже какъ-то свысока презирали его. Но про поручика Смекалова вспоминали у насъ съ радостію и наслажденіемъ. Дѣло въ томъ, что это вовсе не былъ какой-нибудь особенный охотникъ высѣчь; въ немъ отнюдь не было чисто жеребятническаго элемента. Но все-таки онъ былъ отнюдь не прочь и высѣчь; въ томъ-то и дѣло, что самыя розги его вспоминались у насъ съ какою-то сладкою любовью, — такъ умѣлъ угодить этотъ человѣкъ арестантамъ! А и чѣмъ? Чѣмъ заслужилъ онъ такую популярность? Правда, нашъ народъ, какъ можетъ-быть и весь народъ русскій, готовъ забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово; говорю объ этомъ какъ объ фактѣ, не разбирая его на этотъ разъ, ни съ той, ни съ другой стороны. Нетрудно было угодить этому народу и присбръсти у него популярность. Но поручикъ Смекаловъ приобрѣлъ *особенную* популярность — такъ что даже о томъ, какъ онъ сѣкъ, припоминалось чуть не съ умиленіемъ. «Отца не надо», говорятъ бывало арестанты и даже вздыхаютъ, сравнивая по воспоминаніямъ ихъ прежняго временнаго начальника, Смекалова, съ теперешнимъ плацъ-маіоромъ. «Душа-человѣкъ!» — Былъ онъ человѣкъ простой, можетъ даже и добрый по-своему. Но случается, бываетъ не только добрый, но даже и великодушный человѣкъ въ начальникахъ, и чтожь? — всѣ не любятъ его, а надъ нимъ такъ смотришь и просто смѣются. Дѣло въ томъ, что Смекаловъ умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что всѣ его у насъ признавали за *своего* человѣка, а это большое умѣнье и вѣрнѣе-сказать прирожденная способность, надъ которой и не задумываются даже обладающіе ею. Странное дѣло: бываютъ даже изъ такихъ и совсѣмъ недобрые люди, а между тѣмъ приобретаютъ иногда большую популярность. Не брезгливы они, не гадливы къ подчиненному народу, — вотъ гдѣ, кажется мнѣ, причина! Барченка-бѣлоручки въ нихъ не видать, духа барскаго не слышать, а есть въ нихъ какой-то особенный простонародный запахъ, прирожденный имъ, и, Боже мой, какъ чутокъ народъ къ этому запаху! чего онъ не отдастъ за него! Милосердѣйшаго человѣка готовъ промѣнять даже на самаго строгаго, если этотъ припахиваетъ ихнимъ собственнымъ, посконнымъ запахомъ. Чтожь если этотъ припахивающій человѣкъ сверхъ того и дѣйствительно добродушенъ, хотя бы и по-своему? Тутъ ужъ ему и цѣны нѣтъ! Поручикъ Смекаловъ, какъ уже и сказалъ я, иной разъ и больно наказывалъ, но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что на него не только не злобствовали, но даже напротивъ, теперь, въ мое время, какъ уже все давно прошло, вспоминали о его *штучкахъ* при сѣченіи со смѣхомъ

и съ наслажденіемъ. Впрочемъ у него было не много штукъ: фантазіи художественной не хватало. По правдѣ, была всего-то одна штучка, одна-единственная, съ которой онъ чуть не цѣлый годъ у насъ пробавлялся; по можетъ-быть она именно и мила-то была тѣмъ, что была единственная. Наипрости въ этомъ было много. Приведутъ, напимѣръ, виноватаго арестанта. Смекаловъ самъ выйдетъ къ наказанію, выйдетъ съ усмѣшкою, съ шуткою, объ чемъ-нибудь тутъ же разспроситъ виноватаго, объ чемъ-нибудь постороннемъ, о его личныхъ, домашнихъ, арестантскихъ дѣлахъ, и вовсе не съ какою-нибудь цѣлью, не съ запугиваніемъ какимъ-нибудь, а такъ просто, — *потому-что ему дѣйствительно знать хочется объ этихъ дѣлахъ*. Принесятъ розги, а Смекалову стулъ; онъ сидитъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...», скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Нутка, любезный, умѣешь вотъ такой-стихъ наизусть? — Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещенные, съиздѣтства учились». — «Ну такъ читай». И ужъ арестантъ знаетъ что читать и знаетъ заранѣе, что будетъ при этомъ чтеніи, потому-что эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой штукѣ тоже давно ужъ слышаны, и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ-навсегда понравилась, можетъ-быть именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждуть, а Смекаловъ даже принагнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго слова. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ наконецъ до слова: «*на небеси*». Того только и надо. «Стой!» кричитъ воспламененный поручикъ и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!»

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты тоже ухмыляются: ухмыляется сѣкущій, чуть не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «*поднеси*», свиститъ уже въ воздухъ, чтобъ черезъ одинъ мигъ, какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу. И радуется Смекаловъ, радуется именно тому, что вотъ какъ же это онъ такъ хорошо придумалъ — и *самъ* сочинилъ: «на небеси» и «поднеси» — и стати и въ рифму выходить. И Смекаловъ уходитъ отъ наказанія совершенно довольный собой, да и высѣченный тоже уходитъ чуть не довольный собой и Смекаловымъ, и смотришь — черезъ полчаса ужъ рассказываетъ въ острогѣ какъ и теперь, въ тридцать первый разъ, была повторена уже тридцать разъ прежде сего повторенная штука. «Одно слово душа-человѣкъ! забавникъ!»

Даже подъ-часть какой-то маниловщиной отзвались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.

— Бывало идешь этта, братцы, рассказываетъ какой-нибудь арестантикъ и все лицо его улыбается отъ воспоминанія, — идешь, а онъ ужъ сидитъ себѣ подъ окошкомъ въ халатикѣ, чай пьетъ, трубочку покуриваетъ. Снимешь шапку. — Куда Аксеновъ идешь?

— Да на работу, Михаилъ Васильичъ, перво-на-перво въ мастерскую надоть; засмѣется себѣ... То-есть душа-человѣкъ! одно слово душа!

— И не нажить такого! прибавляетъ кто-нибудь изъ слушателей.

XIV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ (*)

Я заговорилъ теперь о наказаніяхъ, равно какъ и объ разныхъ исполнителяхъ этихъ интересныхъ обязанностей, собственно потому, что переселясь въ госпиталь получилъ только тогда и первое наглядное понятіе обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ я зналъ объ этомъ только по-наслышкѣ. Въ наши двѣ палаты сводились всѣ наказанные шпицрутенами подсудимые изъ всѣхъ батальоновъ, арестантскихъ отдѣленій и прочихъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ и во всемъ его округѣ. Въ это первое время, когда я ко всему, что совершалось кругомъ меня, еще такъ жадно приглядывался, всѣ эти странные для меня порядки, всѣ эти наказанные и готовившіеся къ наказанію естественно производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ взволнованъ, смущенъ и испуганъ. Помню, что тогда же я вдругъ и нетерпѣливо сталъ вникать во всѣ подробности этихъ новыхъ явленій, слушать разговоры и рассказы на эту тему другихъ арестантовъ, самъ задавалъ имъ вопросы, добивался рѣшеній. Мнѣ желалось между прочимъ знать непременно всѣ степени приговоровъ и исполненій, всѣ оттѣнки этихъ исполненій, взгляды на все это самихъ арестантовъ; я старался вообразить себѣ психологическое состояніе идущихъ на казнь. Я сказалъ уже, что передъ наказаніемъ рѣдко кто бываетъ хладнокровенъ, неисключая даже и тѣхъ, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тутъ вообще находятъ на осужденнаго какой-то острый, но чисто-физическій страхъ, невольный и неотразимый, подавляющій все нравственное существо человѣка. Я и потомъ, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ острой жизни, невольно приглядывался къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые, пролежавъ въ госпиталѣ, послѣ первой половины наказанія, и залечивъ свои спины, выписывались изъ госпиталѣ, чтобы на-

завтра же выходить остальную половину назначенныхъ по конфирмаціи палокъ. Это раздѣленіе наказанія на двѣ половины случается всегда по приговору лекаря, присутствующаго при наказаніи. Если назначенное по преступленію число ударовъ большое, такъ что арестанту всего разомъ не вынести, то дѣлятъ ему это число на двѣ, даже на три части, судя потому, что скажетъ докторъ во время уже самага наказанія, то-есть можетъ ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше или это будетъ сопряжено съ опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсотъ, тысяча и даже полторы тысячи выходятъ разомъ; но если приговоръ въ двѣ, въ три тысячи, то исполненіе дѣлится на двѣ половины и даже на три. Тѣ, которые, залечивъ послѣ первой половины свою спину, выходили изъ госпиталѣ, чтобы идти подъ вторую половину, въ день выписки и наканунѣ бывали обыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замичалась въ нихъ нѣкоторая отупѣлость ума, какая-то неестественная разсѣянность. Въ разговоры такой человѣкъ не пускается и больше молчитъ; любопытнѣе всего, что съ такимъ и сами арестанты никогда не говорятъ и не стараются заговоривать о томъ, что его ожидаетъ. Ни лишняго слова, ни утѣшенія; даже стараются и вообще-то мало вниманія обращать на такого. Это конечно лучше для подсудимаго. Бываютъ исключенія, какъ вотъ напримѣръ Орловъ, о которомъ я уже рассказывалъ. Послѣ первой половины наказанія онъ только на то и досадовалъ, что спина его долго не заживаетъ и что нельзя ему поскорѣе выписаться, чтобы поскорѣе выходить остальные удары, отправиться съ партіей въ назначенную ему ссылку и бѣжать съ дороги. Но этого развлекала цѣль и Бѣга-знаетъ что у него на умѣ. Это была страстная и живучая натура. Онъ былъ очень доволенъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, хотя и подавлялъ свои ощущенія. Дѣло въ томъ, что онъ еще передъ первой половиной наказанія думалъ, что его не выпустятъ изъ-подъ палокъ и что онъ долженъ умереть. До него доходили уже разные слухи о мѣрахъ начальства еще когда онъ содержался подъ судомъ; онъ уже и тогда готовился къ смерти. Но выйдя первую половину, онъ ободрился. Онъ явился въ госпиталь избитый до полусмерти; я еще никогда не видалъ такихъ язвъ; но онъ пришелъ съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой, что останется жить, что слухи были ложные, что его вотъ выпустили же теперь изъ-подъ палокъ, такъ что теперь, послѣ долгаго содержанія подъ судомъ, ему уже начинали мечтаться дорога, побѣгъ, свобода, поля и лѣса... Черезъ два дня послѣ выписки изъ госпиталѣ онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, на прежней же койкѣ, не выдержавъ второй половины. Но я уже упоминалъ объ этомъ.

И однако тѣже арестанты, которые проводили такіе тяжелые дни и ночи передъ самымъ наказаніемъ, переносили самую казнь мужественно, не

(*) Все, что я пишу здѣсь о наказаніяхъ и казняхъ было въ мое время. Теперь, я слышалъ, все это измѣнилось и измѣняется.

исключая и самых малодушныхъ. Я рѣдко слышалъ стоны даже въ продолженіе первой ночи по ихъ прибытіи; нерѣдко даже отъ чрезвычайно тяжело избитыхъ; вообще народъ умѣетъ переносить боль. Насчетъ боли я много спрашивалъ. Мнѣ хотѣлось опредѣлительно узнать какъ велика эта боль, съ чѣмъ ее наконецъ можно сравнить? Право не знаю для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Повторяю, я былъ взволнованъ и потрясенъ. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палить,—вотъ все, что я могъ узнать и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. Жжетъ, да и только. Въ это же первое время, сойдясь поближе съ М—мъ, я спрашивалъ и его. «Больно» отвѣчалъ онъ, «очень, а ощущеніе — жжетъ какъ огнемъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ.» Однимъ словомъ всѣ показывали въ одно слово. Впрочемъ помню, я тогда же сдѣлалъ одно странное замѣчаніе, за вѣрность котораго особенно не стою; но общность приговора самихъ арестантовъ сильно его поддерживаетъ: это то, что розги, если даются въ большомъ количествѣ, самое тяжелое наказаніе изъ всѣхъ у насъ употребляемыхъ. Казалось бы, что это съ перваго взгляда нелѣпо и невозможно. Но однако же съ пятисотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти; а свыше пятисотъ почти навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ пятьсотъ палокъ можно перенести безо всякой опасности жизни. Тысячу палокъ можетъ вынести, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. «Розги садче», говорили они, «муки больше.» Конечно розги мучительнѣе палокъ. Они сильнѣе раздражаютъ, сильнѣе дѣйствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ свыше мѣры, потрясаютъ свыше возможности. Я не знаю какъ теперь, но въ недавнюю старину, были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто напоминающее маркизъ де-Сада и Бренвилле. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отчего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ. Есть люди какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же какъ самъ человѣкъ, такъ же создавшаго, брата, по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унижить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одавлено развитіемъ, оно развивается наконецъ въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій чело-

вѣкъ можетъ огрубѣть и оупѣть отъ привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и наконецъ сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тираніи навсегда, а возвратъ къ человеческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Ктому же примѣръ, возможность такого своеволия дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одна изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложению.

Палачемъ гнушаются же въ обществѣ, но палачемъ-джентльменомъ далеко нѣтъ. Только недавно высказалось противное мнѣніе, но высказалось еще только въ книгахъ, отвлеченно. Даже тѣ, которые высказываютъ его, не всѣ еще успѣли заглушить въ себѣ эту потребность самовласти. Даже всякій фабрикантъ, всякій антрепренеръ непремѣнно долженъ ощущать какое-то раздражительное удовольствіе въ томъ, что его работники зависятъ иногда весь, со всѣмъ семействомъ своимъ, единственно отъ него. Это навѣрно такъ; не такъ скоро поколѣніе отрывается отъ того, что сидитъ въ немъ наслѣдственно; не такъ скоро отказывается человѣкъ отъ того, что вошло въ кровь его, передано ему, такъ сказать, съ матернимъ молокомъ. Не бываетъ такихъ скороспѣлыхъ переворотовъ. Сознать вину и родовой грѣхъ еще мало, очень мало; надобно совсѣмъ отъ него отучиться. А это не такъ скоро дѣлается.

Я заговорилъ о палачѣ. Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣринныя свойства человѣка. Если же въ комъ нибудь они пересиливаютъ въ своемъ развитіи всѣ другія его свойства, то такой человѣкъ конечно становится ужаснымъ и безобразнымъ. Палачи бываютъ двухъ родовъ: одни бываютъ добровольные, другіе — подневольные, обязанные. Добровольный палачъ конечно во всѣхъ отношеніяхъ ниже подневольнаго, которымъ однако такъ гнушается народъ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетнаго, чуть не мистическаго страха. Откуда же этотъ почти суевѣрный страхъ къ одному палачу, и такое равнодушіе, чуть не одобреніе къ другому? Бываютъ примѣры до крайности странные: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, и между тѣмъ они на примѣръ не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молить и не просить о пощадѣ. Наказуемые должны непремѣнно кричать и молить о

пощадѣ. Такъ принято; это считается и приличнымъ и необходимымъ, и когда однажды жертва не хотѣла кричать, то исполнитель, котораго я зналъ и который въ другихъ отношеніяхъ могъ считаться человѣкомъ пожалуй и добрымъ, даже лично обидѣлся при этомъ случаѣ. Онъ хотѣлъ было сначала наказатъ легко, но не слыша обычныхъ «ваше благородіе, отецъ родной, помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить» и проч. — разсвирѣпѣлъ и далъ розогъ пятьдесятъ лишнихъ, желая добиться и крику и просьбъ — и добился. «Нельзя-съ, грубость есть», отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьезно. Что же касается до настоящаго палача, подневольнаго, обязаннаго, то извѣстно: это арестантъ рѣшенный и приговоренный въ ссылку, но оставленный въ палачахъ; поступившій сначала въ науку къ другому палачу и выучившись у него, оставленный навѣкъ при острогѣ, гдѣ онъ содержится особо, въ особой комнатѣ, имѣющей даже свое хозяйство. Конечно живой человѣкъ не машина; палачъ бьетъ хотъ и по обязанности, но иногда тоже входитъ въ азартъ, но хотъ бьетъ не безъ удовольствія для себя, зато почти никогда не имѣетъ личной ненависти къ своей жертвѣ. Ловкость удара, знаніе своей науки, желаніе показать себя передъ своими товарищами и передъ публикой, подстрекаютъ его самолюбіе. Онъ хлопочетъ ради искусства. Кромѣ того онъ знаетъ очень хорошо, что онъ всеобщій отверженецъ, что суевѣрный страхъ вездѣ встрѣчается и провожаетъ его и нельзя ручаться, чтобъ это не имѣло на него вліянія, не усиливало въ немъ его ярости, его звѣриныхъ наклонностей. Даже дѣти знаютъ, что онъ «отказывается отъ отца и матери». Странное дѣло, сколько мнѣ не случалось видѣть палачей, всѣ они были люди развитые, съ толкомъ, съ умомъ и съ необыкновеннымъ самолюбіемъ, даже съ гордостью. Развивалась ли въ нихъ эта гордость въ отпоръ всеобщему къ нимъ презрѣнію; усиливалась ли она сознаніемъ страха, внушаемаго ими ихъ жертвѣ и чувствомъ господства надъ нею, — не знаю. Можетъ быть самая парадность и театральность той обстановки, съ которою они являются передъ публикой на эшафотѣ, способствуютъ развитію въ нихъ нѣкотораго высокомѣрія. Помню, мнѣ пришлось однажды, въ продолженіе нѣкотораго времени, часто встрѣчать и близко наблюдать одного палача. Это былъ малый средняго роста, мускулистый, сухощавый, лѣтъ сорока, съ довольно пріятнымъ и умнымъ лицомъ и съ кудрявой головой. Онъ былъ всегда необыкновенно важенъ, спокоенъ; снаружи держалъ себя по-джентльменски, отвѣчалъ всегда коротко, разсудительно и даже ласково, но какъ-то высокомѣрно-ласково, какъ будто онъ чѣмъ-то чванился передо мною. Караульные офицеры часто съ нимъ при мнѣ заговаривали и право даже съ нѣкоторымъ какъ будто уваженіемъ къ нему. Онъ это сознавалъ и передъ начальникомъ нарочно удваивалъ свою вѣжливость, сухость и чувство соб-

ственного достоинства. Чѣмъ ласковѣе разговаривалъ съ нимъ начальникъ, тѣмъ неподатливѣе самъ онъ казался, и хотя отнюдь не выступалъ изъ утонченнѣйшей вѣжливости, но — я увѣренъ, въ эту минуту онъ считалъ себя неизмѣримо выше разговаривавшаго съ нимъ начальника. На лицѣ его это было написано. Случалось, что иногда въ очень жаркій лѣтній день посылали его подъ конвоемъ, съ длиннымъ тонкимъ шестомъ, избивать городскихъ собакъ. Въ этомъ городѣ было чрезвычайно много собакъ, совершенно никому не принадлежавшихъ и плодившихся съ необыкновенною быстротою. Въ каникулярное время онъ становился опасными и для истребленія ихъ, по распоряженію начальства, посылался палачъ. Но даже и эта унижительная должность повидимому нисколько не унижала его. Надо было видѣть съ какимъ достоинствомъ онъ расхаживалъ по городскимъ улицамъ, въ сопровожденіи усталаго конвойнаго, пугая уже однимъ видомъ своимъ встрѣчныхъ бабъ и дѣтей, какъ онъ спокойно и даже свысока смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчавшихся. Впрочемъ палачамъ жить привольно. У нихъ есть деньги, ѣдятъ они очень хорошо, пьютъ вино. Деньги достаются имъ черезъ взятки. Гражданскій подсудимый, которому выходитъ по суду наказаніе, предварительно хотъ чѣмъ нибудь, хотъ изъ послѣдняго, да подаритъ палача. Но съ иныхъ, съ богатыхъ подсудимыхъ, они сами берутъ, назначая имъ сумму сообразно съ вѣроятными средствами арестанта, берутъ и по тридцати рублей, а иногда даже и болѣе. Съ очень богатыми даже очень торгуются. Очень слабо наказатъ палачъ конечно не можетъ; онъ отвѣчаетъ за это своей же спиной. Но за то, за извѣстную взятку, онъ общается жертвѣ, что не прибьетъ ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложеніе; если жъ нѣтъ, онъ дѣйствительно наказываетъ варварски и это почти вполнѣ въ его власти. Случается, что онъ налагаетъ значительную сумму даже на очень бѣднаго подсудимаго; родственники ходятъ, торгуются, кланяются и бѣда, если не удовлетворятъ его. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ ему суевѣрный страхъ, имъ внушаемый. Какихъ диковинокъ про палачей не рассказываютъ! Впрочемъ сами арестанты увѣряли меня, что палачъ можетъ убить съ одного удара. Но во-первыхъ когда жъ это было испытано? А впрочемъ можетъ-быть. Объ этомъ говорили слишкомъ утвердительно. Палачъ же самъ ручался мнѣ, что онъ это можетъ сдѣлать. Говорили тоже, что онъ можетъ ударить со всего размаха по самой спинѣ преступника, но такъ, что даже самаго маленькаго рубчика не вскочитъ послѣ удара и преступникъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли. Впрочемъ обо всѣхъ этихъ фокусахъ п утонченностяхъ извѣстно уже слишкомъ много разсказовъ. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобъ наказатъ легко, то все-таки первый ударъ дается имъ со всего размаха и изо всей силы. Это даже обратилось межъ ними въ обычай. Послѣ-

душіе удары онъ смягчаетъ, особенно если ему предварительно заплатили. Но первый ударъ заплатили или нѣтъ ему,—его. Право не знаю для чего это у нихъ дѣлается? Для того ли, чтобъ сразу приучить жертву къ дальнѣйшимъ ударамъ, по тому расчету, что послѣ очень труднаго удара уже не такъ мучительны покажутся легкіе, или тутъ просто желаніе пофорсить передъ жертвой, задать ей страху, огорошить ее съ перваго раза, чтобъ понимала она съ кѣмъ дѣло имѣетъ, показать себя однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ палачъ передъ началомъ наказанія чувствуетъ себя въ возбужденномъ состояніи духа, чувствуетъ силу свою, сознаетъ себя властелиномъ; онъ въ эту минуту актеръ; на него дивится и ужасается публика, и ужъ конечно не безъ наслажденія кричитъ онъ своей жертвѣ, передъ первымъ ударомъ: «Подержись, ожу!» — обычные и роковыя слова въ этомъ случаѣ. Трудно представить до чего можно исказить природу человѣческую!

Въ это первое время, въ госпиталѣ, я заслушивался всѣхъ этихъ арестантскихъ разсказовъ. Лежать было намъ всѣмъ ужасно скучно. Каждый день такъ похожъ одинъ на другой! Утромъ еще развлекало насъ посѣщеніе докторовъ и потомъ скоро послѣ нихъ обѣдъ. Ъда разумѣется, въ такомъ однообразіи, представляла значительное развлеченіе. Порціи были разныя, распредѣленныя по болѣзнямъ лежавшихъ. Иные получали только одинъ супъ, съ какой-то крупой; другіе только одну кашу, третьи одну только манную кашу, на которую было очень много охотниковъ. Арестанты отъ долгаго лежанія изнѣживались и любили лакомиться. Выздоровливающимъ и почти здоровымъ давали кусокъ вареной говядины, «быка», какъ у насъ говорили. Всѣхъ лучше была порція цынготная, — говядина съ лукомъ, съ хрѣномъ и съ пр., а иногда и съ крышкою водки. Хлѣбъ былъ, тоже смотря по болѣзнямъ, черныи или полубѣлый, порядочно выпеченный. Эта официальность и тонкость въ назначеніи порцій только смѣшила больныхъ. Конечно, въ иной болѣзни человѣкъ и самъ ничего не ѣлъ. Но зато тѣ больные, которые чувствовали аппетитъ, ѣли что хотѣли. Иные мѣнялись порціями, такъ что порція, подходящая къ одной болѣзни, переходила къ совершенно другой. Другіе, которые лежали на слабой порціи, покупали говядину или цынготную порцію, пили квасъ, госпитальное пиво, покупая его у тѣхъ, кому оно назначалось. Иные сѣдали даже по двѣ порціи. Эти порціи продавались или перепродавались за деньги. Говаяя порція цѣнилась довольно высоко; она стоила пять копѣекъ ассигнаціями. Если въ нашей палатѣ не было у кого купить, посылали сторожа въ другую арестантскую палату, а нѣтъ — такъ и въ солдатскія палаты, въ «вольныя», какъ у насъ говорили. Всегда находились охотники продать. Они оставались на одномъ хлѣбѣ, зато зашибали деньгу. Бѣдность была, конечно, всеобщая, но тѣ, которые имѣли деньжонки посылали даже на ба-

заръ за калачами, даже за лакомствами и проч. Наши сторожа исполняли всѣ эти порученія совершенно безкорыстно. Послѣ обѣда наступало самое скучное время; кто отъ нечего дѣлать спалъ, кто болталъ, кто ссорился, кто что-нибудь вслухъ разсказывалъ. Если не приводили новыхъ больныхъ было еще скучнѣе. Приходъ новичка почти всегда производилъ нѣкоторое впечатлѣніе, особенно если онъ былъ никому незнакомый. Его оглядывали, старались узнать, что онъ и какъ, откуда и по какимъ дѣламъ. Особенно интересовались въ этомъ случаѣ пересыльными; тѣ всегда что-нибудь да разсказывали, впрочемъ, не о своихъ интимныхъ дѣлахъ; объ этомъ, если самъ человѣкъ не заговаривалъ, никогда не спрашивали, а такъ: откуда шли? съ кѣмъ? какова дорога? куда пойдутъ? и проч. Иные тутъ же слыша новый разсказъ, припоминали какъ-бы мимоходомъ что-нибудь изъ своего собственнаго; объ разныхъ пересылкахъ, партіяхъ, исполнителяхъ, о партіонныхъ начальникахъ. Наказанные шпицрутенами являлись тоже объ эту пору, къ вечеру. Они всегда производили довольно сильное впечатлѣніе, какъ впрочемъ, и было уже упомянуто; но не каждый же день ихъ приводили, и въ тотъ день, какъ ихъ не было, становилось у насъ какъ-то вяло, какъ-будто всѣ эти лица одно другому страшно надоѣли, начинались даже ссоры. У насъ радовались даже сумасшедшимъ, которыхъ приводили на испытаніе. Уловка прикинуться сумасшедшимъ, чтобъ избавиться отъ наказанія, употреблялась изрѣдка подсудимыми. Однихъ скоро облачали или, лучше-сказать, они сами рѣшались измѣнять политику своихъ дѣйствій, и арестантъ, прокуралесивъ два-три дня, вдругъ ни съ того, ни съ сего становился умнымъ, утихалъ и мрачно начиналъ проситься на выписку. Ни арестанты, ни доктора не укоряли такого и не стыдили, напоминая ему его недавніе фокусы; молча выписывали, молча провожали и дня черезъ два-три онъ являлся къ намъ наказанный. Такіе случаи бывали впрочемъ вообще рѣдки. Но настоящіе сумасшедшіе, приводившіеся на испытаніе, составляли истинную кару Божію для всей палаты. Иныхъ сумасшедшихъ, веселыхъ, бойкихъ, кричащихъ, пляшущихъ и поющихъ, арестанты сначала встрѣчали чуть не съ восторгомъ. «Вотъ забава-то!» говаривали они, смотря на инаго, только-что приведеннаго кривляку. Но мнѣ ужасно трудно и тяжело было видѣть этихъ несчастныхъ. Я никогда не могъ хладнокровно смотрѣть на сумасшедшихъ.

Впрочемъ, скоро безпрерывныя кривлянья и безпокойныя выходки приведеннаго и встрѣченнаго съ хохотомъ сумасшедшаго, рѣшительно всѣмъ у насъ надоѣдали и дня въ два выводили всѣхъ изъ терпѣнія окончательно. Одного изъ нихъ держали у насъ недѣли три и приходилось просто бѣжать изъ палаты. Какъ нарочно въ это время привели еще сумасшедшаго. Этотъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Случилось это уже на тре-

тій годъ моей каторги. Въ первый годъ моей или, лучше сказать, въ первые же мѣсяцы острожной жизни, весной, я ходилъ съ одной партіей на работу, за двѣ версты, въ кирпичный заводъ, съ печниками, подносчикомъ. Надо было исправить для будущихъ лѣтнихъ кирпичныхъ работъ печи. Въ это утро, въ заводѣ, М—цкій и Б. познакомили меня съ проживавшимъ тамъ надсмотрщикомъ, унтеръ-офицеромъ Острожскимъ. Это былъ полякъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухощавый, чрезвычайно благообразный и даже величавой наружности. Въ Сибири онъ находился съ давнишнихъ поръ на службѣ и хотъ происходилъ изъ простонародья, пришелъ какъ солдатъ бывшаго въ тридцатомъ году войска, но М—цкій и Б. его любили и уважали. Онъ все читалъ католическую библію. Я разговаривалъ съ нимъ и онъ говорилъ такъ ласково, такъ разумно, такъ занимательно рассказывалъ, такъ добродушно и честно смотрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его года два, слышалъ только, что по какому-то дѣлу онъ находился подъ слѣдствиемъ и вдругъ его ввели къ намъ въ палату какъ сумасшедшаго. Онъ вошелъ съ визгами, съ хохотомъ и съ самыми неприличными, съ самыми камаринскими жестами пустился плясать по палатѣ. Арестанты были въ восторгѣ, но мнѣ стало такъ грустно... Черезъ три дня, мы всѣ уже не знали куда съ нимъ дѣваться. Онъ ссорился, дрался, визжалъ, пѣлъ пѣсни, даже ночью, дѣлалъ поминутно такія отвратительныя выходки, что всѣхъ начинало просто тошнить. Онъ никого не боялся. На него надѣвали горячешную рубашку, но отъ этого становилось намъ же хуже, хотя безъ рубашки онъ затѣвалъ ссоры и лѣзь драться чуть не со всѣми. Въ эти три недѣли иногда вся палата подымалась въ одинъ голосъ и просила главнаго доктора, перевести наше нещечко въ другую арестантскую палату. Тамъ въ свою очередь спрашивали дня черезъ два перевести его къ намъ. А такъ какъ сумасшедшихъ случилось у насъ разомъ двое, безпокойныхъ и забіякъ, то одна палата съ другою чередовались и мѣнялись сумасшедшими. Но оказывались оба хуже. Всѣ вздохнули свободнѣе, когда ихъ отъ насъ увели наконецъ куда-то...

Помню тоже еще одного страннаго сумасшедшаго. Привели однажды лѣтомъ одного подсудимаго, здороваго и съ виду очень неуклюжаго парня, лѣтъ сорока пяти, съ уродливымъ отъ оспы лицомъ, съ заплаканными красными маленькими глазами и съ чрезвычайно угрюмымъ и мрачнымъ видомъ. Помѣстился онъ рядомъ со мною. Оказался онъ очень смиреннымъ малымъ, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, и сидѣлъ какъ-будто что-то обдумывая. Стало смеркаться и вдругъ онъ обратился ко мнѣ. Прямо, безъ дальнихъ предисловій, но съ такимъ видомъ, какъ-будто сообщаетъ мнѣ чрезвычайную тайну, онъ сталъ мнѣ рассказывать, что на дняхъ ему выходитъ двѣ тысячи, но что этого

теперь не будетъ, потому-что дочь полковника Г. объ немъ хлопочетъ. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, дочь полковника ничего не въ состояніи сдѣлать. Я еще ни о чемъ не догадывался; его привели вовсе не какъ сумасшедшаго, а какъ обыкновеннаго больнаго. Я спросилъ его, чѣмъ онъ болѣнъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ, и что его зачѣмъ-то сюда прислали, но что онъ совершенно здоровъ, а полковничья дочь въ него влюблена; что она разъ, двѣ недѣли тому назадъ, проѣзжала мимо гауптвахты, а онъ на ту пору и выглянулъ изъ-за рѣшетчатого окошечка. Она, какъ увидала его, тотчасъ же и влюбилась. И съ тѣхъ поръ, подъ разными видами, была уже три раза на гауптвахтѣ; первый разъ заходила вмѣстѣ съ отцомъ къ брату офицеру, стоявшему въ то время у нихъ въ караулѣ; другой разъ пришла съ матерью раздать подаваніе и, проходя мимо, шепнула ему, что она его любитъ и выручить. Странно было, съ какими тонкими подробностями разсказывалъ онъ мнѣ всю эту нелѣпость, которая, разумѣется, вся цѣлкомъ родилась въ разстроенной, бѣдной головѣ его. Въ свое избавленіе отъ наказанія онъ вѣрилъ свято. О страстной любви къ нему этой барышни говорилъ спокойно и утвердительно и, не смотря уже на общую нелѣпость разсказа, такъ дико было слышать такую романтическую исторію о влюбленной дѣвицѣ, въ чело-вѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ такой унылой, огорченной и уродливой фпзіономіей. Странно, что могъ сдѣлать страхъ наказанія съ этой робкой душой. Можетъ-быть онъ дѣйствительно кого-нибудь увидѣлъ въ окошко, и сумасшествіе, приготовлявшееся въ немъ отъ страха, возраставшаго съ каждымъ часомъ, вдругъ разомъ нашло свой исходъ, свою форму. Этотъ несчастный солдатъ, которому можетъ быть ни разу и не подумалось о барышняхъ, выдумала вдругъ цѣлый романъ, инстинктивно хватаясь хотъ за эту соломенку. Я выслушалъ молча и сообщилъ о немъ другимъ арестантамъ. Но когда другіе стали любопытствовать, онъ цѣломудренно замолчалъ. Назавтра докторъ долго спрашивалъ его и такъ какъ онъ сказалъ ему, что ничѣмъ не болѣнъ и по осмотру оказался дѣйствительно такимъ, то его и выписали. Но о томъ, что у него въ листѣ написано было salad., мы узнали уже когда доктора вышли изъ палаты, такъ что сказать имъ въ чемъ дѣло, уже нельзя было. Да мы и сами-то еще тогда вполне не догадывались въ чемъ было главное дѣло. А между тѣмъ, все дѣло состояло въ ошибкѣ приславшаго его къ намъ начальства, необъясниваго для чего его присылали. Тутъ случилась какая-то небрежность. А можетъ быть, даже и приславшіе еще только догадывались и были вовсе не увѣрены въ его сумасшествіи, дѣйствовали по темнымъ слухамъ и прислали его на испытаніе. Какъ бы то ни было, несчастнаго вывели черезъ два дня къ наказанію. Оно кажется очень поразило его своею

неожиданностью; онъ не вѣрилъ, что его накажутъ до послѣдней минуты, и когда повели его по рядамъ, сталъ кричать: караулъ! Въ госпиталь его положили на этотъ разъ уже не въ нашу, а за нимѣніемъ въ ней коекъ въ другую палату. Но я справлялся о немъ и узналъ, что онъ во всѣ восемь дней ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, былъ смущенъ и чрезвычайно грустенъ... Потомъ его куда-то унесли, когда зажила его спина. Я по крайней мѣрѣ уже больше не слышалъ о немъ ничего.

Что же касается вообще до леченія и лекарствъ, то сколько я могъ замѣтить, легко-больные почти не исполняли предписаній и не принимали лекарствъ, но трудно-больные и вообще дѣйствительно больные очень любили лечиться, принимали аккуратно свои микстуры и порошки; но болѣе всего у насъ любили наружныя средства. Банки, пиявки, припарки и кровопусканія, которыя такъ любить, и которымъ такъ вѣрить нашъ простолюдинъ, принимались у насъ охотно и даже съ удовольствіемъ. Меня заинтересовало одно странное обстоятельство. Эти самые люди, которые были такъ терпѣливы въ перенесеніи мучительнѣйшихъ болей отъ палокъ и розогъ, нерѣдко жаловались, кривлялись и даже стонали отъ какихъ-нибудь банокъ. Разнѣживались ли они ужъ очень, или такъ просто франтили,—ужъ не знаю, какъ это объяснить. Правда, наши банки были особаго рода. Машинку, которою просѣкается мгновенно кожа, фельдшеръ когда-то, въ незапамятныя времена затерялъ или испортилъ, или можетъ быть она сама испортилась, такъ что онъ уже принужденъ былъ дѣлать необходимые надрѣзы тѣла ланцетомъ. Надрѣзовъ дѣлаютъ для каждой банки около двѣнадцати. Машинкой не больно. Двѣнадцать ножичковъ ударять вдругъ, мгновенно и боль не слышна. Но надрѣзываніе ланцетомъ другое дѣло. Ланцетъ рѣжетъ сравнительно очень медленно; боль слышна; а такъ какъ, на примѣръ, при десяти банкахъ, приходится сдѣлать двадцать такихъ надрѣзовъ, то все вмѣстѣ, конечно, было чувствительно. Я испыталъ это, но хотя и было больно и досадно, но все-таки не такъ же, чтобъ не удержаться и стонать. Даже смѣшно было иногда смотреть на иного верзилу и здоровяка, какъ онъ корчится и начинаетъ нюнуть. Вообще это можно было сравнить съ тѣмъ, когда иной человѣкъ, твердый и даже спокойный въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ, хандритъ и капризничаетъ дома, когда нечего дѣлать, не ѣсть что подають, бранится и ругается; все не по немъ, всѣ ему досаждаютъ, всѣ ему грубятъ, всѣ его мучаютъ; — однимъ словомъ, съ жиру бѣсится, какъ говорятъ иногда о такихъ господахъ, встрѣчающихся впрочемъ и въ простонародьи; а въ нашемъ острогѣ, при взаимномъ всеобщемъ сожитіи, даже слишкомъ часто. Бывало въ палатѣ свои уже начнутъ дразнить такого нѣженку, а иной просто выругаетъ; вотъ онъ и замолчитъ, точно и въ самомъ дѣлѣ того и ждалъ, чтобъ его выругали, чтобъ замолчалъ.

Особенно не любилъ этого Устьянцевъ и никогда не пропускалъ случая поругаться съ нѣженкой. Онъ и вообще не пропускалъ случая съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться. Это было его наслажденіемъ, потребностью, разумѣется, отъ болѣзни, отчасти и отъ тупоумія. Смотрить бывало сперва серьезно и пристально, и потомъ какимъ-то спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ начинаетъ читать наставленія. До всего ему было дѣло; точно онъ былъ приставленъ у насъ для наблюденія за порядкомъ или за всеобщею нравственностью.

— До всего доходить,—говорятъ бывало смѣясь арестанты. Его впрочемъ щадили и избѣгали ругаться съ нимъ, а такъ только иногда смѣялись.

— Ишь наговорилъ! На трехъ возахъ не вывезешь.

— Чего наговорилъ? Передъ дуракомъ шапки не снимаютъ, извѣстно. Чегожъ онъ отъ ланцета кричитъ? Любилъ медокъ, люби и холодокъ, терпи значить.

— Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, братцы, перебилъ одинъ изъ нашихъ арестантиковъ, рожки ничего; я испробовалъ; а вотъ нѣтъ хуже боли, когда тебя за ухо долго тянутъ.

Всѣ засмѣялись.

— А тебя нешто тянули?

— А ты думалъ нѣтъ? Извѣстно тянули.

— То-то ухи-то у тебя торчкомъ стоятъ.

У этого арестантика, Шапкина, дѣйствительно были предлинныя въ обѣ стороны торчавшія уши. Онъ былъ изъ бродягъ, еще молодой, малый дѣльный и тихій, говорившій всегда съ какимъ-то серьезнымъ, затаеннымъ юморомъ, что придавало много комизму инымъ его рассказамъ.

— Да съ чего мнѣ думать-то, что тебя за ухо тянули? Да и какъ я это вздумую, туголобий ты человѣкъ? ввязался снова Устьянцевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ Шапкину, хотя впрочемъ тотъ вовсе не къ нему относился, а ко всѣмъ вообще. Но Шапкинъ даже и не посмотрѣлъ на него.

— А тебя кто тянулъ? спросилъ кто-то.

— Кто? Извѣстно кто, исправникъ. Это братцы, по бродяжеству было. Пришли мы тогда въ К., а было насъ двое, я да другой, тоже бродяга, Ефимъ безъ прозвища. По дорогѣ мы у одного мужика въ Толминой деревнѣ разжились маненько. Деревня такая есть, Тѣлмина. Ну вошли, да и поглядываемъ: разжиться бы и здѣсь, да и драло. Въ полѣ четыре воли, а въ городѣ жутко — извѣстно. Ну перво-на-перво зашли въ кабачокъ. Оглядѣлись. Подходить къ намъ одинъ, прогорѣлый такой, локти продраны, въ нѣмецкомъ платьѣ. То-да-се.—А вы какъ, говоритъ, позвольте спросить, по документу (*)?

— Нѣтъ, говоримъ, безъ документа.

(*) По паспорту.

— Такъ-съ. И мы тоже-съ. Тутъ у меня еще двое благопріятелей, говорить, тоже у генерала Кукушкина (*) служатъ. Такъ вотъ смѣю спросить, мы вотъ подкутили маненько да и деньжонками пока не разжились. Полштофика благоволите намъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, говоримъ.—Ну, выпили. И указали тутъ они намъ одно дѣло, по столовской, то-есть по нашей части. Домъ тутъ стоялъ, съ краю города и богатый тутъ жилъ одинъ мѣщанинъ, добра пропасть, ночью и положили провѣдать. Да только мы у богатаго-то мѣщанина тутъ всѣ влятеромъ, въ ту же ночь и попались. Взяли насъ въ часть, а потомъ къ самому исправнику. Я говорить, ихъ самъ допрошу. Выходитъ съ трубкой, чашку чаю за нимъ несутъ, здоровенный такой, съ бакенбардами. Сѣлъ. А тутъ ужъ кромѣ насъ еще тронхъ привели, тоже бродяги. И смѣшной же это человѣкъ, братцы, бродяга: Ну ничего не помнить, хоть ты колъ ему на головѣ тепи, все забылъ, ничего не знаетъ. Исправникъ прямо ко мнѣ: Ты кто таковъ? Такъ и зарычалъ какъ изъ бочки. Ну извѣстно, тоже что и всѣ сказываю: ничего дескать не помню, ваше высокоблагородіе, все позабылъ.

— Постой, говорить, я еще съ тобой поговорю, рожа-то мнѣ знакомая; самъ бѣльма на меня такъ и пялитъ. А я его допрежь-сего никогда и не видывалъ. Къ другому: ты кто?

— Махни-драло, ваше высокоблагородіе.

— Это такъ тебя и зовутъ махни-драло?

— Такъ и зовутъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну хорошо, ты махни-драло, а ты? Къ третьему значить.

— А я за нимъ, ваше высокоблагородіе.

— Да прозываешься-то ты какъ?

— Такъ и прозываюсь: «А я за нимъ,» ваше высокоблагородіе.

— Да ктожъ тебя, подлеца, такъ называлъ?

— Добрые люди называли, ваше высокоблагородіе. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, ваше высокоблагородіе, извѣстно,

— А кто такіе эти добрые люди?

— А запоматывалъ маненько, ваше высокоблагородіе, ужъ извольте простить великодушно.

— Всѣхъ позабылъ?

— Всѣхъ позабылъ, ваше высокоблагородіе.

— Да вѣдь были жъ у тебя тоже отецъ и мать? Ихъ-то хотъ помнишь ли?

— Надо полагать, что были, ваше высокоблагородіе, а впрочемъ тоже маненько позапаметовалъ; можетъ и были, ваше высокоблагородіе.

— Да гдѣ-жъ ты жилъ до сихъ поръ?

— Въ лѣсу, ваше высокоблагородіе.

— Все въ лѣсу?

— Все въ лѣсу.

— Ну а зимой?

— Зимы не видалъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а ты, тебя какъ зовутъ?

— Топоровъ, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Точи не зѣвай, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Потачивай небось, ваше высокоблагородіе.

— Всѣ ничего не помните?

— Ничего не помнимъ, ваше высокоблагородіе.

Стоитъ, смѣется и они на него глядятъ усмѣхаются. Ну а другой разъ и въ зубы ткнетъ, какъ нарвешься. А нароцъ-то все здоровенный, жирные такіе.—Отвести ихъ въ острогъ, говорить, я съ ними потомъ; ну а ты оставайся — это мнѣ то-есть говорить.—Помелъ сюда, садись! Смотрю: столъ, бумага, перо. Думаю: чего-жъ онъ это ладить дѣлать? Садись, говорить, на стулъ, бери перо, пиши! а самъ схватилъ меня за ухо, да и тянетъ. Я смотрю на него, какъ чортъ на попа: не умѣю, говорю, ваше высокоблагородіе.—Пиши!

— Помилосердуйте, ваше высокоблагородіе. — Пиши, какъ умѣешь такъ и пиши! а самъ все за ухо тянетъ, все тянетъ, да какъ завернетъ! Ну, братцы, скажу, легче бы онъ мнѣ триста розогъ выпаль, ажно искры посыпались — пиши да и только!

— Да что онъ, сдурѣлъ, что ли!

— Нѣтъ не сдурѣлъ. А въ Т—кѣ писарекъ за-недолго штуку выкинулъ: Деньги тяпнулъ казенныя, да съ тѣмъ и бѣжалъ, тоже уши торчали. Ну дали знать повсемѣстно. А я по примѣтамъ-то какъ-будто и подошелъ, такъ вотъ онъ и пыталъ меня: умѣю-ль я писать и какъ я пишу?

— Эко дѣло парень! А больно?

— Говорю, больно.

Раздался всеобщій смѣхъ.

— Ну а написалъ?

— Да чего написалъ? сталъ перомъ водить, водилъ-водилъ по бумагѣ-то, онъ и бросилъ. Ну плюхъ съ десятокъ накидалъ, разумѣется, да съ тѣмъ и пустилъ, тоже въ острогъ значить.

— А ты развѣ умѣешь писать?

— Прежде умѣлъ, а вотъ какъ перьями стали писать, такъ ужъ я и разучился...

Вотъ въ такихъ разсказахъ, или лучше сказать въ такой болтовнѣ, проходило иногда наше скучное время. Господи, что это была за скука! Дни длинные, душевные, одинъ на другой точъ въ точъ похожіе. Хотъ бы книга какая-нибудь! И между тѣмъ я, особенно въ началѣ, часто ходилъ въ госпиталь, иногда больной, иногда просто лежать; уходилъ отъ острога. Тяжело было тамъ, еще тяжелѣе чѣмъ здѣсь, нравственно тяжелѣе. Злость, вражда, свара, зависть, непрерывныя придирки къ намъ, дворянамъ, злымъ, угрожающія лица! Тутъ же въ госпиталь всѣ были болѣе на равной ногѣ, жили болѣе по пріятельски. Самое грустное время впродолженіе цѣлаго дня, приходилось вечеромъ, при свѣчахъ и въ началѣ ночи. Укладываются спать рано. Тусклый ночникъ свѣтитъ вдали у дверей яркой точкой, а въ нашемъ концѣ полу-

(*) То-есть въ лѣсу, гдѣ поетъ кукушка. Онъ хотеть сказать, что они тоже бродяги.

мракъ. Становится смрадно и душно. Иной не можетъ заснуть, встанетъ и сидитъ часа полтора на постели, склонивъ свою голову въ колпакъ, какъ-будто о чемъ-то думаетъ. Смотришь на него цѣлый часъ и стараешься угадать о чемъ онъ думаетъ, чтобы тоже какъ-нибудь убить время. А то начнешь мечтать, вспоминать прошедшее, рисуются широкія и яркія картины въ воображеніи; припоминаются такія подробности, которыхъ въ другое время и не припомнилъ бы, и не прочувствовалъ бы такъ, какъ теперь. А то гадаешь про будущее: какъ-то выйдешь изъ острога? куда? когда это будетъ? воротиться-ль когда-нибудь на свою родимую сторону? думаешь, думаешь и надежда зашевелится въ душѣ... А то иной разъ просто начнешь считать: разъ, два, три и т. д., чтобы какъ-нибудь среди этого счета заснуть. Я иногда насчитывалъ до трехъ тысячъ и не засыпалъ. Вотъ кто-нибудь заворочается. Устьянцевъ закашляетъ своимъ гнилымъ, чахоточнымъ кашлемъ и потомъ слабо застонетъ и каждый разъ приговариваетъ: «Господи, я согрѣшил!» И странно слышать этотъ больной, разбитый и ноющий голосъ, среди всеобщей тиши. А вотъ гдѣ-нибудь въ уголѣ тоже не спать и разговариваютъ съ своихъ коекъ. Одинъ что-нибудь начнетъ рассказывать про свою быль, про далекое, про минувшее, про бродяжничество, про дѣтей, про жену, про прежніе порядки. Такъ и чувствуешь уже по одному отдаленному шопоту, что все, объ чемъ онъ рассказываетъ, никогда къ нему опять не воротится, а самъ онъ рассказчикъ—ломоть отрѣзанный; другой слушаетъ. Слышенъ только тихій, равномерный шопотъ, точно вода журчитъ гдѣ-то далеко... Помню однажды, въ одну длинную зимнюю ночь я прослушалъ одинъ рассказъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался какимъ-то горячечнымъ сномъ, какъ-будто я лежалъ въ лихорадкѣ и мнѣ все это приснилось въ жару, въ бреду...

XV.

АКУЛЬКИНЪ МУЖЪ.

(Рассказъ.)

Ночь была уже поздняя, часъ двѣнадцатый. Я было заснулъ, но вдругъ проснулся. Тусклый, маленкій свѣтъ отдаленнаго ночника едва озарялъ палату... Почти всѣ уже спали. Спать даже Устьянцевъ, и въ тишинѣ слышно было, какъ тяжело ему дышется и какъ храпитъ у него въ горлѣ съ каждымъ дыханьемъ мокрота. Въ отдаленіи, въ сѣняхъ раздались вдругъ тяжелые шаги приближающейся караульной смѣны. Брякнуло прикладомъ объ полъ ружье. Отворилась палата; ефрейторъ, осторожно ступая, пересчиталъ больныхъ. Черезъ минуту заперли казарму, поставили новаго часового, караулъ удалился и опять пре-

няя тишина. Тутъ только я замѣтилъ, что неподалеку отъ меня, слѣва, двое не спали и какъ-будто шептались между собою. Это случилось въ палатахъ: иногда дни и мѣсяцы лежатъ одинъ подлѣ другаго и не скажутъ ни слова, и вдругъ какъ-нибудь разговарятся въ ночной вызывающей часъ и одиъ начнетъ передъ другимъ выкладывать все свое прошедшее.

Они повидимому давно уже говорили. Начала я не засталъ, да и теперь не все могъ разслушать; но мало-по-малу привыкъ и сталъ все понимать. Мнѣ не спалось: чтоже дѣлать какъ не слушать?... Одинъ рассказывалъ съ жаромъ, полулежа на постели, приподнявъ голову и вытянувъ по направленію къ товарищу шею. Онъ видимо былъ разгоряченъ, возбужденъ; ему хотѣлось рассказывать. Слушатель его, угрюмо и совершенно равнодушно сидѣлъ на своей койкѣ, протанувъ по ней ноги, изрѣдка что-нибудь мычалъ въ отвѣтъ или въ знакъ участія рассказчику, но какъ-будто болѣе для приличія, а не въ самомъ дѣлѣ, и поминутно набивалъ изъ рожка свой носъ табакомъ. Это былъ исправительный солдатъ Черевинъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, угрюмый педантъ, холодный резонеръ и дуракъ съ самолюбіемъ. Рассказчикъ Шишковъ былъ еще молодой малый, лѣтъ подъ тридцать, нашъ гражданскій арестантъ, работавшій въ швальнѣ. До сихъ поръ я мало обращалъ на него вниманія; да и потомъ во все время моей осторожной жизни, какъ-то не тянуло меня имъ заняться. Это былъ пустой и взбалмошный человекъ. Иногда молчитъ, живетъ угрюмо, держитъ себя грубо, по недѣлямъ не говоритъ. А иногда вдругъ ввяжется въ какую-нибудь исторію, начнетъ сплетничать, горячится изъ пустяковъ, снуетъ изъ казармы въ казарму, передаетъ вѣсти, наговариваетъ, изъ себя выводитъ. Его побуютъ, онъ опять замолчитъ. Парень былъ трусоватый и жидкій. Всѣ какъ-то съ пренебреженіемъ съ нимъ обходились. Былъ онъ небольшого роста, худощавый; глаза какіе-то безпокойные, а иногда какъ-то тупо-задумчивые. Случалось ему что-нибудь рассказывать: начнетъ горячо, съ жаромъ, даже руками размахиваетъ—и вдругъ порветъ, али сойдетъ на другое, увлечется новыми подробностями и забудетъ о чемъ началъ говорить. Онъ часто ругивался и непременно бывало, когда ругается, попрекаетъ въ чемъ-нибудь человека, въ какой-нибудь винѣ передъ собой, съ чувствомъ говорить, чуть не плачетъ... На балалайкѣ онъ игралъ недурно и любилъ играть, а на праздникахъ даже плясалъ, и плясалъ хорошо, когда бывало заставятъ... Его очень скоро можно было что-нибудь заставить сдѣлать... Онъ нето-чтобъ ужъ такъ былъ послушенъ, а любилъ лѣзть въ товарищество и угождать изъ товарищества.

Я долго не могъ вникнуть про что онъ рассказываетъ. Мнѣ казалось тоже сначала, что онъ все отстужаетъ отъ темы и увлекается постороннимъ. Онъ можетъ-быть и замѣчалъ, что Черевину по-

чти дѣла нѣтъ до его разсказа, но кажется хотѣлъ нарочно убѣдить себя, что слушатель его — весь вниманіе, и можетъ-быть ему было-бы очень больно, еслибъ онъ убѣдился въ противномъ.

...Бывало выйдетъ на базарь-то, продолжалъ онъ,—всѣ кланяются, чествуютъ, одно слово богатый.

— Торги, говоришь, имѣлъ?

— Ну да, торги. Оно по мѣщанству-то промежъ нами бѣдно. Голь какъ есть. Бабы-то съ рѣки-то, на яръ, эвона куда воду несутъ въ огородѣ полить; маются-маются, а къ осени и на щи-то не выберутъ. Разоръ. Ну, займку большую имѣлъ, землю работниками пахалъ, тропѣ держалъ, опять ктому-жъ своя пасѣка, медомъ торговали и скотомъ тоже, и по нашему мѣсту значить былъ въ великомъ уваженіи. Старъ больно былъ, семдесятъ лѣтъ, кость-то тяжелая стала, сѣдой, большой такой. Этта выйдетъ въ лѣсей шубѣ на базарь-то, такъ всѣ-то чествуютъ. Чествуютъ значить: «Здравствуйте, батюшка, Анкудимъ Трофимычъ!»—Здравствуй, скажетъ, и ты. Никѣмъ то-есть не побрезгаетъ.—«Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!»—А какъ твой дѣла? спроситъ.—«Да наши дѣла какъ сажа бѣла. Вы какъ, батюшка?»—«Живемъ и мы, скажетъ, по грѣхамъ нашимъ, тоже небо коптимъ.»—«Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!» Никѣмъ то-есть не брезгуетъ, а говорить — такъ всякое слово его въ рубль идетъ. Начетчикъ былъ, грамотѣй, все-то божественное читаетъ. Посадить старуху передъ собой: «Ну слушай, жена, понимай!» и пачнетъ толковать. А старуха-то нето-чтобы старая была, на второй ужъ на ней женился, для дѣтей значить, отъ первой-то небыло. Ну, а отъ второй-то, отъ Марьи-то Степановны, два сына были еще невзрослые, младшаго-то Васю шестидесяти лѣтъ прижилъ, а Акулька-то, дочь изъ всѣхъ старшая значить, восемнадцати лѣтъ была.

— Это твоя-то, жена то?

— Погоди, сначала тутъ Филька Морозовъ набухвостить. Ты, говоритъ Филька-то, Анкудиму-то, дѣлись; всѣ четыреста цѣлковыхъ отдай, а я работникъ что-ли тебѣ? нехочу съ тобой торговать, и Акульку твою, говоритъ, братъ не хочу. Я теперь, закурилъ. У меня, говоритъ, теперь родители померли, такъ я деньги прощю, да потомъ въ наемщики, значить въ солдаты пойду, а черезъ десять лѣтъ фельдмаршаломъ сюда къ вамъ приѣду. Анкудимъ-то ему деньги и отдалъ, совсѣмъ какъ есть расчитался,—потому еще отецъ его съ старикомъ-то на одинъ капиталъ торговали.—«Пронащій ты, говоритъ, человѣкъ». А онъ ему:—Ну, еще пронащій я или нѣтъ, а съ тобой, сѣдая борода, научись шиломъ молоко хлѣбать. Ты, говоритъ, экономію съ двухъ грошей загнать хочешь, всякую дрянъ собираешь,—не годится ли въ кашу. Я дескать на это плевать хотѣлъ. Копишь-копишь, да чорта и купишь. У меня, говоритъ, характеръ.

А Акульку твою все-таки невозмю: я, говоритъ, и безъ того съ ней спалъ...

— Да какъ же, говоритъ, Анкудимъ-то, ты смѣешь позорить честнаго отца, честную дочь? Когда ты съ ней спалъ, змѣиное ты сало, сучья ты кровь? а самъ и затрясся весь. Самъ Филька разсказывалъ.

— Да нето-что за меня, говоритъ, я такъ сдѣлаю, что и ни за кого Акулька ваша теперь не пойдетъ, никто не возьметъ, и Микита Григорычъ теперь не возьметъ, потому она теперь безчестная. Мы еще съ осени съ ней на житье схватились. А я теперь за сто раковъ не соглашусь. Вотъ на пробу давай сейчасъ сто раковъ—не соглашусь...

И закурилъ-же онъ у насъ, парень! Да такъ что земля стономъ стоитъ, по городу-то гулъ идетъ. Товарищей понабралъ, денегъ вуча, мѣсяца три кутилъ, все спустилъ. «Я, говоритъ бывало, какъ деньги всѣ покончу, домъ спущу, все спущу, а потомъ либо въ наемщики, либо бродяжить пойду!» Съ утра бывало до вечера пьянъ, съ бубенчиками на парѣ ѣздилъ. И ужъ такъ его любили дѣвки, что ужасти. На торбѣ хорошо игралъ.

— Значить онъ съ Акулкой еще допрежъ того дѣло имѣлъ?

— Стой, подожди. Я тогда тоже родителя схоронилъ, а матушка моя пріяники значить печла, на Анкудима работали, тѣмъ и кормились. Житъе у насъ было плохое. Ну, тоже займка за лѣсомъ была, хлѣбушка сѣяли, да послѣ отца-то все порѣшили, потому я тоже закурилъ, братецъ ты мой. Отъ матери деньги побоями вымогаль...

— Это не хорошо, коли побоями. Грѣхъ великій.

— Бывало пьянъ, братецъ ты мой, съ утра до ночи. Домъ у насъ былъ еще такъ-себѣ, ничего, хоть гнилой да свой, да въ избѣ-то зайца гоняй. Голодомъ бывало сидимъ, по недѣлѣ тряпицу жуемъ. Мать-то меня бывало костить, костить; а мнѣ чего!... Я, братъ, тогда отъ Фильки Морозова не отходилъ. Съ утра до ночи съ нимъ. «Играй, говоритъ, мнѣ на гитарѣ и танцуй, а я буду лежать и въ тебя деньги видать, потому какъ я самый богатый человѣкъ.» И чего-чего онъ ни дѣлалъ! Краденаго только не принималъ: «я, говоритъ, не воръ, а честный человѣкъ». А пойдемте, говоритъ, Акулкѣ ворота дегтемъ мазать; потому не хочу, чтобъ Акулька за Микиту Григорыча вышла. Это мнѣ теперь дороже киселя, говоритъ.» А за Микиту Григорыча старикъ еще допрежъ сего хотѣлъ дѣвку отдать. Микита-то старикъ тоже былъ, вдовецъ, въ очкахъ ходилъ, торговалъ. Онъ какъ усыхалъ, что про Акульку слухи пошли, да и на попятный: «Мнѣ, говоритъ, Анкудимъ Трофимычъ, это въ большое безчестіе будетъ, да и жениться я, по старости лѣтъ, не желаю». Вотъ мы Акулкѣ ворота и вымазали. Такъ ужъ драли ее, драли за это дома-то... Марья Степановна кричитъ: «со свѣта живу!» А старикъ: «Въ древніе годы, говоритъ, при честныхъ патриархахъ, я бы ее, говоритъ, на кострѣ изрубилъ, а нынѣ, говоритъ, въ свѣтѣ тьма и тлѣнъ». Бывало сусѣди на всю улицу

слышать, какъ Акулька рева-реветъ: сѣкутъ съ утра до ночи. А Филька на весь базаръ кричитъ: «Славная, говоритъ, есть дѣвка Акулька, собутыльница. Чисто ходишь, бѣло носишь, скажи кого любишь! Я, говоритъ, имъ тамъ кинулся въ носъ, помнись будутъ». Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла, да и кричу: «Здравстуйте, Акулина Кудимовна! салфетъ вашей милости, чисто ходишь, гдѣ берешь, дай подписку съ кѣмъ живешь!» да только и сказалъ; а она какъ посмотрѣла на меня, такіе у ней большіе глаза-то были, а сама похудѣла какъ щепка. Какъ посмотрѣла на меня, а мать-то думала, что она смѣется со мною, и кричитъ въ подворотню: «что ты зубы-то моешь, безстыдница!» такъ въ тотъ же день ее опять драть. Бывало цѣлый битый часъ дереть. «Засѣку, говоритъ, потому она мнѣ теперь не дочь».

— Распутная значитъ была.

— А вотъ ты слушай, дядюшка. Мы вотъ какъ это все тогда съ Филькой пьянствовали, мать ко мнѣ и приходитъ, а я лежу: «Что ты, говоритъ, подлецъ, лежишь? разбойникъ ты, говоритъ, эдакой.» Ругается значитъ: «Женись, говоритъ, вотъ на Акулькѣ женись.» Они теперь и за тебя рады отдать будутъ, триста рублей однихъ денегъ дадутъ. А я ей: «да вѣдь она, говорю, теперь ужъ на весь свѣтъ безчестная стала.» — «А ты дуракъ, говоритъ; вѣнцомъ все прикрывается; тебѣ-жъ лучше, коль она передъ тобой на всю жизнь виновата выйдетъ. А мы бы ихними деньгами и справились; я ужъ съ Марьей, говоритъ, Степановной говорила. Очень слушаетъ. — А я: «Деньги, говорю, двадцать цѣлковыхъ на столъ, тогда женюсь.» И вотъ вѣришь иль нѣтъ, до самой свадьбы безъ просыпу былъ пьянъ. А тутъ еще Филька Морозовъ грозить: «Я тебѣ, говоритъ, Акулькинъ мужъ, всѣ ребра сломаю, а съ женой твоей захочу, кажинную ночь спать буду.» А я ему: «врешь, собачье мясо!» Ну, тутъ онъ меня по всей улицѣ осрамилъ. Я прибѣжалъ домой: «не хочу, говорю, жениться, коли сейчасъ мнѣ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ не выложутъ!»

— А отдавали за тебя-то?

— За меня-то? А отчего нѣтъ? Мы вѣдь не безчестные были. Мой родитель только подъ-ко-нецъ отъ пожара разорился, а то еще ихняго богаче жили. Анкудимъ-то и говоритъ: «Вы, говоритъ, голь перекатная.» А я и отвѣчаю: «Немало дескать у васъ дегтемъ-то ворота мазаны.» А онъ мнѣ: «Чтожъ, говоритъ, ты надъ нами куражишься? Ты докажи, что она безчестная, а на всякій ротокъ не накинешь платокъ. Вотъ Богъ, а вотъ, говоритъ, порогъ, не бери. Только деньги что забралъ, отдай.» Вотъ я тогда съ Филькой и порѣшилъ: съ Митріемъ Быковымъ послалъ ему сказать, что я его на весь свѣтъ теперь обезчествую, и до самой свадьбы, братецъ ты мой, безъ просыпу былъ пьянъ. Только къ вѣнцу отрезвился. Какъ привезли насъ этта отъ вѣнца, посадили, а

Митрофанъ Степанычъ, дядя значитъ, и говоритъ: «хоть и не честно, да крѣпко, говоритъ, дѣло сдѣлано и покончено.» Старикъ-то, Анкудимъ-то, былъ тоже пьянъ и заплакалъ, сидитъ—а у него слезы по бородѣ текутъ. Ну я, братъ, тогда вотъ какъ сдѣлалъ: взялъ я въ карманъ съ собой плетъ, еще до вѣнца припасъ, и такъ и положилъ, что ужъ натѣшусь же я теперь надъ Акулькой, знай дескать какъ безчестнымъ обманомъ замужъ выходить, да чтобъ и люди знали, что я не дуракомъ женился...

— И дѣло! Значитъ, чтобъ она и впредь чувствовала...

— Нѣтъ, дядюшка, ты знай помалчивай. По нашему-то мѣсту у насъ тотчасъ же отъ вѣнца и въ клѣтъ ведутъ, а тѣ покамѣстъ тамъ пьютъ. Вотъ и оставили насъ съ Акулькой въ клѣти. Она такая сидитъ бѣлая, ни кровинки въ лицѣ. Испугалась значитъ. Волосы у ней были тоже совсѣмъ какъ ленъ бѣлые. Глаза были большіе. И все бывало молчить, неслышно ее, словно нѣмая въ домѣ живетъ. Чудная совсѣмъ. Чтожъ, братецъ, можешь ты это думать: я-то плетъ приготовилъ и тутъ же у постели положилъ, а она, братецъ ты мой, какъ есть ни въ чемъ неповинная передо мной вышла.

— Что ты!

— Ни въ чемъ; какъ есть честная изъ честнаго дома. И за чтоже, братецъ ты мой, она послѣ эфтова такую муку перенесла? За чтожъ ее Филька Морозовъ передъ всѣмъ свѣтомъ обезчестилъ?

— Да.

— Сталъ я это передъ ней тогда, тутъ же съ постели, на колѣнки, руки сложилъ: «Матушка, говорю, Акулина Кудимовна, прости ты меня дурака, въ томъ, что я тебя тоже за такую почиталъ. Прости ты меня, говорю, подлеца!» А она сидитъ передо мной на кровати, глядитъ на меня, обѣ руки мнѣ на плеча положила, смѣется, а у самой слезы текутъ; плачетъ и смѣется... Я тогда какъ вышелъ ко всѣмъ: «ну, говорю, встрѣчу теперь Фильку Морозова и не жить ему больше на свѣтѣ!» А старики, такъ тѣ ужъ кому молиться-то не знаютъ: мать-то чуть въ ноги ей не упала, воетъ. А старикъ и сказалъ: «знали-бъ да вѣдали, не такого бы мужа тебѣ, возлюбленная дочь наша, ссыскали.» А какъ вышли мы съ ней въ первое воскресенье, въ церковь: на мнѣ смущающа шапка, тонкаго сукна кафтанъ, шаровары плисовые; она въ новой заячьей шубкѣ, платочекъ шелковый, — то-есть я ее стою и она меня стоитъ: вотъ какъ идемъ! Люди на насъ любятъ: я-то самъ по себѣ, а Акулинушку тоже хотъ нельзя передъ другими похвалить, нельзя и похулить, а такъ что изъ десятка не выкинешь...

— Ну и хорошо.

— Ну и слушай. Я послѣ свадьбы на другой же день, хотъ и пьяный, да отъ гостей убѣгъ; вырвался этто я и бѣгу: давай, говорю, куда бездѣльника Фильку Морозова, подавай его сюда, подлеца! Кричу по базару-то! Ну и пьянъ тоже

былъ; такъ меня ужъ подлѣ Власовыхъ изловили, да силкомъ три человѣка домой привели. А по городу-то толкъ идетъ. Дѣвки на базарѣ промежь себя говорятъ: «Дѣвонѣйки, умницы, вы что знаете? Акулька-то честная вышла.» А Филька-то мнѣ, мало время спустя при людяхъ и говоритъ: «Продай жену,—пьянъ будешь. У насъ, говоритъ, солдаты Яшка затѣмъ и женился: съ женой не спалъ, а три года пьянъ былъ.» — Я ему говорю: «ты подлецъ!» — А ты, говоритъ, дуракъ. Вѣдь тебя не тверезаго повѣнчали. Чтожъ ты въ эфтомъ дѣлѣ, послѣ того, смыслить могъ?» Я домой пришелъ и кричу: «Вы, говорю, меня пьянаго повѣнчали!» Мать было тутъ же вцѣпилась: «У тебя, говорю, матушка золотомъ уши завѣшаны. Подавай Акульку!» Ну и сталъ я ее трепать. Трепалъ я ее, братъ, трепалъ, часа два трепалъ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился; три недѣли съ постели не вставала.

— Оно конечно, флегматически замѣтилъ Черевитъ: — ихъ не бей, такъ онѣ.. а развѣ ты ее засталъ съ полюбовникомъ-то?

— Нѣтъ, засталъ не засталъ, помолчавъ и какъ бы съ усиленіемъ замѣтилъ Шишковъ. — Да ужъ обидно стало мнѣ очень, люди совѣмъ задразнили и всему-то этому коноводъ былъ Филька. — «У тебя, говоритъ, жена для модели, чтобы люди глядѣли. Насъ гостей созвалъ; такую откупорку задалъ: «Супруга, говоритъ у него милосердная душа, благородная, учтивая, обращательная, всѣмъ хороша, во какъ у него теперь! А забылъ, парень, какъ самъ ей дегтемъ ворота мазалъ?» Я-то пьянъ сидѣлъ, а онъ какъ схватитъ меня въ ту пору за волосы, какъ схватитъ, пригнулъ къ низу-то: «Пляши, говоритъ, Акулькинъ мужъ, я тебя такъ буду за волоса держать, а ты пляши, меня потѣшай!» — Подлецъ ты, кричу! А онъ мнѣ: «я къ тебѣ съ компаніей приѣду и Акульку твою жену при тебѣ розгами вытѣку, сколько мнѣ будетъ угодно.» Такъ я — вѣрь не вѣрь, послѣ того цѣлый мѣсяцъ изъ дому боялся уйти: приѣдетъ думаю, обезчестуетъ. Вотъ за это самое и сталъ ее бить...

— Да чего-жъ бить-то? руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ. Бить тоже много негодится. Накажи, поучи, да и обласкай. На то жена.

Шишковъ нѣкоторое время молчалъ.

— Обидно было, началъ онъ снова: — опять же эту привычку взялъ: иной день съ утра до вечера бью; встала неладно, пошла нехорошо. Не побью, такъ скучно. Сидитъ она бывало, молчитъ, въ окно смотритъ, плачетъ... все бывало плачетъ, жалъ ее это станете, а бью. Мать меня бывало за нее коститъ-коститъ: «Подлецъ ты, говоритъ, варначье твое мясо!» — «Убью, кричу: — и не смѣй мнѣ теперь никто говорить; потому меня обманомъ женили.» Сначала старикъ Анкудимъ-то вступался, самъ приходилъ: «ты, говоритъ, еще не богъ-знаешь какой членъ; я на тебя и управу найду!» А потомъ отступился. А Марья-то Стенановна такъ смир-

лась совѣмъ. Однажды пришла — слезно молить: «Съ доужкой къ тебѣ, Иванъ Семенычъ, статья небольшая, а просьба велика. Веди свѣтъ видѣть, батюшка;» кланяется; «смирись, прости ты ее! Нашу дочку злые люди оговорили: самъ знаешь, честную бралъ...» Въ ноги кланяется, платеть. А я-то куражусь: я васъ и слышать теперь не хочу! Что хочу теперь, то надъ всѣми вами и дѣлаю, потому я теперь въ себѣ не властенъ; а Филька Морозовъ, говорю, мнѣ пріятель и первый другъ...

— Значитъ опять вмѣстѣ закурили?

— Куды! И приступу къ нему нѣтъ. Совѣмъ какъ есть опился. Все свое порѣшилъ и въ наемники у мѣщанина напился; за старшаго сына пошелъ. А ужъ по нашему мѣсту, коли наемникъ, такъ ужъ до самаго того дня какъ свезутъ его, все передъ нимъ въ домѣ лежать должно; а онъ надъ всѣмъ полный господинъ. Деньги при сдачѣ получаетъ сполна, а до того въ хозяйскомъ домѣ живетъ, по полугодъ живутъ, и что только они тутъ настроятъ надъ хозяевами-то, такъ только святыхъ воиъ понеси! Я дескать за твоего сына въ солдаты иду, значитъ вашъ благодѣтель, такъ вы всѣ мнѣ уважать должны, нето откажусь. Такъ Филька-то у мѣщанина-то дымъ коромысломъ пустил, съ дочерью спать, хозяина за бороду кажинный день послѣ обѣда таскаетъ — все въ свое удовольствіе дѣлаетъ. Кажинный день ему баня и чтобы виномъ паръ подавали, а въ баню его чтобы бабы на своихъ рукахъ носили. Домой съ гулянки воротится, станетъ на улицѣ: «Не хочу въ ворота, разбирай заплотъ!» такъ ему въ другомъ мѣстѣ, мимо воротъ, заплотъ разбирать должны, онъ и пройдетъ. Наконецъ кончилъ, повезли сдавать, отрезвили. Народу-то, народу-то по всей то улицѣ валитъ: Фильку Морозова сдавать везутъ! Опъ на всѣ стороны кланяется. А Акулька на ту пору съ огорода шла; какъ Филька-то увидалъ ее, у самыхъ нашихъ воротъ: «Стой!» кричитъ, выскочилъ изъ тѣлѣги да прямо ей земной поклонъ: «Душа ты моя, говоритъ, ягода, любилъ я тебя два года, а теперь меня съ музыкой въ солдаты везутъ. Прости, говоритъ, меня, честнаго отца честная дочь, потому я подлецъ передъ тобой, во всемъ виноватъ!» И другой разъ въ землю ей поклонился: Акулька-то стала, словно испужалась сначала, а потомъ поклонилась ему въ поясъ; да и говоритъ: «Прости и ты меня, добрый молодецъ, а я зла на тебѣ никакого не знаю.» Я за ней въ избу: «Что ты ему, собачье мясо, сказала?» А она, вотъ вѣришь мнѣ или нѣтъ, посмотрѣла на меня: «да я его, говоритъ, больше свѣта теперь люблю!»

— Ишь ты!...

— Я въ тотъ день цѣлый день ей ни слова не говорилъ... Только къ вечеру: «Акулька! я тебя теперь убью», говорю. Ночь-то это неспится, вышелъ въ сѣни кваску испить, а тутъ и заря заниматься стала. Я въ избу вошелъ. «Акулька, говорю, собирайся на запмку ѣхать.» А я еще и

ЛѢТНЯЯ ПОРА.

допрежъ того собирався, и матушка знала, что поѣдемъ. «Вотъ это, говорить, дѣло: пора страда-ная, а работникъ, слышно, тамъ третій день животомъ лежитъ.» Я телѣгу запрегъ, молчу. Изъ нашего-то города какъ выѣхать, тутъ сейчасъ тебѣ боръ пойдетъ на пятнадцать верстъ, а за боромъ-то наша заимка. Версты три боромъ проѣхали, я лошадь остановилъ: «вставай, говорю, Акулина; твой конецъ пришелъ.» Она смотритъ на меня, испужалась, встала передо мной, молчитъ.—«Надобла ты мнѣ говорю; молись Богу!» Да какъ схвачу ее за волосы: косы-то были такія толстыя, длинныя, на руку ихъ замоталъ, да сзади ее съ обѣихъ сторонъ колѣнками придавилъ, вынулъ ножъ, голову-то ей загнулъ назадъ, да какъ тилисну по горлу ножомъ... Она какъ закричитъ, кровь-то какъ брызнетъ, я ножъ бросилъ, обхватилъ ее руками-то спереди, легъ на землю, обнялъ ее и кричу надъ ней, ревма-реву; и она кричитъ, и я кричу; вся трепещетъ, бьется изъ рукъ-то, а кровь-то на меня, кровь-то—и на лицо-то и на руки такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Бросилъ я ее, страхъ на меня напалъ и лошадь бросилъ, а самъ бѣжать, бѣжать, домой къ себѣ по задамъ забѣжалъ, да въ баню: баня у насъ такая старая, неслужащая стояла; подъ полокъ забился и сижу тамъ. До ночи тамъ просидѣлъ.

— А Акулька-то?

— А она-то знать-то послѣ меня встала и тоже домой пошла. Такъ ее за сто шаговъ ужъ отъ того мѣста потомъ нашли.

— Недорѣзалъ значить.

— Да... Шипковъ на минуту остановился.

— Этта жила такая есть, замѣтилъ Черевинъ:— коли ее, эту самую жилу, съ перваго раза не перерѣзать, то все будетъ биться человѣкъ и сколько бы крови ни вытекло, не помретъ.

— Да она-жъ померла, Мертвую повечеру-то нашли. Дали знать, меня стали искать и розыскали ужъ къ ночи, въ банѣ... Вотъ ужъ четвертый годъ почитай здѣсь живу, прибавилъ онъ помолчавъ.

— Гм... Оно конечно коли не бить,—не будетъ добра! хладнокровно и методически замѣтилъ Черевинъ, опять вынимая рожокъ. Онъ началъ нюхать, долго и съ разстановкой.—Опять такъ тоже, парень, продолжалъ онъ,—выходишь ты самъ по себѣ очень глупъ. Я тоже эдакъ свою жену съ любовникомъ разъ засталъ. Такъ я ее зазвалъ въ сарай; поводъ сложилъ надвое, «Кому, говорю, присягаешь? Кому присягаешь?» Да ужъ дралъ ее, дралъ, поводомъ-то, дралъ-дралъ, часа полтора ее дралъ, такъ она мнѣ: «Ноги, кричитъ, твои буду мыть, да воду эту пить.» Овдотей звали ее.

Но вотъ уже и начало апрѣля, вотъ уже приближается и святая недѣля. Мало-помалу начинаютъ и лѣтнія работы. Солнце съ каждымъ днемъ все теплѣе и ярче; воздухъ пахнетъ весною и раздражительно дѣйствуетъ на организмъ. Наступающіе красные дни волнуютъ и закованнаго человѣка, рождаютъ и въ немъ какія-то желанія стремленія, тоску. Кажется еще сильнѣе грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучемъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ. Они какъ-будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая-то нетерпѣливость, порывчатость. Право я замѣтилъ, что весной какъ-будто чаще случались у насъ осторожныя ссоры. Чаще слышался шумъ, крикъ, галл, затѣвались исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось, подмѣтишь вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ въ синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верстъ, вольная киргизская степь; подмѣтишь чей-нибудь глубокій вздохъ, всей грудью, какъ-будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придавленную, закованную душу.—«Эхма!» говоритъ наконецъ арестантъ, и вдругъ, точно стряхнувъ съ себя мечты и раздумье, нетерпѣливо и угрюмо схватится за заступъ или за кирпичи, которые надо перетащить съ одного мѣста на другое. Черезъ минуту онъ уже и забываетъ свое внезапное ощущение и начинаетъ смѣяться или ругаться, судя по характеру; а то вдругъ съ необъясненнымъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ потребностью жаромъ схватится за рабочій урокъ, если онъ заданъ ему, и начинаетъ работать,—работать изо всѣхъ силъ, точно желая задавить въ себѣ тяжестью работы что-то такое, что само его тѣснитъ и давитъ изнутри. Все это народъ сильный, большею частью въ цвѣтъ лѣтъ и силъ... Тяжелы кандалы въ эту пору! Я не поэтизирую въ эту минуту и увѣренъ въ правдѣ моей замѣтки. Кромѣ того, что въ теплѣ, среди яркаго солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душою, всѣмъ существомъ своимъ воскресающую вокругъ себя съ необъятной силой природу, еще тяжело становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля;—кромѣ того, въ это весеннее время, по всей Сибири и по всей Россіи, съ первымъ жаворонкомъ, начинается бродяжество: бѣгутъ божьи люди изъ остроговъ и спасаются въ лѣсахъ. Послѣ душной ямы, послѣ судовъ, кандаловъ и палокъ, бродятъ они по всей своей волѣ, гдѣ захотятъ, гдѣ попригляднѣе и повальготнѣе; пьютъ и ѣдятъ гдѣ что удастся, что Богъ пошлетъ, а по ночамъ мирно засыпа-

ють гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ полѣ, безъ большой заботы, безъ тюремной тоски, какъ лѣсные птицы, прощаясь на ночь съ одними звѣздами небесными, подъ божимъ окомъ. Кто говоритъ! иногда и тяжело, и голодно; и изнурительно «служить у генерала Кукушкина» По цѣлымъ суткамъ иной разъ не приходится видѣть хлѣба; отъ всѣхъ надо прятаться, хорониться; приходится и воровать, и грабить, а иногда и зарѣзать. «Поселенецъ что младенецъ: на что взглянетъ, то и тянетъ», говорятъ въ Сибири про поселенцевъ. Это присловье во всей силѣ и даже съ нѣкоторой прибавкой можетъ быть приложено и къ бродягѣ. Бродяга рѣдко не разбойникъ и всегда почти воръ, разумѣется больше по необходимости, чѣмъ по призванію. Есть закоренѣлые бродяги. Бѣгутъ ине даже кончивши свои каторжные сроки, уже съ поселенія. Казалось бы и доволенъ онъ на поселеніи, и обезпеченъ, а нѣтъ! все куда-то тянетъ, куда-то отзываетъ его. Жизнь по лѣсамъ, жизнь бѣдная и ужасная, но вольная и полная приключеній, имѣетъ что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть для тѣхъ, кто уже разъ испыталъ ее, и смотришь—бѣжалъ человѣкъ, иной даже скромный, аккуратный, который уже общалъ сдѣлаться хорошимъ охотникомъ и дѣльнымъ хозяиномъ. Иной даже женится, заводитъ дѣтей, лѣтъ пять живетъ на одномъ мѣстѣ и вдругъ въ одно прекрасное утро, исчезаетъ куда-нибудь, оставляя въ недоумѣніи жену, дѣтей и всю волость, къ которой приписанъ. У насъ въ острогѣ мнѣ указывали на одного изъ такихъ бѣгуновъ. Онъ никакихъ особенныхъ преступленій не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, неслыхать было, чтобы говорили о немъ въ этомъ родѣ, а все бѣгалъ, всю жизнь свою пробѣгалъ. Бывалъ онъ и на южной русской границѣ за Дунаемъ, и въ киргизской степи, и въ восточной Сибири и на Кавказѣ,—ездѣ побывалъ. Кто знаетъ, можетъ-быть при другихъ обстоятельствахъ изъ него бы вышелъ какой-нибудь Робинзонъ Крузе съ его страстью путешествовать. Впрочемъ все это мнѣ объ немъ говорили другіе; самъ же онъ мало въ острогѣ разговаривалъ, и то развѣ промолвить что нибудь самое необходимое. Это былъ очень маленькій мужичонка, лѣтъ уже пятидесяти, чрезвычайно смирный, съ чрезвычайно спокойнымъ и даже тупымъ лицомъ, спокойнымъ до идиотства. Лѣтомъ онъ любилъ сидѣть на солнышкѣ и непремѣнно бывало мурлычить про себя какую-нибудь пѣсенку, но такъ тихо, что за пять шаговъ отъ него уже неслышно. Черты лица его были какія-то одеревенѣлыя; ѣлъ онъ мало, все больше хлѣбушка; никогда-то онъ не купилъ ни одного калача, ни шкалика вина; да врядъ ли у него и были когда-нибудь деньги; врядъ ли даже онъ умѣлъ и считать. Ко всему онъ относился совершенно спокойно. Осторожныхъ собачекъ иногда кормилъ изъ своихъ рукъ, а у насъ осторожныхъ собакъ никто не кормилъ, Да

русскій человѣкъ вообще не любитъ кормить собакъ. Говорятъ онъ былъ женатъ и даже раза два; говорили, что у него есть гдѣ-то дѣти... За что онъ попалъ въ острогъ,—совершенно не знаю. Наши все ждали, что онъ и отъ насъ улизнетъ; но или время его не пришло, или ужъ года ушли, но онъ жилъ-себѣ да поживалъ, какъ-то созерцательно относясь къ всей этой странной средѣ, окружавшей его. Впрочемъ положиться было нельзя; хотя казалось бы и зачѣмъ ему было бѣжать, что за выигрышъ? А между тѣмъ все-таки, въ цѣломъ, лѣсная, бродячая жизнь—рай передъ острожной. Это такъ понятно, да и не можетъ быть никакого сравненія. Хотя и тяжелая доля, да все своя воля. Вотъ почему всякой арестантъ на Руси, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, становится какъ-то безпеченъ весною, съ первыми привѣтными лучами весенняго солнца. Хотя и далеко не всякій намѣренъ бѣжать: положительно можно сказать, что рѣшается на это, по трудности и по отвѣтственности, изъ сотни одинъ; но зато остальные девяносто девять хоть помечтаютъ о томъ, какъ бы можно было бѣжать и куда бы это бѣжать; хоть душу себѣ отведутъ на одномъ желаніи, на одномъ представленіи возможности. Иной хоть припомнитъ, какъ онъ прежде когда-то бѣгалъ... Я говорю теперь только о рѣшенныхъ. Но разумѣется гораздо чаще и всѣхъ больше рѣшаются на побѣги изъ подсудимыхъ. Рѣшенные же на срокъ только развѣ бѣгаютъ въ началѣ своего арестантства. Отбывъ же два-три года каторги, арестантъ уже начинаетъ цѣнить эти годы, и мало-по-малу соглашается про себя лучше ужъ закончить законнымъ образомъ свой рабочей терминъ и выйти на поселеніе, чѣмъ рѣшиться на такой рискъ и на такую гибель въ случаѣ неудачи. А неудача такъ возможна. Только развѣ десятому удастся *перемѣнить свою участь*. Изъ рѣшенныхъ рискуютъ тоже чаще другихъ бѣжать осужденные на слишкомъ долгіе сроки. Пятнадцать-двадцать лѣтъ кажутся безконечностью и рѣшенный на такой срокъ постоянно готовъ помечтать о перемѣнѣ участи, хотя бы десять лѣтъ уже отбылъ въ каторгѣ. Наконецъ и клеймы отчасти мѣшаютъ рисковать на побѣгъ. *Перемѣнить же участь*—техническій терминъ. Такъ и на допросахъ, если уличать въ побѣгъ, арестантъ отвѣчаетъ, что онъ хотѣлъ перемѣнить свою участь. Это немного книжное выраженіе буквально приложимо къ этому дѣлу. Всякій бѣгунъ имѣетъ въ виду нето-что освободиться совсѣмъ,—онъ знаетъ, что это почти невозможно,—но, или попасть въ другое заведеніе, или угодить на поселеніе, или судиться вновь, по новому преступленію, совершенному уже по бродячеству,—однимъ словомъ куда угодно, только-бы не на старое, надоевшее ему мѣсто, не въ прежній острогъ. Всѣ эти бѣгуны, если не найдутъ себѣ въпродолженіе лѣта какого-нибудь случайнаго, необыкновеннаго мѣста, гдѣ бы перезимовать,—если напимѣръ не наткнутся на ка-

кого-нибудь укрывателя бѣглыхъ, которому въ этомъ выгода; если наконецъ не добудутъ себѣ, иногда черезъ убійство, какого-нибудь паспорта, съ которымъ можно вездѣ прожить,—всѣ они къ осени, если ихъ не изловятъ предварительно, большею частію сами являются густыми толпами въ города и въ остроги, въ качествѣ бродягъ, и садятся въ тюрьмы зимовать, конечно не безъ надежды бѣжать опять лѣтомъ.

Весна дѣйствовала и на меня своимъ вліяніемъ. Помню, какъ я съ жадностью смотрѣлъ иногда сквозь щели палъ и подолгу стоялъ бывало прислонившись головой къ нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь какъ зеленѣетъ трава на нашемъ крѣпостномъ валѣ, какъ все гуще и гуще синѣетъ далекое небо. Безпокойство и тоска моя росли съ каждымъ днемъ и острогъ становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Ненависть, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ. Въ эти первые годы я часто уходилъ безо всякой болѣзни, лежать въ госпиталь, единственно для того, чтобы не быть въ острогѣ, чтобы только избавиться отъ этой упорной, ничѣмъ несмиримой всеобщей ненависти. «Вы—желѣзные носы, вы насъ заклевали!» говорили намъ арестанты, и какъ я завидовалъ бывало простонародью, приходившему въ острогъ! Тѣ сразу дѣлались со всѣми товарищами. И потому весна, призракъ свободы, всеобщее веселье въ природѣ, сказывалась на мнѣ какъ-то тоже грустно и раздражительно. Въ концѣ поста, кажется на шестой недѣлѣ, мнѣ пришлось говѣть. Весь острогъ, еще съ первой недѣли, раздѣленъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ на семь смѣнъ, по числу недѣль поста, для говѣнія. Въ каждой смѣнѣ оказалось такимъ образомъ человѣкъ по тридцати. Недѣля говѣнья мнѣ очень понравилась. Говѣвшіе освобождались отъ работъ. Мы ходили въ церковь, которая была неподалеку отъ острога, раза по два и по три въ день. Я давно не былъ въ церкви. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства, въ родительскомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны,—все это расшевеливало въ душѣ моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатлѣнія еще дѣтскихъ лѣтъ, и помню, мнѣ очень пріятно было, когда бывало утромъ, по подмерзшей заночъ землѣ насъ водили подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ божій домъ. Конвой впрочемъ не входилъ въ церковь. Въ церкви мы становились тѣсною кучей у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ что слышно было только развѣ голосистаго дьякона, да изрѣдка изъ-за толпы примѣтнѣе черную ризу да лысину священника. Я припоминалъ, какъ бывало еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подбострастно разступавшійся передъ густымъ эпо-

летомъ, передъ толстымъ бариномъ, или передъ разфуфыренной, но чрезвычайно богомольной барыней, которые непременно проходили на первыя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ-за перваго мѣста. Тамъ у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ какъ у насъ; молились смиренно, ревностно, земно, и съ какимъ-то полнымъ сознаниемъ своей приниженности.

Теперь я мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ, даже и не на этихъ; мы были закованные и ошельмованные; отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи. «Пусть же коли такъ!» думалъ я. Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копѣйку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: «Тоже вѣдь и я человѣкъ», можетъ быть думалъ онъ или чувствовалъ, подавая: «передъ Богомъ-то всѣ равны»... Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «...но яко разбойника помини мя»,—почти всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется принявъ эти слова буквально на свой счетъ.

Но вотъ пришла и святая. Отъ начальства вышло намъ по одному яйцу и по ломту пшеничнаго сдобнаго хлѣба. Изъ города опять завалили острогъ подаліемъ. Опять посѣщеніе съ крестомъ священника, опять посѣщеніе начальства, опять жирныя щипы, опять пьянство и шатанье, — все точь-вточь какъ и на Рождествѣ, съ тою разницею, что теперь можно было гулять на дворѣ острога и грѣться на солнышкѣ. Было какъ-то свѣтлѣе, просторнѣе чѣмъ зимой, но какъ-то тоскливѣе. Длинный, безконечный лѣтній день становился какъ-то особенно невыносимъ на праздникахъ. Въ будни по крайней мѣрѣ сокращался день работою.

Лѣтнія работы дѣйствительно оказались гораздо труднѣе зимнихъ. Работы шли все больше по инженернымъ постройкамъ. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другіе изъ нихъ занимались слесарною, столярною или малярною частію при ремонтныхъ исправленіяхъ казенныхъ домовъ. Третьи ходили въ заводъ дѣлать кирпичи. Эта послѣдняя работа считалась у насъ самою тяжелою. Кирпичный заводъ находился отъ крѣпости верстахъ въ трехъ или четырехъ. Каждый день въ продолженіи лѣта, утромъ часовъ въ шесть отправлялась цѣлая партія арестантовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, для дѣланія кирпичей. На эту работу выбирали чернорабочихъ, то есть не мастеровыхъ и не принадлежащихъ къ какому-нибудь мастерству. Они брали съ собою хлѣба, потому что за дальностію мѣста невыгодно было приходить домой обѣдать и такимъ образомъ дѣлать верстъ восемь лишнихъ, и обѣдали уже ве-

черомъ, возвратясь въ острогъ. Урокъ же задавался на весь день и такой, что развѣ въ цѣлый рабочий день арестантъ могъ съ нимъ справиться. Во-первыхъ надо было накопать и вывести глину, наносить самому воду, самому вытоптать глину въ глиняной амѣ и наконецъ-то сдѣлать изъ нея что-то очень много кирпичей, кажется сотни двѣ, чуть ли даже не двѣ съ половиной. Я всего только два раза ходилъ въ заводъ. Возвращались заводскіе уже вечеромъ, усталые, измученные, и постоянно цѣлое лѣто попрекали другихъ тѣмъ, что они дѣлаютъ самую трудную работу. Это было кажется ихъ утѣшеніемъ. Не смотря на то иныя ходили туда даже съ нѣкоторою охотою: во-первыхъ дѣло было за городомъ; мѣсто было открытое, привольное, на берегу Иртыша. Все-таки поглядѣть кругомъ отраднѣе; не крѣпостная казенщина! Можно было и покурить свободно, и даже полежать съ полчаса съ большимъ удовольствіемъ. Я же или по прежнему ходилъ въ матерскую, или на алебастръ, или наконецъ упогреблялся въ качествѣ подносчика кирпичей при постройкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось однажды перетаскивать кирпичи съ берегу Иртыша къ строившейся казармѣ саженъ на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ, и работа эта продолжалась мѣсяца два сряду. Мнѣ она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ видимо развивалась сила. Сначала я могъ таскать только по восьми кирпичей, а въ каждомъ кирпичѣ было по двѣнадцати фунтовъ. Но потомъ я дошелъ до двѣнадцати и до пятнадцати кирпичей, и это меня очень радовало. Физическая сила въ каторгѣ нужна не менѣе нравственной для перенесенія всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ этой проклятой жизни.

А я еще хотѣлъ жить и послѣ острога...

Я впрочемъ любилъ таскать кирпичи, не за то только, что отъ этой работы укрѣпляется тѣло, а за то, что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому такъ часто говорю объ этомъ берегу, что единственно только съ него и былъ видѣнъ міръ божій, чистая, ясная даль, незаселенныя волыныя степи, производившія на меня странное впечатлѣніе своею пустынностью. На берегу только и можно было стать къ крѣпости задомъ и не видать ее. Всѣ прочія мѣста нашихъ работъ были въ крѣпости или подлѣ нея. Съ самыхъ первыхъ дней я возненавидѣлъ эту крѣпость и особенно иныя зданія. Домъ нашего плацъ-майора казался мнѣ какимъ-то проклятымъ, отвратительнымъ мѣстомъ, и я каждый разъ съ ненавистью глядѣлъ на него, когда проходилъ мимо. На берегу же можно было забыться: смотришь бывало въ этотъ необъятный, пустынный просторъ точно заключенный изъ окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонномъ синемъ небѣ, и да-

лекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всматриваешься долго и разглядишь наконецъ какую нибудь бѣдную обкуренную юрту какого нибудь байгуша; разглядишь дымокъ у юрты, киргизку, которая о чемъ-то тамъ хлопочетъ съ своими двумя баранами. Все это бѣдно и дико, но свободно. Разглядишь какую нибудь птицу въ синемъ, прозрачномъ воздухѣ и долго, упорно слѣдишь за ея полетомъ: вонъ она всполоснулась надъ водой, вонъ исчезла въ синевѣ, вонъ опять показалась чуть мелькающей точкой... Даже бѣдный, чахлый цвѣтокъ, который я нашелъ рано весной въ разсѣлинѣ каменстаго берега, и тотъ какъ-то болѣзненно остановилъ мое вниманіе. Тоска всего этого перваго года каторги была нестерпимая и дѣйствовала на меня раздражительно, горько. Въ этотъ первый годъ, отъ этой тоски я многого не замѣчалъ кругомъ себя. Я закрывалъ глаза и не хотѣлъ всматриваться. Среди злыхъ, ненавистныхъ моихъ товарищей-каторжниковъ я не замѣчалъ хорошихъ людей, людей способныхъ и мыслить и чувствовать, не смотря на всю отвратительную кору, покрывавшую ихъ съ наружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безъ всякихъ видовъ, а не рѣдко прямо изъ души, можетъ быть болѣе меня пострадавшей и вынесшей. Но къ чему распространяться объ этомъ? Я чрезвычайно былъ радъ, если приходилось сильно устать, воротившись домой: авось засну! Потому что спать было у насъ лѣтомъ мученье, чуть ли еще не хуже чѣмъ зимой. Вечера правда были иногда очень хороши. Солнце, пѣлый день не сходявшее съ острожнаго двора, наконецъ закатывалось. Наступала прохлада, а за ней почти холодная (говоря сравнительно), степная ночь. Арестанты, въ ожиданіи какъ запрутъ ихъ, толпами ходятъ болѣе по двору. Главная масса толпится правда болѣе на кухнѣ. Тамъ всегда подымается какой нибудь насущный острожный вопросъ, толкуется о томъ о семъ, разбирается иногда какой нибудь слухъ, часто нелѣпый, но возбуждающій необыкновенное вниманіе этихъ отрѣшенныхъ отъ міра людей; то напримѣръ пришло извѣстіе, что нашего плацъ-майора сгоняютъ долой. Арестанты легковѣрны какъ дѣти; сами знаютъ, что извѣстіе — вздоръ, что принесъ его извѣстный болтунъ и «нелѣпый» человекъ — арестантъ Квасовъ, которому уже давно положили не вѣрить и который что ни слово, то вреть, — а между тѣмъ всѣ схватываются за извѣстіе, судятъ, рядятъ, сами себя тѣшатъ, а кончится тѣмъ, что сами на себя разсердятся, самими за себя стыдно станетъ, что повѣрили Квасову.

— Да кто же его сгонитъ! кричатъ одинъ: — небось, шея толста, сдюжить!

— Да вѣдь и надъ нимъ чай старшіе есть! возражаетъ другой, горячій и не глупый малый, видавшій виды, но спорщикъ, какихъ свѣтъ не производитъ.

— Воронъ ворону глазъ не выклюетъ! угрюмо, словно про себя замѣчаетъ третій, уже сѣдой чело­вѣкъ, одиноко дождающій въ углу свои щи.

— А старшіе-то небось тебя придуть спраши­ваться — смѣнить его али нѣтъ? прибавляетъ равнодушно четвертый, слегка тренькая на бала­лайкѣ.

— А почему жъ не меня? съ яростію возра­жаетъ второй: — значить вся бѣдность проситъ, всѣ тогда заявляютъ, коли начнутъ опрашивать. А то у насъ небось кричатъ, а къ дѣлу дойдетъ, такъ и на попятный!

— А ты думалъ какъ? говорить балалаечникъ. — На то каторга.

— Анамеднись, продолжаетъ не слушая и въ горячкѣ спорщикъ, — муки оставалось. Поскребки собрали, самыя что ни есть слезы значить; по­слали продать. Нѣтъ, узналъ; артельщикъ до­несъ; отобрали; экономія значить. Справедливо аль нѣтъ?

— Да ты кому хочешь жаловаться?

— Кому! Да самому левизору, что ѣдетъ.

— Какому такому левизору?

— Это правда, братцы, что ѣдетъ левизоръ, говоритъ молодой, разбитной парень, грамотный, изъ писарей и читавшій «Герцогиню Лавальеръ» или что-то въ этомъ родѣ. Онъ вѣчно веселый и потѣшникъ, но за нѣкоторое знаніе дѣлъ и по­тертость его уважаютъ. Необращая вниманія на возбужденное всеобщее любопытство о будущемъ ревизорѣ, онъ прямо идетъ къ стряпкѣ, то есть къ повару, и спрашиваетъ у него печенки. Наши стряпки часто чѣмъ нибудь торговали въ этомъ родѣ. Купятъ напримѣръ на свои деньги большой кусокъ печенки, зажарятъ и продаютъ по мелочи арестантамъ.

— На грошъ, али на два? спрашиваетъ стряпка.

— Рѣжь на два: пускай люди завидуютъ! от­вѣчаетъ арестантъ. — Генералъ, братцы, генералъ такой изъ Петербурга ѣдетъ, всю Сибирь осма­тривать будетъ. Это вѣрно. У комендантскихъ сказывали.

Извѣстіе производитъ необыкновенное волненіе. Съ четверть часа идутъ разспросы: кто именно, какой генералъ, какого чину, и старше ли здѣш­нихъ генераловъ? О чинахъ, начальникахъ, кто изъ нихъ старше, кто кого можетъ согнуть и кто самъ изъ нихъ согнется, ужасно любятъ разгова­ривать арестанты, даже спорить и ругаются за генераловъ, чуть не до драки. Казалось бы что тутъ за выгода? Но подробнымъ знаніемъ генера­ловъ и вообще начальства измѣряется и степень познаній, толковитости и прежняго, до-острожнаго значенія чело­вѣка въ обществѣ. Вообще разго­воръ о высшемъ начальствѣ считается самымъ изящнымъ и важнымъ разговоромъ въ острогѣ.

— Значить и взаправду выходитъ, братцы, что маіора-то смѣнять ѣдутъ, замѣчаетъ Квасовъ, ма­ленькій красненькій чело­вѣчекъ, горячій и край-

не безтолковый. Онъ-то первый и принесъ извѣ­стіе о маіорѣ.

— Задарить! отрывисто возражаетъ угрюмый сѣдой арестантъ, уже управившійся со шами.

— А и то задарить, говоритъ другой. — Мало онъ денегъ-то награбилъ! До насъ еще батальон­нымъ былъ. Анамеднись на протопоповской доче­ри жениться хотѣлъ.

— Да вѣдь не женился: дверь указали; бѣденъ значить. Какой онъ женихъ! Всталъ со стула—и все съ нимъ. О Святой все на картахъ продуть. Оедька сказывалъ.

— Да; мальчкѣ не мотъ а деньгамъ переводъ.

— Эхъ братъ, вотъ и я женатъ былъ. Плохо жениться бѣдному: женись, а и ночь коротка! за­мѣчаетъ Скуратовъ, подвернувшійся тутъ же къ разговору.

— Какже! объ тебѣ тутъ и рѣчь, замѣчаетъ развязный парень изъ писарей. — А ты, Квасовъ, скажу я тебѣ, большой дуракъ. Неужли-жъ ты ду­маешь, что такого генерала маіоръ задарить, и что такой генералъ будетъ нарочно изъ Петер­бурга ѣхать, чтобъ маіора ревизовать? Глупъ же ты, парень, вотъ что скажу.

— А чтожъ? ужъ коли онъ генералъ, такъ и не возьметъ что ли? скептически замѣтили кто-то изъ толпы.

— Знамо дѣло не возьметъ, а возьметъ такъ ужъ толсто возьметъ.

— Вѣстимо толсто; по чину.

— Генералъ всегда возьметъ, рѣшительно за­часть Квасовъ.

— Ты что ли давалъ ему? съ презрѣніемъ го­воритъ вдругъ вошедшій Баклушинъ. — Да ты и генерала-то врядъ ли когда видалъ?

— Алъ видалъ?

— Врешь.

— Самъ соври.

— Ребята, коли онъ видалъ, пусть сейчасъ при всѣхъ говоритъ, какого онъ знаетъ генерала? Ну говори, потому я всѣхъ генераловъ знаю.

— Я генерала Зиберта видѣлъ, какъ-то нерѣ­шительно отвѣчаетъ Квасовъ.

— Зиберта? Такого и генерала нѣтъ. Знать въ спину онъ тебѣ заглянулъ. Зибертъ-то, тогда мо­жетъ еще только подполковникомъ былъ, а тебѣ со страху и показалось, что генералъ.

— Нѣтъ, вы меня послушайте, кричитъ Скура­товъ, — потому я женатый чело­вѣкъ! Генералъ та­кой дѣйствительно былъ на Москвѣ, Зибертъ, изъ пѣмцевъ, а русской. У русскаго попа кажинный годъ исповѣдывался о госпожникахъ, и все, брат­цы, онъ воду пилъ словно утка! Кажинный день сорокъ стакановъ московской воды выпивалъ. Это, сказывали, онъ отъ какой-то болѣзни водой лечился; мнѣ самъ его камардинъ сказывалъ.

— Въ брюхѣ-то съ воды-то небось караси за­велись? замѣчаетъ арестантъ съ балалайкой.

— Ну полно вамъ! Тутъ о дѣлѣ идетъ, а они... Какой же это левизоръ братцы? заботливо замѣ-

часть одинъ суетливый арестантъ, Мартыновъ, старикъ изъ военныхъ, бывший гусарь.

— Вѣдь вотъ вретъ народъ! замѣчаетъ одинъ изъ скептиковъ. — И откуда что берутъ и во что кладутъ? А и все-то вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ! догматически замѣчаетъ Куликовъ, до сихъ поръ величаво молчавшій. Это парень съ вѣсомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, чрезвычайно благообразнаго лица и съ какой-то презрительно величавой манерой. Онъ сознаетъ это и этимъ гордится. Онъ отчасти цыганъ, ветеринаръ, добываетъ по городу деньги за леченіе лошадей, а у насъ въ острогѣ торгуетъ виномъ. Малый онъ умный и много видывалъ. Слова роняетъ какъ будто рублемъ дарить.

— Это взаправду, братцы, спокойно продолжаетъ онъ: — я еще на прошлой недѣлѣ слышалъ; ѣдетъ генераль изъ очень важныхъ, будетъ всю Сибирь ревизовать. Дѣло знакомое, задарятъ и его, да только не нашъ восьмиглазый: онъ и сунуться къ нему не посмѣетъ. Генераль генералу розь, братцы. Всякіе бывають. Только я вамъ говорю, нашъ маіоръ при всякомъ случаѣ на теперешнемъ мѣстѣ останется. Это вѣрно. Мы народъ безъ языка, а изъ начальства свои на своего же доносить не стануть. Ревизоръ поглядитъ въ острогъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ, и донесетъ, что все хорошо нахель...

— То-то братцы, а маіоръ-то струсилъ: вѣдь съ утра пьянъ.

— А вечеромъ другую фуру везетъ. Ѣедка сказывалъ.

— Чернаго кобеля не отмоешь до бѣла. Впервой чтоль онъ пьянъ.

— Нѣтъ, это ужъ чтоже, если и генераль ничего не сдѣлаетъ! Нѣтъ ужъ полно ихнимъ дурачествамъ подражать! волнуясь говорить промежь себя арестанты.

Вѣсть о ревизорѣ мигомъ разносится по острогу. По двору бродятъ люди и нетерпѣливо передаютъ другъ другу извѣстіе. Другіе нарочно молчатъ, сохраняя свое хладнокровіе и тѣмъ видимо стараются придать себѣ больше важности. Третьи остаются равнодушными. На казарменныхъ крылечкахъ разсаживаются арестанты съ балабайками. Иные продолжаютъ болтать. Другіе затягиваютъ пѣсни, но вообще всѣ въ этотъ вечеръ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи.

Часу въ десятомъ у насъ всѣхъ сосчитывали, загоняли по казармамъ и запирали на ночь. Ночи были короткія; будили въ пятомъ часу утра, насыпали же всѣ никакъ не раньше одиннадцати. До тѣхъ поръ всегда бывало идетъ еще суетня, разговоры, а иногда, какъ и зимой, бывають и майданы. Ночью наступаетъ нестерпимый жаръ и духота. Хотя и обдаетъ ночнымъ холодкомъ изъ окна съ поднятой рамой, но арестанты мечутся на своихъ нарахъ всю ночь, словно въ бреду. Блохи кишатъ міриадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но

начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но не испытывавъ на дѣлѣ не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки тяжело достается. До того бывало измучають, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь. Наконецъ, когда передъ самымъ утромъ утомонятся наконецъ и блохи, словно замрутъ, и когда подъ утреннимъ холодкомъ какъ будто дѣйствительно сладко заснешь, — раздается вдругъ безжалостный трескъ барабана у острожныхъ воротъ и начинается зорь. Съ проклятіемъ слушаешь, закутываясь въ полушубокъ, громкіе, отчетливые звуки, словно считаешь ихъ, а между тѣмъ сквозь сонъ лѣзетъ въ голову нестерпимая мысль, что такъ будетъ и завтра, и послѣ завтра, и нѣсколько лѣтъ сряду, вплоть до самой свободы. Да когда-жъ это, думаешь, эта свобода и гдѣ она? А между тѣмъ надо просыпаться; начинается обыденная ходьба, толкотня... Люди одѣваются, спѣшатъ на работу. Правда можно было заснуть съ часъ еще въ полдень.

О ревизорѣ сказали правду. Слухи съ каждымъ днемъ подтверждались все болѣе и болѣе, и наконецъ всѣ узнали уже навѣрно, что ѣдетъ изъ Петербурга одинъ важный генераль ревизовать всю Сибирь, что онъ ужъ пріѣхалъ, что онъ ужъ въ Тобольскѣ. Каждый день новыя слухи приходили въ острогъ. Приходили вѣсти и изъ города: слышно было, что всѣ трусятъ, хлопочутъ, хотятъ товаръ лицомъ показать. Толковали, что у вышаго начальства готовятъ приемы, балы, праздники. Арестантовъ высылали цѣлыми кучами ровнять улицы въ крѣпости, срывать кочки, подкрашивать заборы и столбики, подштукатуривать, подмазывать, однимъ словомъ хотѣли въ одинъ мигъ все исправить, что надо было лицомъ показать. Наши понимали очень хорошо это дѣло и все горячѣй и задорнѣе толковали между собою. Фантазія ихъ доходила до колоссальныхъ размѣровъ. Собирались даже показать претензію, когда генераль станетъ спрашивать о довольствѣ. А между тѣмъ спорили и бранились между собою. Плацъ-маіоръ былъ въ волненіи. Чаще наѣзжалъ въ острогъ, чаще кричалъ, чаще кидался на людей, чаще забиралъ народъ въ кордегардію и усиленно смотрѣлъ за чистотой и благообразіемъ. Въ это время, какъ нарочно, случилась въ острогѣ одна маленькая исторія, которая впрочемъ вовсе не взволновала маіора, какъ бы можно было ожидать, а напротивъ даже доставила ему удовольствіе. Одинъ арестантъ въ дракѣ пырнулъ другаго пинломъ въ грудь, почти подъ самое сердце.

Арестантъ, совершившій преступленіе, назывался Ломовъ; получившаго рану звали у насъ Гаврилкой; онъ былъ изъ закоренѣлыхъ бродягъ. Не помню было ли у него другое прозваніе; звали его у насъ всегда Гаврилкой.

Ломовъ былъ изъ зажиточныхъ т-хъ крестьянъ, к-скаго уѣзда. Всѣ Ломовы жили семьею: старикъ-отецъ, три сына и дядя ихъ, Ломовъ. Мужики они были богатые. Говорили по всей губерніи, что у нихъ было до трехсотъ тысячъ ассигнаціями капитала. Они пахали, выдѣлывали кожи, торговали, но болѣе занимались ростовщичествомъ, укрывательствомъ бродягъ и краденаго имущества и прочими художествами. Крестьяне на полъ-уѣзда были у нихъ въ долгахъ, находились у нихъ въ кабалѣ. Мужиками они слыли умными и хитрыми, но наконецъ зачванились, особенно когда одно очень важное лицо въ тамошнемъ краѣ сталъ у нихъ останавливаться по дорогѣ, познакомился съ старикомъ лично и полюбилъ его за смѣтливость и оборотливость. Они вдругъ вздумали, что на нихъ ужъ болѣе нѣтъ управы и стали все сильнѣе и сильнѣе рисковать въ разныхъ незаконныхъ предпріятіяхъ. Всѣ роптали на нихъ; всѣ желали имъ провалиться сквозь землю; но они задирали носъ все выше и выше. Исправники, засѣдатели стали имъ уже нипочемъ. Наконецъ они свихнулись и погибли, но не за худое, не за тайныя преступленія свои, а за напраслину. У нихъ былъ верстахъ въ десяти отъ деревни большой хуторъ, по-сибирски заимка. Тамъ однажды проживало у нихъ подѣ осень человекъ шесть работниковъ-киргизовъ, закабаленныхъ съ давняго времени. Въ одну ночь всѣ эти киргизы-работники были перерѣзаны. Началось дѣло. Оно продолжалось долго. При дѣлѣ раскрылось много другихъ нехорошихъ вещей. Ломовы были обвинены въ умерщвленіи своихъ работниковъ. Сами они такъ рассказывали и весь острогъ это зналъ: ихъ заподозрили въ томъ, что они слишкомъ много задолажали работникамъ, а такъ какъ не смотря на свое большое состояніе были скупы и жадны, то и перерѣзали киргизовъ, чтобы не платить имъ долгу. Во время слѣдствія и суда все состояніе ихъ пошло прахомъ. Старикъ умеръ. Дѣти были разсланы. Одинъ изъ сыновей и его дядя попали въ нашу каторгу на двѣнадцать лѣтъ. И что же? Они были совершенно невинны въ смерти киргизовъ. Тутъ-же, въ острогѣ объявился потомъ Гаврилка, извѣстный плутъ и бродяга, малый веселый и бойкій, который бралъ все это дѣло на себя. Не слыхалъ я впрочемъ, признавался-ль онъ въ этомъ самъ, но весь острогъ былъ убѣжденъ совершенно, что киргизы его рукъ не миновали. Гаврилка съ Ломовыми еще бродягой имѣлъ дѣло. Онъ пришелъ въ острогъ на короткій срокъ, какъ бѣглый солдатъ и бродяга. Киргизовъ онъ зарѣзалъ вмѣстѣ съ тремя другими бродягами; они думали сильно поживиться и пограбить въ заимкѣ.

Ломовыхъ у насъ не любили, незнаю за что. Одинъ изъ нихъ, племянникъ, былъ молодецъ, умный малый и уживчиваго характера; но дядя его, пырнувшій Гаврилку шиломъ, былъ глупый и вздорный мужикъ. Онъ со многими еще допрежъ того ссорился и его порядочно бивали. Гаврилку всѣ любили за веселый и складной характеръ. Хотя Ло-

мовы и знали, что онъ преступникъ и они за его дѣло пришли, но съ нимъ не ссорились; никогда впрочемъ и не сходились; да и онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. И вдругъ вышла ссора у него съ дядей Ломовымъ за одну противнѣйшую дѣвку. Гаврилка сталъ хвалиться ея благосклонностью; мужикъ сталъ ревновать, и въ одинъ прекрасный полдень пырнулъ его шиломъ.

Ломовы хоть и разорились подѣ судомъ, но жили въ острогѣ богачами. У нихъ видимо были деньги. Они держали самоваръ, пили чай. Нашъ маіоръ зналъ объ этомъ и ненавидѣлъ обоихъ Ломовыхъ до послѣдней крайности. Онъ видимо для всѣхъ придирался къ нимъ и вообще добирался до нихъ. Ломовы объяснили это маіорскимъ желаніемъ взять съ нихъ взятку. Но взятку они не давали.

Конечно, еслибъ Ломовъ хоть немного дальше просунулъ шило, онъ убилъ-бы Гаврилку. Но дѣло кончилось рѣшительно только одной царапиной. Доложили маіору. Я помню какъ онъ прискакалъ запыхавшись и видимо довольный. Онъ удивительно ласково, тоно съ роднымъ сыномъ обошелся съ Гаврилкой.

— Что, дружокъ, можешь въ госпиталь такъ пойти, али нѣтъ? Нѣтъ ужъ лучше ему лошадь запретъ. Запретъ сейчасъ лошадь! закричалъ онъ впопыхахъ унтеръ-офицеру.

— Да я, ваше высокоблагородіе, ничего не чувствую. Онъ только слегка покололъ, ваше высокоблагородіе.

— Ты незнаешь, ты незнаешь, мой милый; вотъ увидишь... Мѣсто опасное; все отъ мѣста зависитъ; подѣ самое сердце угодилъ, разбойникъ! А тебя, я тебя, заревѣлъ онъ, обращаясь къ Ломову, — ну теперь я до тебя доберусь!.. Въ кордегардію!

И дѣйствительно добрался. Ломова судили, и хоть рана оказалась самымъ легкимъ поклономъ, но намѣреніе было очевидное. Преступнику набавили рабочаго срока и провели сквозъ тысячу. Маіоръ былъ совершенно доволенъ...

Наконецъ прибылъ и ревизоръ.

На второй-же день по прибытіи въ городъ онъ пріѣхалъ и къ намъ въ острогъ. Дѣло было въ праздникъ. Еще за нѣсколько дней у насъ было все вымыто, выглажено, вылизано. Арестанты выбриты заново. Плате на нихъ было бѣлое, чистое. Лѣтомъ всѣ ходили, по положенію, въ полотняныхъ бѣлыхъ курткахъ и панталонахъ. На спинѣ у каждаго былъ шитъ черный кругъ, вершка два въ діаметрѣ. Цѣлый часъ учили арестантовъ какъ отвѣчать, если на случай высокое лицо поздороуется. Пронзводились репетиціи. Маіоръ суетился какъ угорѣлый. За часъ до появленія генерала всѣ стояли по своимъ мѣстамъ, какъ истуканы, и держали руки по швамъ. Наконецъ въ часъ пополудни генералъ пріѣхалъ. Это былъ важный генералъ, такой важный, что кажется начальственные сердца должны были дрогнуть по всей западной Сибири съ его прибытіемъ. Онъ вошелъ сурово и величаво; за нимъ ввалилась большая свита сопровождав-

наго его мѣстнаго пачальства; нѣсколько генераловъ, полковниковъ. Былъ одинъ штатскій, высокій и красивый господинъ во фракъ и башмакахъ, прїѣхавшій тоже изъ Петербурга и державшій себя чрезвычайно непринужденно и независимо. Генералъ часто обращался къ нему и весьма вѣжливо. Это необыкновенно заштриговало арестантовъ: штатскій, а такой почетъ, и еще отъ такого генерала! Впослѣдствіи узнали его фамилію и кто онъ такой, но толковъ было множество. Нашъ майоръ, затянутый, съ оранжевымъ воротникомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровымъ угриватымъ лицомъ, кажется не произвелъ на генерала особенно прїятнаго впечатлѣнія. Изъ особеннаго уваженія къ высокому посѣтителю онъ былъ безъ очковъ. Онъ стоялъ поодаль, вытянутый въ струнку, и всѣмъ существомъ своимъ лихорадочно выжидалъ мгновенія на что-нибудь понадобится, чтобъ лѣтъ исполнять желанія его превосходительства. Но онъ ни на что не понадобился. Молча обошелъ генералъ казармы, заглянулъ и на кухню, кажется попробовалъ кѣсь. Ему указали меня: такъ и такъ дескать, изъ дворянъ.

— А! отвѣчалъ генералъ.—А какъ онъ теперь ведетъ себя?

— Покажѣте удовлетворительно, ваше превосходительство, отвѣчали ему.

Генералъ кивнулъ головою и мигнулъ черезъ двѣ вышелъ изъ острога. Арестанты конечно были ослѣплены и озадачены, но все-таки остались въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Ни о какой претензіи на майора разумѣется не могло быть и рѣчи. Да и майоръ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ еще заранѣе.

XVII.

КАТОРЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Покупка Гнѣдка, случившаяся вскорѣ въ острогѣ, заняла и развлекла арестантовъ гораздо прїятнѣе высокаго посѣщенія. Въ острогѣ у насъ полагалась лошадь для привоза воды, для вывоза нечистотъ и проч. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и пдохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили. Бывшіе у насъ оставшіе кавалеристы, цыгане, ветеринары и проч. выказали при этомъ даже много особенныхъ познаній по лошадиной части, даже поругались между собою, но гнѣдка не воскресилъ. Онъ лежалъ мертвый, со вздутымъ брюхомъ, въ которое, всѣ считали обязанностью потыкать пальцемъ; доложили

майору о приключившейся волѣ Божіей и онъ рѣшилъ, чтобъ немедленно была куплена новая лошадь. Въ самый Петровъ день, поутру, послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собою разумѣется, что преноручить покупку слѣдовало самимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки и падутъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, только этимъ прежде занимавшимся, было трудно. Явились киргизы, барышники, цыгане, мѣщане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ *своего* кармана покупаютъ *себѣ* лошадь и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено пока покончили дѣло на четвертомъ. Входившіе барышники съ нѣкоторымъ изумленіемъ и какъ бы робостью осматривались кругомъ и даже изрѣдка оглядывались на конвойныхъ, вводившихъ ихъ. Двухсотенная ватага такого народу, брѣтая, проклейменная, въ цѣпяхъ и у себя дома, въ своемъ каторжномъ гнѣздѣ, за порогъ котораго никто не переступаетъ, внушала къ себѣ своего рода уваженіе. Наши же истощались въ разныхъ хитростяхъ при испытаніи каждаго приводимаго коня. Куда-куда они ему не заглядывали, что у него не ощущали и въ добавокъ съ такимъ дѣловымъ, съ такимъ серьезнымъ и хлопотливымъ видомъ, какъ-будто отъ этого зависѣло благосостояніе острога. Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчїи, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносими лицами. Иной изъ русскихъ такъ и прикуется всѣмъ вниманіемъ къ ихъ спору, точно въ глаза къ нимъ вскочить хочетъ. Словъ-то непонимаетъ, такъ хочетъ хоть по выраженію глазъ догадаться, какъ рѣшилъ: годится ли конь или нѣтъ? И даже страшнымъ показалось бы такое судорожное вниманіе иному постороннему наблюдателю. О чемъ бы кажется тутъ такъ особенно хлопотать иному арестанту и арестанту-то какому-нибудь такъ-себѣ, смѣренному, забитому, который даже передъ инымъ изъ своихъ же арестантовъ пикнуть не смѣетъ? Точно онъ самъ для себя покупалъ лошадь, точно и въ самомъ дѣлѣ для него не все равно было, какая ни купится. Кромѣ черкесовъ наиболѣе отличались бывшіе цыгане и барышники: имъ уступили и первое мѣсто и первое слово. Тутъ даже произошелъ нѣкотораго рода благородный поединокъ особенно между двумя,—арестантомъ Куликовымъ, прежнимъ цыганомъ, конокрадомъ и барышникомъ, и самоучкой-ветеринаромъ, хитрымъ сибирскимъ мужикомъ, недавно пришедшимъ въ острогъ и уже успѣвшимъ отбить у Куликова всю его городскую практику. Дѣло въ томъ, что нашихъ острожныхъ самоучекъ-ветеринаровъ весьма цѣнили во всемъ городѣ, и не только мѣщане или купцы, но даже самые высшіе чины обращались

въ острогъ, когда у нихъ заболѣвали лошади, не смотря на бывшихъ въ городѣ нѣсколькихъ настоящихъ ветеринарныхъ врачей. Куликовъ до прибытія Елкина, сибирскаго мужичка, не зналъ себѣ соперника, имѣлъ большую практику и разумѣлся получалъ денежную благодарность. Онъ сильно цыганилъ и шарлатанилъ и зналъ гораздо менѣе, чѣмъ выказывалъ. По доходамъ онъ былъ аристократъ между нашими. По бывалости, по уму, по смѣлости и рѣшимости онъ уже давно внушилъ къ себѣ певольное уваженіе всѣмъ арестантамъ въ острогѣ. Его у насъ слушали и слушались. Но говорилъ онъ мало: говорилъ какъ рублемъ дарилъ, и все только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Былъ онъ рѣшительный фатъ, но было въ немъ много дѣйствительной, неподдѣльной энергии. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, но очень красавъ, очень уменъ. Съ нами дворянами обходился какъ-то утонченно вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Я думаю, еслибъ нарядить его и привезть подъ видомъ какого-нибудь графа въ какой-нибудь столичный клубъ, то онъ бы и тутъ нашелся, сыгралъ бы въ вистъ, отлично бы поговорилъ, немного, но съ вѣсомъ, и въ цѣлый вечеръ можетъ-быть не раскусили бы, что онъ не графъ, а бродяга. Я говорю серьезно: такъ онъ былъ уменъ, смѣтливъ и быстръ на соображеніе. Ктому же манеры его были прекрасныя, щегольскія. Должно-быть онъ видалъ въ своей жизни впды. Впрочемъ прошедшее его было покрыто мракомъ неизвѣстности. Жилъ онъ у насъ въ особомъ отдѣленіи. Но съ прибытіемъ Елкина, хоть и мужика, но зато хитрѣйшаго мужика, лѣтъ пятидесяти, изъ раскольниковъ, ветеринарная слава Куликова затмилась. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ отбилъ у него почти всю его городскую практику. Онъ вылечивалъ, и очень легко, такихъ лошадей, отъ которыхъ Куликовъ еще прежде давно отказался. Онъ даже вылечивалъ такихъ, отъ которыхъ отказывались городскіе ветеринарные лекаря. Эготъ мужичекъ пришелъ вмѣстѣ съ другими за фальшивую монету. Надо было ему ввязаться, на старости лѣтъ, въ такое дѣло компаньонмъ! Самъ же онъ, смѣясь надъ собой, рассказывалъ у насъ, что изъ трехъ настоящихъ золотыхъ у нихъ вышелъ всего только одинъ фальшивый. Куликовъ былъ нѣсколько оскорбленъ его ветеринарными успѣхами, даже слава его между арестантами начала было меркнуть. Онъ держалъ любовницу въ форштадтѣ, ходилъ въ плисовой поддевкѣ, носилъ серебряное кольцо, серьгу и собственные сапоги съ оторочкой и вдругъ, за немѣнѣемъ доходовъ, онъ принужденъ былъ сдѣлаться цѣловальникомъ, и потому всѣ ждали, что теперь при покупкѣ новаго гнѣдка враги, чего добраго, пожалуй, еще подерутся. Ждали съ любопытствомъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія. Передовые изъ обѣихъ партій уже начинали волноваться и помаленьку уже перекидывались ругательствами. Самъ Елкинъ уже съѣжилъ было свое

хитрое лицо въ самую саркастическую улыбку. Но оказалось не то: Куликовъ и не подумалъ ругаться, но и безъ ругани поступилъ мастерски. Онъ началъ съ уступки, даже съ уваженіемъ выслупалъ критическія мнѣнія своего соперника, но поймавъ его на одномъ словѣ, скромно и настойчиво замѣтилъ ему, что онъ ошибается, и прежде чѣмъ Елкинъ успѣлъ опомниться и оговориться, доказалъ, что ошибается онъ вотъ именно въ томъ-то и въ томъ-то. Однимъ словомъ Елкинъ былъ сбитъ чрезвычайно неожиданно и искусно, и хотя верхъ все-таки остался за нимъ, но и куликовская партія осталась довольна.

— Нѣтъ, ребята, его знать нескоро собьешь, за себя постоитъ; куды! говорили одни.

— Елкинъ больше знаетъ! замѣчали другіе, но какъ-то уступчиво замѣчали. Обѣ партіи заговорили вдругъ въ чрезвычайно уступчивомъ тонѣ.

— Нето-что знаетъ, у него только рука легче. А на счетъ скотины и Куликовъ не сробѣетъ.

— Не сробѣетъ парены!

— Не сробѣетъ...

Новаго Гнѣдка наконецъ выбрали и купили. Это была славная лошадка, молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Уже разумѣется по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною. Стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ самимъ смѣшно стало.

— Что ты изъ своего кошель чтоли деньги брать будешь? говорили одни:—чего торговаться-то?

— Казну что ли жалѣтъ? кричали другіе.

— Да все-же, братцы, все жъ это деньги, артельные...

— Артельные! Нѣтъ видно, нашего брата дураковъ не сѣютъ, а мы сами родимся...

Наконецъ за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили майору и покупка была рѣшена. Разумѣется тотчасъ-же вынесли хлѣба съ солью и съ честію ввели новаго Гнѣдка въ острогъ. Кажется не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ-же день запрягли Гнѣдка возить воду и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезетъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, молчаливаго и солиднаго характера. Да и всѣ русскіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго характера, какъ-будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обращеніе съ лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность. Романъ былъ тихъ, со всѣми ласковъ, несловоохотенъ, нюхалъ изъ рожка табакъ и постоянно съ незапамятныхъ временъ возился съ осторожными Гнѣдками. Новокупленный былъ уже третій. У насъ были всѣ увѣрены, что къ острогу идетъ гнѣдая масть, что намъ это будто бы *къ дому*. Такъ под-

тверждалъ и Романъ. Пѣгаго напрімѣръ ни за что не купили-бы. Мѣсто водовоза постоянно, по какому-то праву, оставалось навсегда за Романомъ, и у насъ никто никогда и не вздумалъ-бы оспаривать у него это право. Когда палъ прежній Гнѣдко, никому и въ голову не пришло, даже и майору, обвинить въ чемъ-нибудь Романа: воля Божія да и только, а Романъ хорошій кучеръ. Скоро гнѣдко сдѣлался любимцемъ строга. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота отворенные ему унтеръ-офицеромъ, а Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бошкой и ждетъ его, косить на него глазами. «Пошелъ одинъ!» крикнетъ ему Романъ — и Гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, доведетъ до кухни и остановится, ожидая стряпockъ и парашниковъ съ ведрами, чтобъ брать воду. «Умникъ Гнѣдко!» кричатъ ему: — «одинъ привезъ!... Слушается!»

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!
— Молодецъ гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головою и фыркаетъ, точно опъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непременно тутъ-же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно проговариваетъ: «Знаю я тебя, знаю! и я милая лошадка, и ты хорошій человекъ!»

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбравшія подачку.

Вообще наши арестантики могли-бы любить животныхъ, и еслибъ пмъ это позволили, они съ охотою развели-бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. И кажется, что-бы больше могло смягчить, облагородить суровый и звѣрскій характеръ арестантовъ, какъ не такое напрімѣръ занятіе? Но этого не позволяли. Ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускали.

Въ острогѣ во все мое время перебивало однако-же случайно нѣсколько животныхъ. Кромѣ Гнѣдка были у насъ собаки, гуси, козель Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орелъ.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ, какъ уже и сказано было мною прежде, Шарикъ, умная и добрая собака, съ которой я былъ въ постоянной дружбѣ. Но такъ какъ ужъ собака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила-себѣ собака, спала на дворѣ, ѣла кухонные выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она уже по крику у кордегардіи: «ефрейтора!» бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и пріятливо засматриваетъ въ глаза каждому во-

шедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но вирожденіи многихъ лѣтъ она не добилаь никакой ласки, ни отъ кого, кромѣ развѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню какимъ образомъ появилась у насъ потомъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Третью-же, Культипку, я самъ завелъ, принесъ ее какъ-то съ работы, еще щенкомъ. Бѣлка была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она бывало бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, сращенныхъ между собою. Кромѣ того вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она видимо рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше, изъ хлѣба, за казармами; если же увидитъ бывало кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ-же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія перекувырнется на спину: «дѣлай дескать со мной, что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю согривляться.» И каждый арестантъ, передъ которымъ она перекувырнется, пырнетъ ее бывало сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностію: «Вишь подлая!» говорятъ бывало арестанты. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ принимало ее отъ боли, то какъ-то заглушенно и жалобно выла. Точно также она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала, по своимъ дѣламъ, за острогъ. Бывало перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Но собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ. Свирѣпый песъ немедленно укрощался, съ нѣкоторою задумчивостію останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ начиналъ ее обнюхивать во всѣхъ частяхъ тѣла. Что-то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? «А ну какъ, разбойникъ, рванетъ?» вѣроятно приходило ей въ голову. Но обнюхавъ внимательно, песъ наконецъ бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Бѣлка тогда-же вскакивала и опять бывало пускалась, ковыляя, за длинной вереницей собакъ, провожавшихъ какую-нибудь Жучку. И хоть она навѣрно знала, что съ Жучкой ей никогда коротко не познакомиться, а все-таки хоть издали поковылять — и то было для ней утѣшеніемъ въ ея несчастіяхъ. Объ чести она уже видимо перестала думать. Потерявъ всякую карьеру въ будущемъ, она жила только для одного хлѣба и вполне сознавала это. Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и

встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завиднѣ пздали и визжитъ, визжитъ болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совѣмъ другаго характера былъ Культиянка. Зачѣмъ я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ, не знаю. Миѣ пріятно было кормить и растить его. Шарикъ тотчасъ же принялъ Культиянку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культиянка сталъ подрастать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать себя за шерсть и играть съ нимъ, какъ обыкновенно играютъ взрослые собаки со щенками. Странно, что Культиянка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и въ ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло-мышьяго цвѣту; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго, какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, нагричитъ, полѣзетъ лизать въ самое лицо и тутъ же передъ вами готовъ не удержать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: «былъ бы только видѣть восторгъ, а приличія ничего не значать!» Бывало гдѣ бы я ни былъ, но по крику: «Культиянка!» онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ-подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катясь какъ шарикъ и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго уродца. Казалось судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день, арестантъ Неустроевъ, зашивавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культиянку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалилъ его спиною по землѣ. Культиянка, ничего неподозрѣвавшій, визжалъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его; точно въ воду канулъ, и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось: культиянкинъ мѣхъ чрезвычайно поправился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала ему аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культиянка!

Въ острогѣ у насъ многіе занимались выдѣлкой кожъ и часто бывало приводили съ собой собакъ съ хорошей шерстью, которыя въ тотъ же мигъ исчезали. Иныхъ воровали, а иныхъ даже и покупали. Помню, разъ за кухнями я увидалъ двухъ арестантовъ. Они обѣ чѣмъ-то совѣщались и хлопотали. Одинъ изъ нихъ держалъ на веревкѣ великолѣпнѣйшую большую черную собаку, очевидно дорогой породы. Какой-то негодай-лакей увелъ ее отъ своего барина и продалъ нашимъ башмачникамъ за тридцать копѣекъ серебромъ. Арестанты соби- рались ее повѣсить. Это очень удобно дѣлалось: кожу сдирали, а трупъ бросали въ большую и глубокую помойную яму, находившуюся въ са-

момъ заднемъ углу нашего острога и которая дѣломъ, въ сильные жары, ужасно воняла. Ее пзрѣдка вычищали. Бѣдная собака казалось понимала готовившуюся ей участь. Она пытливо и съ безпокойствомъ взглядывала поочередно на насъ тронхъ и изрѣдка только осмѣливалась повертѣть своимъ пушистымъ прижатымъ хвостомъ, точно жлая смягчить насъ этимъ знакомъ своей къ намъ довѣренности. Я поскорѣй ушелъ, а они разумѣется кончили свое дѣло благополучно.

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ и кому они собственно принадлежали, не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ и даже стали извѣстны въ городѣ. Они и вывелись въ острогѣ, и содержались на кухнѣ. Когда выводокъ подросъ, то всѣ они, цѣлымъ кагаломъ, повадились ходитъ вмѣстѣ съ арестантами на работу. Только бывало загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распустивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ калитки и непременно отправляются на правый флангъ, гдѣ и выстраиваются, ожидая окончанія разводки. Присмыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!» говорятъ бывало встрѣчающіеся: — «да какъ это вы ихъ обучили!» — «Вотъ вамъ на гусей!» прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но, не смотря на всю ихъ преданность, къ какому-то разговорнью ихъ всѣхъ перерѣзали.

За то нашего козла Ваську ни за что бы не зарѣзали, еслибъ не случилось особеннаго обстоятельства. Тоже не знаю откуда онъ у насъ явился, и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій, прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же было въ острогѣ, при конюшнѣ держать козла. Однакожь онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное и преналовливое созданіе. Онъ бѣгалъ на клпчку, вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабай, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стукались лбами,—это была любимая забава арестантовъ съ козломъ,—какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца и только-что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытки и со всего размаха ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ ку-

двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орель. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается! говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему знать чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла бросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орель пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ-бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! прибавилъ другой.—Ни разу то, братцы не оглянулся, бѣжитъ себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло. Воля. Волю почуялъ.

— Слобѣда значить.

— И невидать ужъ, братцы....

— Чего стоять-то? маршъ! закричали конвойные и всѣ молча поплелись на работу.

XVIII.

ПРЕТЕНЗІЯ.

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горянчикова считаетъ своею обязанностью сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ «Записокъ изъ Мертваго дома» сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какой безчувственностью говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ имъ преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по рассказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи, факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди рассказывали автору «Записокъ», что преступникъ поведеніи былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги, и убилъ своего отца, жажда послѣ него наслѣдства. Впрочемъ весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, рассказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель «Записокъ» имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ въ «Запискахъ» сказано, что въ острогѣ убійца былъ постоянно въ превосходѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ взбалмошный, легкомыслен-

ный, неразумительный въ высшей степени человѣкъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ «Записокъ» никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: «Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію.»

На дняхъ издатель «Записокъ изъ Мертваго дома» получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе преступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ, о загубленной еще смолodu жизни, подъ такимъ ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность прибавляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я наконецъ освоился съ своимъ положеніемъ въ острогѣ. Но это «наконецъ» совершалось очень туго и мучительно, слишкомъ мало-по-малу. Въ сущности мнѣ надо было почти годъ времени для этого и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь, цѣликомъ и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, я каждый часъ этого года помню въ послѣдовательности. Говорилъ тоже, что *привыкну* къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помню какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: «что они, какъ? неужели спокойны?» И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ-будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и ужъ непременно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о чемъ-нибудь невозможномъ. Это всегданнее безпокойство, выказывавшееся хоть и молча, но видимо; эта странная горячность и нетерпѣливость иногда невольно высказанныхъ надеждъ, подчасъ до того неосновательныхъ, что онѣ какъ бы походили на бредъ и, что болѣе всего поражало, уживавшихся нерѣдко въ самыхъ практическихъ повидимому умахъ,—все это придавало необыкновенный видъ и характеръ этому мѣсту, до того, что можетъ-быть эти-то черты и составляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всѣ были меч-

татели и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставлять своихъ надеждъ на показъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и чѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказаться отъ нихъ онъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ-быть пной стыдился ихъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ первымъ собою... Можетъ-быть отъ этого постоянного затаеннаго недовольства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если напримѣръ высказывалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь понаивнѣе и нетерпѣливѣе, и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, пускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осмѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которіе можетъ-быть сами-то еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ всѣ вообще какъ на самыхъ пошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ до того угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать человѣка добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ наивныхъ и простоватыхъ болтуновъ всѣ остальные, то-есть молчаливые, рѣзко раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыхъ и злыхъ было несравненно больше; если-жъ изъ нихъ и случались нынѣ ужъ такъ по природѣ своей говоруну, то всѣ они непремѣнно были безпокойные сплетники и тревожные завистники. До всего чужаго имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и они никому не выдавали на показъ. Это было не въ модѣ, непринято. Добрые—очень маленькая кучка—были тихи, молчаливо таили про себя свои упованія и разумѣется болѣе мрачныхъ склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, сдается мнѣ, что въ острогѣ былъ еще отдѣлъ: вполне отчаявшихся. Таковъ былъ напримѣръ и старикъ изъ стародубскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорилъ о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сошедшій съ ума, зачитавшійся въ библии арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичемъ на маіора, вѣроятно тоже былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ,

кого покинула послѣдняя надежда; а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявилъ, что онъ бросился на маіора безъ злобы, а единственно желая принять муки. И кто знаетъ, какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его! Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней, не живетъ ни одинъ живой человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоски обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ вотъ я теперь силюсь подвести весь нашъ острогъ подъ разряды; но возможно ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми, даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли, и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различій. Дѣйствительность стремится къ раздробленію. Жизнь своя особенная была и у насъ, хоть какая нибудь, да все же была, и не одна официальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда нибудь въ сторону. Повторяю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуты злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, положительно неправы тѣ, которые говорятъ, что дворянину, образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи въ послѣднее время, я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условій, которыя не иначе можно понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянинъ и образованный будто бы чувствуютъ утонченнѣе, больнѣе, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какой нибудь уровень. Даже само образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самаго утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ

порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужаго страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и слышали. Бываетъ и обратно: образованіе уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзитъ и какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о перемѣнѣ привычекъ, образа жизни, пищи и проч.: что для человека изъ высшаго слоя общества конечно тяжело, чѣмъ для мужика, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ по крайней мѣрѣ сыто наѣдался. Не буду и объ этомъ спорить. Положимъ, что человѣку хоть немного сильному волей все это вздоръ сравнительно съ другими неудобствами, хотя въ сущности перемѣна привычекъ дѣло вовсе не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ до того, что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тѣски, ни на тощую, неопрятную пищу. Самый гладенькой бѣлоручка, самый нѣжный нѣженка, поработавъ въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работалъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ тараканами. Къ этому еще можно привыкнуть, какъ и упомянуто въ юмористической арестантской пѣснѣ о прежнемъ бѣлоручкѣ, попавшемъ въ каторгу:

Дадутъ капусту мнѣ съ водою —
И ѣмъ, такъ за ушми трещитъ.

Нѣтъ; важнѣе всего этого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогѣ, черезъ два часа по прибытіи становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякой другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безсознательно. Не свой человѣкъ да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, а черезъ два часа они пожалуй заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалапѣ. Не то для благородныхъ.

Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездною и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* вдругъ самъ, сплосу внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ просто-народье. Не то хоть всю жизнь свою знайте съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ, по службѣ наприимѣрь, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто по-дружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптической обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности, и имѣлъ очень довольно времени, чтобъ провѣрить мои убѣжденія. Можетъ быть въ послѣдствіи всѣ узнаютъ до какой степени это справедливо...

Событія какъ нарочно съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и нервно и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я скитался по острогу почти одинъ-одинехонекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ оцѣнить и отличить тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня въ послѣдствіи, хоть и никогда не сходились со мною на равную погу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы ни на что кажется, а бѣжать не куда. И вотъ наприимѣрь одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понять мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній ясный и жаркій день, въ первомъ часу полудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали передъ послѣобѣденной работой, вдругъ вся каторга поднялась какъ одинъ человѣкъ и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ я до того бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ каторга уже дня три глухо волновалась. Можетъ быть и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сообразилъ я уже потомъ, невольно припоминая кое-что изъ арестантскихъ разговоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно-озлобленное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работой, скучнымъ, длиннымъ, лѣтнимъ днямъ, пеленымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной-вольшѣ, короткимъ ночамъ, въ которыхъ трудно было въволю выспаться. Можетъ быть все это и соединилось теперь вмѣстѣ, въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ — пища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ казармахъ и особенно сходились въ

кухнѣ за обѣдомъ и ужиномъ, были недовольны стряпками, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и воротили стараго. Однимъ словомъ всѣ были въ какомъ-то безпокойномъ настроеніи духа.

— Работа тяжелая, а насъ брюшиной кормятъ, заворчитъ бывало кто нибудь па кухнѣ.

— А не нравится, такъ бламанже закажи, подхватить другой.

— Щи съ брюшиной, братцы, я очень люблю, подхватить третій:—потому скуспы.

— А какъ все время тебя одной брюшной кормить, будетъ скусно?

— Оно конечно, теперь мясная пора, говоритъ четвертый: — мы на заводѣ-то маемся-маемся, послѣ урока-то жрать хочется. А брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшиной, такъ съ усердіемъ *).

— Вотъ хоть бы еще взять это усердіе. Брюшина да усердіе, только одно и наладили. Это какая ѣда! Есть тутъ правда, аль нѣтъ?

— Да, кормъ плохой.

— Карманъ-то набиваетъ небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всѣмъ бы міромъ сказать претензію и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебя знать за ефту претензію драли. Статуй!

— Оно правда, прибавляетъ ворчливо другой, до сихъ поръ молчаливый, — хоть и скоро да не спору. Что говорить-то на претензіи будешь, ты вотъ что сперва скажи, голова съ затылкомъ?

— Ну и скажу. Коли-бъ всѣ пошли, и я-бъ тогда со всѣми говорилъ. Бѣдность значить. У насъ кто свое ѣстъ, а кто и на одномъ казенномъ сидитъ.

— Ишь, завидокъ востроглазый! Разгорѣлись глаза на чужое добро.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а раньше вставай да свой затѣвай.

— Затѣвай!.. Я съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ ефтомъ дѣлѣ торговаться буду. Значить ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богатъ Ерощка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значить полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру дерутъ. Чего нейти?

— Чего! Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи; привыкъ жеваное ѣсть. Значить каторга — вотъ отчего!

— Выходитъ что: поссорь Боже народъ, накорми воеводъ.

— Оно самое. Растолстѣлъ восьмиглазый. Пару сѣрыхъ купилъ.

— Ну и не любить выпить.

— Намедни съ ветеринаромъ за картами по-дрались. Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на кулакахъ. Оедька сказывалъ.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ вы дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходятъ-то.

— А вотъ выйдти всѣмъ, такъ посмотримъ какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по пдоламъ *), да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ всѣ волновались. Въ это время дѣйствительно у насъ была плохая ѣда. Да ужъ и все одно къ одному привалило. А главное—общій тоскливый настрой, всегдашняя затаенная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но поднимаются всѣ вмѣстѣ пли большой кучей рѣдко. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякій изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожъ въ этотъ разъ волненіе не прошло даромъ. Начали собираться по кучкамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управленіе нашего маіора, вывѣдывали всю подноготную. Особенно волновались нѣкоторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то есть въ случаяхъ претензій—вообще презамѣчательный народъ, и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собой схожий. Это народъ горячій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, самымъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непреложной и, главное, немедленной возможности. Народъ этотъ не глупѣе другихъ, даже бываютъ изъ нихъ и очень умные, но они слишкомъ горячи, чтобы быть хитрыми и разсчетливыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бываютъ люди, которые умѣютъ ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужъ эти составляютъ другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводителей его, типъ чрезвычайно у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій, почти всегда выигрываютъ дѣло и населяютъ за это потомъ остроги и каторги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку же и влияніе имѣютъ на массу. За ними наконецъ охотно идутъ. Ихъ жаръ и честное негодованіе дѣйствуютъ на всѣхъ и подъ конецъ самые нерѣшительные къ нимъ примыкаютъ. Ихъ слѣпая увѣренность въ успѣхъ соблазняетъ даже самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ, не смотря на то, что иногда эта увѣренность имѣетъ такіа шаткія, такіа младенческія основанія, что двинишься вчуужъ какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ первые и идутъ ничего не боясь. Они какъ

*) То есть съ усердіемъ. Арестанты въ насмѣшку выговаривали: съ усердіемъ.

*) По зубамъ.

быки бросаются прямо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности, безъ того практическаго іезутизма, съ которымъ нерѣдко даже самый подлый и замаранный человѣкъ выигрываетъ дѣло, достигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно ломаютъ рога. Въ обыкновенной жизни это народъ желчный, брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаше же всего ужасно ограниченный, что впрочемъ отчасти и составляетъ ихъ силу. Досаднѣе же всего въ нихъ то, что вмѣсто прямой цѣли, они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла на мелочи. Это-то ихъ и губитъ. Но они понятны массамъ; въ этомъ ихъ сила... Впрочемъ надо сказать еще два слова о томъ, что такое значить *претензія*?

Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, которые пришли за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Особенно одинъ, Мартыновъ, служившій прежде въ гусарахъ, горячій, безпокойный и подозрительный человѣкъ, впрочемъ честный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человѣкъ какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ, съ высокомерной саркастической улыбкой, чрезвычайно развитой, впрочемъ тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не переберешь; много ихъ было. Петровъ между прочимъ такъ и сновалъ взадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строиться.

Нашъ острожный унтеръ-офицеръ, исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать маіору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли и всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайное и повергло его въ ужасъ. Но не должить немедленно маіору онъ не смѣлъ. Во-первыхъ, ужъ если поднялась каторга, то могло выйти и что нибудь хуже. Все начальство наше на счетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Во-вторыхъ, еслибъ даже и ничего не было, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происшедшемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха отправился онъ послѣшно къ маіору, даже и не пробуя самъ опрашивать и увѣщевать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперь и говорить-то не стануть.

Совершенно не зная ничего, и я вышелъ строгать. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперь же, я думалъ, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но не видя караульных, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованныя и раздраженныя. Иные были даже блѣдны. Всѣ во-

обще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ маіоромъ. Я замѣтилъ, что многіе смотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что я съ ними построился. Они очевидно не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ однакожъ почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грубо и громко спросилъ меня Василій Антоновъ, стоявшій отъ меня подалѣе другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, все еще стараясь понять, что это значить и уже догадываясь, что происходитъ что то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ здѣсь стоять? ступай въ казарму, проговорилъ одинъ молодой паренъ, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ незнакомъ, малый добрый и тихій. — Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдъ строятся, отвѣчалъ я ему: — я думалъ повѣрка.

— Ишь тоже выползъ, крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, проговорилъ другой.

— Муходавы! проговорилъ третій съ невыразимымъ презрѣніемъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохотъ.

— При милости на кухнѣ стоитъ, прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросятъ покупаютъ. Ты вѣдъ собственное ѣшь; чегожъ сюда лѣзешь.

— Здѣсь вамъ не мѣсто, проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣденъ, черные глаза его свергали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ маіора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется онъ и на казнь бы пошелъ съ нѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили мнѣ ты и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокомерно настойчивы, нетерпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую свая, гдѣ Антипка безпачетъ живетъ! подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я дѣйствительно разглядѣлъ нашихъ поляковъ; впрочемъ мнѣ показалось, что тамъ кромѣ ихъ много на-

роду. Озадаченный я пошелъ на кухню. Смѣхъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистки) раздались мнѣ вслѣдъ.

— Не понравились!.. тю-тю-тю! бери его!..

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ въ кухнѣ мнѣ встрѣтился Т-вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человекъ, безъ большаго образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Что вы, Горячкиковъ, закричалъ онъ мнѣ: — идите сюда!

— Да что тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Имъ разумѣется не удастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ розыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется, на насъ первыхъ свалить обвинение въ бунтъ. Вспомните, за что мы пришли сюда. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подѣ судъ. Маоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выдадутъ насъ головою, прибавилъ М-цкій, когда мы вошли на кухню.

— Не безпокойтесь, не пожалѣютъ! подхватилъ Т-вскій.

Въ кухнѣ кромѣ дворянъ было еще много народу, всего человекъ тридцать. Всѣ они остались, нежелая показывать претензію, — одни изъ трусовъ, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной бесполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ всѣхъ подобныхъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благонравію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимало не тревожась его исходомъ, напротивъ совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исая Ѳомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ. Были тутъ всѣ острожные полячки изъ простыхъ, примкнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣсколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они не осмѣлились и съ грустью ожидали чѣмъ кончится дѣло. Было наконецъ нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямому и безглаголющему убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худаго изъ этого дѣла не будетъ. Но мнѣ кажется, что они все-таки чувствовали себя теперь какъ-то неловко, смотрѣли несовсѣмъ самоувѣренно. Они хотъ и понимали, что совершенно правы на счетъ претензій, что и подтвердилось впоследствии, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали

товарищей плацъ-маюру. Очутился тутъ и Елкинъ, тотъ самый хитрый мужичекъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Куликова. Старичекъ изъ стародубовскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпкп рѣшительно всѣ до одинаго остались на кухнѣ, вѣроятно по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдственно и неприлично имъ выходить противъ нея.

— Однако, началъ я нерѣшительно обращаясь къ М-му, — кромѣ этихъ почти всѣ вышли.

— Да намъ-то что? проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, еслибъ вышли; а для чего? Je hais les brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота соваться въ нелѣпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старикъ. Алмазовъ, бывшій тутъ же, поспѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ.

— Окромѣ того, что пересѣкутъ съ полсотни, — ничего изъ этого не будетъ.

— Маоръ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то и всѣ жадно бросились къ окошкамъ.

Маоръ влетѣлъ злой, взбѣспышійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно подошелъ онъ къ фрунту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не терялъ присутствія духа. Впрочемъ онъ почти всегда былъ вполнѣна. Даже его засаленная фуражка съ оранжевымъ околышкомъ и грязныя серебряныя эполеты, имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шелъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности управлявшій всѣмъ въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на маора, малый хитрый, очень себѣ на умѣ, но и не дурной человекъ. Арестанты были имъ довольны. Вслѣдъ за нимъ шелъ нашъ унтеръ-офицеръ, очевидно уже успѣвшій получить страшнѣйшую распекацію и ожидавшій еще вдесятеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человека, не болѣе. Арестанты которые стояли безъ фуражекъ кажется еще съ того самаго времени какъ послали за маоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились; каждый изъ нихъ переступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожидая перваго слова, или лучше сказать перваго крика высшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ: со втораго слова маоръ заоралъ во все горло, даже съ какимъ-то визгомъ на этотъ разъ: очень уже онъ былъ разбѣшенъ. Изъ оконъ намъ видно было какъ онъ бѣгалъ по фрунту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ вопросовъ его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ за дальностью мѣста не было слышно. Только и разслышали мы, какъ онъ визгливо кричалъ:

— Бунтовщики!.. сквозь строй... Зачинщики!

Ты зачинщикъ! Ты зачинщикъ! напнулся онъ на кого-то.

Отвѣта не было слышно. Но черезъ минуту мы увидѣли, какъ арестантъ отдѣлился и отправился въ кордегардію. Еще черезъ минуту отправился въ слѣдъ за нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подъ судъ! я васъ! Это кто тамъ на кухнѣ? взвизгнувъ онъ, увидя насъ въ отворенныя окошки. — Всѣхъ сюда! гнать ихъ сейчасъ сюда.

Писарь Дятловъ отправился къ намъ на кухню. Въ кухнѣ сказали ему, что не имѣютъ претензій. Онъ немедленно воротился и доложилъ маіору.

— А, не имѣютъ! проговорилъ онъ двумя тонами ниже, видимо обрадованный. — Все равно, всѣхъ сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ-то совѣстно намъ выходить. Да и всѣ шли точно понуривъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, говорилъ намъ маіоръ какимъ-то уторможеннымъ, но мягкимъ голосомъ, ласково на насъ поглядывая. — М-цкій, ты тоже здѣсь... вотъ и переписца. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до одинаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представляю... подъ судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣйствовала.

— Мы довольны! угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ-то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходи.

— Довольны, довольны! прибавились нѣсколько голосовъ.

— Довольны! значить васъ смущали? значить были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!..

— Господи, чтожь это такое! раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? заревѣлъ маіоръ, бросаясь въ ту сторону, откуда послышался голосъ. — Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію. Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! завопилъ ему вслѣдъ маіоръ. — Ишь толстая рожа, въ три дня не...! Вотъ я васъ всѣхъ разыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! мрачно раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упорно молчали. Но маіору только того и надо было. Ему очевидно самому было выгодно кончить скорѣе дѣло, и какъ-нибудь кончить со-власіемъ.

— А, теперь все довольны! проговорилъ онъ торопясь. — Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними очевидно есть зачинщики! продолжалъ онъ обращаясь къ Дятлову: — это надо

подробнѣе розыскать. А теперь... Теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводкѣ. Арестанты молча и грустно расходились по работамъ, довольные по крайней мѣрѣ тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой ушли. Но послѣ разводки маіоръ немедленно навѣдался въ кордегардію и распорядился съ «зачинщиками», впрочемъ не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенья и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что маіоръ отчасти не въ своей тарелкѣ и даже можетъ-быть струхнулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ въ сущности и не могла назваться претензіей, потому что показывали ее не высшему начальству, а самому же маіору, но все таки было какъ-то неловко, нехорошо. Особенно смущало, что всѣ поголовно возстали. Слѣдовало затупить дѣло вочто бы ни стало. «Зачинщиковъ» скоро выпустили. На завтра же пища улучшилась, хотя впрочемъ ненадолго. Маіоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившійся съ толку, какъ-будто все еще не могъ прийти въ себя отъ удивленія. Что же касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого, они не могли успокоиться, но уже не волновались по прежнему, а были молча растрожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчливо, хотъ и неслухомъ отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подсмѣивались сами надъ собою, точно казня себя за претензію.

— Натко братъ, возьми, закуси! говоритъ бывало одинъ.

— Чему посмѣешься, тому и поработаешь! прибавляетъ другой.

— Гдѣ та мышъ, чтобъ коту звонокъ привѣсила? замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, извѣстно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣе.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! озлобленно замѣчаетъ кто нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то покаместъ еще человѣкъ, а ты-то кто?

— Огрызокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну-ну, довольно вамъ! чего загадѣли! кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый день претензій, возвратясь съ работы, я встрѣтился за казармами съ Петровымъ. Онъ меня ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то въ родѣ двухъ трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но вскорѣ разсѣянно замолчалъ и машинально пошелъ со мной рядомъ. Все это дѣло еще

больно лежало у меня на сердцѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснить.

— Скажите, Петровъ, спросилъ я его: — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? спросилъ онъ какъ бы очнувшись.

— Арестанты на насъ... на дворянъ.

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да зато; что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? спросилъ онъ какъ бы стараясь понять меня: — вѣдь вы свое кушаете.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Я поскорѣй взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная наивность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: вѣтъ ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

И дѣйствительно я было думалъ, что послѣ претензіи они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Ничуть не бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слышали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто пилили насъ понемногу при случаѣ, какъ и прежде пилили, и больше ничего. Впрочемъ не сердились тоже нисколько и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію и оставались на кухнѣ, равно какъ и на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помянулъ объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

ГЛАВА XIX.

ТОВАРИЩИ.

Меня конечно болѣе тянуло къ своимъ, то-есть къ «дворянамъ», особенно въ первое время. Но изъ троихъ бывшихъ русскихъ дворянъ, находившихся у насъ въ острогѣ (Акимъ Акимыча, шпіона А—ва и того, котораго считали отцеубійцею) я знался и говорилъ только съ Акимомъ Акимычемъ. Признаться, я подходилъ къ Акимъ Акимычу такъ-

сказать съ отчаянія, въ минуты самой сильной скуки и когда уже ни къ кому кромѣ него подойти не предвидѣлось. Въ прошлой главѣ я было попробовалъ разсортировать всѣхъ нашихъ людей на разряды, но теперь, какъ припомнилъ Акима Акимыча, то думаю, что можно еще прибавить одинъ разрядъ. Правда, что онъ одинъ его и составлялъ. Это—разрядъ совершенно равнодушныхъ каторжныхъ. Совершенно равнодушныхъ, то-есть такихъ, которымъ было бы все равно жить, что на волѣ, что въ каторгѣ, у насъ разумѣется не было и быть не могло, но Акимъ Акимычъ кажется составлялъ исключеніе. Онъ даже и устроился въ острогѣ такъ какъ-будто всю жизнь собирался прожить въ немъ: все вокругъ него, начиная съ тюфяка, подушекъ, утвари, расположилось такъ плотно, такъ устойчиво, такъ надолго. Бивачнаго, временнаго не замѣчалось въ немъ и слѣда. Пробыть въ острогѣ оставалось ему еще много лѣтъ, но врядъ ли онъ хоть когда-нибудь подумалъ о выходѣ. Но если онъ и примирился съ дѣйствительностью, то разумѣется не по сердцу, а развѣ по субординаціи, что впрочемъ для него было одно и тоже. Онъ былъ добрый человѣкъ и даже помогалъ мнѣ вначалѣ совѣтами и кой-какими услугами; но иногда, какось, невольно онъ нагонялъ на меня, особенно въ первое время, тоску безпримѣрную, еще болѣе усиливавшую и безъ того уже тоскливое расположеніе мое. А я отъ тоски-то и заговаривалъ съ нимъ. Жаждешь бывало хоть какого-нибудь живаго слова, хоть желчнаго, хоть нетерпѣливаго, хоть злобы какой-нибудь: мы бы ужъ хоть позлились на судьбу нашу вмѣстѣ; а онъ молчитъ, влентъ свои фонарики, или расскажетъ о томъ, какой у нихъ смотръ былъ въ такомъ-то году, и кто былъ начальникъ дивизіи, и какъ его звали по имени и отчеству, и доволенъ былъ онъ смотромъ или нѣтъ, и какъ застрѣльщикамъ сигналы были измѣнены и проч. И все такимъ ровнымъ, такимъ чиннымъ голосомъ, точно вода капаетъ по каплѣ. Онъ даже почти совсѣмъ не воодушевлялся, когда рассказывалъ мнѣ, что за участіе въ какомъ-то дѣлѣ на Кавказѣ удостоился получить «святія Анны» на шпагу. Только голосъ его становился въ эту минуту какъ-то необыкновенно важенъ и солиденъ; онъ немного понижалъ его, даже до какой-то таинственности, когда произносилъ «святія Анны», и послѣ этого минуты на три становился какъ-то особенно молчаливъ и солиденъ... Въ этотъ первый годъ у меня бывали глупыя минуты, когда я (и всегда какъ-то вдругъ) начиналъ почти ненавидѣть Акима Акимыча, неизвѣстно за что, и молча проклиналъ судьбу свою, за то, что она помѣстила меня съ нимъ на нарахъ голова съ головою. Обыкновенно черезъ часъ я уже укорялъ себя за это. Но это было только въ первый годъ; впослѣдствіи я совершенно примирился въ душѣ съ Акимомъ Акимычемъ и стыдился моихъ прежнихъ глупостей. Наружно же мы, помнится, съ нимъ никогда не ссорились.

Кромѣ этихъ тронхъ русскихъ, другихъ въ мое время перебивало у насъ восемь человѣкъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я сходился довольно коротко и даже съ удовольствіемъ, но не со всѣми. Лучшіе изъ нихъ были какіе-то болѣзненные, исключительные и нетерпимые въ высшей степени. Съ двумя изъ нихъ я въ послѣдствіи просто пересталъ говорить. Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б—скій, М—кій и старикъ Ж—кій, бывший прежде гдѣ-то профессоромъ математики—старикъ добрый, хороший, большой чудакъ, и несмотря на образованіе, кажется крайне ограниченный человѣкъ. Совсѣмъ другіе были М—кій и Б—кій. Съ М—кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недоверчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и не передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ можетъ быть я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько изустская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывала его затаенный, глубокій скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа страдающая именно этой двойственностью скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Не смотря однакоже на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б—мъ и съ другомъ его Т—скимъ. Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и въ послѣдствіи разошелся съ Б—мъ, но за то никогда не переставалъ любить его; а съ М—кимъ и не ссорился, но никогда его не любилъ. Разойдясь съ Б—мъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—скимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предъидущей главѣ, рассказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ очень жаль. Т—скій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—го, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились съ Б—мъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—мъ кажется разошелся въ послѣдствіи за Б—го, хотя долго крѣпился. Впрочемъ всѣ они были больные нравственно, желчные, раздражительные, недоверчивые. Это понятно: имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное,

они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только злѣе и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ. Съ черкесами, съ татарами, съ Исаемъ Оомичемъ они были ласковы и привѣтливы, но съ отвращеніемъ избѣгали всѣхъ остальныхъ каторжныхъ. Только одинъ стародубскій старовѣръ заслужилъ ихъ полное уваженіе. Замѣчательно впрочемъ, что никто изъ каторжныхъ, въ продолженіи всего времени какъ я былъ въ острогѣ, не упрекнулъ ихъ ни въ происхожденіи, ни вѣрѣ ихъ, ни въ образѣ мыслей, что встрѣчается въ нашемъ простонародьи относительно иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, хотя впрочемъ и очень рѣдко. Впрочемъ надъ нѣмцами только развѣ смѣются; нѣмецъ представляетъ собою что-то глубоко комическое для русскаго простонародья. Съ нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо болѣе, чѣмъ съ нами русскими и нисколько не *трогали* ихъ. Но тѣ кажется никогда этого не хотѣли замѣтить и взять въ соображеніе. Я заговорилъ о Т—скомъ. Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста первой ихъ ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—го на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложніемъ, уставалъ почти съ полъ-этапа. Они присланы были прежде въ У-горскъ. Тамъ, рассказывали они, было имъ хорошо, то есть гораздо лучше, чѣмъ въ нашей крѣпости. Но у нихъ завелась какая-то, совершенно впрочемъ невинная, переписка съ другими ссылными изъ другого города, и за это ихъ тронхъ нашли нужными перевести въ нашу крѣпость, ближе на глаза къ нашему высшему начальству. Третій товарищъ ихъ былъ Ж—кій. До ихъ прибытія М—кій былъ въ острогѣ одинъ. То-то онъ долженъ былъ тосковать въ первый годъ своей ссылки!

Этотъ Ж—кій былъ тотъ самый вѣчно молившійся Богу старикъ, о которомъ я уже упоминалъ. Всѣ наши политическіе преступники были народъ молодой, нѣкоторые даже очень; одинъ Ж—кій былъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти. Это былъ человѣкъ конечно честный, но нѣсколько странный. Товарищи его Б—кій и Т—кій его очень не любили, даже не говорили съ нимъ, отзываясь о немъ, что онъ упрямъ и вздоренъ. Не знаю насколько они были въ этомъ случаѣ правы. Въ острогѣ, какъ и во всякомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди собираются въ кучку не волею, а насильно, мнѣ кажется скорѣе можно поссориться и даже возненавидѣть другъ друга, чѣмъ на волѣ. Много обстоятельствъ тому способствуетъ. Впрочемъ, Ж—кій былъ дѣйствительно человѣкъ довольно тупой и можетъ быть непріятный. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Я съ

нимъ хоть и никогда не ссорился, но особенно не сходилъ. Свой предметъ, математику, онъ казался зналъ. Помню, онъ все мнѣ сплился растолковать на своемъ полурусскомъ языкѣ какую-то особенную, имъ самимъ выдуманную астрономическую систему. Мнѣ говорили, что онъ это когда-то напечаталъ, но надъ нимъ въ ученомъ мѣрѣ только посмѣялись. Мнѣ кажется онъ былъ нѣсколько поврежденъ разсудкомъ. По цѣлымъ днямъ онъ молился на колѣняхъ Богу, чѣмъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжелой болѣзни, на моихъ глазахъ. Впрочемъ уваженіе каторжныхъ онъ приобрѣлъ съ самаго перваго шагу въ острогъ, послѣ своей исторіи съ нашимъ майоромъ. Въ дорогѣ отъ У-горска до нашей крѣпости ихъ не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ прямо привели къ плацъ-майору, то онъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ впрочемъ они вовсе не были виноваты.

— Въ какомъ они видѣ! заревѣлъ онъ:—это бродяги, разбойники!

Ж—кій, тогда еще плохо понимавшій по-русски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе? бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубитъ? грубитъ! заревѣлъ майоръ: — въ кордегардію! сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стона, нешевелясь. Б—кій и Т—скій тѣмъ временемъ уже вошли въ острогъ, гдѣ М—кій уже поджидалъ ихъ у воротъ и прямо бросился къ нимъ на шею, хотя до сихъ поръ никогда ихъ и не видывалъ. Вздволенные отъ майорскаго приема, они рассказали ему все о Ж—комъ. Помню какъ М—кій мнѣ рассказывалъ объ этомъ: «Я былъ внѣ себя, говорилъ онъ:—я не понимаю, что со мною дѣлается и дрожалъ какъ въ ознобѣ. Я ждалъ Ж—го у воротъ. Онъ долженъ былъ придти прямо изъ кордегардіи, гдѣ его наказывали. Вдругъ отворилась калитка: Ж—кій, неглядя ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожащими блѣдными губами прошелъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ, уже узнавшихъ, что наказываютъ дворянина, вошелъ въ казарму, прямо къ своему мѣсту, и ни слова неговоря сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Каторжные были поражены и даже растроганы. Какъ увидалъ я этого старика, — говорилъ М—кій—сѣдаго, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидалъ я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося, — я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти; я былъ въ изступленіи...» Каторжные стали очень уважать Ж — го съ этихъ поръ и обходились съ нимъ всегда почтительно.

Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами.

Надобно однакожъ сказать всю правду: по этому примѣру отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ, кто бы они ни были эти ссыльные, русскіе или поляки. Этотъ примѣръ только показываетъ, что можно нарваться на лихаго человѣка, и конечно, будь этотъ лпхой человѣкъ гдѣ-нибудь отдѣльнымъ и старшимъ командиромъ, то участь ссыльнаго, въ случаѣ еслибъ его особенно не взлюбилъ этотъ лихой командиръ, была бы очень плохо обезпечена. Но нельзя не признаться, что самое высшее начальство въ Сибири, отъ котораго зависить тонъ и настрой всѣхъ прочихъ командировъ, насчетъ ссыльныхъ дворянъ очень разборчиво и даже въ иныхъ случаяхъ наводитъ дать имъ поблажку въ сравненіи съ остальными каторжными, изъ простонародія. Причины тому ясны: эти высшіе начальники во-первыхъ сами дворяне, во-вторыхъ, случалось еще прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы; а въ третьихъ, и мнѣ кажется это главное, уже давно, еще лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, въ Сибирь явилась вдругъ, разомъ, большая масса ссыльныхъ дворянъ, и эти-то ссыльные, въ продолженіе тридцати лѣтъ, умѣли поставить и зарекомендовать себя такъ по всей Сибири, что начальство уже по старинной, преемственной привычкѣ, поневолѣ глядѣло въ мое время на дворянъ-преступниковъ извѣстнаго разряда иными глазами, чѣмъ на всѣхъ другихъ ссыльныхъ. Велѣдъ за высшимъ начальствомъ привыкли глядѣть такими же глазами и низшіе командиры, разумѣется заимствуя этотъ взглядъ и тонъ свѣше, повинаясь, подчиняясь ему. Впрочемъ многіе изъ этихъ низшихъ командировъ глядѣли туно, критиковали при себя высшій распоряженія и очень, очень рады бы были, еслибъ имъ только не мѣшали распорядиться по своему. Но имъ несовсѣмъ это позволяли. Я имѣю твердое основаніе такъ думать, и вотъ почему. Второй разрядъ каторги, въ которомъ я находился и состоявшій изъ крѣпостныхъ арестантовъ, подъ военнымъ начальствомъ, былъ несравненно тяжеле остальныхъ двухъ разрядовъ, то-есть третьяго (заводскаго) и перваго (въ рудникахъ). Тяжеле онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда — все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи. Военное начальство строже, порядки тѣснѣе, всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ: а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ по крайней-мѣрѣ говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла. Они всѣ съ радостью пошли бы въ первый разрядъ, считающійся въ законахъ тягчайшимъ и даже много разъ мечтали объ этомъ. Объ арестантскихъ же ротахъ въ Россіи, всѣ наши, которые были тамъ,

говорили съ ужасомъ и увѣряли, что во всей Россіи нѣтъ тяжелѣе мѣста, какъ арестантскія роты по крѣпостямъ, и что въ Сибиріи рай сравнительно съ тамошней жизнью. Слѣдственно если при такомъ строгомъ содержаніи, какъ въ нашемъ острогѣ, при военномъ начальствѣ, на глазахъ самого генераль-губернатора и наконецъ въ виду такихъ случаевъ (иногда бывавшихъ), что нѣкоторые посторонніе, но офиціозные люди, по злобѣ или по ревности къ службѣ, готовы были тайкомъ донести куда слѣдуетъ, что такого-то дескать разряда преступникамъ такіе-то неблагонамѣренные командиры даютъ поблажку, — если въ такомъ мѣстѣ, говорю я, на преступниковъ-дворянъ смотрѣли нѣсколько другими глазами, чѣмъ на остальныхъ каторжныхъ, то тѣмъ болѣе смотрѣли на нихъ гораздо льготнѣе въ первомъ и третьемъ разрядѣ. Слѣдственно по тому мѣсту, гдѣ я былъ, мнѣ кажется я могу судить въ этомъ отношеніи и о всей Сибиріи. Всѣ слухи и рассказы, доходившіе до меня на этотъ счетъ, отъ слышныхъ перваго и третьяго разрядовъ, подтверждали мое заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ на всѣхъ насъ, дворянъ, въ нашемъ острогѣ начальство смотрѣло внимательнѣе и осторожнѣе. Поблажки намъ насчетъ работы и содержанія не было рѣшительно никакой: тѣ же работы, тѣ же кандалы, тѣ же замки, однимъ словомъ все тоже самое, что и у всѣхъ арестантовъ. Да и облегчить-то нельзя было. Я знаю, что въ этомъ городѣ въ то *недавнее давнопрошедшее* время было столько доносяковъ, столько интригъ, столько рывшихъ другъ другу яму, что начальство естественно боялось доноса. А ужъ чего страшнѣе было въ то время доноса о томъ, что извѣстнаго разряда преступникамъ даютъ поблажку! Итакъ всякій побаивался, и мы жили наравнѣ со всѣми каторжными, но относительно тѣлеснаго наказанія было нѣкоторое исключеніе. Правда, насъ бы чрезвычайно удобно высѣкли, еслибъ мы заслужили это, то-есть проступились въ чемъ-нибудь. Этого требовалъ долгъ службы и равенства—передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но такъ, зря, легкомысленно насъ все-таки бы не высѣкли; а съ простыми арестантами такого рода легкомысленное обращеніе разумѣется случалось, особенно при нѣкоторыхъ субалтерныхъ командирахъ и охотникахъ распорядиться и внушить при всякомъ удобномъ случаѣ. Намъ извѣстно было, что комендантъ, узнавъ объ исторіи съ старикомъ Ж—кимъ, очень вознегодовалъ на маіора и внушилъ ему, чтобъ онъ на будущее время изволилъ держать руки покороче. Такъ рассказывали мнѣ всѣ. Знали тоже у насъ, что самъ генераль-губернаторъ, довѣрившій нашему маіору и отчасти любившій его, какъ исполнителя и человѣка съ нѣкоторыми способностями, узнавъ про эту исторію, тоже выговаривалъ ему. И маіоръ нашъ принималъ это къ свѣдѣнію. Ужъ какъ напимѣръ ему хотѣлось добраться до М—го, котораго онъ ненавидѣлъ черезъ наговоры А—ва, но онъ никакъ не могъ его высѣчь, хотя и искалъ

предлога, гналъ его и подыскивался къ нему. Объ исторіи Ж-го скоро узналъ весь городъ и общее мнѣніе было противъ маіора; многіе ему выговаривали, иные даже съ непріятностями. Вспоминаю теперь и мою первую встрѣчу съ плацъ-маіоромъ. Насъ, то-есть меня и другаго слышнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали еще въ Тобольскѣ рассказами о непріятномъ характерѣ этого человѣка. Бывшіе тамъ въ это время старинные двадцатипятилѣтніе слышные пзъ дворянъ, встрѣтившіе насъ съ глубокой симпатіей и имѣвшие съ нами сношенія все время какъ мы сидѣли на пересыльномъ дворѣ, предостерегали насъ отъ будущаго командира нашего и общались сдѣлать все, что только могутъ, черезъ знакомыхъ людей, чтобъ защитить насъ отъ его преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, три дочери генераль-губернатора, пріѣхавшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, получили отъ нихъ письма и кажется говорили ему въ нашу пользу. Но что онъ могъ сдѣлать? Онъ только сказалъ маіору, чтобъ онъ былъ нѣсколько поразборчивѣе. Часу въ третьемъ пополудни мы, то-есть я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему повелителю. Мы стояли въ передней ожидая его. Между тѣмъ уже послали за осторожнымъ унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-маіоръ. Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно злой паукъ выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшуюся въ его паутину.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто, и очевидно хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— Такой-то.

— Тебя? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, оставивъ на меня свои очки.

— Такой-то.

— Унтеръ-офицеръ! сейчасъ ихъ въ острогъ, выбить въ кордегардіи по гражданскому, немедленно, половину головы; кандалы перековать завтра же. Это какія шинели? откуда получили? спросилъ онъ вдругъ, обративъ вниманіе на сѣрые капоты, съ желтыми кругами на спинкахъ, выданные намъ въ Тобольскѣ и въ которыхъ мы предстали предъ его свѣтлыя очи. — Это новая форма! Это вѣрно какая-нибудь новая форма... Еще проектируется... изъ Петербурга... говорилъ онъ повертывая насъ по-очередно. — Съ ними нѣтъ ничего? спросилъ онъ вдругъ конвоировавшаго насъ жандарма.

— Собственная одежда есть, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ жандармъ, какъ-то мгновенно вытянувшись, даже съ небольшимъ вздрагиваніемъ. Его всѣ знали, всѣ о немъ слышали, онъ всѣхъ пугалъ.

— Все отобрать. Отдать имъ только одно бѣлье, и то бѣлое, а цвѣтное, если есть, отобрать. Остальное все продать съ аукціона. Деньги записать въ

приходъ. Арестантъ не имѣеть собственности, продолжалъ онъ, строго посмотрѣвъ на насъ. — Смотрите же, вести себя хорошо! чтобъ я не слышалъ! Нето... тѣлес-нымъ на-казаніемъ! За малѣйшій проступокъ—р-р-розги!..

Весь этотъ вечеръ я съ непривычки былъ почти болѣе отъ этого пріема. Впрочемъ впечатлѣніе усилилось и тѣмъ, что я увидѣлъ въ острогѣ; но о вступленіи моемъ въ острогъ я уже рассказывалъ.

Я упоминалъ сейчасъ, что намъ не дѣлали и не смѣли дѣлать никакой поправки, никакого облегченія передъ прочими арестантами въ работѣ. Но одинъ разъ однако попробовали сдѣлать: я и Б-кій цѣлыхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей. Но это сдѣлали шито-крыто и сдѣлало инженерное начальство. То есть прочіе всѣ пожалуй, кому надо было, знали, но дѣлали видъ, что не знали. Это случилось еще при командирѣ команды Г-вѣ. Подполковникъ Г-ковъ упалъ къ намъ какъ съ неба, пробылъ у насъ очень недолго,—если не ошибаюсь, не болѣе полугода, даже и того меньше—и уѣхалъ въ Россію, произведя необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ. Его не то-что любили арестанты, его они обожали, если только можно употребить здѣсь, это слово. Какъ онъ это сдѣлалъ, не знаю, но онъ завоевалъ ихъ съ перваго разу. «Отецъ, отецъ! отца неадо!» говорили поминутно арестанты во все время его управленія инженерною частью. Кутила онъ былъ кажется ужаснѣйшій. Небольшаго роста, съ дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ласковъ съ арестантами, чуть не до нѣжностей, и дѣйствительно буквально любилъ ихъ какъ отецъ. Отчего онъ такъ любилъ арестантовъ—сказать не могу, но онъ не могъ видѣть арестанта, чтобъ не сказать ему ласковаго, веселаго слова, чтобъ не посмѣяться съ нимъ, не пошутить съ нимъ, и главное—ни капли въ этомъ не было чего-нибудь начальственнаго, хоть чего-нибудь обозначавашаго неровную или чисто начальничью ласку. Это былъ свой товарищъ, свой человѣкъ въ высочайшей степени. Но несмотря на весь этотъ инстинктивный демократизмъ его, арестанты ни разу не проступились передъ нимъ въ какой-нибудь непочтительности, фамильярности. Напротивъ. Только все лицо арестанта расцвѣтало, когда онъ встрѣчался съ командиромъ, и снявши шапку, онъ уже смотрѣлъ улыбаясь, когда тотъ подходилъ къ нему. А если тотъ заговорить,—какъ рублемъ подарить. Бываютъ-же такіе популярные люди. Смотрѣлъ онъ молодцомъ, ходилъ прямо, браво. «Орелъ!» говорятъ бывало о немъ арестанты. Облегчить ихъ онъ конечно ничѣмъ не могъ: завѣдывалъ онъ только одними инженерными работами, которыя и при всѣхъ другихъ командирахъ шли въ своемъ всегдашнемъ, разъ заведенномъ законномъ порядкѣ. Развѣ только встрѣтивъ случайно партію на работѣ, видя, что дѣло кончено, не держитъ бывало лишняго времени и отпустить до барабана. Но нравилась его

довѣренность къ арестанту, отсутствіе мелкой щепетильности и раздражительности, совершенное отсутствіе иныхъ оскорбительныхъ формъ въ начальническихъ отношеніяхъ. Потеряй онъ тысячу рублей,—я думаю первый воръ изъ нашихъ, еслибъ нашелъ ихъ, отнесъ бы къ нему. Да, я увѣренъ что такъ было бы. Съ какими глубокимъ участіемъ узнали арестанты, что ихъ орелъ-командиръ поссорился на-смерть съ нашимъ ненавистнымъ маіоромъ. Это случилось въ первый же мѣсяцъ по его прибытіи. Нашъ маіоръ былъ когда-то его сослуживецъ. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки какъ друзья и закутили было вмѣстѣ. Но вдругъ у нихъ порвалось. Они поссорились и Г-въ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ. Слышно было даже, что они подрались при этомъ случаѣ, что съ нашимъ маіоромъ могло случиться: онъ часто дилался. Какъ услышали это арестанты, радости ихъ не было конца. «Осьмиглазому-ли съ такимъ ужиться! тотъ орелъ, а нашъ...», и тутъ обыкновенно прибавлялось словцо, неудобное въ печаги. Ужасно интересовались у насъ тѣмъ, кто изъ нихъ кого поколотилъ. Еслибъ слухъ объ ихъ дракѣ оказался невѣрнымъ (что можетъ-быть такъ и было), то кажется нашимъ арестантикамъ было бы это очень досадно. «Нѣтъ ужъ навѣрно командиръ одолѣлъ, говорили они: — онъ маленькой да удаленькой, а тотъ слышь подъ кровать отъ него залѣзъ». Но скоро Г-ковъ уѣхалъ, и арестанты опять впади въ уныніе. Инженерные командиры были у насъ правда всѣ хороши: при мнѣ смѣнилось ихъ трое или четверо; «да все не нажить ужъ такого, говорили арестанты:—орелъ былъ, орелъ и заступникъ». Вотъ этого-то Г-ковъ очень любилъ всѣхъ насъ дворянъ и подъ конецъ велѣлъ мнѣ и Б—му ходить иногда въ канцелярію. По отъѣздѣ же его это устроилось болѣе правильнымъ образомъ. Изъ инженеровъ были люди (изъ нихъ особенно одинъ) очень намъ симпатизировавшіе. Мы ходили, переписывали бумаги, даже почеркъ нашъ сталъ совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало немедленное повелѣніе повернуть насъ на прежнія работы: кто-то ужъ успѣлъ донести! Впрочемъ это и хорошо было: канцелярія стала намъ обоемъ очень надобъ-дать. Потомъ мы года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили объ нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. Славный былъ онъ человѣкъ; но убѣжденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣкотораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни выстрадано, такую дорогою цѣною они достались, что оторваться отъ нихъ уже слишкомъ больно, почти невозможно. Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ во многомъ можетъ-быть онъ былъ и правѣе меня, не знаю; но мы наконецъ разстались и это было

мнѣ очень больно мы уже много раздѣлили мѣстѣ.

Между тѣмъ М—кій съ годами все какъ-то становился грустнѣе и мрачнѣе. Тоска одолевала его. Прежде, въ первое мое время въ острогѣ, онъ былъ сообщительнѣе, душа его все-таки чаще и больше вырывалась наружу. Уже третій годъ жилъ онъ въ каторгѣ, въ то время какъ я поступилъ. Сначала онъ многимъ интересовался изъ того, что въ эти два года случилось на свѣтѣ и объ чемъ онъ не имѣлъ понятія, сидя въ острогѣ; распрашивалъ меня, слушалъ, волновался. Но подъ конецъ, съ годами все это какъ-то стало въ немъ сосредоточиваться внутри, на сердцѣ. Угли покрывались золою. Озлобленіе росло въ немъ болѣе и болѣе. «Je hais ces brigands» — повторялъ онъ мнѣ часто, съ ненавистью смотря на каторжныхъ, которыхъ я уже успѣлъ узнать ближе и никакіе доводы мои въ ихъ пользу на него не дѣйствовали. Онъ не понималъ, что я говорю; иногда впрочемъ разсѣянно соглашался; но назавтра же опять повторялъ: «Je hais ces brigands». Кстати: мы съ нимъ часто говорили по французски, и за это одинъ приставъ надъ работами, инженерный солдатъ Дранишниковъ, неизвѣстно по какому соображенію, прозвалъ насъ фершелами. М—кій водущевался только вспоминая про свою мать. «Она стара, она больная, — говорилъ онъ мнѣ: — она любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ, а я здѣсь незнаю жива она или нѣтъ? Довольно ужъ для нея того, что она знала какъ меня гоняли сквозь строй...» М—кій былъ не дворянинъ и передъ ссылкой былъ наказанъ тѣлесно. Вспоминая объ этомъ, онъ стискивалъ зубы и старался смотрѣть въ сторону. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ ходить одинъ. Разъ поутру, въ двѣнадцатомъ часу, его потребовали къ коменданту. Комендантъ вышелъ къ нему съ веселой улыбкой.

— Ну, М—кій, что ты сегодня во снѣ видѣлъ? спросилъ онъ его.

«Я такъ и вздрогнулъ, рассказывалъ воротясь къ намъ М—кій. — Мнѣ будто сердце пронзило.»

— Видѣлъ, что письмо отъ матери получилъ, отвѣчалъ онъ.

— Лучше, лучше! возразилъ комендантъ. — Ты свободенъ! Твоя мать просила... просьба ея услышана. Вотъ письмо ея, а вотъ и приказъ о тебѣ. Сейчас же выйдешь изъ острога.

Онъ воротился къ намъ блѣдный, еще неочнувшійся отъ извѣстія. Мы его поздравляли. Онъ жалъ намъ руки своими дрожащими похолодѣвшими руками. Многіе арестанты тоже поздравляли его и рады были его счастью.

Онъ вышелъ на поселеніе и остался въ нашемъ же городѣ. Вскорѣ ему дали мѣсто. Сначала онъ часто приходилъ къ нашему острогу, и когда могъ, сообщалъ намъ разныя новости. Преимущественно политическія очень интересовали его.

Изъ остальныхъ четырехъ, то-есть кромѣ М—го, Т—го, В—го и Ж—го, двое были еще очень

молодые люди, присланные на короткіе сроки, малообразованные, но честные, простые, прямые. Третій, А — чуковский, былъ ужъ слишкомъ просто-вать и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, по четвертый, В — мѣ, человекъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Незнаю какъ онъ попалъ въ разрядъ такихъ преступниковъ, да и самъ онъ отрицалъ это. Это была грубая мелко-мѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обшчитанныя копѣйки. Онъ былъ безо всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный. Скоро начальство узнало о его способностяхъ и весь городъ сталъ требовать В — ма, для малеванья стѣнъ и потолковъ. Въ два года онъ расписалъ почти всѣ казенныя квартиры. Владѣтели квартиръ платили ему отъ себя и жилъ онъ-таки не бѣдно. Но всего лучше было то, что на работу съ нимъ стали посылать и другихъ его товарищей. Изъ тронхъ, ходившихъ съ нимъ постоянно, двое научились у него ремеслу и одинъ изъ нихъ, Т — жевскій, сталъ малевать нехуже его. Нашъ плацъ-маіоръ, занимавшій тоже казенный домъ, въ свою очередь потребовалъ В — ма и велѣлъ расписать ему всѣ стѣны и потолки. Тутъ ужъ В — мѣ постарался: у генераль-губернатора не было такъ расписано. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, довольно дрихлый, и чрезвычайно шелудивый снаружи: расписано же внутри было какъ во дворцѣ и маіоръ былъ въ восторгѣ... Онъ потиралъ руки и говаривалъ, что теперь непременно женится: «при такой квартирѣ нельзя не жениться», прибавлялъ онъ очень серьезно. В — мѣ былъ онъ все болѣе и болѣе доволенъ, а чрезъ него и другими, работавшими съ нимъ вмѣстѣ. Работа шла цѣлый мѣсяцъ. Въ этомъ мѣсяцѣ маіоръ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о всѣхъ нашихъ и началъ имъ покровительствовать. Дошло до того, что однажды вдругъ онъ потребовалъ къ себѣ изъ острога Ж — го.

— Ж — кій! сказалъ онъ, — я тебя оскорбилъ. Я тебя выскѣ напрасно, я знаю это. Я раскаиваюсь. Понимаешь ты это? Я, я, я — раскаиваюсь!

Ж — кій отвѣчалъ, что онъ это понимаетъ.

— Понимаешь ли ты, что я, я, твой начальникъ, призвалъ тебя съ тѣмъ, чтобъ просить у тебя прощенія! Чувствуешь ли ты это? Кто ты передо мной? Червякъ! меньше червяка: ты арестантъ! а я — божьею милостью ⁽¹⁾ маіоръ. Маіоръ! понимаешь ли ты это?

Ж — кій отвѣчалъ, что и это понимаетъ.

— Ну такъ теперь я мирюсь съ тобой. Но чувствуешь ли, чувствуешь ли это вполнѣ, во всей

(1) Буквальное выраженіе, впрочемъ въ мое время употреблявшееся не однимъ нашимъ маіоромъ, а многими мелкими командирами, преимущественно вышедшими изъ нижнихъ чинѣвъ.

полнотѣ? Способенъ ли ты это понять и почувствовать? Сообрази только: я, я, майоръ... и т. д.

Ж—кій самъ рассказывалъ мнѣ всю эту сцену. Стало-быть было же и въ этомъ пьяномъ, вздорномъ и безпорядочномъ человѣкѣ человеческое чувство. Взявъ въ соображеніе его понятія и развитіе, такой поступокъ можно было считать почти великодушнымъ. Впрочемъ пьяный видъ можетъ-быть тому много способствовать.

Мечта его не осуществилась: онъ не женился, хотя ужь совершенно было рѣшился, когда кончили отдѣлывать его квартиру. Въмѣсто женитьбы онъ попалъ подъ-судъ и ему вслѣдъ было подать въ отставку. Тутъ ужь и всѣ старые грѣхи ему припели. Прежде въ этомъ городѣ онъ былъ, помнится, городничимъ... Ударъ упалъ на него неожиданно. Въ острогѣ непомѣрно обрадовались извѣстію. Это былъ праздникъ, торжество! Майоръ, говорятъ, ревѣлъ какъ старая баба и обливался слезами. Но дѣлать нечего. Онъ вышелъ въ отставку, нару сѣрыхъ продалъ, потомъ все имѣніе и впалъ даже въ бѣдность. Мы встрѣчали его потомъ въ штатскомъ изношенномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ кокардочкой. Онъ злобно смотрѣлъ на арестантовъ. Но все обаяніе его прошло, только-что онъ снялъ мундиръ. Въ мундирѣ онъ былъ гроза, богъ. Въ сюртукѣ онъ вдругъ сталъ совершенно ничѣмъ и смахивалъ на лакея. Удивительно, какъ много составляетъ мундиръ у этихъ людей.

XX.

П О Б Ъ Г Ъ.

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-майора случилось коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестантскую роту военного вѣдомства, на основаніи российскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльных каторжныхъ втораго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военного вѣдомства, стало-быть людьми не лишенными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ, наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ впрочемъ и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военного разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другаго мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишенные всѣхъ своихъ правъ, клейменые и бритые вдоль головы,

остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ не приходило, а оставшіеся по-маленьку отжидали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжного. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военного вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ для насъ жизнь продолжалась въ сущности попрежнему: тоже содержаніе, та же работа и почти тѣ же порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и сверхъ того четыре оберъ-офицера, дежурившихъ по-очередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и капитанмусъ. Завелся раздѣлъ по десяткамъ, завелся ефрейтора изъ самыхъ арестантовъ, номинально разумеется, и ужь само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами, попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ высшаго начальника. Вотъ и все что произошло. Разумеется арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ; но когда увидѣли, что въ сущности все осталось по-прежнему, тотчасъ же успокоились и жизнь наша пошла по-старому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго майора; всѣ какъ бы отдохнули и ободрлись. Исчезъ запуганный видъ; всякъ зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясняться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частію людьми порядочными и смѣшными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ впрочемъ выказывали вначалѣ поползновеніе куражиться, и конечно по неопытности, думали обращаться съ арестантами какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго непонимавшимъ, доказали ужь сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкіе столкновенія: напримѣръ соблазнять, напоить унтеръ-офицера, да послѣ того и доложить ему, по-своему разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ ними, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли, или лучше старались не смотрѣть какъ проносятъ пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ галачей, говядину и все прочее, то-есть такое, за что могли взяться безъ большаго зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завелъ арестантскую роту, этого ужь я незнаю. Случилось уже это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два

года еще суждено мнѣ было прожить при новыхъ порядкахъ...

Записывать ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, я ряду все, что случилось и что я видѣлъ и испыталъ въ эти годы, можно бы разумѣется еще написать вторе, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано. Но такое описаніе поневолѣ станетъ наконецъ слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдутъ слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже успѣлъ, по тѣмъ главамъ, которыя написаны, составить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни втораго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ ли я этой цѣли, не знаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Но я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Къ тому же меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспоминаніяхъ. Да врядъ ли я и могу все припомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоятельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсѣмъ забыты мною. Я помню наприимѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, скучные дни были такъ однообразны, точно вода послѣ дождя капала съ крыши по каплѣ. Помню, что одно только страстное желаніе воскресенья, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я наконецъ скрѣпился: я ждалъ, я отсчитывалъ каждый день и не смотря на то, что оставалось ихъ тысячу, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другаго дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ-девяносто-девять. Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ наконецъ это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испытывать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе... Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно все это одного только меня касается... Но я оттого и записалъ это, что мнѣ

кажется всякій это пойметъ, потому-что со всякимъ тоже самое должно случиться, если онъ попадетъ въ тюрьму, на срокъ, въ цвѣтъ лѣтъ и силъ.

Но что объ этомъ!... Лучше расскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что пожалуй кто-нибудь спроситъ: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во всѣ эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, начинаетъ уже цѣнить эти годы и невольно приходитъ къ расчету, что лучше дожить остальное безъ хлопотъ, безъ опасностей и выйдти наконецъ законнымъ образомъ на поселеніе. Но такой расчетъ помѣщается только въ головѣ арестанта, присланнаго не на долгій срокъ. Долголѣтній пожалуй бы и готовъ рискнуть... Но у насъ какъ то этого не дѣлалось. Не знаю, трусили-ль очень, присмотрѣ ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность ли нашего города во многомъ не благопріятствовала (степная, открытая)? — трудно сказать. Я думаю всѣ эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно, убѣжать отъ насъ было трудновато. А между тѣмъ, и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ...

Послѣ смѣны майора, А—въ (тотъ, который шпионилъ ему на острогѣ) остался совершенно одинъ, безъ протекціи. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, но характеръ его укрѣплялся и устанавливался съ лѣтами. Вообще это былъ человѣкъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смысленный. Онъ хотъ бы и продолжалъ шпионить и промышлять разными подземными способами, еслибъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и неразсчитливо какъ прежде, поплатившись за свою глупость ссылкой. Онъ упражнялся у насъ отчасти и въ фальшивыхъ паспортахъ. Не говорю, впрочемъ, утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Говорили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плацъ-майору на кухню, и разумѣется извлекъ изъ этого посильный доходъ. Однимъ словомъ, онъ кажется могъ рѣшиться на все, чтобъ переменить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до возмутительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбуждалъ неопределимое отвращеніе. Мнѣ кажется, еслибъ ему очень захотѣлось выпить шкалика вина, и еслибъ шкаликъ можно было получить не иначе, какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непременно зарѣзалъ; еслибъ только это можно было сдѣлать въ тихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратился свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ немолодой, но страстный, живучій, сильный, съ

чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила, и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И еслибъ я сталъ дивиться, отчего у насъ не бѣгутъ, то разумѣется, подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ больше вліянія: А—въ ли на Куликова, или Куликовъ на А—ва? Не знаю, но оба другъ друга стояли и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется Куликовъ рассчитывалъ, что А — въ приготовить паспорты. А — въ былъ изъ дворянъ, былъ хорошаго общества — это сулило нѣкоторое разнообразіе въ будущихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто знаетъ, какъ они сговорились и какія у нихъ были надежды; по ужъ вѣрно, надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутины сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбирать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, по крайней мѣрѣ на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давить острогъ. Они сговорились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вмѣстѣ конвойнаго. Въ одномъ изъ баталіоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергическій человѣкъ и можетъ быть достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилый, молодцоватый, серьезный. Смолоду, только-что придя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изъ всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знающій себя цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себя цѣну. Я нѣсколько разъ въ эти годы встрѣчалъ его между конвойными. Мнѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Мнѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытую, глухую, всегдашнюю. Этотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они сговорились и назначили день. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно ровный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая: а это и на руку бродягѣ. Разумѣется, они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости: весь городъ стоитъ на юру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство нѣтъ лѣса. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала пробраться на форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Не знаю, были ли форштадтскіе благопріятели ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя потомъ, при дѣлѣ, это несомнѣнно объяснилось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштадта только-что начинала свое

поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозванью Ванька-Танька, подававшая большія надежды и отчасти осуществившая ихъ впоследствии. Звали ее тоже: огонь. Кажется и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорялся на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разводку и ловко устроили такъ, что ихъ отправили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурщикомъ, штукатурить батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагеря. А — въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ. Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троемъ требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру, какъ старому служивому и ефрейтору охотно поручили молодаго рекрутника, въ видахъ па-ставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало-быть имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліяніе на Коллера и повѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долготѣнней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, солидный, расчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ ихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А — въ сказали Шилкину, что пойдутъ въ мастерскую, во-первыхъ, чтобъ повидать кого-то, а во-вторыхъ, кстати ужъ и захватить какой-то инструментъ, который оказался въ недостаткѣ. Съ Шилкинымъ надо было вести дѣло хитро, то-есть, какъ можно натуральнѣе. Онъ былъ москвичъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, пронырливый, умный и малорѣчивый. Наружностью онъ былъ щедушный и испитой. Ему бы вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-московски, но судьба сдѣлала иначе и послѣ долгихъ страстей, онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ разрядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру, не знаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; вѣдь онъ себя смиренно и ровно; иногда только напивался какъ сапожникъ, но велъ себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ, разумѣется, онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Само собою, что Куликовъ мигнулъ ему, что они идутъ за виномъ, которое припасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это тронуло Шилкина; онъ разстался съ ними безъ всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекрутникомъ, а Куликовъ, А—въ и Коллеръ отправились въ форштадтъ.

Прошло молча; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Парень прошелъ сквозь мѣдную трубу. Началъ онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А—въ два раза какъ-будто съ нимъ пошептается, по крайней мѣрѣ Куликовъ мигнулъ ему два раза, онъ это видѣлъ; теперь онъ это все помнитъ. Въ Коллерѣ тоже что-то замѣчалось: по крайней мѣрѣ, уходя съ ними, онъ началъ читать наставленія рекрутнику, какъ

вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то несовсѣмъ естественно, по крайней мѣрѣ отъ Коллера. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время, между тѣмъ, шло, они не возвращались и безпокойство его достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ, сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія начальства. Могли подумать, что онъ отпустилъ товарищей зазнамо, по взаимному соглашенію, и еслибъ онъ промедлилъ объявить объ исчезновеніи Куликова и А—ва, подозрѣнія эти получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣднее время Куликовъ и А—въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что и тогда ужъ что-то подумалъ про нихъ... Пытливо поглядѣлъ онъ на своего конвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокотясь на ружье, и невиннѣйшимъ образомъ прочищалъ пальцемъ свой носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоилъ сообщить ему своихъ мыслей, а просто-запросто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ нижнюю мастерскую. Въ мастерской надо было спросить, не приходили-ль они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣялись: «Еслибъ они просто пошли попить, да погулять въ форштадтъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ—думалъ Шилкинъ—то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказали ему, потому этого не стоило бы отъ него таить». Шилкинъ бросилъ работу и, не заходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельдфебелю и объявилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрнуть не хотѣлъ сначала. Разумѣется и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ виду догадки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ майору. Майоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Доложили самому генераль-губернатору. Преступники были важные и за нихъ могъ быть сильный нагоняй изъ Петербурга. Правильно или нѣтъ, но А—въ причислялся къ преступникамъ политическимъ; Куликовъ былъ «особаго отдѣленія», то-есть архипреступникъ, да еще военный вдобавокъ. Примѣру еще не было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ «особаго отдѣленія». Припомнили кстати, что по правиламъ на каждаго арестанта изъ «особаго отдѣленія» полагалось на работѣ по два конвойныхъ, или по крайней-мѣрѣ одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Вышло стало-быть непріятное дѣло. Посланы были парочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и оставить вездѣ ихъ примѣты. Послали казаковъ въ догону, на ловлю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ началось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ. Всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью. У всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кромѣ того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и раскопалъ муравейникъ,—побѣгъ, и такой побѣгъ, какъ-то родственно отозвался во всѣхъ душахъ и расшевелилъ въ нихъ давно забытыя струны; что-то въ родѣ надежды, удали, возможности перемѣнить свою участь занеселось во всѣхъ сердцахъ. «Бѣжали же вѣдь люди: почемужъ?..» И каждый при этой мысли пріободрился и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней-мѣрѣ всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеровъ. Разумѣется, въ острогѣ тотчасъ же налетѣло начальство. Приѣхалъ и самъ комендантъ. Наши пріободрились и смотрѣли смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой солидностью: «мы дескать умѣемъ дѣла обдѣлывать». Само собою, что о всеобщемъ посѣщеніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Предугадали тоже, что непременно будутъ обыски и заранѣе все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заднимъ умомъ. Такъ и случилось: была большая суматоха; все перерыли, все переискали и—ничего не нашли разумѣется. На послѣ-объединную работу отправили арестантовъ подъ конвоемъ усиленнымъ. Вечеру караульные навѣдывались въ острогѣ поминутно; пересчитали людей лишній разъ противъ обыкновеннаго; при этомъ обсчитались раза два противъ обыкновеннаго. Онъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали съизнова. Потомъ просчитали еще разъ по казармамъ... Однимъ словомъ много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усь себя не дули. Всѣ они смотрѣли чрезвычайно независимо, и какъ это всегда водится въ этихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ: «Ни къ чему значить придратъя нельзя». Само собою начальство думало: «не остались ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшихъ?» и велѣло присматривать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. «Таково ли это дѣло, чтобъ оставлять по себѣ соумышленниковъ!» «Дѣло это тихими стопами дѣлается, а никакъ не иначе». «Да и такой ли человекъ Куликовъ, такой ли человекъ А—въ, чтобъ въ эдакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шитокрыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошелъ; сквозь запертыя двери пройдутъ!» Однимъ словомъ Куликовъ и А—въ возросли въ своей славѣ; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогъ переживетъ.

— Народъ мастеръ! говорили одни.

— Вотъ думали, что у насъ не бѣгутъ. Бѣжали же!.. прибавляли другіе.

— Бѣжали! выискался третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ—Да кто бѣжалъ-то?.. Тебѣ что ли пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непременно отвѣчалъ бы на вызовъ и защитилъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. «Въ самомъ дѣлѣ: не всѣ-жъ такіе какъ Куликовъ и А-въ; покажи себя сначала...»

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то разслабленнаго, но втайнѣ самодовольнаго чувства, и подпирая ладонью щеку.—Что мы здѣсь? Жили—не люди, померли—не покойники. Ээхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего ээхъ?

— Да вотъ же Куликовъ... ввязался было одинъ изъ горячихъ, молодой и желторотый паренекъ.

— Куликовъ! подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня:—Куликовъ!..

То-есть это значить: много ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А-въ же, братцы! дошлый, ухъ дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ. Кольцовъ не найти концовъ!

— А далеко-ль они теперь ушли, братцы, желательнo знать...

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко-ль они ушли? и въ какую сторону пошли? и гдѣ бы имъ лучше идти? и какая волость ближе? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любопытствомъ слушали. Говорили о жителяхъ сосѣднихъ деревень и рѣшили, что это народъ неподходящій. Близко къ городу, натертый народъ; арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы лихой живетъ. У-у-у мужикъ!

— Неосновательный мужикъ!

— Сибирякъ соленныя уши. Не попадайся, убьетъ.

— Ну да наши-то...

— Само-собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не помремъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? изловятъ?

— Я думаю ихъ ни въ жисть не изловятъ! подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм. Ну, тутъ ужъ какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, подхватываетъ Скуратовъ:—будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и

слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! подхватываетъ онъ съ энергіей:—я братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя дивлюсь: вотъ кажишь сквозь щелку бы пролѣзъ, а не поймали-бъ.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь.

Общій хохотъ.

— За хлѣбомъ? врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Васей коровью смерть убили, (*) оттого и сюда пришли.

Хохотъ подымается сильнѣе. Серьезные смотрятъ еще съ большимъ негодованіемъ.

— Анъ врешь! кричитъ Скуратовъ:—это Микитка про меня набухвостилъ, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужъ такъ заодно приплели. Я москвичъ и снзидѣства на бродяжествѣ испитанъ. Меня какъ дьячокъ еще грамотѣ училъ, тянетъ бывало за ухо: тверди «помилуй мя Боже по милости твоей» и такъ дальше... А я и твержу за нимъ: «повели меня въ полицію по милости твоей» и такъ дальше... Такъ вотъ я какъ съ самаго снзмалѣтства поступать началъ.

Всѣ опять захохотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялся опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и посмирнѣе только радовались на нихъ глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на кухнѣ большая; разумѣется интеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина Маметку, невысокаго роста, скулистаго, чрезвычайно комическую фигуру. Онъ почти ничего не говорилъ по-русски и почти ничего не понималъ, что другіе говорятъ, но туда же просовывалъ голову изъ-за толпы и слушалъ, съ наслажденіемъ слушалъ.

— Что, Маметка, якиш? присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якиш! ухъ якиш! забормоталъ весь оживляясь Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головой: —якиш!

— Не поймаютъ ихъ? іокъ?

— Іокъ, іокъ! и Маметка заболталъ опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значить твоя врала, моя не разобрала, такъ чтоли?

— Такъ, такъ, якиш! подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну и якиш!

И Скуратовъ щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ ве-

(*) То-есть убилъ мужика или бабу, подозревая, что они пустили по вѣтру порчу, отъ которой падаетъ скотъ. У насъ былъ одинъ такой убійца.

селѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ нѣко-
торомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленные погони и поиски въ окрестностяхъ. Не знаю какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху ни духу, пропали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣжавшихъ исчезло. «Ничего не найдутъ, никого не поймаютъ!» говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пуля!

— Прощайте, не страшайте, скоро ворочусь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на ноги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ! говорили наши, подсмѣиваясь: — у нихъ вѣрно есть такой человѣкъ, у котораго они теперь проживаютъ.

— Безпремѣнно есть! говорили другіе: — не такой народъ; все впередъ изготовили.

Пошли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ можетъ еще въ форштатѣ сидятъ, гдѣ нибудь въ погребѣ переживаютъ, пока «трелога» пройдетъ, да волоса обростутъ. Полгода, годъ проживутъ, а тамъ и пойдутъ...

Однимъ словомъ всѣ были даже въ какомъ-то романическомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дней восемь спустя послѣ побѣга, пронесся слухъ, что напали на слѣдъ. Разумѣется нелѣпый слухъ былъ тотчасъ же отвергнутъ съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везутъ. Послѣ обѣда узнали еще больше подробностей: изловили въ семидесяти верстахъ, въ такой-то деревнѣ. Наконецъ получилось точное извѣстіе. Фельдфебель, воротясь отъ маіора, объявилъ положительно, что къ вечеру ихъ привезутъ, прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ приуныли. Потомъ проглянуло какое-то поползновеніе къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ самостоятельно и которыхъ не могли сбить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ какъ прежде возносили Куликова и А — ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажденіемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ то обидѣли. Рассказывали съ презрительнымъ видомъ, что имъ ѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ

деревню къ мужикамъ просить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Зпрочемъ эти рассказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣдили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ повечеру дѣйствительно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жандармами, вся каторга высыпала къ палямъ смотрѣть, что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется ничего не увидали, кромѣ маіорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и на завтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестантовъ вскорѣ упали сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали что нечего было больше и дѣлать какъ здаться, и всѣ стали сердечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровятъ тысячу, говорили одни.

— Куда тысячу! говорили другіе: — забьютъ. А — ву пожалуй тысячу, а того забьютъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожь не угадали. А — ву вышло всего пятьсотъ; взяли во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый проступокъ. Куликову дали кажется полторы тысячи. Наказывали довольно милосердо. Они, какъ люди толковые, никого передъ судомъ не запутали, говорили ясно, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, неходя никуда. Всѣхъ больше мнѣ было жалъ Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошелъ больше всѣхъ, кажется двѣ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, только не въ нашъ острогъ. А — ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лекаря. Но онъ куражился и громко говорилъ въ госпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошелъ, на все готовъ и не то еще сдѣлаетъ. Куликовъ велъ себя по всегдашнему, то есть солидно, прилично, и воротясь послѣ наказания въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто никогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддержать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе за панибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ, съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣхъ такъ много значитъ между людьми...

XXI.

ВЫХОДЪ ИЗЪ КАТОРГИ.

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ,

несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предъидущіе годы ссылки. Во-первыхъ между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человекъ. Многіе изъ нихъ были мнѣ преданы и искренно любили меня. Пионеръ чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ еще, цѣлый мѣсяцъ жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ, такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ кажется тяжело было сказать со мной слово—Богъ знаетъ отчего. Казалось между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давшіе школыныя товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я не читалъ ни одной книги и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много ль я отсталъ отъ этой жизни? много ль прожили они тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде въ мое время волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человека... Но уже звучали и новыя имена: явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ плацъ-маіорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска были бы непремѣнно запросы: «откуда книги? гдѣ взял? Стало бытъ имѣешь сношенія?..» А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому живя безъ книгъ, я поневолѣ углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался разрѣшить ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь...

Поступилъ я въ острогъ зимой и потому зимой

же долженъ былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи. Но вотъ уже и прошло лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала наконецъ эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе, встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время арестанты, заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка Александръ Петровичъ на свободу, скоро, скоро. Оставьте насъ однихъ, бабылей.

— А что, Мартыновъ, вамъ-то скоро ли? отвѣчаю я.

— Мнѣ-то! ну да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ-будто стали со мной обращаться привѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К-чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человекъ, тоже какъ и я любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и наверстать весь вредъ душевныхъ казарменныхъ ночей. «Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтаясь однажды со мной на прогулкѣ:—вы выйдете и *ужъ я буду знать тогда*, что мнѣ ровно годъ остается до выхода.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободѣе настоящей свободы, то есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офицерскій депшикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человека, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небрптый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканунѣ самаго послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ *въ послѣдній разъ* около палъ весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами скитался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это

было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ плѣну нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжить, и какъ-бы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чѣмъ-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубамъ нашихъ казармъ. Какъ привѣтливо поразили они меня *тогда*, въ первое время. Должно-быть и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ эго было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ всѣхъ силъ хлопо-

талъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандалники и нѣсколько денегъ. «Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы:—мнѣ васъ-то какво потерять, Александръ Петровичъ? на кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!» Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимомъ Акимычемъ.

— Вотъ и вамъ скоро! сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею и мы поцѣловались.

Минутъ десять спустя послѣ выхода арестантовъ вышли и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться,—я и мой товарищъ, съ которыми я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковывали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Зеклепку-то, заклепку-то повороти перво-на-перво!.. командовалъ старшій:—установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось подержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну съ-Богомъ! съ-Богомъ! говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ-будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да съ-Богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!



БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

Охъ, ужъ эти мнѣ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, утѣшительное, а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!... Вотъ ужъ запретить бы имъ писать! Ну, на что это похоже: читаешь... невольно задумаешься,—а тамъ всякая дребедень и пойдетъ въ голову; право бы запретить имъ писать; такъ-таки просто вовсе бы запретить.

Кн. В. О. Одоевскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нельзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямыца, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочикъ-другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, готовлю бумагу, чиню перо, вдругъ, невзначай, поднимаю глаза,—право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнутъ и прицѣпленъ къ горшку съ бальзамомъ, точнехонько такъ какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ же мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что милovidнаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попинешь что-нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька,—помните ли, ангельчикъ? Знаете ли, голубчикъ мой, мнѣ даже

показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда ли? Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли ужъ знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите занавѣску — значитъ прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымите — значитъ съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? Что же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите ли, душечка моя, какъ это ловко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, не правда ли? А вѣдь придумочка-то моя! А что, каковъ я на эти, дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, пвсегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ—любо-весело! Что это какое утро сего-дня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживляется—ну, и остальное тамъ все было тоже соответственное; все въ порядкѣ, по весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съ птичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и тревоженіи, должны тоже заводить беззаботному и невинному счастью небесныхъ птицъ,—ну и остальное все такое же, сему же подобное; т. е. я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней то же самое, все такое же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разные бывають мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна,

такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое же желаніе въ стишкахъ и пишетъ—

Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!

Ну и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не собирался, а вы, ужъ подлинно какъ птичка весенняя, порхнули изъ комнаты и по двору прошли такая веселенькая. Какъ мнѣ-то было весело на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька!—вы не грустите; слезами горю помочь нельзя; это я знаю, маточка моя, это я на опытъ знаю. Теперь же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились.—Ну, что ваша Федора? Ахъ, какая же она добрая женщина! Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь, и всѣмъ ли вы довольны? Федора-то немного ворчлива; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ,—тоже и добрая и вѣрная женщина. А ужъ какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! какъ они передаваться-то будутъ? А вотъ какъ-тутъ послалъ Господь на наше счастье Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую-нибудь.

Ну, въ какую же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужъ квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете:—смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно нумера, все такъ въ рядъ простираются. Ну вотъ и нанимаютъ эти нумера, а въ нихъ по одной комнатѣ въ каждомъ; живутъ въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте—Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чинovníкъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ;—умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; Англичанинъ учитель живетъ.—Постойте, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокъ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе

будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, нумеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все,—однимъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ чтонибудь такое пное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ дескать кухня!—т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше,—можетъ-быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій, васъ мимоходомъ увидишь—все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стоитъ. Не по карману! А моя квартира стоитъ мнѣ семь руб. ассигн.; да столъ пять цѣлковыхъ вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, за то во многомъ себѣ отказывалъ; чай пилъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько-нибудь требуется—ну сапожники какіе-нибудь, платьишко—много ль останется? Вотъ и все мое жалованье Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ.—Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку—не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли, все какъ-можно-подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Дьмушкинымъ.

Р. S. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Апрѣля 8.

М. Г. Макаръ Алексѣвичъ!

Знаете ли, что придется наконецъ совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣвичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вамъ стоятъ, какихъ лишеній и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ сплахъ вамъ воздать и за тѣ благодаренія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоитъ неосторожно сказать, какъ напр. объ этой герани, ужъ вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посредникъ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте мнѣ самой разбогатѣть! Оедора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнатѣ,—чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И право, я сейчасъ же по письму угадала, что у васъ что-нибудь да не такъ—и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, я думаю, ужъ нѣтъ ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и недостаетъ въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣвичъ! И ощущенія нѣжныя и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ—все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣвичъ! Что вы тамъ не говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобы обмануть меня, чтобы показать, что они всѣ сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь пзъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напр., такую квартиру нанять? Вѣдь васъ беспокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Оедора говоритъ, что вы прежде и не въ-примѣръ лучше теперешняго жили. Неужели жъ вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣвичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша

ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, известна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ, не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мнѣ было такъ хорошо; Оедора давно уже работала, да и мнѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Цѣлое утро мнѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли, грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю будущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что со мной станется. Назадъ и посмотрѣть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣла бы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшпть. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отъ-чего это, Макаръ Алексѣвичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала 20 копѣекъ. Да! чуть-было не забыла: непременно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житѣ-бытѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно ли вы съ ними живете? Мнѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непременно напишите! Сегодня ужъ я нарочно уголъ загну. Ложитесь пораньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощайте. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужъ день такой! Прощайте,

Ваша

Варвара Доброселова.

Апрѣля 8-го.

Милостивая государыня,

Варвара Алексѣвна!

Да, маточка, да, родная моя, знать ужъ денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да; подпутили вы надо мной, старикомъ, Варвара Алексѣвна! Впрочемъ, самъ виноватъ, кругомъ виноватъ! Не пускается бы на старости лѣтъ съ ключкомъ волость въ амурѣ да въ эживоки... И еще скажу, маточка: чуденъ иногда человѣкъ, очень чуденъ. И, святые вы мои! о чемъ заговорить занесетъ подъ-часъ! А что выходитъ-то, что слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня, Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ,

досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-шоголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того, ни съ сего такой праздникъ былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что вышло-то потомъ изъ этого! Ужъ потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало по прежнему — и сѣренько и темненько. Все тѣ же чернильныя пятна, все тѣ же столы и бумаги, да и я все такой же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ же и остался, — такъ чего же тутъ было на Пегасѣ-то ѣздить? Да изъ чего это вышло то все? Что солнышко проглянуло, да небо полазоревѣло! отъ этого что-ли? Да и что за ароматы такіе, когда на нашемъ дворѣ подъ окнами и чему-чему не случается быть! Знать, это мнѣ все съ-дуру такъ показалось. А вѣдь случается же иногда заблудиться такъ человѣку въ собственныхъ чувствахъ своихъ, да занести околесную. Это ни отъ чего пнаго происходитъ, какъ отъ излишней, глупой горячности сердца. Домой-то я не пришелъ, а припелся; ни съ того-ни съ сего голова у меня разболѣлась; ужъ это знать все одно къ одному. (Въ спину что ли надуло мнѣ.) Я веснѣ-то обрадовался дуракомъ-дуракомъ, да въ холодной шинели пошелъ. И въ чувствахъ-то вы моихъ ошиблись, родная моя! Изліяніе-то ихъ совершенно въ другую сторону приняли. Отецеская пріязнь одушевляла меня, единственная чистая отецеская пріязнь, Варвара Алексѣевна; ибо я занимаю у васъ мѣсто отца роднаго, по горькому сиротству вашему; говорю это отъ души, отъ чистаго сердца, по родственному. Ужъ какъ бы тамъ ни было, а я вамъ хоть дальній родной, хоть по пословицѣ и седьмая вода на киселѣ, а все-таки родственникъ, и теперь ближайшій родственникъ и покровитель; ибо тамъ, гдѣ вы ближе всего имѣли право искать покровительства и защиты, пашли вы предательство и обиду. А насчетъ стиховъ скажу я вамъ, маточка, что неприлично мнѣ на старости лѣтъ въ составленіи стиховъ упражняться. Стихи вздоръ! За стихи и въ школахъ теперь ребятишекъ съкутъ... вотъ оно что, родная моя.

Что это вы пишете мнѣ, Варвара Алексѣевна, про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брезгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ чего же на старости-то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать! — Не графскаго рода! — Родитель мой былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей былъ бѣднѣ меня по доходу. Я не нѣженка! Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей все было не въ примѣръ лучше; попривольнѣе было, маточка. Конечно, и теперешняя моя квартира хороша, даже въ нѣкоторомъ отношеніи веселѣе, и если хотите разнообразнѣе; я противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль. Мы, старые, т. е. пожилые люди, къ старымъ вещамъ какъ къ родному чему, привыкаемъ. Квартирка-то была,

знаете, маленькая такая; стѣны были... ну, да что говорить! — стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло, а вотъ воспоминанія-то обо всемъ моемъ прежнемъ на меня тоску нагоняють... Странное дѣло — тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя. Даже что дурно было, на что подъ часъ и досадовалъ, и то въ воспоминаніяхъ какъ-то очищается отъ дурнаго и предстаетъ воображенію моему въ привлекательномъ видѣ. Тихо жили мы, Варинька; я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вотъ и старушку-то мою съ грустнымъ чувствомъ припоминаю теперь! Хорошая была она женщина и не дорого брала за квартиру. Она, бывало, все вязала изъ лоскутковъ разныхъ одѣяла на аршинныхъ спицахъ; только этимъ и занималась. Огонь-то мы съ нею вмѣстѣ держали, такъ за однимъ столомъ и работали. Внучка у ней Маша была — ребенкомъ еще помню ее — лѣтъ тринадцати теперь будетъ дѣвочка. Такая шалунья была, веселенькая, все насъ смѣшила: вотъ мы втроемъ такъ и жили. Бывало, въ длинный зимній вечеръ присядемъ къ круглому столу, выпьемъ чайку, а потомъ и за дѣло примемся. А старушка, чтобъ Машѣ не скучно было, да чтобъ не шалила шалунья, сказки, бывало, начнетъ сказывать. И какія сказки-то были! Не то что дптя, и толковый и умный человѣкъ заслушается. Чего! самъ я, бывало, закурю себѣ трубочку, да такъ заслушаюсь, что и про дѣло забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопретъ рученкой розовую щечку, ротикъ свой раскроетъ хорошенькій, и чуть страшная сказка, такъ жмется, жмется къ старушкѣ. А намъ-то любо было смотрѣть на нее; и не увидишь, какъ свѣчка нагоритъ, не слышишь, какъ на дворѣ подчасъ и вьюга злится и метель мететь. — Хорошо было намъ жить, Варинька; и вотъ такъ-то мы чуть ли не двадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили. — Да что я тутъ заболтался! Вамъ, можетъ-быть, такая матерія не нравится, да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко, — особенно теперь: время сумерки. Тереза съ чѣмъ-то возится, у меня болитъ голова, да и спина немного болитъ, да и мысли-то такія чудныя, какъ-будто и онѣ тоже болятъ; грустно мнѣ сегодня, Варинька! — Что же это вы пишете, родная моя? Какъ же я къ вамъ приду? Голубчикъ мой, что люди-то скажутъ? Вѣдь вотъ черезъ дворъ перейти пужно будетъ, наши замѣтятъ, разспрашивать станутъ, — толки пойдутъ, сплетни пойдутъ, дѣлу дадутъ другой смыслъ. Нѣтъ, ангельчикъ мой, я ужъ васъ лучше завтра у всенощной увижу; это будетъ благоразумнѣе и для обоихъ насъ безвреднѣе. Да не взыщите на мнѣ, маточка, за то, что я вамъ такое письмо написалъ; какъ перечелъ, такъ и вижу, что все такое безсвязное. Я, Варинька, старый, неученый человѣкъ; съ-молodu не выучился, а теперь и въ умъ ничего не пойдетъ, коли снова учиться начинать. Сознаюсь, маточка, не мастеръ описывать и знаю, безъ чужаго пнаго указанія и пересмѣиванія, что если захочу что-нибудь написать позатѣйливѣе, такъ

вздору нагорожу. — Видѣлъ васъ у окна сегодня, видѣлъ какъ вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни васъ, Господь! Прощайте, Варвара Алексѣвна.

Вашъ безкорыстный другъ

Макаръ Двухининъ.

Р. С. Я, родная моя, сатиры-то ни объ комъ не пишу теперь. Старъ я сталъ, матушка, Варвара Алексѣвна, чтобъ попусту зубы скалить! и надо мной засмѣются, по русской пословицѣ: — кто, дескать, другому яму роетъ, такъ тотъ... и самъ туда же.

Апрѣля 9-го.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣвичъ!

Ну, какъ вамъ не стыдно, другъ мой и благодѣтель, Макаръ Алексѣвичъ, такъ закручиниться и закапризничать. Неужели вы обидѣлись! Ахъ, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте увѣрены, что я никогда не осмѣлюсь шутить надъ вашими годами и надъ вашимъ характеромъ. Случилось же это все по моей вѣтренности, а болѣе потому, что ужасно скучно, а отъ скуки и за что не возьмешься? Я же полагала, что вы сами въ своемъ письмѣ хотѣли посмѣяться. Мнѣ ужасно грустно стало, когда я увидѣла, что вы недовольны мною. Нѣтъ, добрый другъ мой и благодѣтель, вы ошибаетесь, если будете подозрѣвать меня въ нечувствительности и неблагодарности. Я умѣю оцѣнить въ моемъ сердцѣ все, что вы для меня сдѣлали, защитивъ меня отъ злыхъ людей, отъ ихъ гоненія и ненависти. Я вѣчно буду за васъ Бога молить, и если моя молитва доходна къ Богу и небо внемлетъ ей, то вы будете счастливы.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровою. Во мнѣ жаръ и ознобъ попеременно. Федора за меня очень беспокоится. Вы напрасно стыдитесь ходить къ намъ, Макаръ Алексѣвичъ. Какое другимъ дѣло! Вы съ нами знакомы, и дѣло съ концомъ!.. Прощайте, Макаръ Алексѣвичъ. Болѣе писать теперь не о чемъ, да и не могу: ужасно нездоровится. Прошу васъ еще разъ не сердиться на меня и быть увѣрену въ томъ всегдашнемъ почтеніи и въ той привязанности,

съ каковыми честь имѣю пребыть
наипреданнѣйшею и покорнѣйшею
услужницей вашей

Варварой Доброселовой.

Апрѣля 12.

Милостивая Государыня

Варвара Алексѣвна!

Ахъ, маточка моя, что это съ вами! Вѣдь вотъ

каждый-то разъ вы меня такъ пугаете. Пишу вамъ въ каждомъ письмѣ, чтобъ вы береглись, чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду, осторожность во всемъ наблюдали бы, — а вы, ангельчикъ мой, меня и не слушаетесь. Ахъ, голубчикъ мой, ну словно вы дитя какое нибудь! Вѣдь вы слабенькія, какъ соломенка слабенькія, это я знаю. Чуть вѣтерочикъ какой, такъ ужъ вы и хвораете. Такъ остерегаться нужно, самой о себѣ стараться, опасностей избѣгать, и друзей своихъ въ горе и въ уныніе не вводить.

Изъявляете желаніе, маточка, въ подробности узнать о моемъ житьѣ-бытьѣ и обо всемъ, меня окружающемъ. Съ радостію снѣшу исполнить ваше желаніе, родная моя. Начну съ начала, маточка: больше порядку будетъ. Во-первыхъ, въ домѣ у насъ на чистомъ входѣ лѣстницы весьма посредственные; особенно парадная—чистая, свѣтлая, широкая все чугуномъ да красное дерево. За то ужъ про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стѣны такія жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опираешься. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, веточки развѣшаны, окна повывбиты; лоханки стоятъ со всякою нечистью, съ грязью, съ соромъ, съ яичною скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ, нехорошо.

Я уже описывалъ вамъ расположеніе комнатъ; оно, — нечего сказать, — удобно, это правда, но какъ-то въ нихъ душно, то есть не то, чтобы оно пахло дурно, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-усласенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего; стоить только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ и не почувствуешь, какъ все пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и руки пропахнутъ, и все пропахнетъ, — ну и привыкнешь. У насъ чпжики такъ и мрутъ. Мячманъ ужъ пятого покупаетъ, — не живутъ въ нашемъ воздухѣ да и только. Кухня у насъ большая, обширная, свѣтлая. Правда, по утрамъ чадно немного, когда рыбу или говядину жарятъ, да и нальютъ и намочатъ вездѣ, за то ужъ вечеромъ рай. Въ кухнѣ у насъ на веревкахъ всегда бѣлье виситъ старое; а такъ какъ моя комната не далеко, то есть почти примыкаетъ къ кухнѣ, то запахъ отъ бѣлья меня беспокоитъ немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь.

Съ самаго разнаго утра, Варинька, у насъ начинается, встаютъ, ходятъ, стучатъ, — это поднимаются всѣ, кому надо, кто въ службѣ или такъ, самъ по себѣ; всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частію, мало ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто упадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что же писать! Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ

мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ рассказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульскимъ засѣдательемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отыскалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непременно хотѣли, чтобы я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись ли они, нѣтъ ли надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вопелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ, и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужъ никто со мною и не говорилъ все время: да я, по правдѣ, радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь; азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варинька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что прегадная женщина наша хозяйка, къ тому же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая, какъ общипанный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдонъ, хозяйскій слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кривой, курносый, грубіанъ: все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ, чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобы этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться—этого никогда не бываетъ. Ужъ вѣчно гдѣ нибудь сидятъ, да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что зазорно рассказывать. Теперь ужъ я все-таки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату занимаетъ, только не рядомъ съ другими нумерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смиренны! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огорожаясь въ ней перегородкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платкѣ, что больно смотреть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ корридорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни что ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужъ я застѣнчивъ подь-часъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него—жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отребьи. Они, я слы-

шалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самаго-то Горшкова неприятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то, что ли ужъ, истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны—Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда нибудь порѣзвились, поиграли дѣти, а ужъ это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипываніе, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой, Варинька! Описалъ я вамъ все, какъ умѣлъ. Сегодня я весь день все только объ васъ и думаю. У меня за васъ, родная моя, все сердце изныло. Вѣдь вотъ, душечка моя, я вотъ знаю, что у васъ теплаго салона нѣтъ. Ужъ эти мнѣ петербургскія весны, вѣтры, да дождички со снѣжочкомъ,—ужъ это смерть моя, Варинька! Такое благораствореніе воздуховъ, что убереги меня, Господи! Не взыщете, душечка, на писаніи; слогу нѣтъ, Варинька, слогу нѣтъ никакого. Хотъ бы какой нибудь былъ! Пишу, что на умъ взбредетъ, такъ, чтобы васъ только поразвеселить чѣмъ нибудь. Вѣдь вотъ, еслибъ я учился какъ нибудь, дѣло другое; а то вѣдь какъ я учился? даже и не на мѣдныхъ деньги.

Вашъ всегдашній и вѣрный другъ

Макаръ Двѣушкинъ.

Апрѣля 25-го.

М. г. Макаръ Алексѣевичъ!

Сегодня двоюродную сестру мою Саму встрѣтила! Ужасъ! и она погибнетъ, бѣдная! Услышала я тоже со стороны, что Анна Ѳедоровна все обо мнѣ вывѣдываетъ. Она, кажется, никогда не перестанетъ меня преслѣдовать. Она говоритъ, что хочетъ *простить* меня, забыть все прошедшее, и что непременно сама навѣститъ меня. Говоритъ, что вы мнѣ вовсе не родственникъ, что она ближе мнѣ родственница, что въ семейныя отношенія наши вы не имѣете никакого права входить, и что мнѣ стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ-соль, что она меня съ матушкой, можетъ быть, отъ голодной смерти избавила, что она насъ поила-кормила, и слишкомъ два съ половиною года на насъ убыточилась, что она намъ сверхъ всего этого долгъ простила. И матушку-то она пощадить не хотѣла! А если бы знала бѣд-

ная матушка, что она со мною сдѣлала! Богъ видѣть!.. Анна Ѳедоровна говоритъ, что я по глупости моей своего счастья удержать не умѣла, что она сама меня на счастье наводила, что она ни въ чемъ остальномъ не виновата, и что я сама за честь свою не умѣла, а, можетъ быть, и не хотѣла вступить. А кто же тутъ виноватъ, Боже великій! Она говоритъ, что господинъ Быковъ правъ совершенно, и что не на всякой же жениться, которая... да что писать! Жестоко слышать такую неправду, Макаръ Алексѣвичъ! Я не знаю, что со мной теперь дѣлается. Я дрожу, плачу, рыдаю; это письмо я вамъ два часа писала. Я думала, что она по крайней мѣрѣ сознаетъ свою вину предо мною; а она вотъ какъ теперь!—Ради Бога, не тревожьтесь. другъ мой, единственный доброжелатель мой! Ѳедора все преувеличиваетъ: я не больна. Я только простудилась немного вчера, когда ходила на Волково къ матушкѣ панцихиду служить. Зачѣмъ вы не пошли вмѣстѣ со мною;—я васъ такъ просила. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя матушка, еслибъ ты встала изъ гроба, еслибъ ты знала, еслибъ ты видѣла, что они со мною сдѣлали!..

В. Д.

Мая 20-го.

Голубчикъ мой, Варинька!

Посылаю вамъ винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорятъ, хорошо, да и докторъ рекомендуетъ для утоленія жажды, такъ только единственно для жажды. Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю. Есть ли у васъ аппетитъ, душечка?—вотъ что главное. Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадимъ благодареніе Небу! А что до книжекъ касается, то достать покамѣстъ нигдѣ не могу. Есть тутъ говорятъ, хорошая книжка одна, и весьма высокимъ слогомъ написанная; говорятъ, что хороша, я самъ не читалъ, а здѣсь очень хвалятъ. Я просилъ ее для себя; общались препроводить. Только будете ли вы-то читать? Вы у меня на этотъ счетъ привередница; трудно угодить на вашъ вкусъ, ужъ я васъ знаю, голубчикъ вы мой; вамъ вѣрно все стихотворство надобно, воздыханій, амуровъ,—ну, и стиховъ достану, всего достану; тамъ есть тетрадка одна переписанная.

Я-то живу хорошо. Вы, маточка, обо мнѣ не беспокойтесь, пожалуйста. А что Ѳедора вамъ сказала на меня, такъ все это вздоръ; вы ей скажите, что она нагала, непременно скажите ей, сплетницѣ!.. Я новаго виць-мундира совсѣмъ не продавалъ. Да и зачѣмъ, сами разсудите, зачѣмъ продавать? Вотъ, говорятъ, мнѣ сорокъ рублей серебромъ награжденія выходитъ, такъ зачѣмъ же продавать? Вы, маточка, не беспокойтесь;—она мнительна, Ѳедора-то, она мнительна. Заживемъ

мы, голубчикъ мой! Только вы-то, ангельчикъ, выздоравливайте, ради Бога, выздоравливайте, не огорчите старика. Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ? Клевета, опять клевета! здоровехонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло: вотъ только бы вы-то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчикъ; цалую всѣ ваши пальчики и пребываю

вашимъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ

Макаръ Двѣушкинъ.

Р. С. Ахъ, душенька моя, что это вы опять въ самомъ-дѣлѣ стали писать?.. О чемъ вы блажите-то! да какъ же мнѣ ходить къ вамъ такъ часто, маточка, какъ? я васъ спрашиваю. Развѣ темнотою ночью пользуясь; да вотъ теперь и ночей-то почти не бываетъ: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчикъ, васъ почти совсѣмъ не покидалъ во все время болѣзни вашей, во время безпамятства-то вашего; но и тутъ я и самъ ужъ не знаю, какъ я всѣ эти дѣла обдѣлывалъ; да и то потомъ пересталъ ходить; ибо любопытствовать и спрашивать начали. Здѣсь ужъ и безъ того сплетня заплелась какая то. Я на Терезу надѣюсь; она не болтлива; но все же, сами разсудите вы, маточка, каково это будетъ, когда они все узнаютъ про насъ? Что-то они подумаютъ и что они скажутъ тогда?—Такъ вотъ вы скрѣпите сердечко, маточка, да переждите до выздоровленія; а мы потомъ ужъ такъ виѣ дома, гдѣ-нибудь рандеву дадимъ.

Іюня 1.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣвичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что-нибудь удобное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась наконецъ на такую попытку въ моемъ коммодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей. Вы часто съ любопытствомъ спрашивали о моемъ прежнемъ житѣ-бытѣ, о матушкѣ, о Покровскомъ, о моемъ пребываніи у Анны Ѳедоровны и, наконецъ, о недавнихъ несчастіяхъ моихъ, и такъ нетерпѣливо желали прочесть эту тетрадь, гдѣ мнѣ вздумалось, Богъ-знаетъ для чего, отмѣтить кое-какія мгновенія изъ моей жизни, что я не сомнѣваюсь принести вамъ большое удовольствіе моею посылкою. Мнѣ же какъ то грустно было перечитывать это. Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ-тѣхъ-поръ какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ разные сроки. Прощайте, Макаръ Алексѣвичъ! Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ бессонница. Прескучное выздоровленіе!

В. Д.

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П-го, въ Т-й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ—и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья. Исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье;—дома послѣ бранять, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П-й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Падѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело: а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, сыкость и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Какъ-то мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты—меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать поутру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно

была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что-то долженъ.) Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждого посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурился, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда-нибудь въ уголокъ за книжку—смирно, тихо, пошевеливаться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по приѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было;—гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу-себѣ за разговорами или вокабуламъ, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ наппми; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо!—Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давая въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Какъ къ завтра урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. За то какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, рассказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ-будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, рассказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьезные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ

Ломонда—и всё мы такъ веселы, такъ довольны. Мы и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всёми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ-знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было проплатить боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона—все такія грустные лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до-сихъ-поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всё неудачи, всё несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впади, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мы доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужъ Богъ знаетъ до чего доходило: часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!... И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона перервавшая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ-поръ не можетъ найти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я видно безчувственная, каменная—однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужъ это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣдную батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней виѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ ан Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мы тогда

только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашей бѣдственности положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужъ слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадѣжность, беспомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила наконецъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностію. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебрались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то непонятной, страшной тоски... Тяжкое было время.

II.

Сначала, покамѣстъ еще мы, то-есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что она дѣлала, о чемъ заботилась, и для чего заботилась, этого я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все,

бывало, гости ѣздили, и все Богъ-знаетъ какіе люди, всегда по какому-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда увозила меня въ нашу комнату, бывало, только-что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и непрерывно твердила, что ужъ мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости; точно также я только теперь узнала, или по-крайней-мѣрѣ предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она непрерывно насъ мучила. До-сихъ-поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она приглашала насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова, — а потомъ ужъ и выказала свой настоящій характеръ вполне, какъ увидела, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда. Впослѣдствіи, со мной она сдѣлалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла за одно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богаты тѣмъ и рада; было ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ-знаетъ, пришлось бы, можетъ-быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она не говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день-отъ-дня хуже, она видимо чахла, а между-тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Ѳедоровнѣ; она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться, пужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непременно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала; все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ похожъ на предыдущій. Мы жили тихо, какъ-будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало-по-малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполне сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, иногда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей ком-

натѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи — всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была прептѣливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться, за тѣмъ, что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человекъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смиренно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша непрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ въ добавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человекъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей, — разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила заодно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ бы раздражить и вывести его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно.) Разъ мы раздражили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: «Злая дѣти.» Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно и горько и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончивъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывести, стало быть, мы насильно заставили

его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютѣмъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянья. Говорятъ, что раскаянье облегчаетъ душу—напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбію. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня, я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подъ-часъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда-либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія;—такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запячканный, дурно-одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ странный до-нельзя. Съ перваго взгляда на него, можно было подумать, что онъ какъ-будто чего-то стыдится, какъ-будто ему себя самого совѣстно. Отъ-того онъ все какъ-то ежился, какъ-то кривлялся; такіа ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ—я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобре къ нему—то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его—условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно—только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отиравался въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника

Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу. Интересовался же онъ имъ потому, что зналъ его покойную мать, которая еще въ дѣвушкахъ была благодѣтельствована Анной Ѳедоровной, и выдана ею за мужъ за чиновника Покровскаго. Господинъ Быковъ, другъ и короткій знакомый Анны Ѳедоровны, движимый великодушіемъ, далъ за невѣстой пять тысячъ рублей приданаго. Куда эти деньги пошли—неизвѣстно. Такъ мнѣ рассказывала все это Анна Ѳедоровна; самъ же студентъ Покровскій никогда не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что его мать была очень хороша собою, и мнѣ странно кажется, почему она такъ неудачно вышла за мужъ, за такого незначительнаго человѣка... Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, годъ четыре спустя послѣ замужества.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимназію, и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбъ, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить въ кухню и до того довела, что онъ наконецъ привыкъ къ побоямъ и дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говоритъ больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаше же приходитъ онъ не смѣлъ, потому-что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, безспорно первымъ и важѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подъ-часъ пренебрежительнымъ существомъ на свѣтѣ. Во-первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во-вторыхъ разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ починутно мѣшалъ сыну заниматься, и наконецъ являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ. Сымъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и отъ поминутнаго болтанія, и наконецъ довелъ до того, что тотъ слушалъ его во

всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надвинуться и наравдаться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня чинить двадцать, бывало, разспрашивалъ — что, каковъ Петинька? здоровъ ли онъ? въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается ли чѣмъ-нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокаивала, то старикъ наконецъ рѣшался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ «что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ.» И потомъ безмолвно, покорно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накопившее горе и не выказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствие проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда старался употреблять отборнѣйшія, т. е. самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про-себя отвѣтъ шепчетъ, какъ-бы желая поправиться. Если же удавалось отвѣчать хорошо, то старикъ охоранивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстухъ, фракъ и принималъ видъ собственного достоинства. А бывало до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую-нибудь книжку, и даже тутъ же прочитывалъ что-нибудь, какая бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ-будто бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровский

просилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ понемногу старика отъ дурныхъ наклонностей, и какъ только видѣлъ его раза три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощаньи по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстухъ или жилетку. За то старикъ въ своей общности былъ гордъ какъ пѣтухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносили мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ, и все бывало толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и въ добавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ Анну Ѳедоровну, хотя былъ предъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ ни въ классовѣ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ-нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳедоровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и право не знаю отъ-чего мнѣ издумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня билось такъ сильно, такъ сильно, что казалось изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На стѣнахъ прибито было пять длинныхъ полокъ съ книгами. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила страшная мысль, и въ мѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинные полки, которые ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной и какъ можно скорѣе. Не

знаю, можетъ-быть я думала, что научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и краснѣя, блѣднѣя дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу, и увидела какое-то старое, полусгнившее, все изъѣденное червями латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только-что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальные раздались сами собою, и сплотнились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня не доставало силъ. Однакожь я толкнула книги какъ только могла сплѣнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться — сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книжки съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ, когда кто-нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите же о моемъ ужасѣ, когда книжки, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было-хотѣла бѣжать, но было поздно. — Кончено, думаю, конечно! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвочка! Я большая дура! — Покровскій разсердился ужасно. — «Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ. Ну не стыдно ли вамъ такъ шалить!.. Уйметесь-ли вы когданибудь?» и самъ бросился подбирать книги. Я было-нагнулась помогать ему. — «Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. Лучше бы вы сдѣлали, еслибъ не ходили туда, куда васъ не просятъ.» — Но впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя: — «Ну когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на себя посмотрите, вѣдь ужъ вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятнадцать лѣтъ!» — И тутъ, вѣроятно, желая повѣрить, справедливо ли то, что я ужъ не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала; я стояла передъ нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется въ чемъ-то извинялся, можетъ-быть въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая

большая дѣвчушка. Наконецъ я поняла. Я не помню, что со мной тогда случилось; — я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Цѣлыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я краснѣла до слезъ. Мысли самыя страшныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно рассказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости не достало. Воображаю, что бы я падѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лекарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабыя стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолевала меня. Я мучилась. Я не знаю — я не могу припомнить себѣ — но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснувшись въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце... Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подаль мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала. — «Вы больны, вы сами очень больны», сказалъ онъ, взявъ меня за руку: «у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягьте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь же, ложитесь!» продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня

только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лекарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровский часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. «Вамъ скучно сидѣть одной», сказалъ онъ мнѣ; — «вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ.» Я взяла; я не помню, какая эта была книга; врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Странное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла освободиться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ креселъ и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась беспокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровский не заходилъ болѣе; и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о будущемъ вечерѣ.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужъ всѣ улеглись, Покровский отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперь ни одного слова изъ того, что мы сказали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы каждую ночь по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало по малу побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждого разговора нашего, все еще было за что на себя подосадовать. Впрочемъ, я съ тайною радостію и съ гордымъ удовольствіемъ видѣла, что онъ изъ-за меня забывалъ свои несносныя книги. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи ихъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то *слишкомъ* была откровенна и чистосердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣлось учиться, что нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... Повторяю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы,—я не утаила ничего, и рассказала все, все — про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ заодно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержатъ не могла; точно, я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цаловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей,

уговаривалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плакала и смѣялась и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, не смотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется онъ не могъ удивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ быть ему было только любопытно сначала; впоследствии нерѣшимость его исчезла, и онъ, съ такимъ же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливыя слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ же вниманіемъ, такъ же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо!... Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И право не помню, о чемъ мы не переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампадки, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?.. Обо всемъ, что на умъ приходило, что съ сердца срывалось, что пришлось высказаться,—и мы почти были счастливы... Охъ, это было и грустное и радостное время, — все вмѣстѣ; и мнѣ и грустно и радостно теперь вспоминать о немъ. Воспоминанія, радостныя ли, горькія ли, всегда мучительны; по крайней мѣрѣ такъ у меня; но и мученіе это сладостно. И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминанія свѣжатъ и живятъ его, какъ капли росы въ влажный вечеръ, послѣ жаркаго дня, свѣжатъ и живятъ бѣдный, чахлый цвѣтокъ, сгорѣвшій отъ зноя дневнаго.

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровский давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательно, потомъ съ жадностію; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ прихлынули къ моему сердцу. И чѣмъ болѣе волненія, чѣмъ болѣе смущенія и труда стоилъ мнѣ пріемъ новыхъ впечатлѣній, тѣмъ милѣе они были мнѣ, тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ вдругъ, втолпились они въ мое сердце, не давая ему отдохнуть. Какой-то странный хаосъ сталъ возмущать все существо мое. Но это духовное насиліе не могло и не въ силахъ было разстроить меня совершенно. Я была слишкомъ мечтательна и это спасло меня.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши вечернія свиданія и длинные разговоры прекратились; намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначущими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумеваемую. Жизнь моя была полна, я была сча-

стлива, покойно, тихо-счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровский. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по-своему, и наконецъ разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непременно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена общалась купитъ ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполне и болталъ обо всемъ, что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непременно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ руководѣемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была по крайней мѣрѣ рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непременно бы помогла; но тогда всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому же этотъ подарокъ обратился бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему на всегда одолженною безъ какой бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей.—Наконецъ я выдумала какъ выйти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостинномъ дворѣ можно купить книгу иногда въ полъ-цѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непременно отправиться въ Гостинный дворъ. Такъ и случилось; на завтра же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ повездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣзилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастью, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я

выдумала покупать столько книгъ. Но ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая, а что для другаго-кого онъ ни за что бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормозили со-всѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего не предлагали они ему и чего-чего не хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забытый какой нибудь, и не зналъ за что вѣзться изъ того, что ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила—что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ быть не менѣе Петиньки. — Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него...—Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь въ добавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни присту-пился, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужъ онъ къ большимъ книгамъ и не присту-пчивался, а такъ только зависливо на нихъ по-сматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вер-тѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ вполголоса, а вотъ развѣ отсюда что нибудь — и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево. Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки. — Ахъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ вы посмотрите только, какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки! — И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ на распѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила много ли у него денегъ? — Да вотъ — тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленую газетную бумажку—вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать. Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту.—Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навѣвчилъ на него всю нашу

общую бібліотеку. Мой старичекъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочикъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко, въ полголоса: — послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете ли что, Варвара Алексѣевна?.. — старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ. — Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, т. е. отъ себя, съ своей стороны; я же возьму тогда одну одиннадцатую, и ужъ тоже подарю отъ себя, т. е. собственно съ своей стороны. Такъ вотъ, видите ли — и у васъ будетъ что нибудь подарить, и у меня будетъ что нибудь подарить; у насъ обоихъ будетъ что нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора. — Да зачѣмъ же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ? — Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужъ это такъ... — я вѣдь оно того... — однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите ли, объяснился онъ наконецъ. — Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подѣ-часть... т. е. я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь того, что нехорошо... т. е. знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается; или что-нибудь изъ нехорошаго случится, такъ я и не удержусь подѣ-часть, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранитъ меня и мнѣ морали разныя читаетъ. Такъ вотъ-бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ,

потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала не долго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я: вы подарите ихъ ему всѣ». — Какъ всѣ? т. е. книжки всѣ? — «Ну да, книжки всѣ». — И отъ себя? — «Отъ себя». — Отъ одного себя? то-есть, отъ своего имени? — «Ну да, отъ своего имени...» Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ задумавшись, да! это будетъ очень хорошо, это было бы весьма хорошо, только вы-то какъ же, Варвара Алексѣевна? — «Ну, да я ничего не подарю». — Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись; такъ вы ничего Петинкѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, за тѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — «Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что въ тайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила». Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его наконецъ изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Аннѣ Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; испислилъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія, и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удер-

живаться Въ доказательство чего дарить книги на скопленные имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ же налгать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровский тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровский былъ ко мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучший день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія; начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отъ чего, можетъ быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отъ чего, можетъ быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житія-бытія въ счастливыя дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя, послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому же долго бы нужно было ждать перваго оклада жалованья. Короче, Покровский видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился; Здоровье его разстраивалось; онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ-нибудь мѣста,—что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и наконецъ слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комнаты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти; часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я слышала многое изъ его обстоятельствъ, чего прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его, всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Федоровна качала

голову. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и за участіе мое къ Покровскому, меня не стали осуждать болѣе—по крайней мѣрѣ матушка.

Иногда Покровский узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ. Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ кѣмъ-то долго, долго, неясными темными словами, и хриплый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Федоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умереть къ утру неперемѣнно.

Старикъ Покровский цѣлую ночь провелъ въ корридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему послали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и бессмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про-себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать; я разбудила отца. Покровский былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать; по душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго, долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить; но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ; но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Федоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Федоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дни, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостію все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и сипмалъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Федоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Федоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ—словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. — Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачь его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила наконецъ за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросаюсь въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цаловала ее и на-взрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ бы стараясь удержатъ въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой!

Іюня 11.

Какъ я благодарна вамъ за вчерашнюю прогулку на острова, Макаръ Алексѣевичъ! Какъ тамъ свѣжо, хорошо, какая тамъ зелень!—Я такъ давно не видала зелени;—когда я была больна, мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непременно;—судите же, что я должна была вчера

ощущать, какъ чувствовать!—Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мнѣ было очень хорошо, очень легко, но въ самыя лучшія минуты мои мнѣ всегда отъ чего-то грустно. А что я плакала, такъ это пустяки; я и сама не знаю, отъ чего я все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатлѣнія мои болѣзненны. Безоблачно, блѣдное небо, закатъ солнца, вечернее затишье,—все это,—я ужъ не знаю,—по я какъ-то настроена была вчера принимать всѣ впечатлѣнія тяжело и мучительно, такъ что сердце переполнялось и душа просила слезъ. Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднѣе. Но вы меня, можете быть, и поймете.—И грусть и смѣхъ! Какой вы, право, добрый, Макаръ Алексѣевичъ! Вчера вы такъ и смотрѣли мнѣ въ глаза, чтобъ прочитать въ нихъ то, что я чувствую, и восхищались восторгомъ моимъ. Кусточекъ ли, аллея, полоса воды—ужъ вы тутъ; такъ и стоите передо мной, охорашиваясь, и все въ глаза мнѣ заглядываете, точно вы мнѣ свои владѣнія показывали. Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце, Макаръ Алексѣевичъ. За это-то я васъ и люблю. Ну, прощайте. Я сегодня опять больна; вчера я ноги промочила и отъ того простудилась; Федора тоже чѣмъ-то больна, такъ что мы обѣ теперь хворья. Не забывайте меня, заходите почаще.

Ваша

В. Д

Іюня 12.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

А я-то думалъ, маточка, что вы мнѣ все вчерашнее настоящими стихами опишите, а у васъ и всего-то вышелъ одинъ простой листикъ. Я къ тому говорю, что вы хотя и мало мнѣ въ листкѣ вашемъ написали, но за то необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа и разныя картины сельскія, и все остальное про чувства—однимъ словомъ, все это вы очень-хорошо описали. А вотъ у меня такъ нѣтъ таланту. Хоть десять страницъ намарай, никакъ ничего не выходитъ, ничего не опишешь. Я ужъ пробовалъ.—Пишете вы мнѣ, родная моя, что я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный, и благость Господню, въ природѣ являемую, разумѣющій, и разныя наконецъ похвалы воздаете мнѣ. Все это правда, маточка, все это совершенная правда; я и дѣйствительно таковъ, какъ вы говорите, и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое какъ вы пишете, такъ поневолѣ умлится сердце, а потомъ разныя тягостныя разсужденія придутъ. А вотъ прослушайте меня, маточка, я кое-что расскажу вамъ, родная моя.

Начну съ того, что было мнѣ всего семнадцать годочковъ, когда я на службу явился, и вотъ уже скоро тридцать лѣтъ стукнетъ моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износилъ я

виц-мундировъ довольно; возмужалъ, поумнѣлъ, людей посмотрѣлъ; пожилъ, могу сказать, что пожилъ на свѣтѣ, такъ, что меня хотѣли даже разъ къ полученію креста представить. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, а я вамъ, право, не лгу. Такъ что-же, маточка,—нашлись на все это злые люди! А скажу я вамъ, родная моя, что я хоть и темный человѣкъ, глупый человѣкъ пожалуй, но сердце-то у меня такое же, какъ и у другаго кого. Такъ знаете ли, Варинька, что сдѣлалъ мнѣ злой человѣкъ? А срампо сказать, что онъ сдѣлалъ; спросите — отъ-чего сдѣлалъ? А отъ-того, что я смиренный, а отъ-того, что я тихонькій, а отъ-того, что добренькій! Не пришлось мнѣ по нраву, такъ вотъ и пошло на меня. Сначала началось тѣмъ, что «дескать вы, Макарь Алексѣевичъ, того да сего»; а потомъ стало — «что, дескать у Макара Алексѣевича, и не спрашивайте». А теперь заключили тѣмъ, что — «ужъ конечно, это Макарь Алексѣевичъ!» Вотъ, маточка, видите ли, какъ дѣло пошло: все на Макара Алексѣевича; они только и умѣли сдѣлать, что въ пословицу ввели Макара Алексѣевича въ цѣломъ вѣдомствѣ нашемъ. Да мало того, что изъ меня пословицу и чуть ли не бранное слово сдѣлали,—до сапоговъ, до мундира, до волосъ, до фигуры моей добрались: все не по нихъ, все передѣлать нужно! И вѣдь это все съ незапамятныхъ временъ каждый Божій день повторяется. Я привыкъ, потому-что я ко всему привыкаю, потому-что я смиренный человѣкъ, потому-что я маленькій человѣкъ; но однакоже за что это все? Что я кому дурнаго сдѣлалъ? Чинъ перехватилъ у кого нибудь, что ли? Передъ высшими кого-нибудь очернилъ? Награжденіе перепросилъ! Кабалу стряпалъ что ли какую-нибудь? Да грѣхъ вамъ и подумать-то такое, маточка! Ну куда мнѣ все это? Да вы только рассмотрите, родная моя, имѣю ли я способности, достаточныя для коварства и честолюбія? Такъ за что же напасти такія на меня, прости Господи? Вѣдь вы же находите меня человѣкомъ достойнымъ, а вы не въ примѣръ лучше ихъ всѣхъ, маточка. Вѣдь какая самая наибольшая гражданская добродѣтель? Отнеслись намеренно въ частномъ разговорѣ Евстафій Ивановичъ, что наибольшая добродѣтель гражданская — деньги умѣть зашибить. Говорили они шуточкой (я знаю, что шуточкой), нравоченіе же то, что не нужно быть никому въ тягость собою;—а я никому не въ тягость! У меня кусокъ хлѣба есть свой; правда, простой кусокъ хлѣба, подъ-часъ даже черствый: но онъ есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну чтожъ дѣлать! Я вѣдь и самъ знаю, что я немного дѣлаю тѣмъ, что переписываю; да все-таки я этимъ горжусь: я работаю, я потъ проливаю. Ну чтожъ тутъ въ самомъ-дѣлѣ такого, что переписываю! Что, грѣхъ переписывать что ли? «Онъ дескать переписываетъ!» Да что же тутъ безчестнаго такого? Письмо такое четкое, хорошее, приятно смотрѣть, и его превосходительство довольны;

я для нихъ самыя важныя бумаги переписываю. Ну, слогу нѣтъ, вѣдь я это самъ знаю, что нѣтъ его проклятаго; вотъ потому-то я и службой не взялъ, и даже вотъ къ вамъ теперь, родная моя, пишу сироста, безъ затѣй и такъ, какъ мнѣ мысль на сердце ложится... Я это все знаю; да однакоже, еслибы всѣ сочинять стали, такъ кто же бы сталъ переписывать? Я вотъ какой вопросъ дѣлаю, и васъ прошу отвѣчать на него, маточка. Ну, такъ я и сознаю теперь, что я нуженъ, что я необходимъ, и что нечего вздоромъ человѣка съ толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса коли сродство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ, — вотъ она крыса какая! — Впрочемъ, довольно объ этой матеріи, родная моя; я вѣдь и не о томъ хотѣлъ говорить, да такъ погорячился немного. Все-таки приятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздавать. Прощайте, родная моя, голубчикъ мой, утѣшительница вы моя добренькая! Зайду, непременно къ вамъ зайду, провѣдаю васъ, моя ясочка. А вы не скучайте покамѣстъ. Книжку вамъ принесу. Ну, прощайте же, Варинька.

Вашъ сердечный доброжелатель

Макарь Дьвушкинъ.

Іюня 20-го.

М. Г. Макарь Алексѣевичъ!

Пишу я къ вамъ наскоро, спѣшу, работу къ сроку кончаю. Видите ли въ чемъ дѣло: можно покупку сдѣлать хорошую. Оедора говоритъ, что продается у ея знакомаго какого-то вицъ-мундиръ форменный, совершенно новѣховькій, нижнее платье, жилетка п фуражка, и, говорятъ, все весьма дешево; такъ вотъ вы бы купили. Вѣдь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у васъ есть; вы сами говорите, что есть. Полноте пожалуйста, не скупитесь; вѣдь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, въ какомъ вы старомъ платьѣ ходите. Срамъ! все въ заплаткахъ. Новаго-то у васъ нѣтъ; это я знаю, хоть вы и увѣряете, что есть. Ужъ Богъ знаетъ, куда вы его съ рукъ сбкли. Такъ послушайте же меня, купите пожалуйста. Для меня это сдѣлайте; коли меня любите, такъ купите.

Вы мнѣ прислали бѣлья въ подарокъ; но послушайте, Макарь Алексѣевичъ, вѣдь вы разоряетесь. Шутка ли, сколько вы на меня истратили,—ужась сколько денегъ! Ахъ, какъ же вы любите мотать! Мнѣ не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я увѣрена, что вы меня любите; право лишнее напоминать мнѣ это подарками; а мнѣ тяжело ихъ принимать отъ васъ; я знаю, чего они вамъ стоятъ. Единжды навсегда—полноте; слышите ли? Прошу васъ, умоляю васъ. Просите вы меня, Макарь Алексѣевичъ, прислать продолженіе записокъ моихъ, желаете, чтобъ я ихъ докончила. Я не знаю, какъ написалось у меня и то, что у

меня написано! Но у меня силъ не достанетъ говорить теперь о моемъ прошедшемъ; я и думать объ немъ не желаю; мнѣ страшно становится отъ этихъ воспоминаній. Говорить же о бѣдной моей матушкѣ, оставившей свое бѣдное дитя въ добычу этимъ чудовищамъ, мнѣ тяжелѣе всего. У меня сердце кровью обливается при одномъ воспоминаніи. Все это еще такъ свѣжо: я не успѣла одуматься, не только успокоиться, хотя всему этому уже слишкомъ годъ. Но вы знаете все.

Я вамъ говорила о теперешнихъ мысляхъ Анны Ѳедоровны; она меня же винитъ въ неблагодарности и отвергаетъ всякое обвиненіе о сообществѣ ея съ господиномъ Быковымъ! Она зоветъ меня къ себѣ; говорить, что я христарадничаю, что я по худой дорогѣ пошла. Говорить, что если я ворочусь къ ней, то она беретъ уладить все дѣло съ господиномъ Быковымъ, и заставить его загладить всю вину его передо мною. Она говоритъ, что г. Быковъ хочетъ мнѣ дать приданое. Богъ съ ними! Мнѣ хорошо и здѣсь съ вами, у доброй моей Ѳедоры, которая своею привязанностію ко мнѣ напоминаетъ мнѣ мою покойницу няню. Вы хоть дальній родственникъ мой, но защищаете меня своимъ именемъ. А ихъ я не знаю; я позабуду ихъ, если смогу. Чего еще они хотятъ отъ меня? Ѳедора говоритъ, что это все сплетни, что они оставятъ наконецъ меня. Дай-то Богъ!

В. Д.

Іюня 21-го.

Голубушка моя, маточка!

Хочу писать, а не знаю съ чего начать. Вѣдь вотъ какъ же это странно, маточка, что мы теперь такъ съ вами живемъ. Я къ тому говорю, что я никогда моихъ дней не проводилъ въ такой радости. Ну, точно домкомъ и семействомъ меня благословилъ Господь! Дѣточка вы моя, хорошенькая! да что это вы тамъ толкуете про четыре рубашечки-то, которыя я вамъ послалъ. Вѣдь надобно же вамъ ихъ было, — я отъ Ѳедоры узналъ. Да мнѣ, маточка, это особое счастье васъ удовлетворять; ужъ это мое удовольствіе, ужъ вы меня оставьте, маточка; не троньте меня и не прекословьте мнѣ. Никогда со мною не бывало такого, маточка. Я вотъ въ свѣтъ пустился теперь. Впервые, живу вдвойнѣ, потому-что и вы тоже живете весьма близко отъ меня и на утѣху мнѣ; а во-вторыхъ, пригласилъ меня сегодня на чай одинъ жилецъ, сосѣдъ мой, Ратазязевъ, тотъ самый чиновникъ, у котораго сочинительскіе вечера бывають. Сегодня собраніе; будемъ литературу читать. Вотъ мы теперь какъ, маточка, — вотъ! Ну, прощайте. Я вѣдь это все такъ написалъ безо всякой видимой цѣли, и единственно для того, чтобъ увѣдомить васъ о моемъ благополучіи. Приказали вы, душенька, черезъ Терезу сказать, что вамъ шелчку цвѣтнаго для вышиванья нужно: куплю,

маточка, куплю, и шелчку куплю. Завтра же буду имѣть наслажденіе удовлетворить васъ вполне. Я и купить-то гдѣ знаю. А самъ теперь пребываю

другомъ вашимъ искреннимъ

Макаромъ Двугуикинымъ.

Іюня 22-го.

М. г. Варвара Алексѣевна!

Увѣдомляю васъ, родная моя, что у насъ въ квартирѣ случилось прежалостное происшествіе, истинно-истинно жалости достойное! Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій. Я не знаю только отчего, скарагина что ли была какая-то, Господь его знаетъ! Навѣстилъ я этихъ Горшковыхъ. Ну, маточка, вотъ бѣдно-то у нихъ! И какой безпорядокъ! Да и не диво: все семейство живетъ въ одной комнатѣ, только что ширмочками для благопристойности разгороженной. У нихъ ужъ и гробикъ стоитъ—простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ; готовый купили, мальчикъ-то былъ лѣтъ девяти; надежды, говорятъ, подавалъ. А жалость смотрѣть на нихъ, Варинька! Мать не плачетъ, но такая грустная, бѣдная. Имъ, можетъ-быть, и легче, что вотъ ужъ одинъ съ плечъ долой; — а у нихъ еще двое осталось, грудной, да дѣвочка маленькая, такъ, лѣтъ шести будетъ съ небольшимъ. Что за пріятность, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что вотъ-де страдаетъ ребенокъ, да еще дѣтище родное, а ему и помочь даже нѣчѣмъ! Отецъ сидитъ въ старомъ, засаленномъ фракѣ, на изломанномъ стулѣ. Слезы текутъ у него, да можетъ-быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся. Такой онъ чудной! Все краснѣетъ, когда съ нимъ заговоришь, смѣшается и не знаетъ, что отвѣчать. Маленькая дѣвочка, дочка, стоитъ прислонившись къ гробу, да такая, бѣдняжка, скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка Варинька, когда ребенокъ задумывается; смотрѣть непріятно! Кукла какая-то изъ тряпокъ на полу возлѣ нея лежитъ, — не играетъ; на губахъ пальчикъ держитъ; стоитъ себѣ — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ѣла. Грустно, Варинька — а?

Макаръ Двугуикинъ.

Іюня 25-го.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Посылаю вамъ вашу книжку обратно. Это пренегодная книжонка! — и въ руки брать нельзя. Откуда выкопали вы такую драгоценность? Кромѣ шутокъ, неужели вамъ нравятся такія книжки, Макаръ Алексѣевичъ? Вотъ мнѣ такъ общались на-дняхъ достать чего-нибудь почтять. Я и съ вами подѣлюсь, если хотите. А теперь до свиданія. Право некогда писать болѣе.

В. Д.

Юня 26-го.

Милая Варинька! Дѣло-то въ томъ, что я дѣйствительно не читалъ этой книжонки, маточка. Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь, такъ ради смѣхотворства одного написано, чтобы людей смѣшить; ну, думаю, оно должно быть и въ самомъ дѣлѣ весело; авось и Варинькѣ понравится; взялъ да и послалъ ее вамъ.

А вотъ обѣщался мнѣ Ратазиевъ дать почитать чего-нибудь настоящаго литературнаго, ну вотъ вы и будете съ книжками, маточка. Ратазиевъ-то смекаетъ,—дока; самъ пишетъ, ухъ, какъ пишетъ! Перо такое бойкое и слогу пропасть, т. е. этакъ въ каждомъ словѣ, — чего-чего, — въ самомъ пустомъ, вотъ-вотъ въ самомъ обыкновенномъ, подломъ словѣ, что хотъ бы и я иногда Фальдонн или Терезѣ сказалъ, вотъ и тутъ у него слогъ есть. Я и на вечерахъ у него бываю. Мы табакъ куримъ, а онъ намъ читаетъ, часовъ до пяти читаетъ, а мы все слушаемъ. Объяденіе, а не литература! Прелесть такая, цвѣты, просто цвѣты; со всякой страницы букетъ вяжи! Онъ обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, что я передъ нимъ, ну что?—Ничего. Онъ человѣкъ съ репутаціей, а я что?—Просто—не существую; а и ко мнѣ благоволять. Я ему кое-что переписываю. Вы только не думайте, Варинька, что тутъ продѣлка кака-нибудь, что онъ вотъ именно оттого и благоволять ко мнѣ, что я переписываю. Вы сплетнямъ-то не вѣрьте, маточка, вы сплетнямъ-то подлымъ не вѣрьте! Нѣтъ, это я самъ отъ себя, по своей волѣ, для его удовольствія дѣлаю, а что онъ ко мнѣ благоволять, такъ это ужъ онъ для моего удовольствія дѣлаетъ. Я делкатность-то поступка понимаю, маточка. Онъ добрый, очень добрый человѣкъ и неподобный писатель.

А хорошая вещь литература, Варинька, очень хорошая; это я отъ нихъ третьяго дня узналъ. Глубокая вещь! Сердце людей укрѣпляющая, поучающая, и — разное тамъ еще обо всемъ объ этомъ въ книжкѣ у нихъ написано. Очень хорошо написано! Литература — это картина, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ картина и зеркало; страсти, выраженіе, критика такая тонкая, поученіе къ назидательности и документъ. Это я все у нихъ наметался. Откровенно скажу вамъ, маточка, что вѣдь сидишь между ними, слушаешь (тоже какъ и они трубку куришь, пожалуй)—а какъ начнутъ они состязаться, да спорить объ разныхъ матеріяхъ, такъ ужъ тутъ я просто пасую, тутъ, маточка, намъ съ вами чисто пасовать придется. Тутъ я просто болванъ-болваномъ оказываюсь, самаго себя стыдно, такъ что цѣлый вечеръ приискиваешь, какъ бы въ общую-то матерію хотъ полсловечка ввернуть, да вотъ этого-то полсловечка какъ нарочно и нѣтъ! И пожалѣешь, Варинька, о себѣ, что самъ-то не того, да не такъ; что по пословицѣ — выросъ, а ума не вынесъ; Вѣдь что я теперь въ свободное время дѣлаю?—Сплю, дуракъ-дуракомъ. А то бы вмѣсто спанья-

то ненужнаго можно было бы и пріятнымъ заняться; этакъ състь бы да и пописать. И себѣ полезно и другимъ хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берутъ они, прости имъ Господь! Вотъ хотъ бы и Ратазиевъ,—какъ беретъ! Что ему листъ написать? Да онъ въ иной день и по пяти писывалъ, а по триста рублей, говоритъ за листъ беретъ. Тамъ апекдотецъ какой-нибудь, или изъ любопытнаго что нибудь—пятьсотъ, дай не дай, хотъ тресни, да дай! а нѣтъ—такъ мы и по тысячѣ другой разъ въ карманъ кладемъ! Каково, Варвара Алексѣевна? Да что!—Тамъ у него стишковъ тетрадошка есть, и стишковъ все такой небольшой—семь тысячъ, маточка, семь тысячъ просить, подумайте. Да вѣдь это имѣніе недвижимое, домъ капитальный! Говорить, что пять тысячъ даютъ ему, да онъ не беретъ. Я его урезониваю, говорю — возьмите-дескать, батюшка, пять-то тысячъ отъ нихъ, да и плюньте имъ,—вѣдь деньги пять тысячъ! — нѣтъ, говоритъ, семь дадутъ, мошенники.—Увертливый право такой!

А что, маточка, ужъ если на то пошло, такъ я вамъ, такъ и быть, выпишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко. Это у него сочиненіе такъ называется. Вотъ прочтите-ка, Варинька, да посудите сами.

«Владиміръ вздрогнулъ, и страсти бѣшено заклокотали въ немъ и кровь вскипѣла...

— «Графиня, вскричалъ онъ, графиня! Знаете ли вы какъ ужасна эта страсть, какъ безпредѣльно это безуміе? Нѣтъ, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бѣшено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго, клочущаго восторга души моей! Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

— «Владиміръ!.. прошептала графиня виѣ себя, склоняясь къ нему на плечо...

— «Зинаида! закричалъ восторженный Смѣльскій. «Изъ груди его испарился вздохъ. Пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ на алтарѣ любви, и взбродилъ грудь несчастныхъ страдальцевъ.

— «Владиміръ!.. шептала въ упоеніи графиня. Грудь ея вздымалась, щеки ея багровѣли, очи горѣли...

«Новый, ужасный бракъ былъ совершенъ!.

«Черезъ полчаса старый графъ вошелъ въ будуаръ жены своей.

— «А что, душечка, не приказать ли, для дорогаго гостя, самоварчикъ поставить? сказалъ онъ, потрепавъ жену по щекѣ».

Ну вотъ, я васъ спрошу, маточка, послѣ этого—ну, какъ вы находите? Правда, немножко вольно, въ этомъ спору нѣтъ, но за то хорошо. Ужъ что хорошо, такъ хорошо! А вотъ, позвольте, я вамъ еще отрывочекъ выпишу изъ повѣсти: *Ермакъ и Зюлейка*.

Представьте себѣ маточка, что казакъ Ермакъ,

дикий и грозный завоеватель Сибири, влюбленъ въ Зюлейку, дочь сибирскаго царя Кучума, имъ въ полонъ взятую. Событіе прямо изъ временъ Ивана Грознаго, какъ вы видите. Вотъ разговоръ Ермака и Зюлейки.

— «Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

— «Я люблю тебя, Ермакъ, прошептала Зюлейка.

— «Небо, п земля, благодарю васъ! я счастливы!.. Вы дали мнѣ все, все, къ чему съ отроческихъ лѣтъ стремился взволнованный духъ мой. Такъ вотъ куда вела ты меня, моя звѣзда путеводная; такъ вотъ для чего ты привела меня сюда, за Каменный-Поясъ! Я покажу всему свѣту мою Зюлейку, и люди, бѣшенныя чудовища, не посмѣютъ обвинять меня! О, если имъ понятны эти тайныя страданія ея нѣжной души, если они способны видѣть цѣлую поэму въ одной слезинкѣ моей Зюлейки! О, дай мнѣ стереть поцалуямъ эту слезинку, дай мнѣ выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

— «Ермакъ, сказала Зюлейка: — свѣтъ золь, люди несправедливы! Они будутъ гнать, они осудятъ насъ, мой милый Ермакъ! Что будетъ дѣлать бѣдная дѣва, взрослая среди родныхъ сибирей Сибири, въ юртѣ отца своего, въ вашемъ холодномъ, ледяномъ, бездушномъ, самолюбивомъ свѣтѣ? Люди не поймутъ меня, желанный мой, мой возлюбленный!

— «Тогда казацкая сабля взвѣется надъ ними и свиснетъ! вскричалъ Ермакъ, дико блуждая глазами.»

Каковъ же теперь Ермакъ, Варинька, когда онъ узнаетъ, что его Зюлейка зарѣзана. Слѣпой старецъ Кучумъ, пользуясь темнотою ночи, прокрался, въ отсутствіе Ермака, въ его шатеръ и зарѣзалъ дочь свою, желая нанести смертельный ударъ Ермаку, лишившему его скипетра и короны.

«Любо мнѣ шаркать желѣзомъ о камень!» закричалъ Ермакъ въ дикомъ остервененіи, точа булатный ножъ свой о шаманскій камень. Мнѣ нужно ихъ крови, крови! Ихъ нужно пилить, пилить, пилить!!!»

И послѣ всего этого, Ермакъ, будучи не въ силахъ пережить свою Зюлейку, бросается въ Иртышъ, и тѣмъ все кончается.

Ну, а это, напримѣръ, такъ, маленькій отрывочекъ, въ шуточно-описательномъ родѣ, собственно для смѣхотворства написанный:

«Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутаго характера, но за то рѣдкихъ добродѣтелей; напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любить рѣдку съ медомъ. Вотъ когда еще была съ нимъ знакома Целагея Антоновна... А вы знаете Целагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку.»

Да вѣдь это умора, Варинька, просто умора!

Мы со смѣху катались, когда онъ читалъ намъ это. Этакой онъ, прости его Господи! Впрочемъ, маточка, оно хоть и немного затѣйливо, и ужъ слишкомъ игриво, но за то невинно, безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Нужно замѣтить, маточка, что Ратазиевъ прекраснаго поведенія, и потому превосходный писатель, не то что другіе писатели.

А что, въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь вотъ иногда придетъ же мысль въ голову... ну что, еслибъ я написалъ что-нибудь, ну, что тогда будетъ? Ну вотъ, напримѣръ, положимъ, что вдругъ, ни съ того-ни съ сего, вышла бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ—*Стихотворенія Макара Дѣвушкина*. Ну, что бы вы тогда сказали, мой ангельчикъ? Какъ бы вамъ это представилось и подумалось? А я про себя скажу, маточка, что какъ моя книжка-то вышла бы въ свѣтъ, такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ бы показаться. Вѣдь каково это было бы, когда бы всякій сказалъ, что вотъ-де идетъ сочинитель литературы и пѣта Дѣвушкинъ, что вотъ, дескать, это и есть самъ Дѣвушкинъ! Ну, что бы я тогда, напримѣръ, съ моими сапогами сталъ дѣлать? Они у меня, замѣчу вамъ многомодомъ, маточка, почти всегда въ заплаткахъ. да и подметки, по правдѣ сказать, отстаютъ иногда весьма не благопристойно. Ну, что тогда бъ было, когда бы всѣ узнали, что вотъ у сочинителя Дѣвушкина сапоги въ заплаткахъ! Какая-нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала бы, ну, что бы она-то, душка, сказала? Она-то, можетъ-быть, и не замѣтила бы: ибо, какъ я полагаю, конгессы не занимаются сапогами, къ тому же чиновничьи сапогамъ (потому-что вѣдь сапоги сапогамъ разны), да ей бы рассказали про все, свои бы пріатели меня выдали. Да вотъ Ратазиевъ бы первый выдалъ; онъ къ графинѣ В. ѣздитъ; говоритъ, что каждый разъ бываетъ у ней, и за-просто бываетъ. Говоритъ, душка такая она, литературная, говоритъ, дама такая. Петля этотъ Ратазиевъ!

Да впрочемъ довольно объ этой матеріи; я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить. Прощайте, голубчикъ мой! Много я вамъ тутъ настрочилъ, но это собственно отъ-того, что я сегодня въ самомъ веселомъ душевномъ расположеніи. Обѣдали-то мы всѣ вмѣстѣ сегодня у Ратазиева, такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романецъ... ну да ужъ что вамъ писать объ этомъ! Вы только смотрите, не придумайте тамъ чего про меня, Варинька. Я вѣдь это все такъ. Книжечъ пришло, непременно пришло... Ходить здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе, только Поль-де-Кока-то вамъ маточка, и не будетъ... Ни-ни! для васъ Поль-де-Кока не годится. Говорятъ про него, маточка, что онъ всѣхъ критиковъ петербургскихъ въ благородное негодование приводитъ. Посылаю вамъ фунтикъ конфетокъ,—наочно для васъ купилъ. Скушайте, душечка, да при каждой конфеткѣ меня помните. Только леденецъ-то вы не грызите, а

такъ пососите его только, а то зубки разболятся. А вы, можетъ-быть, и цукаты любите?—вы напишите. Ну, прощайте же, прощайте. Христось съ вами, голубчикъ мой. А я пребуду навсегда

вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ,

Макаромъ Двухининымъ.

Іюня 27.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣвичъ!

Өedora говоритъ, что если я захочу, то нѣкоторые люди съ удовольствіемъ примуть участіе въ моемъ положеніи, и выхлопочуть мнѣ очень хорошее мѣсто въ одинъ домъ, въ гувернантку. Какъ вы думаете, другъ мой—идти или нѣтъ? Конечно, я вамъ тогда не буду въ тягость, да и мѣсто, кажется, выгодное; но съ другой стороны, какъ-то жутко идти въ незнакомый домъ. Они какіе-то помѣщики. Станутъ обо мнѣ узнавать, начнутъ разспрашивать, любопытствовать—ну что я скажу тогда? Къ тому же я такая нелюдимка, дикарка; люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надо. Какъ-то лучше тамъ, гдѣ привыкнешь: хоть и съ горемъ по-поламъ живешь, а все-таки лучше. Къ тому же на выѣздъ; да еще Богъ знаетъ какая должность будетъ; можетъ-быть, просто дѣтей нянчить заставятъ. Да и люди-то такіе: мѣняютъ ужъ третью гувернантку въ два года. Посоветуйте же мнѣ, Макаръ Алексѣвичъ, ради Бога, идти или нѣтъ?—Да что вы никогда сами не зайдете ко мнѣ? изрѣдка только глаза покажете. Почти только по воскресеньямъ у обѣдни и видимся. Экой же вы нелюдимъ какой! Вы точно какъ я! А вѣдь я вамъ почти родная. Не любите вы меня, Макаръ Алексѣвичъ, а мнѣ иногда одной очень грустно бываетъ. Иной разъ, особенно въ сумерки, сядишь себѣ одна одинешенька. Өedora уйдетъ куда-нибудь. Сидишь, думаешь-думаешь, — вспоминаешь все старое, и радостное и грустное, — все идетъ передъ глазами, все мелькаетъ какъ изъ тумана. Знакомыя лица являются (я почти наяву начинаю видѣть)—матушку вижу чаще всего... А какіе бываютъ сны у меня! Я чувствую, что здоровье мое разстроено; я такъ слаба; вотъ и сегодня, когда вставала утромъ съ постели, мнѣ дурно сдѣлалось; сверхъ того у меня такой дурной кашель! Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто-то меня похоронитъ? Кто-то за гробомъ моимъ пойдетъ? Кто-то обо мнѣ пожалѣетъ?.. И вотъ придется, можетъ-быть, умереть въ чужомъ мѣстѣ, въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!.. Боже мой, какъ грустно жить, Макаръ Алексѣвичъ!—Что вы меня, другъ мой, все конфетами кормите? Я право не знаю откуда вы денегъ столько берете? Ахъ, другъ мой, берегите деньги, ради Бога, берегите ихъ. — Өedora продаетъ коверъ, который я вышила; даютъ 50 руб. ассигн. Это очень хорошо: я думала меньше

будетъ. Я Өedora дамъ три цѣлковыхъ, да себѣ сошью платьице, такъ простенькое, потеплѣе. Вамъ жилетку сдѣлаю, сама сдѣлаю, и матеріи хорошей выберу.

Өedora мнѣ достала книжку—*Повѣсти Бѣлкина*, которую вамъ посылаю, если захотите читать. Пожалуйста только не запачкайте и не задержите: книга чужая;—это Пушкина сочиненіе. Два года тому назадъ мы читали эти повѣсти вмѣстѣ съ матушкой, и теперь мнѣ такъ грустно было ихъ перечитывать. Если у васъ есть какія-нибудь книги, то пришлите мнѣ, — только въ такомъ случаѣ, когда вы ихъ не отъ Ратазяева получили. Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что-нибудь напечаталъ. Какъ это вамъ нравятся его сочиненія, Макаръ Алексѣвичъ? Такіе пустяки!..—Ну, прощайте! какъ я заболталась! Когда мнѣ грустно, такъ я рада болтать, хоть объ чемъ-нибудь. Это лекарство: тотчасъ легче сдѣлается, а особливо, если выскажешь все, что лежитъ на сердцѣ. Прощайте, прощайте, мой другъ!

Ваша

В. Д.

Іюня 28.

Маточка, Варвара Алексѣвна!

Полно кручиниться! Какъ же это не стыдно вамъ! Ну полноте, ангельчикъ мой; какъ это вамъ такія мысли приходятъ? Вы не больны, душечка, вовсе не больны; вы цвѣтете, право, цвѣтете; блѣдненьки немножко, а все-таки цвѣтете. И что это у васъ за сны да за видѣнія такія! Стыдно, голубчикъ мой, полноте; вы плюньте на сны-то эти, просто плюньте. Отъ-чего же я сплю хорошо? Отъ-чего же мнѣ ничего не дѣлается? Вы посмотрите-ка на меня, маточка. Живу себѣ, сплю покойно, здоровехонекъ, молодецъ-молодцомъ; люблю смотрѣть. Полноте, полноте, душечка, стыдно. Исправьтесь. Я вѣдь головку-то вашу знаю, маточка, чуть что-нибудь найдеть, вы ужъ и пошли мечтать, да тосковать о чемъ-то. Ради меня, перестаньте, душенька. Въ люди идти?—никогда! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да и что это вамъ думается такое, что это находить на васъ? Да еще и на выѣздъ! Да нѣтъ же, маточка, не позволю, вооружаюсь всѣми силами противъ такого намѣренія. Мой фракъ старый продамъ, и въ одной рубашкѣ стану ходить по улицамъ, а ужъ вы у насъ нуждаться не будете. Нѣтъ, Варипька, нѣтъ; ужъ я знаю васъ! Это блажь, чистая блажь! А что вѣрно, такъ это то, что во всемъ Өedora одна виновата: она, видно, глупая баба, васъ на все падоумила. А вы ей, маточка, не вѣрьте, Да вы еще вѣрно не знаете всего-то, душешка?... Она баба глупая, сварливая, вздорная; она и мужа своего покойника со свѣту выжила. Или она, вѣрно, васъ разсердила тамъ какъ-нибудь? Нѣтъ, нѣтъ,

маточка, ни за что! И я то как же буду тогда, что мнѣ-то останется дѣлать? Нѣтъ, Варинька душенька, вы это изъ головки-то выкиньте. Чего вамъ не достаетъ у насъ? Мы на васъ не нарадуемся, вы насъ любите,—такъ и живите себѣ тамъ смиренненько; шейте или читайте, а пожалуй и не шейте,—все равно, только съ нами живите. А то вы самп посудите, ну на что это будетъ похоже тогда?... Вотъ я вамъ книжечкѣ достану, а потомъ, пожалуй и опять куда-нибудь гулять соберемся. Только вы-то полноте, маточка, полноте, наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите! Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени, только вы за это-мое прямое и откровенное признаніе примите: не хорошо, душенька, очень не хорошо! Я, конечно, исученный человѣкъ и самъ знаю, что неученый, что на мѣдныхъ деньгахъ учился, да я не къ тому и рѣчь клоню, не во мнѣ тутъ и дѣло-то, а за Ратазиева заступлюсь, воля ваша. Онъ мнѣ другъ, потому я за него и заступлюсь. Онъ хорошо пишетъ, очень, очень, и опять-таки очень хорошо пишетъ. Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться. Писано цвѣтисто, отрывисто, съ фигурами, разныя мысли есть; очень хорошо! Вы, можетъ-быть, безъ чувства читали, Варинька, или не въ духѣ были, когда читали, на Ѳедору за что-нибудь разсердились, или что-нибудь у васъ тамъ нехорошее вышло. Нѣтъ, вы прочтите-ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы и въ расположеніи духа пріятномъ находитесь, вотъ, наприм., когда конфетку во рту держите—вотъ когда прочтите. Я не спорю (кто же противъ этого), есть и лучше Ратазиева писатели, есть даже и очень лучшіе, но и они хороши, и Ратазиевъ хорошъ; они хорошо пишутъ, и онъ хорошо пишетъ. Онъ себѣ особю, онъ такъ себѣ пописываетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что пописываетъ. Ну, прощайте, маточка; писать болѣе не могу; нужно спѣшить, дѣло есть. Смотрите же, маточка, ясочка ненаглядная, успокойтесь, и Господь да пребудетъ съ вами, а я пребываю

вашиимъ вѣрнымъ другомъ

Макаромъ Двугушникомъ.

Р. С. Спасибо за книжку, родная моя, прочтемъ и Пушкина; а сегодня я, по вечеру, непременно зайду къ вамъ.

Дорогой мой Макарь Алексѣевичъ!

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, мнѣ не житье между вами. Я раздумала и нашла, что очень дурно дѣлаю, отказываясь отъ такого выгоднаго мѣста. Тамъ будетъ у меня по-крайней-мѣрѣ хоть вѣрный кусокъ хлѣба; я буду стараться, я заслужу ласку чужихъ людей, даже постараюсь перемѣнить свой характеръ, если будетъ надобно. Оно, конечно, больно и тяжело жить между чужими, искать чужой милости, скрываться и принуждать себя, да Богъ мнѣ поможетъ. Не оставаться же вѣкъ не-

людимкой. Со мною ужъ бывали такіе же случаи. Я помню, когда я, бывало, еще маленькая, въ пансіонѣ хаживала. Бывало, все воскресенье дома рѣзвившись, прыгаешь, иной разъ и побранить матушка,—все ничего, все хорошо на сердцѣ, свѣтло на душѣ. Станетъ подходить вечеръ и грусть нападетъ смертельная, нужно въ девять часовъ въ пансіонѣ идти, а тамъ все чужое, холодное, строгое, гувернантки по поведѣльникамъ такія сердитыя, такъ и щемить, бывало, за душу, плакать хочется; пойдешь въ уголокъ и поплачешь одна одинешенька, слезы скрываешь—скажутъ лѣнивая; а я вовсе не о томъ и плачу, бывало, что учиться надобно.—Ну что жъ? я привыкла, и потомъ, когда выходила изъ пансіона, такъ тоже плакала, прощаясь съ подружками. Да и не хорошо я дѣлаю, что живу въ тягость обоимъ вамъ. Эта мысль—мнѣ мученье. Я вамъ откровенно говорю все это, потому-что привыкла быть съ вами откровенною. Развѣ я не вижу, какъ Ѳедора встаетъ каждый день ранымъ-ранехонько, да за стирку свою принимается, и до поздней ночи работаетъ?—а старыя кости любятъ покой. Развѣ я не вижу, что вы на меня разоряетесь, послѣднюю копѣйку ребромъ ставите, да на меня ее тратите? не съ вашимъ состояніемъ, мой другъ! Пишете вы, что послѣднее продадите, а меня въ нуждѣ не оставите. Вѣрю, другъ мой, я вѣрю въ ваше доброе сердце,—но это вы теперь такъ говорите. Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ? Вы знаете сами—я больная всегда; я не могу такъ же какъ и вы работать, хотя бы душею рада была, да и работа не всегда бываетъ. Что же мнѣ остается? Надрываться съ тоски, глядя на васъ обоихъ, сердечныхъ. Чѣмъ я могу оказать вамъ хоть малѣйшую пользу? И отъ-чего я вамъ такъ необходима, другъ мой? Что я вамъ хорошаго сдѣлала? Я только привязана къ вамъ всею душою, люблю васъ крѣпко, сильно, всѣмъ, сердцемъ, по—горька судьба моя!—я умѣю любить, и могу любить, но только, а не творить добро, не платить вамъ за ваши благодѣянія. Не держите же меня болѣе, подумайте и скажите ваше послѣднее мнѣніе. Въ ожиданіи пребываю

васъ любящая

В. Д.

Іюля 1.

Блажь, блажь, Варинька, просто блажь! Оставьте васъ такъ, такъ вы тамъ головкой своей и чего-чего не передумаете. И то не такъ, и это не такъ! А я вижу теперь, что это все блажь. Да чего же вамъ недостаетъ у насъ, маточка, вы только это скажите! Васъ любятъ, вы насъ любите, мы всѣ довольны и счастливы—чего же болѣе? Ну! а что вы въ чужихъ-то людяхъ будете дѣлать? Вѣдь вы вѣрно еще не знаете, что такое чужой человѣкъ?... Нѣтъ, вы меня извольте-ка поразспро-

силь, такъ я вамъ скажу, что такое чужой человекъ. Знаю я его, маточка; хорошо знаю; случилось хлѣбъ его ѣсть. Золъ онъ, Варинька, золъ, ужъ такъ золъ, что сердечка твоего не достанетъ, такъ онъ его истерзаетъ укоромъ, попрекомъ да взглядомъ дурнымъ. У насъ вамъ тепло, хорошо,—словно въ гнѣздышкѣ пріютились. Да и насъ-то вы какъ безъ головы оставите. Ну, что мы будемъ дѣлать безъ васъ; что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Не полезны? Какъ не полезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите какъ же вы не полезны? Вы мнѣ очень полезны, Варинька. Вы этокое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело.... Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю.—Гардеробцу вамъ купилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ коммиссія подѣлъ съ выходитъ какая-нибудь, я и коммиссію... Нѣтъ, какъ же вы не полезны? Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ-быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте—что вотъ-дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя.—А что что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ да и дѣло съ концомъ. Да, право же будетъ такое, Варинька; что же мнѣ безъ васъ дѣлать останется! Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извозчикъ на Волково свезъ; чтобы какая-нибудь тамъ нищая старуха: шлепница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣшно, грѣшно маточка! Право, грѣшно, ей-Богу, грѣшно! Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочекъ мой, Варинька, и если вы, дружочекъ мой, спросите мнѣнія моего на счетъ вашей книжки, то я скажу, что въ жизнь мою не случилось мнѣ читать такихъ славныхъ книжекъ. Спрашиваю я теперь себя, маточка, какъ же это я жилъ до-сихъ поръ такимъ олухомъ, прости Господи? Что дѣлалъ? Изъ какихъ я лѣсовъ? Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! совсѣмъ ничего не знаю! Я вамъ, Варинька, проста скажу,—я человекъ не ученый; читалъ я до сей поры мало, очень мало читалъ, да почти ничего: *Картину человека*, умное сочиненіе, читалъ; *Мальчика, напярывающаго разныхъ истребителей на колокольчикахъ* читалъ, да *Ивиковы журавли*—вотъ только и всего, а больше ничего никогда не читалъ. Теперь я *Станціоннаго зрителя* здѣсь въ вашей книжкѣ прочелъ; вѣдь вотъ скажу я вамъ, маточка, случается же такъ, что живешь, а не знаешь, что подъ бокомъ тамъ у тебя книжка есть, гдѣ вся-то жизнь твоя какъ по пальцамъ разложена. Да и что самому прежде не въ догадъ было, такъ вотъ здѣсь, какъ начнешь читать въ такой книжкѣ, такъ самъ все, помаленьку, и припомнишь и разыщешь и разгадаешь. И наконецъ, вотъ отъ-чего еще я полю-

билъ вашу книжку: иное твореніе, какое тамъ ни есть, читаешь-читаешь, иной разъ хоть тресни—такъ хитро, что какъ-будто бы его и не понимаешь. И, напримѣръ,—я тупъ, я отъ природы моей тупъ, такъ я не могу слишкомъ важныхъ сочиненій читать; а это читаешь,—словно самъ написалъ; точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, какое ужъ оно тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно—вотъ какъ! Да и дѣло-то простое, Богъ мой; да чего! право, и я также бы написалъ; отъ-чего же бы и не написалъ?—Вѣдь я то же самое чувствую, вотъ совершенно такъ, какъ и въ книжкѣ, да я и самъ въ такихъ же положеніяхъ подѣлъ-часъ находился. какъ примѣрно сказать этотъ Самсонъ-то Выринъ, бѣдняга. Да и сколько между нами-то ходитъ Самсоновъ Выринныхъ, такихъ же горемыкъ сердечныхъ! И какъ ловко описано все! Меня чуть слезы не прошпбли, маточка, когда я прочелъ, что онъ спился, грѣшный, такъ, что память потерялъ, горькимъ сдѣлался и спитъ-себѣ цѣлый день подъ овчиннымъ тулупомъ, да горе пуншикомъ захлебывается, да плачетъ жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминаетъ о заблудшей овечкѣ своей, объ дочкѣ Дуняшѣ! Нѣтъ, это натурально! вы прочтите-ка; это натурально! это живетъ! Я самъ это видалъ;—это вотъ все около меня живетъ; вотъ хоть Тереза—да чего далеко ходить!—вотъ хоть бы и нашъ бѣдный чиновникъ—вѣдь онъ, можетъ-быть, такой же Самсонъ Выринъ, только у него другая фамилія, *Горшковъ*.—Дѣло-то оно общее, маточка, и надъ вами и надо мной можетъ случиться. И графъ, что на Невскомъ или на набережной живетъ, и онъ будетъ то же самое. такъ-только казаться будетъ другимъ, потому-что у нихъ все по-своему, по высшему тону, но и онъ будетъ тоже самое, все можетъ случиться, и со мною то же самое можетъ случиться. Вотъ оно что, маточка, а вы еще тутъ отъ насъ отходить хотите; да вѣдь грѣхъ, Варинька, можетъ застигнуть меня. И себя и меня сгубить можете, родная моя. Ахъ, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, изъ головки своей всѣ эти вольныя мысли, и не терзайте меня напрасно. Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькій, не оперившійся, гдѣ же вамъ самое-себя прокормить, отъ погнѣбли себя удержать, отъ злодѣевъ защититься! Полноте, Варинька поправьтесь; вздорныхъ совѣтовъ и наговоровъ не слушайте, а книжку вашу еще разъ прочтите, со вниманіемъ прочтите: вамъ это пользу принесетъ.

Говорилъ я про «Станціоннаго зрителя» Ратазьеву. Онъ мнѣ сказалъ, что это все старое, и что теперь все пошли книжки съ картинками, и съ разными описаніями; ужъ я право въ толкъ не взялъ хорошенько, что онъ тутъ говорилъ такое. Заключение же, что Пушкинъ хорошъ, и что онъ святую Русь прославилъ, и много еще мнѣ про него говорилъ. Да, очень хорошо, Варинька, очень

хорошо; прочтите-ка книжку еще разъ со вниманіемъ, совѣтамъ моимъ послѣдуйте, и послушаніемъ своимъ меня старика осчастливьте. Тогда самъ Господь наградитъ васъ, моя родная, непременно наградитъ.

Вашъ искренній другъ

Макаръ Дьзушкинъ.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ.

Өedora принесла мнѣ сегодня пятнадцать рублей серебромъ. Какъ она была рада, бѣдная, когда я ей три цѣлковыхъ дала! Пишу вамъ на-скоро. Я теперь крою вамъ желетку,—предѣсть какая матерія, — желтенькая съ цвѣточками. Посылаю вамъ одну книжку; тутъ все разныя повѣсти; я прочла кое-какія, прочтите одну изъ нихъ подъ названіемъ *Шинель*.—Вы меня уговариваете въ театръ идти вмѣстѣ съ вами; не дорого ли это будетъ? Развѣ ужъ куда-нибудь въ галерею. Я ужъ очень давно не была въ театрѣ, да и право не помню когда. Только опять все боюсь, не дорого ли будетъ стоить эта затѣя? Өedora только головой покачиваетъ. Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по недостаткамъ жить начали; да я и сама это вижу; сколько вы на меня одну истратили! Смотрите, другъ мой, не было бы бѣды. Өedora и такъ мнѣ говорила про какіе-то слухи—что вы имѣли кажется споръ съ вашей хозяйкой за неуплату ей денегъ; я очень боюсь за васъ. Ну, прощайте; я спѣшу. Дѣло есть маленькое; я перемѣняю ленты на шляпкѣ.

Р. S. Знаете ли, если мы пойдемъ въ театръ, то я надѣну мою новенькую шляпку, а на плеча черную мантилью. Хорошо ли это будетъ?

Июля 7.

М. Г. Варвара Алексѣевна!

....Такъ вотъ я все про вчерашнее.—Да, маточка, и на насъ въ это время блажь находила. Врѣзался въ эту актрисочку, по уши врѣзался, да это бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсѣмъ не видалъ, и въ театрѣ былъ всего одинъ разъ, а при всемъ томъ врѣзался. Жилъ тогда со мною стѣнка объ стѣнку человѣкъ пятеро молодого, раззадорнаго народа. Сошелся я съ ними, по неволѣ сошелся, хотя всегда былъ отъ нихъ въ пристойныхъ границахъ. Ну, чтобы не отстать, я и самъ имъ во всемъ поддакиваю. Насказали они мнѣ объ этой актрискѣ! Каждый вечеръ, какъ только театръ идетъ, вся компанія—на пужное у нихъ никогда гроша не бывало—вся компанія отпраплялась въ театръ, въ галерею, и ужъ хлопаютъ-хлопаютъ, вызываютъ-вызываютъ эту актриску—просто бѣснуются! А потомъ и заснуть не дадутъ; всю ночь напролетъ объ ней толкуютъ, всякой ее своей Глашей зоветъ, всѣ въ одну въ нее влюблены, у всѣхъ

одна канарейка на сердцѣ. Раззадорили они и меня беззащитнаго; я тогда еще молодецъ былъ. Самъ не знаю какъ очутился я съ ними въ театрѣ, въ четвертомъ ярусѣ, въ галереѣ. Видѣть-то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ, за то все слышалъ. У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій;—звонкій, соловьиный, медовый! Мы всѣ руки у себя отхлопали, кричали-кричали—однимъ словомъ, до насъ чуть не добрались, одного ужъ и вывели правда. Пришелъ я домой,—какъ въ чаду хожу! въ карманѣ только одинъ цѣлковый рубль оставался, а до жалованья еще добрыхъ дней десять. Такъ какъ вы думали. маточка? На другой день, прежде чѣмъ на службу идти, завернулъ я къ парфюмеру французу, купилъ у него духовъ какихъ-то, да мыла благоуханнаго на весь капиталъ—ужъ и самъ не знаю зачѣмъ я тогда накупилъ всего этого? Да и не обѣдалъ дома, а все мимо ея оконъ ходилъ. Она жила на Невскомъ, въ четвертомъ этажѣ. Пришелъ домой, часочекъ какой-нибудь тамъ отдохнулъ, и опять на Невскій пошелъ, чтобы только мимо ея окошекъ пройти. Полтора мѣсяца я ходилъ такимъ образомъ, влочился за пею; извозчиковъ-лпхачей напималъ поминутно, и все мимо ея оконъ концы давалъ: замотался совсѣмъ, задолжалъ, а потомъ ужъ и разлюбилъ ее:—наскучило! Такъ вотъ что актриска изъ порядочнаго человѣка сдѣлать въ состояніи, маточка! Впрочемъ молодецъ-то я, молодецъ былъ тогда!...

М. Д.

Июля 8

Милостивая государыня моя,

Варвара Алексѣевна!

Книжку вашу, полученную мною 6-го сего мѣсяца, спѣшу возвратитъ вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу въ семъ письмѣ моемъ объяснить съ вами. Дурно, маточка, дурно то, что вы меня въ такую крайность поставили. Позвольте, маточка: всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то безропотно и въ страхъ повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ. — Состою я уже около тридцати лѣтъ на службѣ; служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ пикогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ; грѣха за собою большаго не

знаю. Конечно, кто же въ маломъ не грѣшенъ? Всякій грѣшенъ, и даже въ грѣшны, маточка! Но въ большихъ проступкахъ и продерзостиахъ никогда не замѣченъ, чтобы такъ прогнѣвъ постановлений что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; даже крестикъ выходилъ— ну да ужь что! Все это вы по совѣсти должны бы были знать, маточка, и онъ долженъ бы былъ знать; ужь какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ все знать. Нѣтъ, я этого не ожидалъ отъ васъ, маточка: нѣтъ, Варинька! вотъ отъ васъ-то именно такого и не ожидалъ.

Какъ! Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя, въ уголочкѣ своемъ, — каковъ ужь онъ тамъ ни есть,—жить водой не замути, по словицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не подсмотрѣли—что дескать какъ ты себѣ тамъ по домашнему, что вотъ есть ли, напимѣрь, у тебя жплетка хорошая, водится ли у тебя, что слѣдуетъ изъ нижняго платья; есть ли сапоги, да и чѣмъ подбиты они; что ѣшь, что пьешь, что перепиваешь?... Да и что же тутъ такого, маточка, что вотъ хоть бы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу! Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ-де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужь такъ непременно чай пить! Да развѣ я смотрю въ ротъ каждому, что дескать какой онъ тамъ кусокъ жуеетъ? Кого же я обижалъ такимъ-образомъ? Нѣтъ, маточка, зачѣмъ же другихъ обижать, когда тебя не затрогиваютъ! Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что значить оно: служишь-служишь, ревностно, усердно,—чего!—и начальство само тебя уважаетъ (ужь какъ бы тамъ ни было, а все-таки уважае-етъ), — и вотъ кто-нибудь подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того ни съ сего, испечетъ тебѣ пасквиль. Конечно, правда, иногда сошьешь себѣ, что-нибудь новое,—радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, напимѣрь, съ такимъ сладострастіемъ надѣваешь;—это правда, я ощущалъ, потому-что пріятно видѣть свою ногу въ тонкомъ щегольскомъ сапогѣ,—это вѣрно описано! Но я все-таки истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ-то Ѳедоровичъ безъ вниманія книжку такую пропустили, и за себя не вступились. Правда, что онъ еще молодой сановникъ, и любить подъ-часъ покричать; но отъ-чего же и не покричать? Отъ-чего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь. Ну да положимъ и такъ, напимѣрь, для тона распечь — ну и для тона можно; нужно пріучать; нужно острастку давать; потому-что—между нами будь это, Варинька—нашъ братъ ничего безъ остраски не сдѣлаетъ, всякій наровить только гдѣ-нибудь чиститься, что вотъ дескать, я тамъ-то и тамъ-то, а отъ дѣла-то бочкомъ да сторонкой. А такъ какъ

разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распекаціи. то естественно, что послѣ этого и тонъ распекаціи выходитъ разночинный; — это въ порядкѣ вещей! Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ передъ другимъ топу задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другаго распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было. Истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ такую обиду пропустили безъ вниманія!

И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это шинель кто-нибудь изъ читателей сдѣлаетъ, что ли? Сапоги, что ли новые купить?—Нѣтъ, Варинька, прочтеть, да еще продолженія потребуетъ. Прячешься иногда, причешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься ность подъ-часъ показать—куда бы тамъ ни было, потому-что пересуда трепещешь, потому-что изъ всего, что ни есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пасквили сработаютъ, и вотъ ужь вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходить, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной походкѣ узнаешь теперь. Ну, добро бы онъ подъ концомъ-то хоть исправился, что-нибудь бы смягчилъ, помѣстилъ бы, напимѣрь, хоть послѣ того пункта, какъ ему бумажки на голову сыпали:— что вотъ дескать при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ, послушествовалъ старшимъ (тутъ бы примѣръ можно какой-нибудь), никому зла не желалъ, вѣрилъ въ Бога и умеръ (если ему хочется, чтобы онъ ужь непременно умеръ)—оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, бѣднягу, а сдѣлать бы такъ, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тотъ генераль, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ чиномъ и далъ бы хорошій окладъ жалованья, такъ что, видите ли, какъ бы это было: зло было бы наказано, а добродѣтель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи всѣ бы ни съ чѣмъ и остались. Я бы, напимѣрь, такъ сдѣлалъ; а то, что тутъ у него особеннаго, что у него тутъ хорошаго? Такъ, пустой какой-то примѣръ изъ всенеднежнаго, подлаго быта. Да и какъ вы-то рѣшили мнѣ такую книжку прислать, родная моя. Да вѣдь это злонамѣренная книжка, Варинька; это просто неправдоподобно, потому-что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой чиновникъ. Да вѣдь послѣ такого надо жаловаться, Варинька, формально жаловаться.

Покорнѣйшій слуга вашъ

Макарь Дьяушкинъ.

Юля 27.

М. Г. Макарь Алексѣвичъ!

Послѣднія происшествія и письма ваши испугали, поразили меня и повергли въ недоумѣніе, а рассказы Ѳедоры объяснили мнѣ все. Но за чѣмъ же было такъ отчаяваться и вдругъ упасть въ такую бездну, въ какую вы упали, Макарь Алексѣвичъ? Ваши объясненія вовсе не удовлетворяли меня. Видите ли, была ли я права, когда настаивала взять то выгодное мѣсто, которое мнѣ предлагали? Къ тому же и послѣднее мое приключеніе пугаетъ меня не на шутку. Вы говорите, что любовь ваша ко мнѣ заставила васъ таиться отъ меня. Я и тогда уже видѣла, что многимъ обязана вамъ, когда вы увѣряли, что издерживаете на меня только запасныя деньги свои, которыя, какъ говорили, у васъ въ ломбардѣ на всякій случай лежали. Теперь же, когда я узнала, что у васъ вовсе не было никакихъ денегъ, что вы, случайно узнавши о моемъ бѣдственномъ положеніи и тронувшись имъ, рѣшились издержать свое жалованье, забравъ его впередъ, и продали даже свое платье, когда я больна была,—теперь я, открытіемъ всего этого, поставлена въ такое мучительное положеніе, что до-сихъ-поръ незнаю какъ принять все это и что думать объ этомъ. Ахъ! Макарь Алексѣвичъ! вы должны были остановиться на первыхъ благодареніяхъ своихъ, внушенныхъ вамъ состраданіемъ и родственною любовью, а не расточать деньги впослѣдствіи на ненужное. Вы измѣнили дружбѣ нашей, Макарь Алексѣвичъ, потому-что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше послѣднее пошло мнѣ на наряды, на конфеты, на прогулки, на театръ и на книги, — то за все это я теперь дорого плачу сожалѣніемъ о своей непростительной вѣтренности (ибо я принимала отъ васъ все, не заботясь о васъ самихъ); и все то, чѣмъ вы хотѣли доставить мнѣ удовольствіе, обратилось теперь въ горе для меня и оставило по себѣ одно безполезное сожалѣніе. Я замѣтила вашу тоску въ послѣднее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что случилось теперь, мнѣ и въ умъ не входило. Какъ! вы до такой уже степени могли упасть духомъ, Макарь Алексѣвичъ! Но что теперь о васъ подумаютъ, что теперь скажутъ о васъ всѣ, кто васъ знаетъ? Вы, котораго я и всѣ уважали за доброту души, скромность и благоразуміе, вы теперь вдругъ впали въ такой отвратительный порокъ, въ которомъ, кажется, никогда не были замѣчены прежде. Что со мною было, когда Ѳедора рассказала мнѣ, что васъ нашли на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ и привезли на квартиру съ полиціей! Я остолебѣла отъ изумленія, хотя и ожидала чего-то необыкновеннаго, потому-что вы четыре дня пропадали. Но подумали ли вы, Макарь Алексѣвичъ, что скажутъ ваши начальники, когда узнаютъ настоящую причину вашего отсутствія? Вы говорите, что надъ вами смѣются всѣ, что всѣ узнали о нашей

связи, и что и меня упоминаютъ въ насмѣшкахъ своихъ сосѣди ваши. Не обращайтесь вниманія на это, Макарь Алексѣвичъ, и ради Бога, успокойтесь. Меня пугаетъ еще ваша исторія съ этими офицерами; я объ ней темно слышала. Растолкуйте мнѣ, что это все значитъ? Пишете вы, что боялись открыться мнѣ, боялись потерять вашимъ признаніемъ мою дружбу, что были въ отчаяніи, не зная чѣмъ помочь мнѣ въ моей болѣзни, что продали все, чтобы поддержать меня и не пускать въ больницу, что задержали сколько возможно продолжать, и имѣете каждый день непріятности съ хозяйкой,—но скрывая все это отъ меня, вы выбрали худшее. Но вѣдь теперь же я все узнала. Вы совѣстились заставить меня сознаться, что я была причиною вашего несчастнаго положенія, а теперь вдвое болѣе принесли мнѣ горя своимъ поведеніемъ. Все это меня поразило, Макарь Алексѣвичъ. Ахъ, другъ мой! несчастіе заразительная болѣзнь. Несчастливымъ и бѣднымъ нужно сторониться другъ отъ друга, чтобы еще болѣе не заразиться. Я принесла вамъ такія несчастія, которыхъ вы и не испытывали прежде въ вашей скромной и уединенной жизни. Все это мучить и убиваетъ меня.

Напишите мнѣ теперь все откровенно, что съ вами было и какъ вы рѣшились на такой поступокъ. Успокойте меня, если можно. Не самолюбіе заставляетъ меня писать теперь о моемъ спокойствіи, но моя дружба и любовь къ вамъ, которыя ничѣмъ не изгладятся изъ моего сердца. Прощайте. Жду отвѣта вашего съ нетерпѣніемъ. Вы худо думали обо мнѣ, Макарь Алексѣвичъ.

Васъ сердечно любящая

Варвара Доброселова.

Юля 28.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣвна!

Ну ужъ, какъ теперь все кончено и все мало по малу приходитъ въ прежнее положеніе, то вотъ что скажу я вамъ, маточка: вы безпокойтесь объ томъ, что обо мнѣ подумаютъ, на что спѣшу объявить вамъ, Варвара Алексѣвна, что амбіція моя мнѣ дороже всего. Въ слѣдствіе чего и донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и всѣхъ этихъ безпорядкахъ, увѣдомляю васъ, что изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему. Одного боюсь: сплетень боюсь. Дома у насъ хозяйка кричитъ, а теперь, когда я съ помощію вашихъ десяти рублей уплатилъ ей часть долга, только ворчитъ, а болѣе ничего. Что же касается до прочихъ, то и они ничего; у нихъ только не нужно денегъ въ займы просить, а то и они ничего. А въ заключеніе объясненій моихъ, скажу вамъ, маточка, что ваше уваженіе ко мнѣ считаю я выше всего на свѣтѣ и тѣмъ утѣшаюсь теперь во временныхъ безпорядкахъ моихъ. Слава

Богу, что первый ударъ и первыя передраги миновали, и вы приняли это такъ, что не считаете меня вѣроломнымъ другомъ и себялюбцемъ за то, что я васъ у себя держалъ и обманывалъ васъ, не въ силахъ будучи съ вами разстаться и любя васъ, какъ моего ангельчика. Рачительно теперь принялся за службу и должность свою сталъ исправлять хорошо. Евстафій Ивановичъ хоть бы слово сказалъ, когда я мимо ихъ вчера проходилъ. Не скрою отъ васъ, маточка, что убиваютъ меня долги мои и худое положеніе моего гардероба, но это опять ничего, и объ этомъ тоже молю васъ— не отчаивайтесь, маточка. Посылаете мнѣ еще полтинничекъ, Варинька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ какъ-то оно теперь стало, такъ вотъ оно такъ! т. е. это не я, старый дуракъ, вамъ, ангельчику, помогаю, а вы, сироточка моя бѣдненькая, мнѣ! Хорошо сдѣлала Ѳедора, что достала денегъ. Я покаместъ не имѣю надеждъ никакихъ, маточка, на полученіе, а если чуть возродятся какія-нибудь надежды, то отпишу вамъ обо всемъ подробно. Но сплетни, сплетни меня беспокоятъ болѣе всего. Прощайте, мой ангельчикъ. Цалую вашу ручку и умоляю васъ выздоравливать. Пишу отъ-того не подробно, что въ должность спѣшу, ибо стараніемъ и раченіемъ хочу загладить всѣ вины мои въ упущеніи по службѣ; дальнѣйшее же повѣствованіе о всѣхъ проществіяхъ и о приключеніи съ офицерами откладываю до вечера.

Васъ уважающій и васъ сердечно любящій

Макаръ Дьяушкинъ.

Іюля 28.

Эхъ, Варинька, Варинька! Вотъ именно-то теперь грѣхъ на вашей сторонѣ и на совѣсти вашей останется. Письмомъ-то своимъ вы меня съ толку послѣдняго сбили, озадачили, да ужъ только теперь, какъ я на досугѣ во внутренность сердца моего проникъ, такъ и увидѣлъ, что правъ былъ, совершенно былъ правъ. Я не про дебошъ мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю васъ и что вовсе не неблагоприятно мнѣ было любить васъ, вовсе не неблагоприятно. Вы, маточка, не знаете ничего; а вотъ еслибы знали только отъ-чего это все, отъ-чего это я долженъ васъ любить, такъ вы бы не то сказали. Вы это все резонное-то только такъ говорите, а я увѣренъ, что на сердцѣ-то у васъ вовсе не то.

Маточка моя, я и самъ-то не знаю и не помню хорошо всего, что было у меня съ офицерами. Нужно вамъ замѣтить, ангельчикъ мой, что до того времени я былъ въ смущеніи ужаснѣйшемъ. Вообразите себѣ, что уже цѣлый мѣсяцъ, такъ сказать, на одной ниточкѣ крѣпился. Положеніе было пребѣдственное. Отъ васъ-то я скрывался, да и дома тоже, но хозяйка моя пуму и крпку надѣлала. Оно бы мнѣ и ничего. Пусть бы кричала баба негодная, да одно то, что срамъ, а второе

то, что она, Господь ее знаетъ какъ, объ нашей связи узнала, и такое про нее на весь домъ кричала, что я обомлѣлъ да и уши заткнулъ. Да дѣло-то въ томъ, что другіе своихъ ушей не затыкали, а напротивъ развѣсили ихъ. Я и теперь, маточка, куда мнѣ дѣваться не знаю...

И вотъ, ангельчикъ мой, все-то это, все-то этотъ сбродъ всяческаго бѣдствія и доканалъ меня окончательно. Вдругъ странныя вещи слышу я отъ Ѳедоры, что въ домъ къ вамъ явился недостойный искатель и оскорбилъ васъ недостойнымъ предложеніемъ; что онъ васъ оскорбилъ, глубоко оскорбилъ, я по себѣ сужу, маточка, потому что и я самъ глубоко оскорбился. Тутъ-то я, ангельчикъ вы мой, и свихнулся, тутъ-то я и потерялся и пропалъ совершенно. Я, другъ вы мой, Варинька, выбѣжалъ въ бѣшенствѣ какомъ-то неслыханномъ, я къ нему хотѣлъ идти, грѣховоднику, я ужъ и не зналъ, что я дѣлать хотѣлъ, потому что я не хочу, чтобы васъ, ангельчика моего, обижали. Ну, грустно было! а на ту пору дождь, слякоть, тоска была страшная!.. Я было ужъ воротиться хотѣлъ... Тутъ-то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ, Емельяна Ильича, онъ чиновникъ, т. е. былъ чиновникъ, а теперь ужъ не чиновникъ, потому что его отъ насъ выключили. — Онъ ужъ, я и не знаю, что дѣлаетъ, какъ-то тамъ мается; вотъ мы съ нимъ и пошли. — Тутъ—ну, да что вамъ, Варинька, ну весело что ли про несчастія друга своего читать, бѣдствія его и исторію искушеній, имъ претерпѣнныхъ? На третій день, вечеромъ, ужъ это Емеля подбилъ меня, я и пошелъ къ нему, къ офицеру-то. Адресъ-то я у нашего дворника спросилъ. Я, маточка, ужъ если къ слову сказать пришлось, давно за этимъ молодецъ примѣчалъ; слѣдилъ его, когда еще онъ въ домъ у насъ квартировалъ. Теперь-то я вижу, что я неприличіе сдѣлалъ, потому что я не въ своемъ видѣ былъ, когда обо мнѣ ему доложили. Я, Варинька, ничего, по правдѣ, и не помню; помню, только, что у него было очень много офицеровъ, или это двоилось у меня—Богъ знаетъ. Я не помню также, что я говорилъ, только я знаю, что я много говорилъ въ благородномъ негодованіи моемъ. Ну, тутъ-то меня и выгнали, тутъ-то меня и съ лѣстницы сбросили, то есть оно не то, чтобы со всѣмъ сбросили, а только такъ вытолкали. Вы ужъ знаете, Варинька, какъ я воротился; вотъ оно и все. Конечно, я себя уронилъ, и амбіція моя пострадала, но вѣдь этого никто не знаетъ, изъ постороннихъ-то никто, кромѣ васъ, не знаетъ; ну, а въ такомъ случаѣ, это все равно, что какъ бы его и не было. Можетъ быть, это и такъ, Варинька, какъ вы думаете? Что мнѣ только достоверно извѣстно, такъ это-то, что прошлый годъ у насъ Аксентій Осиповичъ такимъ же образомъ дерзнулъ на личность Петра Петровича, но по секрету, онъ это сдѣлалъ по секрету. Онъ его зазвалъ въ сторожевскую комнату, я это все въ щелочку видѣлъ, да ужъ тамъ онъ какъ надобно бы-

ло и распорядился, но благороднымъ образомъ, потому что этого никто не видалъ, кромѣ меня; ну, а я ничего, то есть я хочу сказать, что я не объявлялъ никому. Ну, а послѣ этого Петръ Петровичъ и Аксентій Осиповичъ ничего. Петръ Петровичъ, знаете, амбиціонный такой, такъ онъ и никому не сказалъ, такъ что они теперь и кланяются и руки жмутъ. Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ, и что всего ужаснѣе, въ собственномъ мнѣніи своемъ проигралъ, но ужъ это вѣрно мнѣ такъ на роду было написано, ужъ это вѣрно судьба, — а отъ судьбы не убѣжишь, сами знаете. — Ну, вотъ и подробное объясненіе несчастій моихъ и бѣдствій, Варинька, вотъ—все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту же пору.—Я немного нездоровъ, маточка моя; и всей игривости чувствъ лишился. Посему теперь спидѣтельствую вамъ мою привязанность, любовь и уваженіе, пребываю, милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна,

покорѣйшимъ слугою вашимъ,

Макаромъ Дьвоукинымъ.

Юля 29-го.

Милостивый государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула! Послушайте, другъ мой, вы или отъ меня умалчиваете чтонибудь и написали мнѣ только часть всѣхъ неспріятностей вашихъ, или... право, Макаръ Алексѣевичъ, письма ваши еще отзываются какимъ-то разстройствомъ... Приходите ко мнѣ, ради Бога, приходите сегодня; да послушайте, вы знаете, ужъ такъ прямо приходите къ намъ обѣдать. Я ужъ и не знаю, какъ вы тамъ живете и какъ съ хозяйкой нашей уладились. Вы объ этомъ обо всемъ ничего не пишете и какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваете. Такъ до свиданія, другъ мой; заходите къ намъ непременно сегодня; да ужъ лучше бы вы сдѣлали, еслибъ и всегда приходили къ намъ обѣдать. Оедора готовитъ очень хорошо. Прощайте.

Ваша

Варвара Доброселова.

Августа 1-го,

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Рады вы, матушка, что Богъ вамъ случай послалъ въ свою очередь за добро добромъ отслужить и меня отблагодарить. Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ говорю,—только не попрекайте меня, какъ тогда, что я на старости лѣтъ замотался. Ну, ужъ былъ грѣхъ такой, чтожъ дѣлать!—если ужъ хотите непременно, чтобы тутъ грѣхъ какой былъ: только вотъ, отъ васъ-то, дру-

жечикъ мой, слушать такое мнѣ многого стоитъ! А вы на меня не сердитесь, что я это говорю; у меня въ груди-то, маточка, все изныло. Бѣдные люди капризны;—это ужъ такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ. Онъ, бѣдный-то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждого прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову,—дескать, не про него ли тамъ что говорятъ? Что вотъ, дескать, чтоже онъ такой неказистый? чтобы онъ такое именно чувствовалъ? что вотъ, напримѣръ, каковъ онъ будетъ съ этого боку, каковъ будетъ съ того боку? И вѣдомо каждому, Варинька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и никакого ни отъ кого уваженія получить не можетъ, что ужъ тамъ ни пиши! они-то, пачкуны-то эти, что ужъ тамъ ни пиши—все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ, какъ и было. А отъ чего же такъ и будетъ по прежнему? А отъ того, что ужъ у бѣднаго человѣка, поихнему, все наизнанку должно быть; что ужъ у него ничего не должно быть заѣтнаго, тамъ амбиціи какойнибудь ни-ни-ни! Вонъ Емеля говорилъ намереніи, что ему гдѣ-то подписку дѣлали, такъ ему за каждый гривенникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, официальный осмотръ дѣлали. Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ—а нѣтъ: они заплатили за то, что имъ бѣднаго человѣка показывали. Иныче, маточка, и благодѣанія-то какъ-то чудно дѣлаются... а, можетъ быть, и всегда такъ дѣлались, кто ихъ знаетъ! Или не умѣютъ они дѣлать, или ужъ мастера большіе—одно изъ двухъ. Вы можете быть, этого не знали, ну, такъ вотъ вамъ! Въ чемъ другомъ мы пасъ, а ужъ въ этомъ извѣстны! А почему бѣдный человѣкъ знаетъ все это, да думаетъ все такое? А почему? — ну, по опыту! А отъ кого, напримѣръ, что онъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что вотъ идеть куданибудь къ ресторану да горорить самъ съ собой: что вотъ, дескать, эта голь-чиновникъ, что будетъ ѣсть сегодня? а я соте-напилью буду ѣсть, а онъ, можетъ быть, кашу безъ масла ѣсть будетъ.—А какое ему дѣло, что я буду кашу безъ масла ѣсть? Бываетъ такой человѣкъ, Варинька, бываетъ, что только объ такомъ и думаетъ. И они ходятъ, пасквиланты неприличные, да смотрятъ, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь, али носочкомъ однимъ; что де, вотъ у такого-то чиновника, такого-то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны—и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ. и дрянъ такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужъ если вы мнѣ простите, Варинька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ тѣтъ же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣромъ сказать, дѣвическій. Вѣдь вы передъ всѣми—грубое-то слово мое простите—разоблачаться не ста-

Августа 2.

М. Г. Макарь Алексѣвич!

пете; вотъ такъ точно и бѣдный человѣкъ не любить, чтобы въ его конуру заглядывали, что, дескать, каковы-то тамъ его отношенія будутъ семейныя—вотъ. А то, что было тогда обижать меня, Варинька, купно со врагами моими, на честь и амбицію честнаго человѣка посягающими!

Да и въ присутствіи-то я сегодня сидѣлъ такимъ медвѣженкомъ, такимъ воробьемъ ошпанннымъ, что чуть самъ за себя со стыда не сгорѣлъ. Стыдненько мнѣ было. Варинька! Да, ужъ натурально робѣешь, когда сквозь одежду голые локти свѣтятся, да пуговицы на ниточкахъ мотаются. А у меня, какъ нарочно, все это было въ такомъ безпорядкѣ! Поневолѣ упадаешь духомъ. Чего!.. самъ Степанъ Карловичъ сегодня началъ было по дѣлу со мной говорить, говорилъ-говорилъ, да какъ будто невзначай и прибавилъ: «Эхъ вы, батюшка Макарь Алексѣвичъ!» да и не договорилъ остальнаго-то объ чемъ онъ думалъ, а только я ужъ самъ обо всемъ догадался, да такъ покраснѣлъ, что даже лысыя моя покраснѣла. Оно въ сущности-то и ничего, да все-таки безпокойно, на размышленія наводитъ тяжкія. Ужъ не провѣдали ли чего они! А Боже сохрани, ну, какъ объ чемъ нибудь провѣдали! Я, признаюсь, подозрѣваю, сильно подозрѣваю одного человѣчка. Вѣдь этимъ злодѣямъ ни почемъ! выдадутъ! всю частную твою жизнь ни за грошъ выдадутъ;—святаго ничего не имѣется.

Я знаю теперь, чья это штука: это Ратазиева штука. Онъ съ кѣмъ-то знакомъ въ нашемъ вѣдомствѣ, да вѣрно такъ, между разговоромъ, и передалъ ему все съ прибавленіями; или пожалуй, рассказалъ въ своемъ вѣдомствѣ, а оно выползло въ наше вѣдомство. А въ квартирѣ у насъ всѣ все до послѣдняго знаютъ, и къ вамъ въ окно пальцемъ показываютъ; это ужъ я знаю, что показываютъ. А какъ я вчера къ вамъ обѣдать пошелъ, то всѣ они изъ оконъ повысовывались, а хозяйка сказала, что вотъ, дескать, чортъ съ младенцемъ связались, да и васъ она назвала потомъ неприлично. Но все же это ничто передъ гнуснымъ намѣреніемъ Ратазиева насъ съ вами въ литературу свою помѣстить и въ тонкой сатирѣ насъ описать; онъ это самъ говорилъ, а мнѣ добрые люди изъ нашихъ пересказали. Я ужъ и думать ни о чемъ не могу, маточка, и рѣшиться не знаю на что. Нечего грѣха таить, прогнѣвили мы Господа Бога, ангельчикъ мой! Вы, маточка, мнѣ книжку какую-то хотѣли, ради скуки, прислать. А ну се, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небыллица нъ лицахъ! И романъ вздоръ, и для вздора написанъ, такъ, празднымъ людямъ читать: повѣрьте мнѣ, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте. И что тамъ, если они васъ заговаряютъ Шекспиромъ какимъ нибудь, что, дескать, видишь ли, въ литературѣ Шекспиръ есть,—такъ и Шекспиръ вздоръ, все это сущій вздоръ, и все для одного пасквиля сдѣлано!

Вашъ
Макарь Дневусикинъ.

Не безпокойтесь ни объ чемъ; дасть Господь Богъ все уладится. Оедора достала и себѣ и мнѣ кучу работы, и мы превесело принялись за дѣло; можетъ-быть, и все поправимъ. Подозрѣваетъ она, что всѣ мои послѣднія непріятности не чужды Анны Оедоровны; но теперь мнѣ все равно. Мнѣ сегодня какъ-то необыкновенно весело. Вы хотите занимать деньги; — сохрани васъ Господи! послѣ не оберетесь бѣды, когда отдавать будетъ нужно. Лучше живите-ка съ нами покороче, приходите къ намъ почаще и не обращайтесь вниманія на вашу хозяйку. Что же касается до остальныхъ враговъ и недоброжелателей вашихъ, то я увѣрена, что вы мучаетесь напрасными сомнѣніями, Макарь Алексѣвичъ! Смотрите, вѣдь я вамъ говорила прошедшій разъ, что у васъ слогъ чрезвычайно неровный. Ну, прощайте, до свиданья. Жду васъ непременно къ себѣ.

Ваша

В. Д.

Августа 3.

Ангельчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Спѣшу вамъ сообщить, жизненчикъ вы мой, что у меня надежды родились кое-какія. Да позвольте, дочечка вы моя—пишете, ангельчикъ, чтобы мнѣ займовъ не дѣлать? Голубчикъ вы мой, невозможно безъ нихъ; ужъ и мнѣ-то худо, да и съ вами-то, чего добраго, что-нибудь вдругъ да не такъ! вѣдь вы слабенькія; такъ вотъ я къ тому и пишу, что занять-то непременно нужно. Ну такъ я и продолжаю.

— Замѣчу вамъ, Варвара Алексѣевна, что въ присутствіи я сижу рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Это не съ тѣмъ Емельяномъ, котораго вы знаете. Этотъ, такъ-же какъ и я, титулярный совѣтникъ, и мы съ нимъ во всемъ нашемъ вѣдомствѣ чуть ли не самыя старшя, коренные служивые. Онъ добрая душа, безкорыстная душа, да неразговорчивый такой, и всегда настоящимъ медвѣдемъ смотритъ. За то дѣловой, перо у него чистый англійскій почеркъ, и если ужъ всю правду сказать, то не хуже меня пишетъ,—достойный человѣкъ! Коротко мы съ нимъ никогда не сходились, а такъ только, по обычаю, прощайте да здравствуйте; да если подѣ часть мнѣ ножичекъ надобился, то случалось попрошу—дескать, дайте, Емельянъ Ивановичъ, ножичка, однимъ словомъ, было только то, что общежитіемъ требуется. Вотъ онъ и говоритъ мнѣ сегодня: Макарь Алексѣвичъ, что, дескать, вы такъ призадумались? Я вижу, что добра желаетъ мнѣ человѣкъ, да и открылся ему—дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, т. е. всего не сказалъ, да и Боже сохрани, никогда не скажу, потому-что сказать-то нѣтъ духу, а такъ кое въ чемъ открылся ему, что вотъ, дескать, стѣс-

нень, и тому подобно. «А вы бы, батюшка», говоритъ Емельянъ Ивановичъ: «вы бы заняли; вотъ хоть бы у Петра Петровича заняли, онъ даетъ на проценты; я занималъ; и процентъ беретъ пристойный—неотягчительный.» Ну, Варинька, вспрыгнуло у меня сердечко. Думаю-думаю, авось Господь ему на душу положить, Петру Петровичу благодѣтелю, да и дать онъ мнѣ займа. Самъ ужъ и разсчитываю, что вотъ бы-де и хозяйкѣ-то заплатить п вамъ бы помочь, да и самъ бы кругомъ обчинился, а то такой срамъ: жутко даже на мѣстѣ сидѣть, кромѣ того, что вотъ зубоскалы-то наши смѣются, Богъ съ ними! Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходятъ; ну, сохрани Боже, бросая взоръ на меня, да примѣтятъ, что я одѣтъ неприлично! А у нихъ главное—чистота и опрятность. Они-то, пожалуй, и ничего не скажутъ, да я то отъ стыда умру,—вотъ какъ это будетъ. Вслѣдствіе чего, я, скрѣпившись и спрятавъ свой стыдъ въ дыравый карманъ, направился къ Петру Петровичу, и надежды-то полнѣ, и ни живъ ни мертвъ отъ ожиданія—все вмѣстѣ. Ну, что же, Варинька, вѣдь все вздоромъ и кончилось! Онъ что-то былъ занятъ, говорилъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ. Я къ нему подошелъ съ боку да и дернулъ его за рукавъ: дескать, Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ!—Онъ оглянулся, а я продолжаю: что, дескать, вотъ такъ и такъ, рублей тридцать, и т. д.—Онъ сначала было не понималъ меня, а потомъ, когда я объяснилъ ему все, такъ онъ и засмѣялся, да и ничего, замолчалъ. Я опять къ нему съ тѣмъ же. А онъ мнѣ—закладъ у васъ есть?—А самъ уткнулся въ свою бумагу, пишетъ и на меня не глядитъ.—Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ, заклада нѣтъ, — да и объясняю ему—что вотъ, дескать, какъ будетъ жалованье, такъ я и отдамъ, непременно отдамъ, первымъ долгомъ почту.—Тутъ его кто-то позвалъ, я подождалъ его, онъ воротился, да и сталъ перо чинить, а меня какъ-будто не замѣчаетъ. А я все про свое—что, дескать, Петръ Петровичъ, нельзя ли какъ-нибудь? Онъ молчитъ и какъ-будто не слышитъ, я постоялъ-постоялъ, ну, думаю, попробую въ послѣдній разъ, да и дернулъ его за рукавъ. Онъ хоть бы что-нибудь вымолвилъ, очинилъ перо, да и сталъ писать; я и отошелъ. Они, маточка, видите ли, можетъ-быть и достойные люди всѣ, да гордые, очень гордые, — что мнѣ! Куда намъ до нихъ, Варинька! Я къ тому вамъ и писалъ все это.—Емельянъ Ивановичъ тоже засмѣялся, да головой покачалъ, за то обвадсжилъ меня, сердечный. Емельянъ Ивановичъ достойный человѣкъ. Обѣщалъ онъ меня рекомендовать одному человеку; человѣкъ-то этотъ, Варинька, на Выборгской живетъ, тоже даетъ на проценты, 14-го класса какой-то. Емельянъ Ивановичъ говоритъ, что этотъ уже непременно дастъ; я завтра, ангельчикъ мой, пойду, — а? Какъ вы думаете? Вѣдь бѣда не зная! Хозяйка меня чуть съ квартиры не гонитъ

и обѣдать мнѣ давать не соглашается. Да и сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговокъ нѣтъ... да того ли еще нѣтъ у меня! А ну какъ пѣзъ начальства-то кто-нибудь замѣтитъ подобное неприличіе? Бѣда, Варинька, бѣда, просто бѣда!

Макаръ Двухинъ.

Августа 4.

Любезный Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько-нибудь денегъ; я бы ни за что не попросила у васъ помощи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, но если бы вы знали, каково мое положеніе! Въ этой квартирѣ намъ никакъ нельзя оставаться. У меня случились ужаснѣйшія неприятности, и если бы вы знали, въ какомъ я теперь разстройствѣ и волненіи! Вообразите, другъ мой: сегодня утромъ входитъ къ намъ человѣкъ незнакомый, пожилыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденами. Я изумилась, не понимая чего ему нужно у насъ? Ѳедора вышла въ это время въ лавочку. Онъ сталъ меня разспрашивать, какъ я живу и что дѣлаю, и не дождавшись отвѣта, объявилъ мнѣ, что онъ дядя того офицера; что онъ очень сердитъ на племянника за его дурное поведеніе, и за то, что онъ ославилъ насъ на весь домъ; сказалъ, что племянникъ его мальчишка и вѣтрогопъ, и что онъ готовъ взять меня подъ свою защиту; не совѣтовалъ мнѣ слушать молодыхъ людей, прибавилъ, что онъ соболѣзнуетъ обо мнѣ какъ отецъ, что онъ питаетъ ко мнѣ отеческія чувства, и готовъ мнѣ во всемъ помогать. Я вся краснѣла, не знала что и подумать, но не смѣнула благодарить. Онъ взялъ меня насильно за руку, потрепалъ меня по щекѣ, сказалъ, что я прехорошенькая, и что онъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что у меня есть на щекахъ ямочки (Богъ знаетъ, что онъ говорилъ), и наконецъ хотѣлъ меня поцаловать, говоря, что онъ уже старикъ (онъ былъ такой гадкой!) — Тутъ вошла Ѳедора. Онъ немного смутился и опять заговорилъ, что чувствуетъ ко мнѣ уваженіе за мою скромность и благонравіе, и что очень желаетъ, чтобы я его не чуждалась. Потомъ отозвалъ въ сторону Ѳедору и подъ какимъ-то страннымъ предлогомъ хотѣлъ дать ей сколько-то денегъ. Ѳедора, разумѣется, не взяла. Наконецъ онъ собрался домой, повторилъ еще разъ всѣ свои увѣренія, сказалъ, что еще разъ ко мнѣ пріѣдетъ и привезетъ мнѣ сережки (кажется, онъ самъ былъ очень смущенъ); совѣтовалъ мнѣ перемѣнить квартиру и рекомендовалъ мнѣ одну прекрасную квартиру, которая у него на примѣтъ и которая мнѣ ничего не будетъ стоить; сказалъ, что онъ очень полюбилъ меня за тѣмъ, что я честная и благоразумная дѣвушка, совѣтовалъ остерегаться развратной молодежи и наконецъ объявилъ, что знаетъ Анну Ѳедоровну, и что Анна Ѳедоровна поручила ему

сказать мнѣ, что она сама навѣститъ меня. Тутъ я все поняла. Я не знаю, что со мною случилось; въ первый разъ въ жизни я испытывала такое положеніе; я изъ себя вышла; я застыдила его совѣсть. Ѳедора помогла мнѣ и почти выгнала его изъ квартиры. Мы рѣшили, что это все дѣло Анны Ѳедоровны: иначе съ какой стороны ему знать о насъ?

Теперь я къ вамъ обращаюсь, Макарь Алексѣевичъ, и молю васъ о помощи. Не оставляйте меня, ради Бога, въ такомъ положеніи! Займите; пожалуйста, хоть сколько нибудь достаньте денегъ, вамъ не на что съѣхать съ квартиры, а оставаться здѣсь никакъ нельзя болѣе: такъ и Ѳедора совѣтуетъ. Намъ нужно по крайней мѣрѣ рублей 25; я вамъ эти деньги отдамъ; я ихъ заработаю; Ѳедора мнѣ на-дняхъ еще работы доставитъ, такъ, что если васъ будутъ останавливать большіе проценты, то вы не смотрите на нихъ и согласитесь на все. Я вамъ все отдамъ, только ради Бога не оставьте меня помощію. Мнѣ многого стоить беспокоить васъ теперь, когда вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда моя! Прощайте, Макарь Алексѣевичъ, подумайте обо мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

В. Д.

Августа 4.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Вотъ эти-то всѣ удары неожиданные и потрясаютъ меня! Вотъ такіе-то бѣдствія страшныя и убиваютъ духъ мой! Кромѣ того, что сбродъ этихъ лизоблюдниковъ разныхъ и старикашекъ негодныхъ васъ, моего ангельчика, на болѣзненный одръ свести хочетъ, кромѣ этого всего — они и меня, лизоблюды-то эти, извести хотятъ. И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ! Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умереть готовъ, чѣмъ вамъ не помочь! — Не помоги я вамъ, такъ ужъ тутъ смерть моя, Варинька, тутъ ужъ чистая, настоящая смерть, а помоги, такъ вы тогда у меня улетите, какъ птишка изъ гнѣздышка, которую совы-то эти, хищныя птицы заклевать собирались. Вотъ это то меня и мучаетъ, маточка. Да и вы-то, Варинька, вы-то какія жестокия! Какъ же вы это? Васъ мучаютъ, васъ обижаютъ, вы, птенчикъ мой, страдаете, да еще горюете, что меня беспокоитъ нужно, да еще общаетесь долгъ зарабатывать, то-есть, по правдѣ сказать, убиваться будете съ вашимъ здоровьемъ слабенькимъ, чтобъ меня къ сроку выручить. Да вѣдь вы, Варинька, только подумайте, о чемъ вы толкуете! Да зачѣмъ же вамъ пить, зачѣмъ же работать, головку свою бѣдную заботою мучить, ваши глазки хорошенькіе портить и здоровье свое убивать? Ахъ, Варинька, Варинька! видите ли, голубчикъ мой, я никуда не гожусь, и самъ знаю, что никуда не гожусь, но я сдѣлаю такъ, что буду годиться! Я все превозмогу, я самъ работы посторонней достану, переписывать буду разныя бумаги

разнымъ литераторамъ, пойду къ нимъ, самъ пойду, навязусь на работу; потому-что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю, что ищутъ, а вамъ себя изнувать не дамъ; пагубнаго такого намѣренія не дамъ вамъ исполнить. Я, ангельчикъ мой, непременно займу, и скорѣе умру, чѣмъ не займу. И пишите, голубушка вы моя, что-бы я проценту не испугался большого — и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь не испугаюсь. Я, маточка, попрошу 40 рублей ассенинаціями; вѣдь не много, Варинька, какъ вы думаете? Можно ли сорокъ-то рублей мнѣ съ перваго слова повѣрить? то-есть, я хочу сказать, считаете ли вы меня способнымъ внушить, съ перваго взгляда, вѣроятіе и довѣренность? По физиономіи-то, по первому взгляду, можно ли судить обо мнѣ благопріятнымъ образомъ? Вы припомните, ангельчикъ, способенъ ли я ко внушенію-то? Какъ вы тамъ отъ себя полагаете? Знаете ли, страхъ такой чувствуется, — болѣзненно, истинно сказать болѣзненно! Изъ сорока рублей двадцать пять отлагаю на васъ, Варинька; два цѣлковыхъ хозяйкѣ, а остальное назначено для собственной траты. Видите ли, хозяйкѣ-то слѣдовало бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дѣло, маточка, перечтите-ка всѣ мои нужды, такъ и увидите, что ужъ никакъ нельзя болѣе дать, слѣдовательно, нечего и говорить объ этомъ, да и упоминать не нужно. На рубль серебромъ куплю сапоги; я ужъ и не знаю, способенъ ли я буду въ старыхъ-то завтра въ должность явиться. Платочекъ шейный тоже былъ бы необходимъ, ибо старому скоро годъ минетъ; но такъ какъ вы мнѣ изъ стараго фартучка вашего не только платокъ, но и манишку выкроить общались, то я о платкѣ и думать больше не буду. Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговицы, дружокъ мой! вѣдь вы согласитесь, крошечка моя, что мнѣ безъ пуговицъ быть нельзя; а у меня чуть-ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могутъ такой безпорядокъ замѣтить, да скажутъ — да что скажутъ! Я, маточка, и не услышу, что скажутъ; ибо умру, умру, на мѣстѣ умру, такъ-таки возьму да и умру отъ стыда, отъ мысли одной! — Охъ, маточка! — Да вотъ еще останется отъ всѣхъ потребностей трехрублевикъ; такъ вотъ это на жизнь, и на полфунтика табачку; потому-что, ангельчикъ мой, я безъ табаку-то жить не могу, а ужъ вотъ девятый день трубки въ ротъ не бралъ. Я бы, по совѣсти говоря, купилъ бы, да и вамъ ничего не сказалъ, да совѣстно. Вотъ у васъ тамъ бѣда, вы послѣдняго лишаетесь, а я здѣсь разными удовольствіями наслаждаюсь; такъ вотъ для того и говорю вамъ все это, чтобы угрызения совѣсти не мучили. Я вамъ откровенно признаюсь, Варинька, я теперь въ крайне-бѣдственномъ положеніи, го-есть рѣшительно ничего подобнаго никогда со мной не бывало. Хозяйка презируетъ меня, уваженія ни отъ кого нѣтъ никакого; недостатки страшнѣйшіе, долги;

а въ должности, гдѣ отъ своего брата чиновника и прежде мнѣ не было масляницы, — теперь маточка, и говорить нечего. Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ. Вѣдь это вамъ только признаться достаётъ у меня силы душевной... А ну, какъ не дать! Ну, нѣтъ лучше, Варинька, и не думать объ этомъ, и такими мыслями заранѣе не убивать души своей. Къ тому и пишу это, чтобы предостеречь васъ, чтобы сами вы объ этомъ не думали и мыслію злою не мучились. Ахъ, Боже мой. что это съ вами-то будетъ тогда! Оно, правда и то, что вы тогда съ этой квартиры не съѣдете, и я буду съ вами, — да, нѣтъ, ужъ я и не ворочусь тогда, я просто сгину куда-нибудь, пропаду. Вотъ я вамъ здѣсь расписался, а побриться бы пужно, оно все благообразиѣе, а благообразіе всегда умѣетъ найдти. Ну, дай-то Господи! Помолюсь, да и въ путь!

М. Дѣвушкинъ.

Августа 5.

Любезнѣйшій Макарь Алексѣвичъ!

Ужъ хоть вы-то бы не отчаявались! И такъ горя довольно. — Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; больше никакъ не могу. Купите себѣ тамъ что вамъ болѣе нужно, чтобы хоть до завтра прожить какъ-нибудь. У насъ у самихъ почти ничего не осталось, а завтра ужъ и не знаю что будетъ. Грустно, Макарь Алексѣвичъ! Впрочемъ, не грустите; не удалось, такъ что жъ дѣлать! Оедора говорить, что еще не бѣда, что можно до времени и на этой квартирѣ остаться, что если бы и перѣѣхали, такъ все бы не много выгадали, и что если захотятъ, такъ вездѣ насъ найдутъ. Да только все какъ-то не хорошо здѣсь оставаться теперь. Если бы не грустно было, я бы вамъ кое-что написала.

Какой у васъ странный характеръ, Макарь Алексѣвичъ! Вы ужъ слишкомъ-сильно все принимаете къ сердцу; отъ этого вы всегда будете несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я внимательно читаю всѣ ваши письма и вижу, что въ каждомъ письмѣ вы обо мнѣ такъ мучаетесь и заботитесь, какъ никогда о себѣ не заботились. Всѣ, конечно, скажутъ, что у васъ доброе сердце, но я скажу, что оно ужъ слишкомъ доброе. Я вамъ даю дружескій совѣтъ, Макарь Алексѣвичъ. Я вамъ благодарна, очень благодарна за все, что вы для меня сдѣлали, я все это очень чувствую; такъ судите же, каково мнѣ видѣть, что вы и теперь, послѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, которыхъ я была невольною причиною, — что и теперь живете только тѣмъ, что я живу: моими радостями, моими горестями, моимъ сердцемъ! Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно всему сочувствовать, то, право, есть отъ-чего быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Сегодня, когда вы вошли ко мнѣ послѣ

должности, я испугалась глядя на васъ. Вы были такой блѣдный, перепуганный, отчаянный: на васъ лица не было, — и все отъ-того, что вы боялись мнѣ рассказать о своей неудачѣ, боялись меня огорчить, меня испугать, а какъ увидѣли, что я чуть не засмѣялась, то у васъ почти все отлегло отъ сердца. Макарь Алексѣвичъ! вы не печальтесь, не отчаивайтесь, будьте благоразумнѣе, — прошу васъ, умоляю васъ объ этомъ. Ну, вотъ вы увидите, что все будетъ хорошо, все переѣмнится къ лучшему; а то вамъ тяжело будетъ жить, вѣчно тоскуя, и болѣе чужимъ горемъ. Прощайте, мой другъ; умоляю васъ не беспокойтеся слишкомъ обо мнѣ.

В. Д.

Августа 5-го.

Голубчикъ мой Варинька!

Ну, хорошо, ангельчикъ мой, хорошо! Вы рѣшили, что еще не бѣда отъ-того, что я денегъ не досталъ. Ну, хорошо, я спокоенъ, я счастливъ на вашъ счетъ. Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете и на этой квартирѣ останетесь. Да ужъ если все говорить, такъ и сердце-то мое все радостію переполнилось, когда я увидѣлъ, что вы обо мнѣ, въ своемъ письмецѣ, такъ хорошо написали и чувствамъ моимъ должную похвалу воздали. Я это не отъ гордости говорю, но отъ-того, что вижу какъ вы меня любите, когда объ сердцѣ моемъ такъ беспокоитесь. Ну, хорошо; что ужъ теперь объ сердцѣ-то моемъ говорить! Сердце само-по-себѣ; — а вотъ вы наказываете, маточка, чтобы я малодушнымъ не былъ. Да, ангельчикъ мой, пожалуй и самъ скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ, рѣшите сами, маточка моя, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду! — Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить. А главное, родная моя, что я не для себя и тужу, не для себя и страдаю; но мнѣ все равно, хоть бы и въ трескуцій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить, я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего; человѣкъ-то я простой, маленькій; — но что люди скажутъ? — Враги-то мои, злые — то языки эти всѣ что заговорятъ, когда безъ шинели пойдешь? Вѣдь для людей и въ шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для нихъ же носишь. Сапоги въ такомъ случаѣ, маточка, душечка вы моя, нужны мнѣ для поддержки чести и добраго имени; въ дыравыхъ же сапогахъ и то и другое пропадетъ, — повѣрьте, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте; меня старика, знающаго свѣтъ и людей, послушайте, а не пачкуновъ какихъ-нибудь и марателей.

А я вамъ еще и не рассказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня. А того я нетерпѣлся, столько тяготы душевной въ одно утро вынесъ, чего иной и въ цѣлый годъ не вынесетъ. Вотъ оно было какъ: — по-

шелъ во первыхъ я, равнымъ-ранешенько, чтобы и его-то застать, да и на службу поспѣть. Дождь былъ такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, въ шинель-то закутался, иду-пду, да все думаю:—Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія и пошли исполненіе желаній.—Мимо...ской церкви прошелъ, перекрестился, во всѣхъ грѣхахъ покаяся, да вспомнилъ, что недостойно мнѣ съ Господомъ Богомъ уговариваться. Погрузился я въ себя самага, и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужъ не разбирая дороги пошелъ. На улицахъ было пусто, а кто встрѣчался, такъ все такіе занятые, озабоченные, да и не диво: кто въ такую пору раннюю и въ такую погоду гулять пойдетъ! Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье! Робость нашла на меня, жутко становилось, ужъ я объ деньгахъ-то и думать, по правдѣ, не хотѣлъ, — на авось такъ на авось! У самага Воскресенскаго моста у меня подошва отстала, такъ что ужъ и самъ не знаю на чемъ я пошелъ. А тутъ нашъ писарь Ермолаевъ повстрѣчался со мною, вытянулся, стоитъ глазами провожаетъ, словно на водку просить; эхъ, братецъ, подумалъ; я, на водку, ужъ какая тутъ водка! Усталъ я ужасно, приостановился, отдохнулъ немного, да и потянулся дальше. Нарочно разглядывалъ, къ чему бы мыслями прилѣпиться, развлечься, приободриться: да нѣтъ — ни одной мысли ни къ чему не могъ прилѣпить, да и загрязнился въ добавокъ такъ, что самага себя стыдно стало. Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный желтый, съ мезониномъ въ родѣ бельведера—ну, такъ, думаю, такъ оно и есть, такъ и Емельянь Ивановичъ говорилъ,—Маркова домъ. (Онъ и есть этотъ Марковъ, маточка, что на проценты даетъ). Я ужъ и себя тутъ не вспоминалъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ-таки будочника—чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіянь, говоритъ нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозъ зубы цѣдитъ, — да ужъ такъ говоритъ, это Маркова домъ.—Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ? — А вотъ все какъ-то было впечатлѣніе дурное и непріятное, словомъ, все одно къ одному; изо всего что-нибудь выведешь сходное съ своимъ положеніемъ, и это всегда такъ бываетъ. Мимо дома-то я три конца далъ по улицѣ, и чѣмъ больше хожу, тѣмъ хуже становится; — нѣтъ, думаю, не дать, ни за что не дать! И человѣкъ-то я незнакомый, и дѣло-то мое щекотливое, и фигурой я не беру — ну, думаю, какъ судьба рѣшить; чтобы послѣ только не каяться, за попытку не съѣдятъ же меня,—да и отворилъ потихоньку калитку. А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дрянная, глупая собаченка дворная; лѣзетъ изъ кожи, заливается! — И вотъ такіе-то подлые, мелкіе случаи и взбѣсятъ всегда человѣка, маточка, и робость на него наведутъ, и всю рѣшимость, которую заранѣ обдумалъ, уничтожатъ; такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ, ни мертвъ,

вошелъ да прямо еще на бѣду, — не разглядѣлъ что такое внизу въ потьмахъ у порога, ступилъ да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила. Замызжала, затрещала глупая баба,—дескать куда ты, батюшка, лѣзешь, чего тебѣ надо? да и пошла причитать про нелегкое. Я, маточка, это къ тому замѣчаю, что всегда со мной такое же случилось въ подобнаго рода дѣлахъ; знать ужъ мнѣ написано такъ; вѣчно-то я зацѣплюсь за что-нибудь постороннее. Высунулась на шумъ старая вѣдьма и чухонка хозяйка, я прямо къ ней,—здѣсь, дескать, Марковъ живетъ? Нѣтъ, говоритъ; постояла, оглядѣла меня хорошенько. — «А вамъ что до него?» Я объясняю ей, что дескать такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ,—ну, и про остальное; — говорю, дѣльцо есть. Старуха кликнула дочку—вошла и дочка, дѣвочка въ лѣтахъ босоногая,—«кликни отца; онъ наверху у жильцевъ,—пожалуйте». Вошелъ я. Комната ничего, на стѣнахъ картинки висятъ, все генераловъ какихъ-то портреты, диванъ стоитъ, столъ круглый, резеда, балъзаминики—думаю-думаю не убраться ли полно мнѣ по добру по здорovu, уйти или нѣтъ? и вѣдь ей-ей, маточка, хотѣлъ убѣжать! Я лучше думаю, завтра приду; и погода лучше будетъ, и я-то пережду,—а сегодня вонъ и молоко пролито, и генералы-то смотрятъ такіе сердитые... Я ужъ и къ двери, да онъ то вошелъ—такъ себѣ, сѣденый, глазки такіе вороватенькіе, въ халатъ засаленномъ и веревкой подпоясанъ. Освѣдомился къ чему и какъ, а я ему: дескать, такъ и такъ, вотъ Емельянъ Ивановичъ,—рублей сорокъ, говорю; дѣло такое—да и не договорилъ. Изъ глазъ его увидалъ, что проиграно дѣло. «Нѣтъ, ужъ что, говоритъ, дѣло, у меня денегъ нѣтъ; а что у васъ закладъ что ли какой?» Я было сталъ объяснять, что дескать заклада нѣтъ, а вотъ Емельянъ Ивановичъ,—объясняю, однимъ словомъ, что нужно. Выслушавъ все—нѣтъ, говоритъ, что Емельянъ Ивановичъ! у меня денегъ нѣтъ. — Ну, думаю, такъ, все такъ; зналъ я про это, предчувствовалъ—ну, просто, Варинька, лучше бы было, если бы земля подо мной разступилась; холодъ такой, ноги околѣбли, мурашки по спинѣ пробѣжали. Я на него смотрю, а онъ на меня смотритъ, да чуть не говоритъ — что дескать, ступай-ка ты, братъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать—такъ что, еслибъ въ другомъ случаѣ было бы такое же, такъ совсѣмъ бы засовѣстился.—Да что вамъ, зачѣмъ деньги надобны?—(вѣдь вотъ про что спросилъ, маточка!) Я было ротъ разинулъ, чтобы только такъ не стоять даромъ, да онъ и слушать не сталъ—нѣтъ, говоритъ, денегъ нѣтъ; я бы, говоритъ, съ удовольствіемъ. Ужъ я ему представлялъ, представлялъ, говорю, что вѣдь я немножко, я дескать, говорю, вамъ отдамъ, въ срокъ отдамъ, и что я еще до срока отдамъ, что и процентъ пусть какой угодно беретъ, и что я ей-Богу отдамъ. Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспом-

нилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ — да нѣтъ, говоритъ, что проценты, вотъ еслибъ закладъ! А то у меня денегъ нѣтъ, ей-Богу нѣтъ; я бы, говоритъ съ удовольствіемъ, — еще и побожился, разбойникъ!

Ну, тутъ ужъ, родная моя, я и не помню какъ вышелъ, какъ прошелъ Выборгскую, какъ на Воскресенскій мостъ попалъ, усталъ ужасно, прозябъ, продрогъ и только въ десять часовъ въ должность успѣлъ явиться. Хотѣлъ-было себя пообчистить отъ грязи, да Снегиревъ сторожъ сказалъ, что нельзя что щетку испортить, а щетка, говоритъ, баринъ, казенная. Вотъ они какъ теперь, маточка, такъ что я и у этихъ господъ чуть ли не хуже ветошки, объ которую ноги обтираютъ. Вѣдь меня что, Варинька, убиваетъ? — Не деньги меня убиваютъ, а всѣ эти тревоги житейскія, всѣ эти шопоты, улыбочки, шуточки. Его превосходительство невзначай какъ-нибудь могутъ отнестись на мой счетъ — охъ, маточка, времена-то мои прошли золотыя! Сегодня перечиталъ я всѣ ваши письма; грустно, маточка! Прощайте, родная, Господь васъ хранитъ!

М. Двѣушкинъ.

Р. С. Горе-то мое, Варинька, хотѣлъ я вамъ описать пополамъ съ шуточкой, только видно она не дается мнѣ, шуточка-то. Вамъ хотѣлось угодить. — Я къ вамъ зайду, маточка, непременно зайду, завтра зайду.

Августа 11-го.

Барвара Алексѣевна! голубчикъ мой, маточка! Пропалъ я, пропали мы оба, оба вмѣстѣ, безвозвратно пропали. Моя репутація, амбиція — все потеряно! Я погибъ, и вы погибли, маточка, и вы, вмѣстѣ со мной, безвозвратно погибли! Это я, я какъ въ погибель ввелъ! Меня гонятъ, маточка, презираютъ, на смѣхъ поднимаютъ, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила. А вечеромъ у Ратазьева кто-то изъ нихъ сталъ вслухъ читать одно письмо черновое, которое я вамъ написалъ, да выронилъ невзначай изъ кармана. Матушка моя, какую они насмѣшку подняли! Величали, вельчали насъ, хохотали, хохотали, предатели! Я вошелъ къ нимъ и уличилъ Ратазьева въ вѣроломствѣ; сказалъ ему, что онъ предатель! А Ратазьевъ отвѣчалъ мнѣ, что я самъ предатель, что я конкетами разными занимаюсь; говоритъ, — вы скрывались отъ насъ, вы дескать Ловеласъ; и теперь всѣ меня Ловеласомъ зовутъ, и имени другаго нѣтъ у меня! Слышите ли ангельчикъ мой, слышите ли — они теперь все знаютъ, обо всемъ извѣстны, и объ васъ, родная моя, знаютъ и обо всемъ, что ни есть у васъ, обо всемъ знаютъ! Да чего! и Фальдони туда же, и онъ заодно съ ними; послалъ я его сегодня въ колбасную, такъ, принести кой-чего; не идетъ да и только, дѣло есть говорить! Да вѣдь ты жъ обязанъ, — я говорю. — Да нѣтъ же, говоритъ, не обязанъ, вы вонъ

моей барыни денегъ не платите, такъ я вамъ и не обязанъ.» Я не вытерпѣлъ отъ него, отъ не-образованнаго мужика, оскорбленія, да и сказалъ ему дуракъ, а онъ мнѣ — «отъ дурака слышалъ». Я думаю, что онъ съ пьяныхъ глазъ мнѣ такую грубость сказалъ — да и говорю, ты, дескать, пьянъ, мужикъ ты этакой! а онъ мнѣ: — «вы что ли мнѣ поднесли-то? Усамихъ-то есть-ли на что опомѣлиться; сами у какой-то по гривенничку христарадничаєте, да еще прибавилъ: — эхъ, дескать, а еще баринъ!» Вотъ, маточка, вотъ до чего дошло дѣло! Жить, Варинька, совѣстно! точно оглашенный какой-нибудь; хуже чѣмъ безпаспортному бродягѣ какому-нибудь Вѣдствія тяжкія! — погибъ я, просто погибъ! безвозвратно погибъ.

М. Д.

Августа 13.

Любезнѣйшій Макарь Алексѣевичъ! Надъ нами все бѣды да бѣды, я ужъ и сама не знаю, что дѣлать! Что съ вами-то будетъ теперь, а на меня надежда плохая; я сегодня обожгла себѣ утюгомъ лѣвую руку; уронила нечаянно, и ушибла, и обожгла, все вмѣстѣ. Работать никакъ нельзя, а Ѳедора ужъ третій день хвораетъ. Я въ мучительномъ безпокойствѣ. Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; это почти все послѣднее наше, а я, Богъ видитъ, какъ желала бы вамъ помочь теперь въ вашихъ нуждахъ. До слезъ досадно! Прощайте, другъ мой! Весьма бы вы утѣшили меня, еслибъ пришли къ намъ сегодня.

В. Д.

Августа 14.

Макарь Алексѣевичъ! что это съ вами? Бога вы не боитесь нѣрно! Вы меня просто съ ума сведете. Не стыдно ли вамъ! Вы себя губите, вы подумайте только ко своей репутаціи! Вы человѣкъ честный, благородный, амбиціонный — ну, какъ всѣ узнаютъ про васъ! Да вы просто со стыда должны будете умереть! Или не жаль вамъ сѣдыхъ волосъ вашихъ? Ну, боитесь ли вы Бога! Ѳедора сказала, что уже теперь не будетъ вамъ болѣе помогать, да и я тоже вамъ денегъ давать не буду. — До чего вы меня довели, Макарь Алексѣевичъ! Вы думаете вѣрно, что мнѣ ничего, что вы такъ дурно ведете себя; вы еще не знаете, что я изъ-за васъ терплю! Мнѣ по вашей лѣстницѣ и пройти нельзя: всѣ на меня смотрятъ, пальцемъ на меня указываютъ, и такія страшныя вещи говорятъ; — да, прямо говорятъ, что *связалась я съ пьяницей*. Каково это слышать! Когда васъ привозятъ, то на васъ всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ: вотъ, говорятъ, того чиновника привезли. А мнѣ-то за васъ мочи нѣтъ, какъ совѣстно. Клянусь вамъ, что я переѣду отсюда. Пойду куданибудь въ горничныя, въ прачки, а здѣсь не останусь. Я вамъ писала, чтобъ вы зашли ко мнѣ, а вы не зашли. Знать вамъ ничего мои слезы и просьбы,

Макаръ Алексѣвичъ! И откуда вы денегъ достали? Ради Создателя поберегитесь! Вѣдь пропадете, ни за что пропадете! И стыдъ-то и срамъ-то какой! Васъ хозяйка и выпуститъ вчера не хотѣла, вы въ сѣняхъ почевали: я все знаю. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело было, когда я все это узнала. Приходите ко мнѣ, вамъ будетъ у насъ весело: мы будемъ вмѣстѣ читать, будемъ старое вспоминать. Ѳедора о своихъ богомольныхъ странствіяхъ рассказывать будетъ. Ради меня, голубчикъ мой, не губите себя и меня не губите. Вѣдь я для васъ одного и живу, для васъ и остаюсь съ вами. Такъ-то вы теперь! Будьте благороднымъ человѣкомъ, твердымъ въ несчастіяхъ; помните, что бѣдность не порокъ. Да и чего отчаяваться: это все временное! Дастъ Богъ — все поправится, только вы-то удержитесь теперь. Посылаю вамъ двугривенный, купите себѣ табаку, или всего, что вамъ захочется, только ради Бога на дурное не тратьте. Приходите къ намъ, непременно приходите. Вамъ, можетъ быть, какъ и прежде, стыдно будетъ, но вы не стыдитесь: это ложный стыдъ. Только бы вы искреннее раскаяніе принесли. Надѣйтесь на Бога. Онъ все устроить къ лучшему.

В. Д.

Августа 19.

Варвара Алексѣвна, маточка!

Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣвна, совсѣмъ застыдился. Впрочемъ, что жъ тутъ такого, маточка, особеннаго? Отъ чего же сердца своего не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздоръ, и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздоръ! — И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали, такъ чего же нашему-то брату съ такимъ недостойнымъ предметомъ нянчиться? За что жъ обижать, за что жъ презирать меня въ такомъ случаѣ? Эхъ! маточка, маточка, нашли что писать! А Ѳедоръ скажите, что она баба вздорная, безпокойная, буйная, и въ добавокъ глупая, невыразимо-глупая! Что же касается до сѣдины моей, то и въ этомъ вы ошибаетесь, родная моя, потому что я вовсе не такой старикъ, какъ вы думаете. Емеля вамъ кланяется. Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вамъ пишу, что я тоже сокрушался и плакалъ. Въ заключеніе, желаю вамъ всякаго здоровья и благополучія, а что до меня касается, то я тоже здоровъ и благополученъ и пребываю вапимъ, ангельчикъ мой, другомъ

Макаромъ Дьвушкинымъ.

Августа 21.

Милостивая государыня и любезный другъ

Варвара Алексѣвна!

Чувствую, что я виноватъ, чувствую, что я провинился предъ вами, да, и по моему, выгоды-то

изъ этого нѣтъ никакой, маточка, что я все это чувствую, ужъ что вы тамъ ни говорите. Я и прежде поступка моего все это чувствовалъ, но вотъ упалъ же духомъ, съ сознаніемъ вины упалъ. Маточка моя, я не золь и не жестокосерденъ; а для того, чтобы растерзать сердечко ваше, голубка моя, нужно быть ни болѣе ни менѣе, какъ кровожаднымъ тигромъ, ну, а у меня сердце овечье, и я, какъ и вамъ извѣстно, не имѣю позова къ кровожадности; слѣдственно, ангельчикъ мой, я и не совсѣмъ виноватъ въ проступкѣ моемъ, такъ же какъ и ни сердце, ни мысли мои не виноваты; а ужъ такъ я и не знаю что виновато. Ужъ такое дѣло темное, маточка! Тридцать копѣекъ серебромъ мнѣ прислали, а потомъ прислали двугривенничекъ; у меня сердце и заняло, глядя на ваши сиротскія денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете, а пишете, чтобы я табаку купилъ. Ну какъ же мнѣ было поступить, въ такомъ случаѣ? Или ужъ такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ сироточку начать грабить! Тутъ-то я и упалъ духомъ, маточка, т. е. сначала, чувствуя по неволѣ, что нпкуда не гоюсь и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, считъ неприличнымъ принимать себя за что-нибудь значущее; а напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ-то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. Ну, а какъ потерялъ къ себѣ самому уваженіе, какъ предался отрпцанію добрыхъ качествъ своихъ и своего достоинства, такъ ужъ тутъ и все пропадай, тутъ ужъ и паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я сначала вышелъ немножко поосвѣжиться. Тутъ ужъ все пришло одно къ одному: и природа была такая слезливая, а погода холодная, и дождь, ну и Емеля тутъ же случился. Онъ, Варинька, уже все заложилъ, что имѣлъ, все у него пошло въ свое мѣсто, и какъ я его встрѣтилъ, такъ онъ уже двое сутокъ маковой росинки во рту не видалъ, такъ что ужъ хотѣлъ такое закладывать, чего никакъ и заложить нельзя, затѣмъ, что и закладовъ такихъ не бывастъ. Ну, что же, Варинька, уступилъ я болѣе изъ состраданія къ человѣчеству, чѣмъ по собственному влеченію. Такъ вотъ какъ грѣхъ этотъ произошелъ, маточка! Мы ужъ какъ вмѣстѣ съ нимъ плакали! Васъ вспоминали. Онъ предобрый, онъ очень добрый человѣкъ, и весьма чувствительный человѣкъ. Я, маточка, самъ все это чувствую; со мной потому и случается-то все такое, что я очень все это чувствую. Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ во-первыхъ и самого-себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они злодѣи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и гнушались мною, ну и я сталъ гнушаться собою; говорили, что я тупъ, я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я тупъ, а какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и

сердце и душа моя освѣтились, и я обрелъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ, что только такъ, не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ. Ну, а теперь, почувствовавъ, что я гонимъ судьбою, что, униженный ею, предался отрицанію собственнаго своего достоинства, я, удрученный моими бѣдствіями, я упалъ духомъ. И такъ, какъ вы теперь все знаете, маточка, то я умоляю васъ слезно не любопытствовать болѣе объ этой матеріи, ибо сердце мое разрывается и горько, тягостно.

Свидѣтельствую, маточка, вамъ почтеніе мое и пребываю вашимъ вѣрнымъ

Макаромъ Двухинымъ.

Сентября 3.

Я не докончила прошлаго письма, Макарь Алексѣвичъ, потому что мнѣ было тяжело писать. Иногда бываютъ со мной минуты, когда я рада быть одной, одной грустить, одной тосковать, безъ раздѣла, и такія минуты начинаютъ находить на меня все чаще и чаще. Въ воспоминаніяхъ моихъ есть что-то такое необъяснимое для меня, что увлекаетъ меня такъ безотчетно, такъ сильно, что я по нѣсколькимъ часамъ бываю безчувственна ко всему меня окружающему и забываю все, все настоящее. И нѣтъ впечатлѣній въ теперешней жизни моей, пріятнаго ль, тяжелаго, грустнаго, которое бы не напоминало мнѣ чего нибудь подобнаго же въ прошедшемъ моемъ, и чаще всего мое дѣдство, мое золотое дѣдство! Но мнѣ становится всегда тяжело послѣ подобныхъ мгновеній. Я какъ-то слабѣю, моя мечтательность изнуряетъ меня, а здоровье мое и безъ того все хуже и хуже становится.

Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какъ-то мало здѣсь осенью, оживило меня, и я радостно его встрѣтила. И такъ, у насъ уже осень! Какъ я любила осень въ деревнѣ. Я еще ребенкомъ была, но и тогда уже много чувствовала. Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро—я какъ будто вижу его теперь,—это озеро было такое широкое, свѣтлое, чистое какъ хрусталь! Бывало, если вечеръ тихъ—озеро покойно; на деревьяхъ, что по берегу росли, не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стадо пригонять—тутъ-то я и ускользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь бывало. Какая нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко-далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выхочетъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкій, порхнетъ ли испуганная пташка, камышъ ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерка, или рыба всплеснется въ

водѣ,—все бывало слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ; все какъ-то топчетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано—лодка, берегъ, острова;—бочка какая нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть-чуть колыхнется на водѣ, вѣтка ракитовая съ пожелтѣлыми листьями путается въ камышѣ,—вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ. Я засматривалась, заслушивалась,—чудно мнѣ! А я еще была ребенкомъ, дитя!...

Я такъ любила осень,—позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣба, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тогда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ,—особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Запоздаешь бывало на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь,—жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто нибудь страшный изъ-за этого дупла; между тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоюетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей, съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ, пронесутся птицы, такъ что небо чернѣетъ, и все застилается ими. Страшно станеть, а тутъ, точно какъ будто слышишь кого-то,—чей-то голосъ, какъ будто кто-то шепчетъ:—«бѣги, бѣги, дитя, не опаздывай; страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги дитя!»—ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь-бѣжишь такъ, что духъ запымается. Прибѣжишь запыхавшись домой; дома шумно, весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу: горохъ или макъ шелушить. Сырые дрова трещать въ печи; матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, рассказываетъ про старое время, или страшныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ, вдругъ замолчимъ разомъ... чу! шумъ! какъ будто кто-то стучитъ!—Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха; находятъ такіе страшные сны. Проснешься бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одеяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле; тонкій осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ; тонкимъ какъ листъ льдомъ подвернулось озеро; встаетъ бѣлый паръ по озеру; кричатъ веселыя птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ какъ стекло тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело! Въ печкѣ опять трещитъ огонь; подсядемъ

всѣ къ самовару, а въ окна посматриваетъ, продрогшая ночью, черная наша собака Полканъ и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужичекъ пройдетъ мимо оконъ на бодрой лошади въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы!.. Ахъ какое золотое было дѣтство мое!..

Вотъ я и расплакалась теперь какъ дитя, увлекаясь моими воспоминаніями. Я такъ живо, такъ живо все припомнила, такъ ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее такъ тускло, такъ темно!.. Чѣмъ это кончится, чѣмъ это все кончится? Знаете ли, у меня есть какое-то убѣжденіе, какая-то увѣренность, что я умру нынче осенью. Я очень, очень больна. Я часто думаю о томъ, что умру, но все бы мнѣ не хотѣлось такъ умереть,—въ здѣшней землѣ лежать. Можетъ быть, я опять слягу въ постель, какъ и тогда, весной, а я еще оправиться не успѣла. Вотъ и теперь мнѣ очень тяжело. Оедора сегодня ушла куда-то на цѣлый день, и я сижу одна. А съ нѣкотораго времени я боюсь оставаться одной; мнѣ все кажется, что со мной въ комнатѣ кто-то бываетъ другой, что кто-то со мной говоритъ; особенно, когда я объ чемъ нибудь задумаюсь и вдругъ очнусь отъ задумчивости, такъ что мнѣ страшно становится. Вотъ почему я вамъ такое письмо написала; когда я пишу, это проходитъ. Прощайте; кончаю письмо, потому что и бумаги и времени нѣтъ. Изъ вырученныхъ денегъ за платья мои да за шляпку остался у меня только рубль серебромъ. Вы дали хозяйкѣ два рубля серебромъ; это очень хорошо; она замолчитъ теперь на время.

Поправьте себѣ какъ нибудь платье. Прощайте; я такъ устала; не понимаю, отчего я становлюсь такая слабая; малѣйшее занятіе меня утомляетъ. Случится работа—какъ работать? Вотъ это-то и убиваетъ меня.

В. Д

Сентября 5-го.

Голубчикъ мой, Варинька!

Я сегодня, ангельчикъ мой, много испыталъ впечатлѣній. Во-первыхъ, у меня голова цѣлый день болѣла. Чтобы какъ нибудь освѣжиться, вышелъ я походить по Фонтанкѣ. Вечеръ былъ такой темный, сырой. Въ шестомъ часу ужъ смеркается, — вотъ какъ теперь! Дождя не было, зато былъ туманъ, не хуже добраго дождя. По небу ходили длинными широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народъ-то какъ нарочно былъ съ такими страшными, унылые наводящими, лицами, пьяные мужики, курносые бабучухонки, въ сапогахъ и простоволосыя, артельщики, извозчики, нашъ братъ по какой нибудь надобности; мальчишки, какой нибудь слесарскій ученикъ въ полосатомъ халатѣ, испитой, чахлый, съ лицомъ выкупаннымъ въ копченомъ маслѣ, съ замкомъ въ рукѣ; солдатъ оставной въ сажень ростомъ,—вотъ какова была публика. Часъ-то видно

былъ такой, что другой публики и быть не могло. Судоходный каналъ Фонтанка! Барокъ такая бездна, что не понимаешь, гдѣ все это могло помѣститься. На мостахъ сидятъ бабы съ мокрыми прыпками да съ гнилыми яблоками, и все такія грязныя, мокрыя бабы. Скучно по Фонтанкѣ гулять! Мокрый гранитъ подъ ногами, по бокамъ дома выскрѣ, черные, закопѣлые; подъ ногами туманъ, надъ головой тоже туманъ. Такой грустный, такой темный былъ вечеръ сегодня.

Когда я поворотилъ въ Гороховую, такъ ужъ смерклось совсѣмъ и газъ зажигать сталъ. Я давненько-таки не былъ въ Гороховой,—не удавалось. Шумная улица! Какія лавки, магазинныя богатые; все такъ и блеститъ и горитъ, матерія, цвѣты подъ стеклами, разныя шляпки съ лентами. Подумаешь, что это все такъ, для красы разложено—такъ нѣтъ же: вѣдь есть люди, что все это покупаютъ и своимъ женамъ дарятъ.—Богатая улица! Нѣмецкихъ булочниковъ очень много живетъ въ Гороховой; тоже должно быть народъ весьма достаточный. Сколько каретъ поминутно ѣздитъ; какъ это все мостовая выносить! Пышныя экипажи такіе, стекла какъ зеркало, внутри бархаты и шелкъ, лакеи дворянскіе, въ эполетахъ, при шпагѣ. Я во всѣ кареты заглядывалъ, все дамы сидятъ, такія разодѣтыя, можетъ быть, и княжны и графини. Вѣрно часъ былъ такой, что всѣ на балы и въ собранія спѣшили. Любопытно увидѣть княгиню и вообще знатную даму въблизи; должно быть очень хорошо; я никогда не видалъ; развѣ вотъ такъ, какъ теперь въ карету заглянешь. Про васъ я тутъ вспомнилъ.—Ахъ, голубчикъ мой, родная моя! какъ вспомню теперь про васъ, такъ все сердце изнываетъ! Отчего вы, Варинька, такая несчастная? Ангельчикъ мой! да чѣмъ же вы-то хуже ихъ всѣхъ? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая; отчего же вамъ такая злая судьба выпадаетъ на долю? Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣніи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только сблизывайся; ты, дескать на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ по неволѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ. Ёздили бы и вы въ каретѣ такой же, родная моя, ясочка. Взгляда благосклоннаго вашего генерала ловили бы,—не то что нашъ братъ; ходили бы вы не въ холстинковомъ, ветхомъ платьицѣ, а въ шелку да въ золотѣ. Были бы вы не худенькія, не чахленькія какъ теперь, а, какъ фигурка сахарная, свѣ-

женькая, румяная, полная. А уж я бы тогда и тѣмъ однимъ счастливъ былъ, что хоть бы съ улицы на васъ въ ярко освѣщенные окна взглянулъ, что хоть бы тѣнь вашу увидалъ; отъ одной мысли, что вамъ тамъ счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я бы повеселѣлъ. А теперь что! Мало того, что злые люди васъ погубили, какая нибудь тамъ дрянъ, забулдыга васъ обижаетъ. Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, такъ ужъ ему все съ рукъ сходить, такъ ужъ и рѣчь его непристойную спиходительно слушать надо! Полно, такъ ли, голубчикъ! А отъ чего же это все? А оттого, что вы сирота, оттого что вы беззащитная, оттого, что нѣтъ у васъ друга сильнаго, который бы вамъ опору пристойную далъ. А вѣдь, что это за человѣкъ, что это за люди, которымъ сироту оскорбить ни почему? Это какая-то дрянъ, а не люди, просто дрянъ; такъ себѣ, только числятся, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ, и въ этомъ я увѣренъ. Вотъ они каковы эти люди! А по моему, родная моя, вотъ тотъ шарманщикъ, котораго я сегодня въ Гороховой встрѣтилъ, скорѣе къ себѣ почтеніе внушитъ, чѣмъ они. Онъ хоть пѣлый день ходитъ да мается, ждетъ залежалаго, негоднаго гроша на пропитаніе, да за то онъ самъ себѣ господинъ, самъ себя кормитъ. Онъ милостыни просить не хочетъ; за то онъ для удовольствія людскаго трудится, какъ заведенная машина—вотъ, дескать, чѣмъ могу, принесу удовольствіе. Нищій, нищій онъ, правда, все тотъ же нищій; но за то благородный нищій; онъ усталъ, онъ прозябъ, но все трудится, хоть по своему, а все-таки трудится. И много есть честныхъ людей, маточка, которые хоть не много зарабатываютъ по мѣрѣ и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлѣба не просятъ. Вотъ и я точно также, какъ и этотъ шарманщикъ, т. е. я не то, вовсе не такъ какъ онъ, но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, въ дворянскомъ-то отношеніи точно также какъ и онъ, по мѣрѣ силъ тружусь, чѣмъ могу, дескать. Большаго нѣтъ отъ меня; ну, да на нѣтъ и суда нѣтъ.

Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотрѣть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову;—такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извозчики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная. Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чепъ-то, чуть ли не босой стоитъ, разныя ротъ музыку слушаетъ; — дѣтскій вѣзраст! заглядѣлся какъ у нѣмца куклы танцуютъ, а у самаго п руки и ноги окоченѣли, дрожатъ да кончикъ рукава грызетъ. Принимаю, что въ рукахъ у него бумажеч-

ка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой, въ которомъ представленъ французъ, танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да видно на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручки дрожатъ у него, голосенокъ дрожитъ, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говоритъ:—записка! Развернулъ я записку—ну что, все извѣстное:—дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что пенсовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду.—Ну, что тутъ; дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жалъ! Мальчикъ бѣдненькій, поспившій отъ холода, можетъ быть и голодный, и не вретъ, ей-ой не вретъ; я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ и полуголоыхъ съ записками па такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть, глупая баба, характера не имѣетъ; да за все и постараться, можетъ быть, пекому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и въ правду больная. Ну, да все обратиться бы куда слѣдуетъ; а впрочемъ, можетъ быть и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзнь наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди да некогда имъ. Сердца у нихъ каменные; слова ихъ жестокия. Прочь! убирайся! шалишь! — Вотъ что слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птеникъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнуть у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужъ и кашляетъ; тутъ не далеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужъ стоитъ надъ нимъ, гдѣ нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи—вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бывастъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройти и не дать ничего, сказать ему: «Богъ подастъ». Инос Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Инос долгое, протяжное, привычное, заученое, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давишній, но ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемотъ. А инос Христа-ради непривычно, грубое, страшное, — вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говоритъ мнѣ: «Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!» да такимъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ какого-то страшнаго чув-

ства, а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались—дескать, они безпокоятъ, они де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива;—спать что ли мѣшаютъ ихъ стоны голодные!

Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобы сердце огрести, а болѣе для того, чтобы вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Поэтому-что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогу формируется. Но теперь на меня такая тоска нашла, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣ-которымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самого себя, без всякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, отъ-того происходить, что я самъ запуганъ и загнанъ, какъ хоть бы и этотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ, примѣрно, иносказательно буду говорить, маточка: вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, моя родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ,—тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ-будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и полететься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь же разглядите-ка, что въ этихъ черныхъ, закомѣвшихъ, большихъ капитальныхъ домахъ дѣлается, взгляните въ это, и тогда сами разсудите, справедливо ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣйте, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ? Тамъ въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой-нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ-будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да вѣдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ: ему притягательно все объ одномъ предметѣ своему думать. У него тамъ дѣти пищать и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка; тутъ же, въ этомъ же домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все тѣ же сапоги, можетъ-быть, ночью спились, то есть надругой манеръ сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги, ибо въ смыслѣ-то здѣсь мною подразумеваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ

немного сапожники. Это бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо—«что полно-дескать, о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы и жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не увидишь ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги!» Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ-быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выбивается. И потому не отъ-чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заключу же тѣмъ, маточка, что вы, можетъ-быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня нашла, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь,—не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и не изъ какой книжки ничего не выписывалъ—вотъ что!

Пришелъ я въ грустномъ разположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ, да и приготовился стаканчикъ-другой чайку хлѣбнуть. Вдругъ смотритъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что-то около жильцевъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье-бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! жена, дѣти!—Такъ, что еслибы я былъ Горшковъ, такъ ужъ я не знаю, что бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гноится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда на изломанный, да другого не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканъ. Хотѣлъ-было безъ сахара пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что пужно взять сахару; долго спорилъ, отказываясь, наконецъ положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Экъ, до униженія какого доводить людей нищета! — «Ну, какъ же, что батюшка?» сказалъ я ему.—Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макаръ Алексѣевичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, ѣсть нечего; отцу-то, мнѣ-то, говорить, каково! Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: я, дескать, всѣхъ боюсь здѣсь, Макаръ Алексѣевичъ, то-есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно; люди-то они все гордые и кичливые. Я бы, говорить, васъ, батюшка и благодѣтель мой, и утруждать бы не сталъ: знаю, что у васъ самихъ непріятности были, знаю, что вы многого и не можете дать, но хоть что-нибудь взаимно одолжите; и потому, говорить, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе

сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете,—и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе. —Заключилъ же онъ тѣмъ, что, дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макарь Алексѣевичъ. — Я оглѣчаю ему, что радъ бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровню нѣтъ ничего. — Батюшка, Макарь Алексѣевичъ, говоритъ онъ мнѣ, и многого и не прошу, а вотъ такъ и такъ—(тутъ онъ весь покраснѣлъ) — жена, говоритъ, дѣти, голодно—хоть гривенничекъ какой-нибудь. Ну, тутъ ужъ мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перецеголяли! А всего-то у меня и осталось двадцать копѣекъ, да я на нихъ рассчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить.—Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу; вотъ такъ и такъ говорю.—Батюшка, Макарь Алексѣевичъ, хоть что хотите, говоритъ, хоть десять копѣчекъ. Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка, все доброе дѣло! Экъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ же вы, батюшка, спрашиваю, такъ зануждался, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него непріятное. Онъ, видите ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтъ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который сплутовалъ подрядомъ съ казною; обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужъ нѣсколько лѣтъ дѣло идетъ: все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова.—Въ безчестіи же, на меня взводимомъ, говоритъ мнѣ Горшковъ, неповиненъ, нисколько неповиненъ, въ плутовствіи и грабежѣ неповиненъ. Дѣло это его замарало немного; его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ капитально виновенъ, но, до совершеннаго своего оправданія, онъ, до сихъ-поръ, не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой, и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на-слово не вѣритъ; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распуташь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючекъ да еще крючекъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему. Человѣкъ безъ должности; за ненадежность никуда не принимается; что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а между тѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно не-кстати, ребенокъ родился, — ну вотъ издержки; сынъ заболѣлъ—издержки, умеръ—издержки; жена больна; онъ нездоровъ; застарѣлой болѣзною какой-то:

однимъ словомъ пострадалъ, вполне пострадалъ. Впрочемъ, говорить, что ждетъ на дняхъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужъ въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль, очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запутанный; покровительства ищетъ, такъ вотъ я его и обласкалъ. Ну, прощайте же, маточка, Христосъ съ вами, будьте здоровы. Голубчикъ вы мой! Какъ вспомню объ васъ, такъ точно лекарство приложу къ больной душѣ моей, и хоть страдаю за васъ, но и страдать за васъ мнѣ легко.

Вашъ истинный другъ

Макарь Дьвуикинъ.

Сентября 9.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все кругомъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я расскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ, я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намеренъ во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось!—Расскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положить. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сажу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимошей Ивановичъ, и лично изволить наказывать, что—вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макарь Алексѣевичъ, почище, поспѣшнѣе и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ. — Замѣтитъ вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было, или просто такъ должно было сдѣлаться:—только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтитъ, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститъся и въ стыдъ приходитъ. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ

точно такъ сегодня, принокъ, присмирѣлъ, ежомъ сажу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтъ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: что, дескать, вы, Макарь Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у? да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатались со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сажу себѣ, не пошевелись. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу—не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужъ самъ незнаю чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу, — и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали, ближе и ближе. Вотъ, ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: Макарь Алексѣевичъ къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали! Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ просто, ни живъ, ни мертвъ отъправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ—предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во первыхъ, совѣстно; я взглянулъ на право въ зеркало, такъ просто было отъ чего съ ума сойти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ-будто бы меня и на свѣтъ не было. Такъ, что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ-быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ свѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣнье! неосмотрительность! Вводите въ неприятности! — Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ-было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсѣ — пуговка, что висѣла у меня на штучкѣ — вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее печально), зазвенѣла, покатила и прямо, такъ-таки прямо проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди

всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Последствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратилъ вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряю! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обонхъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ штаткамъ прилаживать, точно отъ-того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули—слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: какъ же?.. посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. какъ онъ!.. что онъ!.. — Ахъ родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ—не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу... Ну, облегчить его какъ-нибудь, говорятъ его превосходительство. Выдать ему впередъ... Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ.— Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ!—Ну, говорятъ его превосходительство громко, перенести же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перенесите опять вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, раздали приказанія разнымъ и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжничъ и изъ него сторублевую, вотъ, говорятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было-схватить пхъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да потрясъ, словно равнѣ своей, словно такому же какъ самъ генералу. Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ по поламъ.

Теперь, маточка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳеодору, прошу, и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣть, чтобы Богу молились, то-есть, вотъ какъ: за роднаго отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю — слушайте меня, маточка, хорошенько—клянусь, что какъ ни погибалъ и отъ скорби ду-

Сентября 11.

Милая моя Варвара Алексѣевна!

шевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, не смотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому-себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастьи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..

Маточка! Я теперь въ душевномъ разстройствѣ ужасномъ, въ волненіи ужасномъ! Мое сердце бьется, хочетъ изъ груди выпрыгнуть. И я самъ, такъ-то весь, какъ-будто ослабъ. — Посылаю вамъ 45 руб. ассигнац., 20 рублей хозяйкѣ даю, у себя 35 оставляю; на 20 платью поправлю, а 15 оставляю на житье-бытье. А только теперь всѣ эти впечатлѣнія-то утреннія потрясли все существованіе мое. Я прилягу. Мнѣ, впрочемъ, покойно, очень покойно. Только душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится. — Я приду къ вамъ; а теперь я просто хмѣленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ

Макаръ Двухинъ.

Сентября 10.

Любезный мой Макаръ Алексѣевичъ!

Я несказанно рада вашему счастию и умѣю цѣнить добродѣтели вашего начальника, другъ мой. И такъ теперь вы отдохнете отъ голя! Но только ради Бога не тратьте опять денегъ попусту. Живите тихонько, какъ можно скромнѣе, и съ этого же дня начинайте всегда хоть что-нибудь откладывать, чтобъ несчастія не застали васъ опять врасплохъ. Объ насъ, ради Бога, не беспокойтесь. Мы съ Оедорой кое-какъ проживемъ. Къ чему вы намъ денегъ столько прислали, Макаръ Алексѣевичъ? Намъ вовсе не нужно. Мы довольны и тѣмъ, что есть у насъ. Правда, намъ скоро понадобятся деньги на переѣздъ съ этой квартиры, но Оедора надѣется получить съ кого-то давнишній, старый долгъ. Оставляю, впрочемъ, себѣ двадцать рублей на крайнія надобности. Остальное посылаю вамъ назадъ. Берегите, пожалуйста, деньги, Макаръ Алексѣевичъ. Прощайте. Живите теперь покойно, будьте здоровы и веселы. Я писала бы вамъ болѣе, но чувствую ужасную усталость, вчера я цѣлый день не вставала съ постели. Хорошо сдѣлали, что обѣщались зайти. Навѣстите меня, пожалуйста, Макаръ Алексѣевичъ.

В. Д.

Умоляю васъ, родная моя, не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастливъ и всѣмъ доволенъ. Голубчикъ мой! Вы Оедору не слушайте, а я буду все, что вамъ угодно дѣлать; буду вести себя хорошо, изъ одного уваженія къ его превосходительству, буду вести себя хорошо и отчетливо; мы опять будемъ писать другъ-другу счастливыя письма, будемъ повѣрять другъ-другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будутъ заботы; будемъ жить вдвоемъ согласно и счастливо. Займемся литературою... Ангельчикъ мой! Въ моей судьбѣ все переменялось и все къ лучшему переменялось. Хозяйка стала сговорчивѣе, Тереза умнѣе, даже самъ Фальдонн сталъ какой-то проворный. Съ Ратазиевымъ я помирился. Самъ, на радостяхъ, пошелъ къ нему. Онъ, право, добрый малый, маточка, и что про него говорили дурного, то все это былъ вздоръ. Я открылъ теперь, что все это была гнусная клевета. Онъ вовсе и не думалъ насъ описывать: онъ мнѣ это самъ говорилъ. Читалъ мнѣ новое сочиненіе. А что тогда Ловласомъ-то онъ меня называлъ, такъ это все не брань, или названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ. Это слово въ слово съ иностраннаго взято и значитъ *проворный малой*, и если покрасивѣе сказать, по литературнѣе, такъ значитъ *парень плохо не клади* — вотъ! а не что-нибудь тамъ такое. Шутка невинная была, ангельчикъ мой. Я-то неучъ съ дуру и обидѣлся. Да ужъ я теперь передъ нимъ извинился... И погода-то такая замѣчательная сегодня, Варинька, хорошая такая. Правда, утромъ была небольшая изморозь, какъ-будто сквозь сито сѣяло. Ничего! За то воздухъ сталъ посвѣжѣе немножко. Ходилъ я покупать сапоги, и купилъ удивительные сапоги. Прошелся по Невскому. Пчелку прочелъ. Да! про главное я и забываю вамъ рассказать:

Видите-ли что:

Сегодня поутру разговорился я съ Емельяномъ Ивановичемъ и съ Аксентіемъ Михайловичемъ объ его превосходительствѣ. Да, Варинька, они не съ однимъ мною такъ обошлись милостиво. Они не одного меня облагодѣтельствовали, и добротою сердца своего всему свѣту извѣстны. Изъ многихъ мѣстъ въ честь ему хвалы возсылаются, и слезы благодарности льются. У нихъ сирота одна воспитывалась. Изволили пристроить ее: выдали за человѣка извѣстнаго, за чиновника одного, который по особымъ порученіямъ при нихъ же превосходительствѣ находился. Сына одной вдовы въ какую-то канцелярію пристроили, и много еще благодѣяній разныхъ оказали. Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою ленту положить, всѣмъ во всеуслышаніе поступокъ его превосходительства рассказалъ; я все имъ рассказалъ и ничего не утаилъ. Я стыдъ-то въ карманъ спряталъ. Какой тутъ стыдъ, что за амбіція такая при та-

Сентября 15.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

комъ обстоятельствъ! Такъ-таки въ слухъ—да будутъ славны дѣла его превосходительства! Я говорилъ увлекательно, съ жаромъ говорилъ и не краснѣлъ, напротивъ гордился, что пришлось такое рассказывать. Я про все рассказалъ (про васъ только благоразумно умолчалъ, маточка), а про хозяйку мою, и про Фалдони, и про Ратазяева, и про сапоги, и про Маркова, все рассказалъ. Кое-кто тамъ пересмѣивался, да, правда, и всѣ они пересмѣивались. Только это въ моей фигурѣ вѣрно они что-нибудь смѣшное нашли, или насчетъ сапоговъ моихъ—именно насчетъ сапоговъ. А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ, молодость, или отъ-того, что они люди богатые, но съ дурнымъ, съ злымъ намѣреніемъ они никакъ не могли мою рѣчь, осмѣивать. То-есть что-нибудь насчетъ его превосходительства—этого они никакъ не могли сдѣлать. Не правда-ли, Варинька?

Я все до-сихъ-поръ не могу какъ-то опомниться, маточка. Всѣ эти происшествія такъ смущали меня! Есть ли у васъ дрова? Не простудитесь, Варинька; долго ли простудиться. Охъ, маточка моя, вы съ нашими грустными мыслями меня убиваете. Я уже Бога молю, какъ молю его за васъ, маточка! Напримѣръ, есть ли у васъ шерстяныя чулочки, или, такъ, изъ одежды что-нибудь потеплѣе. Смотрите, голубчикъ мой. Если вамъ что-нибудь, тамъ, нужно будетъ, такъ ужъ вы, ради Создателя, старика не обижайте. Такъ-таки прямо и ступайте ко мнѣ. Теперь дурныя времена прошли. Насчетъ меня вы не беспокойтесь. Впереди все такъ свѣтло, хорошо!

А грустное было время, Варинька! Ну да ужъ все равно, прошло! Года пройдутъ, такъ и про это время вздохнемъ. Помню я свои молодые годы. Куда! Копѣйки пшой разъ не бывало. Холодно, голодно, а весело да и только. Утромъ пройдемся по Невскому, личико встрѣтишь хорошенькое, и на цѣлый день счастливъ. Славное, славное было время, маточка! Хорошо жить на свѣтѣ, Варинька! Особенно въ Петербургѣ. Я со слезами на глазахъ вчера каялся передъ Господомъ Богомъ, чтобы простилъ мнѣ Господь всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ. Объ васъ вспоминалъ съ умилсіемъ въ молитвѣ. Вы однѣ, ангельчикъ, укрѣпляли меня, вы однѣ утѣшали меня, напутствовали совѣтами благими и наставленіями. Я этого, маточка, никогда забыть не могу. Ваши записочки всѣ перечитывалъ сегодня, голубчикъ мой! Ну, прощайте, маточка. Говорятъ, есть гдѣ-то здѣсь недалеко платье продажное. Такъ вотъ я немножко навѣдаюсь. Прощайте же, ангельчнкъ. Прощайте!

Вамъ душевно преданный

Макаръ Двѣушкинъ.

И вся въ ужасномъ волненіи. Послушайте-ка, что у насъ было. Я что-то роковое предчувствую. Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ. Ѳедора его встрѣтила. Онъ ѣхалъ, приказалъ остановить дрожки, подошелъ самъ къ Ѳедорѣ и сталъ навѣдываться, гдѣ она живетъ. Та сначала не сказывала. Потомъ онъ сказалъ, усмѣхаясь, что онъ знаетъ, кто у ней живетъ. (Видно Анна Ѳедоровна все ему рассказывала). Тогда Ѳедора не вытерѣла, и тутъ же на улицѣ стала его упрекать, укорять, сказала ему, что онъ человѣкъ безнравственный, что онъ причина всѣхъ несчастій моихъ. Онъ отвѣчалъ, что когда гроша нѣтъ, такъ разумѣется человѣкъ несчастливъ. Ѳедора сказала ему, что я бы сумѣла прожить работою, могла бы выйти замужъ, а не то такъ сыскать мѣсто какое-нибудь, а что теперь счастье мое навсегда потеряно, что я къ тому же больна и скоро умру. На это онъ замѣтилъ, что я еще слишкомъ молода, что у меня еще въ головѣ бродитъ, *и что и наши добродѣтели потускнѣли* (его слова). Мы съ Ѳедорой думали, что онъ не знаетъ нашей квартиры, какъ вдругъ, вчера, только что я вышла для закупокъ въ Гостинный дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату; ему, кажется не хотѣлось застать меня дома. Онъ долго спрашивалъ Ѳедору о нашемъ житьѣ-бытьѣ; все рассматривалъ у насъ; мою работу смотрѣлъ, наконецъ спросилъ:—какой же это чиновникъ, который съ вами знакомъ? На ту пору вы чрезъ дворъ проходили; Ѳедора ему указала на васъ; онъ взглянулъ и усмѣхнулся. Ѳедора упрасивала его уйдти, сказала ему, что я и такъ уже нездорова отъ огорченій, и что видѣть его у насъ мнѣ будетъ весьма непріятно. Онъ промолчалъ; сказалъ, что онъ такъ приходилъ отъ нечего дѣлать, и хотѣлъ дать Ѳедорѣ 25 рублей; та, разумѣется, не взяла. — Что бы это значило? Зачѣмъ это онъ приходилъ къ намъ? Я понять не могу, откуда онъ все про насъ знаетъ! Я теряюсь въ догадкахъ. Ѳедора говоритъ, что Аксинья, ея золовка, которая ходитъ къ намъ, знакома съ прачкой Настасей, а Настасьинъ двоюродный братъ сторожемъ въ томъ департаментѣ, гдѣ служитъ знакомый племянникъ Анны Ѳедоровны, такъ вотъ не перепотзла ли какъ нибудь сплетня? Впрочемъ, очень можетъ быть, что Ѳедора и ошибается; мы не знаемъ, что придумать. Неужели онъ къ намъ опять придетъ! Одна мысль эта ужасаетъ меня! Когда Ѳедора рассказала все это вчера, такъ я такъ испугалась, что чуть было въ обморокъ не упала отъ страха. Чего еще имъ надобно? Я теперь ихъ знать не хочу! Что имъ за дѣло до меня, бѣдной! Ахъ! въ какомъ я страхѣ теперь: такъ вотъ и думаю, что войдетъ сію минуту Быковъ. Что со мною будетъ! Что еще мнѣ готовить судьба? Ради-Христа, зай-

дите ко мнѣ теперь же, Макарь Алексѣевичъ. Зайдите, ради Бога, зайдите.

Сентябрь 18.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ до-цельзя горестное, ни чѣмъ не объяснимое и не-ожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (за-мѣтить вамъ нужно маточка) совершенно оправ-дался. Рѣшеніе-то ужъ давно какъ вышло, а сего-дня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ за перадѣіе и неосмо-трительность — на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоя-тельствами то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше, — однимъ словомъ, вышло самое исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается — обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждого изъ насъ руку по нѣскольку разъ. Мнѣ даже показало-ся, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный. Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вста-валъ, опять садился, го Ворилъ Богъ-знаетъ, что такое — говоритъ: «честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои» — и какъ говорилъ-то! даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились. Ратазяевъ видно хотѣлъ его ободрить и сказалъ — «что, ба-тюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка, деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!» — и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показало-ся, что Горшковъ обидѣлся, т. е. не то, чтобы прямо неудовольствіе высказалъ, а только посмо-трѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ харак-теры. — Вотъ я, на-примѣръ, на такихъ радостяхъ гордцомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и униженіе изъ-являешь, не отъ чего инаго, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца.... но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло! — Да, говорить, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!... и потомъ все время, какъ мы у него были, твердили: слава Богу, слава Богу!... Жена его за-казала обѣдъ поделикатиѣе, и по обильнѣе. Хо-зяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда, Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали ль, не звали его. Такъ себѣ

войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ, скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ — и уй-детъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ, поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода, и бросилъ играть. Нѣтъ, говорить, вѣдь я такъ, я, говорить, это только такъ — и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ послѣ обѣда онъ и говорить женѣ: — «По-слушайте, душенька, вотъ я немного прилягу» — да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на голову руку, и долго, долго гла-дилъ по головѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: а что жъ Петинька? Петя нашъ, гово-рить, Петинька?... Жена перекрестилась да и от-вѣчаетъ, что вѣдь онъ же умеръ. — Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ. — Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что проис-шествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему — вы бы, душенька, заснули. — Да, хорошо, я сейчасъ.... я немножко, — тутъ онъ отвернулся, по-лежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ ска-зать что-то. Жена не разслышала, спросила его — что мой другъ? А онъ не отвѣчаетъ. Она подо-ждала немножко — ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени во-ротилась — видитъ, мужъ еще не проснулся и ле-житъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она рассказываетъ, что она съ полчаса и такъ погрузилась въ раз-мышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она ду-мала, говоритъ только, что она позабыла обѣ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого то тре-вежнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комна-тѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ од-номъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ — а ужъ онъ холодохонекъ — умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до-сихъ-поръ опомниться не могу. Не вѣ-рится что-то, что бы такъ просто могъ умереть человекъ. Экакой бѣдняга, горемыка этотъ Горш-ковъ! Ахъ, судьба то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ такъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать.... ужъ не могу вамъ на вѣрно сказать. Только жалко, охъ какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ-са-момъ-дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь.... Поги-баешь этакъ ни за что....

Вашъ

Макарь Дьвушкинъ.

Сентября 19.

Милостивая Государыня,

Варвара Алексѣевна!

Спишу васъ уведомить, другъ мой, что Ратазевъ нашель мнѣ работу у одного сочинителя. — Приѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ къ нему такую толстую рукопись — слава Богу, много работы. Только ужъ такъ неразборчиво писано; что не знаю какъ и за дѣло приняться: требуютъ поскорѣе. Что-то все объ такомъ писано, что какъ-будто и непонимаешь.... По 40 коп. съ листа уговорились. Я къ тому все это пишу вамъ, родная моя, что будутъ теперь постороннія деньги. — Ну, а теперь прощайте, маточка. Я ужъ прямо и за работу.

Вашъ вѣрный другъ

Макаръ Двухинъ.

Сентября 23.

Дорогой другъ мой

Макаръ Алексѣвичъ!

Я вамъ уже третій день, мой другъ, ничего не писала, а у меня было много, много заботъ, много тревоги.

Третьяго дня былъ у меня Быковъ. Я была одна, Ѳедора куда-то ходила. Я отворила ему и такъ испугалась, когда его увидѣла, что не могла тронуться съ мѣста. Я чувствовала, что я поблѣднѣла. Онъ вошелъ по своему обыкновенію съ громкимъ смѣхомъ, взялъ стулъ и сѣлъ. Я долго не могла опомниться, наконецъ сѣла въ уголъ за работу. Онъ скоро пересталъ смѣяться. Кажется, мой видъ поразилъ его. Я такъ похудѣла въ послѣднее время; щеки и глаза мои ввалились, я была блѣдна какъ платокъ.... дѣйствительно, меня трудно узнать тому, кто зналъ меня годъ тому назадъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, наконецъ опять развеселился. Сказалъ что-то такое; я не помню, что отвѣчала ему, и онъ опять засмѣялся. Онъ сидѣлъ у меня цѣлый часъ; долго говорилъ со мной; кой о чемъ спрашивалъ. Наконецъ, передъ прощаніемъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ (я вамъ пишу отъ слова и до слова): «Варвара Алексѣевна! Между нами сказать, Анна Ѳедоровна, ваша родственница, а моя короткая знакомая и пріятельница, преподлая женщина.» (Тутъ онъ еще назвалъ ее однимъ неприличнымъ словомъ). «Совратила она и двоюродную вашу сестрицу съ пути и васъ погубила. Съ моей стороны, и я въ этомъ случаѣ подлецомъ оказался, да вѣдь что, дѣло житейское.» Тутъ онъ захохоталъ что есть мочи. Потомъ замѣтилъ, что онъ красно говорить не мастеръ, и что главное, что объяснить было нужно, и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему умалчивать, ужъ онъ объявилъ, и что въ короткихъ словахъ при-

ступаетъ къ остальному. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что ищетъ руки моей, что долгомъ своимъ почитаетъ возвратитъ мнѣ честь, что онъ богатъ, что онъ увезетъ меня послѣ свадьбы въ свою степную деревню, что онъ хочетъ тамъ зайцевъ травить; что онъ болѣе въ Петербургъ никогда не приѣдетъ, потому-что въ Петербургъ гадко, что у него есть здѣсь въ Петербургѣ, какъ онъ самъ выразился, негодный племянникъ, котораго онъ присягнулъ лишить наслѣдства и собственно для этого случая, т. е., желая имѣть законныхъ наслѣдниковъ, ищетъ руки моей, что эта главная причина его сватовства. Потомъ онъ замѣтилъ, что я весьма бѣдно живу, что не диво, если я больна, проживая въ такой лачугѣ, предрекъ мнѣ неминуемую смерть, если я хоть мѣсяцъ тамъ останусь; сказалъ, что въ Петербургѣ квартиры гадкія, и, наконецъ, что не надо ли мнѣ чего?

Я такъ была поражена его предложеніемъ, что сама не знаю отъ-чего заплакала. Онъ принялъ мои слезы за благодарность и сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ увѣренъ, что я добрая, чувствительная и ученая дѣвица, но что онъ не прежде впрочемъ рѣшился на сію мѣру; какъ разузнавъ со всею подробностію о моемъ теперешнемъ поведеніи. Тутъ онъ спрашивалъ о васъ, сказалъ, что про все слышалъ, что вы благородныхъ правилъ человекъ, что онъ съ своей стороны не хочетъ быть у васъ въ долгу и что довольно ли вамъ будетъ 500 руб. за все; что вы для меня сдѣлали? Когда же я ему объяснила, что вы для меня то сдѣлали, чего никакими деньгами не заплатишь, то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ: что все это романы, что я еще молодая и стихи читаю, что романы губятъ молодыхъ дѣвушекъ, что книги только нравственность портятъ, и что онъ терпѣть не можетъ никакихъ книгъ; совѣтовалъ прожить его годы и тогда объ людяхъ говорить; «тогда», прибавилъ онъ, «и людей узнаете.» Потомъ онъ сказалъ, чтобы я поразмыслила объ его предложеніяхъ, что ему весьма будетъ непріятно, если я такой важный шагъ сдѣлаю необдуманно, прибавилъ, что необдуманность и увлеченіе губятъ юность попыткую, но что онъ чрезвычайно желаетъ съ моей стороны благопріятнаго отвѣта, что, наконецъ, въ противномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому-то, говоритъ онъ, я присягнулъ негодяю-племяннику лишить наслѣдства. Онъ оставилъ насильно у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, па конфеты; сказалъ, что въ деревнѣ я растолстѣю, какъ лепешка, что буду у него какъ сыръ въ маслѣ кататься, что у него теперь ужасно много хлопотъ, что онъ цѣлый день по дѣламъ протаскался и что теперь между дѣломъ забѣжалъ ко мнѣ. Тутъ онъ ушелъ. Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая, другъ мой, наконецъ я рѣшилась. Другъ мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложеніе. Если кто можетъ избавить меня

отъ моего позора, возвратить мнѣ честное имя, отвратить отъ меня бѣдность, лишенія и несчастья въ будущемъ, такъ это единственно онъ. Чего же мнѣ ожидать отъ грядущаго, чего еще спрашивать у судьбы? Ѳедора говоритъ, что своего счастья терять не нужно; говоритъ—что же въ такомъ случаѣ и называется счастьемъ? Я по крайней мѣрѣ, не нахожу другаго пути для себя, безцѣнный другъ мой. Что мнѣ дѣлать? Работою я и такъ все здоровье испортила; работать постоянно я не могу. Въ люди идти?—я съ тоски изчахну, къ тому же, я никому не угожу. Я хвораю отъ природы, и потому всегда буду бременемъ на чужихъ рукахъ. Конечно, я и теперь не въ рай иду, но что же мнѣ дѣлать, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? Изъ чего выбирать мнѣ?

Я не просила у васъ совѣтовъ. Я хотѣла обдумать одна. Рѣшеніе, которое вы прочли сейчасъ, неизмѣнно, и я немедленно объявляю его Быкову, который и безъ того торопитъ меня окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ сказалъ, что у него дѣла не ждуть, что ему нужно ѣхать, и что не откладывать же ихъ изъ-за пустяковъ. Знаетъ Богъ буду ли я счастлива, въ Его святой, исповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ человѣкъ добрый: онъ будетъ уважать меня; можетъ-быть, и я также буду уважать его. Чего же ждать болѣе отъ нашего брака?

Увѣдомляю васъ обо всемъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я увѣрена, вы поймете всю тоску мою. Не отвлекайте меня отъ моего намѣренія. Усилия ваши будутъ тщетны. Взвѣсьте въ своемъ собственномъ сердцѣ все, что принудило меня такъ поступить. Я очень тревожилась сначала, но теперь я спокойнѣе. Что впереди, я не знаю. Что будетъ, то будетъ; какъ Богъ пошлетъ!...

Пришелъ Быковъ; я бросаю письмо неоконченнымъ. Много еще хотѣла сказать вамъ. Быковъ ужъ здѣсь!

Сентября 23-го.

Маточка Варвара Алексѣевна!

Я, маточка, спѣшу вамъ отвѣчать; я, маточка, спѣшу вамъ объявить, что я изумленъ. Все это какъ-то не того.... Вчера мы похоронили Горшко-ва. Да, это такъ, Варинька, это такъ; Быковъ поступилъ благородно; только вотъ видите ли, родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Конечно, во всемъ воля Божія; это такъ, это непременно должно быть такъ, т. е. тутъ воля-то Божія непременно должна быть; и промыслъ Творца небеснаго конечно и благъ и несповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое.—Ѳедора тоже въ васъ участіе принимаетъ. Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, въ довольствѣ будете, моя голубочка, ясочка моя, ненаглядная вы моя, ангельчикъ мой, — только вотъ видите ли, Варинька, какъ же это такъ скоро?... Да, дѣла... у г-на Быкова есть

дѣла—конечно, у кого нѣтъ дѣлъ, и у него тоже они могутъ случиться... видѣлъ я его, какъ-то онъ отъ васъ выходилъ. Видный, видный мужчина; даже ужъ и очень видный мужчина. Только все это какъ-то не такъ, дѣло-то не въ томъ именно, что онъ видный мужчина, да я-то теперь какъ-то самъ не свой. Только вотъ какъ же мы будемъ теперь письма-то другъ къ другу писать? Я-то, я-то какъ же одинъ останусь. Я, ангельчикъ мой, все взвѣшиваю, все взвѣшиваю, какъ вы писали-то мнѣ тамъ, въ сердцѣ-то моемъ все это взвѣшиваю, причины-то эти. Я уже двадцатый листъ оканчивалъ переписывать, а между-тѣмъ эти происшествія-то нашли! Маточка, вѣдь вотъ вы ѣдете, такъ и закупки-то вамъ различныя сдѣлать нужно, башмачки разные, платице, а вотъ у меня кста-ти и магазинъ есть знакомый въ Гороховой; помните, какъ я вамъ еще сго все описывалъ.—Да пѣтъ же! Какъ же вы, маточка, что вы! вѣдь вамъ нельзя теперь ѣхать, совершенно невозможно, никакъ невозможно. Вѣдь вамъ нужно покупки большія дѣлать, да и экипажъ заводить. Къ тому же и погода теперь дурная; вы посмотрите-ка, дождь какъ изъ ведра льетъ, и такой мокрый дождь, да еще... еще то, что вамъ холодно будетъ, мой ангельчикъ; сердечку-то вашему будетъ холодно! Вѣдь вотъ вы боитесь чужаго человѣка, а ѣдете. А я-то на кого здѣсь одинъ останусь? Да вотъ Ѳедора говоритъ, что васъ счастье ожидаетъ большое... да вѣдь она баба буйная и меня погубить желаетъ. Пойдете ли вы ко всенощной сегодня, маточка? Я бы васъ пошелъ посмотрѣть. Оно правда, маточка, совершенная правда, что вы дѣвица ученая, добродѣтельная и чувствительная, только пусть ужъ онъ лучше женится на купчихѣ! Какъ вы думаете маточка? пусть ужъ лучше на купчихѣ-то женится!—Я къ вамъ, Варинька вы моя, какъ смеркнется, такъ и забѣгу на часокъ. Нынче вѣдь рано смеркается, такъ я и забѣгу. Я, маточка, къ вамъ непременно на часочки приду сегодня. Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда... Вотъ подождите, маточка, я забѣгу...

Макаръ Двухшкинъ.

Сентября, 27-го.

Другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Господинъ Быковъ сказалъ, что у меня непременно должно быть на три дюжины рубашекъ голландскаго полотна. Такъ нужно какъ-можно-скорѣе принскать бѣлошвейекъ для двухъ дюжинъ, а времени у насъ очень мало. Господинъ Быковъ сердится, говорить, что съ этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша черезъ пять дней, а на другой день послѣ свадьбы мы ѣдемъ. Господинъ Быковъ торопится, говорить, что на вздоръ много времени не нужно терять. Я измучилась отъ хлопотъ и чуть на ногахъ стою. Дѣла страшная куча, а право лучше, еслибъ этого ничего не

Сентября 27.

Милостивая государыня

Варвара Алексѣевна!

Коммисіи ваши всѣ исполнилъ рачительно. Мадамъ Шифонъ говорить, что она уже сама думала обшивать тамбуромъ; что это приличнѣе что ли, ужъ не знаю, въ толкъ не взялъ хорошенько. Да еще, вы тамъ фальбалу написали, такъ она и про фальбалу говорила. Только я, маточка, и позабылъ, что она мнѣ про фальбалу говорила. Только помню, очень много говорила; такая скверная баба! Что-бишь такое? Да вотъ она вамъ сама все расскажетъ. Я, маточка моя, совсѣмъ замотался. Сегодня я и въ должность не ходилъ. Только вы-то, родная моя, напрасно отчаяваетесь. Для вашего спокойствія я готовъ всѣ магазины обѣгать. Вы пишете, что въ будущее заглянуть боитесь. Да вѣдь сегодня въ седьмомъ часу все узнаете. Мадамъ Шифонъ сама къ вамъ пріѣдетъ. Такъ вы и не отчаявайтесь; надѣйтесь, маточка; авось и все-то устроится къ лучшему—вотъ. Такъ того-то, я все фальбалу-то проклятую—эхъ, мнѣ эта фальбала—фальбала! Я бы къ вамъ забѣжалъ, ангельчикъ, забѣжалъ бы, непременно бы забѣжалъ; я ужъ и такъ къ воротамъ вашего дома раза два подходилъ. Да все Быковъ, то-есть, я хочу сказать, что господинъ Быковъ все сердитый такой, такъ вотъ оно и не того... Ну, да ужъ что!

Макаръ Двухинъ.

Сентября 28.

Милостивый Государь,

Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога бѣгите сейчасъ къ бриллиантику. Скажите ему, что серьги съ жемчугомъ и изумрудами дѣлать не нужно. Господинъ Быковъ говорить, что слишкомъ богато, что это кусается. Онъ сердится; говорить, что ему и такъ въ карманъ стало, и что мы его грабимъ, а вчера сказалъ, что если бы впередъ зналъ да вѣдалъ про такіе расходы, такъ и не связывался бы. Говорить, что только насъ повѣщаютъ, такъ сейчасъ и уѣдемъ, что гостей не будетъ, и чтобы я вертѣлся и плясать не надѣялась, что еще далеко до праздниковъ. Вотъ онъ какъ говоритъ! А Богъ видить нужно ли мнѣ все это! Самъ же господинъ Быковъ все заказывалъ. Я и отвѣчать ему ничего не смѣю: онъ горячій такой. Что со мною будетъ!

В. Д.

Сентября 28.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Я—то-есть, бриллиантикъ говорить—хорошо; а я про себя хотѣлъ сначала сказать, что я заболѣлъ и встать не могу съ постели. Вотъ теперь, какъ время пришло хлопотливое, нужное, такъ и

*

было. Да еще: у насъ не достаетъ блондъ и кружева, такъ вотъ нужно бы прикупить; потому-что господинъ Быковъ говорить, что онъ не хочетъ, чтобы жена его какъ кухарка ходила, и что я непременно должна «утереть носъ всѣмъ помѣщицамъ». Такъ онъ самъ говорить. Такъ вотъ, Макаръ Алексѣевичъ, адресуйте, пожалуйста къ мадамъ Шифонъ въ Гороховую, и попросите, во первыхъ, прислать къ намъ бѣлошвеекъ, а во-вторыхъ, чтобы и сама потрудилась заѣхать. Я сегодня больна. На новой квартирѣ у насъ такъ холодно и безпорядки ужасные. Тетушка господина Быкова чуть-чуть дышетъ отъ старости. Я боюсь, чтобы не умерла до нашего отъѣзда, но господинъ Быковъ говорить, что ничего, очнется. Въ домѣ у насъ безпорядки ужасные. Господинъ Быковъ съ нами не живетъ, такъ люди всѣ разбѣгаются, Богъ знаетъ куда. Случается, что одна Федора намъ прислуживаетъ: а камердинеръ господина Быкова, который смотритъ за всѣмъ, уже третій день неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Господинъ Быковъ заѣзжаетъ каждое утро, все сердится и вчера побилъ прикащика дома, за что имѣлъ непріятности съ полиціей... Не съ кѣмъ было къ вамъ и письма-то послать. Пишу по городской почтѣ. Да! Чуть-было не забыла самага важнаго. Скажите мадамъ Шифонъ, чтобы блонды она непременно перемѣнила, сообразуясь со вчерашнимъ образчикомъ, и чтобы сама заѣхала ко мнѣ показать новый выборъ. Да скажите еще, что я раздумала на счетъ канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ; слышите ли? тамбуромъ, а не гладью. Смотрите же, не забудьте, что тамбуромъ! Вотъ еще чуть было не забыла! Передайте ей, ради Бога, чтобы листики на пелеринѣ шить возвышенно, усики и пины кордонне, а потомъ общить воротникъ кружевомъ или широкой фальбалой. Пожалуйста, передайте, Макаръ Алексѣевичъ.

Ваша

В. Д.

Р. С. Мнѣ такъ совѣстно, что все васъ мучаю моими коммисіями. Вотъ и третьяго дня вы цѣлое утро бѣгали. Но что дѣлать! У насъ въ домѣ нѣтъ никакого порядка, а я сама нездорова. Такъ не досадуите на меня, Макаръ Алексѣевичъ. Такая тоска! Ахъ, что это будетъ, другъ мой, милый мой, добрый мой Макаръ Алексѣевичъ! Я и заглянуть боюсь въ мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно въ чаду въ какомъ-то живу.

Р. С. Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего-нибудь изъ того, что я вамъ теперь говорила. Я все боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не ошиблись. Помните же, тамбуромъ а не гладью.

В. Д.

простуды напали, врагъ ихъ возьми! Тоже увѣдомляю васъ, что къ довершенію несчастій моихъ и его превосходительство изволили быть строгими, и на Емельяна Ивановича много сердились и кричали, и подъ конецъ совсѣмъ измучились, бѣдненькіе. Вотъ я васъ и увѣдомляю обо всемъ. Да еще хотѣлъ вамъ написать что-нибудь, только васъ утруждать боюсь. Вѣдь я, маточка, человѣкъ глупый, простой, пишу себѣ что ни попало, такъ можетъ быть вы тамъ чегонибудь и такого—ну, да ужъ что!

Вашъ

Макаръ Двѣушкинъ.

Сентября 29-го.

Варвара Алексѣевна, родная моя!

Я сегодня Федору видѣлъ, голубчикъ мой. Она говоритъ, что васъ уже завтра вѣщаютъ, а послѣ завтра вы ѣдете, и что господинъ Быковъ уже лошадей нанимаетъ. На счетъ его превосходительства я уже увѣдомлялъ васъ, маточка. Да еще:—счеты изъ магазина я въ Гороховой провѣрилъ; все вѣрно, да только очень дорого. Только за что же господинъ-то Быковъ на васъ сердится? Ну, будьте счастливы, маточка! Я радъ; да я буду радъ, если вы будете счастливы. Я бы пришелъ въ церковь, маточка, да не могу, болитъ поясница. Такъ вотъ я все насчетъ писемъ: вѣдь вотъ кто же теперь ихъ передавать-то намъ будетъ, маточка? Да! Вы Федору-то благодѣтельствовали, родная моя! Это доброе дѣло вы сдѣлали, другъ мой; это вы очень хорошо сдѣлали. Доброе дѣло! А за каждое доброе дѣло васъ Господь благословлять будетъ.—Добрыя дѣла не остаются безъ награды, и добродѣтель всегда будетъ увѣнчана вѣнцомъ справедливости Божіей, рано ли, поздно ли. Маточка! Я бы вамъ много хотѣлъ написать такъ, каждый часъ, каждую минуту все бы писалъ, все бы писалъ! У меня еще ваша книжка осталась одна, *Былкина повѣсти*, такъ вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мнѣ, мой голубчикъ. Это не потому, что ужъ мнѣ такъ ее читать хочется. Но самъ вы знаете, маточка, подходитъ зима; вечера будутъ длиннѣе; грустно будетъ, такъ вотъ бы и почитать. Я, маточка, переѣду съ моей квартиры на вашу старую, и буду нанимать у Федоры. Я съ этой честной женщиной теперь ни за что не разстанусь; къ тому же, она такая работающая. Я вашу квартиру опустѣвшую вчера подробно осматривалъ. Тамъ, какъ были ваши плечки, а на нихъ шитье, такъ они и остались нетронутые: въ углу стоять. Я ваше шитье рассматривалъ. Остались еще тутъ лоскуточки разные. На одно письмо мое, вы ниточки начали было наматывать. Въ столѣикъ нашелъ бумажки листочекъ, а на бумажкѣ написано — «*Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ, «Стышу»*» — и только. Видно васъ кто нибудь прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ углу за ширмочка-

ми ваша кровать стоитъ... Голубчикъ вы мой!!! Ну, прощайте, прощайте; ради Бога отвѣчайте мнѣ что нибудь на это письмо поскорѣе.

Макаръ Двѣушкинъ.

Сентября 30.

Безцѣнный другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Все совершилось! Выпалъ мой жребій; не знаю какой, но я волѣ Господа покорна. Завтра мы ѣдемъ. Прощаюсь съ вами въ послѣдній разъ, безцѣнный мой, другъ мой, благодѣтель мой, родной мой! Не горюйте обо мнѣ, живите счастливо, помните обо мнѣ и да снизойдетъ на васъ благословеніе Божіе! Я буду вспоминать васъ часто въ мысляхъ моихъ; въ молитвахъ моихъ. — Вотъ и кончилось это время! Я мало отраднаго унесу въ новую жизнь изъ воспоминаній прошедшаго; тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ воспоминаніе объ васъ, тѣмъ драгоцѣннѣе будете вы моему сердцу. Вы единственный другъ мой; вы только одинъ здѣсь любилъ меня. Вѣдь я все видѣла, я вѣдь знала какъ вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего. Вамъ нужно будетъ теперь отвыкать отъ меня! Какъ вы одинъ здѣсь останетесь! На кого вы здѣсь останетесь, добрый, безцѣнный, единственный другъ мой! Оставляю вамъ книжку, пилцы, начатое письмо; когда будете смотрѣть на эти начатые строчки, то мыслями читайте дальше все, что бы хотѣлось вамъ услышать или прочесть отъ меня, все, что я ни написала бы вамъ; а чего бы я не написала теперь! Вспоминайте о бѣдной вашей Варинькѣ, которая васъ такъ крѣпко любила. Всѣ ваши письма остались въ коммодѣ у Федоры, въ верхнемъ ящикѣ. Вы пишете, что вы больны, а господинъ Быковъ меня сегодня никуда не пускаетъ. Я буду вамъ писать, другъ мой, я общаюсь, но вѣдь одинъ Богъ знаетъ, что можетъ случиться. И такъ, простимся теперь навсегда, другъ мой, голубчикъ мой, родной мой, навсегда!.. Охъ, какъ бы я теперь обняла васъ! Прощайте, мой другъ, прощайте, прощайте. Живите счастливо; будьте здоровы. Моя молитва будетъ вѣчно объ васъ. О! какъ мнѣ грустно, какъ давить всю мою душу. Господинъ Быковъ зоветъ меня. Васъ вѣчно любящая.

В.

P. S. Моя душа такъ полна, такъ полна теперь слезами...

Слезы тѣснятъ меня, рвутъ меня. Прощайте. Боже! какъ грустно!

Помните, помните вашу бѣдную Вариньку!

Маточка, Варинька, голубчикъ мой, безцѣнная моя. Васъ увозятъ, вы ѣдете! Да, теперь лучше бы сердце они изъ груди моей вырвали, чѣмъ васъ у меня! Какъ же вы это! — Вотъ, вы плачете и вы ѣдете?! Вотъ я отъ васъ письмо сейчасъ получилъ, все слезами закапанное. Стало быть,

вамъ не хочется ѣхать; стало быть, васъ насильно увозятъ, стало быть, вамъ жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да какъ же, съ кѣмъ же вы теперь будете? Тамъ вашему сердечку будетъ грустно, тошно и холодно. Тоска его высосетъ, грусть его пополамъ разорветъ. Вы тамъ умрете, васъ тамъ въ сыру землю положить; объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ! Г-нъ Быковъ будетъ все зайцевъ травить... Ахъ, маточка, маточка! на что же вы это рѣшились, какъ же вы на такую мѣру рѣшиться могли? Что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, что вы надъ собой сдѣлали! Вѣдь васъ тамъ въ гробъ сведутъ; они заморятъ васъ тамъ, ангельчикъ. Вѣдь вы, маточка, какъ перышко слабенькія! И я-то гдѣ былъ? Чего я тутъ дуракъ, глазѣлъ! Вижу дитя блажить, у дитяти просто головка болить! Чѣмъ бы тутъ по просту — такъ нѣтъ же, дуракъ дуракомъ, и не думаю ничего, и не вижу ничего, какъ-будто и правъ, какъ-будто и дѣло до меня не касается; и еще за фальбалою бѣгалъ!.. Нѣтъ, я, Варинька, встану; я къ завтрашнему дню, можетъ-быть, выздоровлю, такъ вотъ я и встану!.. Я, маточка, подъ колеса брошусь; я васъ не пущу уѣзжать! Да нѣтъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое? По какому праву все это дѣлается? Я съ вами уѣду; я за каретой вашей побѣгу, если меня не возьметъ, и буду бѣжать что есть мочи, пока мѣстъ духъ изъ меня выйдетъ. Да вы знаете ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ-быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, голая степь; вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ. Тамъ теперь листья съ деревъ осыпались, тамъ дожди, тамъ холодно,—а вы туда ѣдете! Ну, господину Быкову тамъ есть занятіе: онъ тамъ будетъ съ зайцами; а вы что? Вы помѣщицей хотите быть, маточка? Но, херувимчикъ вы мой! вы поглядите-ка на себя, похожи ли вы на помѣщицу?.. Да какъ же можетъ быть такое, Варинька! Къ кому же я письма буду писать, маточка? Да! вотъ вы возьмите-ка въ соображеніе, маточка,—дескать, къ кому же онъ письма будетъ писать? Кого же я маточкой называть буду; именемъ-то, любезнымъ такимъ кого называть буду? Гдѣ мнѣ васъ найти потомъ, ангельчикъ мой? Я умру, Варинька, непременно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я васъ какъ свѣтъ Господень любилъ, какъ дочку родную любилъ, я все въ васъ любилъ, маточка, родная моя! и самъ для васъ только и жилъ одинѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумага пересдавалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого,

что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, по близости жили. Вы, можетъ быть, этого и не знали, а это все было именно такъ! Да, послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькой, какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно; просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь вотъ дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ; она непременно промокнетъ. Она, только-что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается. Вѣдь здѣсь въ Петербургѣ прескверно кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю; они только, чтобы фасончикъ, игрушечку тамъ какую-нибудь смастерить; а не прочно! присягну, что не прочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажете ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ѣхать!.. Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился? Ужъ пусть бы онъ тамъ на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; ужъ это я знаю почему! А я бы васъ здѣсь у себя держалъ. Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ-быть, оттого, что онъ вамъ фальбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ-быть, отъ этого! Да вѣдь что же фальбала? зачѣмъ фальбала? Вѣдь она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а вѣдь она, маточка, тряпка фальбала; она, маточка, фальбала-то тряпица. Да я вотъ вамъ самъ, вотъ только-что жалованье получу, фальбалы накуплю; я вамъ ее накуплю, маточка; у меня тамъ вотъ и магазинчикъ знакомый есть; вотъ только жалованья дайте дожидаться мнѣ, херувимчикъ мой, Варинька! Ахъ, Господи, Господи! Такъ вы это непременно въ степь съ господиномъ Быковымъ уѣзжаете, безвозвратно уѣзжаете! Ахъ, маточка!.. Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ, и когда уѣдете, такъ и оттуда письмо напишите. А то вѣдь, ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее. Вѣдь вотъ какъ же, такъ вдругъ, именно, непременно послѣднее! Да нѣтъ же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слогъ теперь формируется... Ахъ, родная моя, что слогъ! Вѣдь вотъ я теперь и не знаю, что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, и слогъ не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вамъ написать побольше... Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!

БѢЛЫЯ НОЧИ.

САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ.

(Изъ воспоминаній мечтателя.)

Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего?..
Ив. Тургеневъ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Была чудная ночь, такая ночь, которая развѣ только и можетъ быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звѣздное, такое свѣтлое небо, что, взглянувъ на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могутъ жить подъ такимъ небомъ разныя сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопросъ, любезный читатель, очень-молодой, но пошли его вамъ Господь чаще на душу!.. Говоря о капризныхъ и разныхъ сердитыхъ господахъ, я не могъ не припомнить и своего благонравнаго поведенія во весь этотъ день. Съ самаго утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мнѣ вдругъ показалось, что меня, одинокаго, всѣ покидаютъ, и что всѣ отъ меня отступаютъ. Оно конечно, всякій въ правѣ спросить: кто жъ эти всѣ? потому-что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести. Но къ-чему мнѣ знакомства? Мнѣ и безъ того знакомъ весь Петербургъ; вотъ почему мнѣ и показалось, что меня всѣ покидаютъ, когда весь Петербургъ поднялся и вдругъ уѣхалъ на дачу. Мнѣ страшно стало оставаться одному, и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ, рѣшительно не понимая, что со мной дѣлается. Пойду ли на Невскій, пойду ли въ садъ, брожу ли по набережной — ни одного лица изъ тѣхъ, кого привыкъ встрѣчать въ томъ же мѣстѣ въ извѣстный часъ, цѣлый годъ. Они, конечно, не знаютъ меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю; я почти изучилъ ихъ физионо-

ми — я люблюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затумятся. Я почти свелъ дружбу съ однимъ старичкомъ, котораго встрѣчаю каждый Божій день, въ извѣстный часъ, на Фонтанкѣ. Физиономія такая важная, задумчивая; все шепчетъ подъ носъ и махаетъ лѣвой рукой, а въ правой у него длинная сучковатая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Даже онъ замѣтилъ меня и принимаетъ во мнѣ душевное участіе. Случись, что я не буду въ извѣстный часъ на томъ же мѣстѣ Фонтанки, я увѣренъ, что на него нападетъ хандра. Вотъ отъ чего мы иногда чуть не кланяемся друга съ другомъ, особенно, когда оба въ хорошемъ расположеніи духа. Намедни, когда мы не видались цѣлые два дня и на третій день встрѣтились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились во-время, опустили руки и съ участіемъ прошли другъ подлѣ друга. Мнѣ тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый какъ-будто забѣгаетъ впередъ меня на улицу, глядитъ на меня во всѣ окна и чуть не говоритъ: «здравствуйте; какъ ваше здоровье? и я слава Богу здоровъ, а ко мнѣ въ маѣ мѣсяцъ прибавятъ этажъ». Или: «какъ ваше здоровье? а меня завтра въ починку». Или: «я чуть не сгорѣлъ и притомъ испугался» и т. д. Изъ нихъ у меня есть любимцы, есть короткіе пріатели; одинъ изъ нихъ намѣренъ лечиться это лѣто у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтобъ не залечили какъ-нибудь, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтлорозовымъ домикомъ. Это былъ такой миленькій каменный домикъ, такъ привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ горделиво смотрѣлъ на своихъ неуклюжихъ сосѣдей, что мое сердце радовалось, когда мнѣ случалось проходить мимо. Вдругъ на прошлой недѣлѣ, я прохожу по улицѣ и какъ посмотрѣлъ на пріателя — слышу жалобный крикъ:

«а меня красятъ въ желтую краску!» Злодѣи! варвары! они не пощадили ничего: ни колоннъ, ни карнизовъ, и мой пріятель пожелтѣлъ какъ канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до-сихъ-поръ не въ силахъ былъ повидаться съ изуродованнымъ моимъ бѣднякомъ, котораго раскрасили подъ цвѣтъ поднебесной имперіи.

И такъ, вы понимаете, читатель, какимъ образомъ я знакомъ со всѣмъ Петербургомъ.

Я уже сказалъ, что меня цѣлые три дня мучило беспокойство, покамѣстъ я догадался о причинѣ его. И на улицѣ мнѣ было худо (того нѣтъ, этого нѣтъ, куда дѣлся такой-то?)—да и дома я былъ самъ не свой. Два вечера добивался я: чего не достаетъ мнѣ въ моемъ углу? отъ-чего такъ неловко было въ немъ оставаться? — и съ недоумѣніемъ осматривалъ я свои зеленныя, закоптѣлыя стѣны, потолокъ, завѣшенный паутиной, которую съ большимъ успѣхомъ разводила Матрена, пересматривалъ всю свою мебель, осматривалъ каждый стулъ, думая, не тутъ ли бѣда? (потому-что коль у меня хоть одинъ стулъ стоитъ не такъ, какъ вчера стоялъ, такъ я самъ не свой) смотрѣлъ на окно, и все понапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумалъ-было призвать Матрену и тутъ же сдѣлалъ ей отеческій выговоръ за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрѣла на меня въ удивленіи и пошла прочь, не отвѣтивъ ни слова, такъ-что паутина еще до-сихъ-поръ благополучно виситъ на мѣстѣ. Наконецъ, я только сегодня поутру догадался, въ чемъ дѣло. Э! да вѣдь они отъ меня удираютъ на дачу! Простите за тривиальное слово, но мнѣ было не до высокаго слога... потому-что вѣдь все, что только ни было въ Петербургѣ, или переѣхало или переѣзжало на дачу; потому-что каждый почтенный господинъ солидной наружности, нанмавшій извозчика, на глаза мои тотчасъ же обращался въ почтеннаго отца семейства, который послѣ обыденныхъ должностныхъ занятій отправляется налегкѣ, въ нѣдра своей фамиліи, на дачу; потому-что у cadaго прохожаго былъ теперь уже совершенно-особый видъ, который чуть-чуть не говорилъ всякому встрѣчному: «мы, господа, здѣсь только такъ, мимоходомъ, а вотъ черезъ два часа мы уѣдемъ на дачу». Отворялось ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькіе, бѣлые какъ сахаръ пальчики, и высывалась головка хорошенькой дѣвушкн, подзывавшей разнощика съ горшками цвѣтовъ,—мнѣ тотчасъ же, тутъ же представлялось, что эти цвѣты только такъ покупаются, т. е. вовсе не для того, чтобъ наслаждаться весной и цвѣтами въ душной городской квартирѣ, а что, вотъ, очень-скоро всѣ переѣдутъ на дачу и цвѣты съ собою увезутъ. Мало того, я уже сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ новомъ, особенномъ родѣ открытій, что уже могъ безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто дачѣ живетъ. Обитатели Каменнаго и Аптека-

скаго острововъ или Петергофской дороги, отличались изученнымъ изяществомъ пріемовъ, щегольскими лѣтними костюмами и прекрасными экипажами, въ которыхъ они пріѣхали въ городъ. Жители Парголова и тамъ, гдѣ подальше, съ перваго взгляда «внушали» своимъ благоразуміемъ и солидностью; посѣтитель Крестовскаго острова отличался невозмутимо-веселымъ видомъ. Удавалось ли мнѣ встрѣтить длинную процессію ломовыхъ извозчиковъ, лѣтніе шедшихъ съ возжами въ рукахъ подлѣ возовъ, нагруженныхъ цѣлыми горами всякой мебели, столовъ, стульевъ, дивановъ турецкихъ и нетурецкихъ и прочимъ домашнимъ скарбомъ, на которомъ, сверхъ всего этого, зачистую возсѣдала, на самой вершинѣ воза, щедущая кухарка, берегущая барское добро какъ зеницу ока; смотрѣлъ ли я на тяжелонагруженныхъ домашнихъ утварью лодки, скользившія по Невѣ плъ Фонтанкѣ, до Черной рѣчки или острововъ, — поза и лодки удесатерялись, усотерялись, въ глазахъ моихъ; казалось, все поднялось и поѣхало, все переселялось цѣлыми караванами на дачу; казалось, весь Петербургъ грозилъ обратиться въ пустыню, такъ что наконецъ мнѣ стало стыдно, обидно и грустно; мнѣ рѣшительно некуда и незачѣмъ было ѣхать на дачу. Я готовъ былъ уйти съ каждымъ возомъ; уѣхать съ каждымъ господиномъ почтенной наружности, нанмавшимъ извозчика; но ни одинъ, рѣшительно никто не пригласилъ меня; словно забыли меня, словно я для нихъ былъ и въ-самомъ-дѣлѣ чужой!

Я ходилъ много и долго, такъ-что уже совсѣмъ успѣлъ, по своему обыкновенію, забыть, гдѣ я, какъ вдругъ очутился у заставы. Въ-мигъ мнѣ стало весело, и я шагнулъ за шлагбаумъ, пошелъ между засѣянныхъ полей и луговъ, не слышалъ усталости, но чувствовалъ только всѣмъ составомъ своимъ, что какое-то бремя спадаетъ съ души моей. Всѣ пробѣжіе смотрѣли на меня такъ пріятельно, что рѣшительно чуть не кланялись; всѣ были такъ рады чѣму-то, всѣ до одного курили сигары. И я былъ радъ, какъ еще никогда со мной не случалось. Точно я вдругъ очутился въ Италіи — такъ сильно поразила природа меня, полу-больнаго горожанина, чуть незадохнувагося въ городскихъ стѣнахъ.

Есть что-то неизъяснимо-трогательное въ нашей петербургской природѣ, когда она, съ наступленіемъ весны, вдругъ выкажетъ всю мощь свою, всѣ дарованныя ей небомъ силы, опустится, разрядится, унестрится цвѣтами... Какъ-то невольно напоминаетъ она мнѣ ту дѣвушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда съ сожалѣніемъ, иногда съ какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замѣчаете ея, но которая вдругъ, на одинъ мигъ, какъ-то нечаянно сдѣлается неизъяснимо, чудно-прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать такимъ огнемъ эти грустные, задумчивые глаза? что вы-

звало кровь на эти блѣдныя, похудѣвшія щеки? что облило страстію эти нѣжныя черты лица? отъ-чего такъ вздымается эта грудь? что такъ внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо блѣдной дѣвушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться такимъ сверкающимъ, искрометнымъ смѣхомъ? Вы смотрите кругомъ, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но мигъ проходить, и, можетъ-быть, на завтра же вы встрѣтите опять тотъ же задумчивый и разсѣянный взглядъ, какъ и прежде, то же блѣдное лицо, ту же покорность и робость въ движеніяхъ и даже раскаяніе, даже слѣды какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлеченіе... И жаль вамъ, что такъ скоро, такъ безвозвратно завяла мгновенная красота, что такъ обманчиво и напрасно блеснула она передъ вами — жаль отъ-того, что даже полюбить ее вамъ не было времени...

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вотъ, какъ это было:

Я пришелъ назадъ въ городъ очень-поздно, и уже пробило десять часовъ, когда я сталъ подходить къ квартирѣ. Дорога моя шла по набережной канала, на которой въ этотъ часъ не встрѣтишь живой души. Правда, я живу въ отдаленнѣйшей части города. Я шелъ и пѣлъ, потому-что, когда я счастливъ, я, непременно мурлыкаю что-нибудь про себя, какъ и всякій счастливый человѣкъ, у котораго нѣтъ ни друзей, ни добрыхъ знакомыхъ, и которому въ радостную минуту не съ кѣмъ раздѣлить свою радость. Вдругъ со мной случилось самое неожиданное приключеніе.

Въ сторонкѣ, прислонившись къ периламъ канала, стояла женщина; облокотившись на рѣшетку, она, по-видимому, очень-внимательно смотрѣла на мутную воду канала. Она была одѣта въ премиленькой желтой шляпкѣ и въ кокетливой черной мантилькѣ. «Это дѣвушка, и непременно брюнетка», подумалъ я. Она, кажется, не слыхала шаговъ моихъ, даже не шевельнулась, когда я прошелъ мимо, затаявъ дыханіе и съ сильно-забившимся сердцемъ. «Странно!» подумалъ я: «вѣрно она о чемъ-нибудь очень задумалась», и вдругъ я остановился какъ вкопанный. Мнѣ послышалось глухое рыданіе! Да! я не обманулся: дѣвушка плакала, и черезъ минуту еще и еще всхлипываніе. Боже мой! У меня сердце сжалось. И какъ я ни робокъ съ женщинами, но вѣдь это была такая минута!.. Я воротился, шагнулъ къ ней и непременно бы произнесъ:

— Сударыня!

Еслибъ только не зналъ, что это восклицаніе уже тысячу разъ произносилось во всѣхъ русскихъ великосвѣтскихъ романахъ. Это одно и остановило меня. Но покаместъ я прійскаивалъ слово, дѣвушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчасъ же пошелъ вслѣдъ за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла черезъ улицу и пошла по троттуару. Я не по-

смѣлъ перейти черезъ улицу. Сердце мое трепетало, какъ у пойманной птички. Вдругъ одинъ случай пришелъ ко мнѣ на помощь.

По той сторонѣ троттуара, не далеко отъ моей незнакомки, вдругъ появился господинъ во фракѣ, солидныхъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ солидной походки. Онъ шелъ пошатываясь и осторожно опирался объ стѣнку. Дѣвушка же шла, словно стѣпка, торопливо и робко, какъ вообще ходятъ всѣ дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобъ кто-нибудь вызвался провожать ихъ ночью домой, и, конечно, качавшійся господинъ ни за что не догналъ бы ея, еслибъ судьба моя не надумила его поспать искусственныхъ средствъ. Вдругъ, не сказавъ никому ни слова, мой господинъ срывается съ мѣста и летитъ со всѣхъ ногъ, бѣжитъ, догоняя мою незнакомку. Она шла какъ вѣтеръ, но колыхавшійся господинъ настигалъ, настигъ, дѣвушка вскрикнула — п... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этотъ разъ въ моей правой рукѣ. Я мигомъ очутился на той сторонѣ троттуара, мигомъ незванный господинъ понялъ въ чемъ дѣло; прінялъ въ соображеніе неотразимый резонъ, замолчалъ, отсталъ и только, когда уже мы были очень-далеко, протестовалъ противъ меня въ довольно-энергическихъ терминахъ. Но до насъ едва долетѣли слова его.

— Дайте мнѣ руку, сказалъ я моей незнакомкѣ: — и онъ не посмѣетъ больше къ намъ приставать.

Она молча подала мнѣ свою руку, еще дрожащую отъ волненія и испуга. О, незванный господинъ! какъ я благословлялъ тебя въ эту минуту! Я мелькомъ взглянулъ на нее: она была премиленькая и брюнетка — я угадалъ; на ея черныхъ рѣсницахъ еще блестѣли слезинки недавняго испуга, или прежняго горя, не знаю. Но на губахъ уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснѣла и потупилась.

— Вотъ видите, зачѣмъ же вы тогда отогнали меня? Еслибъ я былъ тутъ, ничего бы не случилось...

— Но я васъ не знала: я думала что вы тоже...

— А развѣ вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вотъ, наприимѣръ, отъ-чего вы дрожите?

— О, вы угадали съ перваго раза! отвѣчалъ я въ восторгѣ, что моя дѣвушка умница: это при красотѣ никогда не мѣшается. — Да, вы съ перваго взгляда угадали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Точно, я робокъ съ женщинами, я въ волненіи, не спорю, не меньше какъ были вы минуту назадъ, когда этотъ господинъ испугалъ васъ... Я въ какомъ-то испугѣ теперь. Точно сонъ, а я даже и во снѣ не гадалъ, что когда-нибудь буду говорить хоть съ какой-нибудь женщиной.

— Какъ? не-уже-ли?..

— Да, если рука моя дрожитъ, то это отъ-того, что никогда еще ея не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, какъ ваша. Я совсѣмъ

отвыкъ отъ женщинъ; т. е. я къ нимъ и не при-
выкалъ никогда; я вѣдь одинъ... Я даже не знаю,
какъ говорить съ ними. Вотъ и теперь не знаю—
не сказалъ ли вамъ какой-нибудь глупости? Ска-
жите мнѣ прямо; предупреждаю васъ, я не обид-
чивъ...

— Нѣтъ ничего, ничего; напротивъ. И если уже
вы требуете, чтобъ я была откровенна, такъ я
вамъ скажу, что женщинамъ нравится такая ро-
бость; а если вы хотите знать больше, то и мнѣ
она тоже нравится, и я не отгону васъ отъ себя
до самаго дома.

— Вы сдѣлаете со мной, началъ я, задыхаясь
отъ восторга: — что я тотчасъ же перестану ро-
бѣть и тогда—прощай всѣ мои средства!...

— Средства? какія средства, къ чему? вотъ это
ужь дурно.

— Виновать, не буду, у меня съ языка сорва-
лось; но какъ же вы хотите, чтобъ въ такую ми-
нуту не было желанія...

— Понравится, что ли?

— Ну, да; да будьте, ради Бога, будьте добры.
Посудите, кто я! Вѣдь вотъ ужь мнѣ двадцать
шесть лѣтъ, а я никого никогда не выдаю. Ну,
какъ же я могу хорошо говорить, ловко и кстати?
Вамъ же будетъ выгодно, когда все будетъ от-
крыто, наружу... Я не умѣю молчать, когда серд-
це во мнѣ говоритъ. Ну, да все равно... Повѣри-
те ли, ни одной женщины, никогда, никогда? Ни-
какого знакомства! и только мечтаю каждый день,
что наконецъ-то когда нибудь я встрѣчу кого ни-
будь. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько разъ я былъ
влюбленъ такимъ образомъ!...

— Но какъ же, въ кого же?...

— Да ни въ кого, въ идеаль, въ ту, которая
приснится во снѣ. Я создаю въ мечтахъ цѣлые
романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же
безъ того, я встрѣчалъ двухъ, трехъ женщинъ, но
какія онѣ женщины? это все такія хозяйки, что...
Но я васъ насмѣшу, я разскажу вамъ, что нѣ-
сколько разъ думалъ заговорить, такъ, запросто,
съ какой нибудь аристократкой на улицѣ, разу-
мѣется, когда она одна; заговорить, конечно, роб-
ко, почтительно, страстно; сказать, что полюблю
одинъ, чтобъ она не отгоняла меня, что нѣтъ
средства узнать хоть какую нибудь женщину; вну-
шить ей, что даже въ обязанностяхъ женщины не
отвергнуть робкой молибы такого несчастнаго че-
ловѣка какъ я. Что наконецъ и все, чего я тре-
бую, состоитъ въ томъ только, чтобъ сказать мнѣ
какія нибудь два слова братскія, съ участіемъ, не
отогнать меня съ перваго шага, повѣрить мнѣ на
слово, выслушать, что я буду говорить, посмѣять-
ся надо мной, если угодно, обнадежить меня, ска-
зать мнѣ два слова, только два слова, потомъ
пустъ хоть мы съ ней никогда не встрѣчаемся!...
Но вы смѣетесь... Впрочемъ, я для того и го-
ворю...

— Не досадуйте; я смѣюсь тому, что вы сами
себѣ врагъ, и еслибъ вы попробовали, то вамъ бы

и удалось, можетъ быть хоть бы и на улицѣ дѣло
было; чѣмъ прощ, тѣмъ лучше... Ни одна добрая
женщина, если только она не глупа, или особенно
не сердита на что нибудь въ ту минуту, не рѣ-
шилась бы отослать васъ безъ этихъ двухъ словъ,
которыхъ вы такъ робко вымаливаете... Впрочемъ,
что я! конечно, приняла бы васъ за сумасшедша-
го. Я вѣдь судила по себѣ. Сама-то я много знаю
какъ люди на свѣтѣ живутъ!

— О, благодарю васъ, закричалъ я: — вы не
знаете, что вы для меня теперь сдѣлали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мнѣ, почему вы
узнали, что я такая женщина, съ которой... ну,
которую вы считали достойной... вниманія и друж-
бы... однимъ словомъ, не хозяйка, какъ вы назы-
ваете. Почему вы рѣшились подойти ко мнѣ?

— Почему? почему? Но вы были одни, тотъ го-
сподинъ былъ слишкомъ смѣлъ, теперь ночь: со-
гласитесь сами, что это обязанность...

— Нѣтъ, нѣтъ, еще прежде, тамъ, на той сто-
ронѣ. Вѣдь вы хотѣли же подойти ко мнѣ?

— Тамъ, на той сторонѣ? Но я, право, не знаю,
какъ отвѣчать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня
былъ счастливъ; я шелъ, пѣлъ; я былъ за горо-
домъ; со мной еще никогда не бывало такихъ
счастливыхъ минутъ. Вы... мнѣ, можетъ быть, по-
казалось... Ну, простите меня, если я напомню:
мнѣ показалось, что вы плакали, и я... я не могъ
слышать это... у меня стѣснилось сердце... О, Боже
мой! Ну, да неужели же я не могъ потосковать
объ васъ? Неужели же былъ грѣхъ почувствовать къ
вамъ братское состраданіе?... Извините, я сказалъ
состраданіе... Ну, да, однимъ словомъ, неужели я
могъ васъ обидѣть тѣмъ, что невольно вздумалось
мнѣ къ вамъ подойти?...

— Оставьте, довольно, не говорите... сказала дѣ-
вушка, потупившись и сжавъ мою руку.—Я сама
виновата, что заговорила объ этомъ; но я рада,
что не ошиблась въ васъ... по вотъ уже я дома;
мнѣ нужно сюда въ переулокъ; тутъ два шага...
Прощайте, благодарю васъ...

— Такъ неужели же, неужели мы больше ни-
когда не увидимся?.. Неужели это такъ и оста-
нется?

— Видите ли, сказала смѣясь дѣвушка: — вы
хотѣли сначала только двухъ словъ, а теперь...
Но, впрочемъ, я вамъ ничего не скажу... Можетъ
быть, встрѣтимся...

— Я приду сюда завтра, сказалъ я. — О, про-
стите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпѣливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! прервалъ я ее. —
Простите, если я вамъ скажу опять что нибудь
такое... Но вотъ что: я не могу не придти сюда
завтра. Я мечтатель; у меня такъ мало дѣйстви-
тельной жизни, что я такія минуты, какъ эту, какъ
теперь, считаю такъ рѣдко, что не могу не повто-
рять этихъ минутъ въ мечтаньяхъ. Я промечтаю
объ васъ цѣлую ночь, цѣлую недѣлю, весь годъ.
Я непременно приду сюда завтра, именно сюда,

на это же мѣсто, именно въ тотъ часъ, и буду счастливъ, припоминая вчерашнее. Ужь это мѣсто мнѣ мило. У меня уже есть такія два, три мѣста въ Петербургѣ. Я даже одинъ разъ заплакалъ отъ воспоминанья, какъ вы... Почему знать, можетъ быть, и вы, тому назадъ десять минутъ, плакали отъ воспоминанья... Но простите меня, я опять забылся; вы, можетъ быть, когда нибудь были здѣсь особенно счастливы...

— Хорошо, сказала дѣвушка—я пожалуй приду сюда завтра, тоже въ десять часовъ. Вижу, что я уже не могу вамъ запретить... Вотъ въ чемъ дѣло, мнѣ нужно быть здѣсь; не подумайте, чтобъ я вамъ назначала свиданіе; я предупреждаю васъ, мнѣ нужно быть здѣсь для себя. Но вотъ... ну, ужъ я вамъ прямо скажу: это будетъ ничего, если и вы придете; во-первыхъ, могутъ быть опять непріятности, какъ сегодня, но это въ сторону... однимъ словомъ, мнѣ просто хотѣлось бы васъ видѣть... чтобъ сказать вамъ два слова. Только, видите ли, вы не осудите меня теперь? не подумайте, что я такъ легко назначаю свиданія... Я бы и не назначила, еслибъ... Но пусть это будетъ моя тайна! Только впередъ уговоръ...

— Уговоры! говорите, скажите, скажите все заранее; я на все согласенъ, на все готовъ, вскричалъ я въ восторгъ: — я отвѣчаю за себя — буду послушенъ, почтителенъ... вы меня знаете...

— Именно отъ того, что знаю васъ, и приглашаю васъ завтра, сказала смѣясь дѣвушка. — Я васъ совершенно знаю. Но смотрите, приходите съ условіемъ; во-первыхъ (только будьте добры, исполните, что я попрошу — видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь въ меня... Это нельзя, увѣряю васъ. На дружбу я готова, вотъ вамъ рука моя... А влюбиться нельзя, прошу васъ!

— Клянусь вамъ, закричалъ я, сквативъ ея ручку...

— Полноте, не клянитесь, я вѣдь знаю, вы способны вспыхнуть какъ порохъ. Не осуждайте меня, если я такъ говорю. Еслибъ вы знали... У меня тоже никого нѣтъ, съ кѣмъ бы мнѣ можно было слово сказать, у кого бы совѣта спросить. Конечно, не на улицѣ же искать совѣтниковъ, да вы исключеніе. Я васъ такъ знаю, какъ будто уже мы двадцать лѣтъ были друзьями... Не правда ли, вы не измѣните?...

— Увидите... только я не знаю, какъ ужъ я доживу хотя сутки.

— Спите покрѣпче; доброй ночи — и помните, что я вамъ уже ввѣрилась. Но вы такъ хорошо восклицали давеча: неужели жъ давать отчетъ въ каждомъ чувствѣ, даже въ братскомъ сочувствіи! Знаете ли, это было такъ хорошо сказано, что у меня тотчасъ же мелькнула мысль довѣриться вамъ...

— Ради Бога, но въ чемъ? что?

— До завтра. Пусть это будетъ пока мѣстъ тайной. Тѣмъ лучше для васъ; хоть издали будетъ на романъ похоже. Можетъ-быть, я вамъ завтра же

скажу, а можетъ-быть, нѣтъ... Я еще съ вами напередъ поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вамъ завтра же все расскажу про себя! Но что это? точно чудо со мной совершается... Гдѣ я, Боже мой? Ну, скажите, неужели вы не довольны тѣмъ, что не разсердились, какъ бы сдѣлала другая, не отогнали меня въ самомъ началѣ? Двѣ минуты, и вы сдѣлали меня навсегда счастливымъ. Да! счастливымъ; почему знать, можетъ-быть, вы меня съ собой помирили, разрѣшили мои сомнѣнія... Можетъ-быть, на меня находятъ такія минуты... Ну, да я вамъ завтра все расскажу, вы все узнаете, все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— Согласенъ.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы разстались. Я ходилъ всю ночь; я не могъ рѣшиться воротиться домой. Я былъ такъ счастливъ... до завтра!

НОЧЬ ВТОРАЯ.

— Ну, вотъ и дожили! сказала она мнѣ смѣясь и пожимая мнѣ обѣ руки.

— Я здѣсь уже два часа; вы не знаете, что было со мной цѣлый день!

— Знаю, знаю... но къ дѣлу. Знаете, зачѣмъ я пришла? Вѣдь не вздоръ болтать, какъ вчера. Вотъ что: намъ нужно впередъ умнѣй поступать. Я обо всемъ этомъ вчера долго думала.

— Въ чемъ же, въ чемъ быть умнѣе? Съ моей стороны, я готовъ; но, право, въ жизнь не случилось со мною ничего умнѣе, какъ теперь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во-первыхъ, прошу васъ не жмите такъ моихъ рукъ; во-вторыхъ, объявляю вамъ, что я обѣ васъ сегодня долго раздумывала.

— Ну, и чѣмъ же кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Кончилось тѣмъ, что нужно все снова начать, потому-что въ заключеніе всего я рѣшила сегодня, что вы еще мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, что я вчера поступила, какъ ребенокъ, какъ дѣвочка, и, разумѣется, вышло такъ, что всему виновато мое доброе сердце, т. е. я похвалила себя, какъ и всегда кончается, когда мы начнемъ свое разбирать. И потому, чтобъ поправить ошибку, я рѣшила разузнать объ васъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Но такъ какъ разузнавать о васъ не у кого, то вы и должны мнѣ сами все рассказать, всю подноготную. Ну, что вы за человекъ? Поскорѣе — начинайте же, рассказывайте свою исторію.

— Исторію! закричалъ я, испугавшись: — исторію! Но кто вамъ сказалъ, что у меня есть моя исторія? у меня нѣтъ исторіи...

— Такъ какъ же вы жили, коль нѣтъ исторіи? перебила она смѣясь.

— Совершенно безъ всякихъ исторій! такъ, жилъ, какъ у насъ говорится, самъ-по-себѣ, т. е. одинъ

совершенно — одинъ, одинъ вполне — понимаете, что такое одинъ?

— Да какъ одинъ? То-есть, вы никого никогда не видали?

— О, нѣтъ, видѣть-то вижу, — а все-таки я одинъ.

— Что же, вы разнѣ не говорите ни съ кѣмъ?

— Въ строгомъ смыслѣ, ни съ кѣмъ.

— Да кто же вы такой, объяснитесь! Пойдите, я догадываюсь: у васъ вѣрно есть бабушка, какъ и у меня. Она слѣпая и вотъ уже цѣлую жизнь меня никуда не пускаетъ, такъ-что я почти разучилась совсѣмъ говорить. А когда я нашлала тому назадъ года два, такъ она видитъ, что меня не удержишь, взяла, призвала меня, да и пришила булавкой мое платье къ свосму — и такъ мы съ тѣхъ поръ и сидимъ по цѣлымъ днямъ; она чулокъ вяжетъ, хотъ и слѣпая; а я подлѣ нея сиди, шей или книжку вслухъ ей читай — такой странный обычай, что вотъ уже два года припшленная...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Да нѣтъ же, у меня нѣтъ такой бабушки.

— А коль нѣтъ, такъ какъ это вы можете дома сидѣть?..

— Послушайте, вы хотите знать, кто я таковъ?

— Ну, да, да!

— Въ строгомъ смыслѣ слова?

— Въ самомъ строгомъ смыслѣ слова!

— Извольте, я — типъ.

— Типъ, типъ! какой типъ? закричала дѣвушка, захотавъ такъ, какъ будто ей цѣлый годъ не удавалось смѣяться. Да съ вами превесело! Смотрите: вотъ здѣсь есть скамейка; сядемъ! Здѣсь никто не ходитъ, насъ никто не услышитъ, и — начинайте-же вашу исторію! потому-что, ужъ вы меня не увѣрите, у васъ есть исторія, а вы только скрываетесь. Во-первыхъ, что это такое типъ?

— Типъ? типъ, это оригиналъ, это такой смѣшной человѣкъ! отвѣчалъ я, самъ расхотавшись вслѣдъ за ея дѣтскимъ смѣхомъ. — Это такой характеръ. Слушайте: знаете вы, что такое мечтатель?

— Мечтатель! позвольте, да какъ не знать? я сама мечтатель! Иной разъ сидишь подлѣ бабушки и чего-чего въ голову не войдетъ. Ну, вотъ и начнешь мечтать, да такъ раздумаешься — ну, просто за китайскаго принца выхожу... А вѣдь это въ другой разъ и хорошо — мечтать! Нѣтъ, впрочемъ, Богъ-знаетъ! Особенно если есть и безъ этого о чемъ думать, прибавила дѣвушка на этотъ разъ довольно серьезно.

— Превосходно! Ужъ коли разъ вы выходили за богдыхана китайскаго, такъ, стало-быть, совершенно поймете меня. Ну, слушайте... Но позвольте: вѣдь я еще не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Наконецъ-то! вотъ рано вспомнили!

— Ахъ, Боже мой! да мнѣ и на умъ не пришло, мнѣ было и такъ хорошо...

— Меня зовутъ — Настенька.

— Настенька! и только?

— Только! да неужели вамъ мало, ненасытный вы этакой!

— Мало ли? Много, много, напротивъ, очень много, Настенька, добренькая вы дѣвушка, коли съ перваго разу вы для меня стали Настенькой!

— То-то же! ну!

— Ну, вотъ, Настенька, слушайте-ка, какая тутъ выходитъ смѣшная исторія.

Я услѣлся подлѣ нея, принялъ педантски-серьезную позу, и началъ словно по-писанному:

— Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть въ Петербургѣ довольно странные углки. Въ эти мѣста какъ-будто не заглядываетъ то же солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ-будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ, милая Настенька, выживается какъ-будто совсѣмъ другая жизнь, не похожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ-быть въ тридесатомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное, пресерьезное время. Вотъ эта жизнь и есть смѣсь чего-то чисто-фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (увы, Настенька!) тускло-прозаическаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать: до невѣроятности пошлаго.

— Фу! Господи Боже мой! какое предисловіе! Что же это я такое услышу?

— Услышите вы, Настенька (мнѣ кажется, я никогда не устану называть васъ Настенькой), услышите вы, что въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди — мечтатели. Мечтатель — если нужно его подробное опредѣленіе — не человѣкъ, а, знаете, какое-то существо средняго рода. Селится онъ большую частью гдѣ-нибудь въ неприступномъ углу, какъ-будто таится въ немъ даже отъ дневнаго свѣта, и ужъ если заберется къ себѣ, то такъ и прирастетъ къ своему углу, какъ улитка, или, крайней-мѣрѣ, онъ очень похожъ въ этомъ отношеніи на то занимательное животное, которое и животное и домъ вмѣстѣ, которое называется черепахой. Какъ вы думаете, отъ чего онъ такъ любить свои четыре стѣны, выкрашенные непремѣнно зеленою краскою, законѣлыя, унылыя и непозволительно обкуреныя? Зачѣмъ этотъ смѣшной господинъ, когда его приходитъ навѣстить кто-нибудь изъ его рѣдкихъ знакомыхъ (а кончается онъ тѣмъ, что знакомые у него всѣ переводятся), зачѣмъ этотъ смѣшной человѣкъ встрѣчаетъ его такъ сконфузившись, такъ измѣнившись въ лицѣ и въ такомъ замѣшательствѣ, какъ-будто онъ только-что сдѣлалъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ преступленіе, какъ-будто онъ фабриковалъ фальшивыя бумажки или какіе-нибудь стишки для отсылки въ журналъ при анонимномъ письмѣ, въ которомъ обозначается, что настоящій поэтъ уже умеръ и что другъ его считаетъ священнымъ долгомъ опубликовать его вирши? Отъ чего, скажите мнѣ, Настенька, разговоръ такъ не вяжется у этихъ двухъ собесѣдниковъ? отъ чего ни смѣхъ, ни какое-ни-

будь бойкое словцо не слетаетъ съ языка внезапно-вошедшаго и озадаченнаго пріятеля, который въ другомъ случаѣ очень любитъ и смѣхъ, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасномъ полѣ, и другія веселія темы? Отъ чего же, наконецъ, этотъ пріятель, вѣроятно, недавній знакомый, и при первомъ всплѣтѣ, потому-что втораго въ такомъ случаѣ уже не будетъ и пріятель другой разъ не придетъ — отъ чего самъ пріятель такъ конфузится, такъ костенѣетъ, при всемъ своемъ остроуміи (если только оно есть у него), глядя на опрокинутое лицо хозяйина, который въ свою очередь уже совсѣмъ успѣлъ потерять и сбиться съ послѣдняго толка послѣ исполынскихъ, по тщетныхъ усилій разглядить и упростить разговоръ, показать, и съ своей стороны, знаніе свѣтскости, тоже заговорить о прекрасномъ полѣ и хотъ такую покорностію понравиться бѣдному, не туда понашему человѣку, который ошибкою пришелъ къ нему въ гости? Отъ чего, наконецъ, гость вдругъ хватается за шляпу и быстро уходитъ, внезапно вспомнивъ о самонужнѣйшемъ дѣлѣ, котораго никогда не бывало, и кое-какъ высвобождаетъ свою руку изъ жаркихъ пожатій хозяйна, всячески старающегося показать свое расканіе и поправить потерянное? Отъ чего уходящій пріятель хохочетъ, выйдя за дверь, тутъ же даетъ самому себѣ слово никогда не приходить къ этому чудаку, хотя этотъ чудакъ въ сущности и превосходнѣйшій малый, и въ то же время никакъ не можетъ отказать своему воображенію въ маленькой прихоти: сравнить, хотъ отдаленнымъ образомъ, фізіономію своего недавняго собесѣдника во все время свиданія съ видомъ того несчастнаго котеночка, котораго измѣли, застрашали и всячески обидѣли дѣти, вѣроломно захвативъ его въ плѣнъ, сконфузили въ прахъ, который забился наконецъ отъ нихъ подъ стулъ, въ темноту, и тамъ цѣлый часъ на досугъ принужденъ оцѣтениваться, отфыркнуться и мыть свое обиженное рыльцо обѣими лапами и долго еще послѣ того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку съ господскаго обѣда, припасенную для него сострадательною ключницею?

— Послушайте, перебила Настенька, которая все время слушала меня въ удивленіи, открывъ глаза и ротикъ: — послушайте: я совершенно не знаю, отчего все это произошло и почему именно вы мнѣ предлагаете такіе смѣшные вопросы; но что я знаю навѣрно, такъ то, что всѣ эти приключенія случились непременно съ вами, отъ слова до слова.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я съ самою серьезной миной.

— Ну, коли безъ сомнѣнія, такъ продолжайте, отвѣтила Настенька: — потому что мнѣ очень хочется знать, чѣмъ это кончится.

— Вы хотите знать, Настенька, что такое дѣлалъ въ своемъ углу нашъ герой, или, лучше сказать, я, потому что герой всего дѣла — я, своей собственной, скромной особой; вы хотите знать,

отчего я такъ переполошился и потерялся на цѣлый день отъ неожиданнаго визита пріятеля? Вы хотите знать, отчего я такъ вспорхнулся, такъ покраснѣлъ, когда отворили дверь въ мою комнату, почему я не умѣлъ принять гостя и такъ постыдно погибъ подъ тяжестью собственнаго гостепріимства?

— Ну, да, да! отвѣчала Настенька: — въ этомъ и дѣло. Послушайте: вы прекрасно рассказываете, но нельзя ли рассказывать какъ нибудь не такъ прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

— Настенька! отвѣчалъ я важнымъ и строгимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ смѣха: — милая Настенька, я знаю, что я рассказываю прекрасно, но — виноватъ, иначе я рассказывать не умѣю. Теперь, милая Настенька, теперь я похожъ на духъ царя Соломона, который былъ тысячу лѣтъ въ кубышкѣ, подъ семью печатами, и съ котораго наконецъ сняли всѣ эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять послѣ такой долгой разлуки — потому что я васъ давно уже зналъ, Настенька, потому что я уже давно кого-то искалъ, а это знакъ, что я искалъ именно васъ, и что намъ было суждено теперь свидѣться — теперь въ моей головѣ открылись тысячи клапановъ, и я долженъ пролиться рѣкою словъ, не то я задохнусь. Итакъ, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и послушно; иначе — я замолчу.

— Ни, ни, ни! никакъ! говорите! Теперь я не скажу ни слова.

— Продолжаю: есть, другъ мой, Настенька, въ моемъ днѣ одинъ часъ, который я чрезвычайно люблю. Это тотъ самый часъ, когда кончаются почти всякія дѣла, должности и обязательства, и всѣ слѣзаетъ по домамъ пообѣдать, прилежъ отдохнуть, и тутъ, же, въ дорогѣ, изобрѣтаютъ и другія веселія темы, касающіяся вечера, ночи и всего остающагося свободнаго времени. Въ этотъ часъ и нашъ герой — потому что ужъ позвольте мнѣ, Настенька, рассказывать въ третьемъ лицѣ; затѣмъ, что въ первомъ лицѣ все это ужасно стыдно рассказывать — и такъ, въ этотъ часъ и нашъ герой, который тоже былъ не безъ дѣла, шагаетъ за прочими. Но странное чувство удовольствія играетъ на его бѣдномъ, какъ будто нѣсколько измятомъ лицѣ. Неравнодушно смотритъ онъ на вечернюю зарю, которая медленно гаснетъ на холодномъ петербургскомъ небѣ. Когда я говорю — смотреть, такъ я лгу: онъ не смотритъ, но созерцаетъ какъ-то безотчетно, какъ будто усталый или занятый въ то же время какимъ нибудь другимъ, болѣе интереснымъ предметомъ, такъ что развѣ только мелькомъ, почти невольно можетъ удѣлать время на все окружающее. Онъ доволенъ потому что покончилъ до завтра съ досадными для него *дѣлами*, и радъ, какъ школьникъ, котораго выпустили съ классной скамьи къ любимымъ играмъ и шалостямъ. Посмотрите на него съ бо-

ку, Настенька; вы тотчас увидите, что радостное чувство уже счастливо подѣйствовало на его слабые нервы и болѣзненно-раздраженную фантазію. Вотъ онъ о чемъ-то задумался... Вы думаете объ обѣдѣ? о сегодняшнемъ вечерѣ? На что онъ такъ смотритъ? На этого ли господина солпдной наружности, который такъ картинно поклонился дамѣ, прокатившейся мимо него на рѣзвopoгнѣхъ коняхъ, въ блестящей каретѣ? Нѣтъ, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Онъ теперь уже богатъ *своею особенною* жизнью; онъ какъ-то вдругъ сталъ богатымъ, и прощальный лучъ потухающаго солнца не напрасно такъ весело сверкнулъ передъ нимъ и вызвалъ изъ согрѣтаго сердца цѣлый рой впечатлѣній. Теперь онъ едва замѣчаетъ ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь «богиня фантазія» (если вы читали Жуковского, милая Настенька) уже заткала прихотливою рукою свою золотую основу и пошла развивать передъ нимъ узоры небывалой, причудливой жизни—и, кто знаетъ, можетъ, перенесла его прихотливою рукою на седьмое хрустальное небо съ превосходнаго гранитнаго тротуара, по которому онъ идетъ во-своея. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдругъ: гдѣ онъ теперь стоитъ, по какимъ улицамъ шель?—онъ навѣрно бы ничего не припомнилъ, ни того, гдѣ ходилъ, ни того, гдѣ стоялъ теперь, и, покраснѣвъ съ досады, непременно солгалъ бы что нибудь для спасенія приличій. Вотъ почему онъ такъ вздрогнулъ, чуть не закричалъ и съ испугомъ оглядѣлся кругомъ, когда одна очень почтенная старушка учтиво остановила его посреди тротуара и стала спрашивать сто о дорогѣ, которую она потеряла. Нахмурился съ досады, шагаетъ онъ дальше, едва замѣчая, что не одинъ прохожій улыбнулся, на него глядя, и обратился ему вслѣдъ, и что какая нибудь маленькая дѣвочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмѣялась, посмотрѣвъ во всѣ глаза на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками. Но все та же фантазія подхватила на своемъ привомъ полетѣ и старушку, и любопытныхъ прохожихъ, и смѣющуюся дѣвочку, и мужичковъ, которые тутъ же вечераютъ на своихъ баркахъ, запрудившихъ Фонтанку (положимъ, въ это время по ней проходилъ нашъ герой), заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину, и съ новымъ пріобрѣтеніемъ чудакъ уже вошелъ къ себѣ въ отрадную норку, уже сѣлъ за обѣдъ, уже давно отобѣдалъ и очнулся только тогда, когда задумчивая и вѣчно-печальная Матрена, которая ему прислуживаетъ, уже все прибрала со стола и подала ему трубку, очнулся и съ удивленіемъ вспомнилъ, что онъ уже совсѣмъ пообѣдалъ, рѣшительно проглядѣвъ, какъ это сдѣлалось. Въ комнатѣ потемнѣло; на душѣ его пусто и грустно; цѣлое царство мечтаній рушилось вокругъ него, рушилось безъ слѣда, безъ шума и треска, пронеслось какъ сновидѣніе, а онъ и самъ

не помнить, что ему грезилось. Но какое-то темное ощущеніе, отъ котораго слегка заняла и волнуется грудь его, какое-то новое желаніе соблазнительно щекочетъ и раздражаетъ его фантазію и незамѣтно сзываетъ цѣлый рой новыхъ призраковъ. Въ маленькой комнатѣ царствуетъ тишина; уединеніе и лѣнь нѣжатъ воображеніе; оно воспламеняется слегка, слегка закипаетъ какъ вода въ кофейникѣ старой Матрены, которая безмятежно возится рядомъ, въ кухнѣ, стряпая свой кухарочный кофе. Вотъ оно уже слегка прорывается вспысками, вотъ уже и книга, взятая безъ цѣли и наудачу, выпадаетъ изъ рукъ моего мечтателя, недошедшаго и до третьей страницы. Воображеніе его снова настроено, возбуждено, и вдругъ опять новый міръ, новая, очаровательная жизнь блеснула передъ нимъ въ блестящей своей перспективѣ. Новый сонъ—новое счастье! Новый пріемъ утонченнаго, сладострастнаго яда! О, что ему въ нашей дѣйствительной жизни! На его подкупленный взглядъ мы съ вами, Настенька, живемъ такъ лѣнливо, медленно, вяло; на его взглядъ мы всѣ такъ недовольны нашею судьбою, такъ томились нашею жизнью! Да и вправду, смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ на первый взглядъ все между нами холодно, угрюмо, точно сердито... Бѣдныя! думаетъ мой мечтатель. Да и не диво, что думаетъ! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые такъ очаровательно, такъ прихотливо, такъ безбрежно и широко слагаются передъ нимъ въ такой волшебной, одушевленной картинѣ, гдѣ, на первомъ планѣ, первымъ лицомъ, ужь конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особю. Посмотрите, какія разнообразныя приключенія, какой безконечный рой восторженныхъ грезъ. Вы спросите, можетъ быть, о чемъ онъ мечтаетъ? Къ чему это спрашивать! да обо всемъ... объ роляхъ поэтѣ, сначала непризнаннаго, а потомъ увѣнчанныя; о дружбѣ съ Гофманомъ; Варооломеевская ночь, Діана Вернонъ, геройская роль при взятіи Казани Иваномъ Васильевичемъ, Клара Мовбрай, Евфія Денсъ, соборъ прелатовъ и Гуссъ передъ ними, возстаніе мертвецовъ въ Робертѣ (помните музыку? Кладбищемъ пахнетъ!), Минна и Бренда, сраженіе при Березинѣ, чтеніе поэмы у графини В—й Д—й, Дантонъ, Клеопатра ei suoi amanti, домикъ въ Коломнѣ, свой уголокъ а подлѣ милое созданіе, которое слушаетъ васъ, въ зимній вечеръ, раскрывъ ротикъ и глазки, какъ слушаете вы теперь меня, мой маленькій ангельчикъ... Нѣтъ, Настенька, что ему, что ему, сладострастному лѣнливцу, въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? онъ думаетъ, что это бѣдная жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, можетъ быть, когда нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастье отдастъ, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозбраннаго горя. Но покамѣстъ еще

не настало оно, это грозное время — онъ ничего не желаетъ потому что онъ выше желаній, потому что съ нимъ все, потому что онъ пресыщенъ, потому что онъ самъ художникъ своей жизни и творить ее себѣ каждый часъ по новому произволу. И вѣдь такъ легко, такъ естественно создается этотъ сказочный фантастическій міръ! Какъ будто и впрямъ все это не призракъ! Право, вѣрить готовъ въ нину минуту, что вся эта жизнь не возбужденія чувства, не миражъ, не обманъ воображенія, а что это и впрямъ дѣйствительное, настоящее, сущее! Отчего-жъ, скажите, Настенька, отчего же въ такія минуты стѣсняется духъ? отчего же, какимъ-то волшебствомъ, по какому-то невѣдомому произволу, ускоряется пульсъ, брызжутъ слезы изъ глазъ мечтателя, горитъ его блѣдныя, увлажненныя щеки и такой неотразимой отрадой наполняется все существованіе его? Отчего же цѣлыя бессонныя ночи проходятъ, какъ одинъ мигъ, въ неистощимомъ веселіи и счастьи, и когда заря блеснетъ розовымъ лучемъ въ окна и разсвѣтъ освѣтитъ угрюмую комнату своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ, какъ у насъ, въ Петербургѣ, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается на постель и засыпаетъ въ замираніяхъ отъ восторга своего болѣзненно-потрясеннаго духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердцѣ? Да, Настенька, обманешься и невольно вчуужъ повѣришь, что страсть настоящая, истинная волнуется душу его, невольно повѣришь, что есть живое, осязаемое въ его безплотныхъ грезахъ! И вѣдь какой обманъ—вотъ наприимѣръ любовь сошла въ его грудь со всею неистощимою радостью, со всѣми томительными мученіями... Только взгляните на него и убѣдитесь! Вѣрите ли вы, на него глядя, милая Настенька, что дѣйствительно онъ никогда не зналъ той, которую онъ такъ любилъ въ своемъ изступленномъ мечтаніи? Неужели онъ только и видѣлъ ее въ однихъ обольстительныхъ призракахъ и только лишь сплелась ему эта страсть. Неужели и впрямъ не прошли они рука въ руку столько годовъ своей жизни — одни, вдвоемъ, отбросивъ весь міръ и соединивъ каждый свой міръ, свою жизнь съ жизнью друга? Неужели не она, въ поздній часъ, когда настала разлука, не она лежала, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разыгравшейся подъ суровымъ небомъ, не слыша вѣтра, который срывалъ и уносилъ слезы съ черныхъ рѣсницъ ея? Неужели все это была мечта—и этотъ садъ, унылый, заброшенный и дикій, съ дорожками, заросшими мхомъ, уединенный, угрюмый, гдѣ они такъ часто ходили вдвоемъ, надѣлились, тосковали, любили, любили другъ друга такъ долго «такъ долго и цѣнно!» И этотъ странный, прадѣдовскій домъ, въ которомъ жила она столько времени уединенно и грустно, съ старымъ, угрюмымъ мужемъ, вѣчно-молчаливымъ и желчнымъ, пугавшимъ ихъ, робкихъ какъ дѣтей, уныло и боязливо тапавшихъ другъ отъ друга любовь свою? Какъ они мучи-

лись, какъ боялись они, какъ невинна, чиста была ихъ любовь и какъ (ужь, разумѣется, Настенька) злы были люди! И Боже мой, неужели не ее встрѣтилъ онъ потомъ, далеко отъ береговъ своей родины, подъ чужимъ небомъ, полуденнымъ, жаркимъ, въ дивно вѣчномъ городѣ, въ блескѣ бала, при громѣ музыки, въ палатцѣ (непремѣнно въ палатцѣ), потонувшемъ въ морѣ огней, на этомъ балконѣ, увитомъ миртомъ и розами, гдѣ она, узнавъ его, такъ поспѣшно сняла свою маску и, прошептавъ: «я свободна», задрожавъ, бросилась въ его объятія, и, вскрикнувъ отъ восторга, прижавшись другъ къ другу, они въ одинъ мигъ забыли и горе, и разлуку, и всѣ мученія, и угрюмый домъ, и старика, и мрачный садъ въ далекой родинѣ, и скамейку, на которой, съ послѣднимъ страннымъ поцалуетъ, она вырвалась изъ запертыхъ дверей въ отчаянной мукѣ объятій его... О, согласитесь, Настенька, что вспорхнешься, смутишься и покраснѣешь какъ школьникъ, только что записавшій въ карманъ украденное изъ сосѣдняго сада яблоко, когда какой нибудь длинный, здоровый парень, весельчакъ и балагуръ, вашъ незваный пріятель, отворитъ вашу дверь и крикнетъ, какъ будто ничего не бывало: «а я, братъ, сію минуту изъ Павловска!» Боже мой! старый графъ умеръ, настанетъ незырѣнное счастье,—тутъ люди пріѣзжаютъ изъ Павловска!

И патетически замолчалъ, кончивъ мои патетическіе возгласы. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось какъ нибудь черезъ силу захохотать, потому что я уже чувствовалъ, что во мнѣ зашевелился какой-то враждебный бѣсенокъ, что мнѣ уже начинало захватывать горло, подергивать подбородокъ, и что все болѣе и болѣе влажили глаза мои... Я ожидалъ, что Настенька, которая слушала меня, открывъ свои умные глазки, захохочетъ всѣмъ своимъ дѣтскимъ, неустойчиво-веселымъ смѣхомъ, и уже рассказывая, что зашелъ далеко, что напрасно рассказало то, что уже давно накопило въ моемъ сердцѣ, о чемъ я могъ говорить какъ по писанному, потому что уже давно приготовилъ я надъ самимъ собой приговоръ, и теперь не удержался, чтобъ не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймутъ; но къ удивленію моему она промолчала, погодя немного слегка пожала мнѣ руку и съ какимъ-то робкимъ участіемъ спросила:

— Неужели и въ самомъ дѣлѣ вы такъ прожили всю свою жизнь?

— Всю жизнь, Настенька, отвѣчалъ я: — всю жизнь, и, кажется, такъ и окончу!

— Нѣтъ, этого нельзя, сказала она безпокойно:—этого не будетъ; этакъ, пожалуй, и я проживу всю жизнь подлѣ бабушки. Послушайте, знаете ли, что это вовсе не хорошо такъ жить?

— Знаю, Настенька, знаю! вскричалъ я, не удерживая болѣе своего чувства.—И теперь знаю больше, чѣмъ когда нибудь, что я даромъ потерялъ всѣ свои лучшие годы! Теперь это я знаю, и чувствую больнѣе отъ такого сознанія, потому

что самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, моего добраго ангела, чтобъ сказать мнѣ это и доказать. Теперь, когда я сижу подлѣ васъ и говорю съ вами, мнѣ ужъ и странно подумать о будущемъ, потому что въ будущемъ—опять одиночество, опять эта затхлая, ненужная жизнь; и о чемъ мечтать будетъ мнѣ, когда я уже на яву подлѣ васъ былъ такъ счастливъ! О, будьте благословенны, вы, милая дѣвушка, за то, что не отвергли меня съ перваго раза, за то, что уже я могу сказать, что я жилъ хоть два вечера въ моей жизни!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала Настенька, и слезинки заблестали на глазахъ ея: — нѣтъ, такъ не будетъ больше; мы такъ не разстанемся! Что такое два вечера!

— Охъ, Настенька, Настенька! знаете ли, какъ надолго вы помприли меня съ самимъ собою? знаете ли, что уже я теперь не буду о себѣ думать такъ худо, какъ думалъ въ инны минуты? Знаете ли, что уже я, можетъ быть, не буду болѣе тосковать о томъ, что сдѣлалъ преступленіе и грѣхъ въ моей жизни, потому что такая жизнь есть преступленіе и грѣхъ? И не думайте, чтобъ я вамъ преувеличивалъ что нибудь, ради Бога не думайте этого, Настенька, потому что па меня иногда находятъ минуты такой тоски, такой тоски... Потому что мнѣ уже начинаетъ казаться въ эти минуты, что я никогда не способенъ начать жить настоящею жизнью, потому что мнѣ уже казалось, что я потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительно; потому что, наконецъ, я прощипывалъ самъ себя; потому что послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны! Между тѣмъ, слышишь, какъ кругомъ тебя гремитъ и кружится въ жизненномъ вихрѣ людская толпа, слышишь, видишь, какъ живутъ люди — живутъ на яву, видишь, что жизнь для нихъ не заказана, что ихъ жизнь не разлетится какъ сонъ, какъ видѣніе, что ихъ жизнь вѣчно обновляющаяся, вѣчно юная, и ни одинъ часъ ея не похожъ на другой, тогда какъ уныла и до пошлости однообразна пугливая фантазія, раба тѣни, идеи, раба перваго облака, которое внезапно застелетъ солнце и сожметъ тоскою настоящее петербургское сердце, которое такъ дорожитъ своимъ солнцемъ,—а ужъ въ тоскѣ какая фантазія! Чувствуешь, что она наконецъ устааетъ, истощается въ вѣчномъ напряженіи эта *неистощимая* фантазія, потому что вѣдь мужаешь, выживаешь изъ прежнихъ своихъ идеаловъ: они разбиваются въ пыль, въ обломки; если жъ нѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ же обломковъ. А между тѣмъ чего-то другаго просить и хотеть душа! И напрасно мечтатель роется, какъ въ золѣ, въ своихъ старыхъ мечтаніяхъ, ища въ этой золѣ хоть какой нибудь искорки, чтобъ раздуть ее, возобновленнымъ огнемъ пригрѣть похолодѣвшее сердце и воскресить въ немъ снова все, что было прежде такъ мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что выры-

вало слезы изъ глазъ и такъ роскошно обманывало! Знаете ли, Настенька, до чего я дошелъ? знаете ли, что я уже принужденъ справлять годовщину своихъ ощущеній, годовщину того, что было прежде такъ мило, чего въ сущности никогда не бывало,—потому что эта годовщина справляется все по тѣмъ же глупымъ, безплотнымъ мечтаніямъ,—и дѣлать это, потому что и этихъ-то глупыхъ мечтаній нѣтъ, затѣмъ что нечѣмъ ихъ выжить: вѣдь и мечты выживаются! Знаете ли, что я люблю теперь припомнить и посѣтить въ извѣстный срокъ тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ когда-то по своему, люблю построить свое настоящее подъ ладъ уже безвозвратно-прошедшему, и часто брожу какъ тѣнь безъ нужды и безъ цѣли, уныло и грустно по петербургскимъ закоулкамъ и улицамъ. Какія все воспоминанія! Припоминается, наприимѣръ, что вотъ здѣсь ровно годъ тому назадъ, ровно въ это же время, въ этотъ же часъ, по этому же троттуару, бродилъ такъ же одиноко, такъ же уныло, какъ и теперь! И припоминаешь, что и тогда мечты были грустны, и хоть и прежде было не лучше, но все какъ-то чувствуешь, что какъ будто и легче, и покойнѣе было жить, что не было этой черной думы, которая теперь привязалась ко мнѣ; что не было этихъ угрызений совѣсти, угрызений мрачныхъ, угрюмыхъ, которыя ни днемъ, ни ночью теперь не даютъ покоя. И спрашиваешь себя: гдѣ же мечты твои? и покачиваешь головою, говоришь: какъ быстро летятъ годы! И опять спрашиваешь себя: что же ты сдѣлалъ съ своими годами? куда ты схоронилъ свое лучшее время. Ты жилъ или нѣтъ? Смотри, говоришь себѣ, смотри какъ на свѣтѣ становится холодно. Еще пройдутъ годы и за ними придетъ угрюмое одиночество, придетъ съ клюкой трясушая старость, а за ними тоска и уныніе. Поблѣднѣетъ твой фантастическій міръ, замрутъ, увянутъ мечты твои и осыплются какъ желтыя листья съ деревьевъ... О, Настенька! вѣдь грустно будетъ оставаться одному, одному совершенно, и даже не имѣть чего пожалѣть—ничего, ровно ничего... потому что все, что потерялъ-то, все это, все было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!

— Ну, не разжалобливайте меня больше! проговорила Настенька, утирая слезинку, которая выкатилась изъ глазъ ея. — Теперь кончено! Теперь мы будемъ вдвоемъ; теперь что ни случись со мной, ужъ мы никогда не разстанемся. Послушайте. Я простая дѣвушка, я мало училась, хотя мнѣ бабушка и занимала учителя; но, право, я васъ понимаю, потому что все, что вы мнѣ пересказали теперь, я ужъ сама прожила, когда бабушка меня пришила къ платью. Конечно, я бы такъ не рассказала хорошо, какъ вы рассказали, я не училась,—робко прибавила она, потому что все еще чувствовала какое-то уваженіе къ моей патетической рѣчи и къ моему высокому слогу, но я очень рада, что вы совершенно открылись мнѣ. Теперь

я васъ знаю, совѣмъ, всего знаю. И знаете что? я вамъ хочу разсказать и свою исторію, всю безъ утайки, а вы мнѣ послѣ за то дадите совѣтъ. Вы очень умный человѣкъ; общаетесь ли вы, что вы дадите мнѣ этотъ совѣтъ?

— Ахъ, Настенька, отвѣчалъ я:—я хоть и никогда не былъ совѣтникомъ, и тѣмъ болѣе умнымъ совѣтникомъ, но теперь вижу, что если мы всегда будемъ такъ жить, то это будетъ какъ-то очень умно, и каждый другъ другу надастъ премного умныхъ совѣтовъ! Ну, хорошенькая моя Настенька, какой же вамъ совѣтъ? Говорите мнѣ прямо; я теперь такъ веселъ, счастливъ, смѣлъ и уменъ, что за словомъ не полѣзу въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила Настенька, засмѣявшись:—мнѣ нуженъ не одинъ умный совѣтъ, мнѣ нуженъ совѣтъ сердечный, братскій, такъ какъ бы вы уже вѣкъ свой любили меня!

— Идетъ, Настенька, идетъ! закричалъ я въ восторгъ:—и еслибъ я уже двадцать лѣтъ васъ любилъ, то все-таки не любилъ бы сильнѣе тепершняго!

— Руку вашу! сказала Настенька.

— Вотъ она! отвѣчалъ я, подавая ей руку.

— Итакъ, начнемте мою исторію!

Исторія Настеньки.

— Половину исторіи вы уже знаете, то есть, вы знаете, что у меня есть старая бабушка...

— Если другая половина такъ же не долга, какъ и эта... перебилъ было я, засмѣявшись.

— Молчите и слушайте. Прежде всего уговорю: не перебивать меня, а не то, я пожалуй, собою. Ну, слушайте же смирно.

— Есть у меня старая бабушка. Я къ ней попала еще очень маленькой дѣвочкой, потому что у меня умерли и мать и отецъ. Надо думать, что бабушка была прежде богаче, потому что и теперь вспоминаетъ о лучшихъ дняхъ. Она же меня выучила по-французски и потомъ наняла мнѣ учителя. Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ (а теперь мнѣ семнадцать), учиться мы кончили. Вотъ въ это время я и нашла; ужъ что я сдѣлала—я вамъ не скажу; довольно того, что проступокъ былъ не большой. Только бабушка подозвала меня къ себѣ въ одно утро и сказала, что такъ какъ она слѣпа, то за мной не усмотритъ, взяла булавку и припилила мое платьѣ къ своему, да тутъ и сказала, что такъ мы будемъ всю жизнь сидѣть, если, разумѣется, я не сдѣлаюсь лучше. Однимъ словомъ, въ первое время отойти никакъ нельзя было: и работай, и читай, и учись—все подлѣ бабушки. Я было попробовала схитрить одинъ разъ и уговорила сѣсть на мое мѣсто Оеклу. Оекла—наша работница, она глуха. Оекла сѣла вмѣсто меня; бабушка въ это время заснула въ креслахъ, а я отправилась недалеко къ подругѣ. Ну, худо и кончилось. Бабушка безъ меня проснулась и о чемъ-то спросила, думая, что я все еще сижу смир-

но на мѣстѣ. Оекла-то видитъ, что бабушка спрашиваетъ, а сама не слышитъ про что, думала, думала, что ей дѣлать, отстегнула булавку, да и пустилась бѣжать...

Тутъ Настенька остановилась и начала хохотать. Я засмѣялся вмѣстѣ съ нею. Она тотчасъ же перестала.

— Послушайте, вы не смѣйтесь надъ бабушкой. Это я смѣюсь, отъ того, что смѣшно... Что же дѣлать, когда бабушка, право, такая, а только я ее все-таки немножко люблю. Ну, да тогда и досталось мнѣ: тотчасъ меня опять посадили на мѣсто и ужъ ни, ни, шевельнуться было нельзя.

«Ну-съ, я вамъ еще позабыла сказать, что у насъ, то есть, у бабушки, свой домъ, то есть, маленькій домикъ, всего три окна, совѣмъ деревянный и такой же старый, какъ бабушка; а на верху мезонинъ; вотъ и переѣхалъ къ намъ въ мезонинъ новый жилецъ...

— Стало-быть, былъ и старый жилецъ? замѣтилъ я мимоходомъ.

— Ужъ, конечно, былъ, отвѣчала Настенька:—и который умѣлъ молчать лучше васъ. Правда, ужъ онъ едва языкомъ ворочалъ. Это былъ старичокъ, сухой, нѣмой, слѣпой, хромой, такъ-что наконецъ ему стало нельзя жить на свѣтѣ, онъ и умеръ; а за тѣмъ и понадобился новый жилецъ, потому-что намъ безъ жильца жить нельзя: это съ бабушкинымъ пансіономъ почти весь нашъ доходъ. Новый жилецъ какъ нарочно былъ молодой человѣкъ, нездѣшній, заѣзжій. Такъ-какъ онъ не торговался, то бабушка и пустила его, а потомъ и спрашиваетъ: что, Настенька, нашъ жилецъ молодой или нѣтъ? Я солгать не хотѣла: такъ, говорю, бабушка, не то, чтобъ совѣмъ молодой, а такъ, не старикъ.

— «Ну, и пріятной наружности? спрашиваетъ бабушка.

«Я опять лгать не хочу. Да, пріятной, говорю, наружности, бабушка! А бабушка говоритъ: Ахъ! наказанье, наказанье! Я это, внучка, тебѣ для того говорю, чтобъ ты на него не засматривалась. Экой вѣкъ какой! поди, такой мелкій жилецъ, а вѣдь тоже пріятной наружности: не то въ старину!

А бабушкѣ все бы въ старину! И моложе-то она была въ старину, и солнце-то было въ старину теплѣе, и сливки въ старину не такъ скоро кисли—все въ старину! Вотъ я сижу и молчу, а про себя думаю: что же это бабушка сама меня надоумливаетъ, спрашиваетъ, хорошъ ли, молодъ ли жилецъ? Да только такъ только подумала, и тутъ же стала опять петли считать, чулокъ вязать, а потомъ совѣмъ позабыла.

«Вотъ, разъ поутру къ намъ и приходитъ жилецъ, спросить о томъ, что ему комнату общали обоями оклеить. Слово за слово, бабушка же болтлива, и говоритъ: сходи, Настенька, ко мнѣ въ спальню, принеси счеты. Я тотчасъ же вскочила, вся, не знаю отъ-чего, покраснѣла, да и поза-

была, что снжу пришибленная; нѣтъ, чтобъ тихонько отшпилить, чтобъ жилецъ не видалъ,—рванулась такъ, что бабушкино кресло поѣхало. Какъ я увидѣла, что жилецъ все теперь узналъ про меня, покраснѣла, стала на мѣстѣ какъ вкопанная, да вдругъ и заплакала—такъ стыдно и горько стало въ эту минуту, что хоть на свѣтъ не глядѣть! Бабушка кричить: что жъ ты стоишь? а я еще пуше... Жилецъ какъ увидѣлъ, увидѣлъ, что мнѣ его стыдно стало, откланялся и тотчасъ ушелъ!

«Съ-тѣхъ-поръ я, чуть шумъ въ сѣняхъ, какъ мертвая. Вотъ, думаю, жилецъ идетъ, да потихоньку на всякій случай и отшпилю булавку. Только все былъ не онъ, не приходилъ. Прошло двѣ недѣли; жилецъ и присылаетъ сказать съ Ѳеэлой, что у него книгъ много французскихъ, и что все хорошия книги, такъ-что можно читать, такъ не хочетъ ли бабушка, чтобъ я ихъ ей почитала, чтобъ не было скучно? Бабушка согласилась съ благодарностью, только все спрашивала нравственные, книги, или нѣтъ, потому что если книги безнравственныя, такъ тебѣ, говоритъ, Настенька, читать никакъ-нельзя, ты дурному научишься.

— «А чему жъ научусь, бабушка? что тамъ написано?

— «А! говоритъ, описано въ нихъ, какъ молодые люди соблазняютъ благоправныхъ дѣвицъ, какъ они, подъ предлогомъ того, что хотятъ ихъ взять за себя, увозятъ ихъ изъ дому родительскаго, какъ потомъ оставляютъ этихъ несчастныхъ дѣвицъ на волю судьбы и онѣ погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. Я, говоритъ бабушка: — много такихъ книжекъ читала, и все, говоритъ, такъ прекрасно описано, что ночь сидишь, тихонько читаешь. Такъ ты, говоритъ, Настенька, смотри, ихъ не прочти. Какихъ это, говоритъ, онъ книгъ прислалъ?

— «А все Вальтера Скотта романы, бабушка.

— «Вальтера Скотта романы! А полно, нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь ташней? Посмотри-ка, не положилъ ли онъ въ нихъ какой-нибудь любовной записочки?

— «Нѣтъ, говорю, бабушка, нѣтъ записки.

— «Да ты подъ переплетомъ посмотри; они иногда въ переплетъ запишаютъ, разбойники!..

— «Нѣтъ, бабушка, и подъ переплетомъ нѣтъ ничего.

— «Ну, то-то же!

Вотъ мы и начали читать Вальтеръ Скотта и въ какой-нибудь мѣсяцъ почти половину прочли. Потомъ онъ еще и еще прислалъ. Пушкина прислалъ, такъ-что наконецъ я безъ книгъ и быть не могла и перестала думать, какъ бы выйдти за китайскаго принца.

«Такъ было дѣло, когда одинъ разъ мнѣ случилось повстрѣчаться съ нашимъ жильцомъ на лѣстницѣ. Бабушка за чѣмъ-то послала меня. Онъ остановился, я покраснѣла, и онъ покраснѣлъ; однако засмѣялся, поздоровался, о бабушкиномъ здоровьи спросилъ и говоритъ: что, вы книги

прочли? Я отвѣчала: прочла. Что же, говоритъ, вамъ больше понравилось? Я и говорю: Ивангее да Пушкинъ больше всѣхъ понравился. На этотъ разъ тѣмъ и кончилось.

«Черезъ недѣлю, я ему опять попала на лѣстницѣ. Въ этотъ разъ, бабушка не послала, а мнѣ самой надо было за чѣмъ-то. Былъ третій часъ, а жилецъ въ это время домой приходилъ. Здравствуйте! говоритъ. Я ему: здравствуйте!

— «А что, говоритъ, вамъ не скучно цѣлый день сидѣть вмѣстѣ съ бабушкой?

«Какъ онъ это у меня спросилъ, я ужъ, не знаю отъ-чего, покраснѣла, застыдилась и опять мнѣ стало обидно, видно отъ-того, что ужъ другіе про это дѣло разспрашивать стали. Я ужъ было-хотѣла не отвѣчать и уйдти, да силъ не было.

— «Послушайте, говоритъ, вы добрая дѣвушка! Извините, что я съ вами такъ говорю, но, увѣряю васъ, я вамъ лучше бабушки вашей желаю добра. У васъ подругъ нѣтъ никакихъ, къ которымъ бы можно было въ гости пойдти?

«Я говорю, что никакихъ, что была одна, Машенька, да и та въ Псковъ уѣхала.

— «Послушайте, говоритъ, хотите со мною въ театръ поѣхать?

— «Въ театръ? какъ же бабушка-то?

— «Да вы, говоритъ, тихонько отъ бабушки...

— «Нѣтъ, говорю, я бабушку обманывать не хочу. Прощайте-съ!

— «Ну, прощайте, говоритъ, а самъ ничего не сказалъ.

Только послѣ обѣда и приходилъ онъ къ намъ; сѣлъ, долго говорилъ съ бабушкой, разспрашивалъ, что она выѣзжаетъ ли куда-нибудь, есть ли знакомые—да вдругъ и говоритъ: а сегодня я-было лежу взялъ въ оперу; «Севильскаго цирюльника» даютъ, знакомые ѣхатъ хотѣли, да потомъ отказались, у меня и остался билетъ на рукахъ.

— «Севильскаго цирюльника!» закричала бабушка:—да это тотъ самый цирюльникъ, котораго въ старину давали?

— «Да, говоритъ, это тотъ самый цирюльникъ, да и взглянулъ на меня. А я ужъ все поняла. покраснѣла, и у меня сердце отъ ожиданія запрыгало!

— «Да какъ же, говоритъ бабушка: — какъ не знать. Я сама въ старину на домашнемъ театрѣ Розину играла!

— «Такъ не хотите ли ѣхать сегодня? сказалъ жилецъ.—У меня билетъ пропадетъ же даромъ.

— «Да, пожалуй, поѣдемъ, говоритъ бабушка:—отъ-чего жъ не поѣхать? А вотъ у меня Настенька въ театрѣ никогда не была.

«Боже мой, какая радость! Тотчасъ же мы собрались, спарядились и поѣхали. Бабушка хотъ и слѣпа, а все-таки ей хотѣлось музыку слушать, да кромѣ того она старушка добрая: больше меня потѣшить хотѣла, сами-то мы никогда бы не собрались. Ужъ какое было впечатлѣніе отъ «Севильскаго цирюльника» я вамъ не скажу, только

во весь этотъ вечеръ жилецъ нашъ такъ хорошо смотрѣлъ на меня, такъ хорошо говорилъ, что я тотчасъ увидѣла, что онъ меня хотѣлъ испытать поутру, предложивъ, чтобъ я одна съ нимъ поѣхала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, такъ сердце билось, что сдѣлалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о «Севильскомъ цирюльникѣ».

«Я думала, что послѣ этого онъ все будетъ заходить чаще и чаще—не тутъ-то было. Онъ почти совсѣмъ пересталъ. Такъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, бывало, зайдетъ, и то только съ тѣмъ, чтобъ въ театръ пригласить. Раза два мы опять потомъ съѣздили. Только ужъ этимъ я была совсѣмъ недовольна. Я видѣла, что ему просто жалко было меня за то, что я у бабушки въ такомъ загонѣ, а больше-то и ничего. Дальше и дальше, ишло на меня: и сидѣть-то я не сижу, и читать-то я не читаю, и работать не работаю, иногда смѣюсь и бабушкѣ что-нибудь на зло дѣлаю, другой разъ просто плачу. Наконецъ, я похудѣла и чуть-было не стала больна. Оперный сезонъ прошелъ, и жилецъ къ намъ совсѣмъ пересталъ заходить; когда же мы встрѣчались—все на той же лѣстницѣ, разумеется — онъ такъ молча поклонится, такъ серьезно, какъ-будто и говорить не хочетъ, и ужъ сойдетъ совсѣмъ на крыльцо, а я все еще стою на половинѣ лѣстницы, красная, какъ вишня, потому-что у меня вся кровь начала бросаться въ голову, когда я съ нимъ повстрѣчаюсь.

«Теперь сейчасъ и конецъ. Ровно годъ тому, въ маѣ мѣсяцѣ, жилецъ къ намъ приходитъ и говоритъ бабушкѣ, что онъ выхлопоталъ здѣсь совсѣмъ свое дѣло и что должно ему опять уѣхать на годъ въ Москву. Я какъ услышала, поблѣднѣла и упала на стулъ какъ мертвая. Бабушка ничего не замѣтила, а онъ, объявивъ, что уѣзжаетъ отъ насъ, откланялся намъ и ушелъ.

«Что мнѣ дѣлать? Я думала, думала, тосковала, тосковала, да наконецъ и рѣшилась. Завтра ему уѣзжать, а я порѣшила, что все кончу вечеромъ, когда бабушка уйдетъ спать. Такъ и случилось. Я навязала въ узелокъ все, что было платьевъ, сколько нужно бѣлья, и съ узелкомъ въ рукахъ, ни жива, ни мертва, пошла въ мезонинъ къ нашему жильцу. Думаю, я шла цѣлый часъ по лѣстницѣ. Когда же отворила къ нему дверь, онъ такъ и вскрикнулъ на меня глядя. Онъ думалъ, что я привидѣніе, и бросился мнѣ воды подать, потому-что я една стояла на ногахъ. Сердце такъ билось, что въ головѣ больно было, и разумъ мой помутился. Когда же я очнулась, то начала прямо тѣмъ, что положила свой узелокъ къ нему на постель, сама сѣла подлѣ, закрылась руками и заплакала въ три ручья. Онъ, кажется, мнѣ все понималъ и стоялъ передо мной блѣдный и такъ грустно глядѣлъ на меня, что во мнѣ сердце надорвало.

— «Послушайте, началъ онъ:—послушайте, Настенька, я ничего не могу; я человѣкъ бѣдный; у

меня покамѣстъ нѣтъ ничего, даже мѣста порядочнаго; какъ же мы будемъ жить, еслибъ я и женился на васъ?»

«Мы долго говорили, но я наконецъ приняла въ изступленіе, сказала, что не могу жить у бабушки, что уѣду отъ нея, что не хочу, чтобъ меня булавкой прищипливали, и что я, какъ онъ хочетъ, поѣду съ нимъ въ Москву, потому-что безъ него жить не могу. И стыдъ, и любовь, и гордость—все разомъ говорило во мнѣ, и я чуть не въ судорогахъ упала на постель. Я такъ боялась отказа!

«Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, потомъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— «Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! началъ онъ тоже сквозь слезы: — послушайте. Клянусь вамъ, что если когда-нибудь я буду въ состояніи жениться, то непременно вы составите мое счастье; уѣзжаю, теперь только одинъ вы можете составить мое счастье. Слушайте: я ѣду въ Москву и пробуду тамъ ровно годъ. Я надѣюсь устроить дѣла свои. Когда вернусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вамъ, мы будемъ счастливы. Теперь же невозможно, я не могу, я не въ правѣ хотѣть что-нибудь обѣщать. Но повторяю, если черезъ годъ это не сдѣлается, то хотѣю когда-нибудь непременно будетъ; разумѣется—въ томъ случаѣ, если вы не предпочтете мнѣ другаго, потому-что связывать васъ какимъ-нибудь словомъ я не могу и не смѣю.

«Вотъ, что онъ сказалъ мнѣ и на завтра уѣхалъ. Положено было сообщать бабушкѣ не говорить объ этомъ ни слова. Такъ онъ захотѣлъ. Ну, вотъ, теперь почти и кончена вся моя исторія. Прошелъ ровно годъ. Онъ пріѣхалъ, онъ ужъ здѣсь цѣлые три дня и, и...»

— И что же? закричалъ я въ нетерпѣніи услышать конецъ.

— И до сихъ-поръ не являлся! отвѣчала Настенька, какъ-будто собираясь съ силами: — ни слуху, ни духу...

Тутъ она остановилась, помолчала немного, опустила голову и вдругъ, закрывшись руками, зарыдала такъ, что во мнѣ сердце перевернулось отъ этихъ рыданій.

Я никакъ не ожидалъ подобной развязки.

— Настенька! началъ я робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — Настенька! ради Бога, не плачь! Почему вы знаете? можетъ-быть, его еще нѣтъ...

— Здѣсь, здѣсь! подхватила Настенька. — Онъ здѣсь, я это знаю. У насъ было условіе, тогда еще, въ тотъ вечеръ, наканунѣ отъѣзда: когда уже мы сказали все, что я вамъ пересказала, и условились, мы вышли сюда гулять, именно на эту набережную. Было десять часовъ; мы сидѣли на этой скамейкѣ; я уже не плакала, мнѣ было сладко слушать то, что онъ говорилъ... Онъ сказалъ, что тотчасъ же по пріѣздѣ придетъ къ намъ, и если я не откажусь отъ него, то мы

скажемъ обо всемъ бабушкѣ. Теперь онъ пріѣхалъ, я это знаю, и его нѣтъ, нѣтъ!

И она снова ударилась въ слезы.

— Боже мой! Да развѣ никакъ нельзя помочь горю? закричалъ я, вскочивъ со скамейки въ совершенномъ отчаяніи. Скажите, Настенька, нельзя ли будетъ хоть мнѣ сходить къ нему?..

— Развѣ это возможно? сказала она, вдругъ поднявъ голову.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! замѣтилъ я, спохватившись.—А вотъ что: напишите письмо.

— Нѣтъ, это невозможно, это нельзя! отвѣчала она рѣшительно, но уже потупивъ голову и не смотря на меня.

— Какъ нельзя? отъ-чего жъ нельзя? продолжалъ я, ухватившись за свою идею.—Но, знаете, Настенька, какое письмо! Письмо письму рознь и... Ахъ, Настенька, это такъ! Вѣрьтесь мнѣ, вѣрьтесь! Я вамъ не дамъ дурнаго совѣта. Все это можно устроить! Вы же начали первый шагъ—отъ чего же теперь...

— Нельзя, нельзя! Тогда я какъ-будто навязываюсь...

— Ахъ, дѣвчонка моя Настенька! перебилъ я, не скрывая улыбки:—нѣтъ же, нѣтъ; вы, наконецъ, въ правѣ, потому-что онъ вамъ общался. Да и по всему я вижу, что онъ человекъ деликатный, что онъ поступилъ хорошо, продолжалъ я все болѣе и болѣе восторгаясь отъ логичности собственныхъ доводовъ и убѣждений:—онъ какъ поступилъ? Онъ себя связалъ общаніемъ. Онъ сказалъ, что ни на комъ не женится кромѣ васъ, если только женится; вамъ же онъ оставилъ полную свободу хоть сей-часъ отъ него отказаться... Въ такомъ случаѣ, вы можете сдѣлать первый шагъ, вы имѣете право, вы имѣете передъ нимъ преимущество, хоть бы, напримѣръ, еслибъ захотѣли развязать его отъ даннаго слова...

— Послушайте, вы какъ бы написали?

— Что?

— Да это письмо.

— Я бы вотъ какъ написалъ:

Милостивый государь.

— Это такъ непремѣнно нужно — милостивый государь?

— Непремѣнно! Впрочемъ отъ-чего жъ я думаю...

— Ну, ну! дальше!

«Милостивый государь!

«Извините, что я...» Впрочемъ, нѣтъ, не нужно никакихъ извиненій! Тутъ самый фактъ все оправдываетъ; пишите просто:

«Я пишу къ вамъ. Простите мнѣ мое нетерпѣніе; но я цѣлый годъ была счастлива надеждой; виновата ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнѣнія? Теперь, когда уже вы пріѣхали, можетъ-быть, вы уже измѣнили свои намѣренія. Тогда это письмо скажетъ вамъ, что я не роюсь и не обвиняю васъ. Я не обвиняю васъ за то, что не властна надъ вашимъ сердцемъ; такова ужъ судьба моя!

«Вы благородный человекъ. Вы не улыбнетесь и не подосаждаете на мои петербургскія строки. Вспомните, что ихъ пишетъ бѣдная дѣвушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посовѣтовать ей, и что она никогда не умѣла сама совладѣть съ своимъ сердцемъ. Но простите меня, что въ мою душу хотя на одинъ мигъ закралось сомнѣніе. Вы неспособны даже и мысленно обидѣть ту, которая васъ такъ любила и любитъ».

— Да, да! это точно такъ, какъ я думала! закричала Настенька, и радость засіяла въ глазахъ ея. — О! вы разрѣшили мои сомнѣнія, васъ мнѣ самъ Богъ послалъ! Благодарю, благодарю васъ!

— За что? за то, что меня Богъ послалъ? отвѣчалъ я, глядя въ восторгѣ на ея радостное личико.

— Да, хоть за то.

— Ахъ, Настенька! Вѣдь благодаримъ же мы иныхъ людей хоть за то, что они живутъ вмѣстѣ съ нами. Я благодарю васъ за то, что вы мнѣ встрѣтились, за то, что цѣлый вѣкъ мой буду васъ помнить!

— Ну, довольно, довольно! А теперь вотъ что, слушайте-ка: тогда было условіе, что какъ-только пріѣдетъ онъ, такъ тотчасъ дастъ знать о себѣ тѣмъ, что оставитъ мнѣ письмо въ одномъ мѣстѣ у однихъ моихъ знакомыхъ, добрыхъ и простыхъ людей, которые ничего объ этомъ не знаютъ; или если нельзя будетъ написать ко мнѣ письма, за тѣмъ, что въ письмѣ не всегда все расскажешь, то онъ, въ тотъ же день, какъ пріѣдетъ, будетъ сюда ровно въ десять часовъ, гдѣ мы и положили съ нимъ встрѣтиться. О пріѣздѣ его я уже знаю; но вотъ уже третій день нѣтъ ни письма, ни его. Уйти мнѣ отъ бабушки поутру никакъ нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тѣмъ добрымъ людямъ, о которыхъ я вамъ говорила: они уже перешлютъ; а если будетъ отвѣтъ, то сами вы принесете его вечеромъ въ десять часовъ.

— Но письмо, письмо! Вѣдь прежде нужно письмо написать! Такъ развѣ послѣ-завтра все это будетъ.

— Письмо... отвѣчала Настенька, немного смѣшавшись:—письмо... но...

Но она не договорила. Она сначала отвернула отъ меня свое личико, покраснѣла какъ роза, и вдругъ я почувствовалъ на моей рукѣ письмо, по-видимому уже давно написанное, совсѣмъ приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, граціозное воспоминаніе пронеслось въ моей головѣ!

— R, o—Ro, s, i—si, n, a—na, началъ я.

Rosina! заплѣли мы оба, я чуть не обнимая ее отъ восторга, она покраснѣвъ, какъ только могла покраснѣть и смѣясь сквозь слезы, которыя какъ жемчуженки дрожали на ея черныхъ рѣсницахъ.

— Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! сказала она скороговоркой. — Вотъ вамъ письмо, вотъ и адресъ, куда снести его. Прощайте! до свиданія! до завтра!

Она крѣпко сжала мнѣ обѣ руки кивнула головой и мелькнула какъ стрѣлка въ свой переулокъ. Я долго стоялъ на мѣстѣ, провожая ее глазами.

— До завтра! до завтра! пронеслось въ моей головѣ, когда она скрылась изъ глазъ моихъ.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Сегодня былъ день печальный, дождливый, безъ просвѣта, точно будущая старость моя. Меня тѣснятъ такіа странныя мысли, такіа темныя ощущенія, такіе еще неясные для меня вопросы толпятся въ моей головѣ—а какъ-то нѣтъ ни силы, ни хотѣнія ихъ разрѣшить. Не мнѣ разрѣшить всеэто!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туманъ. Я сказалъ, что завтра будетъ дурной день; она не отвѣчала, она не хотѣла противъ себя говорить; для нея этотъ день и свѣтель и ясенъ, и ни одна тучка не застелетъ ея счастья.

— Ко.п будетъ дождь, мы не увидимся! сказала она:—я не приду.

Я думалъ, что она и не замѣтила сегодняшняго дождя, а между тѣмъ, не пришла.

Вчера было наше третье свиданіе, наша третья бѣлая ночь...

Однако, какъ радость и счастье дѣлають человека прекраснымъ! какъ кипитъ сердце любовью! Кажется, хочешь излить все свое сердце въ другое сердце. хочешь, чтобъ все было весело, все смѣялось. И какъ заразительна эта радость! Вчера въ ея словахъ было столько нѣги, столько доброты ко мнѣ въ сердцѣ... Какъ она ухаживала за мной, какъ ласкалась ко мнѣ, какъ ободряла и нѣжила мое сердце! О, сколько кокетства отъ счастья! А я... Я принималъ все за чистую монету; я думалъ, что она...

Но, Боже мой, какъ же могъ я это думать? какъ же могъ я быть такъ слѣпъ, когда уже все взято другимъ, все не мое; когда наконецъ, даже эта самая нѣжность ея, ея забота, ея любовь... да любовь ко мнѣ—была не что иное, какъ радость о скоромъ свиданіи съ другимъ, желаніе навязать п мнѣ свое счастье?... Когда онъ не пришелъ, когда мы прождали напрасно, она же нахмурилась, она же заробѣла и струсилла. Всѣ движенія ея, всѣ слова ея уже стали не такъ легки, игривы и веселы. И, странное дѣло—она удвоила ко мнѣ свое вниманіе, какъ-будто инстинктивно желая на меня излить то, чего сама желала себѣ, за что сама боялась, еслбъ оно не сбылось. Моя Настенька какъ оробѣла, такъ перепугалась, что, кажется, поняла наконецъ, что я люблю ее, и сжалилась надъ моей бѣдной любовью. Такъ, когда мы несчастны, мы сильнѣе чувствуемъ несчастье другихъ; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

Я пришелъ къ ней съ полнымъ сердцемъ и едва дождался свиданія. Я не предчувствовалъ того,

что буду теперь ощущать, не предчувствовалъ, что все это не такъ кончится. Она сіяла радостью, она ожидала отвѣта. Отвѣтъ былъ онъ самъ. Онъ долженъ былъ придти, прибѣжать на ея зовъ. Она пришла раньше меня цѣлымъ часомъ. Сначала она всему хохотала, всякому слову моему смѣялась. Я началъ было говорить, и умолкъ.

— Знаете ли, отъ-чего я такъ рада? сказала она:— такъ рада на васъ смотрѣть? такъ люблю васъ сегодня?

— Ну? спросилъ я, и сердце мое задрожало.

— Я отъ-того люблю васъ, что вы не влюбился въ меня. Вѣдь вотъ иной, на нашемъ мѣстѣ, сталъ бы безпокоить, приставать. разохался бы, разболѣлся, а вы такой милый!

Тутъ она такъ сжала мою руку, что я чуть не закричалъ. Она сасмѣялась.

— Боже! какой вы другъ! начала она черезъ минуту очень-серьезно. — Да васъ Богъ мнѣ послалъ! Ну, что бы со мной было, еслбъ васъ со мной теперь не было? Какой вы безкорыстный! Какъ хорошо вы меня любите! Когда я выйду замужъ, мы будемъ очень-дружны, больше, чѣмъ какъ братья. Я буду васъ любить почти такъ, какъ его...

Мнѣ стало какъ-то ужасно грустно въ это мгновеніе; однакожъ, что-то похожее на смѣхъ зашевелилось въ душѣ моей.

— Вы въ припадкѣ, сказалъ я:—вы трусите; вы думаете, что онъ не придетъ.

— Богъ съ вами! отвѣчала она:—еслбъ я была меньше счастлива, я бы, кажется, заплакала отъ вашего невѣрія, отъ вашихъ упрековъ. Впрочемъ, вы меня навели на мысль и задали мнѣ долгую думу; но я подумаю послѣ, а теперь признаюсь вамъ, что правду вы говорите. Да! я какъ-то сама не своя; я какъ-то вся въ ожиданіи и чувствую все какъ то слишкомъ-легко. Да полноте, оставимъ про чувства!..

Въ это время послышались шаги, и въ темнотѣ показался прохожій, который шелъ къ намъ на встрѣчу. Мы оба задрожали; она чуть не вскрикнула. Я опустилъ ея руку и сдѣлалъ жестъ, какъ-будто хотѣлъ отойти. Но мы обманулись: это былъ не онъ.

— Чего вы боитесь? Зачѣмъ вы бросили мою руку? сказала она, подавая мнѣ ее опять. — Ну, что же? мы встрѣтимъ его вмѣстѣ. Я хочу, чтобъ онъ видѣлъ, какъ мы любимъ другъ друга.

— Какъ мы любимъ другъ друга! закричалъ я.

«О, Настенька, Настенька! подумалъ я: — какъ этимъ словомъ ты много сказала! Отъ такой любви, Настенька, въ иной часъ холодѣетъ на сердцѣ и становится тяжело на душѣ. Твоя рука холодная, моя горячая какъ огонь. Какая слѣпая ты, Настенька!.. О! какъ несносенъ счастливый человекъ въ иную минуту! Но я не могъ на тебя разсердиться!..»

Наконецъ, сердце мое переполнилось.

— Послушайте, Настенька! закричалъ я:—знаете, ли, что со мной было весь день?

— Ну, что, что такое? рассказывайте скорѣе! Что жъ вы до-сихъ-поръ все молчали!

— Во-первыхъ, Настенька, когда я исполнилъ всѣ ваши коммисіи, отдалъ письмо, былъ у вашихъ добрыхъ людей, потомъ... потомъ я пришелъ домой и легъ спать.

— Только-то? перебила она, засмѣявшись.

— Да, почти только-то, отвѣчалъ я скрѣпя сердце, потому-что въ глазахъ моихъ уже накинута глупая слеза.—Я проснулся за часъ до нашего свиданія, но какъ-будто и не спалъ. Не знаю, что было со мною. Я шелъ, чтобъ вамъ это все рассказать, какъ-будто время для меня остановилось, какъ-будто одно ощущеніе, одно чувство должно было остаться съ этого времени во мнѣ на вѣчно, какъ-будто одна минута должна была продолжаться цѣлую вѣчность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мнѣ казалось, что какой-то музыкальный мотивъ, давно-знакомый, гдѣ-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мнѣ. Мнѣ казалось, что онъ всю жизнь проспился изъ души моей, и только теперь...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! перебила Настенька:—какъ же это все такъ? Я не понимаю ни слова.

— Ахъ, Настенька! мнѣ хотѣлось какъ-нибудь передать вамъ это странное впечатлѣніе... началъ я жалобнымъ голосомъ, въ которомъ скрывалась еще надежда, хотя весьма-отдаленная.

— Полноте, перестаньте, полноте! заговорила она и въ одинъ мигъ она догадалась, плутовка!

Вдругъ она сдѣлалась какъ-то необыкновенно-говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня подъ руку, смѣялась, хотѣла, чтобъ и я тоже смѣялся, и каждое смущенное слово мое отзывалось въ ней такимъ звонкимъ, такимъ долгимъ смѣхомъ... Я начиналъ сердиться, она вдругъ пустилась кокетничать.

— Послушайте, начала она:—а вѣдь мнѣ немножко-досадно, что вы не влюбились въ меня. Разберите-ка послѣ этого человѣка! Но все-таки, господинъ непреклонный, вы не можете не похвалить меня за тѣ, что я такая простая. Я вамъ все говорю, все говорю, какая бы глупость ни промелькнула у меня въ головѣ.

— Слушайте! Это одиннадцать часовъ, кажется? сказалъ я, когда мѣрный звукъ колокола загудѣлъ съ отдаленной городской башни. Она вдругъ остановилась, перестала смѣяться и начала считать.

— Да, одиннадцать, сказала она наконецъ робкимъ, перѣшпительнымъ голосомъ.

Я тотчасъ же раскаялся, что напугалъ ее, заставилъ считать часы и проклялъ себя за припадокъ злости. Мнѣ стало за нее грустно, и я не зналъ, какъ искупить свое прегрѣшеніе. Я началъ ее утѣшать, выискивая причины его отсутствія, подводить разные доводы, доказательства.

Никого пельзя было легче обмануть, какъ се, въ эту минуту, да и всякій въ эту минуту какъ то радостно выслушиваетъ хоть какое бы то ни было утѣшеніе, и радъ, радъ, коли есть хоть тѣнь оправданія.

— Да и смѣшное дѣло, началъ я, все болѣе и болѣе горячась и любясь на необыкновенную ясность своихъ доказательствъ:—да и не могъ онъ придти; вы и меня обманули и завлекли, Настенька, такъ-что я и времени счетъ потерялъ... Вы только подумайте: онъ едва могъ получить письмо; положимъ, ему пельзя придти, положить, онъ будетъ отвѣчать, такъ письмо придетъ не раньше, какъ завтра. Я за нимъ завтра чѣмъ-свѣтъ схожу и тотчасъ же дамъ знать. Предположите, наконецъ, тысячу вѣроятностей: ну, его не было дома, когда пришло письмо, и онъ, можетъ-быть, его и до, сихъ поръ не читалъ? Вѣдь все можетъ случиться.

— Да, да! отвѣчала Настенька:—я и не подумала; конечно, все можетъ случиться, продолжала она самымъ сговорчивымъ голосомъ, но въ которомъ, какъ досадный диссонансъ, слышалась какая-то другая, отдаленная мысль. — Вотъ, что вы сдѣлаете продолжала она:—вы идите завтра, какъ-можно-раньше, и если получите что-нибудь, тотчасъ же дайте мнѣ знать. Вы вѣдь знаете, гдѣ я живу? И она начала повторять мнѣ свой адресъ.

Потомъ она вдругъ стала такъ нѣжна, такъ робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что я ей говорилъ; но когда я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она смолчала, смѣшалась и отвортила отъ меня голову. Я взглянулъ ей въ глаза — такъ и есть: она плакала.

— Ну, можно ли, можно ли? Ахъ, какое вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородокъ ея дрожалъ и грудь все еще колыбалась.

— Я думаю объ васъ, сказала она мнѣ послѣ минутнаго молчанія:—вы такъ добры, что я была бы каменная, еслибъ не чувствовала этого. Знаете ли, что мнѣ пришло теперь въ голову? Я васъ обоихъ сравнивала. Зачѣмъ онъ—не вы? Зачѣмъ онъ не такой, какъ вы? Онъ хуже васъ, хоть я и люблю его больше васъ.

Я не отвѣчать ничего. Она, казалось, ждала, чтобъ я сказалъ что-нибудь.

— Конечно, я, можетъ-быть, не совсѣмъ еще его понимаю, не совсѣмъ его знаю. Знаете, я какъ-будто всегда боялась его; онъ всегда былъ такой серьезный, такой какъ-будто гордый. Конечно, я знаю, что это онъ только смотритъ такъ, что въ сердцѣ его больше, чѣмъ въ моемъ, нѣжности... Я помню, какъ онъ посмотрѣлъ на меня тогда, какъ я, помните, пришла къ нему съ узелкомъ; но все-таки я его какъ-то слишкомъ уважаю, а вѣдь это какъ-будто-бы мы и неровня?

— Нѣтъ, Настенька, нѣтъ, отвѣчалъ я:—это значитъ, что вы его больше всего на свѣтѣ любите, и гораздо больше себя самой любите.

— Да, положимъ, что это такъ, отвѣчала наивная Настенька:—но знаете ли, что мнѣ пришло теперь въ голову? Только я теперь не про него буду говорить, а такъ вообще; мнѣ уже давно все это приходило въ голову. Послушайте, зачѣмъ мы всѣ не такъ, какъ-бы братья съ братьями? Зачѣмъ самый лучший человѣкъ всегда какъ-будто что-то таитъ отъ другаго и молчитъ отъ него? Зачѣмъ прямо, сейчасъ, не сказать, что есть на сердцѣ, коли знаешь, что не на вѣтеръ свое слово скажешь? А то всякій такъ смотритъ, какъ-будто онъ суровѣе, чѣмъ онъ есть на-самомъ-дѣлѣ, какъ-будто всѣ боятся оскорбить свои чувства, коли очень-скоро выкажутъ ихъ ..

— Ахъ, Настенька! правду вы говорите; да вѣдь это происходитъ отъ многихъ причинъ, перебилъ я, самъ болѣе чѣмъ когда-нибудь въ эту минуту стѣснявшій свои чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она съ глубокимъ чувствомъ. — Вотъ, вы напримѣръ, не таковы, какъ другіе! Я, право, не знаю, какъ бы вамъ это рассказать, что я чувствую; но мнѣ кажется, вы вотъ, напримѣръ... хоть бы теперь... мнѣ кажется вы чѣмъ-то для меня жертвуете, прибавила она робко, мелькомъ взглянувъ на меня.—Вы меня простите, если я вамъ такъ говорю: я вѣдь простая дѣвушка; я вѣдь мало еще видѣла на свѣтѣ, и право, не умѣю иногда говорить, прибавила она голосомъ, дрожащимъ отъ какого-то затаеннаго чувства и стараясь, между-тѣмъ, улыбнуться: — по мнѣ только хотѣлось сказать вамъ, что я благодарна, что я тоже все это чувствую... О, дай вамъ Богъ за это счастья! Вотъ то, что вы мнѣ рассказали тогда о вашемъ мечтателѣ, совершенно неправда, то-есть, я хочу сказать, совсѣмъ до васъ не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ какъ сами себя описали. Если вы когда-нибудь полюбите, то дай вамъ Богъ счастья съ нею! А ей я ничего не желаю, потому-что она будетъ счастлива съ вами. Я знаю, я сама женщина, и вы должны мнѣ вѣрить, если я вамъ такъ говорю...

Она замолкла и крѣпко пожала руку мнѣ. Я тоже не могъ ничего говорить отъ волненія. Прошло нѣсколько минутъ.

— Да, видно, что онъ не придетъ сегодня! сказала она наконецъ, поднявъ голову.—Поздно!..

— Онъ придетъ завтра, сказалъ я самымъ увѣрительнымъ и твердымъ голосомъ.

— Да, прибавила она, развеселившись:—я сама теперь вижу, что онъ прійдетъ только завтра. Ну, такъ до свиданья! до завтра! Если будетъ дождь, я, можетъ-быть, не приду. Но послѣ завтра я приду, непременно приду, что бы со мной ни было; будьте здѣсь непременно; я хочу васъ видѣть, я вамъ все расскажу.

И потомъ, когда мы прощались, она подала мнѣ руку и сказала, ясно взглянувъ на меня:

— Вѣдь мы теперь навсегда вмѣстѣ, не правда ли?

О! Настенька, Настенька! Еслибъ ты знала, въ какомъ я теперь одиночествѣ!

Когда пробило девять часовъ, я не могъ успѣть въ комнатѣ, одѣлся и вышелъ, не смотря на ненастное время. Я былъ тамъ, сидѣлъ на нашей скамейкѣ. Я было-пошелъ въ ихъ переулочъ, но мнѣ стало стыдно, и я воротился, не взглянувъ на ихъ окна, не дойдя двухъ шаговъ до ихъ дома. Я пришелъ домой въ такой тоскѣ, въ какой никогда не бывалъ. Какое сырое, скучное время! Еслибъ была хорошая погода, я бы прогулялъ тамъ всю ночь...

Но до завтра, до завтра! Завтра она мнѣ все расскажетъ.

Однако, письма сегодня не было. Но, впрочемъ, такъ и должно было быть. Они уже вмѣстѣ...

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Боже, какъ все это кончилось! Чѣмъ все это кончилось!

Я пришелъ въ девять часовъ. Она была уже тамъ. Я еще издали замѣтилъ ее; она стояла, какъ тогда, въ первый разъ, облокотясь на перила набережной и не слыхала, какъ я пошелъ къ ней.

— Настенька! окликнулъ я ее, черезъ силу подавляя свое волненіе.

Она быстро обернулась ко мнѣ.

— Ну! сказала она:—ну! поскорѣе!

Я смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, гдѣ же письмо! Вы принесли письмо? повторила она, схватившись рукой за перила.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ письма, сказалъ я наконецъ:—развѣ онъ еще не былъ?

Она страшно поблѣднѣла и долгое время смотрѣла на меня неподвижно. Я разбилъ послѣднюю ея надежду.

— Ну, Богъ съ нимъ! проговорила она наконецъ прерывающимся голосомъ: — Богъ съ нимъ, если онъ такъ оставляетъ меня.

Она опустила глаза, потомъ хотѣла взглянуть на меня, но не могла. Еще нѣсколько минутъ она пересиливала свое волненіе, но вдругъ отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

— Полноте, полноте! заговорила-было я, но у меня силъ не достало продолжать на нее глядя, да и что бы я сталъ говорить?

— Не утѣшайте меня, говорила она плача:—не говорите про него, не говорите, что онъ придетъ, что онъ не бросилъ меня такъ жестоко, такъ безчеловѣчно, какъ онъ это сдѣлалъ. За что, за что? Не-уже-ли что-нибудь было въ моемъ письмѣ, въ этомъ несчастномъ письмѣ?..

Тутъ рыданія пресѣкли ея голосъ; у меня сердце разрывалось на нее глядя.

— О, какъ это безчеловѣчно-жестоко! начала она снова.

— И ни строчки, ни строчки! Хотъ бы отвѣ-

чалъ, что я ненужна ему, что онъ отвергаетъ меня; а то ни одной строчки въ цѣлыя три дня! Какъ легко ему оскорбить, обидѣть бѣдную, беззащитную дѣвушку, которая тѣмъ и виновата, что любить его! О, сколько я вытерѣла въ эти три дня! Боже мой! Боже мой! Какъ вспомню, что я пришла къ нему въ первый разъ сама, что я передъ нимъ унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И послѣ этого!.. Послушайте, заговорила она, обращаясь ко мнѣ, и черные глазки ея засверкали: — да это не такъ! Это не можетъ быть такъ; это ненатурально! Или вы или я обманулись; можетъ-быть, онъ письма не получалъ? Можетъ-быть, онъ до-сихъ-поръ ничего не знаетъ? Какъ же можно, судите сами, скажите мнѣ, ради Бога, объясните мнѣ—я этого не могу понять—какъ можно такъ варварски-грубо поступить, какъ онъ поступилъ со мною! Ни одного слова! Но къ послѣднему человѣку на свѣтѣ бывають сострадательнѣе. Можетъ-быть, онъ что-нибудь слышалъ, можетъ-быть, кто-нибудь ему насказалъ обо мнѣ? закричала она, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ. Какъ, какъ вы думаете?

— Слушайте, Настенька, я пойду завтра къ нему отъ вашего имени.

— Ну!

— Я спрошу его обо всемъ, расскажу ему все.

— Ну, ну!

— Вы напишите письмо. Не говорите нѣтъ, Настенька, не говорите нѣтъ! Я заставлю его уважать вашъ поступокъ, онъ все узнаетъ, и если...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, перебила она. — Довольно! Больше ни слова, ни одного слова отъ меня, ни строчки — довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по... за... буду...

Она не договорила.

— Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здѣсь, Настенька, сказалъ я, усаживая ее на скамейку.

— Да я спокойна. Полноте! Это такъ! Это слезы, это просохнеть! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

Сердце мое было полно; я хотѣлъ-было заговорить, но не могъ.

— Слушайте! продолжала она, взявъ меня за руку;—скажите: вы бы не такъ поступили? вы бы не бросили той, которая бы сама къ вамъ пришла, вы бы не бросили ей въ глаза безстыдной насмѣшки надъ ея слабымъ, глупымъ сердцемъ? Вы поберегли бы ее? Вы бы представили себѣ, что она была одна, что она не умѣла усмотрѣть за собой, что она не умѣла себя уберечь отъ любви къ вамъ, что она невиновата, что она, наконецъ, невиновата... что она ничего не сдѣлала..! О, Боже мой, Боже мой...

— Настенька! закричалъ я, наконецъ не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе.— Настенька! вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я долженъ наконецъ говорить, высказать, что у меня накопило тутъ въ сердцѣ...

Говоря это, я привсталъ со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрѣла на меня въ удивленіи.

— Что съ вами? проговорила она наконецъ.

— Слушайте! сказалъ я рѣшительно.— Слушайте меня, Настенька! Что я буду теперь говорить, все вздоръ все несбыточно, все глупо! Я знаю, что этого никогда не можетъ случиться, но не могу же я молчать. Именемъ того, чѣмъ вы теперь страдаете, заранѣе молю васъ, простите меня!..

— Ну, что, что? говорила она, переставъ плакать и пристально смотря на меня, тогда-какъ странное любопытство блистало въ ея удивленныхъ глазкахъ:— что съ вами?

— Это несбыточно, но я васъ люблю, Настенька! вотъ что! Ну, теперь все сказано! сказалъ я, махнувъ рукой. — Теперь вы увидите, можете ли вы такъ говорить со мной, какъ сейчасъ говорили, можете ли вы, наконецъ, слушать то, что я буду вамъ говорить...

— Ну, что жъ, что же? перебила Настенька:— что жъ изъ этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мнѣ все казалось, что вы меня такъ, просто, какъ-нибудь любите... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь... я точно такъ же, какъ вы, когда вы пришли къ нему тогда съ вашимъ узелкомъ. Хуже, чѣмъ какъ вы, Настенька, потому что онъ тогда никого не любилъ, а вы любите.

— Что это вы мнѣ говорите! Я, наконецъ, васъ совсѣмъ не понимаю. Но послушайте, зачѣмъ же это, т. е. не зачѣмъ, а почему же это вы такъ, и такъ вдругъ... Боже! я говорю глупости! Но вы..

И Настенька совершенно смѣшалась. Щеки ея вспыхнули; она опустила глаза.

— Что жъ дѣлать, Настенька, что жъ мнѣ дѣлать? я виноватъ, я употребилъ во зло... Но нѣтъ же, нѣтъ, не виноватъ я, Настенька; я это слышу, чувствую, потому-что мое сердце мнѣ говоритъ, что я правъ, потому-что я васъ ни чѣмъ не могу обидѣть, ни чѣмъ оскорбить! Я былъ другъ вашъ; ну, вотъ я и теперь другъ; я ничему не измѣнялъ. Вотъ у меня теперь слезы текутъ, Настенька. Пусть ихъ текутъ, пусть текутъ—онѣ ни кому не мѣшаютъ. Онѣ высохнуть, Настенька...

— Да сядьте же, сядьте, сказала она, сажая меня на скамейку: —охъ, Боже мой!

— Нѣтъ! Настенька, я не сяду; я уже болѣе не могу быть здѣсь, вы уже меня болѣе не можете видѣть; я все скажу и уйду. Я только хочу сказать, что вы бы никогда не узнали, что я васъ люблю. Я бы сохранилъ свою тайну. Я бы не сталъ васъ терзать теперь, въ эту минуту, моимъ эгоизмомъ. Нѣтъ! но я не могъ теперь вытерпѣть; вы сами заговорили объ этомъ, вы виноваты, вы во всемъ виноваты, а я не виноватъ. Вы не можете прогнать меня отъ себя...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, я не отгоняю васъ, нѣтъ!

говорила Настенька, скрывая какъ только могла свое смущеніе, бѣдненькая.

— Вы меня не гоните? нѣтъ! а я было самъ хотѣлъ бѣжать отъ васъ. И я уйду, только я все скажу сначала, потому что, когда вы здѣсь говорили, я не могъ усидѣть, когда вы здѣсь плакали, когда вы терзались отъ-того, ну отъ-того(ужъ я назову это, Настенька), отъ-того что васъ отвергаютъ, отъ-того, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовалъ, я услышалъ, что въ моемъ сердцѣ столько любви для васъ, Настенька, столько любви!.. И мнѣ стало такъ горько, что я не могу помочь вамъ этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я — не могъ молчать, я долженъ былъ говорить Настенька, я долженъ былъ говорить!..

— Да, да! говорите мнѣ, говорите со мною такъ! сказала Настенька съ неизъяснимымъ движеніемъ. Вамъ, можетъ быть, страшно, что я съ вами такъ говорю, но... говорите! я вамъ послѣ скажу! я вамъ все расскажу!

— Вамъ жалъ меня, Настенька; вамъ просто жалъ меня, дружокъ мой! Ужъ что пропало, то пропало! ужъ что сказано, того не воротить! Не такъ ли? Ну, такъ вы теперь знаете все. Ну, вотъ это точка отправленія. Ну, хорошо! теперь все это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидѣли и плакали, я про себя думалъ (охъ, дайте мнѣ сказать, что я думалъ!), я думалъ, что (ну, ужъ, конечно, этого не можетъ быть, Настенька), я думалъ, что вы... я думалъ, что вы какъ нибудь тамъ... ну, совершенно постороннимъ какимъ нибудь образомъ, ужъ больше его не любите. Тогда—я это и вчера и третьяго дня уже думалъ, Настенька — тогда я бы сдѣлалъ такъ, я бы непременно сдѣлалъ такъ, что вы бы меня полюбили: вѣдь вы сказали, вѣдь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсѣмъ полюбили. Ну, что жъ дальше? Ну, вотъ почти и все, что я хотѣлъ сказать; остается только сказать, что бы тогда было, еслибъ вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте же, другъ мой—потому что вы все-таки мой другъ—я, конечно, человекъ простой, бѣдный, такой незначительный, только не въ томъ дѣло (я какъ-то все не про то говорю, это отъ смущенія, Настенька), а только я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ, что еслибъ вы еще и любили его, и продолжали любить того, котораго я не знаю, то все-таки не замѣтили бы, что моя любовь какъ нибудь тамъ для васъ тяжела. Вы бы только слышали, вы бы только чувствовали каждую минуту, что подлѣ васъ бьется благодарное, благодарное сердце, горячее сердце, которое за васъ... Охъ, Настенька, Настенька! что вы со мной сдѣлали!..

— Не плачьте же, я не хочу, чтобъ вы плакали, сказала Настенька, быстро вставая со скамейки: — пойдемте, встаньте, пойдемте со мной, не плачьте же, не плачьте, говорила она, утирая мои слезы своимъ платкомъ: — ну, пойдемте теперь; я вамъ, можетъ быть, скажу что нибудь... Да, ужъ

коли теперь онъ оставилъ меня, коль онъ позабылъ меня, хотя я еще и люблю его (не хочу васъ обманывать)... но, послушайте, отвѣчайте мнѣ. Еслибъ я, напримѣръ, васъ полюбила, т. е. еслибъ я только... Охъ, другъ мой, другъ мой! какъ я подумаю, какъ подумаю, что я васъ оскорбляла тогда, что смѣялась надъ вашей любовью, когда васъ хвалила за то, что вы не влюбились!... О, Боже! да какъ же я этого не предвидѣла, какъ я не предвидѣла, какъ я была такъ глупа, ну, ну, я рѣшилась, я все скажу...

— Послушайте, Настенька, знаете что? я уйду отъ васъ, вотъ что! Просто, я васъ только мучаю. Вотъ у васъ теперь угрызенія совѣсти за то, что вы насмѣхались, а я не хочу, да, не хочу, чтобъ вы, кромѣ вашего горя... я, конечно, виноватъ, Настенька, но прощайте!

— Стойте, выслушайте меня: вы можете ждать?

— Чего ждать, какъ?

— Я его люблю; но это пройдетъ, это должно пройти, это не можетъ не пройти; ужъ пройдетъ, я слышу... Почему знать, можетъ быть, сегодня же кончится, потому что я его ненавижу, потому что онъ надо мной насмѣялся, тогда какъ вы плакали здѣсь вмѣстѣ со мною, потому-то вы не отвергли бы меня, какъ онъ, потому что вы любите, а онъ не любилъ меня, потому что я васъ, наконецъ люблю сама... да, люблю! люблю, какъ вы меня любите; я же вѣдь сама еще прежде вамъ это сказала, вы сами слышали — потому люблю, что вы лучше его, потому что вы благороднѣе его, потому, потому, что онъ...

Волненіе бѣднѣжки было такъ сильно, что она не докончила, положила свою голову мнѣ на плечо, потомъ на грудь и горько заплакала. Я утѣшалъ, уговаривалъ ее, но она не могла перестать; она все жала мнѣ руку и говорила между рыданьями: «Подождите, подождите; вотъ, я сейчасъ перестану! Я вамъ хочу сказать... вы не думайте, чтобъ эти слезы—это такъ отъ слабости, подождите, пока пройдетъ...» Наконецъ, она перестала, отерла слезы, и мы снова пошли. Я было хотѣлъ говорить, но она долго еще все просила меня подождать. Мы замолчали... Наконецъ, она собралась съ духомъ и начала говорить...

— Вотъ что, начала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ вдругъ зазвенѣло что-то такое, что вонзилось мнѣ прямо въ сердце и сладко запыло въ немъ:—не думайте, что я такъ непостоянна и вѣтренна, не думайте, что я могу такъ легко и скоро позабыть, и измѣнить... Я цѣлый годъ его любила, и Богомъ клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему невѣрна. Онъ презрѣлъ это; онъ насмѣялся надо мною, Богъ съ нимъ! Но онъ уязвилъ меня и оскорбилъ мое сердце. Я — я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимаетъ меня, что благородно; потому что я сама такова, и онъ не достоинъ меня — ну, Богъ съ нимъ! Онъ лучше сдѣлалъ, чѣмъ когда бы я по-

томъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ и узнала, кто онъ таковъ... Ну, конечно! Но почему знать, добрый другъ мой, продолжала она, пожимая мнѣ руку:—почему знать, можетъ быть и вся любовь моя была обманъ чувствъ, воображенія, можетъ быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была подъ надзоромъ у бабушки? Можетъ быть, я должна любить другаго, а не его, не такого человѣка, другаго, который пожалѣлъ бы меня и, и... Ну, оставимъ, оставимъ это, перебила Настенька, задыхаясь отъ волненія:—я вамъ только хотѣла сказать... я вамъ хотѣла сказать, что если, не смотря на то, что я люблю его (нѣтъ, любила его), если не смотря на то, вы еще скажете... если вы чувствуете, что ваша любовь такъ велика, что можетъ, наконецъ, вытѣснить изъ моего сердца прежнюю... если вы захотите сжалиться надо мною, если вы не захотите меня оставить одну въ моей судьбѣ, безъ утѣшенія, безъ надежды, если вы захотите любить меня всегда, какъ теперь меня любите, то клянусь, что благодарность... что любовь моя будетъ, наконецъ, достойна вашей любви... Возьмете ли вы теперь мою руку?

— Настенька, закричалъ я, задыхаясь отъ рыданій:—Настенька!... О, Настенька!...

— Ну, довольно, довольно! ну, теперь совершенно довольно! заговорила она, едва пересиливая себя:—ну, теперь уже все сказано; не правда ли? такъ? Ну, и вы счастливы и я счастлива; ни слова же объ этомъ больше; подождите; пощадите меня... Говорите о чемънибудь другомъ, ради Бога!...

— Да, Настенька, да! довольно объ этомъ, теперь я счастлива, я... Ну, Настенька, ну, заговоримъ о другомъ, поскорѣе, поскорѣе заговоримъ; да! я готовъ...

И мы не знали, что говорить, мы смѣялись, мы плакали, мы говорили тысячи словъ безъ связи и мысли; мы то ходили по тротуару, то вдругъ возвращались назадъ и пускались переходить черезъ улицу; потомъ останавливались и опять переходили на набережную; мы были какъ дѣти...

— Я теперь живу одинъ, Настенька, заговорилъ я:—а завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, бѣденъ, у меня всего тысяча двѣсти, но это ничего...

— Разумѣется, нѣтъ, а у бабушки пенсіонъ; такъ она насъ не стѣснитъ. Нужно взять бабушку.

— Конечно, нужно взять бабушку... Только, вотъ Матрена...

— Ахъ, да и у насъ тоже Оекла!

— Матрена добрая, только одинъ недостатокъ: у ней нѣтъ воображенія, Настенька, совершенно никакого воображенія; но это ничего!..

— Все равно; онѣ обѣ могутъ быть вмѣстѣ; только вы завтра къ намъ переѣзжайте.

— Какъ это? къ вамъ! Хорошо, я готовъ...

— Да, вы наймите у насъ. У насъ, тамъ, наверху, мезонинъ; онъ пустой; жилища была, ста-

рушка, дворянка, она съѣхала, и бабушка, я знаю, хочетъ молодаго человѣка пустить; я говорю: зачѣмъ же молодаго человѣка? А она говоритъ: да такъ, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замужъ сосватать. Я и догадалась, что это для того...

— Ахъ, Настенька!..

И оба мы засмѣялись.

— Ну, полноте же, полноте. А гдѣ же вы живете? я и забыла.

— Тамъ у — скаго моста, въ домѣ Бараникова.

— Это такой большой домъ?

— Да, такой большой домъ.

— Ахъ, знаю, хорошій домъ; только вы, знаете, бросьте его и переѣзжайте къ намъ поскорѣе...

— Завтра же, Настенька, завтра же; я тамъ немножко долженъ за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

— А знаете, я, можетъ быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

— Ну вотъ и прекрасно... а я скоро награжденіе получу, Настенька...

— Такъ вотъ вы завтра и будете мой жилецъ...

— Да, и мы поѣдемъ въ «Севильскаго цирюльника», потому что его теперь опять дадутъ скоро.

— Да, поѣдемъ, сказала смѣясь Настенька:—нѣтъ, лучше мы будемъ слушать не «Цирюльника», а что-нибудь другое...

— Ну, хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будетъ лучше, а то я не подумалъ...

Говоря это, мы ходили оба какъ-будто въ чаду, въ туманѣ, какъ-будто сами не знали, что съ нами дѣлается. То останавливались и долго разговаривали на одномъ мѣстѣ, то опять пускались ходить и заходили Богъ-знаетъ куда, и опять смѣхъ, опять слезы... То Настенька вдругъ захочетъ домой, я не смѣю удерживать и захочу проводить ее до самаго дома; мы пускаемся въ путь, и вдругъ черезъ четверть часа находимъ себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнетъ, и снова слезинка набѣжитъ на глаза; я оробѣю, похолодѣю... Но она тутъ же жметъ мою руку и тащитъ меня снова ходить, болтать, говорить...

— Пора теперь, пора мнѣ домой; я думаю, очень поздно, сказала, наконецъ, Настенька:—полно намъ такъ ребячиться!

— Да, Настенька, только ужъ я теперь не засну; я домой не пойду.

— Я тоже, кажется, не засну; только вы проводите меня...

— Непремѣнно!

— Но ужъ теперь мы непремѣнно дойдемъ до квартиры.

— Непремѣнно, непремѣнно...

— Честное слово?... потому что вѣдь нужно же когда-нибудь воротиться домой!

— Честное слово, отвѣчалъ я смѣясь...

— Ну, пойдете!

— Пойдемте.

— Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите; вотъ это желтое облако теперь застилаетъ ее, смотрите, смотрите!.. Нѣтъ, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..

Но Настенька не смотрѣла на облако, она стояла молча, какъ вкопанная; черезъ минуту она стала какъ-то робко, тѣсно прижиматься ко мнѣ. Рука ея задрожала въ моей рукѣ; я поглядѣлъ на нее... Она оперлась на меня еще сильнѣе.

Въ эту минуту, мимо насъ, прошелъ молодой человѣкъ. Онъ вдругъ остановился, пристально посмотрѣлъ на насъ и потомъ опять сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Сердце во мнѣ задрожало...

— Настенька, сказалъ я вполголоса: кто это Настенька?

— Это онъ! отвѣчала она шопотомъ, еще блже, еще трепетнѣе прижимаясь ко мнѣ... Я едва устоялъ на ногахъ.

— Настенька! Настенька! это ты! слышался голосъ за нами, и въ ту же минуту молодой человѣкъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько шаговъ...

Боже, какой крикъ! какъ она вздрогнула! какъ она вырвалась изъ рукъ моихъ и порхнула къ нему на встрѣчу!.. Я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ какъ убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась въ его объятія, какъ вдругъ снова обернулась ко мнѣ, очутилась подлѣ меня, какъ вѣтеръ, какъ молнія, и прежде, чѣмъ успѣлъ я опомниться, обхватила мою шею обѣими руками и крѣпко, горячо поцаловала меня. Потомъ, не сказавъ мнѣ ни слова, бросилась снова къ нему, взяла его за руки и повлекла его за собою.

Я долго стоялъ и глядѣлъ имъ вслѣдъ... Наконецъ, оба они исчезли изъ глазъ моихъ.

У Т Р О.

Мои ночи кончились утромъ. День былъ не хорошій. Шелъ дождь и уныло стучалъ въ мои стекла; въ комнатѣ было темно, на дворѣ пасмурно. Голова у меня болѣла и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моимъ членамъ.

— Письмо къ тебѣ, батюшка, по городской почтѣ, почтарь принесъ, проговорила надо мною Матрена.

— Письмо! отъ кого? закричалъ я, вскакивая со стула.

— А не вѣдаю, батюшка, посмотри, можетъ тамъ и написано отъ кого.

Я сломалъ печать. Это отъ нея!

«О, простите, простите меня!» писала мнѣ Настенька, «на колѣняхъ умоляю васъ, простите меня! Я обманула и васъ и себя. Это былъ сонъ, призракъ... Я изныла за васъ сегодня; простите, простите меня!..

«Не обвиняйте меня, потому-что я ни въ чемъ не измѣнилась предъ вами; я сказала, что буду любить васъ, я и теперь васъ люблю, больше чѣмъ

люблю. О, Боже! еслибъ я могла любить васъ обоихъ разомъ! О, еслибъ вы были онъ!

— О, еслибъ онъ были вы, пролетѣло въ моей головѣ. Я вспомнилъ твои же слова, Настенька!

«Богъ видитъ, что бы я теперь для васъ сдѣлала! Я знаю, что вамъ тяжело и грустно. Я оскорбила васъ, но вы знаете — коли любишь, долго ли помнишь обиду. А вы меня любите!

«Благодарю! да! благодарю васъ за эту любовь. Потому-что въ памяти моей она напечатлѣлась какъ сладкій сонъ, который долго помнишь послѣ пробужденія; потому-что я вѣчно буду помнить тотъ мигъ, когда вы такъ братски открыли мнѣ свое сердце и такъ великодушно приняли въ даръ мое, убитое, чтобы его беречь, лелѣять, вылѣчить его... Если вы простите меня, то память объ васъ будетъ возвышена во мнѣ вѣчнымъ, благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, которое никогда не изгладится изъ души моей... Я буду хранить эту память, буду ей вѣрна, не измѣню ей, не измѣню своему сердцу: оно слишкомъ-постоянно. Оно еще вчера такъ скоро воротилось къ тому, которому принадлежало на вѣки.

«Мы встрѣтимся, вы придете къ намъ, вы насъ не оставите, вы будете вѣчно другомъ, братомъ моимъ... И когда вы увидите меня, вы подадите мнѣ руку... да? вы подадите мнѣ ее, вы простили меня, не правда ли? Вы меня любите *по прежнему*?

«О, любите меня, не оставляйте меня, потому-что я васъ такъ люблю въ эту минуту, потому-что я достойна любви вашей, потому-что я заслужу ее... другъ мой милый! На будущей недѣлѣ я выхожу за него. Онъ воротился влюбленный, онъ никогда не забывалъ обо мнѣ... Вы не разсердитесь за то, что я объ немъ написала. Но я хочу придти къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ; вы его полюбите, не правда ли?..

«Простите же, помните и любите вашу

«Настеньку.»

Я долго перечитывалъ это письмо; слезы пролились изъ глазъ моихъ. Наконецъ, оно выпало у меня изъ рукъ, и я закрылъ лицо.

— Касатикъ! а касатикъ! начала Матрена.

— Что, старуха?

— А паутину-то я всю съ потолка сняла; теперь хоть женись, гостей созывай, такъ въ ту жь пору...

Я посмотрѣлъ на Матрену... Это была еще бодрая, *молодая* старуха, но не знаю отъ чего, вдругъ она представилась мнѣ съ потухшимъ взглядомъ, съ морщинами на лицѣ, согбенная, дряхлая... Не знаю отъ чего, мнѣ вдругъ представилось, что комната моя постарѣла такъ же какъ и старуха. Стѣны и полы облиняли, все потускнѣло; паутины развелось еще больше. Не знаю отъ чего, когда я взглянулъ въ окно, мнѣ показалось, что домъ, стоявшій напротивъ, тоже одряхлѣлъ и потускнѣлъ въ свою очередь, что штукатурка на колоннахъ облупилась и осыпалась, что карнизы почернѣли и

растрескались и стѣны изъ темно-желтаго яркаго цвѣта стали пѣгія...

Или лучъ солнца, внезапно выглянувъ изъ-за тучи, опять спрятался подъ дождевое облако и все опять потускнѣло въ глазахъ моихъ; или, можетъ-быть, передо мною мелькнула такъ непривѣтно и грустно вся перспектива моего будущаго, и я уви-дѣлъ себя такимъ, какъ я теперь, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ, постарѣвшимъ, въ той же комнатѣ, такъ же одинокимъ, съ той же Матреной, которая нисколько не поумнѣла за всѣ эти годы.

Но чтобъ я помнилъ обиду мою, Настенька! Чтобъ я нагналъ темное облако на твое ясное,

безмятежное счастье, чтобъ я, горько упрекнувъ, нагналъ тоску на твое сердце, уязвилъ его тайнымъ угрызеніемъ и заставилъ его тоскливо биться въ минуту блаженства, чтобъ я измялъ хоть одинъ изъ этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ, которые ты вплела въ свои черныя кудри, когда пошла вмѣстѣ съ нимъ къ алтарю... О, никогда, никогда! Да будетъ ясно твое небо, да будетъ свѣтла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Цѣлая минута блаженства! Да развѣ этого мало хотъ бы и на всю жизнь человѣческую?..



ЧЕСТНЫЙ ВОРЪ.

(Изъ записокъ неизвѣстнаго.)

Однажды утромъ, когда я уже совсѣмъ собрался идти въ должность, вошла ко мнѣ Аграфена, моя кухарка, прачка и домоводка, и, къ удивленію моему, вступила со мной въ разговоръ.

До сихъ поръ это была такая молчаливая, простая баба, что, кромѣ ежедневныхъ двухъ словъ о томъ, чего приготовить къ обѣду, не сказала лѣтъ въ шесть почти ни слова. По крайней мѣрѣ, я болѣе ничего не слыхалъ отъ нея.

— Вотъ я, сударь, къ вамъ, начала она вдругъ:— вы бы отдали въ наемъ каморку.

— Какую каморку?

— Да вотъ, что подлѣ кухни. Извѣстно какую.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ! за тѣмъ, что пускаютъ же люди жильцовъ. Извѣстно зачѣмъ.

— Да кто ее найметъ?

— Кто найметъ! Жилецъ найметъ. Извѣстно кто.

— Да тамъ, мать моя, и кровати поставить нельзя; тѣсно будетъ. Кому жъ тамъ жить?

— Зачѣмъ тамъ жить! Только бы спать гдѣ было; а онъ на окнѣ будетъ жить.

— На какомъ окнѣ?

— Извѣстно на какомъ, будто не знаете! На томъ, что въ передней. Онъ тамъ будетъ сидѣть, шить, или что-нибудь дѣлать. Пожалуй, и на стулѣ сядетъ. У него есть стулъ; да и столъ есть; все есть.

— Кто жъ онъ такой?

— Да хорошій, бывалый человѣкъ. Я ему буду кушанье готовить. И за квартиру, за столъ буду всего три рубля серебромъ въ мѣсяцъ брать...

Наконецъ я, послѣ долгихъ усилій, узналъ, что какой-то пожилой человѣкъ уговорилъ, или какъ-то склонилъ Аграфену пустить его въ кухню, въ жильцы и въ нахлѣбники. Что Аграфенѣ пришло въ голову, тому должно было сдѣлаться; иначе, я зналъ, что она мнѣ покоя не дастъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь было не по ней, она тотчасъ же начинала задумываться, впадала въ глубокую меланхолію, и такое состояніе продолжалось недѣли двѣ или три. Въ это время портилось ку-

шанье, не досчитывалось бѣлье, полы не были вымыты, однимъ словомъ, происходило много неприятностей. Я давно замѣтилъ, что эта безсловесная женщина не въ состояніи была составить рѣшенія, установиться на какой-нибудь собственно ей принадлежащей мысли. Но ужъ если въ слабости мозгу ея какимъ-нибудь случайнымъ образомъ складывалось что-нибудь похожее на идею, на предпріятіе, то отказать ей въ исполненіи значило на нѣсколько времени морально убить ее. И потому, болѣе всего любя собственное спокойствіе, я тотчасъ же согласился.

— Есть ли, по крайней мѣрѣ, у него видъ какой-нибудь, паспортъ, или что-нибудь?

— Какъ же? извѣстно, есть. Хорошій, бывалый человѣкъ; три рубля обѣщался давать.

На другой же день, въ моей скромной, холостой квартирѣ появился новый жилецъ; но я не досадовалъ, даже про себя былъ радъ. Я вообще живу уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти нѣтъ; выхожу я рѣдко. Десять лѣтъ проживъ глухаремъ, я, конечно, привыкъ къ уединенію. Но десять, пятнадцать лѣтъ, а можетъ быть, и болѣе такого же уединенія, съ такой же Аграфеной, въ той же холостой квартирѣ— конечно, довольно-безцвѣтная перспектива! И потому лишній, смирный человѣкъ, при такомъ порядкѣ вещей— благодать небесная!

Аграфена не солгала: жилецъ мой былъ изъ бывалыхъ людей. По паспорту оказалось, что онъ изъ отставныхъ солдатъ, о чемъ я узналъ и не глядя на паспортъ, съ перваго взгляда, по лицу. Это легко узнать. Астафій Ивановичъ, мой жилецъ, былъ изъ хорошихъ между своими. Зажили мы хорошо. Но всего лучше было, что Астафій Ивановичъ подъ часъ умѣлъ рассказывать исторіи, случаи изъ собственной жизни. При всегдашней скукѣ моего житья-бытья, такой рассказчикъ былъ просто кладъ. Разъ онъ мнѣ рассказалъ одну изъ такихъ исторій. Она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Но вотъ по какому случаю произошелъ этотъ рассказъ.

Однажды я остался въ квартирѣ одинъ: и Аста-

фій и Аграфена разошлись по дѣламъ. Вдругъ я услышалъ изъ второй комнаты, что кто-то вошелъ, и, показалось мнѣ, чужой; я вышелъ: дѣйствительно, въ передней стоялъ чужой человѣкъ, малый невысокаго роста, въ одномъ сюртукѣ, не смотря на холодное осеннее время.

— Чего тебѣ?

— Чиновника Александра; здѣсь живетъ?

— Такого нѣтъ, братецъ; прощай.

— Какъ же дворникъ сказалъ, что здѣсь, проговорилъ посѣтителъ, осторожно ретируясь къ дверямъ.

— Убирайся, убирайся, братецъ; пошелъ.

На другой день послѣ обѣда, когда Астафій Ивановичъ примѣрялъ мнѣ сюртукъ, который былъ у него въ передѣлкѣ, опять кто-то вошелъ въ переднюю. Я пріотворилъ дверь.

Вчерашній господинъ, на моихъ же глазахъ, преспокойно снялъ съ вѣшалки мою бекешъ, сунулъ ее подъ мышку и пустился вонъ изъ квартиры. Аграфена все время смотрѣла на него разинувъ ротъ отъ удивленія и больше ничего не сдѣлала для защиты бекеша. Астафій Ивановичъ пустился вслѣдъ за мошенникомъ и черезъ десять минутъ воротился весь запыхавшись съ пустыми руками. Сгинулъ да пропалъ человѣкъ!

— Ну, неудача, Астафій Ивановичъ. Хорошо еще, что шинель намъ осталась! А то бы совсѣмъ посадилъ на мель, мошенникъ!

Но Астафія Ивановича все это такъ поразило, что я даже позабылъ о покражѣ на него глядя. Онъ опомниться не могъ. Поминутно бросалъ работу, которою былъ занятъ, поминутно начиналъ съизнова рассказывать дѣло, какимъ это образомъ все случилось, какъ онъ стоялъ, какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешъ, и какъ это все устроилось, что и поймать нельзя было. Потомъ опять садился за работу; потомъ опять бросалъ все, и я видѣлъ, какъ наконецъ пошелъ онъ къ дворнику рассказать и попрекнуть его, что на своемъ дворѣ такимъ дѣламъ быть попускаетъ. Потомъ воротился и Аграфену началъ бранить. Потомъ опять сѣлъ за работу и долго еще бормоталъ про себя, что вотъ, какъ это все дѣло случилось, какъ онъ тутъ стоялъ, а я тамъ, и какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ сняли бекешъ и т. д. Однимъ словомъ, Астафій Ивановичъ, хотя дѣло сдѣлать умѣлъ, однако былъ большой кропотунъ и хлопотунъ.

— Одурачили насъ съ тобой, Астафій Ивановичъ! сказалъ я ему вечеромъ, подавая ему стакапъ чая и желая отъ скуки опять вызвать рассказъ о пропавшей бекешѣ, который отъ частаго повторенія и отъ глубокой искренности рассказчика начиналъ становиться очень комическимъ.

— Одурачили, сударь! Да просто вчужѣ досадно, зло пробираетъ, хоть и не моя одежда пропала. И по моему нѣтъ гадины хуже вора на свѣтѣ. Иной хоть задаромъ беретъ, а этотъ твой трудъ, потъ, за него пролитой, время твое у те-

бя крадетъ... Гадость, тьфу! говорить не хочется, зло беретъ. Какъ это вамъ, сударь, своего добра не жалко?

— Да, оно правда, Астафій Ивановичъ; ужъ лучше стори вещь, а вору уступить досадно, не хочется.

— Да ужъ чего тутъ хочется! Конечно, вору рознь... А былъ, сударь, со мной одинъ случай, что попалъ я и на честнаго вора.

— Какъ на честнаго! Да какой же вору честный, Астафій Ивановичъ?

— Оно, сударь, правда! Какой же вору честный, и не бываетъ такого. Я только хотѣлъ сказать, что честный, кажется, былъ человѣкъ, а укралъ. Просто, жалко было его.

— А какъ это было, Астафій Ивановичъ?

— Да было, сударь, тому назадъ года два. Пришлось мнѣ тогда безъ малаго годъ быть безъ мѣста, а когда еще доживалъ я на мѣстѣ, сошелся со мной одинъ пропащій совсѣмъ человѣкъ. Такъ въ харчевнѣ сошлись. Пьянчужка такой, потаскунъ, тунѣядецъ, служилъ прежде гдѣ-то, да его за пьяную жизнь ужъ давно изъ службы выключили. Такой недостойный! ходилъ онъ ужъ Богъ-знаетъ въ чемъ! Иной разъ, такъ думаешь, есть ли рубашка у него подъ шинелью; все, что ни заведется, пропьетъ. Да не буянъ; характеромъ смиренъ, такой ласковый, добрый, и не просить, все совѣстится: ну, самъ видишь, что хочется выпить бѣднягѣ, и поднесешь. Ну, такъ-то я съ нимъ и сошелся, то есть, онъ ко мнѣ привязался... мнѣ-то все равно. И какой былъ человѣкъ! Какъ собачонка привяжется, ты туда — и онъ за тобой; а всего одинъ разъ только видѣлись, мозглякъ такой! Сначала пусти его переночевать—ну, пустил; вижу и паспортъ въ порядкѣ, человѣкъ ничего! Потомъ, на другой день, тоже пусти его ночевать, а тамъ и на третій пришелъ, цѣлый день на окнѣ просидѣлъ, тоже ночевать остался. Ну, думаю, навязался жъ онъ на меня: и пой и корми его, да еще ночевать пускай—вотъ бѣдному человѣку, да еще нахлѣбникъ на шею садится. А прежде онъ тоже, какъ и ко мнѣ, къ одному служащему хаживалъ, привязался къ нему, вмѣстѣ все пили; да тотъ спился и умеръ съ какого-то горя. А этого звали Емелей, Емельяномъ Ильичемъ. Думаю, думаю: какъ мнѣ съ нимъ быть? прогнать его—совѣстно, жалко: такой жалкій, пропащій человѣкъ, что и Господи! И безсловесный такой, не просить, сидитъ себѣ, только какъ собачонка въ глаза тебѣ смотреть! То есть, вотъ какъ пьянство человѣка испортить! Думаю про себя: какъ скажу я ему: ступай-ка ты, Емельянушка, вонъ; нечего тебѣ дѣлать у меня; не къ тому попалъ; самому скоро перекусить будетъ не чѣмъ, какъ же мнѣ держать тебя на своихъ харчахъ? Думаю, сижу, что онъ сдѣлаетъ, какъ я такое скажу ему? Ну, и вижу самъ про себя, какъ бы долго онъ глядѣлъ на меня, когда бы услышалъ мою рѣчь, какъ бы долго сидѣлъ и не понималъ ни слова, какъ бы по-

томъ, когда въ домоѣкъ бы взять, всталъ бы съ окна, взялъ бы свой узелокъ, какъ теперь вижу, клѣтчатый красный, дыривый, въ который Богъ-знаетъ что завертывалъ и всюду съ собой носилъ, какъ бы оправилъ свою шинелишку, такъ, чтобъ и прилично было, и тепло, да и дырьевъ было бы не видать — деликатный былъ человекъ! какъ бы отворилъ потомъ дверь, да и вышелъ бы съ слезинкой на лѣстницу. Ну, не пропадать же совсѣмъ человекъ... жалко стало! А тутъ потомъ, думаю, мнѣ-то самому каково! Пстой же, смеаю про себя, Емельянушка, не долго тебѣ у меня пировать; вотъ скоро съѣду, тогда не найдешь. Ну-съ, сударь, съѣхали мы; тогда еще Александръ Филимоновичъ, баринъ (теперь покойникъ, царство ему небесное), говорятъ: очень остаюсь тобою доволенъ, Астафій, воротимся всѣ изъ деревни, не забудемъ тебя, опять возьмемъ. А я у нихъ въ дворецкихъ проживалъ — добрый былъ баринъ, да умеръ въ томъ же году. Ну, какъ проводили мы ихъ, взялъ я свое добро, деньжонокъ кой-какихъ было, думаю, попокоюсь себѣ, да и съѣхалъ я къ одной старушечкѣ, уголь занялъ у ней. А у ней и всего-то одинъ уголь свободный былъ. Тоже въ нянюшкахъ гдѣ-то была, такъ теперь особо жила, пенсіонъ получала. Ну, думаю, прощай теперь, Емельянушка, родной человекъ, не найдешь ты меня! Что жъ, сударь, думаете? Воротился я по вечеру (къ знакомому человекъ повидаться ходилъ) и перваго вижу Емелю, сидитъ себѣ у меня на сундукѣ, и клѣтчатый узелокъ подлѣ него, сидитъ въ шинелишкѣ, меня поджидаетъ... да отъ скуки еще книжку церковную у старухи взялъ, вверхъ ногами держитъ. Нашелъ-таки! И руки у меня опустились. Ну, думаю, нечего дѣлать, зачѣмъ сначала не гналъ? Да прямо и спрашиваю: «Принесъ ли паспортъ, Емеля?»

«Я тутъ, сударь, сѣлъ да началъ раздумывать; что жъ онъ, скитающійся человекъ, много ль помѣхи мнѣ сдѣлаетъ? И вышло, по раздуми, что не многого будетъ стоить помѣха. Кушать ему надо, думаю. Ну, хлѣбца кусочекъ утромъ, да чтобъ приправа посмажнѣе была, такъ лучку купить. Да въ полдень ему тоже хлѣбца, да лучку дать; да повечерять тоже лучку съ квасомъ, да хлѣбца, если хлѣбца захочетъ. А навернутся щи какія-нибудь, такъ мы ужъ оба по горлышко сыты. Я-то ѣсть много не ѣмъ, а пьющій человекъ, извѣстно, ничего не ѣсть: ему бы только настоечки, да зелена виадца. Доканаеть онъ меня на питейномъ, подумаю, да тутъ же, сударь, и другое въ голову пришло, и вѣдь какъ забрало меня. Да такъ, что вѣдь, еслибъ Емеля ушелъ, такъ я бы жизни не радъ былъ... Порѣшилъ же я тогда быть ему отцомъ-благодѣтелемъ. Воздержу, думаю, его отъ злой гибели, отучу его чарочку знатъ! Пстой же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!

«Вотъ и думаю себѣ: начну-ка я его теперь къ работѣ какой приучать, да не вдругъ; пусть сперва

погуляетъ маленько, а я, межъ-тѣмъ, приглянусь, поищу, къ чему бы такому, Емеля, способность найти въ тебѣ. Потому-что на всякое дѣло, сударь напередъ всего человѣческая способность нужна. И сталъ я къ нему втихомолку приглядываться. Вижу: отчаянный ты человекъ, Емельянушка! Началъ я, сударь, сперва съ добраго слова: такъ и сякъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, ты бы на себя посмотрѣлъ, да какъ-нибудь тамъ пооправился.

«Полно гулять! Смотри-ка, въ отребьи весь ходишь, шинелишка-то твоя, простительно сказать, на рѣшету годится; нехорошо! Пора бы, кажется, честь знатъ. Сидитъ, слушаетъ меня, понуря голову, мой Емельянушка. Чего, сударь! ужъ до того дошелъ, что языкъ пропилъ, слова путнаго сказать не умѣетъ. Начнешь ему про огурцы, а онъ тебѣ на бобахъ откликается! слушаетъ меня, долго слушаетъ, а потомъ и вздохнетъ. Чего жъ ты вздыхаешь, спрашиваю, Емельянъ Ильичъ?

— «Да такъ-съ ничего, Астафій Ивановичъ, не безпокойтесь. А вотъ сегодня двѣ бабы, Астафій Ивановичъ, подрались на улицѣ, одна у другой лукошко съ клюквой невзначай разсыпала.

— «Ну, такъ что жъ?

— «А другая за то ей нарочно, ея же лукошко съ клюквой разсыпала, да еще ногой давить начала.

— «Ну, такъ что жъ, Емельянъ Ильичъ?

— «Да ничего-съ, Астафій Ивановичъ, я только такъ.

— «Ничего-съ, только такъ. Э-эхъ! думаю, Емеля, Емелюшка! пропилъ-прогулялъ ты головушку!..

— «А то баринъ ассигнацію обронилъ на панели въ Гороховой, то-бишь, въ Садовой. А мужикъ увидалъ, говоритъ, мое счастье; а тутъ другой увидалъ, говоритъ, нѣтъ, мое счастье! Я прежде твоего увидалъ...

— «Ну, Емельянъ Ильичъ.

— «И задрались мужики, Астафій Ивановичъ. А городской подошолъ, поднялъ ассигнацію и отдалъ барину, а мужиковъ обоихъ въ будку грозилъ посадить.

— «Ну, такъ что жъ? что же тутъ такого назидательнаго есть, Емельянушка?..

— «Да я ничего-съ. Народъ смѣялся, Астафій Ивановичъ.

— «Э-хъ, Емельянушка! что народъ! Продалъ ты за мѣдный алтынъ свою душеньку. А знаешь ли что, Емельянъ Ильичъ, я скажу-то тебѣ?

— «Чего-съ, Астафій Ивановичъ?

— «Возьми-ка работу какую-нибудь, право, возьми. Въ сотый говорю возьми, пожалѣй себя!

— «Что же мнѣ взять такое, Астафій Ивановичъ? я ужъ и не знаю, что я такое возьму; и меня-то никто не возьметъ, Астафій Ивановичъ.

— «За то жъ тебя и изъ службы изгнали, Емеля, пьющій ты человекъ!

— «А то вотъ Власа-буфетчика въ контору позвали сегодня, Астафій Ивановичъ.

— «Зачѣмъ же, говорю, позвали его, Емельянушка?»

— «А вотъ ужъ и не знаю зачѣмъ, Астафій Ивановичъ. Значить, ужъ оно тамъ нужно такъ было, такъ и потребовали...

«Э-эхъ! думаю, пропали мы оба съ тобой, Емельянушка! За грѣхи наши насъ Господь наказуетъ! Ну, что съ такимъ человѣкомъ дѣлать прикажете, сударь!

«Только хитрый былъ парень, куды! Слушалъ онъ, слушалъ меня, да потомъ, зная, ему надо-бѣло, чуть увидитъ, что я осерчалъ, возьметъ шинелишку, да и улизнетъ — поминай какъ звали! день прошатается, придетъ подвѣчеръ пьяненькій. Кто его поилъ, откуда онъ деньги бралъ, ужъ Господь его вѣдаетъ, не моя въ томъ вина виновата!..

— «Нѣтъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, не сносить тебѣ головы! Полно пить, слышишь ты, полно! Другой разъ, коли пьяный воротись, на лѣстницѣ будешь у меня ночевать. Не пушу!..

«Выслушавъ наказъ, сидитъ мой Емеля день, другой; на третій опять улизнулъ. Жду-подожду, не приходитъ! Ужъ я, признаться сказать, перетрусилъ, да и жалко мнѣ стало. Что я сдѣлалъ надъ нимъ! думаю. Запугалъ я его. Ну, куда онъ пошелъ теперь, горемыка? пропадетъ пожалуй, Господи Богъ мой! Ночь пришла, неидетъ. На утро вышелъ я въ сѣни, смотрю, а онъ въ сѣняхъ почивать изволитъ. На приступочку голову положилъ и лежитъ; окостенѣлъ отъ стужи совсѣмъ.

— «Что ты Емеля? Господь съ тобой! Куда ты попалъ?»

— «Да вы, энтото, Астафій Ивановичъ, сердились на меня, огорчались изволили, и общались въ сѣняхъ меня спать положить, такъ я, энтото, и не посмѣлъ войти, Астафій Ивановичъ, да и легъ тутъ...

— «И злость и жалость взяли меня!

— «Да ты бѣ, Емельянъ, хотъ бы другую какуюнибудь должность взялъ, говорю. Чего лѣстницу-то стеречь!..

— «Да какую жъ бы другую должность, Астафій Ивановичъ?»

— «Да хотъ бы ты, пропащая ты душа, говорю (зло меня такое взяло!), хотъ бы ты портняжному-то искусству повнучился. Ишь у тебя шинель-то какая! Мало-что въ дыркахъ, такъ ты лѣстницу ею метешь! взялъ бы хотъ иголку да дырѣ-то свои законопатилъ, какъ честь велитъ. Э-эхъ, пьяный ты человѣкъ!

«Что жъ, сударь! и взялъ онъ иглу; вѣдь я ему на смѣхъ сказалъ, а онъ оробѣлъ, да и возьми. Скинулъ шинелишку и началъ нитку въ иглу вдѣвать. Я гляжу на него; ну, дѣло извѣстное, глаза нагноились, покраснѣли; руки трепещутъ, хотъ тышто! совалъ, совалъ, не вдѣвается нитка: ужъ онъ какъ примигивался: и помуслить-то, и посучить въ рукахъ—нѣтъ! бросилъ, смотритъ на меня...

— «Ну, Емеля, одолжилъ ты меня! было бѣ прп

людяхъ, такъ голову срѣзалъ бы! Да вѣдь я тебѣ, простому такому человѣку, на смѣхъ, въ укору сказалъ... Ужъ ступай, Богъ съ тобой, отъ грѣха! сиди такъ, да срамнаго дѣла не дѣлай, по лѣстницамъ не ночуй, меня не срами!..

— «Да что же мнѣ дѣлать-то, Астафій Ивановичъ; я вѣдь и самъ знаю, что всегда пьяненькій и никуда не гошусь!.. Только васъ, моего бла... благо-дѣтеля, въ сердце ввожу понапрасну...

«Да тутъ какъ затрясутся у него вдругъ его синія губы, какъ покати́лась слезинка на бѣлой щекѣ, какъ задрожала эта слезинка на его боро-дѣнкѣ небритой, да какъ зальется, приснетъ вдругъ цѣлой пригоршней слезъ мой Емельянъ... Батюшки! словно ножомъ мнѣ полоснуло по сердцу.

— «Эхъ ты, чувствительный человѣкъ, совсѣмъ и не думалъ я! Кто бы зналъ, кто гадалъ про то?.. Нѣтъ! думаю, Емеля, отступлюсь отъ тебя совсѣмъ; пропадай какъ ветошка!..

«Ну, сударь, что тутъ еще долго рассказывать! Да и вся то вещь такая пустая, мизерная, словъ не стоитъ, то-есть, вы, сударь, примѣрно сказать, за нее двухъ сломанныхъ грошей не дадите, а я-то бы много далъ, еслибъ у меня много было, чтобъ только всего того не случилось! Были у меня, сударь, ретузы, прахъ ихъ возьми, хорошіе, славные ретузы, синіе съ клѣтками, а заказывалъ мнѣ ихъ помѣщикъ, который сюда прѣзжалъ, да отступился потомъ, говоритъ: узки; такъ они у меня на рукахъ и остались. Думаю: цѣнная вещь! въ Толкучемъ цѣлковыхъ пять, можетъ, дадутъ, а нѣтъ, такъ я изъ нихъ двое панталонъ петербургскимъ господамъ выгадаю, да еще хвостикъ мнѣ на жилетку останется. Оно бѣдному человѣку, нашему брату, знаете, все хорошо! А у Емельянушки на ту пору прилучись время суровое, грустное. Смотрю: день не пьетъ, другой не пьетъ, третій—хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, осовѣлъ совсѣмъ, индо жалко, сидитъ подгорюнившись. Ну, думаю: али куплева, парень, нѣтъ у тебя, аль ужъ ты самъ на путь Божій вошелъ, да баста сказалъ, резону послушался. Вотъ, сударь, такъ это все и было; а на ту пору случись праздникъ большой. Я пошелъ ко всеношной; прихожу — сидитъ мой Емеля на окошечкѣ, пьяненькій, покачивается. Э-ге! думаю, такъ-то ты, парень! да и пошелъ зачѣмъ-то въ сундукъ. Глядь! а ретузъ-то и нѣтъ!.. Я туда и сюда: сгнули! Ну, какъ перерылъ я все, вижу, что нѣтъ,—такъ меня по сердцу какъ-будто скребнуло! Бросился я къ старушонкѣ, сначала ее поклепалъ, согрѣшилъ, а на Емелю, хотъ и улнка была, что пьянымъ сидитъ человѣкъ, и домека не было! «Нѣтъ, говоритъ моя старушонка: Господь съ тобой, кавалеръ, на что мнѣ ретузы, носить что ли статъ? у меня у самой на-медни юбка на добромъ человѣкѣ изъ вашего брата пропала... Ну, то-есть, не знаю, не вѣдаю» говоритъ. — Кто здѣсь былъ, говорю, кто приходилъ? «Да никто, говоритъ, кавалеръ, не приходилъ; я все здѣсь была. Емельянъ Ильичъ выхо-

диль, да потомъ и пришелъ; вонъ сидитъ! Его допроси». — Не бралъ ли, Емеля, говорю, по какой-нибудь надобности, ретузь моихъ новыхъ, помнишь, еще на помѣщика строили? «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, я, то-есть, этого, ихъ не бралъ-съ.»

«Что за оказія! опять искать началъ, искалъ-искалъ—нѣтъ! А Емеля сидитъ, да покачивается. Сидѣлъ я вотъ, сударь, такъ передъ нимъ, надъ сундукомъ, на корточкахъ, да вдругъ и накопился на него глазомъ... Эхма! думаю: да такъ вотъ у меня и зажгло сердце въ груди; даже въ краску бросило. Вдругъ и Емеля посмотрѣлъ на меня.»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ: я ретузь-то вашихъ этого... вы, можетъ, думаете, что того, а я ихъ не бралъ-съ.»

— «Да куда же бы пропасть имъ, Емельяны Ильичъ?»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, не видаль совсѣмъ.»

— «Что же, Емельяны Ильичъ, знать ужъ они, какъ тамъ ни есть, взяли да сами пропали?»

— «Можетъ, что и сами пропали, Астафій Ивановичъ.»

«Я какъ выслушалъ его, какъ былъ — всталъ, подошелъ къ окну, засвѣтилъ свѣтильню, да и сѣлъ работу тачать. Жилетку чиновнику, что подъ нами жилъ, передѣлывалъ. А у самого такъ вотъ и горитъ, такъ и ноетъ въ груди. То-есть, легче бъ, еслибъ я всѣмъ гардеробомъ печь затопилъ. Вотъ и почуялъ знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Оно, сударь, коли злу человѣкъ причастенъ, такъ еще издали чуетъ бѣду, словно передъ грозой птица небесная.»

— «А вотъ, Астафій Ивановичъ, началъ Емелюшка (а у самого дрожатъ голосенокъ):—сегодня Антипъ Прохорычъ, фельдшеръ, па кучеровой женѣ, что померъ намедни, женился...»

«Я, то-есть, такъ поглядѣлъ на него, да ужъ злостно, знать, поглядѣлъ... Понялъ Емеля. Вижу: встаетъ, подошелъ къ кровати и началъ около нея что-то пошаривать. Жду — долго возится, а самъ все приговариваетъ: «нѣтъ, какъ нѣтъ, куда бы имъ, шельмамъ, сгинуть!» Жду, что будетъ; вижу, полѣзъ Емеля подъ кровать на корточкахъ. Я и не вытерпѣлъ.»

— «Чего вы, говорю, Емельяны Ильичъ, на корточкахъ-то ползаете?»

— «А вотъ нѣтъ ли ретузь, Астафій Ивановичъ. Посмотрѣть, не завалялись ли туда куда-нибудь.»

— «Да что вамъ, сударь, говорю (съ досады величать его началъ), что вамъ, сударь, за бѣднаго, простаго человѣка, какъ я, заступаться; колѣнки-то попусту ерзаты!»

— «Да что жъ, Астафій Ивановичъ, я ничего-съ... Оно, можетъ, какъ-нибудь и найдутся, какъ поискать.»

— «Гм... говорю; послушай-ка, Емельяны Ильичъ!»

— «Что, говоритъ, Астафій Ивановичъ?»

— «Да не ты ли, говорю, ихъ просто укралъ у

меня, какъ воръ и мошенникъ, за мою хлѣб-соль услужилъ?—То-есть, вотъ какъ, сударь, меня разобрало тѣмъ, что онъ на колѣнкахъ передо мной пачалъ по полу ерзаты.»

— «Нѣтъ-съ... Астафій Ивановичъ...»

«А самъ какъ былъ, такъ и остался подъ кроватью ничкомъ. Долго лежалъ; потомъ выползъ. Смотрю: блѣдный совсѣмъ человѣкъ, словно простыня. Привсталъ, сѣлъ подлѣ меня на окно, этакъ минутъ съ десять сидѣлъ.»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, да вдругъ и всталъ и подступилъ ко мнѣ, какъ теперь смотрю, страшный какъ грѣхъ:»

— «Нѣтъ, говоритъ, Астафій Ивановичъ, я вашихъ ретузь, того, не изволилъ брать...»

«Самъ весь дрожитъ, себя въ грудь пальцемъ трясучимъ тыкаетъ, а голосенокъ-то дрожитъ у него такъ, что я, сударь, самъ оробѣлъ и словно припросъ къ окну.»

— «Ну, говорю, Емельяны Ильичъ: — какъ хотите, простите, коли я, глупый человѣкъ, васъ попрекнулъ понапраслиной. А ретузы пусть ихъ, знать, пропадаютъ; не пропадемъ безъ ретузь. Руки есть, слава-Богу, воровать не пойдемъ... и побираться у чужаго бѣднаго человѣка не будемъ; заработаемъ хлѣба...»

«Выслушалъ меня Емеля, постоялъ — постоялъ предо мной, смотрю — сѣлъ. Такъ и весь вечеръ просидѣлъ, не шелохнулся; ужъ я и ко сну отошелъ, все на томъ же мѣстѣ Емеля сидитъ. На утро только смотрю, лежитъ-себѣ на голомъ полу, скрючившись въ своей шинелишкѣ; унился больно, такъ и на кровать лечь не пришелъ. Ну, сударь, не взлюбилъ я его съ этой поры, то-есть, на первыхъ дняхъ возненавидѣлъ. Точно это, примѣрно сказать, сынъ родной меня обокралъ, да обиду кровную мнѣ причинилъ. Ахъ, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недѣли съ двѣ безъ просыпу пьетъ. То-есть, остервенился совсѣмъ, опился. Съ утра уйдетъ, придетъ поздней ночью, и въ двѣ недѣли хотъ бы слово какое я отъ него услышалъ. То-есть, вѣрно это его самого тогда горе загрызло, или извести себя какъ-нибудь хотѣлъ. Наконецъ, баста, прекратилъ, знать, все пропилъ и сѣлъ опять на окно. Помню, сидѣлъ, молчалъ трое сутокъ; вдругъ, стотрю: плачетъ человѣкъ. То-есть, сидитъ, сударь, и плачетъ, да какъ! то-есть, просто колодезь, словно не слышитъ самъ, какъ слезы роняетъ. А тяжело, сударь, видѣть, когда взрослый человѣкъ, да еще старикъ-человѣкъ, какъ Емеля, съ бѣды-грусти плакать начнетъ.»

— «Что ты, Емеля? говорю.»

«И всего его затрясло. Такъ и вздрогнулъ. Я, то-есть, первый разъ съ того времени къ нему рѣчь обратилъ.»

— «Ничего... Астафій Ивановичъ.»

— «Господь съ тобой, Емеля, пусть его все пропадаетъ. Чего ты такой совой сидишь?—Жалко мнѣ стало его.»

— «Такъ-съ, Астафій Иванычъ, я не того-съ. Работу какую-нибудь хочу взять, Астафій Иванычъ.

— «Какую же бы такую работу, Емельянь Ильичъ?

— «Такъ, какую-нибудь-съ. Можетъ должность какую пайду-съ, какъ и прежде; я ужъ ходилъ просить къ Федосью Иванычу... Не хорошо мнѣ васъ обижать-съ, Астафій Иванычъ. Я, Астафій Иванычъ, какъ, можетъ-быть, должность-то найду такъ вамъ все отдамъ и за всѣ харчи ваши вамъ вознагражденіе представлю.

— «Полно, Емеля, полно; ну, былъ грѣхъ такой, ну—и прошелъ! Прахъ его побери! Давай жить по-старому.

— «Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ, вы, мжетъ-быть, все того... а я вашихъ ретузь не изволилъ брать...

— «Ну, какъ хочешь; Господь съ тобой, Емельянушка!

— «Нѣтъ-съ, Астафій Иванычъ. Я, видно, больше у васъ не жилецъ. Ужъ вы меня извините, Астафій Иванычъ.

— «Да Господь съ тобой, говорю: кто тебя, Емельянь Ильичъ, обижаетъ, съ двора гонить, я что ли?

— «Нѣтъ-съ, неприлично мнѣ такъ жить у васъ, Астафій Иванычъ... Я лучше ужъ пойду-съ...

«То-есть разобидѣлся, наладилъ одно человѣкъ. Смотрю я на него, и вправду, всталъ, тащитъ на плеча шинелишку.

— «Да куда жъ ты, этово, Емельянь Ильичъ? послушай ума разума: что ты? куда ты пойдешь?

— «Нѣтъ, ужъ вы прощайте, Астафій Иванычъ, ужъ не держите меня (самъ опять хнычетъ); я ужъ пойду отъ грѣха, Астафій Ивановичъ. Вы ужъ не такіе стали теперь.

— «Да какой не такой? такой! Да ты какъ дитя малое, неразумное, пропадешь одинъ, Емельянь Ильичъ.

— «Нѣтъ, Астафій Иванычъ, вы встѣ, какъ уходите, сундукъ теперь запираете, а я, Астафій Иванычъ, вижу и плачу... нѣтъ ужъ вы лучше пустите меня, Астафій Иванычъ, и простите мнѣ все, чѣмъ я въ нашемъ сожительствѣ вамъ обиду нанесъ.

«Что жъ, сударь? и ушелъ человѣкъ. День жду, вотъ, думаю, воротится къ вечеру нѣтъ! Другой день нѣтъ, третій—нѣтъ. Испугался я, тоска меня ворочаетъ; не пью, не ѣмъ, не сплю. Обезоружилъ меня совѣмъ человѣкъ! Пошелъ я на четвертый день ходитъ, во всѣ кабачки заглядывалъ, спрашивалъ—нѣтъ, пропалъ Емельянушка! «Ужъ сносили ли ты свою голову побѣдную?» думаю. «Можетъ, вздохъ гдѣ у забора пьяненькій, и теперь какъ бревно гнилое лежишь». Ни живъ, ни мертвъ, я домой воротился. На другой день тоже идти искать положилъ. И самъ-себя проклинаю, зачѣмъ я тому попустилъ, чтобъ глупый человѣкъ на всю волю ушелъ отъ меня. Только смотрю: чѣмъ свѣтъ, на пятый день (праздникъ былъ)

скрипнуть дверь. Вижу: входитъ Емеля: синій такой и волосы всѣ въ грязи, словно спалъ на улицѣ, исхудалъ весь, какъ лучина; снялъ шинелишку, сѣлъ ко мнѣ на сундукъ, глядитъ на меня. Обрадовался я, да пуще прежняго тоска къ моей душѣ припаялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случись, то-есть, надо мной такой грѣхъ человѣческій, такъ я, празо-слово, говорю: скорѣй, какъ собака, издохъ бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ! Ну, натурально, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть. Началъ я его лелѣять, ласкать, утѣшать. Ну, говорю, Емельянушка, радъ, что ты воротился. Опоздалъ бы маленько придти, я бы и сегодня пошелъ по кабачкамъ тебя промышлять. Кушалъ ли ты?

— «Кушалъ-съ, Астафій Иванычъ.

— «Полно, кушалъ ли? Вотъ, братецъ, щецъ вчерашнихъ маленько осталось; на говядинѣ были, не пустыя; а вотъ и лучку съ хлѣбомъ. Покушай, говорю: оно на здоровье не лишнее.

«Подаль я ему; ну, тутъ и увидалъ, что можетъ, три дня цѣлыхъ не ѣлъ человѣкъ — такой аппетитъ оказался. Это значитъ, его голодъ ко мнѣ пригналъ. Разголубился я на него глядя, сердечнаго. Сѣмъ-ка, я думаю, въ штофную сбѣгаю. Принесу ему отвести душу, да и покончимъ, полно! Нѣтъ у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принесъ винца. Вотъ, говорю, Емельянь Ильичъ, выпьемъ для праздника. Хочешь выпить? оно здорово.

«Протянулъ-было онъ руку, этакъ жадно протянулъ, ужъ взялъ-было, да и остановился; подождалъ маленько; смотрю: взялъ, несетъ ко рту, плескаетъ у него вино на рукавъ. Нѣтъ, донесъ ко рту, да тотчасъ и поставилъ на столъ.

— «Что жъ, Емельянушка?

— «Да нѣтъ; я того... Астафій Иванычъ.

— «Не выпьешь, что ли?

— «Да я, Астафій Иванычъ, такъ ужъ... не буду больше пить, Астафій Иванычъ.

— «Что жъ, ты совѣмъ перестать собрался, Емельюшка, или только сегодня не будешь?

«Промолчалъ. Смотрю: черезъ минуту положилъ на руку голову. Что ты, ужъ не заболѣлъ ли, Емеля?

— «Да такъ, не здоровится, Астафій Иванычъ.

«Взялъ я его и положилъ на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горитъ, а самого трясетъ лихорадкой. Посидѣлъ я день надъ нимъ; къ ночи хуже. Я ему квасу съ масломъ и съ лукомъ смѣшалъ, хлѣбца подсыпалъ. Ну, говорю: тюри покушай, авось будетъ лучше! Мотаетъ головой. — «Нѣтъ, говоритъ, я ужъ сегодня обѣдать не буду, Астафій Иванычъ». Чаю ему приготовилъ, старушоночку замоталъ совѣмъ—нѣтъ ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошелъ я на третье утро къ врачу. У меня тутъ медикъ Костоправовъ знакомый жилъ. Еще прежде, когда я у Босомягивыхъ господъ находился, познакомился; лечилъ онъ меня. Пришелъ медикъ, посмотрѣлъ; — да нѣтъ,

говорить, оно плохо. Нечего было, говорить, и посылать за мной. А, пожалуй, дать ему порохковъ. Ну, порохковъ-то я не далъ; такъ, думаю, балуется медикъ; а между-тѣмъ, наступилъ пятый день.

«Жежалъ онъ, сударь, передо мной, кончался. Я сидѣлъ на окнѣ, работу въ рукахъ держалъ. Старушоночка печку топила. Всѣ молчимъ. У меня, сударь, сердце по немъ, забуддыгъ, разрывается; точно это я сына роднаго хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотритъ, еще съ утра видѣлъ, что крѣпится человѣкъ, сказать что-то хочетъ, да, какъ видно, не смѣетъ. Наконецъ, взглянулъ на него; вижу: тоска такая въ глазахъ у бѣдняги, съ меня глазъ не сводитъ; а увидалъ, что я гяжу на него, тотчасъ потупился.

— «Астафій Иванычъ!

«Что, Емелюшка?

— «А вотъ, еслибъ, примѣромъ, мою шинелѣночку въ Толкучій снести, такъ многоль за нее дали бы, Астафій Иванычъ?

— Ну, говорю, невѣдомо много ли дали бы. Можетъ и трехрублевый бы дали, Емельянъ Ильичъ.

А поди-ка понеси, въ саомѣ-дѣлѣ, такъ и ничего бы не дали, кромѣ тѣбѣ; что насмѣялись бы тебѣ въ глаза; что такую злостную вещь продаешь. Такъ только ему, человѣку Божію, зная поровъ его простоватый, въ утѣху сказалъ.

«А я-то думалъ, Астафій Иванычъ, что три рубля серебромъ за нее положили бы; она вещь суконная, Астафій Иванычъ. Какъ же трехрублевый, коли суконная вещь?

— «Не знаю, говорю, Емельянъ Ильичъ; коль нести хочешь, такъ, конечно, три рубля нужно будетъ съ перваго слова просить.

«Помолчалъ немного Емеля; потомъ опять окликаеть.

— «Астафій Иванычъ!

— «Что, спрашиваю, Емельянушка?

— «Вы продайте шинелѣночку-то, какъ я помру, а меня въ ней не хороните. Я и такъ полежу; а она вещь цѣнная; вамъ пригодиться можетъ.

«Тутъ у меня такъ, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная къ человѣку подступаетъ. Опять замолчали. Этакъ часъ прошло времени. Посмотрѣлъ я на него съизнова: все на меня смотритъ, а какъ встрѣтился взглядомъ со мной, опять потупился.

— «Не хотите ли, говорю, водицы испить, Емельянъ Ильичъ?

— «Дайте, Господь съ вами, Астафій Иванычъ.

«Подаль я ему испить. Отпилъ. Благодарствую, говоритъ, Астафій Иванычъ.

— «Не надо ль еще чего, Емельянушка?

— «Нѣтъ, Астафій Иванычъ; ничего не надо; а я того...

— «Что?

— «Этого...

— «Чего-такого, Емелюшка?

— «Ретузы-то... этого... это я ихъ взялъ у васъ тогда... Астафій Иванычъ...

— Ну, Господь, говорю, тебя простить, Емельянушка горемыка ты такой, сякой, этакой! отходи съ миромъ... А у самаго, сударь, духъ захватило, и слезы изъ глазъ посыпались; отвернулся-было я на минуту.

— «Астафій Иванычъ...

«Смотрю: хочетъ Емеля мнѣ что-то сказать; самъ приподнимается, силится, губами шевелить... Весь вдругъ покраснѣлъ, смотритъ на меня... Вдругъ вижу: опять блѣднѣетъ, блѣднѣетъ, опалъ совсѣмъ во мгновение; голову назадъ закинулъ дохнулъ разъ, да тутъ и Богу душу отдалъ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Хозяйка. Повѣсть въ двухъ частяхъ. <i>Часть первая</i>	7
<i>Часть вторая</i>	21
2. Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ	39
3. Слабое сердце. Повѣсть	52
4. Записки изъ мертваго дома. <i>Часть первая</i>	70
Глава I. Мертвый домъ. — Глава II. III. IV. Первые впечатлѣнія. —	
Глава V. VI. Первый мѣсяцъ. — Глава VII. Новыя знакомства. Пет-	
ровъ. — Глава VIII. Рѣшительные люди. Лучка. — Глава IX. Исай	
Θомичъ. Бая. Разсказъ Баклушина. — Глава X. Праздникъ Рождества	
Христова. — Глава XI. Представленіе.	
5. Записки изъ мертваго дома. <i>Часть вторая</i>	139
Глава XII. Госпиталь. — Глава XIII. XIV. Продолженіе. — Глава XV.	
Акулькинъ мужъ. (Разсказъ). — Глава XVI. Лѣтняя пора. — Глава	
XVII. Каторжныя животныя. — Глава XVIII. Претензія. — Глава XIX.	
Товарищи. — Глава XX. Побѣгъ. — Глава XXI. Выходъ изъ каторги.	
6. Бѣдные люди. Романъ	195
7. Бѣлыя ночи. Сантиментальный романъ. (Изъ -воспоминаній меч-	
тателя).	246
8. Честный воръ.	268